

91441
С 79

Издание А. И. ИВАНЧИНЪ-ПИСАРЕВА и Н. Е. КУДРИНА.
(Спб., Литейный пр., д. 15. Телефонъ № 38—68).

Даніэль Стернъ.

ИСТОРІЯ РЕВОЛЮЦІИ.

1848 ГОДА.

... Et futurorum praesagia laeta, tristia
ambigua, manifesta.

Tacit

Переводъ съ франц., подъ редакціей Н. Е. Кудрина,
со 2-го изданія.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул. № 34.
1907.

1943-6
21/02-6

9/44/
С79 +

Издание А. И. ИВАНЧИНЪ-ПИСАРЕВА и Н. Е. КУДРИНА.
(Спб., Литейный пр., д. 15. Телефонъ № 38—68).

Даніэль Стернъ.

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ.

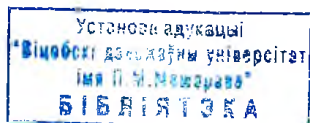
1848 ГОДА.

... Et futurorum praesagia laeta, tristia
ambigua, manifesta.

Tacit.

Переводъ съ франц., подъ редакціей Н. Е. Кудрина,
со 2-го изданія.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Н. Клобукова. Лиговская ул., д. № 34.

1907.

524350

XXII.

Клубы. — Барбэсъ. — Распайль. — Кабэ. — Газеты. — Прудонъ. —
Ламеннэ. — Общій видъ Парижа. — Женщины.

Революція, совершившаяся во имя права собраній; правительство, признавшее народную волю единственной причиной своего существованія, не могло ограничить ни одного изъ способовъ выраженія общественнаго мнѣнія и не могло помѣшать ему. Честь обязывала и политическая необходимость заставляла организаторовъ банкетовъ и редакторовъ газетъ «National» и «Réforme» признать абсолютную свободу печати и ассоціацій. Временное правительство такъ и поступило, отмѣняя сентябрскіе законы 1835 г., гербовый сборъ на періодическія изданія, залоговъ на право изданія газеты и допуская, наконецъ, открытіе клубовъ въ Парижѣ и во всѣхъ городахъ Франціи. Въ то же время оно выпускало на свободу политическихъ заключенныхъ и, такимъ образомъ, возвращало агитаціи общественной арены людей съ извѣстными именами, людей, на которыхъ привыкли смотрѣть, какъ на мучениковъ за народное дѣло. Вокругъ нихъ не замедлять сгруппироваться и организоваться тѣ революціонныя силы, которыя, чувствуя себя недостаточно представленными у власти, стремятся завладѣть ею въ свою очередь.

Клубы, какъ это показываетъ ихъ названіе, англійскаго происхожденія. Имя *club* (палица) было принято, во времена борьбы *кружлоголовыхъ* и *кавалеровъ*, первыми народными собраніями, образовавшимися съ дѣлю *раздавить* монархію. Позднѣе, измѣнивъ свое значеніе, терминъ этотъ перешелъ въ словарь представительной монархіи. Пристрастіе французской аристократіи къ британскимъ модамъ и преклоненіе французскихъ государственныхъ дѣятелей передъ политическими нравами Англіи подготовили введеніе клубовъ во Франціи.

Независимо другъ отъ друга образовалось въ 1789 г. нѣсколько клубовъ въ Версалѣ вокругъ Національнаго Собранія ¹⁾, вмѣстѣ

¹⁾ Первый клубъ открылъ въ Парижѣ совѣтникъ Дюпоръ въ своемъ

съ которымъ они перешли потомъ и въ Парижъ. Тамъ, среди кипучаго парижскаго населенія, клубы размножились и окрѣпли. Вскорѣ они по своему вліянію стали соперничать съ Собраніемъ и, наконецъ, распространяясь все болѣе по всей странѣ, почти совершенно завладѣли управленіемъ. Вліяніе ихъ, какъ намъ извѣстно, угасло 9 термидора вмѣстѣ съ господствомъ якобинцевъ, давшихъ имъ могучую организацію ¹⁾).

Здѣсь не мѣсто разбирать ихъ дѣятельность во всѣхъ подробностяхъ; мы замѣтимъ только, что клубы сильно способствовали распространенію среди массъ того гибельнаго мнѣнія, еще и до сихъ поръ коренящагося въ нѣкоторыхъ умахъ, что свободу можно основать путемъ деспотизма и что насильственное подавленіе противниковъ революціи есть проявленіе политической мудрости. Новая попытка, сдѣланная въ теченіе трехъ первыхъ мѣсяцевъ февральской революціи, не показала, чтобы вліяніе клубовъ было особенно благоприятно для развитія людей, а организація народныхъ собраній и до сихъ поръ еще, послѣ столькихъ опытовъ, остается однимъ изъ крупнѣйшихъ затрудненій республиканскаго устройства ²⁾).

Временное правительство сознавало эту опасность; но думало, что, не имѣя достаточно времени для подготовленія серьезной и полезной организаціи клубовъ, оно поступитъ, тѣмъ не менѣе, благоразумно, если будетъ способствовать ихъ распространенію, дабы сама многочисленность и разнообразіе ихъ дѣлали совмѣстное дѣйствіе ихъ невозможнымъ. Вслѣдствіе этого мэръ Парижа предоставилъ народнымъ собраніямъ соотвѣтствующія помѣщенія въ публичныхъ зданіяхъ ³⁾) и каждый изъ членовъ совѣта озаботился о томъ, чтобы имѣть въ клубахъ особенныхъ агентовъ, обязанныхъ отводить пренія отъ опасныхъ темъ, путемъ лести разсѣивать революціонныя страсти, поселять раздоръ между жожаками толпы, а

домъ въ кварталѣ Марэ. Клубъ состоялъ изъ сторонниковъ парламентаризма. Онъ перешелъ въ Версаль, когда открылось Собраніе, и сталъ называться *Club breton*. Вернувшись въ Парижъ, онъ помѣстился въ старомъ монастырѣ якобинцевъ и совершенно измѣнилъ свой характеръ и свое направленіе подъ вліяніемъ Дантона и Камилла Демулена.

¹⁾ Въ эпоху Революціи было до 2,400 якобинскихъ обществъ, которыя представляли собою настоящее правительство, издавали декреты, произносили приговоры и т. д.

²⁾ Въ такое время, когда умы возбуждены, говоритъ г-жа де-Сталь (*Considérations sur la Révolution française*), ничего нельзя придумать хуже этихъ собраній людей, *вся дѣятельность которыхъ заключается лишь въ томъ, чтобы говорить*. Такимъ образомъ мысль возбуждаютъ еще болѣе тѣмъ, что не даютъ ей исхода». Карно также думалъ «согласно съ Руссо, что клубы болѣе возбуждаютъ, нежели просвѣщаютъ». (*Mémoires*, т. I, часть первая).

³⁾ 14 мая правительственные учрежденія были закрыты для клубовъ..

главное—во время предупреждать совѣтъ о замыслахъ противъ городской думы.

Я уже рассказала, какъ внезапно 25 февраля вечеромъ составилъ вокругъ Бланки первый клубъ. На слѣдующій день Ксавье Дюррѣ, главный редакторъ «*Courrier français*» напечаталъ замѣтку, въ которой приглашалъ всѣхъ *умныхъ и преданныхъ людей, извѣстныхъ общественному мнѣнію семнадцатилѣтней борьбой противъ тираніи*, сплотиться въ ассоціацію и сговориться относительно одной общей цѣли. Множество писателей различныхъ политическихъ оттѣнковъ отозвалось на этотъ призывъ. На подготовительномъ собраніи общества, принявшемъ названіе «Центрального республиканскаго общества», присутствовали Видадь и Туссенель—экономисты социалистической школы, — Ренувье, публицистъ Торэ, другъ Барбеса, Лашамбоди—популярный баснописецъ, старый сенъ-симонистъ и т. д. Однако, многіе изъ нихъ, угадавъ, можетъ быть, что организація *Центрального Общества* подъ внѣшностью свободнаго обсужденія скрываетъ тайный умыселъ и уже повинутся волѣ одного человѣка, а можетъ быть, подъ вліяніемъ какихъ-либо другихъ личныхъ мотивовъ, не послѣдовали за Бланки, когда онъ перенесъ собраніе въ залъ Музыкальной Консерваторіи, и присоединились къ Барбесу, который также открылъ въ Національномъ дворцѣ *Клубъ Революціи*.

Центральное общество, вскорѣ названное по имени того, который былъ его душой, «Клубъ Бланки», сдѣлалось, такимъ образомъ, почти исключительно собраніемъ коммунистовъ-матеріалистовъ. Предсѣдателемъ клуба былъ Бланки, или же, когда истощеніе силъ удерживало его дома, его мѣсто занималъ кто-нибудь изъ самыхъ фанатическихъ его приверженцевъ, напр., докторъ Лакамбръ или поваръ Флоттъ. Клубъ привлекъ къ себѣ многочисленную публику не только изъ пролетаріевъ, но и изъ буржуа, которымъ любопытно было посмотрѣть поближе на самаго страшнаго революціонера и тайнымъ склонностямъ которыхъ льстила раздававшаяся здѣсь рѣзкая критика всѣхъ личностей и всѣхъ дѣйствій временнаго правительства.

Когда прошла первая минута оцѣненія, парижское общество, еще слишкомъ взволнованное, чтобы начать свои обычные собранія и удовольствія, но слишкомъ жаждущее развлеченій, чтобы сидѣть дома, бѣгало изъ клуба въ клубъ, возбуждая, такимъ образомъ, свои нервы, какъ оно это дѣлало посредствомъ мелодрамы, и насильственно вырывая себя изъ состоянія протраціи. Между всѣми клубами особенный интересъ у этого рода любопытныхъ вызывалъ клубъ Бланки. Ложи и галлерей, гдѣ въ предшествующіе годы самое избранное общество съ благоговѣніемъ слушало музыкальные

шедевры, въ родѣ *Пасторальной симфоніи*, *Реквіема* и увертюры *Эврипиды*, наполнялись теперь каждый вечеръ особенно шумной и разношерстной публикой. Свѣтскія женщины, одѣтыя болѣе чѣмъ въ скромные туалеты, прокрадывались сюда потихоньку подѣ защитой тусклаго свѣта кинкетовъ, въ которые ради экономіи наливалось лишь очень мало масла. Знакомые узнавали другъ друга издалека, привѣтствовали одинъ другого знакомъ и терялись въ этой толпѣ блузъ и куртокъ, которую считали вооруженной, и которая нерѣдко въ ораторскихъ рѣчахъ и восклицаніяхъ весьма неслестно отзывалась о богатыхъ, угрожала имъ и предсказывала, что если они только посмѣютъ поднять голову, ихъ постигнетъ примѣрная кара.

Клубъ Революціи отличался совершенно инымъ характеромъ. Барбасъ привлекалъ къ себѣ не искусствомъ, не усиліемъ воли, а естественнымъ обаяніемъ честной души, тѣмъ, что было въ революціи самаго доброжелательнаго и прямого. Люди, болѣе его одаренные талантомъ и способностями, признавали его нравственное превосходство. Народъ глубоко уважалъ его. Необычайное согласіе между словомъ и дѣломъ въ теченіе всей его брошенной въ революціонную бурю жизни, удивительное достоинство, которое онъ умѣлъ сохранять во всѣхъ неудачахъ своихъ попытокъ, въ разногласіяхъ внутри, своей партіи передъ своими судьями, своими тюремщиками, передъ смертью, которой онъ не разъ смотрѣлъ въ глаза на дуэляхъ—все это давало Барбасу возрастающій авторитетъ, несмотря на то, что счастье все болѣе и болѣе отворачивалось отъ него. Никто не спрашивалъ у него отчета о его доктринахъ; никто не интересовался знать, обладаетъ ли онъ достаточной осторожностью и разсудительностью. Чистота его намѣреній, ясность души и самоотверженность, которыя онъ вносилъ въ предпріятія, вредныя для его собственнаго дѣла, замѣняли ему все остальное въ глазахъ народныхъ массъ и заставляли соперниковъ и противниковъ уважать его.

Дѣтство Армана Барбаса было безрадостно. Онъ былъ плодомъ весьма несчастнаго брака. Отецъ его, принадлежа къ достаточной семьѣ изъ Каркассона, въ юности поступилъ въ духовное званіе. Въ самомъ началѣ Революціи онъ сбросилъ съ себя рясу и отправился въ Гваделупу, гдѣ занимался врачебной практикой, какъ средствомъ къ жизни. Одна молодая дѣвушка, которую онъ спасъ отъ смертельной болѣзни, влюбилась въ него и вышла за него замужъ. Когда она вернулась съ нимъ на его родину, въ Каркассонъ, она узнала то, что онъ имѣлъ слабость скрыть отъ нея. Она узнала, что заключила бракъ, осуждаемый церковью. Какъ женщина набожная, она пришла въ ужасъ. Громадность ея невольнаго свято-

шатства тяжелымъ гнетомъ легла на ея совѣсть. Она проводила дни и ночи въ слезахъ и вскорѣ умерла, оставивъ двухъ сыновей и двухъ дочерей на попеченіе человѣка, котораго также начали мучить угрызенія совѣсти. Преслѣдовавшій отца Барбеса злой рокъ на этомъ не остановился. Его старшая дочь понравилась одному весьма порядочному молодому человѣку и раздѣляла его склонность. Свадьба уже была рѣшена, когда молодой человѣкъ узналъ, что женой его должна сдѣлаться дочь бывшаго священника. Онъ тотчасъ же со скандаломъ порвалъ всѣ сношенія. Несчастный Барбесъ, сильно потрясенный уже смертью жены, не вынесъ этого новаго удара и лишилъ себя жизни.

Эти мрачныя обстоятельства, а можетъ быть, и вліяніе наслѣдственности, рано наложили на душу Армана Барбеса отпечатокъ самопожертвованія и религіозной печали. Онъ казался предназначеннымъ къ мученичеству. Онъ принялъ горячее, глубоко сосредоточенное участіе въ судьбѣ всѣхъ страждущихъ. Будучи наслѣдникомъ значительнаго состоянія, онъ сталъ проповѣдывать самыя крайнія коммунистическія доктрины ¹⁾. Проникшее въ его душу состраданіе поглотило всѣ прочія его способности. Неотступная мысль о страданіяхъ народа дѣйствовала на него такъ, какъ тѣ внутренніе обѣты, которые побуждали средневѣковыхъ рыцарей къ героическимъ подвигамъ. Какая-то необыкновенная кротость и ровность души отличали его личность съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ причастенъ политическимъ волненіямъ. Когда онъ вернулся въ Парижъ, проведя девять мѣсяцевъ въ правительственныхъ тюрьмахъ, его красивая, слегка полусѣлая голова казалась еще болѣе гордой; въ походкѣ его, сдѣлавшейся болѣе медленной, было больше достоинства; его печальный взоръ и блѣдность лица выказывали страданіе; но улыбка сохраняла невозмутимую ясность и трогательный голосъ не утратилъ въ уединеніи своей убѣдительности.

Въ самый день своего пріѣзда Барбесъ, выслушавъ своихъ друзей и съ грустью удостовѣрившись въ той глубокой розни, которая раздѣляетъ между собой членовъ временнаго правительства, рѣшился сдѣлать попытку къ соглашенію. Такъ какъ Ламартинъ казался ему, какъ и всѣмъ стоявшимъ во главѣ народной партіи, человѣкомъ, наиболѣе способнымъ соединить подъ республиканскимъ знаменемъ различныя мнѣнія страны, то онъ отправился къ нему. Онъ предложилъ ему свое безкорыстное содѣйствіе, общался под-

¹⁾ Онъ сравнивалъ современное общество, защищающее то, что онъ называлъ идоломъ капитала, противъ коммунистовъ, съ язычествомъ, защищавшимъ Юпитера и Меркурія противъ Христа, принесшаго въ міръ новую вѣру.

держивать временное правительство въ его задачѣ провести безъ кровопролитія тѣ дни, которые оставались еще до открытія Собранія, общался утишить нетерпѣніе пролетаріевъ и наблюдать за подозрительными личностями, которыя уже начинали лускать въ ходъ свои вредныя махинаціи. Онъ выказалъ Ламартину большое довѣріе и, удовлетворенный переговорами съ нимъ, открылъ свой клубъ явнымъ присоединеніемъ къ политикѣ временнаго правительства.

Въ одномъ изъ первыхъ собраній совѣта Барбэсъ назначенъ былъ комендантомъ Люксембурга; нѣсколько времени спустя его сдѣлали полковникомъ 12 легіона національной гвардіи. Несмотря на настоятельныя просьбы Луи-Блана, онъ отказался отъ первой изъ этихъ должностей, считая ее синекурой, и лишь съ трудомъ согласился принять на себя команду легіономъ. Его простотѣ и скромности противно было всякое отличіе. Барбэсъ, между всѣми демократами, былъ проникнутъ наиболѣе искреннимъ чувствомъ равенства и отличался наибольшею послѣдовательностью въ проведеніи своихъ принциповъ въ жизнь. Его клубъ, менѣе исключительный, нежели всѣ другіе, усердно посѣщался самыми серьезными людьми. Сюда сходились лица, пользовавшіяся наибольшимъ вліяніемъ на народъ: Пьеръ Леру, Бакъ, Рибейроль, Мартэнъ Бернаръ, Прудонъ, Ламьессансъ, Грессо приходили сюда каждый вечеръ. Здѣсь съ большимъ оживленіемъ обсуждались политическіе и соціальныя вопросы. Коммунизмъ имѣлъ горячихъ защитниковъ; однако, враждебныя временному правительству предложенія долгое время устранились, и самые жаркіе споры оканчивались словами примиренія, совѣтами осторожности.

Клубъ *Друзей Народа*, открытый Распайлемъ въ кварталѣ Марэ и собиравшій каждый вечеръ около 6 тысячъ человекъ, имѣлъ вначалѣ столь же мало агрессивный характеръ, какъ и клубъ Барбэса. Распайль былъ тамъ почти единственнымъ ораторомъ и по большей части сводилъ разсужденія къ вопросамъ доктринальнаго характера. Хотя онъ и имѣлъ до крайности подозрительный характеръ и временное правительство не внушало ему особеннаго довѣрія ¹⁾, Распайль, тѣмъ не менѣе, своимъ политически развитымъ умомъ понималъ, болѣе чѣмъ кто-либо, необходимость съ помощью умѣреннаго правительства пріучить мало по малу буржуазные классы къ республикѣ. Онъ думалъ также, что имя и личность Ламар-

¹⁾ Проходя 26 февраля мимо правительственнаго объявленія, въ которомъ слово *citoyen* (гражданинъ) было замѣнено буквой М. (Monsieur—господинъ), Распайль указалъ одному изъ своихъ друзей на эту замѣну, которую считалъ первымъ многозначительнымъ актомъ реакціи противъ демократическаго равенства.

тина должны соединить всѣ партіи, и что ни одинъ изъ вожаковъ народа, ни онъ самъ, ни Барбессъ или Бланки, ни Пьеръ Леру или Кабэ не могли серьезно думать о томъ, чтобы навязать націи диктаторское правительство и коммунистическія учрежденія. Хотя его доктрины, тѣсно связанныя въ систему пантеистической философіи, вели къ радикальному коммунизму, и хотя онъ считалъ *право собственности иллюзіей самолюбія*, онъ при всякомъ случаѣ вставалъ противъ немедленной и насильственной реформы. Онъ боролся противъ аграрнаго закона, который называлъ *химерой распределенія, нелѣпой идеей*. «Тѣ, которые мечтаютъ о социальной реформѣ, произведенной путемъ внезапнаго переворота собственности, говорилъ онъ, были бы болѣе, чѣмъ виновны: они были бы безумны. Это были бы дикари, мстящіе своимъ врагамъ истребленіемъ ихъ жатвы и увѣнчивающіе собственной смертью успѣхъ нелѣпаго мщенія. *Равенство правъ есть неизблennyй законъ, равенство имущества не продержалось бы и двухъ часовъ*».

Абсолютный тонъ его даже самыхъ разумныхъ сужденій, его мрачный и суровый нравъ отдаляли отъ Распайля партіи и кружки. Онъ имѣлъ очень большое личное вліяніе на населеніе предмѣстій. Его медицинскія познанія давали ему возможность приносить существенную помощь тѣмъ страданіямъ и бѣдамъ, которыя клубные краснобаи умѣли только описывать, а честолюбцы эксплуатировать. Но это было чисто нравственное, изолированное вліяніе, которому завидовали и старались мѣшать вожаки партій и которое никогда не брало на себя инициативу въ революціонномъ движеніи. За исключеніемъ благороднаго бретонца Керсози ¹⁾, неразлучнаго его товарища въ борьбѣ и въ заключеніи, вокругъ Распайля лишь никому невѣдомые рядовые солдаты группировались демократической арміи. Наиболѣе радикальные члены правительства: Ледрю-Ролленъ и Луи-Бланъ считали его опаснымъ. Косидьеръ, къ которому онъ явился въ первый же день своего вступленія въ должность, требуя, чтобы ему показали полицейскіе списки, по которымъ можно будетъ узнать имена доносившихъ на тайныя общества, рѣшительно отказался выдать ихъ ²⁾. Нѣсколько дней

¹⁾ Керсози (Теофиль Кюильяръ де-Латуръ-д'Овернь) былъ капитанъ гусарскаго полка въ 1830 г. Онъ подалъ въ отставку и вскорѣ вступилъ въ тайныя общества. Приговоренный къ ссылкѣ въ 1835 г., онъ вернулся во Францію послѣ амнистіи, отправился въ Испанію сражаться съ карлистами и оттуда перебрался въ Италію, гдѣ узналъ, въ первыхъ числахъ марта 1848 г., о провозглашеніи Республики.

²⁾ До середины мая Распайль не переставалъ въ своей газетѣ „*Ami du peuple*“ настаивать на томъ, чтобы были обнародованы полицейскія свѣдѣнія о лицахъ и *красная книга* полиціи.

епустя газету Распайля, «Ami du peuple», студенты на улицѣ вырвали изъ рукъ газетчиковъ и разорвали, такъ какъ имъ сумѣли внушить недовѣріе къ этому органу. Неизвѣстно, какимъ образомъ распространился слухъ, что Распайль проповѣдывалъ, какъ это дѣлалъ Маратъ, истребленіе всѣхъ богатыхъ ¹⁾). Тогда Распайль, глубоко оскорбленный и считая республику погибшей, если самага убѣжденного изъ республиканцевъ преслѣдуютъ и клеветуютъ на него, отошелъ ото всѣхъ и, уже не щадя никого, сталъ открывать народу дѣйствія временнаго правительства, внушенныя, какъ онъ говорилъ, духомъ реакціи и гибельныя для дѣла демократіи.

Другой человѣкъ, гораздо менѣе образованный, чѣмъ Распайль, но несравненно болѣе способный къ управленію простымъ народомъ, давно уже подготовившійся играть роль въ революціи, Кабэ, открылъ для своихъ приверженцевъ въ числѣ 6000—8000 человѣкъ въ одной публичной залѣ улицы Свѣтъ-Онорэ клубъ, которымъ онъ руководилъ съ замѣчательнымъ авторитетомъ и большимъ умѣньемъ. Кабэ по рожденію своему принадлежалъ къ пролетариату; онъ горячо принялъ къ сердцу его интересы и служилъ его дѣлу съ усердіемъ и постоянствомъ. Онъ былъ сыномъ дижонскаго бочара, готовился къ судебной карьерѣ и сталъ извѣстенъ народу сочиненіями: «Популярная всемірная исторія» и «Исторія французской революціи», которую демократическая печать назвала: «Руководство патріотовъ», а также издателемъ газеты «Populaire». Демократическая партія избрала его въ депутаты въ 1831 г. Въ 1834 г. Кабэ, вслѣдствіе политическаго процесса, принужденъ былъ уѣхать за границу. Онъ провелъ пять лѣтъ въ Англіи. Здѣсь онъ вошелъ въ сношенія со знаменитымъ Оуэномъ и изучилъ его доктрину. По окончаніи срока изгнанія Кабэ вернулся въ Парижъ въ 1839 г. Разочаровавшись на опытѣ въ конспираціяхъ и будучи по темпераменту врагомъ вооруженной борьбы, онъ провозгласилъ себя коммунистомъ. Одаренный духомъ проповѣдничества, онъ началъ распространять свои новыя теоріи, связалъ ихъ съ евангельскимъ ученіемъ и составилъ систему соці-

¹⁾ Въ 3-мъ № „Ami du peuple“ отъ 12 марта мы читаемъ слѣдующія слова, ясно показывающія, насколько несправедливы были подобныя обвиненія: „Развѣ возможенъ въ 1848 г. терроръ 93 года! Онъ уже не имѣетъ никакого смысла. Терроръ былъ бы ужасающимъ безуміемъ, драмой, во вкусѣ Нерона, пожаромъ Рима, воспроизводящимъ пожаръ Трои! Терроръ—но противъ кого же? Противъ самихъ себя, такъ какъ всѣ мы думаемъ одинаково...“

„За послѣднія двѣ недѣли я вижу всюду французовъ и нигдѣ враговъ. Попробуйте-ка прокатить гильотину посреди этого народа братьевъ! И васъ, и ее отправятъ къ умалишеннымъ въ Бисетръ, въ послѣдній день карнавала.“

альной организаціи, описавъ въ фантастическомъ путешествіи («Voyage en Icarie» — «Путешествіе въ Икарію») законы, нравы, обычаи и, въ особенности, удовольствія этого общества. Многочисленныя брошюры, рѣзкія полемическія статьи противъ газеты «National», основаніе газеты «Populaire» на новыхъ началахъ и въ чисто коммунистическомъ направленіи — все это сгруппировало вокругъ Каба людей простыхъ, честныхъ, привлеченныхъ доброжелательной моралью, отеческимъ тономъ ученія, которое ничего не заимствовало ни у науки, ни у философіи. Каба обладалъ въ высокой степени организаторскимъ талантомъ и подъ внѣшностью общительнаго добродушія скрывалъ инстинктъ и даже искусство власти. Онъ сумѣлъ принудить къ слѣпому повиновенію людей, отличавшихся большой энергіей, незамѣтно фанатизировалъ ихъ помощью внушенія, и въ короткое время взялъ надъ особенной коммунистической сектой, носившей названіе *икарійской*, такую власть, которая по своей сущности и, повидимому, мелкимъ, но сильнымъ своею многочисленностью и единствомъ средствамъ походила скорѣе на клерикальный деспотизмъ, нежели на вліяніе народнаго вождя.

Каба, въ бытность свою депутатомъ, состоялъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Ламартиномъ. Онъ довѣрялъ его намѣреніямъ и желалъ имѣть на него вліяніе, чтобы устранить его отъ интригъ «National»¹⁾, которыя считалъ пагубными для республики. Онъ самъ еще откладывалъ примѣненіе коммунистическихъ доктринъ. Провозглашая ихъ преждевременно, думалъ онъ, можно было только напугать общественное мнѣніе и повредить утвержденію республики. Поэтому онъ выказалъ себя искренно расположеннымъ поддерживать временное правительство. Въ тотъ день, когда онъ открылъ свой клубъ, онъ расклеилъ по всему Парижу афиши съ декларацией своихъ принциповъ, гдѣ онъ ясно заявлялъ, что икарійцы не намѣрены посягать ни на семью, ни на собственность¹⁾. Все время существованія временнаго правительства Каба оставался вѣрнымъ этой программѣ и, несмотря на свое неудовольствіе и недоувѣріе, онъ въ нѣсколькихъ случаяхъ спасъ большинство совѣта отъ готовившихся противъ него заговоровъ.

Независимо отъ этихъ главныхъ клубовъ образовалось еще много другихъ²⁾ во всѣхъ многолюдныхъ кварталахъ Парижа. Директоръ національныхъ мастерскихъ учредилъ 2 апрѣля центральный клубъ, составленный изъ делегатовъ, избранныхъ рабочими и собиравшихся нѣсколько разъ въ недѣлю подъ его председательствомъ. Сотрудники газеты «National» организовали клубъ

¹⁾ См. *Историческіе документы* въ концѣ тома, № 1.

²⁾ См. *Историческіе документы* въ концѣ тома, № 2.

или центральный избирательный комитетъ подѣ председательствомъ Рекюра.

Фаланстерійцы, имѣя предсѣдателями: Консидерана, Кантагреля, Лавердана, Эннекена, продолжали ученіе своей школы, не примѣшивая къ нему особенно много политики. Клубъ *Арсенала* и клубъ *Quinze-Vingt*, весьма крайніе и рѣзкіе, но за которыми власти очень слѣдили, привлекали каждый вечеръ пролетаріевъ. Студенты квартала Пантеона собирались въ клубъ *Сорбонны* и въ клубъ 2 марта.

Нѣсколько консервативныхъ или легитимистскихъ клубовъ, *республиканскій клубъ для свободы выборовъ* подѣ председательствомъ Виеннэ, *Клубъ второго округа* съ президентомъ Ватименилемъ старались, но робко, умѣрить революціонное движеніе. Наконецъ, одинъ изъ основателей газеты «*la Réforme*», Гранмениль, личный другъ Ледрю-Роллена, собралъ 2-го марта на чердакѣ полицейской префектуры, подѣ покровительствомъ Коссидьера, извѣстное число энергичныхъ людей, которые учредили подѣ названіемъ *Клуба правъ и обязанностей* общество, организованное на военный ладъ, тайная цѣль котораго была—передать въ руки Ледрю-Роллена диктаторское управленіе республикой. Этотъ клубъ слился впоследствии съ *Обществомъ правъ человека* ¹⁾, предсѣдателемъ котораго былъ Вилленъ и который засѣдалъ въ Національномъ дворцѣ, гдѣ подготавливалось безъ особенной тайны вооруженное возстаніе.

Вскорѣ всѣ клубы почувствовали необходимость въ общемъ соглашеніи и въ централизаціи своей дѣятельности, чтобы вліять на приближающіеся выборы, анти революціонный характеръ которыхъ уже можно было предчувствовать. Съ этой цѣлью нѣкто Лонжпье организовалъ *Клубъ клубовъ* и помѣстилъ его въ домѣ, занимаемомъ Собріе. Клубъ этотъ состоялъ изъ трехъ делегатовъ отъ каждаго изъ другихъ клубовъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ назначилъ ему субсидію въ 120,000 фр. для того, чтобы онъ могъ посылать въ департаменты тайныхъ агентовъ, которымъ поручено было наблюдать за дѣйствіями официальныхъ комиссаровъ, помогать имъ или, если понадобится, доносить на нихъ ²⁾, заниматься дѣятельной

¹⁾ *Общество правъ человека*, внушавшее большой страхъ парижанамъ, которые думали, что оно имѣетъ 30,000 членовъ, въ дѣйствительности вовсе не существовало и имѣло своими членами лишь тѣхъ, которые считали себя его вожаками.

²⁾ Такихъ агентовъ, разосланныхъ *Клубомъ клубовъ*, было 450. Всѣ они получили печатныя инструкціи и получали 5 фр., суточныхъ. Между этими агентами были унтеръ-офицеры, на которыхъ лежала специальная обязанность указывать солдатамъ на подозрительныхъ начальниковъ (См.

пропагандой въ деревняхъ, въ войскахъ и во всѣхъ мѣстахъ народныхъ собраній. Въ этомъ клубѣ полиція проявила свою наибольшую дѣятельность ¹⁾. Ледрю-Роллэнъ, Ламартинъ, Маррастъ истратили здѣсь значительныя суммы изъ секретныхъ фондовъ ихъ вѣдомствъ. Каждый старался приобрести сторонниковъ. Ламартинъ имѣлъ частныя сношенія съ Собріе; Ледрю-Роллэнъ дѣйствовалъ черезъ Гранмениля и Лонжпье. Виллэнъ и Каэнъ были преданы въ особенности Коссидьеру. Однако, несмотря на такое множество интригъ, *Клубъ клубовъ* и служившая ему органомъ газета «Commune de Paris» произвели дѣйствіе диаметрально противоположное тому, какого отъ нихъ ожидали. Они уронили во мнѣніи многихъ репутацію нѣкоторыхъ членовъ временнаго правительства, унизившихся до того, что брали себѣ подобныхъ помощниковъ, и поселили въ сельскихъ жителяхъ самыя печальныя предубѣжденія противъ республики.

Клубы имѣли большую притягательную силу для парижскаго населенія, любящаго новинки, рѣчи и отчасти скандалы. Но вліяніе ихъ было не единообразно и не благотворно. Голосъ людей серьезныхъ рѣдко могъ заглушить шумъ и гамъ безумцевъ; совѣты мудрой политики съ трудомъ пробивали себѣ путь сквозь лстивыя увѣренія и коварныя преувеличенія, которыми начинали отравлять народъ. Вмѣсто того, чтобы объяснять пролетаріямъ новыя стороны демократическаго устройства и глубокій смыслъ верховенства народа, имъ внушали въ большинствѣ клубовъ вредный духъ подражанія якобинцамъ; ихъ научили языку стараго времени, который они уже забыли; въ нихъ пробудили духъ революціоннаго деспотизма, во многихъ случаяхъ губившій великое дѣло, которому, чтобы восторжествовать, нужны были только время и свобода. Импровизаторы, люди, лишенные образованія и опытности, рѣшали какъ попало, безъ подготовки, безъ размышленія самыя важныя вопросы политическаго права, сводя ихъ къ странному ученію о *непогрѣшимости народа*, дѣлающей ненужнымъ работу личнаго разума. Самое слово *народъ* приняло въ ихъ устахъ какое-то узкое значеніе и относилось къ одному только промышленному пролетаріату ²⁾. Они

„Rapport de la commission chargée d'examiner les comptes du gouvernement provisoire“).

¹⁾ См. въ «Rapport de la commission denquête» показаніе Карлье о четырехъ полиціяхъ, функционировавшихъ въ Парижѣ.

²⁾ Антитеза между словами *народъ* и *буржуа*, созданная печатью и клубами въ 48 г., не существовала во время первой революціи. Тогда говорили *нація* и *граждане*. Слово *народъ* стали употреблять въ смыслѣ массы лишь въ концѣ Законодательнаго Собранія, и то никогда не относили его исключительно къ пролетаріату.

приучили массу довольствоваться пустыми и громкими фразами, обманывали их отвратительной лестью. Когда настал момент, въ который народу надлежало воспользоваться своимъ правомъ гражданъ и проявить законную власть, они начали заранѣе потрясать уваженіе къ національному представительству и распространять ту пагубную идею, благодаря которой утвержденіе демократическаго государства дѣлалось навѣки невозможнымъ, а именно, что если результатъ выборовъ не поправится парижскому народу, онъ можетъ расправиться съ нимъ и избавиться, какъ ему будетъ угодно, отъ избранныхъ всеобщей подачей голосовъ представителей Франціи.

Множество газетъ, укравшихъ даже имена, которыми назывались клубы, слишкомъ усердно поддерживали дѣятельность послѣднихъ. Чтобы обратить на себя вниманіе прохожихъ и польстить дурному любопытству, выкрикиваемые и продаваемые на улицахъ листки соперничали другъ передъ другомъ въ цинизмъ и грубости ¹⁾. Партіи, вредябныя республикѣ, воспользовались этимъ подлымъ средствомъ пропаганды и, рассчитывая на легковѣрность толпы, разставили свои ловушки на грязной почвѣ демагогіи. Нѣсколько бонапартистскихъ журналовъ старались пробудить въ народѣ воспоминаніе объ императорской славѣ, съ цѣлью подготовить избраніе принца Людовика-Бонапарта. Легитимисты также пытались пробраться этимъ окольнымъ путемъ. Наконецъ, со всѣхъ сторонъ и политики, и политическія партіи, вмѣсто того, чтобы просвѣщать народъ, помочь его великимъ инстинктамъ и его прирожденной правдивости, смотрѣли на него не съ точки зрѣнія его блага, а съ точки зрѣнія собственнаго честолюбія и задались цѣлью извратить его сужденіе и помутить его разумъ.

Органы болѣе высокаго порядка, которые могли бы оказать противодѣйствіе вліянію этихъ грубыхъ поученій, лишились всякаго довѣрія. *National*, въ которомъ народъ видѣлъ полуоффіціальныи органъ правительства, и даже *Réforme*, главные сотрудники котораго были членами правительства, не возбуждали даже любопытства. Газетой *Populaire* Каба интересовались только икарійцы; *Atelie* раздѣлялъ недовѣріе, внушаемое *National*’емъ, съ которымъ его соединяла внутренняя связь. *Siecle, Constitutionnel, Débats* преслѣдовали въ первое время одну только цѣль: не скомпрометтировать себя какимъ-либо слишкомъ открытымъ мнѣніемъ: ихъ читали лишь одни богатые классы. Одна только *Presse*, гдѣ Жирардэнъ изощрялъ свое остроуміе, еще привлекала къ себѣ

¹⁾ Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ неограниченной свободы ихъ было до 200 (см. *Историческіе документы въ концѣ тома, № 3*).

общественное вниманіе сначала своимъ яркимъ сочувствіемъ республикѣ, а затѣмъ смѣлостью своихъ нападокъ на правительство, которое не хотѣло или не сумѣло побережечь это раздражительное честолюбіе. Но между всѣми газетами одна только проявила изъ ряда вонъ выходящую оригинальность и замѣчательную талантливость: это *Représentant du peuple*, издаваемый Фовети и Прудонъ. Прудонъ, личность и труды котораго я охарактеризовала въ первой части этого сочиненія, находился въ Парижѣ въ то время, когда вспыхнула революція. Но такъ какъ онъ не принадлежалъ ни къ редакціи какого-либо органа печати, ни къ какому либо политическому кружку, и такъ какъ темпераментъ не побуждалъ его къ вооруженному возстанію, то онъ остался въ сторонѣ. Его не видѣли ни на улицѣ, ни въ Ратушѣ. Все его участіе въ революціонномъ движеніи выразилось въ *наборъ* для *Réforme* прокламаціи, объявлявшей Людовика-Филиппа низвергнутымъ. Послѣ этого онъ вернулся къ своимъ обычнымъ занятіямъ и изъ глубины своего убѣжища, печатая свой ежедневный органъ, онъ потрясалъ общественное мнѣніе сильнѣе и глубже, чѣмъ дѣлали это люди, мѣшавшіеся съ толпой. *Représentant du peuple* принималъ необычный до этого тонъ въ печати. Онъ не сталъ ни подъ какое знамя. Въ своемъ высокоумномъ остроуміи не щадя ни большинство, ни меньшинство въ правительствѣ, распекая клубы, газеты, улицу, презрительно осуждая и безпощадно осмѣивая то республиканцевъ *National'*я, то якобинцевъ, то коммунистовъ, Прудонъ каждое утро удивлялъ своихъ читателей, которымъ трудно было согласовать его полемическій тонъ и его отношенія къ революціонерамъ съ его всѣмъ извѣстнымъ ультра-радикальнымъ образомъ мыслей. Казалось, что онъ каждую минуту противорѣчитъ самъ себѣ, потому что, вмѣсто того, чтобы искать средства организовать демократію, его отрицательный радикализмъ задавался цѣлью дезорганизовать всякую власть. Онъ не думалъ, чтобы революція должна была сдѣлать что нибудь иное, кромѣ того, чтобы только разорвать тѣ путы, которыя мѣшали непосредственному проявленію социальнаго инстинкта. Не нужно болѣе ни духовенства, ни арміи, ни магистратуры, ни собственности, полное отсутствіе правительства, *анархія* ¹⁾ т. е. общество, предоставленное собственнымъ

¹⁾ Прудонъ заимствовалъ это выраженіе, считающееся его изобрѣтеніемъ, у Ж. Ж. Мэ, одного изъ коммунистовъ, основавшихъ въ 1848 г. органъ „*Humanitaire*“. При изложеніи ученій школы Мэ, между прочимъ, говоритъ: „Демократическое правительство должно быть *анархично*, въ научномъ, а не революціонномъ значеніи этого слова. Республика безъ президента есть правительство анархическое, т. е. не имѣющее главы“ и т. д.

силамъ—таковъ былъ философскій идеалъ Прудона. Но такъ какъ этотъ общій взглядъ варьировалъ до безконечности въ примѣненіи къ частнымъ случаямъ, то изъ него вытекали разныя непоследовательности, повороты, скачки, совершенно неожиданный, поразительный способъ выраженія, возбуждавшій въ высшей степени любопытство публики. Иначе обстоило дѣло съ газетой *Peuple constituant*, основанной Ламеннѣ. Знаменитый старецъ, внезапно вышедшій изъ своего убѣжища, слышавъ звонъ набата, внесъ въ ежедневную борьбу журнализма, куда бросила пылкость его характера и горячая кровь бретонца, привычки величественнаго, поистинѣ философскаго стиля. Его великолѣпная манера говорить, его священническій тонъ не передавали читателямъ того революціоннаго пыла, которымъ полна была его душа. Если онъ часто мыслить, какъ Дантонъ, то говорилъ всегда, какъ Боссюэтъ. Между тѣмъ, какъ порывъ страсти побуждалъ его сдѣлаться журналистомъ, сильно дисциплинированный складъ его ума заставлялъ его оставаться отцомъ церкви. Народъ, не знающій этихъ противорѣчій генія, обнаруживалъ равнодушіе къ краснорѣчію, характеръ котораго былъ противоположенъ вдохновенію и которое ничего не заимствовало ни у момента, ни у обстоятельствъ.

Личныя отношенія Ламеннѣ къ Ламартину, часто спрашивавшему его совѣта въ интимныхъ собраніяхъ, его глубокое отвращеніе къ коммунистическимъ теоріямъ, ставили его, несмотря на его увлеченія, на сторону умѣренныхъ членовъ временнаго правительства. Столь же безкорыстно защищавшій собственность, ибо самъ ничего не имѣлъ, какъ и Барбесъ, который будучи богатымъ собственникомъ, проповѣдывалъ коммунизмъ, Ламеннѣ одно время имѣлъ на многихъ крайне экзальтированныхъ революціонеровъ умѣряющее вліяніе и только послѣ отставки временнаго правительства вступилъ на путь соціалистической оппозиціи.

Не слѣдуетъ забывать, однако, что въ теченіе этихъ первыхъ мѣсяцевъ республики, несмотря на нѣкоторую рѣзкость клубовъ и газетъ, несмотря на щеголяніе нѣкоторыхъ вожаковъ терроризмомъ, общее направленіе мысли склонно было къ поддержкѣ временнаго правительства и въ особенности Ламартина. Мы видѣли, что главные вожди сектъ и школъ, Барбесъ, Распайль, Кабэ, искренно желали придти съ нимъ къ соглашенію. Ледрю-Ролланъ, начинавшій мечтать о диктатурѣ, не считалъ возможнымъ устранить Ламартина. Жоржъ Зандъ, послѣшившая пріѣхать изъ Берри при первомъ извѣстіи о революціи и принявшая горячее участіе въ революціонномъ движеніи, общала ему содѣйствіе своего краснорѣчиваго пера. Соборіе негласно помогало ему; Консидеранъ громко заявлялъ о своей симпатіи къ нему; Бланки, какъ мы

увидимъ ниже, приходилъ къ нему въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Всѣ эти агитаторы сознавали, что если имъ и можно будетъ въ данный моментъ располагать болѣе или менѣе значительной частью рабочаго населенія, то имъ нельзя будетъ образовать правительство, которое не возстановило бы тотчасъ же противъ себя большинство націи ¹⁾). Они знали, что между ними существуетъ слишкомъ большая рознь, и что поэтому единеніе между ними невозможно. Поэтому всѣ ихъ стремленія ограничивались тѣмъ, чтобы оставаться въ хорошихъ отношеніяхъ съ Ламартиномъ, который не питалъ неприязни ни къ кому, и чтобы за его доверчивой популярностью еще скрывать пока тѣ невыполнимые проекты, о которыхъ они мечтали въ глубинѣ души. Въ данный моментъ всѣ различныя теченія общественнаго мнѣнія устремлялись къ Ламартину. Вся Франція смотрѣла на него, какъ на посланнаго провидѣніемъ посредника между партіями и классами. Всеобщая молва давала ему имя и роль Вашингтона. Последовательность событій покажетъ намъ, какимъ образомъ онъ утратилъ это положеніе, и какъ это прекрасное согласованіе мирныхъ чувствованій исчезло, уступивъ мѣсто всѣмъ злобнымъ и ненавистническимъ чувствамъ, всей ярости гражданской войны.

Общій видъ Парижа въ этотъ первый, еще мирный періодъ революціи не поддается описанію. Потребность этой громадной народной массы высказаться, излить свои чувства послѣ того, какъ суровые законы держали ее въ теченіе полстолѣтія вдали отъ общественной жизни и обреченною на молчаніе, вдругъ прорывалась со всѣхъ сторонъ, выражалась тысячами способовъ, принимала самыя эксцентричныя формы.

Стѣны были покрыты афишами всѣхъ цвѣтовъ, въ стихахъ и въ прозѣ привлекавшими вниманіе прохожихъ. Это были по большей части дириамбы въ честь революціи и французскаго народа: призывы къ братству; выраженія благодарности временному правительству; воззванія къ спокойствію, къ согласію, къ уваженію собственности. Это было, однимъ словомъ, наивное, смутное, восторженное, безсвязное, иногда комичное выраженіе самыхъ прекрасныхъ мыслей и самыхъ почтенныхъ чувствъ ²⁾). Каждую ми-

¹⁾ Любопытно выслушать по этому поводу не внушающее подозрѣній мнѣніе Луи-Блана, который говоритъ: „Развѣ Ламартинъ не пользовался тогда (17 марта) громкой популярностью, правда, не въ нѣкоторыхъ клубахъ, а въ народныхъ массахъ“? (См. его *Pages d'histoire*, стр. 97 и слѣд.).

²⁾ „Даже самые пугливые люди должны признать мягкость населенія. Небывающее зрѣлище, которое представляетъ Франція въ эту минуту, прямо поразительно. Ни въ какое время, ни въ какой странѣ ~~никогда~~ не видѣлъ ничего подобнаго: нигдѣ населеніе въ 35 милліоновъ человекъ не томъ и.

нута проходили съ развернутымъ знаменемъ и съ барабаннымъ боемъ длинныя процессіи мужчинъ, женщинъ, дѣтей, которые шли, держась за руки, съ сіяющими радостью лицами и несли въ Ратушу въ корзинкахъ, украшенныхъ лентами и цвѣтами, благодарственное выраженіе чувствъ народа, считавшаго себя свободнымъ. Не было ни одной самой бѣдной корпораціи, которая не принесла бы своего дара; ни одной самой смиренной процессіи, которая не считала бы своимъ долгомъ поздравить правительство, поощрить его къ добру, а главное—просить его устроить какъ можно скорѣе всеобщее благополучіе. Не было, повидному, самаго мелочнаго несогласія, которое не претендовало бы на разсмотрѣніе въ совѣтѣ ¹⁾. Въ первый моментъ развитія этой жизни, которую революція создала пролетариату, среди этого непрерывнаго общенія всѣхъ между собою народъ въ своей наивности смотрѣлъ на правительство, какъ на всемірную мировую юстицію, какъ на судъ чести, который долженъ былъ исправлять всѣ несправедливости, заботиться о всѣхъ нуждахъ. И, словно мало было дня для этихъ выраженій радости и надежды, парижская молодежь придумала организовать ночныя прогулки съ факелами при звукахъ петардъ и насмѣшливыми возгласами приглашала мирныхъ обывателей зажигать иллюминацію на ея пути.

Въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ мелкіе квартиранты требовали отъ домовладѣльцевъ прощенія всей квартирной платы за истекшій срокъ, или, по крайней мѣрѣ, ея уменьшенія. Тѣ изъ домовладѣльцевъ, которые соглашались исполнить эти просьбы, видѣли свои имена на знаменахъ, съ триумфомъ носимыхъ по улицамъ; несговорчивые же подвергались осмѣянію и всякаго рода посрамленію. Чаше всего на ихъ домѣ водружался черный флагъ, а подъ ихъ окнами вѣшали или сжигали чучело въ халатѣ и въ бумажномъ колпакѣ—извѣстный прообразъ дурного домовладѣльца ²⁾. На-

могло бы быть предоставлено самому себѣ безъ причиненія столь незначительнаго вреда“ (*Journal des Débats* 29 марта 1848).

¹⁾ См. *Историческіе документы* въ концѣ тома, № 4.

²⁾ Эти выходки не проходили безъ протестовъ со стороны рабочихъ. Въ *Représentant du peuple* отъ 11 апрѣля напечатано было письмо, изъ котораго привожу слѣдующій отрывокъ:

„Нѣкоторые домовладѣльцы предупреждаютъ всякую просьбу. Да будутъ они благословенны! Но другіе отказываютъ. Правы ли они? Или виноваты? Могутъ ли они отказаться отъ платы? Не намъ разрѣшать эти три вопроса. Я только рабочій; но я протестую противъ всякаго устрашенія. Я вовсе не защищаю домовладѣльцевъ; но пусть каждый останется при своемъ правѣ: уваженіе всѣмъ! Только враги республики могутъ радоваться подобнымъ фактамъ.

„Примите, граждане, мой братскій привѣтъ.

Ад. Перро, рабочій типографъ“.

саженіе деревьевъ свободы также дѣлалось предлогомъ большого шума и кое какихъ безпорядковъ.

Какъ ни безобидны были эти прогулки, это сожженіе чучелъ, веселый припѣвъ: «фонарей! фонарей»; сдѣлавшійся столь популярнымъ,—все это смущало спокойствіе богатыхъ кварталовъ; объявленія, вывѣшанныя префектомъ полиціи, приглашавшія жителей воздерживаться отъ этихъ процессій, скорѣе усиливали страхи, чѣмъ способствовали успокоенію ¹⁾).

Тюильрійскій дворецъ былъ съ 25-го театромъ странныхъ сценъ. Когда Сентъ-Аманъ, капитанъ перваго легіона національной гвардіи, былъ посланъ временнымъ правительствомъ, чтобы принять на себя команду и защитить дворецъ отъ опустошенія, онъ нашелъ здѣсь караулы изъ простыхъ людей, сформировавшіеся самостоятельно съ этой же цѣлью и соблюдавшіе строгій полицейскій надзоръ при выходѣ изъ дворца, чтобы предупредить или наказать всякую попытку къ воровству ²⁾). Министръ внутреннихъ дѣлъ поручилъ Мэримэ, Леону де-Лабординъ, Кавэ и Шалону д'Арже убрать оттуда картины и другіе предметы искусства. Понтёкуланъ получилъ отъ Араго разрѣшеніе заняться разысканіемъ и классификаціей бумагъ, принадлежащихъ королевскому дому. Бриллианты и серебро были переведены въ государственное казначейство и на Монетный дворъ (Hotel de la Monnaie) въ фугонахъ, отправленныхъ подъ эскортомъ изъ рабочихъ и изъ учениковъ Политехнической школы. Наконецъ, несмотря на несмѣтную толпу народа, которая не переставала въ теченіе нѣсколькихъ дней проходить по всѣмъ королевскимъ апартаментамъ отъ дверей его Капеллы до павильона Флоры, порчи оказалось мало и пропало весьма небольшое количество цѣнныхъ вещей ³⁾).

Перваго марта, согласно декрету временнаго правительства, въ большихъ пріемныхъ залахъ перваго этажа была устроена больница для *Гражданскихъ инвалидовъ*. Сто двадцать кроватей были заняты ранеными. Леруа д'Этьоль былъ назначенъ главнымъ врачомъ этого госпиталя, Эмберъ, одинъ изъ бывшихъ политическихъ заключенныхъ, сдѣлался его директоромъ. Духовенство яви-

¹⁾ Объявленіе префекта полиціи, расклеенное 23 марта, гласило: „Подождемъ, когда Республика будетъ въ опасности, чтобы *дѣйствовать при свѣтѣ факеловъ!*..“ Въ Парижѣ не знали тогда, что префектъ полиціи, находившій весьма политичнымъ пугать буржуазію, поощрялъ эти ночныя прогулки.

²⁾ Этотъ полицейскій надзоръ былъ такъ строгъ, что какой-то чело-вѣкъ былъ разстрѣлянъ на мѣстѣ подъ павильономъ Часовъ за то, что у него нашли серебряный приборъ.

³⁾ Такъ, напримѣръ, на все количество серебра, опѣвимаемаго въ три милліона, не хватило потомъ лишь на какихъ-нибудь 30 тысячъ франковъ.

лесь съ большой готовностью. Въ тронномъ залѣ, на консоли, превращенной въ алтарь, архіепископъ Парижскій съ большой помощью отслужилъ обѣдню. Съ помощью ширмъ устроены были исповѣдальни, и такъ какъ за многими изъ раненыхъ ухаживали женщины, съ которыми они состояли въ неосвященной церковью связи, и многіе изъ нихъ никогда еще не причащались, то тутъ же совершались браки, давалось первое причастіе. Случалось даже, что приходилось одновременно совершать и крещеніе, и соборованіе надъ этими пролетаріями, остававшимися до той поры индифферентными къ ученію католической церкви.

Въ довершеніе картины этой головокружительной революціонной путаницы, въ то время, какъ священники совершали богослуженіе въ Тронномъ залѣ, часть людей, составившихъ дозорные караулы и охранявшихъ дворецъ отъ поврежденій, забывала первоначальную дисциплину и принималась угощаться въ королевскихъ погребахъ и кухняхъ. Это были большею частью люди самыхъ низменныхъ профессій: натурщики, фокусники, продавцы контръ-марокъ и т. п. Можно себѣ представить, какъ ослѣплены были эти бѣдняки блескомъ великолѣпнаго дворца, гдѣ они очутились участниками пира, приготовленнаго для принцевъ, гдѣ они могли перемѣнить свои отрепья на шелкъ и парчу и, опьяненные тончайшими винами, выпастся на кроватяхъ и диванахъ принцессы крови! Для довершенія полнаго благополучія они призвали во дворецъ публичныхъ женщинъ.

Вскорѣ разнесся слухъ, что они намѣрены продолжать свои сатурналы до безконечности. Такъ какъ по ночамъ во дворѣ или въ саду раздавались иногда таинственные выстрѣлы, то стали говорить, что они совершаютъ тамъ какія-то ужасныя преступленія: имъ приписывали тысячи самыхъ страшныхъ намѣреній. Префектъ полиціи вообразилъ, что честь его требуетъ прекращенія этого неправильнаго положенія вещей, и что для этого достаточно будетъ послать одного изъ вождей партіи Горы съ ротой солдатъ и поручить имъ во что бы то ни стало разогнать странный гарнизонъ Тюильрійскаго дворца. Но этотъ неосторожный приказъ чуть не произвелъ катастрофы. Когда капитанъ Сентъ-Аманъ передалъ своимъ людямъ, которыми онъ якобы командовалъ, не которые въ сущности повиновались только двумъ или тремъ изъ своей среды, приказъ Коссидьера, ему отвѣтили безусловнымъ отказомъ. Въ рядахъ поднялся страшный гвалтъ; всѣ кричали, что это — оскорбленіе, что хотятъ выгнать съ позоромъ тѣхъ самыхъ храбрыхъ защитниковъ, тѣхъ самоотверженныхъ гражданъ, которые спасли Тюильрійскій дворецъ отъ разгрома: всѣ объявили, что они скорѣе взорвутъ дворецъ, чѣмъ потерпѣть

такое униженіе. И, произнося эти угрозы, они заряжали ружья и готовились драться. Въ то же время снаружи доносился шумъ: то армія Коссидьера была тревогу и брала уже ружья на руку. Будь только отданъ приказъ къ наступленію, и Тюльрійскаго дворца, можетъ быть, не стало бы. Въ минуту этой крайней опасности Сэнтъ-Аманъ, пославшій уже предупредить временное правительство, сдѣлалъ попытку какъ-нибудь выиграть время и обратился съ рѣчью къ своему грозному гарнизону. Онъ сдѣлалъ видъ, что раздѣляетъ его гнѣвъ, его негодованіе и, мало-по-малу успокоивъ этихъ людей, уговорилъ ихъ впустить отрядъ Коссидьера, обѣщая, что временное правительство вознаградитъ храбрыхъ гражданъ, посвятившихъ себя охранѣ Тюльрійскаго дворца и выведетъ ихъ оттуда только съ военными почестями.

Онъ уговорилъ ихъ также отпереть ворота членамъ партіи Горы. Послѣдніе вошли съ барабаннымъ боемъ и стали въ боевомъ порядкѣ во дворѣ. Въ это время явился, безъ охраны, генераль Куртэ. Оставшись одинъ среди этихъ вооруженныхъ людей, которымъ онъ тщетно старался внушить благоразуміе, онъ сталъ ходить взадъ и впередъ по двору съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, такъ какъ онъ въ сущности былъ плѣнникомъ,—ожидаая исхода этого невѣроятнаго приключенія. Наконецъ, явилось временное правительство. Ледрю-Ролланъ, Араго, Мари, Кремье, Маррастъ, Паньеръ стали по очереди говорить рѣчи и всячески извиняться передъ тюльрійскимъ гарнизономъ. Они сказали, что все, что произошло, есть только недоразумѣніе; что правительство не было предувѣдомлено, что оно сожалеетъ о своей ошибкѣ относительно достойнаго всякаго уваженія поведенія гражданъ, которымъ оно отдаетъ полную справедливость. Они объявили, что тюльрійскій гарнизонъ пробудетъ во дворцѣ еще 24 часа, дабы ясно было видно, что онъ удалается совершенно свободно, и снова обѣщали, что онъ выйдетъ съ военными почестями. Это было 6 марта. На слѣдующій день въ полдень явился опять генераль Куртэ въ полной парадной формѣ со своимъ главнымъ штабомъ и сдѣлалъ смотръ этимъ тремъстамъ человѣкъ. Онъ отдалъ приказъ разрядить ружья и, маршируя во главѣ колонны, среди привлеченной такимъ необычайнымъ зрѣлищемъ толпы, направился къ Ратушѣ. Тамъ опять начались рѣчи и благодарности; гарнизону роздали 500 франковъ. Затѣмъ эти люди, державшіе нѣкоторое время въ страхѣ весь Парижъ, жившіе среди роскоши и великолѣпія королевскаго дворца, стоявшіе въ нѣкоторомъ родѣ на равной ногѣ съ правительствомъ республики, снова возвратились къ своей неизвѣстности и нищетѣ. Но этимъ дѣло не кончилось. Двадцать дней спустя одинъ изъ нихъ, нѣкто Вишаръ, фонарщикъ по профессіи, умеръ въ больницѣ

Гражданскихъ инвалидовъ. Его похоронили съ почестями, подобающими герою. Въ такую минуту, когда тысячи честныхъ рабочихъ голодали, правительство изтратило 11,000 франковъ на его похороны. *Moniteur* въ эпическомъ стилѣ описалъ эту «крайне грандіозную и трогательную церемонію. Ни одинъ маршалъ Франціи,—восклицалъ оффиціальныи органъ,—не удостоивался такихъ почестей».

Послѣ удаленія «трехсотъ», закрытый до тѣхъ поръ Тюильрійскій садъ снова открылся для публики. Все здѣсь приняло видъ прежняго спокойствія; не оставалось ни малѣйшаго слѣда безпорядковъ. Ранняя весна уже чувствовалась во всей своей прелесть; на каштановыхъ деревьяхъ показались красныя почки. Мраморные боги, почернѣвшіе отъ зимнихъ тумановъ, казалось, оживали въ прозрачномъ воздухѣ, согрѣтомъ первыми лучами мартовскаго солнца; на клумбахъ появились душистые ирисы. Парижскія дѣти бѣгали по этому обширному пространству, не подозревая, что пескомъ, который они топчутъ, кружась веселымъ хороводомъ, засыпаны трупы. Птицы не прекратили своего пѣнія, чтобы прислушиваться къ крикамъ смерти гражданской войны. Кровь человѣческая не помѣшала цвѣсти фіалкамъ. Лебеди мирно плавали кругомъ у края бассейновъ, ожидая обычныхъ крошекъ хлѣба. Дѣтскій возрастъ и природа подчиняются однимъ только божественнымъ законамъ: они не чувствуютъ ударовъ революцій, низвергающихъ человѣческія учрежденія.

15-го мая генералъ Куртэ и его главный штабъ, выпроводивъ капитана Сэнтъ-Аманъ, поселились въ Тюильрійскомъ дворцѣ. Гражданскихъ инвалидовъ мало-по-малу разослали по богадѣльнямъ Парижа и предмѣстievъ. Временное правительство декретировало соединеніе Тюильри и Лувра и рѣшило, что это обширное зданіе будетъ отнынѣ носить названіе *Дворца Народа*. Но этотъ проектъ, какъ и многіе другіе, остался не выполненнымъ, и Тюильрійскій дворецъ и до того часа, въ который я пишу эти строки, не получилъ еще приличнаго назначенія.

Въ то время, какъ описанныя мною событія происходили среди бѣлаго дня и повергали въ изумленіе жителей богатыхъ кварталовъ, центромъ которыхъ является Тюильрійскій дворецъ, въ полицейской префектурѣ и въ Люксембургѣ разыгралась сцена, которая долгое время оставалась окруженной тайною и которая, если бы о ней узнали тогда, поразила бы еще большимъ ужасомъ воображеніе людей. Однажды ночью въ Люксембургскомъ дворцѣ, по призыву человѣка, никѣмъ не уполномоченнаго на такое проявленіе власти, собралось тайное судилище, по бразцу средневѣковаго *Vehmgericht'a*. Это судилище вызвало обвиняемаго, допро-

сило его, объявило виновнымъ и, пригрозивъ ему смертной казнью, пощадило его лишь затѣмъ, чтобы бросить въ темницу, гдѣ жизнь его ежеминутно зависѣла отъ рѣшенія его судей.

Вотъ какъ было дѣло. Перебирая бумаги и «дѣла» полицейской префектуры, Коссидьеръ нашелъ тамъ рядъ донесеній, подписанныхъ *Pierre*. Эти бумаги относились къ 1838 г. и заключали въ себѣ самыя обстоятельныя и подробныя свѣдѣнія о тайныхъ обществахъ и о заговорахъ республиканской партіи. Подозрѣнія Коссидьера тотчасъ же упали на нѣкоего Делагодда, редактора *Réforme*, состоявшаго съ 1832 г. членомъ *Общества правъ человека*, съ которымъ многіе республиканцы, въ томъ числѣ и онъ самъ, находились до сихъ поръ въ очень близкихъ отношеніяхъ. Коссидьеръ припомнилъ, что совѣты Делагодда, его планы нападенія во время возстанія 23-го показались ему подозрительными. Сопоставляя почеркъ доносовъ съ подписью Делагодда, который занялъ въ префектурѣ мѣсто главнаго секретаря, онъ убѣдился, что подозрѣнія его имѣютъ основаніе. Рѣшеніе его было принято тотчасъ же. Онъ пригласилъ въ тотъ же вечеръ въ Люксембургъ 16 человекъ, которые всѣ значились въ спискѣ Делагодда. Никто не зналъ, по какому поводу его приглашаютъ. Альберъ уступилъ собранію свою комнату, не зная, въ чемъ дѣло. Коссидьеръ заявилъ только, что имъ предстоитъ обсудить серьезное дѣло. Когда собраніе, участниками котораго были: Гранмениль, Тифанъ, Монье, Бокэ, Бержеронъ, Пиль, Лешалье, Альберъ, Мерсье, Кайльо и Собріе оказалось въ полномъ составѣ, Коссидьеръ, пришедшій вмѣстѣ съ Делагоддомъ, съ которымъ онъ только что пообѣдалъ, сказалъ:

«Граждане, насъ должно бы быть больше, но Луи-Вланъ и Ледрю-Ролланъ заняты въ Ратушѣ, Распайль и Варбэсъ въ своихъ клубахъ, Флоконъ нездоровъ... Граждане! между нами есть предатель, мы составимъ изъ себя тайный трибуналъ, чтобы судить его».

Всѣ переглянулись въ глубокомъ изумленіи. Делагоддъ остался невозмутимымъ. Послѣ того, какъ предсѣдателемъ суда былъ избранъ Гранмениль, Коссидьеръ, взявъ на себя должность прокурора, торжественно провозгласилъ имя предателя: Люсьенъ Делагоддъ. Услышавъ свое имя, Делагоддъ вскочилъ съ мѣста и бросился къ двери. Но Коссидьеръ предупредилъ его: вынувъ изъ кармана пистолетъ, онъ загородилъ ему дорогу. Делагоддъ отступилъ и началъ увѣрять, что онъ не виновенъ. Но «дѣло», содержащее его донесенія, лежало на столѣ. Почерки были сличены, и уличенный доносчикъ увидѣлъ, что ему остается только умолять своихъ судей о помилованіи. Но послѣдніе, охваченные сильнѣйшимъ гнѣвомъ, не хотѣли ничего слушать. Коссидьеръ, подойдя къ Делагодду, протянулъ ему

заряженный пистолетъ, съ полнымъ хладнокровіемъ заявляя, что ему ничего другого не остается въ доказательство своего раскаянія, какъ пустить себѣ пулю въ лобъ. Делагоддъ обезумѣлъ отъ страха, потъ градомъ лился съ его лба, онъ дрожалъ, рыдалъ; онъ умолялъ оставить ему жизнь. Тогда Альберъ, тронутый ея мольбами, сталъ просить за него. Другіе замѣтили, что выстрѣлъ можетъ встревожить весь кварталъ и обличить смерть, которая должна оставаться тайной. Кто-то предложилъ ядъ. Принесли стаканъ; Коссидьеръ съ большой важностью всыпалъ въ него бѣлый порошокъ, похожій на мышьякъ.

Несчастный Делагоддъ все еще держалъ свою голову руками и дрожалъ всѣмъ тѣломъ. По вторичной и болѣе настоятельной просьбѣ Альбера, рѣшено было оставить ему жизнь, но содержать его въ секретномъ отдѣленіи префектуры. Делагоддъ дѣйствительно провелъ тамъ нѣкоторое время. Оттуда его перевезли въ Консьержери, гдѣ онъ и оставался до паденія Коссидьера. Выпущенный на свободу новымъ префектомъ полиціи, онъ напечаталъ пасквиль, въ которомъ отомстилъ ругательствами и диффамацией за то нравственное мученіе, которому его подвергли въ Люксембургѣ.

Невозможно допустить, чтобы намѣреніе казнить Делагодда могло быть серьезнымъ; но созваніе этого тайнаго трибунала, заключеніе Делагодда безъ всякой судебной формальности, да еще въ Парижѣ, въ XIX вѣкѣ—развѣ все это не показываетъ, какое странное понятіе имѣли нѣкоторые люди о революціи, и какъ они своимъ показнымъ презрѣніемъ къ социальнымъ формамъ давали общественному мнѣнію поводъ нападать на республиканцевъ и на республику ¹⁾?

Въ теченіе тѣхъ же дней произошла благоговѣйная церемонія на кладбищѣ въ Сэнъ-Мандѣ, гдѣ покоится прахъ Армана Карреля. Республиканцы рѣшили публично почтить память одного изъ наиболѣе воодушевленныхъ рыцарскими чувствами людей своего лагеря. Депутаціи отъ школъ, отряды всѣхъ легіоновъ національной гвардіи, делегаты отъ всѣхъ газетъ, множество гражданъ составляли величественное шествіе, которое двинулось отъ Ратуши и съ Маррастомъ во главѣ медленно направилось къ Сэнъ-Мандѣ. На это торжество сочли должнымъ пригласить главнаго редактора газеты «*Presse*»,

¹⁾ Революціонеры этой школы нанесли значительный вредъ Республикѣ, воображая себѣ, что честь ихъ обязываетъ на каждомъ шагѣ оскорблять общественное мнѣніе. Они забывали, что и „съ общественнымъ мнѣніемъ въ революціонное время слѣдуетъ обращаться очень осторожно, что надо принимать его такимъ, какимъ оно есть, раньше, чѣмъ укрѣплять, и помогать ему преждѣ, чѣмъ возбуждать его“ (*Мирабо*. „Переписка съ графомъ де-Ламаркъ“, т. II, стр. 216).

злополучнаго противника Армана Карреля ¹⁾. Де-Жирандэнъ, котораго прельщало все, что было оригинально и смѣло, поспѣшилъ явиться на приглашеніе. На кладбищѣ, когда всѣ собрались вокругъ могилы, де-Жирандэнъ выступилъ впередъ и предложилъ почитать память человѣка, погибшаго жертвой варварскаго предразсудка, просьбой временному правительству о томъ, чтобы оно завершило свой актъ гуманности — отміну смертной казни — «запрещеніемъ дуэли». «Мы присоединяемся къ этому акту искупленія! воскликнулъ Маррастъ. Великодушіе, обнаруженное народомъ въ минуту борьбы, принуждало всѣ органы временнаго правительства сдѣлать то, что оно сдѣлало. Когда мы явились сюда, мы думали только о жизни Армана Карреля; мы забыли о его смерти. Гдѣ бы ни появлялся талантъ, соединенный съ благородствомъ души, временное правительство не замедлитъ протянуть ему руку, когда онъ захочетъ посвятить себя служенію дѣлу, которому мы служимъ всѣ, служенію Республикѣ!» И эти два человѣка, въ присутствіи многочисленной и разнородно настроенной публики, протянули другъ другу руку въ знакъ примиренія.

Безъ сомнѣнія, мысль эта была прекрасна и трогательна; въ этомъ примиреніи двухъ враговъ надъ могилой было нѣчто великое. Однако, выраженіе лицъ присутствующихъ показывало, что они давали неблагоприятное объясненіе этой демонстраціи, которая, исходя она отъ людей совершенно простыхъ, вызвала бы слезы умиленія у всѣхъ. Здѣсь же, въ этомъ примиреніи двухъ извѣстныхъ личностей, усматривали лишь условленный заранѣе эффектъ. Несмотря на искренность и мужество поступка де-Жирандэна, его выступленіе произвело на общественное мнѣніе одно только впечатлѣніе довольно плохо разыгранной сцены. Кромѣ того, люди боялись быть одураченными, принимая въ серъезъ великодушіе Марраста.

Наказаніе скептическихъ умовъ заключается въ томъ, что они часто понимаютъ величіе души, близко подходятъ къ нему, но заставляютъ его исчезать однимъ своимъ прикосновеніемъ.

Среди многочисленныхъ идей и чувствъ, внезапно вызванныхъ революціоннымъ броженіемъ изъ безмолвія, въ которомъ они были погружены и какъ бы заглушены, не могли не проявиться новыя мнѣнія относительно положенія женщинъ, ихъ правъ и обязанностей въ семьѣ и государствѣ. Революція 1848 г. пыталась и по

¹⁾ Самые близкіе друзья Армана Карреля отдавали справедливость де-Жирандэну, признавая, что онъ отнюдь не игралъ вызывающей роли въ этой несчастной дуэли, что онъ велъ себя во время переговоровъ и на мѣстѣ поединка, какъ человѣкъ, исполненный здраваго смысла, храбрости и чести.

этому вопросу, какъ по всѣмъ другимъ, вернуться къ традиціямъ первой революціи.

Да будетъ мнѣ позволено остановиться нѣкоторое время на этой части моего изложенія. Хотя этотъ вопросъ и не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ политической революціи, я нахожу его, тѣмъ не менѣе, достойнымъ вниманія, такъ какъ онъ тѣсно связанъ съ революціей соціальной, которую я задалась цѣлью прослѣдить шагъ за шагомъ во всѣхъ подробностяхъ ея развитія.

Не Руссо, какъ это вообще предполагають, а Кондорсэ принадлежитъ инициатива реформъ, предложенныхъ въ области воспитанія и положенія женщины. Онъ первый ясно установилъ принципъ *полнаго равенства правъ* для обоихъ половъ. Жанъ-Жакъ, обращавшійся къ женщинамъ съ неподражаемымъ краснорѣчіемъ и нѣжностью, тѣмъ не менѣе оказался по отношенію къ нимъ менѣе либеральнымъ, менѣе серьезнымъ, чѣмъ Фенелонъ. Въ своемъ планѣ воспитанія, не примѣнимомъ ни къ женщинѣ народа, о которой онъ и не подумалъ, — онъ, самъ вышедшій изъ народа, — ни даже къ женщинѣ среднихъ классовъ, а только къ дочерямъ богатыхъ, онъ устанавливаетъ въ принципѣ, что женщины *должны быть приучаемы къ принужденію, что зависимость есть ихъ естественное состояніе* ¹⁾. Онъ хочетъ, чтобы у нихъ развивали не умъ, такъ какъ это сдѣлало бы для нихъ еще болѣе тяжелымъ ихъ слѣпое подчиненіе чужой волѣ, а *пріятныя таланты*, и то только самымъ поверхностнымъ образомъ ²⁾. Г-жа де-Сталь, болѣе рациональная и твердая въ своихъ сужденіяхъ, отстраняетъ предразсудки Жанъ-Жака. Ея гордая и мощная душа была открыта для всѣхъ великихъ идей новѣйшаго времени. Она заявляетъ, что *въ настоящемъ своемъ состояніи женщины не принадлежатъ ни къ порядку природы, ни къ порядку общества* ³⁾. Она предсказываетъ, что скоро явятся законодатели, которые обратятъ серьезное вниманіе на воспитаніе женщинъ, на защищающіе ихъ гражданскіе законы, на обязанности, которыя должны быть возложены на нихъ, на ту гарантію счастья, которая можетъ имъ быть дана. Мирабо требуетъ для нихъ законнаго голоса въ семейномъ совѣтѣ. Наконецъ, революція, застающая ихъ безъ правъ, безъ рациональнаго воспитанія, стра-

¹⁾ См. „Emile“, кн. V.

²⁾ Напримѣръ, онъ допускаетъ для нихъ рисованіе для того, чтобы онѣ могли составить, при случаѣ, узоръ для вышиванія. Во всѣхъ его сочиненіяхъ мы встрѣчаемъ отголосокъ его *стиховъ о женщинахъ*:

„Objet séduisant et funeste

Que j'adore et que je déteste“.

³⁾ „De la littérature“, oeuvres complètes, т. I, стр. 21.

дающими, какъ говоритъ Кондорсэ, *отъ чувства вѣчной несправедливости*, увлекаетъ, возбуждаетъ ихъ, толкаетъ однѣхъ въ первые ряды революціи, бросаетъ другихъ въ водоворотъ слѣпыхъ страстей.

Мы видимъ прежде всего, при самомъ началѣ революціи, женщинъ, какъ г-жи Гельвеціусъ, Неккеръ, де-Жанлисъ, де-Кондорсэ, которыя, царя среди блестящаго круга общества, апплодируютъ новаторамъ, привлекаютъ ихъ въ свою среду, ободряютъ ихъ своимъ сочувствіемъ. Въ это же время М-ле де-Лезардьеръ, въ тиши суроваго уединенія собирающая законы французской монархіи, служитъ доказательствомъ того, что женскій умъ способенъ принимать широкое участіе въ работахъ вѣка и достоинъ, по своей зрѣлости и возвышенности, того равноправія, въ которомъ еще отказываетъ женщинѣ вѣковой предразсудокъ. Появляется краснорѣчивая Олимпія де-Гужъ и даетъ требованіямъ своего пола въ высшей степени смѣлую и опредѣленную политическую формулу, устраняющую всякую недосказанность, всякое недоразумѣніе ¹⁾. За нею идетъ г-жа Роланъ, эта римлянка скромныхъ нравовъ, безъ колебаній живущая и умирающая за свободу и лишь въ тихой жалобѣ выразившая то чувство тоски и неудовлетворенности, которое вызываетъ въ ней тяготящій надъ ея поломъ предразсудокъ. Послѣ нея идетъ Шарлотта Кордэ, римлянка корнелевской крови, которая убиваетъ и умираетъ съ античнымъ спокойствіемъ. Наконецъ, во всѣхъ сословіяхъ, во всѣхъ даже низайшихъ слояхъ населенія, въ широкомъ движеніи оживляемыхъ ими федерацій, на трибунахъ Собранія, въ клубахъ, которыми онѣ руководятъ, въ войскахъ, на Марсовомъ полѣ, въ Версалѣ, въ Тюильрійскомъ дворцѣ и даже увѣ въ сентябрьскихъ тюрьмахъ—всюду женщины, вдохновенныя или одержимыя духомъ Революціи, принимаютъ участіе во всѣхъ великихъ проявленіяхъ мысли, во всѣхъ геройскихъ дѣяніяхъ, во всѣхъ безумствахъ революціоннаго увлеченія.

Революція, вызвавшая ихъ на политическую арену, снова отбросила ихъ въ тѣнь 9-го термидора, не внеся существенныхъ измѣненій въ ихъ соціальное положеніе. Между тѣмъ Учредительное Собраніе не только почтило ихъ блестящимъ образомъ, передавъ *охрану Конституціи бдительности женщ и матерей*, но и значительно улучшило судьбу ихъ въ семьѣ, установивъ равный раздѣлъ наслѣдства и отмѣнивъ вѣчный характеръ монашескихъ обѣтовъ. Законодательное Собраніе хотѣло сдѣлать еще болѣе,

¹⁾ „Въ самомъ дѣлѣ, — восклицаетъ она въ письмѣ къ Банкалю, — я очень недовольна тѣмъ, что я женщина! Мнѣ должно было бы имѣть другую душу, жить въ другое время или быть другого пола!“

декретируя разводъ. Но и въ этомъ случаѣ законодатели позаботились исключительно о богатомъ классѣ. Вопросы о равномъ дѣлѣ имуществъ, о вѣчныхъ обѣтахъ и о неразрывности брачныхъ узъ не касались дочери народа, ибо она не ожидаетъ наслѣдства, семьѣ ея нѣтъ никакой выгоды заключать ее въ монастырь, а однообразіе ея полной труда жизни совершенно естественно и, не причиняя ей страданій, удерживаетъ ее въ единомъ бракѣ. Вопросы, интересующіе всѣхъ женщинъ вообще, и ихъ права въ различныхъ соціальныхъ положеніяхъ снова послѣ долгаго молчанія о нихъ во время имперіи и реставраціи ¹⁾, были затронуты и разбирались школами Сэнъ-Симона и Фурье.

Въ 1830 г. проповѣди сэнъ-симонистовъ пробудили въ нѣкоторыхъ женщинахъ стремленіе къ эмансипаціи. Къ сожалѣнію, содержащіяся въ сэнъ-симонистскомъ ученіи истины вскорѣ были искажены личнымъ вліяніемъ нѣкоторыхъ сектантовъ, дѣлавшихъ изъ всѣхъ естественныхъ и соціальныхъ законовъ какую-то мистическую смѣсь наслажденій, не пріемлемую для современной нравственности. Женщины, бросившіяся въ сэнъ-симонизмъ, не понимая хорошенько таинственного смысла нѣкоторыхъ формулъ, смутились; ихъ воображеніе, возбужденное обрядами и церемоніями, въ которыхъ магнетизмъ игралъ первенствующую роль, вступило въ борьбу съ ихъ разумомъ и деликатностью ихъ инстинктовъ. Многія, вынеся тяжелую внутреннюю борьбу, вернулись въ лоно католической церкви; другія, болѣе слабыя или болѣе смѣлыя, лишили себя жизни. Недовѣріе, внушенное мистеріями сэнъ-симонизма, долго еще давило и на всѣ идеи, благопріятствующія улучшенію судьбы женщины.

Около этого же времени появился новый женскій талантъ, блескъ и новизна котораго возбудили всеобщее любопытство. Аврора Дюпенъ, баронесса Дюдеванъ, внучка генеральнаго фермера Дюпенъ, насчитывавшая въ числѣ своихъ предковъ маршала Франціи, графа Саксонскаго, напечатала подъ псевдонимомъ Жоржъ Зандъ рядъ великолѣпно написанныхъ романовъ, общее направленіе которыхъ было восхваленіе женскаго характера и описаніе страданій женщины въ свѣтѣ и въ бракѣ. Гласный разрывъ брачныхъ узъ, фантастическое существованіе, оригинальная красота, удивительная художественность въ самыхъ непосредственныхъ созданіяхъ ея таланта—все это придавало личности и сочиненіямъ Жоржа Зандъ необычайное обаяніе. Сэнъ-симонисты, тогда еще въ полномъ раз-

¹⁾ Несправедливо было бы не упомянуть о появленіи въ тѣ годы, когда предразсудокъ снова взялъ верхъ, прекраснаго сочиненія г-жи Некеръ де-Соссюръ и книги г-жи де-Ремюза, гдѣ я нахожу слѣдующую гордую и смѣлую мысль: „женщины имѣютъ право на обязанность“.

гарѣ своей проповѣднической дѣятельности, хотѣли взять въ свои руки руководство этимъ удивительно приспособленнымъ для пропаганды талантомъ. Но складъ ума Жоржъ Зандъ не могъ мириться съ іерархическимъ принципомъ общества сантъ-симонистовъ. Чувствуя неудержимое влеченіе къ самымъ простымъ и радикальнымъ идеямъ равенства, она понимала демократію такъ, какъ понимали ее бабувисты. Старый Буонаротти нашелъ въ ней покорную ученицу. Коммунизмъ Леру, теорія Луи-Блана пробудили въ умѣ ея отзвуки, которые въ свою очередь раздались далеко вокругъ. Оставивъ область личныхъ чувствъ и характеровъ въ романѣ, она посвятила свою литературную дѣятельность пропагандѣ коммунизма и дѣлу пролетаріата, разсматриваемому съ точки зрѣнія абсолютнаго равенства. Вліяніе Жоржъ Зандъ, съ которымъ мы скоро встрѣтимся въ совѣтахъ министра внутреннихъ дѣлъ, несмотря на всю силу и красоту ея таланта, было лишь чисто агитаторскимъ. Она облекла всѣми прелестями неистощимаго воображенія такіе предметы, которые прежде, казалось, не способны были вдохновлять поэтовъ. Героемъ своихъ новыхъ романовъ она взяла городской и сельскій пролетаріатъ съ его трудомъ и его несчастнымъ положеніемъ. Она противопоставила его добродѣтели эгоизму знатныхъ и богатыхъ; она просила и состраданія къ нему, и въ то же время показывала его достойнымъ удивленія. Но она не подошла непосредственно къ философскимъ или историческимъ доктринамъ, на которыхъ покоится право демократіи, и старательно отстранилась отъ попытокъ нѣкоторыхъ другихъ женщинъ потребовать распространеніе на ихъ полъ всѣхъ успѣховъ, достигнутыхъ или обѣщанныхъ новой республикой.

Попытки эти, надо сказать правду, не были ни достаточно зрѣло обдуманы, ни особенно умно проведены женщинами, усердію которыхъ почти не приходилъ на помощь талантъ. Не считаясь съ современнымъ состояніемъ нравовъ, онѣ скорѣе рѣзко нарушали обычай и привычки, чѣмъ старались овладѣть умами. Въмѣсто того, чтобы въ своихъ сочиненіяхъ вернуться къ идеямъ Кондорса, обсуждать со всей скромностью и простотой вопросы, относящіеся къ воспитанію женщины всѣхъ классовъ, къ поприщамъ, которыя могли бы быть открыты для нея, къ заработной платѣ женщины изъ народа, къ авторитету матери семейства, къ достоинству жены, къ тому, что должно пользоваться большей защитой законовъ ¹⁾; вмѣсто того, чтобы подвигаться осторожно и медленно,

¹⁾ Одинъ историкъ съ серьезнымъ философскимъ взглядомъ, который никто не станетъ у него оспаривать, Анри Мартэнъ, въ своей прекрасной книгѣ *Франція*, такимъ образомъ высказался относительно этого щекотливаго вопроса: «Ниженное и подчиненное положеніе, созданное женщинами

шагъ за шагомъ, по мѣрѣ того, какъ общественное мнѣніе будетъ становиться болѣе благопріятнымъ, онѣ произвели рядъ весьма неполитичныхъ манифестацій, онѣ съ шумомъ открыли нѣсколько клубовъ, которые вскорѣ сдѣлались предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ. Во время банкетовъ онѣ произносили тосты, мистическій и неопредѣленный смыслъ которыхъ ни на кого не могъ производить хорошее впечатлѣніе и никому ничего не объяснялъ; онѣ стали издавать газеты, которыхъ никто ни читалъ. Одна изъ нихъ потребовала оффиціально въ мэрѣ маленькаго городка своего права избирательницы; нѣкоторое время спустя, другая, еще болѣе смѣлая, расклеила на стѣнахъ Парижа афишу, выставившую ея кандидатуру въ Національное Собраніе. Къ этимъ неумѣстнымъ демонстраціямъ присоединились эксцентричныя выходки весьма низкаго разряда. Какой-то сумасшедшій, по имени Бормъ, организовалъ легіонъ изъ женщинъ сомнительнаго поведенія и далъ имъ названіе *везувьянокъ* (*Yésviennes*). Онъ водилъ ихъ нѣсколько разъ въ Ратушу съ тѣмъ, чтобы онѣ говорили рѣчи и чтобы имъ говорили рѣчи. Всѣ эти эксцентричности, весь этотъ внѣшній шумъ только напугалъ многихъ разсудительныхъ людей, и предрасудокъ, начавшій уже ослабѣвать, укоренился съ новой силой.

Однако, народъ былъ иного мнѣнія относительно этого похода женщинъ. Народъ — и это понятно — мало замѣчаетъ смѣшную сторону вещей. Народъ не смѣется надъ *добрыми намыреніемъ*, а уважаетъ его даже въ его ошибкахъ и неудачахъ. По своей естественной прямотѣ и по простотѣ души, онъ питаетъ глубокое уваженіе къ характеру женщины. Въ этомъ отношеніи онъ не раздѣляетъ ни одного изъ ироническихъ предрасудковъ, которые поддерживаются въ буржуазіи исключительно литературнымъ воспитаніемъ. Народъ не имѣетъ понятія о подчиненности женщины, установленной во французскихъ нравахъ латинской традиціей. Ему не извѣстенъ также и приговоръ, произнесенный надъ нею христіанской теологіей. Онъ знаетъ только то, что Жанна д'Аркъ спасла Францію. Онъ никогда не читалъ сатиръ Рабля, сказокъ Лафонтана и поворной поэмы Вольтера, и съ негодованіемъ отвернулся бы отъ нихъ. Пролетарій, видящій всюду около себя женщину трудолюбивую, разумную, серьезную, требуетъ для нея, вопреки сарказмамъ буржуазіи, которыхъ онъ не можетъ понять, — образованія, умѣреннаго труда, необходимаго для нравственной жизни

бракомъ, не отвѣчаетъ ни идеямъ, ни нравамъ, господствующимъ во Франціи. Женщина недостаточно защищена обществомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда законъ воздерживается отъ вмѣшательства, вмѣсто того, чтобы вмѣшаться».

досуга, того участія въ социальныхъ функціяхъ, которое связываетъ отдѣльныя существованія въ одну общую жизнь и дѣлаетъ жителей одной страны гражданами одной родины ¹⁾. Неудавшіяся попытки не отталкиваютъ его; онъ не даетъ сбить себя съ толку насмѣшками; то, что онъ считаетъ правильнымъ, не можетъ казаться ему смѣшнымъ. Поэтому можно утвердительно сказать, что всѣ успѣхи демократіи во Франціи всегда вели за собой соответствующій прогрессъ въ положеніи женщины. Въ тотъ день, когда народу удастся провести въ законы одушевляющія его чувства, равенство и братство, не будутъ внушаться по отношенію къ одному только полу; право не будетъ оспариваться; высшій порядокъ существованія начнется для женщины въ семьѣ и въ государствѣ.

XXIII.

Совѣщанія въ Люксембургскомъ дворцѣ.—Луи-Бланъ.—16-е и 17-е марта.

Въ то время, какъ печать и клубы, увлекаемые вихремъ революціонной бури, производили смутное волненіе страстей въ народной массѣ, конференціи Люксембургскаго дворца открылись съ серьезной важностью, и пролетаріатъ, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, послушный голосу человѣка, изучившаго социальный вопросъ и имѣвшаго опредѣленную доктрину, обсуждалъ поло-

¹⁾ Одинъ адресъ, переданный 3 марта временному правительству, выражается такимъ образомъ:

„Граждане,

„Многія женщины находятся въ отчаянномъ положеніи; вы не захотите, чтобы онѣ были предоставлены въ жертву нищетѣ или разврату. Добрые нравы составляютъ силу республикѣ, а нравы создаютъ женщины. Пусть нація чрезъ посредство вашего голоса почтитъ женскій трудъ! Пусть онѣ по вашей волѣ займутъ мѣсто въ совершающемся преобразованіи и пусть чрезъ васъ получатъ поддержку принципъ ассоціаціи для тѣхъ работъ, которые могутъ входить въ кругъ ихъ дѣятельности.

„Женщины заслуживаютъ сдѣлаться участницами почета и благосостоянія, которые принесутъ народу наши новыя учрежденія. Благодаря имъ, мужчина находитъ счастье въ семьѣ; онѣ внушаютъ ему начала нравственныхъ чувствъ. Онѣ давно уже сдѣлались участницами славы въ литературѣ, въ искусствахъ, въ промышленности, такъ же, какъ и участницами нашихъ страданій въ лицѣ достойныхъ удивленія сестеръ милосердія.

„Сдѣлайте, граждане, такъ, чтобы слава знаменитыхъ и достойныхъ прославленія женщинъ, жившихъ раньше насъ, пролилась теперь на женщинъ труда и скромнаго самопожертвованія, на матерей, дочерей, сестеръ того народа, для котораго вы совершаете столь великія вещи.

„Примите, граждане, и т. д.

женіе, съ полной искренностью стараясь, путемъ *организации труда*, примирить права и интересы, поставленные въ условіяхъ неограниченной свободы во враждебное другъ къ другу отношеніе.

Странное и удивительное зрѣлище для остальной Франціи и для Европы, гдѣ въ ту минуту съ безпокойствомъ слѣдили за каждымъ шагомъ, за каждымъ дѣйствіемъ, за каждымъ словомъ парижскаго народа, представлялъ дворецъ Маріи Медичи съ его дворами, лѣстницами, мраморными галлереями, съ его обширными и величественными оградами, чрезъ которыя каждый день проходили длинныя вереницы пролетаріевъ, не обращающихъ вниманія на чудныя произведенія флорентинскаго искусства и французской монархіи. Сосредоточенные, поглощенные одной мыслью, они съ рвеніемъ, достойнымъ лучшаго успѣха, преслѣдовали цѣль, которой имъ не суждено было достигнуть.

Залъ засѣданій прежней палаты пэровъ былъ избранъ для созыва парламента промышленности. Пристава въ парадной формѣ, всѣ въ черномъ и при шпагѣ, явились исполнять въ собраніи куртокъ и блузъ тѣ обязанности, которыя они несли за недѣлю передъ тѣмъ въ собраніи расшитыхъ золотомъ мундировъ. И эта неизмѣнность во внѣшнемъ проявленіи власти, когда сама власть, такъ сказать, перемѣнила полюсъ, заставляла выступать, самымъ нагляднымъ образомъ, тотъ комическій элементъ, который всегда почти примѣшивается къ трагическимъ превратностямъ исторіи.

Перваго марта въ 9 часовъ утра двѣсти делегатовъ отъ различныхъ рабочихъ корпорацій заняли мѣста на креслахъ тѣхъ самыхъ пэровъ, на которыхъ нѣкогда лежала обязанность приговаривать къ смерти или къ тюремѣ борцовъ и исповѣдниковъ республиканскаго равенства. Луи-Бланъ занималъ кресло канцлера герцога Паскье. Рабочій Альберъ въ качествѣ вице-президента сидѣлъ рядомъ съ нимъ. Луи-Бланъ самъ говоритъ ¹⁾, что въ эту минуту испытывалъ торжественное и глубокое чувство. Но какою горестью смѣнилось бы это впечатлѣніе, если бы радость, которую доставляла ему мысль, что онъ присутствуетъ при торжествѣ своихъ идей, позволила увидѣть ему въ ближайшемъ будущемъ все безсиліе системы и воли,—какъ ни была она энергичной,—измѣнить коренныя условія соціальной жизни. Хотя Луи-Бланъ и угадалъ тѣ мотивы, которые побудили временное правительство назначить ему подальше отъ Ратуши помѣщеніе для того, что оно назвало потомъ *засѣданіями голода*, онъ всетаки вѣрилъ,—и эта живая вѣра составляла въ одно и то же время и его силу, и его слабость,—что онъ, такимъ образомъ, овладѣваетъ революціей и вліяетъ на обще-

¹⁾ Pages d'Histoire, стр. 49.

ственное мнѣніе. Луи-Бланъ былъ слишкомъ возвышеннаго направленія ума, чтобы, подобно Ледрю-Роллану, играть въ терроръ. Онъ слишкомъ искренно уважалъ народъ ¹⁾, чтобы заставить его служить орудіемъ для своихъ личныхъ цѣлей. Но онъ добивался того, чтобы всѣ признали его краснорѣчивымъ выразителемъ добродѣтелей и безмолвной горести народныхъ массъ. Онъ хотѣлъ внушить этой безсвязной массѣ сознаніе ея силы; онъ надѣялся, путемъ проявленія этой спокойной, но непоколебимой силы пролетаріата, произвести въ умахъ буржуазіи такой переворотъ, который сдѣлаетъ ненужнымъ всякое насиліе.

Характеръ Луи-Блана и роль, которую онъ игралъ въ первые мѣсяцы революціи, заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Если съ его именемъ и не связано воспоминаніе о какой-либо изъ важныхъ реформъ, составляющихъ гордость государственныхъ дѣятелей, которые появились въ благоприятный моментъ; если онъ даже не сумѣлъ охватить философскимъ взглядомъ общую картину новаго социального строя,—то онъ всетаки одинъ изъ первыхъ указалъ обществу среднихъ классовъ на глухую борьбу, начавшуюся въ его средѣ раньше, чѣмъ оно осмѣлилось признаться въ ней самому себѣ; онъ смѣлою рукой раскрылъ ту рану, которую оно должно было ощущать, которой оно должно было испугаться, чтобы постараться излѣчить ее. Наконецъ, если онъ и не далъ массѣ пролетаріата обѣщанной организаціи, онъ, тѣмъ не менѣе, возбудилъ въ ней сильное организаціонное стремленіе, которому предстоитъ еще много блужданій, но окончательный исходъ котораго не можетъ вызывать сомнѣнія.

Вслѣдствіе аномаліи, довольно часто встрѣчающейся въ жизни знаменитыхъ людей, характеръ и природные инстинкты Луи-Блана были явно противоположны идеямъ, которыя сложились въ его умѣ. Никогда ни у кого чувство личности не коренилось такъ глубоко, какъ у этого упорнаго противника *индивидуализма*; коммунистическія теоріи никогда не имѣли защитникомъ своимъ умъ, менѣе способный дать поглотить себя общинѣ, натуру, которая болѣе противилась бы ассимиляціи, отрицанію своего я во имя общаго равенства. Вся жизнь его представляетъ собой борьбу этого несокрушимаго я противъ судьбы и противъ людей.

Луи-Бланъ родился 28 октября 1813 г. въ Мадридѣ, гдѣ отецъ его, уроженецъ Родэза, былъ главнымъ инспекторомъ финансовъ короля Іосифа; по матери онъ былъ родственникомъ генерала

¹⁾ Однажды въ дружеской бесѣдѣ Луи-Бланъ, говоря о чувствахъ, внушаемыхъ ему пролетаріями со всѣми ихъ недостатками и заблужденіями, высказалъ слѣдующую глубокую мысль: „Я люблю народъ, скажетъ онъ, не за то, чѣмъ онъ есть, а за то, чѣмъ ему *нужно* быть!“

Поццо-ди-Борго и такъ же, какъ и младшій братъ, получилъ въ родительскомъ домѣ такія впечатлѣнія и такое воспитаніе, которыя должны были внушить ему отвращеніе къ французской революціи. Дѣдъ его искупилъ смертью на эшафотѣ свою запятанную аристократизмомъ жизнь, и католическая набожность его матери почерпала въ этомъ воспоминаніи строгія предупрежденія для будущаго. Однако школа и ученіе мало по малу изгладили эти впечатлѣнія дѣтства, открывая уму юноши болѣе широкіе взгляды на прошедшее и на будущее. Когда онъ окончилъ ученіе, мать его умерла; отецъ его, совершенно разворонный паденіемъ короля Іосифа, впалъ въ мрачную меланхолію, заставлявшую его видѣть тайныхъ враговъ во всѣхъ окружающихъ и даже въ собственномъ сынѣ.

При этихъ печальныхъ обстоятельствахъ Луи-Бланъ въ 1830 г. пріѣхалъ въ Парижъ, чтобы искать случая примѣнить къ жизни тѣ способности, которыя учителя его считали необычайными и которыя, какъ ему самому казалось, не соотвѣтствовали безъизвѣстному прозябанію, на какое обрекала его бѣдность. Одаренный прекрасной наружностью, умомъ, въ которомъ блескъ южной экспансивности соединялся съ рѣдкой способностью сосредоточиваться и съ очень ранней зрѣлостью, онъ очаровывалъ всѣхъ тѣхъ, у кого просилъ покровительства; но дѣйствительной поддержки онъ не получалъ ни отъ кого. Дни проходили за днями, и самыя тяжкія лишенія обрекали на печальное уединеніе его жаждущую проявить себя молодость. Не разъ онъ дѣлалъ видъ, что обѣдалъ у кого нибудь, чтобы оставить болѣе слабому или менѣе выносливому брату свою ежедневную порцію хлѣба; не разъ онъ отдавалъ свое уже краснорѣчивое перо въ услуженіе чужимъ людямъ, чтобы доставить своему старому отцу мимолетное облегченіе. Наконецъ, видя безплодность своихъ усилій, онъ уступилъ, хотя и съ отвращеніемъ, совѣту одного изъ своихъ дядей, который уже давно увѣщевалъ его пойти къ родственнику своему, генералу Поццо-ди-Борго, и просить, что было весьма натурально, помощи родственника своей матери.

Предчувствовалъ-ли онъ то, что произойдетъ, или по какой-либо другой причинѣ, но Луи-Бланъ медленно и нехотя пошелъ по направленію къ дому Поццо-ди-Борго. Его приняли очень вѣжливо. Генералъ разспрашивалъ его весьма доброжелательно, обѣщалъ позаботиться о немъ; затѣмъ, когда онъ нашелъ, что разговоръ длился достаточно, онъ позвонилъ и вполголоса отдалъ лакею какое-то приказаніе. Лакей черезъ нѣсколько минутъ вернулся, держа въ рукахъ кошелекъ съ деньгами. Тогда Луи-Бланъ, который уже съ большимъ трудомъ отвѣчалъ на распросы своего не-

ваго покровителя, почувствовалъ, что краска заливаетъ его лицо. Сдерживаться онъ уже былъ не въ силахъ, когда увидѣлъ, что лакей брата его матери передаетъ ему милостыню отъ своего господина. Вся его личная и семейная гордость возмутилась, и онъ, отшвырнувъ отъ себя кошелькъ, далъ полную свободу души-вшимъ его чувствамъ, отказался, не думая болѣе ни о чемъ, отъ покровительства, которое принимало столь оскорбительную форму, и поспѣшно вышелъ изъ дома, гдѣ съ тѣхъ поръ имя его произносилось лишь съ гнѣвомъ и раздраженіемъ.

Нѣкоторое время спустя, по счастливому стеченію обстоятельствъ, одинъ изъ его пріятелей представилъ его богатому фабриканту изъ Арраса, Галлетту, который искалъ учителя для своего сына. Луи-Бланъ понравился ему; онъ выслушалъ его благосклонно, но не могъ рѣшиться облечь въ важное званіе педагога чело-вѣка, маленькій ростъ, манеры и веселый смѣхъ котораго заставляли предполагать въ немъ скорѣе склонность къ юношескимъ шалостямъ, нежели учительскій авторитетъ. Но благодаря вмѣшательству одной умной женщины, сомнѣнія отца разсѣялись, и Луи-Бланъ отправился въ Аррасъ. Это былъ первый шагъ его на томъ поприщѣ, гдѣ извѣстность, такъ сказать, пошла ему навстрѣчу. Здѣсь онъ началъ свою публицистическую дѣятельность, помѣщая въ одной радикальной газетѣ отлично написанныя статьи; здѣсь же онъ впервые испробовалъ свой талантъ учительства и пропаганды, доставившаго черезъ нѣсколько лѣтъ ему ту популярность, которой онъ жаждалъ и которую предчувствовалъ. На фабрикѣ Галлетта было болѣе трехъ сотъ рабочихъ. Луи-Бланъ познакомился съ ними, полюбилъ ихъ и присоединилъ ихъ къ урокамъ, которые давалъ своему воспитаннику. Вскорѣ, найдя возможность читать имъ отдѣльныя лекціи, онъ съ удивленіемъ замѣтилъ у этихъ людей страстное желаніе учиться, желаніе, рѣзко противорѣчившее тому отвращенію отъ книгъ и той систематической лѣности, которыя онъ видѣлъ въ школахъ. Съ этой минуты онъ рѣшилъ посвятить себя обученію народа и сталъ отыскивать тѣ социально-экономическіе законы, которые болѣе всего способствуютъ умственному развитію одареннаго спиритуалистическими инстинктами народа, со стыдомъ и печалью переносящимъ низкій уровень своей моральной жизни.

Вернувшись въ Парижъ въ 1834 г., Луи-Бланъ, черезъ посредство главнаго редактора аррасской газеты, вошелъ въ сношенія съ Кошуа-Лемэромъ и Роддомъ, редактировавшими тогда газету прекраснаго направленія подъ заглавіемъ «Le Bon sens» (Здравый смыслъ). Серьезныя и основательныя статьи, которыя печатавъ въ этомъ органѣ Луи Бланъ, имѣли неоспоримый успѣхъ. Такъ какъ годы и превратности судьбы скользили по его чертамъ, не оставляя

на нихъ слѣда, молодому человѣку никто не давалъ болѣе пятнадцати лѣтъ, и никто не могъ повѣрить, чтобы въ такомъ возрастѣ возможно было такъ мыслить и такъ писать. Наконецъ, онъ встрѣтился однажды въ кругу журналистовъ съ Арманомъ Каррелемъ, обладавшимъ рѣдкимъ даромъ признавать и любить превосходство въ другихъ. Арманъ Каррель вызвалъ его на разговоръ, затѣялъ съ нимъ споръ и, удивившись, что нашелъ въ немъ такого упорнаго противника, почувствовалъ влеченіе къ этой богатой артистической натурѣ и предложилъ ему сотрудничать въ «National». Несмотря на сопротивленіе прочихъ сотрудниковъ, Каррель заставлялъ ихъ напечатать рядъ статей Луи-Блана, рѣзко отличавшихся отъ чисто политическаго направленія радикальной газеты по существу трактуемыхъ ими вопросовъ, совокупность которыхъ, подъ именемъ *соціализма*, въ послѣдствіи заняла и устрасила весь міръ. Нѣкоторое время спустя, когда Луи-Бланъ уже составилъ себѣ имя своими работами въ «National» и въ «Revue du progrès», Годафруа Кавеньякъ, съ которымъ онъ подружился и который испытывалъ на себѣ обаяніе его соціалистическихъ идей, приводившихся все болѣе и болѣе въ систему, ввелъ его въ редакцію «Réforme». Здѣсь послѣ смерти Кавеньяка онъ занялъ, рядомъ съ Ледрю-Роллэномъ и другими продолжателями якобинской политики, совершенно особенное значеніе.

Въ первой части этой исторіи я говорила, каково было продолженіе работъ Луи-Блана, начиная съ его отдѣльныхъ статей до брошюры объ *Организаціи труда*. Его ученіе или, скорѣе, его система имѣла корни въ санъ-симонизмѣ; оставляя въ сторонѣ релігіозныя формулы этой школы, онъ сосредоточилъ всю свое вниманіе на одномъ пунктѣ соціальной жизни и сдѣлалъ изъ мастерской рабочаго ось міра. Государство, рассматриваемое, какъ хранитель общественнаго богатства; государство-капиталистъ, распределяющій среди рабочихъ работу и вознагражденіе, регулирующий производство и потребленіе, уничтожая конкуренцію, а вмѣстѣ съ нею всѣ неравенства состоянія—такова была утопія, которую обширный талантъ Луи-Блана воспроизводилъ во всѣхъ ея видахъ въ продолженіе болѣе десяти лѣтъ, и которую явившійся на его голосъ пролетаріатъ, собравшійся на скамьяхъ законодателей былаго времени, долженъ былъ взять въ основу обновленнаго во всемъ своемъ составѣ законодательства ¹⁾.

¹⁾ Въ своей «Исторія Революціи 1848 г.", т. IV, стр. 84, Гарнье-Пажесъ обвиняетъ Луи-Блана въ томъ, что онъ поддерживалъ систему *на-смѣстственныхъ ассоціацій*. Луи-Бланъ въ письмѣ, которое я имѣю въ рукахъ и откуда я приведу извлеченіе, протестуетъ противъ этого обвиненія; онъ рассказываетъ совершенно иначе, чѣмъ Гарнье-Пажесъ, споръ,

Теперь мы будемъ слѣдить за тѣмъ, какъ день за днемъ исчезали эти колоссальныя иллюзіи; но, чтобы быть справедливыми, мы констатируемъ въ то же время и отличные результаты, которые, помимо непримѣнимой мечты, были достигнуты конференціями Люксембургскаго дворца, и которымъ можно сдѣлать лишь тотъ упрекъ, что они не соотвѣтствуютъ тѣмъ безконечнымъ надеждамъ, которыми Луи-Бланъ прельстилъ народное воображеніе. Во всякомъ случаѣ пользу, которую принесли конференціи Люксембурга, т. е. многочисленныя соглашенія между рабочими и хозяевами въ этомъ горячемъ Парижѣ, гдѣ малѣйшія несогласія могли каждую минуту зажечь гражданскую войну, и импульсъ, данный рабочимъ ассоціаціямъ, которыя современемъ образуютъ естественную организацію труда, можно было достигнуть съ большей простотой обстановки и съ меньшимъ шумомъ. Луи-Бланъ, который, разумѣется, понималъ это, свалилъ эту печальную несоразмѣрность между обѣщаніемъ и результатомъ на нежеланіе своихъ коллегъ въ правительствѣ. Онъ заявилъ, что, отказавъ ему въ бюджетъ и въ министерствѣ, его обрекли на безсиліе: это было странное заблужденіе. Бюджетъ можетъ служить только для примѣненія принциповъ, принятыхъ общественной совѣстью, а между тѣмъ его сторонники, которыхъ большинство націи не знало, еще даже и не были признаны пролетаріатомъ, хотя они и льстили всѣмъ его инстинктамъ. Народъ любилъ личность Луи-Блана и то чувство, которое внушали ему его теоріи. Онъ же, всегда готовый увлекаться иллюзіей, заключилъ изъ этого, что идеи его популярны. Это было заблужденіе, въ которое не впалъ бы государственный дѣятель и которое вовлекло его въ другія ошибки сужденія. Мы не замедлимъ убѣдиться въ этомъ, когда снова возьмемся занить событій тамъ, гдѣ прервали ее.

Мы оставили рабочихъ въ залѣ засѣданія пэровъ. Луи-Бланъ излагаетъ имъ цѣль комиссіи, заключающуюся въ разсмотрѣніи всѣхъ относящихся къ труду вопросовъ, въ подготовленіи ихъ разрѣшенія въ формѣ проекта, который будетъ представленъ на разсмотрѣніе Національнаго Собранія, а пока въ выслушиваніи самыхъ неотложныхъ требованій, чтобы удовлетворить тѣ, которыя найдены будутъ справедливыми. Нѣсколько рабочихъ всходятъ на трибуну и заявляютъ, что два требованія составляютъ предметъ

имѣвшій мѣсто на одномъ собраніи у Мари, до революціи, между нѣсколькими депутатами и нѣсколькими журналистами, сотрудниками „National“, „Réforme“ и „Atelier“. По словамъ Луи-Блана, Гарнье-Пажесъ сдѣлалъ двойную ошибку, и на собраніи даже и не поднимали вопроса о свободныхъ или насильственныхъ ассоціаціяхъ. См. „Историческіе документы“ въ концѣ тома, № 6.

особенно настоятельной просьбы. Рабочіе ставятъ условіемъ возвращенія въ мастерскія уменьшеніе часовъ труда и отмѣны торговли, т. е. обидной эксплуатаціи рабочихъ подрядчиками, которые, будучи ни на что не нужными, поглощаютъ значительную долю заработка. Это первое требованіе, столь умѣренное, столь справедливое въ принципѣ, встрѣчаетъ затрудненія, всю важность которыхъ Луи-Бланъ тотчасъ же чувствуетъ. Поддерживаемый Араго, который, вѣрный своему обѣщанію, приноситъ ему на помощь свое имя и свои лѣта, Луи-Бланъ пытается, по крайней мѣрѣ, выиграть время, отказывая устанавливать что-либо, прежде чѣмъ правильные выборы не дадутъ полного представительства корпораціи. Онъ прибавляетъ, что мнѣніе хозяевъ, которые не менѣе рабочихъ страдаютъ отъ кризиса и интересы которыхъ въ сущности тождественны, заслуживаетъ того, чтобы быть выслушано, иначе рабочіе рискуютъ слишкомъ большою поспѣшностью помѣшать успѣху проведенія требуемыхъ мѣръ.

Созывъ хозяевъ состоялся въ тотъ же вечеръ. Большинство изъ нихъ высказываютъ по отношенію къ рабочимъ самыя либеральныя намѣренія и соглашаются на представленныя имъ требованія. Луи-Бланъ, у котораго какъ гора свалилась съ плечъ, тотчасъ же заставляетъ правительство издать декретъ, отмѣняющій торги и уменьшающій рабочій день на одинъ часъ во всей Франціи, чѣмъ устанавливался рабочій день для Парижа въ десять часовъ и для департаментовъ въ одиннадцать часовъ. Но легкость, съ какой онъ добивается этой первой попытки реформы, совершенно обманчива. Только что изданный декретъ 2-го марта, не получившій никакой карательной санкціи ¹⁾, дѣлается предметомъ почти всеобщаго сопротивленія. Большинство промышленниковъ форменно отказывается исполнять его предписаніе; другіе идутъ еще дальше и увольняютъ рабочихъ; многіе рабочіе не хотятъ работать болѣе восьми или девяти часовъ.

Между тѣмъ экзальтація Луи-Блана, на минуту ослабленнаго идеей большихъ парламентскихъ дебатовъ, которые изъ Люксембурга распространятся по всей Европѣ, значительно упала, когда онъ увидѣлъ въ дѣйствительности, съ одной стороны, страшныя затрудненія для малѣйшаго улучшенія, съ другой—безконечно мелкія детали, ради которыхъ ему приходилось съ высоты своихъ теорій спускаться въ область практической дѣйствительности. Его дебютъ

¹⁾ Впослѣдствіи правительство пыталось дать ему эту санкцію, и были декретированы штрафъ и, въ случаѣ рецидива, тюрьма въ наказаніе начальниковъ мастерскихъ, которые заставляютъ своихъ рабочихъ работать сверхъ предписаннаго времени. Но декретъ этотъ никогда не принимался.

въ роли правительства былъ не удаченъ. Его первый декретъ 2-го марта выполнялся весьма не совершеннымъ образомъ и уже производилъ смуту въ промышленности. Къ примѣненію второго декрета его, относящагося къ открытію при двѣнадцати мѣсяхъ Парижа двѣнадцати справочныхъ конторъ, на обязанности которыхъ лежало составлять статистическія таблицы спроса и предложенья труда и облегчать, такимъ образомъ, сношенія между промышленниками и рабочими, совѣтъ даже и не приступили. Все это были чувствительныя неудачи, значительно умѣрявшія его первоначальный пылъ. Соглашенія между предпринимателями омнибусовъ и наемныхъ экипажей и кондукторами и извозчиками, между хозяевами и рабочими кровельщиками, булочниками, мостильщиками и т. д., хотя и приносили несомѣнную пользу, разумѣется, не могли удовлетворить его честолюбивое стремленіе преобразовать міръ. На собраніяхъ публицистовъ и экономистовъ, созываемыхъ имъ не разъ въ Люксембургѣ, куда являются Консидеранъ, Видаль, Пеккёръ, Дюпонъ-Уайтъ, Дюпоты, Воловскій, Туссенель, его реформаторскія надежды все болѣе и болѣе уменьшаются: онъ не излагаетъ никакого общаго плана промышленной реформы, а ограничивается предложеніемъ временныхъ палліативовъ для уменьшенія нищеты рабочихъ, какъ, напримѣръ, учрежденіе рабочихъ жилищъ и отмѣну работъ въ тюрьмахъ. Въ рѣчахъ, которыя Луи-Бланъ произноситъ къ рабочимъ, слышится отголосокъ этого разочарованія. Онъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе настаиваетъ на опасности *слишкомъ поспѣшнаго дѣйствія*, на необходимости *глубоко обдумать* проблемы, на *терпѣнн*и и *осторожности*, которыя слѣдуетъ вносить въ дебаты, на невозможности немедленной реализаціи плановъ; онъ поминутно напоминаетъ слушателямъ о ближайшемъ созваніи Національнаго Собранія и, чтобы наполнить часы засѣданій, широко пользуется тѣми ораторскими приѣмами, которые Ламартина употреблялъ въ Ратушѣ, при всякомъ случаѣ снова начиная эпическое повѣствованіе о революціи и о великихъ подвигахъ, совершенныхъ народомъ.

Общее собраніе рабочихъ делегатовъ, число которыхъ было законнымъ порядкомъ опредѣлено въ 400, и собраніе делегатовъ отъ хозяевъ, которое происходило 17 марта и на которомъ хозяева снова высказались въ самомъ примирительномъ духѣ, произвели на Луи-Блана только то впечатлѣніе, что онъ ясно увидѣлъ, какъ значеніе его все уменьшается, и какъ необходимо ему направить иначе дѣятельность всѣхъ этихъ людей, которые, правда, все еще находятся подъ обаяніемъ его краснорѣчія, но которыхъ однимъ этимъ ничего не дающимъ краснорѣчіемъ на долгое время обмануть нельзя.

Разочаровавшись самъ въ пользу этихъ многочисленныхъ сборищъ, гдѣ безконечное число частныхъ интересовъ поминутно заставляетъ терять изъ виду интересъ общій, Луи-Бланъ настоялъ на избраніи комитета изъ двадцати членовъ ¹⁾, которые должны были постоянно засѣдать въ Люксембургѣ, чтобы вырабатывать вопросы и предлагать ихъ, когда они будутъ достаточно выяснены, общему собранію рабочихъ. Видалъ и Пеккёръ добросовѣстно трудились въ этомъ комитетѣ надъ разработкой промышленнаго и земледѣльческаго проекта, въ которомъ идеи Луи-Блана подверглись значительнымъ измѣненіямъ. Этотъ проектъ, удовлетворявшій своимъ эклектизмомъ всѣ социалистическія системы и основанный на собственномъ вѣ�мъ этимъ проектамъ ошибочномъ мнѣніи, что государство можетъ регулировать общее производство и потребление былъ представленъ въ бюро Національнаго Собранія, но не былъ прочтенъ съ трибуны. О немъ даже и не упомянули во время большихъ преній о *правѣ на трудъ*, и онъ остался незамѣченнымъ и законодателями, и публикой, и большинствомъ рабочихъ.

Между тѣмъ, пролетаріи, которымъ чувство права внушало постоянство, продолжали собираться, знакомились другъ съ другомъ и научались смотрѣть на себя, какъ на коллективную силу. Не имѣя склонности погружаться въ изученіе теорій, они начинали разбирать между собой практическія выгоды ассоціаціи. Они обсуждали ея различные виды, сообщали другъ другу проекты обществъ, планы дисциплинарныхъ правилъ, незамѣтно укрѣпляли другъ друга въ той полезной мысли, что только въ себѣ самихъ и сами они должны искать достиженія своихъ стремленій путемъ замѣны прежней частичной, неполной и эгоистичной ассоціаціи цеховыхъ подмастерьевъ (*сотрапоппаге*) общею солидарностью рабочихъ корпорацій. Луи-Бланъ тотчасъ же понялъ всю важность этого новаго направленія умовъ. Онъ началъ льстить себя надеждою снова этимъ путемъ овладѣть тѣмъ вліяніемъ, которое онъ терялъ, благодаря своимъ многочисленнымъ и слишкомъ неопредѣленнымъ рѣчамъ. Онъ поддержалъ желаніе создать ассоціацію, выраженное портными, составившими наиболее многочисленную, наиболее интеллигентную и наиболее страдавшую корпорацію Парижа ²⁾. Онъ помогъ имъ составить уставъ, открылъ для нихъ 28 марта помѣщеніе въ бывшей долговой тюрьмѣ, въ Клиши, и

¹⁾ Этотъ комитетъ состоялъ изъ 10 рабочихъ и 10 делегатовъ отъ хозяевъ.

²⁾ Число рабочихъ-портныхъ было, повидимому, 15.000—18.000; между ними много иностранцевъ; число работницъ равнялось 5—6 тысячамъ. (См. статью *Cochut* о рабочихъ ассоціаціяхъ въ *National* отъ 24-го января и слѣд. 1851 г.).

выпросилъ для нихъ у министра внутреннихъ дѣлъ и парижскаго муниципалитета большой заказъ по обмундировкѣ мѣстной національной гвардіи и мобилей. Луи-Бланъ способствовалъ также основанію ассоціаціи шорниковъ и ассоціаціи прядильщиковъ.

Спустя нѣкоторое время эти ассоціаціи, несмотря на затрудненія, происходившія отъ промышленнаго кризиса и отъ невозможности для нѣкоторыхъ рабочихъ собрать достаточный капиталъ, достигли, какъ то, напримѣръ, было съ механиками завода Деронъ и Кайль—нѣкоторыхъ скромныхъ выгодъ. Этого было достаточно, при тогдашнемъ направленіи умовъ, чтобы примѣръ ихъ нашелъ подражаніе. Идея ассоціаціи стала распространяться. Рабочіе Парижа, движимые горячимъ желаніемъ освобожденія, предпочитая подчиненію законамъ хозяевъ всевозможныя жертвы, налагаемыя на нихъ этими несовершенными попытками къ достиженію самостоятельности, переноса съ удивительнымъ мужествомъ, въ расчетъ на будущее, лишенія и тяжесть настоящаго положенія, на свой страхъ и рискъ сдѣлали опытъ, послужившій на пользу всему пролетариату ¹⁾.

Администрація при помощи выборныхъ комиссій, дисциплина, вырабатываемая также избраннымъ жури, равенство заработной платы и равное распредѣленіе выгодъ между всѣми членами ассоціаціи, безъ отношенія къ качеству и къ количеству труда—вотъ общая основа этихъ различныхъ ассоціацій. Но въ послѣдствіи организація эта должна была измѣниться, такъ какъ равенство платы было на опытѣ признано противнымъ какъ коллективнымъ интересамъ, такъ и справедливости. Пока мы должны только отмѣтить, какимъ образомъ изъ самыхъ неопредѣленныхъ обсужденій теорій, составленныхъ *a priori* систематическимъ умомъ, совершенно непосредственно въ силу той самой свободы, на которую часто нападали съ такой яростью, возникъ опытъ практическаго осуществленія задачи ²⁾, опытъ, который можно считать исходной точкой *естественной* организаціи пролетариата, началомъ промышленной общины, предназначенной сдѣлаться современнымъ для пролетаріевъ всего свѣта тѣмъ, чѣмъ была средневѣковая община для буржуазнаго класса: гарантіей правъ и обезпеченіемъ существованія путемъ соединенія и федераціи силъ ³⁾.

¹⁾ Въ 1832 г. опытъ ассоціаціи портныхъ былъ сдѣланъ въ Нантѣ. Онъ не удался, вслѣдствіе дурнаго управленія. Въ 1848 г. нѣсколько главныхъ городовъ департаментовъ послѣдовали примѣру Парижа, и ассоціаціи взаимопомощи организовались въ Турѣ, въ Реймсѣ, въ Лионѣ, въ Анжерѣ и т. д.

²⁾ «Отыскивая химеры, они найдутъ вѣчные законы», говорилъ Бернаръ Палисси объ алхимикахъ шестнадцатаго вѣка.

³⁾ Интересно познакомиться со статистикой парижской промышлен-

Заботы Луи-Блана о томъ, что онъ называлъ *соціальными* мастерскими, его третейскій судъ, къ которому постоянно прибѣгали въ Люксембургѣ, и засѣданія временнаго правительства, на которыхъ онъ присутствовалъ все рѣже и рѣже—все это не могло удовлетворить дѣятельности его ума. Предстоящіе выборы національной гвардіи и созывъ избирательныхъ собраній для Учредительнаго собранія возбуждали въ немъ живѣйшія опасенія. Онъ чувствовалъ, что буржуазія, получивъ первый ошеломляющій ударъ, начнетъ размышлять. Отъ размышленія недалеко и до сплоченія, а тогда, повидимому, придется проститься съ преобладаніемъ пролетаріата. Поэтому необходимо было, чтобы пролетаріатъ сложился въ сильный союзъ, дабы противопоставить ловкимъ маневрамъ буржуазіи хорошо продуманное политическое дѣйствіе.

Это-то и было предметомъ частныхъ секретныхъ конференцій, происходившихъ въ Люксембургѣ, помимо полуоффіціальныхъ засѣданій комиссіи рабочихъ. Сюда допускались лишь люди, беззавѣтно преданные Луи-Блану и согласные принять отъ него программу для своей политической дѣятельности. Люди эти, выбранные рабочими между самыми способными и энергичными изъ ихъ среды, пользовались большимъ вліяніемъ на парижскій народъ. Они хорошо знали его моральное настроеніе и его матеріальныя средства. Они могли день за днемъ слѣдить за самыми незначительными измѣненіями народнаго мнѣнія. Черезъ нихъ Луи-Бланъ, не имѣвшій никакихъ прямыхъ сношеній ни съ клубами, ни съ

ности, получившейся отъ анкеты торговой палаты за 1847 и 1848 гг. (томъ 4-й in—quarte, изданный Guillaumin'омъ". Въ статьѣ «*Journal des Débats*» отъ 7 июля 1852 г., Мишель Шевалье, печатая отчетъ объ этой статистикѣ и приводя изъ нея выдержку, говоритъ:

«Стремленіе рабочихъ поднять свой уровень выразилось еще въ другомъ явленіи, на которое не разъ обращалось общественное вниманіе: это образованіе рабочихъ ассоціацій. Статистики торговой палаты поставили ихъ отдѣльно въ своихъ спискахъ; они осмотрѣли ихъ болѣе ста; но ихъ гораздо больше. Многія принадлежатъ къ такимъ профессіямъ, которыя торговая палата не включаетъ въ рамки своего изслѣдованія, къ собственно торговымъ профессіямъ или къ профессіямъ рестораторовъ и парикмахеровъ. Есть между ними ассоціаціи, которыя плохо кончили, другія, напротивъ, имѣли успѣхъ. Въ большинствѣ изъ этихъ ассоціацій, говорятъ авторы *экономической статистики парижской промышленности*, управленіе дѣлами было поручено самымъ способнымъ лицамъ: въ нихъ вызвали къ личному самопожертвованію, большія усилія были употреблены на то, чтобы заставить рабочихъ смотрѣть на свое поведеніе, какъ на вопросъ чести, и, такимъ образомъ, заставить ихъ уважать свою собственную личность. Въ самые затруднительные моменты члены соглашались на строжайшую экономію, и приводились ассоціаціи, члены которыхъ въ теченіе нѣлаго года отказывались отъ вина.

какой бы то ни было полиціей, ни съ полиціей Коссидьера, ни съ полиціями Собріе или Ледрю-Роллена, тѣмъ не менѣе оставался въ такомъ тѣсномъ соприкосновеніи съ рабочимъ населеніемъ, что всегда могъ слѣдить за біеніемъ его мятущагося сердца. Въ описываемый мною моментъ народная лихорадка, вызванная клубами, отвѣчала тайнымъ намѣреніямъ Луи-Блана. Господствовавшій среди окружавшихъ министра внутреннѣйшій дѣлъ, якобинизмъ разбудилъ своими вызывающими рѣчами опасенія буржуазіи. Видя, что она можетъ взять реваншъ съ помощью выборовъ, Луи-Бланъ поселилъ въ рабочемъ населеніи пагубную мысль, что слѣдуетъ во что бы то ни стало отдалить выборы и продолжить революціонную власть въ рукахъ временнаго правительства, за которымъ всегда легко будетъ наблюдать и которое можно будетъ въ случаѣ надобности фильтровать.

Луи-Бланъ, который съ самаго начала задумалъ утвердить планъ республики дѣйствіемъ продолженнаго на неопредѣленное время диктаторскаго правительства, всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ въ интимныхъ конференціяхъ Люксембурга поддерживалъ не-политичныя идеи, вызванныя въ клубахъ и въ печати агитаторами. Не переговоривъ съ ними, онъ подготовилъ и организовалъ со своей стороны то, что начинали тогда называть народной *манифестаціей*, съ двойнымъ намѣреніемъ развернуть передъ начинавшей забывать его буржуазіей зрѣлище настоящаго народного смотра, добиться отъ большинства въ совѣтѣ отсрочки выборовъ и возвращенія парижскихъ войскъ; по его мнѣнію, это были два неотразимыхъ средства для того, чтобы утвердить и продолжить правленіе пролетаріата.

Чтобы составить себѣ ясное понятіе о томъ, чѣмъ была эта манифестація, сохранившая за собой названіе *дня 17 марта*, мы должны вернуться на нѣсколько дней назадъ и захватить въ самой его исходной точкѣ первое движеніе сопротивленія революціи, первый выказавшійся въ буржуазіи признакъ возмущенія противъ временнаго правительства. Поводъ былъ самый ничтожный, и послѣдствія обратились противъ нея; но разъ данный импульсъ не могъ уже остановиться, то роялистскіе кружки крѣпили съ каждымъ днемъ, благодаря продолженію временнаго состоянія и нелѣпой тактикѣ народныхъ вожаковъ. Кружки эти незамѣтно завоевали себѣ во всей странѣ снова ту почву, которую великодушная побѣда народа и утвержденіе республики отняли у нихъ.

Реформированіе прежней національной гвардіи, этой гражданской арміи, воплощавшей собой въ царствованіе Людовика-Филиппа истинный духъ буржуазіи, недовѣрчиво относившейся какъ къ узурпаціи королевской власти, такъ и къ захватамъ народной силы. на-

носило чувствительный ущербъ безопасности богатыхъ классовъ. Декретомъ 27 февраля временное правительство объявило, что каждый французъ, достигшій совершеннолѣтія, вступаетъ въ національную гвардію; 14 мая по предложенію министра внутреннихъ дѣлъ оно объявило измѣненіе прежнихъ кадровъ, распушеніе отборныхъ гренадеровъ и вольтижеровъ ¹⁾ и назначило на 18 апрѣля избраніе новыхъ офицеровъ путемъ всеобщей подачи голосовъ. Этотъ декретъ былъ въ одно и то же время и самымъ правильнымъ по формѣ, и самымъ революціоннымъ по существу изъ всѣхъ, которые издало до сихъ поръ временное правительство. Это было ни болѣе, ни менѣе какъ законное вооруженіе пролетаріата и его организованное преобладаніе въ институтѣ, первоначальнымъ характеромъ и духомъ котораго была борьба съ пролетаріями. Буржуазія почувствовала, что ей нанесенъ ударъ: ревнивое чувство равенства и принципъ демократическаго права, одушевлявшіе ее во время ея долгой борьбы противъ аристократіи и королевской власти, словно внезапно изсякли въ ней съ тѣхъ поръ, какъ она была принуждена распространить на народъ результаты этой борьбы. Промышленный феодализмъ не хотѣлъ понять, что и ему въ свою очередь приходится отказываться отъ привилегій. Національная гвардія возмутилась при мысли о равенствѣ мундира и, не подумавъ о томъ, какой пагубный примѣръ она даетъ толпѣ, стала усиленно роптать на правительство.

Ледрю-Ролланъ со своей стороны далъ еще особенный поводъ къ неудовольствію буржуазіи. Мы оставили его въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ раздававшимъ первыя свои инструкціи отправляемымъ въ департаменты комиссарамъ. Такъ какъ эти инструкціи были недостаточны въ виду безчисленныхъ затрудненій, возникшихъ на каждомъ шагѣ чрезвычайно сложной миссіи, комиссары настаивали на томъ, чтобы имъ дали инструкціи болѣе точныя. Тогда министръ поручилъ Жюлю Фавру составить циркуляръ, появившійся 8 марта въ «Moniteur'ѣ» за его подписью и сдѣлавшійся тотчасъ же причиной открытаго разрыва между различными классами и партіями, разрыва, отдаляемаго до тѣхъ поръ благоразуміемъ парижскаго народа и равновѣсіемъ, поддерживаемымъ временнымъ правительствомъ между крайними мнѣніями.

¹⁾ Національная гвардія до тѣхъ поръ состояла изъ: 1) егерей (chasseurs), составлявшихъ всю массу солдатъ; 2) вольтижеровъ, 3) гренадеровъ. Вольтижеры и гренадеры, набранные между самыми богатыми жителями, составляли двѣ отборныхъ роты, которыя носили особые знаки отличія и составляли въ рядахъ гражданской гвардіи нѣчто въ родѣ буржуазной аристократіи.

Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ не содержалъ, однако, ни чего существу, ни по формѣ, ничего такого революціоннаго, что было въ нѣкоторыхъ декретахъ временнаго правительства. Онъ подтверждалъ только совершившійся и вынужденный революціей фактъ, т. е. временную концентрацію чрезвычайной власти въ рукахъ республиканцевъ, на которыхъ возлагались въ департаментахъ функціи, исполняемыя въ столицѣ временнымъ правительствомъ. Кромѣ того, тонъ циркуляра, за исключеніемъ одной фразы, которая дала поводъ къ неудовольствію, былъ полонъ умѣренности, и совершенно согласенъ съ тѣмъ, что одобрялось ежедневно въ рѣчахъ Ламартина, Араго, Гарнье-Пажеса. «Единеніе всѣхъ гражданъ,—говорилъ въ этомъ циркулярѣ министръ внутреннихъ дѣлъ,—должно быть источникомъ умѣренности послѣ побѣды. Поэтому первымъ вашимъ долгомъ будетъ растолковать всѣмъ, что Республика свободна отъ всякой идеи мщенія или реакціи». Затѣмъ онъ предписывалъ комиссарамъ успокоить робкіе умы и умиротворить нетерпѣливые: «Одни, говорилъ онъ, пугаются несуществующихъ призраковъ, другіе хотѣли бы чрезмѣрно ускорить событія согласно съ ихъ пылкими желаніями. Вы скажете первымъ, что современное общество находится въ полной безопасности отъ страшныхъ потрясеній, которыя испытали наши отцы; другимъ вы объясните, что управлять приходится на иной ладъ, чѣмъ драться. Почва расчищена, насталъ моментъ возводить новое зданіе. Итакъ, кто же для выполненія этой великой задачи не захочетъ подняться выше прерѣнныхъ расчетовъ эгоизма? Франція готовится представить міру прекрасное зрѣлище націи, достаточно сильной, чтобы признать всѣ свободы, достаточно мудрой, чтобы пользоваться ими спокойно и мирно. Въ этомъ обширномъ движеніи умовъ, столь энергично стремящихся къ примѣненію принциповъ единенія и братства—можетъ ли быть опасность для кого бы то ни было? Можно ли видѣть въ чемъ-либо предлогъ къ боязни?»

Не довольствуясь тѣмъ, что онъ отказывался, такимъ образомъ: совершенно ясно отъ всякой попытки нарушенія свободъ и законовъ, Ледрю-Ролланъ, чтобы успокоить умы, объявлялъ о близкомъ окончаніи переходнаго состоянія съ созывомъ Національнаго Собранія. Относительно этого онъ не оставлялъ никакого сомнѣнія,

«Что касается насъ, которыхъ народное сочувствіе назначило подготовить окончательное утвержденіе демократіи, то мы, болѣе чѣмъ кто-либо, поспѣшимъ передать въ руки верховной власти націи ту власть, которую передали намъ возстаніе и общественное спасеніе. Но для того, чтобы достойнымъ образомъ выполнить эту благородную задачу, намъ необходимо прежде всего довѣріе и спокойствіе. Всѣ наши усилія будутъ направлены къ

тому, чтобы не пропало ни одного часа, и чтобы въ самомъ **око-**ромъ времени вышедшіе на этотъ разъ дѣйствительно изъ среды народа представители страны собрались для возвышенія ея воли и для начертанія будущихъ судебъ народа. Этому Собранію принадлежитъ выполнение великой задачи. Наша же задача будетъ исполнена, если мы, во время необходимаго перехода, дадимъ отечеству то, чего оно ожидаетъ отъ насъ: порядокъ, безопасность, довѣріе къ республиканскому правительству. Проникнутые этой истиной, вы распорядитесь объ исполненіи существующихъ законовъ, поскольку они не заключаютъ въ себѣ чего-либо противнаго новому образу правленія. Данные вамъ полномочія ставятъ васъ выше ихъ лишь въ томъ, что касается политической организаціи, которой вы должны быть дѣятельными и преданными орудіями. Не забывайте также, что обязанности ваши чрезвычайныя и временныя, и что я долженъ немедленно быть извѣщенъ относительно принятыхъ вами мѣръ. Только при такихъ условіяхъ мы всѣ можемъ «сохранять общественный миръ и руководить Франціей до собранія ея уполномоченныхъ».

Онъ доводилъ, наконецъ, внимательность къ богатымъ классамъ до того, что самымъ подробнымъ образомъ предписывалъ комиссарамъ *опредѣлить точно и ясно все, что касается положенія рабочихъ, съ осторожностью соблюдать переходы и не обезпокоивать почтенные интересы, нарушеніе которыхъ можетъ повредить тѣмъ самымъ, кого желательно было бы защитить* ¹⁾.

Духъ примиренія, диктовавшій подобныя инструкціи, будетъ позже ясенъ всѣмъ безпристрастнымъ и добросовѣстнымъ людямъ; но въ гражданскихъ раздорахъ искренность партій, которая смягчила бы пораженіе и умѣрила бы побѣду, исчезаетъ совершенно, и клевета всюду находитъ себѣ доступъ, а если люди и пытаются отвергнуть ее, то дѣлаютъ это, противопоставляя ей новую ложь.

Наполовину искреннее, наполовину дѣланное негодованіе такого же свойства, какъ и то негодованіе, которое побуждало къ возмущенію привилегированные отряды національной гвардіи, разразилось въ роялистскихъ партіяхъ при чтеніи циркуляра, гдѣ, между приведенными мною мыслями, была также слѣдующая, сдѣлавшаяся коварнымъ орудіемъ противъ Ледрю-Роллана въ рукахъ его противниковъ.

«Достойная презрѣнія власть, уничтоженная дуновеніемъ народа,—гласить циркуляръ,—заразила своей испорченностью весь административный механизмъ; тѣ, которые повиновались ея приказаніямъ, не могутъ служить народу. Итакъ, во главѣ каждого округа,

¹⁾ См. Первый циркуляръ Ледрю-Роллана отъ 9 марта.

каждаго муниципалитета ставьте людей, сочувствующих и рѣшительныхъ. Не скупитесь на инструкціи имъ, возбуждайте ихъ рвеніе. Посредствомъ предстоящихъ выборовъ они держатъ въ своихъ рукахъ судьбу Франціи: пусть они дадутъ намъ Національное Собраніе, способное понять и завершить дѣло народа. Однимъ словомъ, пусть всѣ они будутъ *людьми вчерашняго, а не завтрашняго дня*» (tous hommes de la veille et pas du lendemain).

Эта неловкая фраза, которая выражала лишь очень простую мысль, принятую всѣми, а именно, что Республика должна пользоваться республиканскими агентами ¹⁾, комментировалась на всѣ лады роялистской печатью. Какъ это часто случается при подобныхъ обстоятельствахъ, эти изступленные нападки вмѣсто того, чтобы открыть глаза министру и внушить ему осмотрительность, вызвали у него новыя преувеличенія. Въ циркулярѣ 12 марта онъ еще подчеркнул тотъ пунктъ, который раздражалъ противниковъ; и онъ же, который самъ на словахъ предписывалъ агентамъ соблюденіе всякой осторожности, какъ будто ему доставляло удовольствіе возстановлять общественное мнѣніе въ официальномъ циркулярѣ, дѣлалъ имъ совершенно ненужныя и совсѣмъ не политическія внушенія.

«Вы спрашиваете, каковы ваши полномочія, писалъ министръ: *они не ограничены. Агенты революціонной власти, вы въ то же время революціонеры.* Побѣда народа возложила на васъ порученіе заставить провозгласить и упрочить его созданіе. Для исполненія этой задачи вы облечены его верховной властью, вы зависите отъ вашей совѣсти, вы должны дѣлать то, чего потребуютъ для народнаго блага обстоятельства».

Этотъ второй циркуляръ тотчасъ же вызвалъ въ Парижѣ, а вскорѣ затѣмъ и въ департаментахъ, весьма опредѣленное движе-

¹⁾ Необходимость этой мѣры признавалась всѣми добросовѣтными людьми. Многие изъ бывшихъ депутатовъ, изъ вліятельныхъ лицъ въ консервативной или либеральной партіи отказались, изъ чувства политическаго приличія, отъ кандидатуры, которую имъ предлагали. Пайльяр-Дюклера, тестъ Монталивъ, громко заявлялъ о своемъ намѣреніи поддерживать кандидатуру Гарнье-Пажеса и Ледрю-Роллена. Маршалъ Бюжо отклонилъ кандидатуру. Бывшій депутатъ департамента Сѣвернаго берега и Морбигана, Бернаръ, совѣтникъ кассационнаго суда, такъ выражался въ письмѣ къ своимъ согражданамъ: „Можно ли отъ депутатовъ, восемь лѣтъ поддерживавшихъ конституціонную монархію, требовать утвержденія Республики? Какъ бы ни было искренне ихъ содѣйствіе, развѣ недоуверіе, которое внушаетъ ихъ прошлое, не обрекло бы ихъ на безсиліе? По моему мнѣнію, необходимо, чтобы Національное Собраніе, за исключеніемъ нѣсколькихъ ораторовъ и выдающихся писателей обѣихъ нашихъ палатъ, составилось изъ новыхъ людей“ („Journal des Débats, 23 марта 1848“).

ніе противъ республики. Мелкіе коммерсанты, мелкіе капиталисты либеральнаго направленія, принявшіе республику, какъ нѣсколько насильственное, но терпимое послѣдствіе ихъ собственной оппозиціи павшему правительству, увидавъ, что хотять исключить изъ національнаго представительства прежнихъ депутатовъ лѣвой, пришли въ раздраженіе. вмѣсто того, чтобы хладнокровно разсмотрѣть вопросъ и по достоинству опѣнить слова, въ которыхъ было болѣе необдуманности, нежели желанія угнетать, они напали на Ледрю-Роллена за все, что ихъ пугало или оскорбляло въ революціонномъ движеніи, и, чтобы резюмировать свое неудовольствіе въ одной краткой формулѣ, они обвинили его въ коммунизмѣ.

Большинство въ совѣтѣ, съ своей стороны, тоже осуждало Ледрю-Роллена и было обижено тѣмъ, что министръ не счелъ нужнымъ представить такой документъ на ихъ обсужденіе. Ламартинъ въ особенности, замѣтивъ съ крайнимъ безпокойствомъ, что съ той и съ другой стороны раздраженіе все растетъ и растетъ, и открыто выражая Ледрю-Роллену свое личное неодобреніе, вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалъ искреннія усилія, чтобы остановить его на той дорогѣ, куда толкали его окружающіе, и чтобы помѣшать скандалу раскола во временномъ правительствѣ. «Ваши циркуляры,—говорилъ онъ министру въ частныхъ бесѣдахъ,—приносятъ республикѣ болѣе вреда, нежели десять проигранныхъ сраженій, такъ какъ они пробуждаютъ въ странѣ воспоминанія, отъ которыхъ народъ самъ хотѣлъ отказаться; они уничтожаютъ все дѣйствіе, произведенное на общественное мнѣніе его умѣренностью; заставляя республику говорить языкомъ диктатора, они возстановляютъ противъ нея всѣхъ гражданъ, которыхъ въ первый же моментъ привлекла къ ней либеральная и великодушная политика».

Порою краснорѣчіе Ламартина дѣйствовало на Ледрю-Роллена, который не закрывалъ добровольно своего ума доступу истины; но какъ только онъ оставался въ своемъ интимномъ кружкѣ, среди мелкихъ честолюбцевъ, желавшихъ подчинить Францію своей прихоти, онъ прислушивался къ ихъ внушеніямъ и лишь очень слабо отвергалъ ихъ проекты заговора съ цѣлью вручить ему диктатуру. Въ то же время національная гвардія все болѣе и болѣе раздражалась противъ него и, не смѣя еще поднять голосъ противъ всего временнаго правительства, намѣренно изолировала министра внутреннихъ дѣлъ и дѣлала его одного отвѣтственнымъ за всѣ революціонныя мѣры.

При такихъ взаимныхъ отношеніяхъ наступило 15 марта, казуя дня, назначеннаго для рѣшительнаго протеста отборныхъ отрядовъ, и нѣсколько делегатовъ національной гвардіи окраинъ явились въ Ратушу. Принятые Ламартиномъ, котораго надѣялись побу-

дѣть къ разрыву съ Ледрю-Ролленомъ, эти делегаты стали выражать ему горькія сѣтованія по поводу декрета 14 марта и дали ему понять, что рассчитываютъ на его содѣйствіе въ совѣтѣ, чтобы добиться для нихъ должнаго удовлетворенія. Въ тотъ же вечеръ депутація клуба національной гвардіи съ однимъ богатымъ буржуа легитимистскаго образа мыслей во главѣ, по имени де-Лепинъ, явилась къ Ламартину съ тѣми же жалобами и съ еще большей настойчивостью описала ему общее неудовольствіе, вызванное въ парижской буржуазіи циркулярами Ледрю-Роллена. Де-Лепинъ не опустилъ ничего, что, по его мнѣнію, могло произвести впечатлѣніе на Ламартина, и закончилъ свою рѣчь запросомъ относительно его частнаго участія въ политикѣ и о той доли отвѣтственности, которую слѣдуетъ приписать ему въ дѣйствіяхъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Въ этихъ хлопотахъ національной гвардіи у Ламартина заключалась весьма не двусмысленная инсинуація и даже въ нѣкоторомъ родѣ требованіе отдѣлиться отъ революціонной партіи временнаго правительства и взять на себя, отъ имени буржуазныхъ классовъ и консервативнаго мнѣнія, управленіе дѣлами республики. Но Ламартинъ, несмотря на то, что онъ сильно упрекалъ Ледрю-Роллена за неполитичность его циркуляровъ, не поддался искушенію извлечь пользу изъ положенія. Онъ не хотѣлъ ни брать на себя буржуазную диктатуру, ни терпѣть диктатуру народа въ лицѣ Ледрю-Роллена или Луи-Блана. Честолюбіе указывало ему въ недалекомъ будущемъ болѣе высокую цѣль. Онъ хотѣлъ сдѣлаться избранникомъ всей страны, и этотъ гордый замыселъ не имѣлъ въ эту минуту ничего призрачнаго, такъ какъ со всѣхъ концовъ Франціи къ нему доносился одобрительный шопотъ сочувствія, пока еще робкаго, но которое съ каждымъ днемъ пріобрѣтало все болѣе твердости и которое, предвѣщая ему завоеваніе общественнаго мнѣнія, предписывало ему терпѣніе.

Образъ дѣйствій Ламартина въ этомъ случаѣ дѣлаетъ честь его лояльности. Онъ отвергнулъ претензію привилегированныхъ ротъ гвардіи оставаться внѣ общаго правила; онъ не сталъ говорить отъ своего собственнаго лица, но вмѣстѣ съ тѣмъ общалъ, что правительство *полнымъ составомъ* объяснитса относительно той роли, которую оно намѣрено играть на выборахъ, и исправить то, что могло по выраженіямъ, но не по намѣренію, циркуляровъ оскорбить общественную гордость. Эти заявленія обязывали Ламартина выйти въ отставку, если правительство откажется подтвердить ихъ; но онъ слишкомъ хорошо зналъ слабость министра внутреннихъ дѣлъ и его обособленность въ совѣтѣ, гдѣ Луи-Бланъ и Альберъ неохотно поддерживали его, чтобы особенно безпокоиться

на этот счет. Поэтому онъ тотчасъ же приступилъ къ составленію проекта прокламаціи, содержащей отреченіе отъ циркуляровъ, и на слѣдующій день принесъ его въ совѣтъ, собравшійся въ Ратушѣ.

Парижъ съ самаго утра былъ въ волненіи, множество противорѣчивыхъ слуховъ смущали умы. Всѣ знали, что противъ временнаго правительства что-то замышляется; но, какъ это часто бываетъ во внутреннихъ раздорахъ, волненіе, возбужденное одновременно въ разныхъ концахъ столицы или ничѣмъ не объяснялось, или объяснялось противоположными одна другой причинами.

По близости Ратуши все предвѣщало серьезную борьбу. Когда первый легіонъ національной гвардіи, выступившій съ барабаннымъ боемъ подъ предводительствомъ своихъ офицеровъ, дошелъ до площади Шатле, ему преградила дорогу громадная толпа людей изъ народа, которые, получивъ о томъ предупрежденіе наканунѣ въ клубахъ, сбѣжались, чтобы защищать временное правительство противъ буржуа и легитимистовъ. Начинаются оживленные переговоры и раздаются оскорбительныя замѣчанія. Генераль Куртэ, сопровождаемый тремя конными егерями и двумя воспитанниками школъ, появляется въ эту минуту и, съ обнаженной шпагой въ рукѣ, обращается съ рѣчью къ первому легіону, весьма рѣзко выговаривая ему за незаконность его поступка и указывая на дурной примѣръ, который онъ подаетъ народу. Его прерываетъ продолжительный шумъ, раздаются крики: *долой Куртэ! долой коммунистовъ!* ¹⁾ народъ толпится вокругъ генерала, защищая его; завязывается рукопашный бой, во время котораго одинъ національный гвардеецъ бросается на генерала и, осыпая его ругательствами, выхватываетъ у него шпагу и срываетъ эполеты. Тогда толпа, которая съ каждой минутой все прибывала, бросается впередъ, разстраиваетъ ряды національной гвардіи, принуждаетъ ее отступить, разсѣиваетъ ее, преслѣдуетъ ее нѣкоторое время своими криками и возвращается съ триумфомъ, чтобы занять набережную и площадь.

Но въ то время, какъ 1-й легіонъ терпѣлъ это достойное смѣха пораженіе, 10-й легіонъ занявъ площадь Ратуши, принося поддержку отборнымъ ротамъ, которые съ угрожающимъ видомъ и въ самомъ мятежномъ настроеніи ожидали возвращенія депутаціи, посланной къ временному правительству. Во время обсуждения вопроса въ совѣтѣ, длившагося не менѣе двухъ часовъ, безпрерывно раздавались самые разнообразныя возгласы. Прибытіе въ Ратушу

¹⁾ Въ то время путаница въ умахъ была такова, что буржуазія считала Ледрю-Роллена главой коммунистовъ.

Ледрю-Роллэна, прїѣхавшаго въ экипажѣ Араго, привело мятежниковъ въ изступленіе. Оскорбительные возгласы, ругательства сыпались со всѣхъ сторонъ на министра внутреннихъ дѣлъ. Тщетно Араго, высунувшись изъ кареты, пытался успокоить и уговорить, вернуть къ чувству собственного достоинства людей, считавшихъ себя защитниками порядка: «Смерть, Ледрю-Роллену!» повторяли мятежники, ничего не слушая. Одинъ изъ нихъ, подойдя къ экипажу, сдѣлалъ угрожающій жестъ. «Несчастный! закричалъ Араго, схватывая его за руку, развѣ вы забыли, что на этомъ самомъ мѣстѣ погибъ Фулонъ!» Но какое впечатлѣніе могли произвести историческія воспоминанія и увѣщанія старика на ослѣпленных гнѣвомъ людей!

Добравшись, наконецъ, среди этого отвратительнаго и смѣшнаго бунта до Ратуши, Араго, описывая совѣту то, что происходитъ на площади, придаетъ мнѣнію Ламартина новую силу. Ледрю-Роллэнъ уже не пытается возражать ему; онъ отрекается отъ выражений циркуляра, сваливая отвѣтственность на Жюля Фавра; затѣмъ, послѣ того, какъ Ламартинъ, вслѣдствіе замѣчаній Луи-Блана, съ своей стороны соглашается измѣнить нѣкоторыя выраженія своей прокламаціи, всѣ члены временнаго правительства подписываются подъ ней ¹⁾. Въ это время Араго, Маррасть и Бюше принимали депутацію національной гвардіи и дѣлали ей строгій выговоръ по поводу ея поведенія. Въ особенности Араго, пользуясь правомъ, которое давалъ ему его возрастъ и авторитетъ его имени, безъ всякой пощады указывалъ имъ на нецѣльность подобнаго бунта и на пагубныя послѣдствія, которые онъ безъ сомнѣнія поведетъ за собой.

«О г. Ледрю-Роллэнъ, сказалъ Араго, говорятъ, что онъ лично принялъ рѣшеніе, о которомъ идетъ рѣчь. Какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, г. Ледрю-Роллэнъ дѣйствительно можетъ принимать рѣшенія, отвѣтственность за которые мы предоставляемъ ему одному; но взволновавшій васъ декретъ былъ рѣшенъ совѣтомъ правительства послѣ того, какъ онъ выслушалъ начальниковъ національной гвардіи, гг. Куртэ и Гинара. Мы могли себѣ представить, что эта мѣра произведетъ волненіе, но мы никакъ не думали, что это волненіе будетъ такъ сильно, а главное, что оно побудитъ васъ къ такому шагу, который уже и теперь имѣетъ свои непріятныя стороны, и будетъ имѣть еще болѣе непріятныя послѣдствія. Вы увидите это завтра. Завтра въ отвѣтъ на манифестацію національной гвардіи состоится манифестація рабочихъ. Надѣюсь, что мы успокоимъ ихъ; но не находите ли вы, что не слѣдуетъ ни-

¹⁾ См. Историческіе документы въ концѣ книги № 7.

коимъ образомъ поселять между рабочими и національной гвардіей вражду, когда мы стремимся, наоборотъ, къ самому полному единенію?»

Строгій тонъ этого наставленія и положительное объявленіе о публичной демонстраціи на слѣдующій день понизили зазорный тонъ делегатовъ. Они молча удалились. Спустившись на площадь, они увидѣли, что поступили благоразумно, такъ какъ со всѣхъ сторонъ притекали толпы народа съ криками: *да здравствуетъ Ледрю-Ролленъ!* и національная гвардія уже не имѣла возможности упорствовать въ своей безумной попыткѣ.

Она удалилась, униженная и сконфуженная, унося съ собой стыдъ своей ничтожной попытки и порицаніе всѣхъ добрыхъ гражданъ. Развѣ въ революціи, въ которой слѣбныя народныя массы выказали такую готовность къ забвенію и такъ легко поддавались успокоенію, буржуазія не сдѣлала непростительной ошибки, подавая, какъ въ данномъ случаѣ, примѣръ озлобленія и духа мстительности? Не неслыханное ли дѣло, чтобы первый сигналъ борьбы между классами подалъ именно тотъ классъ, который стоитъ якобы на стражѣ порядка, и чтобы первыя требованія смерти раздалися со стороны людей законности и мира?

Теперь мы увидимъ совершенно иное зрѣлище и услышимъ, какъ народъ, которому сдѣланъ былъ столь безумный вызовъ, еще разъ отвѣчалъ словами умѣренности и благоразумія.

Я говорила, что Луи-Бланъ давно уже замышлялъ большую народную манифестацію не съ цѣлью свергнуть большинство въ правительствѣ—заговоры и конспираціи были противны его гордому духу ¹⁾;—но для того, чтобы произвести на него нравственно устрашающее давленіе. Необходимо было, чтобы манифестація прошла спокойно и не подавала повода къ беспорядкамъ; поэтому онъ самымъ тщательнымъ образомъ установилъ порядокъ и дисциплину ея. Ни оружія, ни криковъ, ни насилія—только длинная безмолвно-торжественная процессія всѣхъ корпорацій черезъ весь Парижъ; почтительно переданная депутаціей совѣту просьба объ отсрочкѣ выборовъ и удаленіи войскъ: такова была программа, данная Луи-Бланомъ делегатамъ Люксембурга по соглашеніи съ Коссидьеромъ, который, хотя и сочувствовалъ партіи Ледрю-Роллена, но находилъ вооруженное возстаніе преждевременнымъ.

¹⁾ Ламартинъ отдастъ ему эту справедливость: „Онъ внушалъ заблужденія, но не поднималъ бунта, говоритъ онъ въ своей *„Исторіи Революціи 1848 г.“*. И, дѣйствительно, за нѣсколько дней до 17 марта Луи-Бланъ отказался отъ свиданія въ нейтральномъ мѣстѣ съ Бляки: „Членъ правительства, сказалъ онъ лицу, предлагавшему ему это свиданіе, не долженъ видѣться съ заговорщикомъ“.

Клубы, поддерживавшіе, съ своей стороны, безъ опредѣленнаго плана, волненіе и недовѣріе въ народѣ, поняли, при видѣ не удавшейся попытки національной гвардіи, что насталъ благопріятный моментъ заставить правительство сдѣлать по своему, и что надо воспользоваться случаемъ. Вслѣдствіе этого, вечеромъ 16-го произошло общее собраніе вожаковъ клубовъ, которое пришло къ соглашенію относительно необходимости призвать народъ на слѣдующій день. Вся ночь прошла въ писаніи писемъ, въ печатаніи прокламацій, афишъ; цѣлая толпа агентовъ разошлась по мастерскимъ Парижа и парижскаго округа. Временное правительство, говорили они, храбро сопротивлялось напору роялистовъ; надо пойти выразить ему сочувствіе, снова общать ему содѣйствіе народа и, въ особенности, поблагодарить Ледрю-Роллена за его преданность націи.

Помѣщаемая ниже прокламація, расклеенная утромъ по всѣмъ улицамъ Парижа и захваченная по приказанію Эмиля Тома въ парижскихъ мастерскихъ, гдѣ она произвела глубокое волненіе, показываетъ, съ какими безконечными предосторожностями тѣ вожаки клубовъ, которые замыслили ниспроверженіе временнаго правительства, умалчивали, говоря съ народомъ, о проектахъ, которые онъ по своей лояльности отвергнулъ бы съ негодованіемъ:

«Французская Республика.

«Свобода, равенство, братство.

«Народъ былъ героемъ во время борьбы, великодушнымъ послѣ побѣды, великимъ настолько, что не мстилъ...

«Онъ спокоенъ, потому что силенъ и справедливъ.

«Пусть дурныя страсти, пусть нарушенные интересы остерегаются вызвать его гнѣвъ!

«Народъ призванъ сегодня быть высшимъ руководителемъ морали и общества.

«Долгъ повелѣваетъ ему призвать къ порядку тѣхъ заблудшихъ людей, которые пытались бы образовать привилегированныя корпораціи среди нашего гражданскаго общества.

«Онъ строго осуждаетъ манифестаціи, направленные противъ того изъ министровъ, который оказалъ наибольшія услуги революціи».

Эта весьма искусно составленная прокламація точно выражала наивное настроеніе народныхъ массъ. Большинство рабочихъ имѣли еще весьма смутное понятіе о разладѣ между большинствомъ и меньшинствомъ совѣта. Они по традиціи благоговѣли передъ именемъ Араго и Дюпона (де-Лэро); ихъ не интересовали ни Маррасть, ни Мари, ни Гарнье-Пажесъ. Самое сильное обвиненіе, которое они могли поднять противъ Ламартина, было обвиненіе въ

слабости и въ томъ, что онъ даетъ себя обойти роялистамъ. Слѣдовательно, народъ предполагалъ, что требовалось только поддержать правительство и укрѣпить его въ стараніяхъ дѣйствовать для блага народа ¹⁾). Вожаки клубовъ, вносившіе въ эту манифестацію болѣе политическія цѣли, хотѣли, добившись у большинства отсрочки выборовъ и удаченія войскъ, укрѣпить въ правительствѣ авторитетъ революціоннаго меньшинства; однако, они было далеки отъ задуманнаго нѣкоторыми бунтовщиками предательства. Ни одинъ изъ нихъ не желалъ сверженія Ламартина. Каба, который 16-го вечеромъ и 17-го утромъ бесѣдовалъ съ нимъ, употребилъ всѣ свои усилія и старанія, чтобы успокоить людей своей партіи и предостеречь ихъ противъ внушеній агентовъ Бланки. Собріе, который лучше другихъ зналъ планы заговорщиковъ, общался наблюдать за ними. Этотъ планъ, такъ же, какъ и заговоръ 25 февраля, исчезнувшій по первому знаку того самаго лица, которое задумало его, не имѣлъ твердой опоры. Громко кричать объ измѣнѣ временнаго правительства, потихоньку говорить, что хватитъ силы завладѣть Ратушей, шепнуть кое-кому, что одному только Бланки революціонеры и могутъ довѣрять—вотъ и вся тактика конспираторовъ, и эта тактика, которая могла произвести мимолетное смущеніе, не въ состояніи была всколыхнуть всю громадную массу народа. Самъ Бланки на послѣднемъ совѣщаніи съ заговорщиками въ 1 ч. ночи не посмѣлъ сказать, что слѣдуетъ *свергнуть* временное правительство, и говорилъ лишь о томъ, что надо *очистить* его. Петиція, требовавшая вначалѣ отсрочки выборовъ на *неопредѣленное* время, была также сильно измѣнена подъ вліяніемъ Каба.

Между тѣмъ, временное правительство, предупрежденное за нѣсколько дней Луи-Бланомъ о манифестаціи корпорацій и болѣе освѣдомленное, чѣмъ онъ, о тѣхъ смущающихъ элементахъ, которые могли измѣнить характеръ этой манифестаціи, съ крайнимъ безпокойствомъ ожидало въ Ратушѣ результата подобнаго движенія населенія.

Если бы большинство совѣта думало только о своемъ спасеніи, ему было бы легко призвать для своей защиты штыки національной гвардіи. День 16-го марта достаточно показалъ ея стремленіе

¹⁾ Да будетъ мнѣ позволено привести здѣсь одно наивное сужденіе, услышанное мной 17 марта посреди группы народа въ ту минуту, когда правительство появилось на эстрадѣ Ратуши: сужденіе это удивительно вѣрно передаетъ общее чувство народной массы: «Какъ жаль, сказать одинъ рабочій, смотря на Дюпона (де-Лэро), что между ними одинокъ такой старый; другихъ-то еще, пожалуй, лѣтъ на двадцать хватитъ, чтобы *устраивать наше счастье и защищать насъ отъ англійскихъ враговъ*».

начать борьбу съ революціей. Но, какъ я уже имѣла случай замѣтить, лица, составлявшія большинство совѣта, а также тѣ, которые находились тамъ въ меньшинствѣ, хотя и не сходились въ политическихъ мнѣніяхъ, тѣмъ не менѣе оставались согласными въ чувствѣ любви къ родинѣ. Всѣ искренно желали спасти республику отъ бѣдствій гражданской войны.

Всѣ приготовленія правительства къ защитѣ ограничились тѣмъ, что заперли ворота Ратуши, за оградой которой полковникъ Рэ поставилъ двѣ-три тысячи волонтеровъ, которыми онъ командовалъ съ 24 февраля. Это было войско, составленное случайно, плохо дисциплинированное и болѣе расположенное, судя по его составу и рѣчамъ, скорѣе присоединиться при случаѣ къ народу, чѣмъ оказать ему серьезное сопротивленіе. Итакъ, все должно было зависѣть отъ народной мудрости, и исходъ этого дня тѣмъ труднѣе можно было предвидѣть, что это инстинктивная и бурная мудрость не сознавала себя.

Около 1 часу пополудни на одномъ изъ концовъ Грэвской площади появились первые ряды народнаго шествія. Они состояли изъ пяти или шести сотъ клубистовъ, между которыми было нѣсколько женщинъ. Всѣ они шли рядами по десяти человекъ со своими знаменами. За ними шла длинная процессія рабочихъ корпорацій. Отдѣленные одна отъ другой равными разстояніями, эти корпораціи слѣдовали каждая за своимъ знаменемъ и, двигаясь медленно мѣрнымъ шагомъ, въ полномъ порядкѣ устанавливались передъ окнами Ратуши. Въ этой компактной массѣ мужчинъ, женщинъ, дѣтей не слышно было никакого шума. Команда производилась тихо, въ рядахъ этой арміи блузниковъ соблюдалась такая дисциплина, которую одобрили бы лучшія войска въ мірѣ. Даже лица, серьезные и сосредоточенныя, выражали идею исполненія долга, одушевлявшую и сдерживавшую всю эту массу народа.

Когда площадь совершенно заполнилась народомъ, шествіе остановилось; вожаки клубовъ и делегаты корпорацій, подойдя къ рѣшеткѣ, просили, чтобы ихъ допустили до временнаго правительства. Ламартинъ, только что получившій отъ Кабэ увѣреніе въ томъ, что клубы не замышляютъ ничего враждебнаго, приказалъ открыть ворота для пятидесяти делегатовъ, и весь совѣтъ перешелъ въ одну изъ самыхъ обширныхъ залъ Ратуши, чтобы устроить имъ торжественную встрѣчу. Въ это время народъ, мужественнымъ голосомъ и не разстраивая рядовъ, затянулъ *Марсельезу*.

«Граждане! чего вы требуете?»—спросилъ, обращаясь къ клубамъ, старый защитникъ конституціонныхъ вольностей, Дюпонъ (де-Лэръ). Въ интонаціи, съ которой онъ произнесъ эти слова, была извѣстная гордость, противорѣчащая слабости его тѣла и

грустному выраженію его лица. За этими словами послѣдовало мгновеніе молчанія. Съ той и съ другой стороны наблюдали другъ за другомъ, стараясь подмѣтить на лицахъ тайну каждаго, угадать, дѣйствуетъ ли каждый отдѣльно или по общему договору, измѣрить силу нападенія и шансы сопротивленія. По обѣимъ сторонамъ Дюпона, сидѣвшаго въ прислоненномъ къ стѣнѣ креслѣ, прочіе члены временнаго правительства стояли такъ: направо — Араго, Луи-Бланъ, Альберъ, Ледрю-Ролланъ; на лѣво — Ламартинъ, Маррастъ, Кремье, Мари, Гарнье-Пажесь.

Въ группѣ клубистовъ видны были Варбесъ, Каба, Собріе, Гюберъ и Бланки, которыхъ окружали наиболѣе смѣлые люди, между прочимъ, Флоттъ и Лакамбръ, — *«неизвѣстныя лица, сказалъ Луи-Бланъ, въ выраженіи которыхъ было что-то угрожающе-мрачное»*. Одинъ рабочій, по имени Жераръ, подошелъ къ Дюпону дельеру, прочелъ петицію, которая отъ имени парижскаго народа требовала удаленія войскъ, отсрочки выборовъ въ національную гвардію и въ собраніе. Едва лишь рабочій окончилъ свое чтеніе, какъ выступилъ Бланки и сталъ говорить. Въ сущности, онъ повторилъ только требованія, выраженные въ петиціи; но тонъ и жестъ, сопровождавшіе его слова, похожи были болѣе на угрозу, чѣмъ на просьбу. Къ тому, что сказалъ рабочій, онъ прибавилъ лишь требованіе, чтобы временное правительство обсудило вопросъ, не выходя изъ Ратуши, и дало бы делегатамъ народа немедленный отвѣтъ. Луи-Бланъ, удивленный такой смѣлостью и думая, что эта смѣлость опирается на силу, которой онъ не знаетъ, побоялся, чтобы руководство народнымъ движеніемъ не перешло въ другія руки. Взглядъ, которымъ онъ обмѣнялся съ Варбесомъ, не оставилъ ему никакого сомнѣнія въ этомъ отношеніи ¹⁾. Если правительство уступить требованіямъ клубовъ, — Бланки, ихъ общему врагу, достанется и честь, и выгода. Если Бланки выйдетъ изъ Ратуши торжествующимъ, онъ захватитъ въ свои руки и революцію, и народъ — а куда онъ поведетъ ихъ?

При такомъ положеніи вещей Луи-Блану не оставалось ничего другого, какъ стать заодно съ большинствомъ временнаго правительства, отвергнуть угрозу, — о которой онъ, однако, самъ подумалъ въ первую минуту, — если только онъ не хотѣлъ подчиняться главѣ бунтовщиковъ, планы котораго были неизвѣстны, а намѣренія подозрительны. Его совѣщаніе съ самимъ собой было не продолжительно. Выступивъ передъ группой делегатовъ, онъ сказалъ голосомъ, которому сознаніе опасности и чувство оскорбленія придавали особенную силу: «Граждане! правительство Республики

¹⁾ «Pages d'histoire». стр. 90.

основано на общественномъ мнѣніи: оно никогда этого не забудетъ. Мы знаемъ, что наша сила заключается въ силѣ народа; наша воля должна согласоваться съ его волей. Мы благодаримъ васъ за полныя симпатіи и преданности рѣчи, съ которыми вы обращаетесь къ намъ. Временное правительство заслужило ихъ своимъ мужествомъ, своимъ твердымъ желаніемъ создать благо народа, при его содѣйствіи и поддержкѣ. Идеи порядка, высказанныя вами, освящаютъ собой свободу во Франціи. Сила народа должна выказаться въ спокойствіи, такъ какъ спокойствіе есть величіе силы. Вы выразили намъ желанія, которыя составляютъ предметъ нашихъ совѣщаній. Вы сами, граждане, конечно, не пожелаете, чтобы правительство, которое призвано служить вашимъ представителемъ, уступило угрозѣ. Мы благодаримъ васъ за то, что вы пришли къ намъ, полные довѣрія къ нашему патріотизму, полные вѣры въ желаніе, которое живетъ въ глубинѣ нашихъ сердецъ, способствовать вмѣстѣ съ вами, въ вашемъ же интересѣ и никогда не забывая васъ, благу Республики. Мы благодаримъ васъ за то, что вы дали намъ возможность сдѣлать это въ полной независимости. А теперь, граждане, дайте намъ время рассмотреть этотъ вопросъ сообща, дабы для всѣхъ было ясно, что правительство Республики не совѣщается подъ вліяніемъ угрозы. Тѣмъ, кто стоялъ только за свои привилегіи, позволительно было бояться: по отношенію къ намъ это немыслимо, такъ какъ мы — ваши представители и, сохраняя наше достоинство, мы сохраняемъ и ваше».

Слова эти, заслужившія одобренія со стороны делегатовъ отъ корпорацій, которыя слѣдно довѣряли руководству Луи-Блана, вызвали въ рядахъ клубистовъ продолжительный ропотъ. «Народъ ожидаетъ не однихъ только словъ!—крикнулъ одинъ изъ нихъ, голосомъ, полнымъ гнѣва:—народъ требуетъ опредѣленнаго отвѣта, и мы не уйдемъ отсюда безъ отвѣта, который бы могли передать ему». Но не давая Луи-Блану времени отвѣчать, Кабэ и Собріе, опасавшіеся, что произойдетъ конфликтъ, вмѣшались въ эту сцену. Въ полныхъ здраваго смысла выраженіяхъ они смягчили впечатлѣніе, произведенное выходкой клубиста, и дали, такимъ образомъ, Ледрю-Роллану время обдумать то, что онъ долженъ былъ сказать. «Я имѣю сказать вамъ лишь нѣсколько словъ, началъ министръ внутреннихъ дѣлъ, но мнѣ кажется, что эти слова должны произвести на васъ нѣкоторое впечатлѣніе. Вы—представители Парижа, но вы понимаете, что Франція состоитъ изъ совокупности всѣхъ гражданъ. Два дня тому назадъ я обратился ко всѣмъ комиссарамъ департаментовъ съ слѣдующимъ вопросомъ: есть ли матеріальная возможность для того, чтобы выборы произошли 9-го апрѣля? Возможно ли въ политическомъ отношеніи и въ интересахъ утвержде-

нія Республики, чтобы выборы произошли 9 апрѣля? Вы не можете, граждане, требовать отъ правительства, чтобы оно совѣщалось прежде, чѣмъ оно узнаетъ о томъ, что происходитъ во Франціи, прежде, чѣмъ оно получить свѣдѣнія отъ своихъ комиссаровъ. Вы, безъ сомнѣнія, представляете собой самую дѣятельную и, вслѣдствіе этого, самую интеллигентную городскую общину; но вы не можете претендовать на то, чтобы представлять всю Францію; вы можете взять на себя эту роль только при одномъ условіи, чтобы мы, избранные народомъ, представляющіе собой народъ, получили какъ за всю Францію, такъ и за Парижъ выраженіе воли и послѣднее слово народа. Вы должны обождать нѣсколько дней. Я назначилъ самымъ позднимъ числомъ 25-е для полученія отвѣтовъ отъ комиссаровъ. Когда правительство, принявъ во вниманіе желаніе Парижа, который обыкновенно даетъ импульсъ Франціи, но который, конечно, не можетъ желать производить давленіе на Францію, получить выраженіе воли департаментовъ, тогда оно, какъ представитель всей страны, въ состояніи будетъ назначить отсрочку и сказать, дѣйствительно ли эта отсрочка необходима для утвержденія Республики».

Рѣчь эта, твердо и ловко сказанная, очевидно выбила изъ колеи защитниковъ заговора, не ожидавшихъ найти въ членахъ временнаго правительства такого единодушія въ сопротивленіи. Видя, что слова Ледрю-Роллена отнимаютъ у нихъ всѣ шансы развѣдинить совѣтъ и отдѣлаться отъ большинства съ помощью меньшинства, они не хотѣли, однако, отступать, не нанеся рѣшительнаго удара Ламартину. Соборіе, который взялъ слово, чтобы поддержать Ледрю-Роллена, доставилъ имъ къ тому случай.

«Делегаты народа,—сказалъ онъ,—отнюдь не имѣютъ намѣренія насиловать временное правительство; они имѣютъ къ нему полное довѣріе».

«Не ко всѣмъ, не ко всѣмъ!»—прерываетъ его одинъ изъ сторонниковъ Бланки, смотря на Ламартина, имя котораго переходитъ изъ устъ въ уста.

«Пусть онъ объяснится! Пусть онъ объяснится!»—кричатъ нѣсколько голосовъ.

Тогда Ламартинъ выступаетъ, въ свою очередь, впередъ и съ большимъ краснорѣчіемъ опровергаетъ обвиненіе, вводимое на временное правительство и въ частности на него, въ томъ, что они хотѣли возвращенія войскъ въ Парижъ для подавленія народа. «Правительство,—сказалъ Ламартинъ,—послѣ того, что случилось, послѣ того, какъ павшая монархія видѣла, какъ ея 80,000 чело-вѣкъ войска растаяли передъ безоружнымъ Парижемъ, должно быть безумнымъ, чтобы стараться при помощи нѣсколькихъ раз-

ровненныхъ корпусовъ арміи, одушевленныхъ одинаковымъ съ народомъ республиканскимъ духомъ, навязать ему волю, не согласную съ вашей волей и противную вашей независимости. Мы объ этомъ не думали, не думаемъ и не подумаемъ никогда! Вотъ какова правда, передайте ее народу: его свобода принадлежитъ ему, потому что онъ завоевалъ ее; она принадлежитъ ему въ силу того, что онъ сумѣлъ оградить ее отъ всякаго безпорядка. Республика въ своемъ внутреннемъ устройствѣ не требуетъ иного защитника, кромѣ вооруженнаго народа.

«Но хотя это и есть истина на сегодняшний день и хотя мы и объявляемъ вамъ, что желаемъ, чтобы только вооруженный народъ былъ защитникомъ своихъ учреждений, не слѣдуетъ заключать изъ этого, что мы когда-либо согласимся на униженіе французскаго войска! Не заключайте изъ этого, чтобы мы хотѣли набросать тѣнь подозрѣнія на нашу храбрую армію и чтобы мы не рѣшились призвать ее внутрь государства, даже въ Парижъ, если бы условія войны потребовали того или другого расположенія нашихъ силъ для внѣшней безопасности отечества!»

Видя, что рѣчь его встрѣтила сочувствіе делегатовъ, зная, что его поддерживаютъ вожакъ клубовъ, Ламартинъ нацѣль въ концѣ рѣчи одинъ изъ тѣхъ поразительныхъ доводовъ, которые уже не разъ доставляли ему побѣду надъ народнымъ недоумѣемъ. «Будьте увѣрены,—съ волненіемъ воскликнулъ одинъ изъ рабочихъ,—что народъ явился сюда лишь для того, чтобы поддержать правительство». — «Я знаю это, я въ этомъ увѣренъ»,—отвѣчалъ Ламартинъ:—но остерегайтесь, граждане, такихъ собраній, какъ сегодняшнее, какъ бы они ни были прекрасны. Восемнадцатые брюмера народа могутъ противъ его воли вызвать восемнадцатые брюмера деспотизма; а этого ни вы, ни мы не желаемъ».

Всеобщіе аплодисменты покрываютъ при этихъ словахъ голосъ Ламартина. Сбитая съ позиціи, депутація всколыхнулась. Кабэ и Собріе пользуются благопріятнымъ моментомъ, чтобы начать отступление. Бланки и его приверженцевъ увлекаютъ другіе. Въ ту же минуту на площади раздаются тысячи голосовъ, громко требующіе временное правительство. Теперь становится яснымъ, что нравственная сила на его сторонѣ. Лица мятежниковъ выражаютъ гнѣвъ и негодованіе. Въ то время, какъ Луи-Бланъ сходилъ съ марадной лѣстницы, кто-то схватилъ его за руку и, грубо встряхнувъ его, сказалъ: «Значитъ, и ты также измѣнникъ!» Луи-Бланъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него. Онъ не зналъ его: это былъ одинъ изъ клеветовъ Бланки, якобинецъ-фанатикъ, поваръ Флоттъ¹⁾.

¹⁾ См. «Pages d'histoire», стр. 94.

Когда временное правительство появилось на эстрадѣ, его встрѣтилъ долгій, восторженный крикъ народа, который даже и не спрашивалъ, были ли его требованія исполнены или отвергнуты. Только болѣе часто повторяемыми криками: Да здравствуетъ Луи-Бланъ! Да здравствуетъ Ледрю-Роллэнтъ! онъ выражалъ свою симпатію къ наиболѣе революціоннымъ членамъ совѣта. Луи-Бланъ, по приглашенію самихъ коллегъ своихъ, сталъ говорить рѣчь, принося въ ней благодарность народу за силу, сообщаемую имъ своимъ столь горячимъ и полнымъ сочувствіемъ правительству, на которомъ лежитъ обязанность исполнять его волю.

Окончивъ свою рѣчь, временное правительство вошло въ Ратушу, передъ которой начали дефилировать корпораціи. Шествіе было длинное, но до конца сохранило порядокъ и дисциплину. Цифру этой народной арміи опредѣлили въ 100,000 человекъ. Лишь въ 5 часовъ послѣднія корпораціи оставили площадь. Однако, здѣсь осталась многочисленная группа рабочихъ, чтобы проводить Луи-Блана; другая группа проводила Ледрю-Роллэна въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ министръ еще разъ въ горячихъ выраженіяхъ пытался объяснить, насколько они не правы въ своемъ желаніи удалить отъ Парижа армію, преданную странѣ и состоящую изъ дѣтей народа.

Ламартинъ, оставшись одинъ, охваченный первымъ сомнѣніемъ, медленно и задумчиво пошелъ пѣшкомъ по улицамъ, гдѣ зажигали иллюминацію въ честь его политическихъ противниковъ, и направился къ дому въ улицѣ Капуцинокъ, гдѣ въ сильномъ волненіи ожидали его жена и друзья. Послѣдніе, напуганные распространяемыми слухами, провели ночь вооруженные въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Агенты ихъ тайной полиціи извѣстили ихъ, что Бланки и его приверженцы должны въ эту ночь похитить Ламартина.

Парижъ до самаго утра находился въ большомъ смущеніи. Впечатлѣніе, произведенное тѣмъ, что было всеѣмъ извѣстно, и тѣмъ, что подозрѣвали относительно событій этого дня, тяготѣло надъ всеѣми умами. Этотъ длинный кортежъ пролетаріевъ, которые отъ Триумфальной арки до Ратуши и отъ Ратуши до Бастиліи, всюду, гдѣ проходилъ, импонировалъ буржуазіи и съ ужасающей торжественностью налагалъ на нее свою безмолвную и таинственную волю, приводилъ умы въ невообразимое смятеніе. Никто, въ сущности, не понималъ неопредѣленного смысла этой манифестаціи; каждый объяснялъ ее по своему. Большинство рабочихъ, присоединившихся по непосредственному желанію къ манифестаціи, были въ своемъ наивномъ и искреннемъ чувствѣ республиканскаго братства убѣждены въ томъ, что выразили правительству свое уваженіе и защитили его этимъ отъ заговора карлистовъ. Нѣкоторые изъ на-

родныхъ вождей, какъ Каба, Распайль, Барбэсъ, обвинявшіе партію, которую они называли партіей *National*, въ томъ, что она замышляетъ въ самомъ правительствѣ, въ согласіи съ Тьеромъ, возвращеніе герцогини Орлеанской съ сыномъ, имѣли, главнымъ образомъ, въ виду укрѣпить меньшинство въ совѣтѣ и уберечь Ламартина отъ вліянія сомнительныхъ людей, окружавшихъ его, показавъ ему народъ сильнымъ и мудрымъ. Пятьсотъ-шестьсотъ сторонниковъ Бланки, обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, не смѣли показать свое неудовольствіе и дѣлали видъ, что раздѣляютъ народную радость. Луи-Бланъ, бывшій инициаторомъ и главнымъ руководителемъ манифестаціи, почувствовалъ, однако, что онъ не держитъ въ своихъ рукахъ всѣхъ ея нитей. Онъ спрашивалъ себя, что означаетъ это таинственное вмѣшательство какихъ-то невѣдомыхъ вожakovъ, и удивлялся, что Ледрю-Ролланъ имѣлъ одинаковую, если не главную, долю въ выраженіи народнаго сочувствія.

Итакъ мы видимъ, что насколько было внѣшняго порядка, регулярности, дисциплины въ этой громадной народной процессіи, настолько же было смутно и безпорядочно въ умахъ тѣхъ, которые устроили ее. Но слѣдующіе за нею дни подчеркнули ея значеніе и поселили большія опасенія въ умахъ буржуазіи. Она увидѣла, что съ 17 марта Ламартинъ, на котораго она возложила всѣ свои надежды, сдѣлался озабоченнымъ. Она увидѣла въ слѣдовавшихъ одни за другими декретахъ и прокламаціяхъ преобладающее вліяніе Ледрю-Роллана и Луи-Блана. Она поняла, что Парижъ дѣйствительно во власти революціи, и обратила свои главныя усилія на департаменты, гдѣ роялисты и консерваторы, одно время разсѣявшіеся, ошеломленные неожиданнымъ толчкомъ, начинали приходить въ себя, сближаться, совѣтоваться для того, чтобы снова въ выборной борьбѣ захватить тѣ политическія преимущества, которыя во всякое время даются наслѣдственностью имени или его извѣстностью, высшимъ образованіемъ или пріобрѣтеннымъ богатствомъ.

XXIV.

Состояніе департаментовъ.—Чрезвычайные комиссары.—Руанъ.
—Лилль.—Страсбургъ.—Льонъ.—Нантъ.—Марсель.—Тулуза.—
Бордо.

Когда первое опьяненіе побѣдой разсѣялось въ невѣроятномъ изліяніи той народной радости, нѣкоторые виды которой я старалась описать, правительство и партіи стали думать о департаментахъ и спрашивали себя, въ какомъ духѣ будутъ общіе выборы, срокъ которымъ уже приближался. Трудно было составить себѣ объ этомъ какое-либо понятіе. Мы видѣли, какимъ образомъ провинція получила извѣщеніе о революціи, въ которой она приняла лишь весьма косвенное участіе своимъ реформистскимъ движеніемъ. Ея пассивное отношеніе, ея озабоченное и какъ бы невольное подчиненіе не удивили никого. Если уже официальное общество, въ самомъ центрѣ политическаго дѣйствія, если три главныя формы государственной власти, соединенныя въ наиболѣе защищенномъ пунктѣ «легальной страны», дали разогнать себя почти безъ борьбы, то какъ могло бы удержаться частичное и ослабленное представительство ихъ? Въ силу какого принципа мѣстная, зависимая администрація, чуждая населенію, на которое имѣла лишь мимолетное, поверхностное и, въ нѣкоторомъ родѣ, механическое вліяніе, могла бы вызвать сопротивленіе, къ которому монархическая власть не подавала сигнала? Для этого необходимо былъ фанатизмъ преданности, давно уже, вплоть до самаго воспоминанія, изгладившійся изъ души народа. Къ тому же страна не только не отвѣтила бы на призывъ того, кто сталъ бы ее побуждать къ гражданской войнѣ, но даже и не поняла бы его. Въ этомъ отношеніи Франція, столь различная въ своихъ традиціяхъ и обычаяхъ, столь разнообразная по мнѣніямъ, столь неровная въ умственномъ развитіи и въ матеріальномъ благосостояніи, была одушевлена единымъ духомъ. Замѣчалось всеобщее преобладаніе положительныхъ интересовъ надъ чувствами и вѣрованіями. Съ 1789 г. два главнѣйшихъ интереса Франціи: земледѣліе и промышленность зависѣли только сами отъ себя. Поле и ткацкій станокъ, одинаково свободные, не получали сверху ни оплодотворенія, ни движенія. Демократія, которая еще не обнаруживалась явно въ политическомъ устройствѣ, пустила корни въ почвѣ; она господствовала надъ нравами; и хотя этотъ новый характеръ націи еще самой ей не былъ вполне ясенъ, онъ уже

слишкомъ опредѣлился, чтобы можно было обмануть его и увлечь населеніе, даже самое невѣжественное, въ борьбу противъ Республики, т. е. противъ правительства, наиболѣе сообразнаго съ принципами и интересами демократіи.

Однако несмотря на демократическій характеръ новыхъ нравовъ, первобытныя и традиціонныя особенности, условія почвы и характеръ работъ давали провинціямъ сѣвера и юга, центра, востока и запада совершенно индивидуальную фیزیомію; комиссары правительства встрѣтились съ чисто мѣстными затрудненіями, смотря по тому, стояло ли населеніе болѣе или менѣе въ сношеніяхъ съ Парижемъ, въ большей или меньшей степени страдало отъ экономическаго кризиса, который съ начала столѣтія съ каждымъ днемъ все болѣе разорялъ промышленную и земледѣльческую производительность страны. Характеръ и репутація комиссаровъ, уваженіе, внушаемое ими, играли значительную роль въ приѣмѣ, который сдѣланъ былъ въ ихъ лицѣ Республикѣ. Если бы выборъ комиссаровъ не былъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ вынужденъ у Ледрю-Роллена и не такъ противорѣчилъ бы тому, который онъ дѣлалъ по собственному почину, если бы во всѣ департаменты были посланы люди почтенные и съ тактомъ, какъ Лихтенберже, Гревь, Эмиль Оливье, Марше, Гепанъ, Бордильонъ и т. д., многіе раздоры или бы вовсе не возникли, или, по крайней мѣрѣ, не обратились бы въ кровавыя столкновенія. Авторитетъ правительства не былъ бы подорванъ отставкой нѣсколькихъ комиссаровъ; не случилось бы то, что демократическіе избиратели вотировали за орлеанистскихъ или легитимистскихъ кандидатовъ для того только, чтобы выразить протестъ противъ административныхъ нелѣпостей республиканскихъ чиновниковъ. Ледрю-Ролленъ сдѣлалъ, кромѣ того, большую ошибку, позволивъ комиссарамъ выставять свою кандидатуру въ народное представительство. Это была поправка, противорѣчившая духу парламентаризма. Она давала поводъ заподозрить поведеніе комиссаровъ въ корыстныхъ видахъ и оскорбляла чувство независимости избирателей.

Вбросимъ взглядъ на главные пункты, по которымъ мы будемъ въ состояніи лучше судить объ общемъ движеніи, происходившемъ въ странѣ во время административныхъ дѣйствій комиссаровъ до открытія Національнаго Собранія.

Прежде всего мы остановимъ наше вниманіе на Руанѣ. Лежащая посреди плодороднѣйшихъ полей Франціи, старая столица Нейстріи, феодальныя традиціи которой еще какъ будто живутъ въ ея величественныхъ соборахъ, служившихъ въ среднихъ вѣкахъ выраженіемъ французскаго духа въ католическомъ искусствѣ, — Руанъ, подъ вѣнчившимъ видомъ величія и богатства, скрываетъ

столь глубокую нищету. нищету такого свойства, что самый рассказ о ней производит невыносимо тягостное впечатлѣніе. Руанское населеніе, вносящее прилежаніе въ трудъ, умъ въ дѣла, населеніе, которому, казалось бы, благоприятствуетъ все: и умѣренный климатъ, и географическое положеніе, и легкость сношенія съ двумя наиболѣе торговыми странами въ мірѣ,—Англіей и Соединенными Штатами,—живетъ невозможно скученнымъ и въ такихъ ужасныхъ условіяхъ, предъ которыми древнее рабство кажется завиднымъ состояніемъ. Вслѣдствіе рокового стеченія обстоятельствъ, съ которымъ современная общественная совѣсть не можетъ примириться и которое политическая экономія раскрыла намъ съ ужа-сающей очевидностью, происходитъ то, что, чѣмъ болѣе возрастаетъ фабричная дѣятельность, чѣмъ болѣе совершенствуются машины, чѣмъ болѣе многочисленны и отличны продукты способствуютъ прославленію генія націи, обогащающей этими продуктами міръ, тѣмъ ужаснѣе нищета, которая тяжелымъ гнетомъ падаетъ на рабочихъ, и тѣмъ болѣе они, прикованные безсмѣнно къ отупляющему и неблагодарному труду, теряютъ не только время, но и способность, а иногда даже и желаніе развивать свое нравственное Я. Глубокая вражда между хозяевами и рабочими есть слѣдствіе того ненормального отношенія, которое создаетъ для однихъ настоящую обязанность производить скоро, много, за низкую плату для того, чтобы выдерживать внутреннюю и внѣшнюю конкуренцію; а для другихъ—работу по 15-16 часовъ въ сутки, преждевременное изнашиваніе юныхъ силъ, оставленіе безъ призора малолѣтнихъ дѣтей матерями, сидящими цѣлый день за станкомъ, и, наконецъ, жестокую необходимость съ каждымъ днемъ урѣзывать свой кусокъ хлѣба, солому, которая служить постелью, и даже воздухъ, которымъ надо дышать.

И я еще говорю здѣсь объ обычномъ состояніи фабрики, когда ничто не волнуетъ ее. Можно себѣ представить поэтому, какой страшный переполохъ производить въ этомъ урегулированномъ безпорядкѣ политическое потрясеніе; до какой точки возбужденія должны будутъ дойти человѣческія страсти и злоба, глухо, но непрерывно таявшаяся въ сердцѣ промышленнаго пролетаріата.

Въ 1830 г., лишь нѣсколько недѣль спустя послѣ парижскихъ событій, въ Руанѣ вспыхнуло всеобщее возстаніе рабочихъ. Въ долинахъ колокола забили въ набатъ; тысячи людей, готовыхъ къ битвѣ, выходили изъ своихъ заводовъ. Число и рѣшимость ихъ казались страшными; но возстаніе, не имѣя ни главы, ни знамени, ни опредѣленной цѣли, кончилось самой плачевной неудачей, и въ теченіе всего царствованія Людовика Филиппа внѣшнимъ образомъ міръ не былъ нарушенъ. Въ 1833 г. *Общество правъ человека*

шталось организовать въ Руанѣ отдѣленія, но ему удалось завербовать не болѣе 1500 человекъ, союзъ которыхъ почти тотчасъ же, вслѣдствіе закона 1834 г., распался. Съ тѣхъ поръ рабочее населеніе предоставило буржуазіи дѣлать свою политическую оппозицію. Въ концѣ концовъ, оно, повидимому, не принимало никакого участія въ реформистскомъ движеніи и болѣе не беспокоило правительства. Но вдругъ при извѣстіи о паденіи Людовика-Филиппа, словно по заранѣе условленному сигналу, 30.000 рабочихъ устроили етачку, требуя одновременно повышенія платы, уменьшенія часовъ рабочаго дня, запрещенія работы въ тюрьмахъ и изгнанія иностранцевъ. Вслѣдствіе этихъ требованій пролетаріата, промышленники очутились передъ не исполненными заказами и потерей кредита ¹⁾. Никто, впрочемъ, ни въ Руанѣ, ни въ Парижѣ не былъ подготовленъ къ этому внезапному взрыву промышленнаго кризиса, и противъ него не нашли иной мѣры, какъ основаніе національныхъ мастерскихъ, результатомъ которыхъ тотчасъ же явилась гражданская война.

Ледрю-Роллэнъ назначилъ комиссаромъ въ департаментъ Нижней-Сены одного талантливаго адвоката-радикала, Дашана, который уже въ продолженіе многихъ лѣтъ соперничалъ въ судѣ и въ политикѣ съ Сэнаромъ, возрѣнія котораго приближались скорѣе къ либерализму буржуазіи. И здѣсь, какъ и всюду, то была борьба между политическими органами «National» и «Réforme». Агитація банкетовъ растравила эту ссору. Радикальная партія дала себя побить по вопросу относительно *тоста* за короля, и когда Дашанъ явился въ Руанъ, какъ официальное лицо, въ качествѣ перваго чиновника Республики, буржуазія, мнившая себя господствующей въ странѣ, почувствовала себя оскорбленной этимъ выборомъ. Она немедленно отправила въ Парижъ депутацію изъ національныхъ гвардейцевъ, которымъ поручила протестовать противъ назначенія Дашана и требовать, чтобы онъ былъ замѣненъ Сэнаромъ. Но такъ какъ обвиненія, взводимыя на Дашана, были весьма неопредѣленны и кромѣ того сопровождались угрозами, министръ не уважилъ просьбы. Съ этой минуты Руанъ раздѣлился на два враждебныхъ лагеря, и не трудно было догадаться, что они очень скоро вступятъ другъ съ другомъ въ бой.

Вооруженіе національной гвардіи, отъ котораго подъ разными предлогами рабочихъ держали въ сторонѣ, было въ теченіе всего марта мѣсяца поводомъ жалобъ съ ихъ стороны и неосторожныхъ провокацій со стороны буржуазіи. Рабочіе были сильно раздражены;

¹⁾ Департаментъ Нижней-Сены потерялъ около 100 милліоновъ франковъ въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ 1848 г.

но вмѣсто того, чтобы стараться успокоить ихъ, ихъ раздраженіе довели до послѣдняго предѣла угрозами, что тотчасъ же закроютъ національныя мастерскія. Наконецъ, волненіе, произведенное выборами и неудачей исключительнаго списка кандидатовъ, чрезвычайно неполитично внушеннаго пролетаріямъ парижскимъ комитетомъ, произвели давно уже ожидавшійся взрывъ народнаго гнѣва.

Во многихъ отношеніяхъ Лилль въ 1848 г. находился въ одинаковыхъ условіяхъ съ Руаномъ. Какъ главный городъ департамента, имѣющаго миллионъ жителей, занятія которыхъ распределяются между земледѣліемъ, судоходствомъ и фабричною промышленностью; какъ дѣятельный и, повидимому, цвѣтущій центръ провинціи, гдѣ успѣхи земледѣльческой культуры, искусно соединенные съ успѣхомъ промышленности и ростомъ торговли, достигли въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ удивительнаго совершенства. Лилль, такъ же, какъ Руанъ, несмотря на старинныя благотворительныя муниципальныя учрежденія, болѣе обширныя, нежели во всѣхъ другихъ городахъ Франціи, былъ раздѣляемъ нищенствомъ ¹⁾.

Но республиканскій образъ мыслей и революціонныя традиціи въ Сѣверномъ департаментѣ сохранились живѣе, чѣмъ въ департаментѣ Нижней-Сены. Городъ Лилль, который въ 1789 г. отличался своимъ патріотизмомъ, а во время реставраціи своимъ либеральнымъ направленіемъ, уже съ первыхъ лѣтъ царствованія Людовика-Филиппа имѣлъ республиканское общество, составившееся изъ остатковъ карбонаризма. Это общество, путемъ печати и тайныхъ отдѣленій, вело дѣятельную пропаганду. Мало по малу изъ либерализма выдѣлился смѣшавшійся съ нимъ вначалѣ радикализмъ. Припомнимъ, какъ на реформистскомъ банкетѣ радикализмъ окончательно одержалъ верхъ надъ династической оппозиціей, представляемой Одилономъ-Барро, въ лицѣ Ледрю-Роллена, которому другъ его Делеклюзъ, главный редакторъ газеты «*Impartial du Nord*», подготовилъ это торжество. Что касается социализма, то онъ существовалъ пока лишь въ теоріи, и фаланстерійская школа, насчитывавшая въ Лиллѣ извѣстное число приверженцевъ, не желала никакого союза съ радикалами-революціонерами ²⁾.

¹⁾ Не входя въ большія подробности, которыя здѣсь не у мѣста, отмѣтимъ только слѣдующій фактъ. По отчету одного врача, въ Лиллѣ насчитывается, въ наиболѣе благоприятное время, одинъ бѣднякъ на трехъ жителей. Изъ 21,000 дѣтей неимущаго класса умерло въ обыкновенный годъ 20,000 въ возрастѣ менѣе 7 лѣтъ. (См. „Rapport de M. Blanqui à l'Académie des Sciences morales et politiques“).

²⁾ Эвекэзъ, одинъ изъ вожakovъ фаланстерійской школы, находился въ Лиллѣ въ день банкета, не только не явился туда, но, чтобы избе-

Когда дошло до Лилля извѣстіе о бѣгствѣ Людовика-Филиппа и объ учрежденіи временнаго правительства, префектъ, Дамуссо-де-Живрэ, поспѣшилъ оставить префектуру и пріютился у начальника военной дивизіи. 27 февраля вечеромъ Антони-Турэ, получившій отъ Ледрю-Роллена довольно неопредѣленную миссію, въ качествѣ временнаго префекта Сѣвернаго департамента, пріѣхалъ въ Лилль въ обществѣ нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ Амьена, Арраса и Дуэ, гдѣ онъ заставилъ провозгласить республику. Антони-Турэ былъ принятъ безъ враждебныхъ демонстрацій, но чрезвычайно холодно. Его прошлое не давало ему большого авторитета въ департаментѣ, которымъ онъ долженъ былъ управлять, и этотъ авторитетъ еще уменьшился вслѣдствіе борьбы, тотчасъ же завязавшейся между нимъ и Делеклюзомъ. Самъ того не зная, Антони-Турэ передалъ Делеклюзу депешу Ледрю-Роллена, предоставляющую Делеклюзу чрезвычайныя полномочія главнаго комиссара въ департаментахъ Сѣверномъ и Па-де-Калэ. Въ результатѣ столкновений, возникшихъ изъ этого недоразумѣнія, а также крайней небрежности въ инструкціяхъ, данныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ ¹⁾,

затѣ протестъ, объявилъ на этотъ часъ публичную лекцію. Ледрю-Ролленъ съ своей стороны, когда его спросили на одномъ ужинѣ: «Вы коммунистъ?»—отвѣчалъ категорически: «Я ни коммунистъ, ни социалистъ».

¹⁾ Я уже имѣла случай указать, насколько эти инструкции, слишкомъ неясныя въ административномъ отношеніи, были умѣренны и примирительны съ политической точки зрѣнія. Это ясно покажетъ прилагаемое писъмо Жюля Фавра къ Дельбэку, главному редактору газеты «Libéral du Nord», отъ 2 марта.

Парижъ, 2 марта, 1848.

Республика всюду должна встрѣчать радостный пріемъ, ибо она знаменуетъ окончаніе системы гнета и національнаго позора, а также начало истинно-демократической эры. Мирная потому, что она сильна, она должна выказать себя спокойной и великодушной. Поэтому вы должны избѣгать всего, что могло бы испугать буржуазію, которая съ нами сердцемъ, которая вскорѣ будетъ съ нами и интересомъ, но которая безпокоится въ виду столь новаго для нея порядка вещей. Объявите всюду, что республика не есть разрушеніе того, что буржуазія считаетъ въ опасности: собственности и семьи. Напротивъ, республика есть ихъ утвержденіе. Покровительствуя рабочему классу, она заинтересовываетъ въ социальномъ спокойствіи большее число гражданъ. Она осуществляетъ то, что многіе вчера еще считали утопій: все для народа и черезъ народъ. Не бойтесь клубовъ, которые откроются въ провинціи, какъ они открыты уже здѣсь. Свободныя собранія, публичное обсужденіе дѣйствій правительства и политическихъ теорій являются слѣдствіемъ новой системы. Если имъ будутъ мѣшать, они ее ниспровергнутъ. Если ихъ будутъ терпѣть и поддерживать, они ее укрѣпятъ. Пусть ваши друзья поспѣшатъ присоединиться къ этимъ обществамъ, и будьте увѣрены, что разумъ и здравый смыслъ народа сумѣютъ справиться со всѣми преувеличеніями, со всѣми эксцентричностями дурно устроенныхъ головъ.

и ихъ несоотвѣтствія съ тѣми, которыя исходили изъ министерствъ полиціи, финансовъ и военнаго, получилось то, что Сѣверный департаментъ остался какъ бы предоставленнымъ самому себѣ, и комиссары тамъ имѣли лишь внѣшній видъ власти. При подобныхъ обстоятельствахъ стали готовиться къ выборамъ. Республиканцы, плохо руководимые комиссаромъ, котораго раздражало его фальшивое положеніе, выказали себя недовѣрчивыми, несдержанными, неполитичными.

Реакція организовалась подъ вліяніемъ генеральнаго прокурора, Корна. Всѣ монархическія партіи соединились. Делеклюзъ раздражался все болѣе и болѣе. Антони-Турэ, пытавшійся раньше привлечь бывшихъ консерваторовъ, былъ отставленъ отъ префектуры, но принятъ реакціей въ качествѣ кандидата, на зло Делеклюзу. Завязалась оживленная полемика; тогда были разоблачены забытые или въ свое время непонятые факты изъ области промышленныхъ спекуляцій Антони-Турэ, котораго и вычеркнули изъ списковъ. Всѣ яркіе республиканцы провалились; Ламартинъ, поставленный на всѣ списки, получилъ болѣе 200,000 голосовъ.

Задача комиссара, назначеннаго въ Страсбургъ, — Лихтенберже, — была сравнительно легче, чѣмъ задача комиссаровъ Руана и Лилля. Въ Эльзасѣ не существуетъ никакой враждебности между буржуазіей и пролетариатомъ. Различія классовъ тамъ почти что нѣтъ. Весьма либеральный духъ и демократическія привычки въ этомъ трудолюбивомъ населеніи давно уже сблизили и почти слили сословія. Кромѣ того, старинное дворянство немногочисленно въ этой странѣ, гдѣ весьма плодородная земля принадлежитъ множеству мелкихъ собственниковъ. Крупная промышленная буржуазія выказывала себя здѣсь справедливой. Рабочій не искалъ еще въ коммунистическихъ утопіяхъ отчаяннаго средства противъ бѣдъ, которыя промышленники понимали и старались облегчить. Большія благотворительныя учрежденія предупреждали нищету или, по крайней мѣрѣ, дѣлали ее болѣе сносной. Образование было достаточно распространено не только среди протестантскаго, но даже и среди католическаго населенія, вслѣдствіе соревнованія двухъ духовенствъ. Частые переходы изъ одной религіи въ другую, установленный обычай брать попеременно чиновъ магистратуры то изъ одного, то изъ другого вѣроисповѣданія приучилъ жителей ко взаимной терпимости, замѣ-

„Однимъ словомъ: мы сильны, мы можемъ быть умѣренными. Ни преслѣдованій, ни угрозъ не должно быть. Но не забудемъ, что мы — орудія народа, и что, если мы перестанемъ на минуту слушаться его внушеній, если нами не будетъ руководить желаніе все дѣлать черезъ него, мы будемъ способствовать дезорганизациіи правительства.

„Временный главный секретарь Жюль Фавръ“.

чательно благоприятствующей прогрессу свободы. Не слѣдуетъ забывать также, что между существенными стимулами прогресса, дѣлавшаго Эльзасъ болѣе подготовленнымъ къ принятію республиканскихъ учреждений, нежели всѣ остальные провинціи Франціи, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ старый протестантскій Страсбургскій университетъ, всегда служившій очагомъ и центромъ научныхъ знаній. Великолѣбно поставленные факультеты права и медицины продолжаютъ до нашего времени непрерывно двигать науку впередъ; присутствіе полковъ, принадлежащихъ къ ученымъ частямъ арміи, способствовало также поддержанію ея успѣховъ.

Поэтому ударъ, нанесенный февральской революціей, не особенно чувствительно отозвался въ Эльзасѣ, гдѣ все уже давно способствовало въ практической жизни примиренію умовъ съ республиканскимъ равенствомъ. Только одна часть населенія пострадала отъ новаго положенія вещей. Во многихъ мѣстностяхъ крестьяне возстали противъ ростовщиковъ, которые почти цѣликомъ принадлежали къ іудейскому вѣроисповѣданію, и прежде, чѣмъ власти успѣли заштитить ихъ, они были прогнаны съ территоріи. Цѣлыя деревни были разгромлены; но къ этимъ погромамъ не присоединялось никакой политической или социалистической идеи. То была просто на просто грубая месть должника кредитору.

Всѣмъ извѣстно, сколько разворенія и горя приносить въ деревняхъ ростовщичество. Страсть къ земельной собственности, приносящей въ лучшемъ случаѣ не больше трехъ процентовъ, эта страсть, увлекающая крестьянина къ пріобрѣтенію болѣе обширнаго пространства, чѣмъ онъ въ состояніи оплатить своими сбереженіями, отдаетъ его всецѣло на жертву ростовщической алчности. Съ той минуты, какъ крестьянинъ вступилъ въ коммерческія сношенія съ этой хитрой расой, какъ только онъ поставилъ свою подпись подъ бумагой, которую онъ читалъ и перечитывалъ двадцать разъ, не замѣчая,—несмотря на все свое мужицкое лукавство,—того скрытаго пункта, который губить его, онъ на вѣкъ лишился своей свободы. Съ этой минуты все его прилежаніе, его смысленность, благодѣянія Провидѣнія, посылающаго ему обильныя жатвы, принесутъ выгоды не ему, а его новому господину. Невѣроятные проценты съ ссуженнаго крошечнаго капитала поглотятъ все его время и весь его трудъ. Съ каждымъ днемъ благосостояніе его семьи будетъ уменьшаться, а затрудненія его будутъ увеличиваться. По мѣрѣ того, какъ наступаетъ роковой день уплаты, суровое лицо кредитора все болѣе показываетъ, что ему не ждѣть отъ него отсрочки. Дѣлать нечего, надо идти далѣе по пути гибели: надо занимать—занимать еще и еще, до тѣхъ поръ, пока не совершится полное развореніе, и пока поля, луга, лѣса, домъ, стадо и все домашнее

хозяйство не перейдутъ изъ его трудолюбивыхъ рукъ въ чужія руки ростовщика. Сколько злобы, сколько ненависти накапливается тогда въ сердцѣ обездоленнаго! Какъ горячо, съ какимъ терпѣніемъ онъ будетъ выжидать, подстергать случай отомстить! Ему даже и въ голову не приходитъ мысль о несправедливости, когда,—какъ мы это видѣли въ Эльзасѣ,—онъ разгромяетъ жилище, преслѣдуетъ семью, грабитъ имущество еврея-ростовщика, и когда онъ въ одинъ день отплачиваетъ ему за всѣ страданія, которыя терпѣлъ всю жизнь! И что всего непонятнѣе и необъяснимѣе, это то, что опытъ не приноситъ пользы ни тому, ни другому изъ двухъ враговъ. Эльзаскіе евреи, возвратясь въ свои раззоренныя жилища, снова начинаютъ разставлять ловушки крестьянамъ, а послѣдніе снова попадаютъ въ нихъ. Съ той и съ другой стороны жажда пріобрѣтенія заставляетъ забывать все и сближаетъ въ общемъ лицемѣрныя людей, воодушевленныхъ непримиримой ненавистью другъ къ другу.

Помимо этого инцидента, ничего общаго съ политической революціей не имѣющаго, въ Рейнскихъ департаментахъ перемѣна администраціи совершилась спокойно. Учетныя банки помогли финансовому кризису, крайняя республиканская партія сумѣла отложить свои требованія и оказала содѣйствіе примирительной дѣятельности Лихтенберже. Монархическія партіи не имѣли никакого вліянія въ странѣ; выборы, несмотря на интриги духовенства, явились, хотя и умѣреннымъ, но искреннимъ выраженіемъ республиканскаго образа мыслей.

Совершенно другое зрѣлище ожидаетъ насъ въ департаментѣ Роны.

Лионъ, второй городъ Франціи по могуществу своего производства и, можетъ быть, первый по своей энергіи, Лионъ, хотя и менѣе непосредственный, чѣмъ Парижъ, менѣе увлекающійся политическими революціями, представляетъ собой настоящій центръ, вѣчно пылающій очагъ соціальной борьбы. Древній городъ Августа является нынѣ столицей пролетаріата. На почвѣ, выказывающей явные слѣды громаднхъ переворотовъ, надъ склепами и катакомбами, орошенными кровью первыхъ христіанъ и похоронившими въ себѣ въ перемежку кости мучениковъ всякихъ религій, возвышается подъ сумрачнымъ дождливымъ небомъ городъ, вѣчно окутанный густыми туманами, городъ, богатство котораго внушаетъ мрачныя мысли, городъ, который кажется проклятымъ въ своемъ благосостояніи и въ которомъ непрерывно наблюдаютъ другъ за другомъ, безмолвно угрожаютъ другъ другу, глубоко коренившіяся ненависть и вражда.

Начиная съ первыхъ ткацкихъ станковъ для шелковыхъ матерій, положившихъ при Людовикѣ XI, скромное начало лионской

промышленности до XVIII в., когда организованные фабрики занимали уже 50,000 рабочих, можно прослѣдить въ Лионѣ постоянное развитіе производства и торговли, не останавливавшееся несмотря на отмену Нантскаго эдикта, нанесшую ему чувствительный ударъ, несмотря на тяжелые, дурно распределенные налоги и на частые, вызываемые несправедливыми постановленіями, бунты рабочих¹⁾. Въ 1744 г. рабочіе, которые вслѣдствіе этихъ постановленій обречены были на голодъ, возстали и овладѣли городомъ. Власти, взятыя врасплохъ, согласились на требуемую ими прибавку платы; но какъ только рабочіе успокоились, власти въ свою очередь неожиданно заняли городъ войсками. Въ 1768 г. новый бунтъ, въ которомъ было много убитыхъ и раненыхъ, не привелъ къ лучшимъ для рабочихъ результатамъ. Наконецъ, въ первые годы царствованія Людовика XVI, когда промышленность достигла цвѣтущаго состоянія²⁾, они сочли себя въ правѣ потребовать прибавки заработной платы на два су съ мѣры, извѣстной подъ именемъ *ампе*. Въмѣсто отвѣта, нѣсколькихъ рабочихъ повѣсили, а прочимъ пригрозили тѣмъ же. Порядокъ былъ восстановленъ; но внутренняя вражда между хозяевами и рабочими сдѣлалась еще сильнѣе, и политическія страсти революціи нашли въ этомъ подавленномъ раздраженіи рабочей массы могучій рычагъ гражданской войны.

Крованая перипетія лионской драмы съ самаго начала революціи до конца царствованія Людовика-Филиппа извѣстны всѣмъ. Въ 1834 г. постройка двѣнадцати фортвъ и зубчатой стѣны, раздѣляющей Лионъ на двѣ половины: городъ буржуазіи и пролетаріата, и заключающей какъ бы въ желѣзное кольцо самую многочисленную часть населенія, ясно показала всѣмъ угрозу истребленія, всегда висящую надъ пролетаріатомъ³⁾.

Вѣчно побѣжденные, но никогда не теряющіе надежды, лионскіе

1) Въ 1667 г., въ лионскихъ фабрикахъ насчитывалось 8,000 подмастерьевъ, работавшихъ то въ одной мастерской, то въ другой; 8,000 мастеровъ, имѣвшихъ каждый по нѣскольку станковъ; около 90 купцовъ, которые, не принимая участія въ ткацкомъ производствѣ, несли рискъ коммерческой операціи. По общей переписи, произведенной въ 1846 г. въ Лионѣ насчитывалось 31,399 станковъ всякаго рода.

2) Типографское и шалочное дѣло были тогда въ цвѣтущемъ состояніи въ Лионѣ, теперь же находятся въ полномъ упадкѣ. Тканье бумажныхъ, а главное шелковыхъ матерій занимаетъ почти исключительно лионское фабричное производство. (Я считаю долгомъ напомнить читателю, что книга эта написана въ 1852 г.)

3) Укрѣпленная стѣна, окружающая городъ, существуетъ болѣе трехъ столѣтій. Разрушенная послѣ осады, въ 1793 г., она снова возведена была въ 1831. Постройки этой стѣны и фортвъ, прибавленныхъ въ 1834 году, неудовлетворительныя въ военномъ отношеніи противъ вѣнскихъ враговъ, расположены такъ, что бойницы крѣпостной стѣны смотрятъ въ разстояніи пистолетнаго выстрѣла, на окна и внутренность квартиръ рабочихъ. Поэтому лионское населеніе ненавидитъ крѣпостную стѣну отъ всей души.

рабочіе, несмотря на строжайшій надзоръ и на всякаго рода гоненія, сумѣли со времени революціи 1830 г. устроить у себя, посредствомъ тайныхъ обществъ, весьма сильную организацію. Подъ вліяніемъ этихъ обществъ, имѣющихъ связи съ парижскими, республиканскій духъ проникъ въ эти массы, до той поры всецѣло поглощаемыя вопросами о заработной платѣ. Между прочимъ, большое общество *мутуалистовъ*, чисто промышленное вначалѣ, мало по малу приняло политическій характеръ. Вскорѣ сюда проникли коммунистическія теоріи; но соперничество системъ и противорѣчіе мнѣній не послужили причиной разлада, какъ въ Парижѣ: этихъ неустрашимыхъ людей соединяли узы столько разъ сплоченной кровью солидарности. Ничто не могло отвратить ихъ отъ общей цѣли: ихъ воодушевлялъ одинъ духъ мщенія, одна судьба вела ихъ къ гибели или къ побѣдѣ.

Менѣе образованный, чѣмъ парижскій рабочий, менѣе жаждущій развлеченій, менѣе смѣшанный по крови, менѣе общительный и развитой въ художественномъ отношеніи, ліонскій рабочий, подъ видомъ безстрастности, скрываетъ непримиримую ненависть. Но эта скрытность еще усиливаетъ злобу. Ничто не отвлекаетъ, не отталкиваетъ, не ослабляетъ его терпѣливой энергіи. Это какое-то фатальное существо. Таковъ онъ по природѣ, и такимъ онъ становится все болѣе и болѣе отъ столкновенія съ жестокимъ социальнымъ закономъ, уничтожить который онъ не въ силахъ.

Однако, подъ конецъ послѣдняго царствованія ліонское населеніе казалось умиротвореннымъ. Бдительность ловкаго духовенства, поддерживаемаго очень богатымъ дворянствомъ, религіозныя конгрегаціи, число которыхъ увеличилось за послѣднія двадцать лѣтъ, и которыя въ своихъ обширныхъ мастерскихъ занимали огромное число рабочихъ, тайное управленіе іезуитовъ, имѣвшихъ въ улицѣ Сала помѣщеніе, представлявшее центръ братства во Франціи, всѣ эти нравственные вліянія вмѣстѣ съ устрашеніемъ сильныхъ элементовъ среди рабочихъ давали полную увѣренность правительству. Въ корпусѣ избирателей съ цензомъ ¹⁾ республиканцы составляли незаметное меньшинство, которое въ Ліонѣ, какъ и вездѣ, пряталось во время банкетовъ за конституціонную оппозицію. Одинъ только ораторъ на ліонскомъ банкетѣ осмѣлился говорить о нищетѣ пролетариата. Радикальная партія такъ мало довѣряла своимъ силамъ, что адресъ депутатамъ оппозиціи, подписанный 17 февраля 1848 г. въ редакціи демократической газеты «Censeur», не былъ даже посланъ въ Парижъ. Замѣчалась общая политическая индифферентность. Сверхъ того, дѣла шли хорошо: 25.000 станковъ нахо-

¹⁾ Ихъ было 4,954 на 200,000 чел. населенія.

дились въ полномъ ходу, когда первое извѣстіе объ отреченіи Людовика Филиппа по телеграфу достигло Ліона.

Изумленіе, смѣшанное съ недовѣріемъ, встрѣтило во всѣхъ партіяхъ эту невѣроятную для политическихъ дѣятелей новость: но какъ только рабочее населеніе слышало слово *республика*, оно проявило свою радость и, разсѣявшись по городу, выказало себя готовымъ, рѣшившимся одержать побѣду или идти на бой. Никто не пытался оспаривать у толпы народа префектуру, куда рабочіе направились прежде всего. Здѣсь они при общемъ согласіи назначили префекторальную и исполнительную комиссіи. Последняя тотчасъ же помѣстилась въ Ратушѣ, гдѣ выставила красный флагъ. На слѣдующее утро временный мэръ, Лафорестъ, два раза бывший кандидатомъ оппозиціи всѣхъ оттѣнковъ, официально извѣстилъ городъ Ліонъ о томъ, что республиканское правленіе окончательно утверждено, и что команда войсками вручена генералу Немайеру, только что присягнувшему республикѣ. Но народъ безпоясноты относительно гарнизона фортвъ. Ліонъ въ эту минуту занять 8.000 человекъ линейныхъ войскъ подъ командой офицеровъ, очень дурно расположенныхъ къ новому режиму. Генералъ Перро, который былъ главнокомандующимъ въ отсутствіи генерала де-Ласкуръ, какъ говорятъ, отказался примкнуть къ республикѣ и отдалъ приказъ сконцентрировать войско на полуостровѣ Пьеррашъ.

Хотя этотъ приказъ и не былъ приведенъ въ исполненіе, его достаточно было, чтобы произвести чрезвычайное броженіе. Народъ стекается толпами къ Ратушѣ, чтобы запастись ружьями, и громкими криками требуетъ сдать ему форты, угрожая, что сожжетъ машины и прогонитъ религіозныя общины. Его успокаиваютъ не много заявленіемъ, что скоро пріѣдутъ комиссары временнаго правительства, и немедленнымъ же учрежденіемъ комитета продовольствія, выдающаго расписки на полученіе хлѣба всѣмъ бѣднякамъ, которыхъ внезапное прекращеніе работы оставило безъ средствъ. Но за этимъ временнымъ успокоеніемъ послѣдовало еще большее возбужденіе, и когда Эмманюэль Араго пріѣхалъ въ Ліонъ, онъ нашелъ городъ объятый крайне экзальтированными революціонными страстями.

Эмманюэль Араго, адвокатъ, старшій сынъ члена временнаго правительства, Франсуа Араго, былъ посланъ въ Ліонъ нѣкоторымъ образомъ противъ желанія министра внутреннихъ дѣлъ, считавшаго, что у него нѣтъ достаточной опытности и авторитетности, чтобы занять столь отвѣтственный постъ.

И дѣйствительно, нигдѣ во Франціи революціонная буря не свирѣпствовала съ такой силой. Устрашенные дворянство и буржуазія спѣшаютъ эмигрировать; мастерскія закрыты; распространяются самыя

тревожные слухи и вселяют ужасъ въ населеніе. Говорятъ, что правительство общало рабочимъ пять милліоновъ и два часа грабежа. Пролетаріи, дѣйствительно, завладѣли фортами и нашли въ казармахъ Сэнь-Лорана и Бернардинокъ оружіе и запасы въ изобиліи. Коммунистскія и якобинскія рабочія ассоціаціи: *Угольщики* (Карбонаріи), *Пустобрюхѣ* или *Прожоры*, *Мстители*, *Коршуны* учредили въ рабочемъ кварталѣ Круа-Руссъ независимую отъ Ратуши власть и съ рѣдкой авторитетностью руководятъ народнымъ движеніемъ. Въ Лионѣ нѣтъ больше никакой силы сопротивленія. Военная власть сведена на нѣтъ. Генераль Перро, который выказывалъ вначалѣ намѣреніе начать борьбу, не отдаетъ болѣе ни одного приказанія. Солдаты, не чувствуя надъ собой начальнической руки, братаются съ рабочими. Открылось множество клубовъ, возбуждаемыхъ революціонной печатью. Несмотря на присоединеніе къ республикѣ архіепископа, кардинала де-Бональда, ненависть народа противъ религіозныхъ конгрегацій довела его до весьма печальныхъ эксцессовъ. Нѣсколько фабрикантовъ находятся подъ угрозой; механическая лѣсопильня въ кварталѣ Везъ, мастерскія для сооруженія пароходовъ уже разрушены; пенитенціарный домъ въ Уллэнъ, директоромъ котораго состоитъ аббатъ Рэ, сожженъ. Воспоминанія террора встаютъ въ воображеніи всѣхъ.

Первый актъ, которымъ Араго пытается возстановить центральную власть, встрѣчавшую въ Лионѣ во время всѣхъ гражданскихъ войнъ большее сопротивленіе, чѣмъ въ другихъ городахъ Франціи, это—приказаніе замѣнить красное знамя официальнымъ знаменемъ, принятымъ временнымъ правительствомъ. Крайне взволнованная толпа, которой уже успѣли внушить, что правительство въ Парижѣ не республиканское, повидимому, не была расположена терпѣть эту замѣну. Однако, когда Араго объяснилъ, что красное знамя есть знамя борьбы, и что въ знакъ побѣды слѣдуетъ выставить трехцвѣтное знамя, ему стали аплодировать, и крики: *да здравствуетъ Араго!* дали ему надежду, что этотъ недовѣрчивый народъ согласится признать его.

Прежде всего, онъ позаботился обнародовать декретъ временнаго правительства, *гарантирующий существованіе рабочаго* и назначилъ комиссію, по образцу Люксембургской, для изысканія средствъ организовать трудъ; затѣмъ онъ заставилъ открыть національныя мастерскія и начать землепашныя работы и постройки, занявшія часть рабочихъ, которымъ до тѣхъ поръ раздавали расписки на получение хлѣба ¹⁾).

¹⁾ Съ 20 февраля до 1 мая въ Лионѣ роздано было такихъ расписокъ на 338,000 фр.

Но въ Лионѣ, такъ же, какъ и въ Парижѣ, правительство встрѣтило въ вѣдомствѣ мостовъ и дорогъ самую непростительную инертность: сейчасъ ничего не можетъ быть исполнено, проекты разсматриваются, — говорятъ инженеры. Они едва находятъ, чѣмъ занять нѣсколько сотъ человѣкъ, тогда какъ работы просятъ болѣе 20.000 пролетаріевъ. Къ счастью, военные инженеры выказываютъ болѣе энергіи.

Между тѣмъ, организація труда не удовлетворяетъ потребностямъ, и плохая система поденной платы, вмѣстѣ съ безобразнымъ хозяйничаньемъ администраціи, даетъ самые плохіе результаты ¹⁾).

Къ тому же состояніе финансовъ дѣлало положеніе крайне опаснымъ; муниципальная касса была издавна очень обременена разными расходами, заключить заемъ не было возможности, а между тѣмъ, каждый день надо было покупать съѣстные припасы, одежду, платить національнымъ мастерскимъ и т. д. Добровольныхъ подписокъ, несмотря на щедрость народа, было недостаточно. Доведенные до отчаянія, пролетаріи роптали на богатыхъ, которые уѣзжали за границу, увозя съ собою, какъ шла о томъ молва, сокровища. Они обвиняли фабрикантовъ, закрывавшихъ свои мастерскія, и объясняли эти непосредственныя проявленія страха хитрой махинаціей противъ республики. Въ надеждѣ разстроить эти замыслы, толпа направилась къ городскимъ заставамъ и начала обыскивать вызъжающе экипажи. Можно себѣ представить, къ какимъ безпорядкамъ повела подобная мѣра. Араго, который, несмотря на свои неоднократныя просьбы, не получалъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ ни инструкцій, ни помощи, придумалъ въ этой крайности дать нѣкоторое видимое удовлетвореніе народу и предупредить, такимъ образомъ, еще большіе безпорядки: онъ издалъ два декрета, одинъ — запрещающій вывозъ звонкой монеты, и другой — налагающій на четыре прямыхъ налога новый чрезвычайный налогъ, съ выключеніемъ кадастральныхъ участковъ, вносившихъ ниже 25 фр., и патентовъ ниже 100 фр. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ рѣшилъ на свой рискъ и страхъ употребить 500,000 фр., присланныхъ Гарнье-

¹⁾ «Наименьшій недостатокъ этихъ мастерскихъ, говоритъ «Лионскій Ежегодникъ» (1849), былъ тотъ, что онѣ стоили городу ежедневно и совершенно безъ всякой пользы громадныхъ суммъ; самымъ большимъ недостаткомъ была деморализація рабочихъ классовъ». Я нахожу слѣдующую оцѣнку потерь, понесенныхъ національными мастерскими на различныхъ пунктахъ, въ отчетѣ главнаго инженера вѣдомства мостовъ и дорогъ департамента Устье-въ Роны: «Въ Парижѣ — стоимость исполненныхъ работъ ничтожна; въ Лионѣ она представляетъ 75 фр. на 100 фр. потерь, въ Нантѣ — 65 фр. на 100, въ Арлѣ 61 фр. на 100, въ Нимѣ — суммы истрачены почти совершенно даромъ».

Пажесомъ для основанія учетнаго банка, на просроченную уплату въ національныхъ мастерскихъ ¹⁾).

Занятіе фортовъ рабочими также внушало сильныя опасенія правительству. Араго рѣшился отправиться въ Круа-Руссъ и постараться добиться уговорами того, чего онъ не добился иными средствами: передачи фортовъ національной гвардіи. Въ этомъ затруднительномъ обстоятельствѣ онъ рассчитывалъ на поддержку нѣкоторыхъ изъ главныхъ рабочихъ ассоціацій, между прочимъ, на содѣйствіе *Прожоръ* (Vogaces), съ которыми онъ съ самаго своего прибытія въ Ліонъ поддерживалъ добрыя отношенія, и которыя честию общались поддерживать въ городѣ строгій полицейскій порядокъ. Араго не обманулся въ своей надеждѣ. Собраніе, созванное имъ въ Круа-Руссъ и состоявшее изъ мэра, муниципальнаго совѣта, начальниковъ національной гвардіи и нѣсколькихъ вліятельныхъ рабочихъ, выказало готовность помочь ему, и онъ безъ особеннаго труда добился общанія, что форты будутъ отданы въ тотъ же день. Но когда Араго хотѣлъ вернуться въ Ліонъ, откуда онъ пришелъ въ Круа-Руссъ одинъ и пѣшкомъ, его вдругъ окружила громадная толпа и стала кричать: *Измѣна!* и не хотѣла пропускать его. Онъ пробуетъ уговорить толпу и объяснить ей всю необходимость принятой муниципальнымъ совѣтомъ мѣры; но крики усиливаются и покрываютъ его голосъ. Нѣсколько разъяренныхъ людей запираютъ ворота городской заставы (ostroi), хватаютъ Араго, толкаютъ его къ стѣнѣ и грозятъ разстрѣлять его сейчасъ же, если онъ не поклянется народу оставить ему форты. Между тѣмъ, тревога распространилась, въ городѣ забили въ набатъ, является отрядъ *Прожоръ* (Vogaces). При видѣ ихъ толпа отступаетъ, и освобожденнаго комиссара торжественно отводятъ въ префектуру.

На слѣдующій день длинная процессія мужчинъ, женщинъ, дѣтей спустилась съ Круа-Руссъ, со знаменемъ впереди и съ барабаннымъ боемъ, и продефилировала передъ Ратушей, куда предупрежденный объ этой манифестаціи Араго пришелъ принять изъясненіе сожалѣнія населенія относительно того насилія, котораго онъ чуть не сдѣлался жертвой. Тридцать человѣкъ рабочихъ, которые

¹⁾ На эту перемѣну въ назначеніи денегъ, давшую поводъ къ грубымъ клеветамъ, Араго рѣшился, лишь посоветовавшись съ мэромъ Ліона Лафорестомъ, главнымъ казначеемъ Деланганомъ, инспекторомъ финансовъ Мажитель и директоромъ учетнаго банка Оливье. Всѣ были согласны между собой въ томъ, что слѣдуетъ помочь самой настоятельной нуждѣ, и что нельзя, не подвергаясь ужаснымъ несчастіямъ, отложить уплату за работка 20.000 вооруженныхъ рабочихъ. Временное правительство одобрило, впрочемъ, мѣру Араго.

наставляли вчера на него свои ружья, шли теперь всё вмѣстѣ съ познанными крепомъ ружьями въ знакъ раскаянія. Одинъ изъ нихъ пытается произнести нѣсколько словъ, но волненіе его такъ сильно, что рыданія душатъ его, и товарищи начинаютъ плакать вмѣстѣ съ нимъ. Въ то время, какъ процессія все еще проходила, раздалась выстрѣлы. Это были рабочіе, разряжавшіе свои ружья, передавая форты національной гвардіи. Среди грозныхъ бурь этихъ, не имѣвшихъ опредѣленнаго рѣшенія, массъ безумные, дикіе порывы гнѣва смѣнялись дѣтской покорностью; разумъ, смѣшанный еще съ инстинктомъ, какъ бы случайно озарялъ этотъ движущійся хаосъ мимолетнымъ свѣтомъ.

Чтобы вознаградить себя за отдачу фортовъ, рабочіе вздумали разрушать городскую стѣну и занимались съ ожесточеніемъ этой работой разрушенія и репрессалій. Араго, чтобы предупредить несчастные случаи, могущіе произойти отъ безпорядочной и поспѣшной работы, уговорилъ рабочихъ передать это дѣло руководству военноминженернаго вѣдомства. Черезъ нѣсколько дней стѣна исчезла. Остался только фортъ Сень-Жанъ, необходимый, говорилъ декретъ, для защиты, какъ города, такъ и предмѣстья.

Всѣ эти, хотя и революціонныя, мѣры не вызвали еще пока никакой видимой оппозиціи въ богатыхъ классахъ; дворянство и буржуазія были признательны комиссару правительства за его усилія поддерживать порядокъ; къ тому же они слишкомъ хорошо знали силу народа, чтобы не понимать, что съ нею надо считаться. Но дѣло приняло совсѣмъ другой оборотъ, когда іезуиты и партія ультрамонтановъ увидѣли, что имъ грозитъ опасность. Сигналъ къ сопротивленію данъ былъ отсюда, и борьба началась, сперва почти тайно, но затѣмъ открыто и съ невѣроятной дерзостью. Араго счелъ нужнымъ предупредить генерала іезуитскаго ордена и настоятеля капуциновъ относительно враждебнаго отношенія къ нимъ населенія. Онъ предложилъ имъ выѣхать изъ города, объявивъ, что онъ не имѣетъ возможности защитить не дозволенный закономъ конгрегации противъ озлобленія народа. Нѣсколько дней спустя, 12 марта, онъ издалъ декретъ, который, напоминая о декретахъ Учредительнаго собранія, о законахъ 1792 г., 1817 и 1815 г., повелѣвалъ распушеніе всѣхъ не дозволенныхъ конгрегаций.

Тотчасъ же министру вѣроисповѣданій подана была архіепископомъ ліонскимъ очень рѣзкая жалоба на комиссара; а такъ какъ временное правительство отказало удовлетворить ее отмѣной декрета, то ультрамонтаны стали искать средства отомстить.

Клерикальная и легитимистская печать стали взводить на Араго всевозможную клевету, называя его одновременно и деспотомъ, и коммунистомъ; декретъ его она называла не иначе, какъ *указомъ*

(l'ukase) и доказывала, что онъ предпринялъ уничтоженіе семьи и собственности. Клубы и эмиссары клерикальной партіи выражались еще сильнѣе. Они всюду, въ городахъ и деревняхъ, повторяли, что *последователи Вольтера хотять раздавить католиковъ, что республика — чудовищное явленіе*. Они призывали на нее *божественное мщеніе* ¹⁾ и открыто проповѣдывали отказъ отъ уплаты податей.

Эти рѣзкія выраженія, непозволительныя съ точки зрѣнія справедливости, были вмѣстѣ съ тѣмъ крайней неосторожностью съ точки зрѣнія общественной безопасности, такъ какъ городъ еще находился во власти рабочихъ, которымъ бросался этотъ вызовъ. Повинуясь диктатурѣ *Прожоръ* (Voraces), послѣдніе не признавали ни комиссара, ни муниципалитета, а только *исполнительный советъ*, учрежденный революціоннымъ путемъ 25 февраля. Главная квартира *Прожоръ* находилась въ Круа-Руссъ. Состоя въ прямыхъ сношеніяхъ съ народными клубами, въ ссорѣ съ буржуазной частью національной гвардіи, они исполняли должность полиціи и охраняли порядокъ на улицахъ ²⁾, но совершенно по своему и такими способами, которые болѣе пугали, чѣмъ давали сознаніе безопасности. Домашніе обыски были чрезвычайно часты; люди чувствовали себя совершенно въ ихъ власти. Ни линейное войско, гдѣ неповиновеніе возрастало съ каждымъ днемъ, ни національная гвардія, гдѣ буржуазія была въ меньшинствѣ, не внушали никому довѣрія.

Генераль Буржоли, замѣнявшій де-Ласкура въ командованіи дивизіей, чувствовалъ, что онъ теряетъ военный авторитетъ, и не отвѣчалъ ни за что. Почти каждый день возобновлялись въ казармахъ сцены непослушанія ³⁾. Общій бунтъ солдатъ казался неизбежнымъ.

29 марта баталіонъ 13-го линейнаго полка и нѣсколько солдатъ 12-го кавалерійскаго, недовольные налагаемыми на нихъ тягостными запрещеніями, взбунтовались противъ своихъ офицеровъ. Проведя ночь въ пѣніи *Марсельезы*, они отправились поутру на площадь Белькуръ, чтобы присоединиться къ толпѣ народа, собравшагося провожать уѣзжавшихъ на родину иностранныхъ рабочихъ. Воз-

¹⁾ Набранныя курсивомъ слова заимствованы буквально изъ ультрамонтантскихъ газетъ г. Ліона.

²⁾ «Мы должны быть безпристрастны, даже къ нимъ (Voraces), говорить «Ліонскій Ежегодникъ» (1849), издававшійся консерваторомъ; ихъ нельзя было упрекнуть ни въ какомъ насиліи, ни надъ личностью, ни надъ собственностью; они ничею не стоили городу».

³⁾ Генераль Рэ, командовавшій артиллеріей, и Араго впоследствии въ весьма оживленной полемикѣ обвиняли другъ друга въ этихъ крайне нежелательныхъ сценахъ.

вращаясь назадъ, солдаты, собравшись въ колонну, прошли въ городъ съ музыкой и большимъ плакатомъ, на которомъ написано было требованіе освободить одного изъ ихъ товарищей, фурьера Жигу 4-го артиллерійскаго полка, посаженнаго наканунѣ подѣ арестъ за неповиновеніе. Колонна, предводительствуемая квартирмейстеромъ того-же артиллерійскаго полка, является къ воротамъ казармы и грозитъ выломать ихъ, если ей моментально не выдадутъ арестованнаго. Тогда генералъ Немайеръ появляется у окна и обращается къ солдатамъ и народу съ рѣчью, общая просить отъ ихъ имени генерала Буржоли объ освобожденіи унтеръ-офицера изъ подѣ ареста. Но толпа не довѣряетъ и не довольствуется общаніемъ, а требуетъ, чтобы генералъ тотчасъ же отправился вмѣстѣ съ ней къ главному начальнику. Послѣдній, увѣдомленный о происходящемъ, приказываетъ отворить ворота, объявляетъ толпѣ, что виновный прощенъ и что онъ послалъ за нимъ почтовую карету въ Гренобль.

Народъ, удовлетворившись этой уступкой, расходится; но клубы, надѣявшіеся извлечь гораздо большую пользу изъ этого инцидента, недовольны. 13 мая ночью они отправляютъ къ Араго депутацію, которая *отъ имени народа и войска* требуетъ отъ него задержать назначенное на слѣдующій день выступленіе гарнизона до пріѣзда унтеръ-офицера, чтобы принять участіе въ готовящейся послѣднему оваціи. Араго, стараясь объяснить имъ необходимость повиноваться точнымъ приказаніямъ временнаго правительства и не мѣшать формированію альпійской арміи, которая должна защищать отечество на границахъ, тѣмъ не менѣе даетъ клубамъ отсрочку на двадцать четыре часа.

На слѣдующій день фурьеръ Жигу пріѣзжаетъ въ Ліонъ. Безчисленная толпа ожидаетъ его на площади Ратуши, громкими криками требуя, чтобы онъ показался на балконѣ. Когда онъ выходитъ, окруженный муниципальными властями, его встрѣчаютъ повторенные много разъ восторженные крики. Когда спокойствіе возобновилось, Жигу говоритъ рѣчь. Къ общему удивленію, онъ обращается къ толпѣ въ самыхъ умѣренныхъ выраженіяхъ, увѣщеваетъ народъ сохранять порядокъ и уважать законы; затѣмъ, обращаясь въ особенности къ солдатамъ, умоляетъ ихъ возвратиться въ казармы и подчиниться офицерамъ. Онъ выражаетъ даже сожалѣніе, что минутнымъ забвеніемъ дисциплины далъ поводъ къ тому, что произошло. Не останавливаясь на смыслѣ сказаннаго, толпа рукоплещетъ и кричитъ: «да здравствуетъ Жигу!» и часъ спустя триумфальнымъ маршемъ идетъ по улицамъ и набережнымъ Ліона, прославляя этого невольнаго героя, раскаивающагося въ своемъ проступкѣ противъ дисциплины.

Въ результатъ этого дня, окончившагося освобожденіемъ всѣхъ солдатъ, содержавшихся въ военной тюрьмѣ, полковникъ 4-го артиллерійскаго полка вышелъ въ отставку, а генераль Буржоли просилъ о переводѣ въ другое мѣсто.

Коммиссаръ также начиналъ приходить въ отчаяніе: онъ терялъ надежду примирить рабочее населеніе, приходившее все въ большее и большее возбужденіе, съ консервативными партіями, которыя вмѣсто того, чтобы помогать правительству, своими дѣйствіями и вызывающими рѣчами поддерживали недовѣріе и раздраженіе въ массахъ.

Это недовѣріе послужило причиною чрезвычайно странной сцены. Одинъ пароходъ, называвшійся *le Vautour*, пришедшій изъ Валанса 30-го марта вечеромъ, подошелъ къ пристани, имѣя на мачтѣ бѣлый фонарь. Рабочіе, занятые расчисткой набережной, вообразили себѣ, что это легитимистская манифестация. Они бросаются къ пристани и въ то время, какъ капитанъ парохода сходитъ на берегъ, окружаютъ, хватаютъ его и грозятъ ему смертью, тогда какъ онъ даже не знаетъ, въ чемъ его обвиняютъ. Слѣдствіемъ національной гвардіи вырываетъ его изъ рукъ толпы. Въ это время съ *Vautour'a* срываютъ флагъ, тащутъ его по грязи и относятъ въ Ратушу. Волненіе, причиненное этимъ инцидентомъ, такъ сильно, что не успокаивается до поздней ночи. На слѣдующее утро, чтобы предупредить разграбленіе корабля, коммиссаръ принужденъ наложить на него арестъ во имя Республики и поставить на немъ военную охрану, объявивъ его національной собственностью. Отведенный въ тюрьму, капитанъ остается подъ арестомъ три недѣли, въ теченіе которыхъ правительство будто бы производитъ дознаніе. Затѣмъ, когда населеніе занялось другимъ, арестованнаго выпускаютъ на свободу и отдаютъ ему его корабль.

Этотъ инцидентъ показываетъ, до какой степени лионское населеніе было возбуждено и выведено изъ себя. Съ грозной настойчивостью оно требовало выдачи ему фортовъ, которые національная гвардія имѣла неосторожность передать линейнымъ войскамъ, и такъ какъ Араго отказывалъ въ ихъ выдачѣ, то клубы и исполнительный комитетъ грозили взять ихъ силой.

Среди такого-то броженія готовились къ выборамъ. Араго, совершенно обезкураженный, видя, что не имѣетъ болѣе никакого вліянія, что онъ одинаково непопуляренъ во всѣхъ партіяхъ, просилъ отозвать его ¹⁾.

¹⁾ Вышеупомянутый консервативный «Ежегодникъ» отдастъ ему справедливость, говоря: г. Эмманюэль Араго выказалъ мужество и самоотверженіе въ нѣкоторыхъ критическихъ обстоятельствахъ; ему предписано не что бы то ни стало избѣгать кровопролитія, и это удалось ему».

Его замѣнилъ Мартэнъ-Бернаръ, бывший рабочій-типографъ, человекъ честный, экзальтированный и неумѣренный въ словахъ, какъ вся эта школа демократовъ, которыхъ со времени циркуляра Ледрю-Роллена называли *республиканцами кануна* (*républicains de la veille*), но воодушевленный самыми лучшими намереніями и врагъ произвольныхъ мѣръ. Не безъ большихъ усилій новому комиссару удалось сдержать новые взрывы и добиться того, чтобы былъ назначенъ день общихъ выборовъ.

Ничто, конечно, не можетъ такъ наглядно показать новый характеръ революціи 1848 г., какъ контрастъ между крайнимъ волненіемъ промышленныхъ городовъ: Руана, Ліона и, нѣсколько позже, Лиможа и спокойствіемъ западныхъ департаментовъ во все время управленія временнаго правительства. Въ первый разъ въ эпоху внутреннихъ волненій Нантъ, Реннъ, Анжеръ, Сэнъ-Мало, Брестъ, эти когда-то неугасимые очаги старого бретонскаго и вандейскаго духа, не отвѣчаютъ болѣе на вызовъ, брошенный имъ духомъ вѣка. Католическое и монархическое населеніе Бретани, Анжу, Вандеи, дворянство, духовенство, неустрашимое крестьянство, которыхъ не могли усмирить ни конвентъ, ни имперія и которые, сильные своей внутренней связью, столько разъ оказывали сопротивленіе центральной власти и отвергали господство Парижа, на этотъ разъ безмолвствуютъ, почти не прерывая своей обычной мирной дѣятельности; они подчиняются правительству Республики. Эта покорность монархическихъ провинцій, совершенно противоположная тому волненію, которое въ средѣ республиканскаго населенія угрожаетъ Республикѣ съ перваго дня ея утвержденія, чрезвычайно наглядно, по моему мнѣнію, доказываетъ ту истину, которой многіе еще не хотятъ вѣрить, а именно, что Республика 1848 г. не дѣлала ничего иного, какъ только *объявляла, именовала* политическое состояніе, уже ранѣе укоренившееся въ правахъ народа, лишь *предвѣщала* такое социальное состояніе, которое одни, не имѣя еще никакого о немъ понятія, отвергали даже въ предположенія, другіе, составивъ себѣ о немъ ложное представленіе, считали немедленно осуществимымъ.

Если бы нѣкоторые элементы старинной борьбы между монархіей и республикой, между государствомъ и церковью еще существовали во Франціи, то, разумѣется, они не замедлили бы вступить между собою въ бой въ западныхъ провинціяхъ, гдѣ искренность вѣрованій, сильное и страстное убѣжденіе во всѣ времена имѣли своихъ героевъ и своихъ мучениковъ. Бретонская кровь не измѣнилась, и если слово «республика» не разожгло ея воинственнаго пыла, это служитъ признакомъ того, что умы и сердца, разочаровавшись въ предметахъ своего культа, умудренные опытомъ, въ

сущности оказались болѣе истинно республиканскими въ своей нѣсколько дикой независимости, нежели партійный духъ, который такъ часто злоупотреблялъ именемъ республиканизма.

Въ 1848 г. городъ Нантъ, промышленность и колоніальная торговля котораго особенно развились во время послѣдняго царствованія и который насчитывалъ около 100,000 жителей, сдѣлался довольно индифферентнымъ къ вопросамъ политики. Партійные споры съ 1830 г. затихли. Большинство духовенства, дворянства и высшей буржуазіи оставалось, какъ и почти во всей странѣ, легитимистскимъ скорѣе изъ приличія, чѣмъ по убѣжденію. Средній классъ былъ доволенъ миромъ, способствовавшимъ торговымъ предпріятіямъ, и воображалъ себя орлеанистскимъ. Республиканская партія, въ очень небольшомъ меньшинствѣ, состояла изъ собственно радикаловъ, слѣдовавшихъ политикѣ *Réforme*, и социалистовъ, принадлежавшихъ большей частью къ рабочему классу.

Коммиссаръ, которому Ледрю-Ролланъ поручилъ провозгласить Республику въ Нантъ, докторъ Гепэнъ, профессоръ медицинской школы, былъ хорошо знакомъ съ состояніемъ умовъ въ провинціи. Его медицинская практика приводила его ежедневно въ соприкосновеніе со всѣми классами общества; его научныя занятія располагали его къ терпимости; поэтому, хотя его социалистическій образъ мыслей и былъ извѣстенъ всѣмъ, тѣмъ не менѣе его назначеніе произвело хорошее впечатлѣніе на общественное мнѣніе.

Правда, нѣкоторые крайніе якобинцы, недовольные тѣмъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ не назначилъ комиссаромъ ихъ вожака, послали въ Парижъ депутацію, чтобы потребовать отставки Гепэна отъ должности. Главныя ихъ жалобы заключались въ томъ, что комиссаръ уволилъ слишкомъ немногихъ и что онъ сдѣлалъ визитъ епископу. Это обвиненіе, казавшееся чрезвычайно придиричьвымъ въ силу самой своей ничтожности, нашло сочувствіе въ министрствѣ. Гепэнъ былъ смѣщенъ, но только на нѣсколько дней. Едва была дана отставка, какъ Ледрю-Ролланъ, получивъ болѣе подробныя свѣдѣнія, по телеграфу возстановилъ комиссара въ должности, не давая, однако, никакого объясненія ни той, ни другой мѣры.

Своимъ примирительнымъ образомъ дѣйствій Гепэнъ не замедлил оправдать довѣріе правительства и пріобрѣсти расположеніе даже тѣхъ, которые жаловались на него. Въ Нантъ и департаментъ Морбигана, куда онъ былъ посланъ немного позднѣе, спокойствіе не было нарушено. День выборовъ насталъ, не вызвавъ столкновеній ни въ деревняхъ, ни въ городахъ, несмотря на произведенный въ дѣлахъ беспорядокъ и на необходимость устроить здѣсь, какъ и вездѣ, національныя мастерскія.

Осмотрительная администрація Бордильона въ Анжерѣ имѣла приблизительно тотъ же результатъ, какъ и управленіе доктора Тепана въ Нантѣ. Спокойствіе ни на минуту не было нарушено въ этомъ столь важномъ гнѣздѣ старинныхъ шуановъ.

Одному, очень молодому человѣку, еще не приобрѣвшему никакой опытности въ общественныхъ дѣлахъ, Эмилю Олливе, назначенному комиссаромъ въ департаментахъ Вара и Устье въ Роны, посчастливилось, не прибѣгая къ насильственнымъ мѣрамъ, удержать въ повиновеніи интересы и страсти, приводимые въ столкновеніе революціей. Между тѣмъ населеніе, которому онъ явился возвѣстителемъ объ утвержденіи республиканскаго правительства, менѣе всего остального населенія Франціи было подготовлено къ Республикѣ. Нигдѣ, можетъ быть, воспоминанія террора не были столь живы, какъ въ восбраженіи этихъ южанъ. Эшафотъ 1793 г. еще стоялъ передъ ихъ умственнымъ взоромъ; слово «республика», несмотря на чудную традицію, связывающую его съ великимъ прошлымъ Марсеа, принималось здѣсь лишь въ узкомъ и ненавистномъ значеніи терроризма.

Старинное, знатное и богатое, но полное упорныхъ предразсудковъ, дворянство сохраняло здѣсь огромное вліяніе, подчиненное, однако, въ свою очередь могуществу духовенства, проникавшему въ самую глубь народныхъ массъ. Католицизмъ, наполовину языческій на югѣ Франціи, какъ и въ Италіи, владѣетъ сердцами и оживляетъ существованіе этого народа, обожающаго символы и помпу. Віра въ чудесное распространена во всемъ этомъ пылкомъ населеніи. Легенда процвѣтаетъ въ этихъ дивныхъ въ своей бесплодности пространствахъ, гдѣ божественная поэма Іудеи какъ бы продолжается подъ тѣнью меланхолической оливы, вызывающей самыя сладкія воспоминанія о ней ¹⁾. Всѣ жители составляютъ религіозную ассоціацію и раздѣляются на братства. Тайная организація *товарищества* подмастерьевъ (*compagnonage*), въ которой Марсель былъ однимъ изъ главныхъ городовъ ²⁾ и которая получила свое знамя въ упомянутомъ гротѣ, создала въ рабочихъ корпораціяхъ господствующій надъ всѣмъ аристократическій духъ, подчиняющійся, однако, духовной власти.

Поэтому демократическая революція 1848 г. не встрѣчала благоприятной почвы ни въ низшихъ, ни въ высшихъ слояхъ этой сплоченной католическимъ духомъ іерархіи. Еще менѣе она могла

¹⁾ Легенда рассказываетъ, что Марія Магдалина оставалась семь лѣтъ въ гротѣ Сентъ-Бомъ (Святой пещеры). Къ мѣсту, гдѣ будто бы умерли св. Лазарь и св. Андрей, набожные люди приходятъ на богомолье.

²⁾ Три остальные были Нантъ, Бордо и Ліонъ.

разсчитывать на сочувствіе средняго класса, гдѣ господствовалъ весьма смѣлый и ловкій, но жадный и эгоистичный меркантильный духъ, который былъ остановленъ въ своемъ развитіи внезапнымъ прекращеніемъ дѣлъ и уничтоженіемъ кредита.

Когда Эмиль Оливье пріѣхалъ 3 марта въ Марсель, онъ нашелъ префектуру и мэрію еще занятыми чиновниками монархическаго режима. Опираясь на общественное мнѣніе, они легко могли отразить попытки революціоннаго комитета, который рѣшился тогда ожидать оффиціального представителя временнаго правительства. Итакъ, все шло правильнымъ путемъ. Префектъ Лакостъ и мэръ Ренаръ безъ всякихъ затрудненій передали свою власть въ руки Оливье. Командующій дивизіей генералъ Гопуль съ рабски-вѣжливой поспѣшностью явился заявить о своемъ присоединеніи къ Республикѣ; епископъ предупредилъ визитъ комиссара и въ ласковыхъ словахъ выразилъ ему свое расположеніе; магистратура всюду выказала себя болѣе ревностной, чѣмъ это было нужно или даже чѣмъ это было прилично. Наконецъ, между прежними чиновниками и новой властью установились самыя пріятныя и вѣжливыя отношенія. Но это была лишь внѣшняя сторона положенія, и Оливье вполне сознавалъ, что онъ не можетъ заставить населеніе признать республиканскій образъ правленія иначе, какъ дѣлая уступки духовенству и легитимистамъ и считаясь съ ихъ вліяніемъ. Прежде всего онъ постарался сдержать нетерпѣніе старыхъ республиканцевъ, которые, такъ же какъ и роялисты реставраціи, *ничему не научились и ничего не забыли*. Онъ вошелъ въ непосредственныя сношенія съ рабочимъ классомъ и завязалъ переговоры съ выдающимися лицами, чтобы заставить ихъ, какъ бы изъ долга чести, принять вмѣстѣ съ нимъ участіе въ общемъ дѣлѣ прогресса. Въ муниципальную комиссію онъ ввелъ рабочихъ республиканскаго направленія, но не исключая изъ нея ни орлеанистовъ буржуазіи, ни легитимистовъ аристократіи, и сумѣлъ внушить имъ всѣмъ духъ согласія и ревности къ общественному дѣлу ¹⁾. По удачной инициативѣ этой комиссіи городъ согласился на такія жертвы, которыя позволили дать небывалый импульсъ общественнымъ работамъ. Среди путаницы и поспѣшности, царившихъ во всѣхъ дѣлахъ, организація національныхъ мастерскихъ, которыя занимали 9000 рабочихъ, была проведена чрезвычайно умно и осмотрительно. Разныя улучшенія

¹⁾ Эта комиссія исполнила свои обязанности съ такимъ умомъ и стараніемъ, что во время муниципальных выборовъ, хотя въ то время и господствовала реакція противъ республиканскаго духа, всѣ члены были избраны вновь.

и украшенія общепользнаго свойства заняли рабочихъ такимъ образомъ, что богатые классы были удовлетворены ¹⁾. Наконецъ, учетный банкъ, съ удивительной быстротой организованный трудами торговой палаты при содѣйствіи корпораціи носильщиковъ, пришелъ на помощь торговлѣ, которая, благодаря ему, послѣ незначительнаго затрудненія, могла продолжать свое нормальное движеніе, не испытавъ позора ни одного случая банкротства ²⁾.

Итакъ, все шло хорошо и, благодаря популярности, приобрѣтенной Эмилемъ Олливе во всѣхъ классахъ, общало отличные выборы, какъ вдругъ Ледрю-Ролланъ, обезпокоенный жалобами, которыя со всѣхъ сторонъ поступали къ нему на комиссаровъ, вздумалъ сдѣлать общее распоряженіе, предоставлявшее чрезвычайныя полномочія генеральнымъ комиссарамъ, подчиняя имъ частныхъ комиссаровъ.

Уже прежде этого циркуляры и бюллетени министра внутреннихъ дѣлъ, а въ особенности неполитичная отсрочка выборовъ ³⁾ произвели безпокойство и смущеніе въ умахъ. Осложненія, вносимыя въ управленіе дѣлами неизбежными несогласіями между генеральными и частными комиссарами, которые были оскорблены

¹⁾ Таковы въ особенности работы канала, приводящаго въ Марсель воды Дюранса и распредѣляющаго ихъ по городу; нивелировка площади Кордеріи, которую не могло выполнить ни одно изъ прежнихъ управленій, вслѣдствіе упорной оппозиціи военно-инженернаго вѣдомства; мѣсто для гулянья Прадо и т. д.

²⁾ Марсельскій учетный банкъ началъ первымъ функционировать въ департаментахъ. Торговая палата доставила основной капиталъ; корпорація носильщиковъ вложила 60,000 фр.

³⁾ Въ отвѣтъ на дещену министра внутреннихъ дѣлъ, спрашивавшаго мнѣніе комиссаровъ относительно отсрочки выборовъ, Олливе далъ слѣдующій отвѣтъ, который могъ относиться почти ко всѣмъ остальнымъ департаментамъ:

„Въ Марсели и въ департаментахъ, представляемыхъ мною, дыханіе, если можно такъ выразиться, остановилось до выборовъ. До выборовъ никакихъ дѣлъ не будутъ дѣлать, и если отсрочка продолжится, то подобный застой можетъ сдѣлаться причиной громаднаго несчастія. Относительно мнѣнія здѣшнихъ коммерсантовъ, которыхъ здѣсь большинство, не можетъ быть никакого сомнѣнія: оно поддерживается мнѣніемъ рабочихъ, страдающихъ отъ остановки многихъ заводовъ. Эти несчастные согласны отложить свои требованія до Учредительнаго собранія, но при томъ условіи, чтобы это желанное событіе не откладывалось на долгое время. Правда, что скорые выборы не позволяютъ нѣкоторымъ неизвѣстнымъ личностямъ, которыя налетаютъ на насъ изъ Парижа, какъ стая саранчи, приготовить свои кандидатуры; но, съ другой стороны, они помѣшаютъ побѣжденнымъ партіямъ затѣять свои козни. Консерваторамъ необходимо время, чтобы приготовить свои интриги; намъ для того, чтобы заставить принять наши принципы, нуженъ только энтузіазмъ“ (*Письмо комиссара къ министру внутреннихъ дѣлъ, Марсель, 22 марта, 1848 г.*).

этимъ надзоромъ и навязаннымъ имъ начальствомъ, лишили правительство его вліянія и въ конецъ уничтожили хорошее впечатлѣніе, произведенное мирнымъ утвержденіемъ республики.

Генеральный комиссаръ, назначенный для четырехъ департаментовъ: Устьевъ Роны, Вара, Нижнихъ-Альпъ и Воклюза, гренобльскій адвокатъ Реппеланъ, принадлежалъ къ привилегированной фракціи *республиканцевъ Кануна*. Только что онъ пріѣхалъ въ Марсель, какъ поддался вліянію самыхъ крайнихъ революціонеровъ и выразилъ порицаніе дѣйствіямъ Оливье. Національная гвардія, по его мнѣнію, имѣла слишкомъ буржуазный характеръ; ее слѣдовало немедленно распустить и реформировать; учетнымъ банкомъ управлялъ реакціонеръ, котораго слѣдовало смѣстить; наконецъ, союзъ съ легитимистами и духовенствомъ былъ незаконной связью, и кандидатура Берріе, которую Оливье обѣщалъ не оспаривать, должна быть открыто отвергнута.

Всѣмъ этимъ требованіямъ республиканскаго абсолютизма, не имѣвшимъ никакой поддержки въ городѣ, гдѣ февральская революція нашла не болѣе сотни республиканцевъ, Оливье противопоставлялъ: невозможность произвести насильственнымъ образомъ разоруженіе національной гвардіи, которая безъ всякаго сомнѣнія

дастъ себя распустить добровольно; прекрасные результаты, олученные отъ операцій учетнаго банка, который, будучи учрежденіемъ отнюдь не политическаго характера, долженъ былъ при выборѣ президента руководствоваться честностью и кредитоспособностью, а не республиканскимъ рвеніемъ. Наконецъ, онъ утверждалъ, что неполитичное оспариваніе назначенія Берріе поведетъ только къ нарушенію прежняго существовавшего до революціи согласія между легитимистами и радикалами, и къ избранію Тьера, которое правительство считаетъ гораздо болѣе опаснымъ.

Рѣзкіе споры происходили между обоими комиссарами по поводу этихъ трехъ главныхъ пунктовъ въ теченіе недѣли, послѣ чего министръ согласился съ мнѣніемъ Оливье ¹⁾, и Реппеланъ

¹⁾ Въ депешѣ министра внутреннихъ дѣлъ, адресованной 18-го марта Эмилю Оливье, главный секретарь, Жюль Фавръ, пишетъ отъ имени министра: «Я раздѣляю ваше мнѣніе относительно того, что вы не должны препятствовать вторичному избранію гражданина Берріе, который, будучи легитимистомъ по формѣ, въ сущности искренній патріотъ, краснорѣчіе котораго, какъ вы справедливо замѣчаете, составляетъ гордость страны. Впрочемъ, въ принципѣ я не думаю, чтобы успѣхъ легитимистскихъ кандидатуръ, разумѣется, за отсутствіемъ другихъ, представлялъ какую-либо дѣйствительную опасность. Наиболѣе выдающіеся люди этой партіи, понявъ, что они представляютъ собой мнѣнія, не имѣющія почвы въ странѣ, искренно примкнули къ новому порядку вещей, а прочіе не будутъ имѣть никакого вліянія на Собраніе».

долженъ былъ оставить Марсель, нанеся, безъ сомнѣнія, большой вредъ дѣлу, которому онъ хотѣлъ служить, средствами, не согласующимися съ состояніемъ умовъ населенія.

Помимо прекрасныхъ результатовъ, о которыхъ я только что говорила, администрація Оливье въ Марсели ознаменовалась однимъ въ высшей степени интереснымъ инцидентомъ. Молодой комиссаръ, полагая, что республиканское правительство должно считаться нравственно обязаннымъ исправить ошибки и несправедливые поступки послѣдняго царствованія, захотѣлъ увидѣться съ Абдель-Кадеромъ, содержавшимся въ фортѣ Ламалгъ, и сказать знаменитой жертвѣ династической политики нѣсколько словъ, если не надежды, то утѣшенія отъ имени республиканскаго правительства.

Онъ хотѣлъ, кромѣ того, убѣдиться лично, достаточно-ли было смягчено возможными заботами и вниманіемъ, совмѣстимыми съ исполненіемъ военныхъ правилъ, заключеніе, которое сынъ Маги-Эддина учорно называлъ гостепріимствомъ форта Ламалгъ. Ему хотѣлось также, ходатайствуя у временнаго правительства объ освобожденіи Абдель-Кадера, уговорить послѣдняго, въ случаѣ отказа, просить или, по крайней мѣрѣ, принять относительную свободу въ какомъ-нибудь хорошемъ городѣ внутри государства.

Абдель-Кадеръ былъ тронутъ хлопотами Оливье; но такъ же, какъ онъ никогда не хотѣлъ жаловаться на строгость или небрежность въ обращеніи, онъ не хотѣлъ и просить чего бы то ни было у своихъ тюремщиковъ. Въ тѣсной оградѣ, гдѣ запертъ былъ владыка пустыни, онъ не забывалъ, что когда-то былъ обладателемъ безграничнаго царства. Протягивая свою тонкую руку этому молодому незнакомцу, предлагавшему ему свою помощь, онъ не забывалъ, что эта самая рука носила съ триумфомъ знамя Пророка, начертала безчисленнымъ племенамъ законы новой цивилизаціи, получала подарки отъ самыхъ знаменитыхъ начальниковъ французской арміи и подписывала гордые договоры съ королемъ Франціи. Поэтому онъ не хотѣлъ слышать ни о чемъ другомъ, кромѣ сохраненія данного слова. Слово *милость* оскорбляло его слухъ; онъ говоритъ всегда только о *справедливости*. «Вы не ранили моего коня, — сказалъ онъ Оливье, устремляя на него полный огня и кротости взглядъ своихъ большихъ черныхъ глазъ, — вы не взяли меня съ оружіемъ въ рукахъ. Я добровольно прислалъ свою печать и свою саблю генералу Ламорисьеру, который прислалъ мнѣ въ обмѣнъ свою. Я сдался потому, что усталъ бороться съ людьми, которыхъ презираю. Я касался чаши смерти. Теперь мнѣ безъ опасенія могутъ возвратить свободу; я желаю теперь только одного: отправиться въ край, гдѣ бы я могъ воспитывать своихъ

женъ и своихъ дѣтей въ правилахъ своей вѣры. Я хочу только пойти по пути своего отца и своихъ предковъ, быть похороненнымъ въ святой землѣ и прожить въ поклоненіи Богу до самой смерти». По просьбѣ Оливье онъ подписалъ торжественную клятву никогда не поднимать оружія противъ Франціи. Что касается того, чтобы ему жить во Франціи, «это не возможно,—сказалъ онъ со своей неумолимой кротостью.—Мы слишкомъ различные люди, повторяя онъ, перебирая зерна своихъ четокъ. — Вы показываете вашихъ женщинамъ—мы ихъ прячемъ; вы носите узкія одежды—мы носимъ широкія; пишемъ въ другомъ направленіи; у насъ разныя религіи; мы не можемъ жить подъ однимъ солнцемъ».

Оливье убѣдительно просилъ временное правительство объ освобожденіи Абдель-Кадера, но просьба его не имѣла успѣха. Араго написалъ эмиру почтительное письмо, въ которомъ онъ обѣщалъ разсмотрѣть, что правительство можетъ сдѣлать: но пересмотрѣ дѣла Араго, какъ и прежніе переговоры Гизо, столь же мало произвелъ измѣненія въ условіяхъ жизни Абдель-Кадера. Республика поступила со знаменитымъ плѣнникомъ совершенно такъ же, какъ и монархія.

Коммиссаръ, посланный Ледрю-Роллэнномъ въ четыре департамента: Жеръ, Тарнъ, Тарнъ-и-Гаронну и Ло-и-Гаронну, принадлежалъ, подобно Ренпелану, къ школѣ диктаторской республики. Адвокатъ Жоли, бывший депутатъ Арьежа въ 1831 г., избранный въ Тулузѣ въ 1839 г., но не избранный вторично въ 1846 г., защитникъ обвиняемыхъ республиканцевъ въ апрѣльскомъ процессѣ, былъ однимъ изъ самыхъ типичныхъ, закованныхъ въ броню принципа, республиканцевъ, къ которымъ болѣе всего подходило нѣсколько ироническое, вошедшее въ употребленіе послѣ циркуляра 8 марта, названіе *республиканцевъ Кануна*. Онъ основательно изучилъ манеру старыхъ патріотовъ говорить и держать себя; онъ любилъ военный церемоніаль, онъ твердо вѣрилъ въ то, въ чемъ не всегда могъ убѣдить себя Ледрю-Роллэнъ, а именно въ то, что республиканское правительство должно выказывать себя исключительно ревнимымъ, и что входить въ компромиссъ со временемъ, съ людьми и обстоятельствами, это—измѣна дѣлу демократіи.

Всѣ помнятъ печальный процессъ по обвиненію монаха Леотада въ теченіе 1848 г. Вся Тулуза была еще взволнована имъ. Религіозныя страсти пробудились по этому случаю съ необыкновенной и неожиданной силой. Католики и протестанты, дворяне-легитимисты и буржуа-радикалы враждебно стояли другъ противъ друга, вооруженные всѣми своими предразсудками, всѣми воспоминаніями прошедшихъ временъ борьбы.

Жоли, защитникъ родственниковъ Сэсиль Комбеттъ, жертвы Леотада, находился 26 февраля въ судѣ, гдѣ собирався говорить

защитительную рѣчь, когда ему подали письмо, сообщавшее о парижскихъ событіяхъ. Другія письма, полученные нѣкоторыми другими лицами, присутствовавшими въ судѣ, извѣщали о регентствѣ герцогини Орлеанской и о министерствѣ Одилона-Барро. Смятеніе, произведенное этими извѣстіями, было столь велико, что пришлось прекратить засѣданіе.

Политическіе друзья Жолли, ожидавшіе его въ числѣ четырехъ или пятисотъ человекъ у выхода изъ суда, рѣшили, что слѣдуетъ произвести революцію въ Тулузѣ и, не дожидаясь другихъ извѣстій изъ столицы, на свой рискъ и страхъ провозгласить республику.

Принявъ это рѣшеніе, человекъ двадцать студентовъ тотчасъ же расходятся по улицамъ, чтобы поднять народъ. Жолли во главѣ колонны, сначала небольшой, но возрастающей съ каждымъ шагомъ, направляется прямо на площадь Капитолія, куда войска, не понимая хорошенько, въ чемъ дѣло, пропускаютъ ее. Жолли входитъ въ залу муниципальнаго совѣта, который за отсутствіемъ префекта, Дюшателя, управляетъ департаментомъ. Уволивъ собственной властью присутствующихъ членовъ совѣта, онъ выходитъ на балконъ и обращается къ народу, который, между тѣмъ, громадной толпой собрался на площади, провозглашаетъ республику и приказываетъ совершенно растерявшимся офицерамъ отвести солдатъ въ казармы. Въ префектурѣ Жолли также не встрѣчаетъ сопротивленія. Главный секретарь, узнавъ, что произошло въ Капитоліи, осторожно уходитъ, оставивъ ключи сторожу. Триста человекъ артиллерійскаго полка, занимавшихъ зданіе, не выказали ни малѣйшаго желанія защищать его. Отъ 26 до 29 февраля, когда телеграфъ принесъ оффиціальное извѣстіе объ учрежденіи временнаго правительства и о назначеніи Жолли на должность комиссара, городъ Тулуза находился въ невообразимо странномъ положеніи. Республика была, правда, провозглашена, но жила лишь совершенно фактивную жизнью, потому что въ случаѣ борьбы небольшое, поддерживавшее ее меньшинство населенія очутилось бы безъ оружія и безъ всякой организаціи. Семь лѣтъ какъ уже національная гвардія была распущена; между тѣмъ, консервативная партія, если бы только она имѣла малѣйшее пополюзованіе начать борьбу, располагала 6.000 регулярнаго войска въ городѣ и 12.000—15.000 въ окрестностяхъ. Сами республиканцы не вѣрили въ столь легкій успѣхъ. Впослѣдствіи, когда роялисты отомстили за выказанное имъ пренебреженіе, они забыли, что должны были винить однихъ себя во всемъ томъ, что могло оскорбить ихъ, и что болѣе твердое отношеніе къ событіямъ сдѣлало бы тотъ образъ дѣйствій, на который они жаловались, совершенно невозможнымъ у народа, уважающаго храбрость выше всѣхъ добродѣтелей.

Между тѣмъ, Жолли вскорѣ очутился въ затруднительномъ положеніи между министромъ внутреннихъ дѣлъ, который самымъ строгимъ образомъ порицалъ увольненія, запрещенія, вообще всякія мѣры, соответствующія старой программѣ якобинской политики, и клубомъ коммунистовъ, называвшимъ его реакціонеромъ.

Недовѣріе среди рабочихъ, которые посѣщали этотъ клубъ, находившійся подъ руководствомъ одного изъ сторонниковъ Бланки, дошло до того, что они 9 апрѣля пошли въ префектуру съ намѣреніемъ занять ее и прогнать комиссара. Но Жолли былъ предупрежденъ. Національная гвардія, поспѣшившая къ нему на помощь, легко справилась съ толпой, несмотря на крайнее возмущеніе рабочихъ, потому что они, хотя ихъ и было около 900 человекъ, были плохо вооружены, и потому что предводитель ихъ далъ захватить себя въ самомъ началѣ борьбы. На слѣдующій день клубъ коммунистовъ былъ закрытъ, и его газета приостановлена; національная гвардія пришла поздравить комиссара съ побѣдой, которую партія порядка, какъ говорили еще тогда, одержала въ его лицѣ.

Но эта мѣра была въ глазахъ Жолли слишкомъ рѣшительной, такъ какъ она возвращала роялистамъ наканунѣ выборовъ силу, которой они никогда не теряли въ дѣйствительности, но уже не сознавали и не чувствовали; слѣдовательно, она была для нихъ бесполезна. Поэтому Жолли тотчасъ же счелъ необходимымъ бороться съ ихъ вліяніемъ и безъ всякой осторожности напалъ на одного изъ самыхъ выдающихся членовъ партіи орлеанистовъ, Шарля д'Аррагона, назначеннаго комиссаромъ въ Альби, благодаря личному знакомству съ Гарнье-Пажесомъ, и пользовавшагося почти оффиціальнымъ покровительствомъ временнаго правительства по отношенію къ своей кандидатурѣ. Жолли собственной властью, безъ всякой серьезной причины, почти безъ всякаго повода, сдѣлалъ попытку уволить Аррагона. На мѣсто его онъ поставилъ адвоката Богэля; но сила общественнаго мнѣнія восторжествовала надъ энергичной волей Жолли. Со всѣхъ сторонъ писались въ Парижъ письма съ протестомъ противъ увольненія Аррагона, и вскорѣ, къ удивленію комиссара, онъ увидѣлъ, что Ледрю-Ролланъ отмѣнилъ его распоряженіе и вернулъ Аррагону его должность.

Не одни только эти столкновенія между населеніемъ городовъ и оффиціальной властью волновали страну. Въ деревняхъ различныхъ мѣстностей разомъ слышались бѣлленія, не имѣвшія никакой политической подкладки, но которыя было весьма трудно успокоить. Департаменты Верхней-Гаронны, Высокихъ-Пиренеевъ, Арьежа и Оды покрыты великолѣпными лѣсами. Государству въ одномъ

только департаментъ Оды принадлежитъ ихъ на сумму около 20 миллионѣвъ. Вслѣдствіе ненормальнаго положенія вещей, созданнаго путемъ постепенныхъ запрещеній со стороны центральнаго правительства, болѣе дорожающаго своимъ правомъ, нежели заботящагося о своихъ дѣйствительныхъ интересахъ, окружное населеніе, для котораго сосѣдство этихъ громаднѣхъ естественныхъ богатствъ должно было бы служить источникомъ благополучія, терпитъ жестокую нужду и становится жертвою безчисленныхъ невыносимыхъ притѣсненій лѣсной администраціи. Право такъ называемыхъ *лесныхъ* общинъ и право государства, постоянно оспариваемое и иначе толкуемое, даютъ при всѣхъ режимахъ поводъ къ кровавымъ столкновеніямъ и держатъ крестьянъ этихъ мѣстностей, очень храбрыхъ и очень ловкихъ стрѣлковъ, въ постоянномъ состояніи возмущенія, не имѣющаго, какъ я уже сказала, ничего общаго съ политикой и выражающагося въ особенной, мѣстной формѣ, которая есть не что иное, какъ слѣпой протестъ народной нищеты противъ плохого управленія и расточенія общественнаго достоянія.

Въ 1830 г., послѣ того, какъ произошло нѣсколько сильныхъ мятежей, правительство возвратило лѣснымъ общинамъ большую часть ихъ старинныхъ правъ, которыхъ онѣ тщетно требовали во время реставраціи; но уступки, считавшіяся необходимыми въ принципѣ, фактически отнимались, благодаря тому, что пользованіе этими правами обставлялось такими формальностями, что обходилось дороже доставляемыхъ выгодъ ¹⁾. Поэтому духъ возмущенія, всегда живущій въ этихъ деревняхъ, неминуемо долженъ былъ вспыхнуть при первомъ поводѣ. Этимъ поводомъ была февральская революція. Три или четыре тысячи крестьянъ, неустрашимые охотники на медвѣдей, разошлись по странѣ, всюду учиняя безпорядки всякаго рода. Замокъ дворянина-легитимиста Гулара и нѣсколько другихъ жилищъ были сожжены; пришлось послать два линейныхъ полка, чтобы справиться съ бунтовщиками.

Между всѣми значительными городами Франціи наименьшее сочувствіе февральской революціи выказалъ Бордо. Это антиреволюціонное настроеніе обнаружилось прежде всего въ пассивномъ, но весьма ясно выраженномъ, сопротивленіи провозглашенію республики. Орлеанистское направленіе преобладало въ богатыхъ классахъ Бордо; рабочіе же вовсе не интересовались политикой. Они образовали между собой ассоціаціи взаимопомощи, удовлетворявшія въ крайнихъ случаяхъ нужды, тѣмъ болѣе, что работа не

¹⁾ Такимъ образомъ, случается, что государственные лѣса гниютъ на мѣстѣ въ то время, какъ крестьяне нуждаются въ топливѣ. Въ холодныя зимы были случаи, что люди умирали отъ холода въ общинахъ, со всѣхъ сторонъ окруженныхъ лѣсомъ.

прекращалась уже въ теченіе многихъ лѣтъ. Врядъ ли во всемъ Бордо можно было набрать человѣкъ пятьдесятъ республиканцевъ, и то никому не извѣстныхъ, не только не пользующихся никакимъ вліяніемъ, но и не имѣющихъ своего органа печати.

Бордосскія власти, префектъ Сартъ, мэръ Дюфуръ-Дювержье, оба приверженцы Орлеановъ, не торопились провозглашать республику: народъ ихъ не принуждалъ къ этому, а національная гвардія была на ихъ сторонѣ. Поэтому въ Бордо оставался монархическій образъ правленія до тѣхъ поръ, пока не явился, довольно поздно, оффиціальныи комиссаръ временнаго правительства, Шевалье.

Шевалье, довольно мало извѣстный публицистъ, свѣжеиспеченный республиканецъ, окружилъ себя людьми старой администраціи, очевидно, враждебными новому правительству. Поведеніе его встретило ту маленькую кучку людей, которая составляла республиканскую партію въ Бордо. Они обратились съ жалобой къ Ледрю-Роллану и побудили его прислать генеральнаго комиссара, Латрада.

Финансовое положеніе города было лучше, чѣмъ можно было ожидать во время подобнаго кризиса. Банкъ, сдѣлавшій по собственному почину значительную подписку для основанія учетнаго банка, пришелъ на помощь тѣмъ фирмамъ, кредитъ которыхъ былъ въ опасности. Тотчасъ нашли достаточно работы, чтобы дать средства къ жизни рабочимъ въ странѣ, гдѣ съѣстные припасы стоятъ очень дешево. Такимъ образомъ, торговое и промышленное потрясеніе почувствовалось въ Бордо не особенно сильно.

Прежде еще, чѣмъ Латрадъ могъ заявить себя населенію какимъ бы то ни было административнымъ актомъ, роялистскія партіи уже указывали на него, какъ на революціонера 93 года. Былъ распушенъ слухъ, что онъ пріѣхалъ поставить на площади гильотину. Этому слуху многіе повѣрили; толпы народа стали собираться на улицахъ, оаружили префектуру, угрожая смертью комиссару. Латрадъ не пытался противодѣйствовать мятежу. Друзья его помогли ему укрыться по крышамъ, спрятали его въ частномъ домѣ и отправили на слѣдующее утро въ Парижъ. Его замѣнилъ Клеманъ Тома, одинъ изъ редакторовъ «National», и успѣлъ безъ особенныхъ усилій успокоить волненіе, въ сущности не имѣвшее ничего серьезнаго. Отозванный въ Парижъ, вслѣдствіе своего назначенія полковникомъ легіона національной гвардіи, онъ былъ замѣненъ Анри Дюкосомъ, который и завѣдывалъ организаціей выборовъ.

Враждебныя отношенія между національной гвардіей и комиссарами проявились и въ другихъ департаментахъ, и всюду оста-

лись безнаказанными, такъ какъ Ледрю-Роллэнъ, которому доносили на политическіе промахи его агентовъ, только выражалъ имъ порицаніе и отмѣнялъ ихъ распоряженія. Впрочемъ, данныя имъ неограниченныя полномочія не могли въ случаѣ сопротивленія имѣть какое-либо дѣйствіе безъ посредства національной гвардіи; если же послѣдняя обращалась противъ комиссаровъ, то имъ не оставалось другого средства, какъ только прибѣгать къ помощи крайнихъ революціонеровъ, къ клубамъ, къ террору. Мнѣ кажется, я достаточно выяснила тотъ фактъ, что Ледрю-Роллэнъ, такъ же какъ и Ламартинъ, вовсе не желалъ примѣненія крайнихъ мѣръ и опасался преобладанія клубовъ. Мы видѣли, что въ Марселѣ, въ Тулузѣ, въ Лионѣ онъ почти всегда оставлялъ безъ вниманія допросы на комиссаровъ, обвинявшихся въ недостаточномъ политическомъ рвеніи. Слѣдовательно, между его оффиціальными словами и дѣйствіями, между неограниченными правами на словахъ и совершенно ничтожной властью, какую онъ предоставлялъ на дѣлѣ, было рѣзкое противорѣчіе. Слѣдствіемъ этого явилось то, что онъ давалъ поводъ своимъ врагамъ обвинять его агентовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отнималъ у нихъ необходимую для торжества республики силу.

Небрежность въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ равнялась царствованшей тамъ нерѣшительности. Въ большинствѣ случаевъ запросы комиссаровъ оставались безъ отвѣта ¹⁾. Часто телеграфъ въ теченіе всего нѣсколькихъ часовъ приносилъ приказы и отмѣну ихъ, увольненія и оставленія въ должности. Все это производило путаницу въ дѣлахъ. Между двумя способами управлять: дѣйствовать осторожно, мягко, безъ толчковъ, или съ чисто революціонной энергіей, министерство не сумѣло крѣпко держаться ни того, ни другого; и въ продолженіе цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ въ этой наиболѣе централизованной изъ всѣхъ странъ можно было видѣть безконечно частыя столкновенія и мѣстныя возмущенія. Вся нація была напрасно потрясаема смутнымъ и неяснымъ для нея движеніемъ, противорѣчащимъ ея инстинктамъ.

¹⁾ Такъ, напримѣръ, въ Безансонѣ, гдѣ по поводу пустого вопроса объ этикетѣ между генераломъ Барагэ д'Иллѣе и комиссарами произошелъ бунтъ національной гвардіи, принудившій комиссаровъ удалиться, на докладъ генеральнаго комиссара, Ж. Демонтри, министру (8-го апрѣля), отъ послѣдняго не было получено никакого отвѣта.

XXV.

Революція въ Европѣ.—Петербургъ.—Вѣна.—Миланъ.—
Берлинъ.—Экспедиція вольныхъ корпусовъ.

Если уже демократическая Франція изумилась, получивъ изъ Парижа извѣстіе, что у нея нѣтъ болѣе короля, то что должна была подумать монархическая и аристократическая Европа, услыхавъ эту невѣроятную новость: французы прогнали династію Орлеановъ и выбрали въ правители себѣ лирическаго поэта, адвоката-радикала, астронома и пролетарія!

Никакого правдоподобнаго объясненія такого чудовищнаго явленія ни государи, ни ихъ дворы подыскать не могли. Уже въ теченіе многихъ лѣтъ европейская дипломатія считала революціонныя силы весьма ослабѣвшими, если не совсѣмъ уничтоженными во Франціи стараніями весьма искусной политики. Посланники иностранныхъ державъ, очарованные любезностью и пріятнымъ разговоромъ Людовика-Филиппа, ослѣпленные блескомъ парижскаго общества, которое, повидимому, чувствовало себя въ полной безопасности, успѣли уже примирить своихъ государей съ этой незаконной монархической властью; негодованіе и беспокойство, возбужденныя узурпаціей 1830 г., мало по малу разсѣялись вмѣстѣ съ предубѣжденіями противъ любимца либеральной буржуазіи, сдѣлавшагося королемъ милостью народа. Такъ какъ изумленію свойственно преувеличеніе, то, когда увидѣли, что Лудовикъ-Филиппъ пожертвовалъ своей популярностью ради сохраненія мира и рѣшительно обратился противъ революціи, посадившей его на престолъ, государственные дѣятели всей Европы превознесли его до небесъ. Его мудрость вошла въ поговорку, его стали звать *Наполеономъ мира* (*Napoléon de la paix*); на него смотрѣли, какъ на охранителя порядка въ Европѣ. Его паденіе изумило государей еще болѣе, чѣмъ прежде его возвышеніе.

Эта перемѣна въ настроеніи коронованныхъ особъ замѣчалась въ особенности при русскомъ дворѣ. Императоръ Николай за послѣднее время прекратилъ насмѣшки и їдкія эпиграммы, которыя онъ при всякомъ удобномъ случаѣ отпускалъ насчетъ Людовика-Филиппа и его семейства. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ увидѣлъ, что всѣмъ его планамъ содѣйствуетъ пассивное отношеніе французской дипломатіи, которая не смѣетъ даже и заговорить о Польшѣ, онъ значительно смягчился. Говорятъ, что личное знакомство съ герцогомъ Бордосскимъ и его совѣтниками, которыхъ онъ встрѣтилъ въ Италіи,

окончательно выбило у него изъ головы мысль о реставраціи ¹⁾; съ этого времени тонъ его агенто́въ при французскомъ правительствѣ во многихъ случаяхъ ясно выказывалъ желаніе сближенія. Равнодушіе, выказанное имъ въ обществѣ, когда въ Петербургѣ разнесся слухъ о возстаніи въ Парижѣ, обмануло весьма немногихъ. Хотя онъ и повторялъ въ насмѣшливомъ тонѣ, что «французы могутъ дѣлать у себя дома, что хотятъ, что Россіи нѣтъ никакого дѣла до парижскихъ фантазій» и т. д., хотя онъ и выказывалъ на балѣ и въ театрѣ полнѣйшее спокойствіе, но блѣдность его лица выдавала его тайную тревогу. Все общество устремляло взоры на него. Придворные, видя, что императоръ желаетъ казаться беззаботнымъ, старались подражать ему. Народъ же, приписывая ему, какъ Богу, все, что случается на свѣтѣ, говорилъ, что «государь» (русское слово въ текстѣ) приказалъ прогнать Людовика-Филиппа, потому что этотъ нечестный король отказывался возвратить ему занятые у него милліоны. «Мы пойдемъ и отнимемъ у нихъ *нашъ Парижъ!*» (по русски въ подлинникѣ) говорили въ народѣ. Но императора не развлекали эти наивныя проявленія національной гордости. Депеши, приходившія къ нему со всѣхъ сторонъ, омрачали его все болѣе и болѣе. За слухами, вскорѣ опровергнутыми, о контрреволюціи, честь которой приписывали то маршалу Бюжо, то генералу Ламорисьеру, послѣдовало официальное извѣщеніе о провозглашеніи республики. Почти въ то же время частныя письма извѣщали, какъ о совершившемся фактѣ, о революціяхъ, разразившихся, двѣ недѣли спустя, въ Берлинѣ и Вѣнѣ.

Необходимо было если не принять рѣшеніе, то выказать какое-нибудь политическое отношеніе къ событіямъ. Императоръ это почувствовалъ. Несмотря на свое смущеніе, онъ издалъ манифестъ, въ которомъ объявляетъ себя готовымъ сражаться за *правду Божію и за священныя основы порядка, покоящагося на наследственности престола*. Онъ приказалъ выставить на границу два корпуса арміи и немедленно отослалъ обратно Паскевича въ Варшаву. Въ это же время дипломатическій агентъ ²⁾ былъ отправленъ въ

¹⁾ Ходили вообще слухи, что императоръ Николай былъ очарованъ достоинствомъ манеръ, учтивостью и даже умомъ герцога Бордоскаго, но въ то же время не скрывалъ, что не признаетъ за нимъ качествъ ума и характера, способныхъ управлять Франціей при столь затруднительныхъ обстоятельствахъ.

²⁾ Балабинъ. Разсказываютъ, что на прощальной аудіенціи императоръ похлопалъ его по плечу и сказалъ: „Берегись, по крайней мѣрѣ, чтобы парижане тебя не растерзали: всѣ ихъ шкуры, вмѣстѣ взятыя, не стоятъ твоей одной“.

Парижъ съ приказаніемъ, чтобы всѣ русскіе немедленно оставили Францію.

Полученный, тѣмъ временемъ, манифестъ Ламартина нѣсколько успокоилъ встревоженный духъ императора. Онъ испытывалъ тѣмъ большее удовольствіе при чтеніи этого мирнаго манифеста, чѣмъ болѣе онъ тревожился раньше, готовясь къ войнѣ. «Я никогда бы не подумалъ, говорилъ онъ приближеннымъ, чтобы повѣтъ могъ выказать столько благоразумія. Въ такомъ случаѣ, и если Франція останется вѣрной программѣ Ламартина, Россія не перейдетъ въ наступленіе и останется у себя дома». Но это спокойствіе, это относительное удовлетвореніе были не долговременны, и императоръ вскорѣ впалъ въ крайне возбужденное состояніе. Онъ громко говорилъ самъ съ собой, какъ человѣкъ, который не владѣетъ собой и своими мыслями; нѣсколько разъ его видѣли ночью одного, идущаго по улицѣ, направляющагося къ дому военнаго министерства. Преждевременный рассказъ о событіяхъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ, подтвердившійся самымъ ужаснымъ образомъ, приводилъ его въ сильное волненіе ¹⁾. Онъ уже не въ состояніи былъ скрывать свои чувства и сдерживаться. Онъ не могъ пріискать достаточно презрительныхъ выраженій, когда говорилъ о королѣ прусскомъ, объ эрцгерцогахъ, о князѣ Меттернихѣ, о всѣхъ этихъ людяхъ, *лишенныхъ головы и сердца*, позорящихъ, по его словамъ, царственные расы. Иногда въ интимной бесѣдѣ съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ, поглощеннымъ своими денежными потерями на французскихъ промышленныхъ цѣнностяхъ,—императоръ съ краснорѣчивой горечью рисовалъ картину своихъ разрушенныхъ грандіозныхъ плановъ, задуманныхъ имъ для себя и для своей націи. «И вотъ мы, я и мой народъ, по милости этихъ мерзавцевъ, снова отброшены въ Азію. Франція торжествуетъ на западѣ; Европа отталкиваетъ насъ. Прежде, даже чѣмъ вступить въ бой, славяне побѣждены французской революціей!»

То, что произошло въ Вѣнѣ, дѣйствительно, было достойно негодованія царя. Нѣсколько либеральныхъ писателей, студентовъ, иностранцевъ агитировали съ помощью подпольной печати и довольно смутной устной пропаганды и поднимали неудовольствіе, которое, впрочемъ, не спускалось ниже буржуазнаго класса. Придворная интрига поддерживала эту агитацію. Эрцгерцогиня Софія, женщина честолюбивая и хитрая, желала царствовать надъ

¹⁾ Пріѣздъ великой княгини Елены Павловны въ Петербургъ еще болѣе разстроилъ императора. Великая княгиня, поспѣшившая оставить возставшую Италію, остановилась въ Вѣнѣ, гдѣ она нашла князя Меттерниха весьма мало взволнованнымъ. «Конечно, событія имѣютъ серьезное значеніе, говорилъ ей старый министръ; но здѣсь намъ бояться нечего. Никогда революція не дойдетъ до Вѣны».

Австріей черезъ своего мужа, эрцгерцога Франца-Іосифа или черезъ своего маленькаго сына. Препятствіе къ этому въ ея глазахъ было только одно: князь Меттернихъ. Поэтому она, вмѣстѣ съ извѣстной партіей дворянства, которая тяготилась долгимъ господствомъ стараго министра, и при поддержкѣ нѣсколькихъ вліятельныхъ членовъ духовенства, старалась внушить недовѣріе къ такой политикѣ и къ такимъ совѣтамъ, въ которыхъ ей не удавалось играть роли. Хотя въ глубинѣ души она была еще болѣе, нежели князь Меттернихъ, сторонницей абсолютизма, она умѣла въ случаѣ надобности быть либеральной на словахъ и не только не страшилась народныхъ демонстрацій, но видѣла въ нихъ средство свергнуть кабинетъ и сдѣлать необходимымъ отреченіе императора, неспособнаго управлять самолично. Когда въ Вѣну пришло извѣстіе о парижскихъ событіяхъ, она обрадовалась, потому что они должны были ускорить кризисъ, который, по ея мнѣнію, слишкомъ долго заставлялъ себя ждать. И вотъ, увидавъ, дѣйствительно, что народъ начинаетъ волноваться и собирается на улицахъ при крикахъ: *да здравствуетъ свобода! Долой Меттерниха!* она пустила въ ходъ всѣ свои хитрости, чтобы помѣшать правительству принять какую бы то ни было серьезную репрессивную мѣру.

12 марта штатамъ Нижней-Австріи представлена была петиція, требующая свободы печати и созыва Собранія. На слѣдующій день студенты и профессора, собранные въ залахъ университета, составляютъ петицію такого же рода. Но дворы никогда не торопятся отвѣчать на подобныя требованія, и сборища народа, толпившіяся на площади, вмѣсто того, чтобы раздражаться долгимъ ожиданіемъ, начали уже остывать, когда вожаки, среди которыхъ, какъ говорятъ, были эмиссары эрцгерцогини Софіи, закричали, что это Меттернихъ обманываетъ императора и мѣшаетъ ему исполнить желаніе народа. Толпа, страшно легковѣрная въ этихъ случаяхъ, бросается къ дачѣ князя, но хозяевъ тамъ нѣтъ; слуги князя запираютъ двери; толпа ихъ взламываетъ, врывается въ комнаты, разбиваетъ зеркала и зажигаетъ на дворѣ сложенный изъ мебели костеръ, послѣ чего съ триумфомъ отправляется увеличивать собой сборище вокругъ государственной канцеляріи и громкими криками требуетъ отставки министра. Здѣсь результатъ серьезнѣе, и успѣхъ рѣшительнѣе. Черезъ нѣкоторое время одинъ изъ императорскихъ совѣтниковъ появляется на балконѣ, обращается съ рѣчью къ народу и объявляетъ, что его величество, полный попеченія о своихъ вѣрноподданныхъ, составляетъ въ эту минуту указъ о требуемыхъ свободахъ. По странному стеченію обстоятельствъ, въ то самое время, какъ совѣтникъ говоритъ, войска, которыя за минуту еще стояли неподвижно и всюду пропускали народъ, раз-

вертываются и готовятся разогнать сборище. Толпа ропщет; нѣсколько мальчишекъ бросаютъ камни въ солдатъ; одному изъ высшихъ офицеровъ камень попадаетъ въ лобъ, и показывается кровь. Увидѣвъ это, раздраженные солдаты забываютъ приказъ и даютъ залпъ: пять или шесть человекъ мятежниковъ падаютъ мертвые или тяжело раненые. Народъ бѣжитъ, но съ криками: *къ оружію!* Войско не рѣшается стрѣлять. Мятежники же, наоборотъ, дѣйствуютъ очень рѣшительно и мало по малу овладѣваютъ городомъ. Въ ночь съ 13 на 14 князь Меттернихъ добровольно слагаетъ съ себя должность и поспѣшно оставляетъ Вѣну. На слѣдующій день, несмотря на эту видимую уступку, сдѣланную народу, волненіе не только не стихаетъ, но дѣлается ужаснымъ. Императоръ рѣшается согласиться на всѣ требуемыя народомъ реформы. Тогда настаетъ общее ликованіе; крики: *да здравствуетъ императоръ!* потрясаютъ дома. Плошки, транспаранты зажигаются всюду, окна украшаются флагами; ночь проходитъ въ увеселеніяхъ, а на слѣдующее утро, опьяненное радостью населеніе читаетъ расклеенное на всѣхъ стѣнахъ объявленіе о томъ, что феодальныя права уничтожены, что дана свобода печати, что организуется національная гвардія, что политическіе ссыльные амнистированы, наконецъ, что на 3 іюля назначенъ созывъ *генеральныхъ штатовъ* въ столицѣ государства.

Однимъ изъ знаменательныхъ инцидентовъ этой революціи былъ прїѣздъ венгерской депутаціи вечеромъ 15 марта. Когда замѣченъ былъ подходившій пароходъ изъ Пресбурга, народъ толпами направился встрѣчать представителей сейма и громко привѣтствовали этихъ благородныхъ патріотовъ, которые первыми въ австрійскомъ государствѣ мужественно потребовали права и свободы. *Да здравствуютъ венгры! Да здравствуетъ Кошутъ! Да здравствуетъ Баттіани!* Въ теченіе нѣсколькихъ дней эти восклицанія были обычнымъ крикомъ радости вѣнскаго населенія. Кошутъ болѣе другихъ возбуждалъ любопытство и симпатіи. Онъ не могъ уклониться отъ овацій толпы, которую удивляла столь великая и вмѣстѣ існая слава, которую привлекала его красота, его обаятельная личность и которая не уставала слушать его краснорѣчивыя слова.

Остановимся и мы также на минутку, чтобы почтить нашимъ прїѣтомъ этого замѣчательнаго человека, вызвавшаго на гигантскую борьбу геройскій народъ, сумѣвшаго внушить ему святое безуміе самопожертвованія, того, наконецъ, который, хотя и побѣжденный, послѣ невѣроятныхъ усилій, является окруженнымъ большимъ величіемъ, нежели многіе побѣдители, во всемъ сіяніи торжества.

Людвигъ (Лайосъ) Кошутъ родился въ 1802 г. въ венгерской протестантской семьѣ, въ одной изъ деревень Земплинскаго коми-

тата. Дѣтство его протекло среди языческихъ и христіанскихъ легендъ этой знаменитой страны, гдѣ нѣкогда раскинулъ свои кочевническіе шатры Аттила и гдѣ, въ девятомъ вѣкѣ, подѣ началомъ Арпада остановились первыя вторгнувшіеся сюда азіатскія орды, съ которыми венгерскій народъ связываетъ свое происхожденіе. Живое воображеніе Кошута восприняло эти чудесные рассказы о прошломъ. Невольно является мысль о нѣкотораго рода предопредѣленіи, когда вспоминаешь, что онъ съ дѣтства питался этими первобытными источниками мадьярской исторіи. Позже пылкость его ума, его легко текущая рѣчь, невыразимая меланхолія съ отбѣнкомъ восточной гордости, невольно заставляютъ вспоминать страну, гдѣ онъ родился,—этотъ *венгерскій Египетъ*, какъ называютъ его лѣтописцы, эту, похожую на Нилъ, Тиссу, наводненія которой производятъ обильные урожаи, эти Карпатскія горы, заключающія въ себѣ золото, эти склоны Хегіалы, гдѣ произрастаетъ греческая лоза, чудное голубое небо этой страны, какой *нѣтъ второй* ¹⁾).

Рано оставшись сиротой, въ состояніи, близкомъ къ нищетѣ, съ возможностью поступить только въ одну изъ гимназій маленькихъ венгерскихъ городовъ, гдѣ австрійское правительство систематически поддерживаетъ невѣжество, Кошутъ тѣмъ не менѣе нашелъ возможность развить выдающіяся способности, которыми надѣлила его природа. Въ такое время, когда венгерская литература впала въ забвеніе, когда магнаты и дворяне говорили по-латыни, по-французски и по-нѣмецки, Кошутъ всегда выказывалъ явное предпочтеніе національному языку, на которомъ говорилъ только народъ. Пріѣхавъ въ Пештъ восемнадцатилѣтнимъ юношей, онъ подружился съ двумя выдающимися писателями, братьями Кисфалуди, и подѣ ихъ руководствомъ началъ свои литературные опыты на мадьярскомъ языкѣ. Съ этой минуты онъ задался цѣлью обновить нарѣчіе предковъ, которое подѣ его перомъ, а впоследствии въ его рѣчахъ, приобрѣло замѣчательную гибкость и ясность. Когда Кошутъ въ 1830 г. впервые появился въ собраніи Земплинскаго комитата, куда ему давали доступъ его званіе дворянина и его профессія адвоката, когда онъ вызвалъ сочувствіе своихъ согражданъ къ возставшей Польшѣ, его нѣсколько разъ прерывали громкіе апплодисменты, и тотчасъ же было рѣшено послать въ Вѣну депутатовъ, чтобы попросить разрѣшенія венгерцамъ поднять на собственный счетъ армію въ 50,000 чело-

¹⁾ Известно, что отъ лозъ, привезенныхъ съ Кипра и посаженныхъ на южныхъ склонахъ Карпатъ по приказанію императора Прокла, произошло знаменитое Токайское вино, и лѣтописцы такъ говорятъ объ этой странѣ: «*Ubertate locorum, coelique benignitate, nulli terrarum secunda*» (она не уступаетъ никакой странѣ плодородіемъ почвы и мягкостью неба).

вѣкъ, чтобы идти на помощь польскому возстанію. Шестнадцать другихъ комитатовъ присоединились по этому поводу къ Земплину. Этотъ первый успѣхъ далъ имени Кошута такую извѣстность, важность которой онъ, не будучи ослѣпленъ ею, хорошо сознавалъ. Кошутъ тогда уже задался высокою цѣлью пробудить мадьярскій патріотизмъ, создать въ Венгріи политическую партію, чтобы защищать конституцію противъ злоупотребленій произвола вѣнскаго двора. Не обладая ни высокимъ положеніемъ, ни богатствомъ, ни чиномъ, онъ имѣлъ только одно средство приобрести вліяніе на высшіе классы и на народъ: это его краснорѣчіе и престижъ извѣстности. Поэтому онъ пользовался всякимъ случаемъ, онъ искалъ первой возможности говорить на собраніяхъ комитатовъ и добился того, что былъ посланъ ими въ 1832 г. во вторую палату сейма въ качествѣ депутата-замѣстителя. Хотя это положеніе и давало ему только совѣщательный голосъ въ дебатахъ, онъ сумѣлъ, несмотря на зависть магнатовъ, начинавшихъ косо по-сматривать на приобретаемую имъ громкую извѣстность, взять въ вѣнскихъ случаяхъ удачную инициативу, поставившую его во главѣ національной партіи. Онъ первый высказалъ мысль о томъ, чтобы разсылать комитатамъ циркулярныя сообщенія съ отчетомъ о преніяхъ сейма. До тѣхъ поръ страна узнавала о результатахъ дебатовъ только по краткимъ и весьма неточнымъ отчетамъ подцензурной печати. Идея Кошута распространять, насколько это позволяла бдительность полиціи, эти отчеты, напоминавшіе знаменитыя *Письма Мирабо къ его доверителямъ*, имѣла важное политическое значеніе. Поэтому австрійское правительство встревожилось, и эта парламентская корреспонденція была запрещена. Но она принесла уже плоды. Общественное мнѣніе успѣло уже получить рѣшительный толчокъ. Кошутъ чувствовалъ за собой такую поддержку, что рѣшился оказать открытое сопротивленіе приказаніямъ Австріи. Четырехлѣтнее заключеніе въ Буда-Пештской тюрьмѣ было наказаніемъ за его смѣлость, и громадная популярность наградой за нее. Все общественное мнѣніе сконцентрировалось на его личности; онъ привлекъ къ себѣ всѣ умы, приобрѣлъ всѣ симпатіи, и, когда двери тюрьмы открылись для Кошута, казалось, что вся страна получила свободу.

Въ теченіе четырехъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ крѣпости. Кошутъ занялся изученіемъ англійской и французской революцій. преимущественно по отношенію къ тактикѣ представительныхъ собраній. Едва выйдя изъ тюрьмы въ 1841 г., онъ сдѣлался редакторомъ демократической газеты «Pesti Hirlap», основанной въ Пештѣ барономъ Весселени. Успѣхъ газеты, гдѣ впервые общественные вопросы обсуждались такъ талантливо и свободно, превзошелъ всѣ

надежды. Присоединеніе графа Людвиг Баттіани, главы оппозиціи въ палатѣ магнатовъ, было самымъ яркимъ доказательствомъ этого успѣха. Союзъ магната, остававшагося до сихъ поръ въ рамкахъ политической программы торіевъ, съ демократическимъ агитаторомъ окончательно положилъ основаніе національной партіи.

Въ 1847 г. графъ Баттіани предложилъ кандидатуру Кошута избирателямъ Пештскаго комитата, которые и избрали его. Сейчасъ же по вступленіи въ пресбургскій сеймъ, Кошутъ, несмотря на нападки консервативной партіи, во главѣ которой стоялъ графъ Сечени, былъ безусловно признанъ вождемъ оппозиціи. Самыя выдающіяся личности обѣихъ палатъ: Весселени, Ладиславъ Телеки Майлатъ, Деакъ, Семеръ, Этвешъ искали его дружбы и выражали свое преклоненіе передъ талантомъ, влияніе котораго никто уже не могъ оспаривать. Каждая рѣчь, произносимая Кошутомъ, дѣлалась политическимъ событіемъ. Каждый успѣхъ его на трибунѣ возвышалъ національную гордость и запечатлѣвалъ сильнѣе образъ родины въ сердцахъ народа.

Когда въ сеймъ пришло извѣстіе о февральской революціи, Кошутъ въ рѣчи, въ которой онъ превозшелъ самого себя, обозначилъ главные пункты, на которые должна напирать оппозиція и положилъ въ нѣкоторомъ родѣ основу новаго конституціоннаго права, на которомъ его сограждане должны были утвердить независимость Венгріи. Его политическій умъ ясно показывалъ ему, что Венгрія не должна бороться отдѣльно за свое особенное право, но должна явиться борцомъ за общее право всей австрійской монархіи. «Будущность династіи, говорилъ онъ, неразрывно связана, по моему мнѣнію, съ братской конфедераціей народовъ, на которыхъ простирается ея власть; а этой конфедераціи она достигнетъ лишь въ томъ случаѣ, если она включитъ право національностей въ либеральную конституцію. Ни палачъ, ни штыкъ никогда не будутъ средствомъ организовать и объединять народы». Рѣчь эта, привѣтствуемая страстными аплодисментами, побудила собраніе послать въ Вѣну депутацію, въ которой были представлены всѣ отбѣнки мнѣній, и которая подъ руководствомъ эрцгерцога Палатинскаго должна была передать императору желанія венгерской націи.

Мы видѣли, какъ эта депутація была принята народомъ. Имя Кошута, уже популярное въ Вѣнѣ, раздавалось не разъ въ продолженіе предыдущихъ дней. Его рѣчь, произнесенная 3 марта и прочтенная однимъ студентомъ подъ окнами княгини Меттернихъ ¹⁾, переходила изъ рукъ въ руки и привлекала симпатіи къ

¹⁾ Княгиня Меттернихъ, урожденная графиня Зичи, была венгерка.

его личности и къ его дѣлу. Дворъ, узнавъ о прибытіи пресбургской депутаціи, понялъ, что онъ долженъ распространить на венгерскую націю тѣ уступки, которыя сдѣлалъ Австріи, и, несмотря на сопротивленіе торжествующей въ совѣтахъ партіи, принужденъ былъ уступить энергическимъ рѣчамъ депутатовъ и официальнымъ требованіямъ Эстергази. 18-го марта депутація съ торжествомъ уѣхала въ Пресбургъ, увозя съ собой назначеніе графа Баттіани на постъ перваго министра съ порученіемъ составить самостоятельный кабинетъ для Венгріи. Эрцгерцогъ Стефанъ дѣлался вице-королемъ; политическое и административное отдѣленіе Венгріи совершилось. Эта новая уступка двора еще болѣе повысила настроеніе Вѣны. Однако Кошутъ не раздѣлялъ это всеобщаго слишкомъ неумѣреннаго довольства, которое, по его мнѣнію, не предвѣщало ничего хорошаго. «Этотъ народъ воображаетъ себѣ, что сдѣлалъ революцію,—говорилъ онъ своимъ соотечественникамъ,—тогда какъ онъ только что началъ ее».

Нѣсколько дней спустя миланскія событія подтвердили это предчувствіе генія. Характеръ этого возстанія не имѣлъ ничего общаго съ тѣмъ, что произошло въ Вѣнѣ. Насколько вѣнское населеніе по своей природѣ, по обычаямъ, по мягкости традиціоннаго ига, которое правители его умѣли такъ искусно маскировать своимъ ласковымъ обхожденіемъ, было склонно къ безпечности въ политикѣ и къ уваженію воли государя, настолько же ненависть ломбардцевъ къ чужеземному владычеству была глубока и непримирима. Австрійское правительство, утвердившееся въ Ломбардіи по вѣнскому договору, было слишкомъ противно характеру итальянской націи, чтобы не встрѣтить въ прирожденной антинатіи расъ почти непреодолимаго препятствія, даже если бы было благотельнымъ и великодушнымъ. Но это правительство какъ разъ не только не старалось своими благодѣяніями овладѣть сердцемъ народа, оно не умѣло даже расположить къ себѣ богатые классы тѣми ловкими маневрами и поверхностными поблажками, на которыя такъ легко ловится праздное и деморализованное дворянство нашего времени. Австрійское правительство въ Миланѣ и Венеціи разыгрывало изъ себя побѣдителя. Мало того, что оно притѣсняло, оно еще унижало своихъ новыхъ подданныхъ. Ко всѣмъ запретительнымъ законамъ, къ чрезмѣрнымъ налогамъ, тяготѣвшимъ на всякомъ имуществѣ, къ ненавистой конскрипціи, отнимавшей у страны цвѣтъ молодежи, чтобы отсылать ее въ чужія, далекія страны, къ намѣреннымъ проволочкамъ администраціи, къ непрерывнымъ притѣсненіямъ полиціи, таможни, цензуры, въ придачу ко всѣмъ этимъ несправедливостямъ присоединялось солдатское нахальство, которымъ, начиная съ рядового до фельд-

маршала, австрійцы зацѣлили цѣлью бередить поминутно болѣзненную рану національной гордости.

Поэтому черезъ нѣсколько лѣтъ патріотизмъ ломбардцевъ, нѣсколько притупившійся подѣ французскимъ управленіемъ, пробудился съ невѣроятной энергіей. Изъ чувства оппозиціи австрійскому правительству ломбардская аристократія стала увлекаться либеральными идеями и въ то же время льстила юному честолюбію принца Савойскаго дома, обѣщавшаго поднять пьемонтскую армію и прогнать чужеземцевъ съ итальянской земли. Этотъ первый ломбардо-пьемонтскій союзъ имѣлъ весьма печальный исходъ. Камеры Шпильберга наполнились узниками; Карль-Альбертъ отрекся отъ своей идеи. Изгнаніе, конфискація, пытка уничтожили надежды итальянской молодежи.

Амнистія, дарованная послѣ коронованія императора въ 1838 г., вернула въ Италію главныхъ заговорщиковъ 1830 — 1834 г.г. На этотъ разъ они не составляли заговора, но англійскія и французскія идеи, которыя они привезли съ собою изъ изгнанія, конспирировали за нихъ. Выдающіеся писатели, поэты, люди съ умомъ и чувствомъ, какъ Джіоберти, д'Азеліо, Бальбо, Каппони, Мамини и, наконецъ, Монтанелли, Томмазо, Манинъ, Каттанео, Джусти распространили либеральную пропаганду на всѣ итальянскія княжества и мощью своего таланта создали моральную силу, способную бороться съ чужеземными штыками. Общественное національное *итальянское* мнѣніе сплотилось такъ крѣпко, какъ никогда. Аристократія и демократія, которыя разошлись въ послѣдствіи, соединились вначалѣ для общей цѣли освобожденія. *Ненависть и терпѣніе* (Odio e pazienza)—такоеъ былъ общій девизъ для всѣхъ итальянцевъ; *вонъ варваровъ* (fuori i barbari!) было единственной думой, единственнымъ крикомъ всей Италіи.

Въ 1846 г. либерализмъ Пія IX, импульсъ, данный реформами Ватикана и отразившійся въ Тосканѣ, въ Пьемонтѣ, въ королевствѣ Неаполитанскомъ воспламенилъ всѣ умы. Тайная печать, основанная Монтанелли въ Тосканѣ и распространявшая свои демократическіе листки цѣлыми тысячами, поддерживала агитацію. Англійская дипломатія почти открыто покровительствовала революціонной пропагандѣ ¹⁾, по крайней мѣрѣ, въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій. Духовенство, ободренное примѣромъ святѣйшаго отца, выказывало свой патріотизмъ и проповѣдывало возстаніе въ деревняхъ ²⁾.

¹⁾ Миссія лорда Минто, въ 1847 г., возбудила опасенія въ русскомъ и въ австрійскомъ кабинетахъ. Кн. Меттернихъ въ депешахъ къ графу Дитрихштейну, посланнику въ Лондонѣ (февр. 1848), жалуется на поведеніе британскаго правительства въ Италіи.

²⁾ Маршалъ Радепкій такъ хорошо зналъ вліяніе духовенства, что

Населеніе городовъ вступало въ борьбу съ полиціей; демонстраціи по виду пустыя, по существу же серьезныя, какъ напр., воздержаніе отъ табака и лотереи, показывали, что заговоръ противъ Австріи становился постояннымъ, и что самое тѣсное единеніе, если не въ воззрѣніяхъ, то, по крайней мѣрѣ, въ ненависти, господствовало во всѣхъ слояхъ населенія и во всѣхъ партіяхъ націи.

Между тѣмъ, чисто либеральное мнѣніе, представляемое дворянствомъ, одерживало верхъ всюду и въ особенности въ Миланѣ, гдѣ аристократія, благодаря своей щедрости и поддержкѣ духовенства, имѣла всесильное вліяніе на народъ. Для демократической партіи *молодой Италіи* было бы безуміемъ вести съ ней открытую борьбу. Поэтому она и не пыталась начинать ее. Она знала, что число ея сторонниковъ слишкомъ незначительно, и что она слишкомъ дискредитирована несчастнымъ исходомъ своихъ послѣднихъ революціонныхъ попытокъ. Хотя партія и презирала легальную оппозицію миланскихъ патриціевъ и плохо вѣрила въ союзъ нѣмонтецевъ, который послѣдніе старались возобновить, она умоляла Мадзини умѣрять свою рѣчь и по виду слѣдовала за движеніемъ, которымъ надѣялась руководить впослѣдствіи.

Таково было положеніе вещей, когда австрійское правительство издало въ Ломбардіи *государственный законъ* (*legge stataria*), который давалъ ему право произносить приговоры и исполнять ихъ въ теченіе *двухъ часовъ*: это было слишкомъ. Терпѣніе лопнуло, и раздался общій крикъ негодованія. На этотъ крикъ, какъ эхо, отвѣтилъ торжествующій крикъ французской революціи.

Тогда произошла странная вещь, обнаружившая тотчасъ же незамѣченный до той поры разладъ: либеральная партія почувствовала больше тревоги, нежели радости при извѣстіяхъ изъ Парижа ¹⁾. Ни французское вліяніе, ни республиканскія идеи не были симпатичны дворянству. Оно опасалось, что могутъ пре-

приказомъ по арміи запретилъ австрійскимъ солдатамъ исповѣдываться у итальянскихъ священниковъ.

¹⁾ Въ депешѣ, адресованной лорду Пальмерстону, англійскій генеральный консулъ въ Миланѣ выражается такъ: „Большинство тѣхъ, которымъ есть что терять, почти все дворянство и наиболѣе благоразумные люди изъ средняго класса смотрятъ на эти событія съ ужасомъ. Боязнь возможныхъ послѣдствій того, что произошло во Франціи, беретъ въ настоящую минуту верхъ надъ ненавистью къ Австріи“. Джоберти писалъ въ Парижъ къ своимъ политическимъ друзьямъ (3 марта): „Guale è il pericolo più grave che ora sovrasti all'Italia? Quello d'imitare scioccamente i Francesi, e di far qualchemotoper sosfituire alla monarchia la repubblica“ (т. е.: „Какая самая большая опасность можетъ угрожать теперь Италіи? Это опасность нелѣпаго подражанія французамъ и попытки замѣнить монархію республикой“ (*Archivio triennale delle cose d'Italia*, серія I, т. I, 1850.

рваться только что начатые переговоры съ Пьемонтомъ. и боялось въ Миланѣ возстанія, торжество котораго казалось ему или невозможнымъ или опаснымъ.

Волненіе среди миланскаго населенія достигло крайнихъ предѣловъ. Народная молва возвѣщала то о выступленіи въ походъ пьемонской арміи, то о прибытіи въ Миланъ 40,000 ружей, присланныхъ Карломъ-Альбертомъ. Маршалъ Радецкій, судя по всѣмъ принимаемымъ имъ мѣрамъ, готовился къ близкой борьбѣ. Онъ сконцентрировалъ войска на границѣ Пьемонта, выпускалъ и въ Миланъ хорватскіе и тирольскіе полки; наконецъ, 17-го утромъ, по экстренному приказу изъ Вѣны, эрцгерцогъ вице-король и графъ Шпауръ, губернаторъ города уѣхали въ Верону, передавъ Радецкому чрезвычайныя полномочія. Но вдругъ, вмѣсто предвидѣнныхъ событій, вмѣсто объявленія войны, котораго ожидали изъ Пьемонта или изъ Франціи, надъ Миланомъ, какъ громъ, разражается невѣроятное извѣстіе: въ Вѣнѣ революція, Меттернихъ бѣжалъ, въ Австріи провозглашена либеральная конституція—и сами австрійскія власти, самъ вице-губернаторъ О'Доннель, приказываетъ огласить 17 марта вечеромъ это извѣстіе о невѣроятномъ дѣйствіи вѣнскаго народа противъ его императорскаго величества. Результатъ прокламаціи выказывается тотчасъ же. Трехцвѣтное знамя развѣвается у всѣхъ оконъ, на всѣхъ шестидесяти колокольныхъ бьютъ въ набатъ; народъ безъ оружія, но съ большой рѣшимостью окружаетъ домъ подесты и противъ его воли при крикахъ: *да здравствуетъ Пій IX! да здравствуетъ независимость Италіи!* увлекаетъ его къ канцлерскому дворцу. Опѣшавшіе часовые пропускаютъ толпу, которая проникаетъ до апартаментовъ вице-губернатора и заставляетъ его подписать приказъ объ организаціи милиціи. Въ тотъ же моментъ на всѣхъ улицахъ города вырастаютъ баррикады. Такую смѣлость на глазахъ у 20,000 человѣкъ гарнизона австрійцы ничѣмъ не могутъ объяснить. Маршалъ Радецкій убѣжденъ, что все это дѣлается по уговору съ пьемонтцами; боясь внезапнаго нападенія, онъ поспѣшно покидаетъ свой дворецъ, запирается въ крѣпости, откуда готовится бомбардировать городъ. Но ничто не останавливаетъ неустрашимыхъ миланцевъ,—народное движеніе неудержимо. За неимѣніемъ солдатскихъ ружей, граждане раздаютъ другъ другу охотничьи винтовки, пистолеты, ножи, кинжалы; фабрикуются даже деревянныя пушки съ желѣзнымъ обручемъ, и начинается отчаянный бой противъ войска, оставшагося въ обладаніи центромъ города. Тщетно австрійскія пушки гремятъ цѣлыхъ пять дней; тщетно бомбы, пули, картечь дождемъ сыплются съ бастіоновъ и съ общественныхъ зданій на геройское населеніе, которое приступомъ беретъ соборъ, казармы и даже дворецъ вице-короля, защищаемый сильнѣйшей артиллеріей. Женщины принимаютъ уча-

остіе въ битвѣ, и оживляютъ ее: онѣ заряжаютъ ружья, носятъ камни мостовыхъ, подбираютъ мертвыхъ, перевязываютъ раненыхъ, раздаютъ съѣстные припасы, кипятятъ масло, которое льютъ изъ вѣхъ этажей на головы непріятелей. Революція торжествуетъ. 22-го маршалъ Радецкій посылаетъ предложить перемиріе муниципалитету, организовавшемуся во временное правительство. Но народъ, опьяненный побѣдой, заставляетъ правительство отвергнуть перемиріе и издать прокламацію, призывающую на помощь къ городу населеніе деревень. Изумительное, необычайное зрѣлище представляетъ въ эту минуту Миланъ. Люди, вооруженные телескопами и наблюдающіе съ колоколенъ, извѣщаютъ народъ о движеніяхъ непріятеля; шары, къ которымъ привязаны прокламаціи временнаго правительства, поднимаются на воздухъ. Пролетая надъ головами солдатъ, черезъ бастионы, посреди пуль, которыя до нихъ не достигаютъ, эти шары разносятъ по всей странѣ призывы къ возстанію. Нигдѣ этотъ призывъ не встрѣчаетъ ни раздумья, ни колебанія. Громадныя массы людей приходятъ въ движеніе; горцы Тироля и итальянской Швейцаріи, крестьяне Бріенцы и Вальсассины, озера Комо и Лаго-Маджоре приходятъ толпами и разбиваютъ по дорогѣ растерявшіяся австрійскія войска. Кучка молодежи овладѣваетъ воротами Тозы; другіе открываютъ ворота Комо. Миланъ свободенъ. Маршалъ Радецкій, получивъ въ то же время извѣстіе, что идутъ пьемонтцы, снимаетъ осаду 22-го и поспѣшно, въ безпорядкѣ, отступаетъ черезъ рисовыя поля ломбардской равнины къ Лоди и Мантуѣ, мстя страшными злодѣйствами за унижительное пораженіе.

Пять дней миланскаго возстанія выбили у него изъ строя около 1,000 человекъ. И это былъ, повидимому, лишь первый сигналъ обрушившихся надъ нимъ бѣдъ. Изъ этой итальянской земли, которую онъ безнаказанно попираетъ столько лѣтъ своей тяжелой стопой, и которую онъ по ея печальному виду считалъ мертвой, вдругъ, словно изъ долины могилъ, по которой проходитъ поэтъ, всюду вырывается яркое пламя. Венеція почти безъ боя освобождаетъ свои лагуны отъ ненавистнаго присутствія враговъ. Брешія прогоняетъ своихъ юнгъ; Парма и Модена провозглашаютъ у себя республику. Въ Туринѣ объятый волненіемъ народъ принуждаетъ короля объявить войну и въ нѣкоторомъ смыслѣ силой заставляетъ его стать во главѣ арміи. Наконецъ, Пій IX допускаетъ, чтобы на его глазахъ составилъ корпусъ изъ 20,000 человекъ, готовыхъ летѣть на помощь къ Ломбардіи ¹⁾.

¹⁾ См. Cattaneo, *Insurrection de Milans* Pepe, *Révolution et guerres d'Italie*.

Какой удобный моментъ для соперницы старой Австріи, гдѣ править Фридрихъ-Вильгельмъ, если бы только узкая душа этого государя могла открыться для широкихъ честолюбивыхъ замысловъ! Какой день для главы дома Гогенцоллерновъ, когда онъ видитъ, что итальянскія владѣнія ускользаютъ изъ рукъ Габсбурговъ, что Венгрія гордо требуетъ своихъ историческихъ правъ, и что Германія, отвертываясь отъ этой померкшей звѣзды, ожидаетъ, какъ бы просить у Пруссіи ея руководства. Все способствовало возвышенію Фридриха-Вильгельма и внутри и внѣ его государства. Парламентское воспитаніе Пруссіи, очень развившееся за послѣднее время, благодаря гласности провинціальныхъ собраній, благодаря судейскимъ дебатамъ, благодаря нѣкоторой свободѣ печати и собраній и, наконецъ, благодаря собраніямъ генеральныхъ штатовъ, гдѣ выдающіеся ораторы поддерживали блестящимъ образомъ всѣ принципы конституціоннаго права, дѣлало ее способной взять на себя инициативу въ общемъ стремленіи къ новому объединенію Германіи. Всю политику прусскаго короля въ сношеніяхъ съ нѣмецкими государями, а также со своимъ народомъ можно было бы выразить однимъ словомъ: искренность. Но, очевидно, царствующія особы неспособны къ тому, чтобы добровольно создать демократическія учрежденія. Кровь говоритъ въ нихъ сильнѣе разума. Въ ушахъ монарховъ наиболѣе философскаго склада ума слово «свобода» звучитъ не лучше чѣмъ слово «мятежъ». Фридрихъ-Вильгельмъ самымъ нагляднымъ образомъ показалъ вскорѣ эту чисто расовую неспособность королей понимать и любить прогрессъ политическаго разума. Извѣстіе о вѣнской революціи смутило его до того, что въ гибели опасной соперницы онъ увидѣлъ только поводъ къ раздраженію. вмѣсто того, чтобы рѣшительно отбросить ту двусмысленную роль, которую онъ игралъ во все время сессіи генеральныхъ штатовъ, вмѣсто того, чтобы ухватиться за такой прекрасный случай прекратить борьбу противъ общественнаго настроенія, борьбу, которую онъ началъ такъ неудачно и въ которой перевѣсъ былъ не на его сторонѣ, Фридрихъ-Вильгельмъ вдался еще болѣе въ свою систему лицемерія; онъ сталъ хитрить самымъ отвратительнымъ образомъ съ лояльнымъ народомъ, который стремился только къ тому, чтобы вырасти вмѣстѣ съ нимъ и черезъ него и занять, благодаря болѣе совершенному политическому строю, и болѣе высокое мѣсто среди европейскихъ державъ. Первые извѣстія о паденіи консервативнаго кабинета и объ отреченіи Людовика-Филиппа приняты были безъ неудовольствія при берлинскомъ дворѣ; но какъ только тамъ узнали о провозглашеніи республики и о томъ, что въ составъ временнаго правительства вошелъ рабочій, удовольствіе смѣнилось гнѣвомъ. «Правительственная газета» напечатала 1-го марта весьма рѣзкую

статью противъ революціи. Она обвиняла парижское населеніе въ *неблагодарности къ своимъ государямъ* и открыто высказывала желаніе, чтобы нація, оставаясь вѣрной монархіи, нашла главу, способнаго отомстить за *внезапность грубаго насилія* надъ ней. Газета прибавляла еще, что Германія, во время предупрежденная, не замедлитъ, конечно, остановиться на томъ роковомъ пути, по которому пошла черезчуръ легкомысленно. Въ то время, какъ полу-официальный органъ высказывалъ, такимъ образомъ, мнѣніе двора, всѣ другіе періодическіе органы въ одинъ голосъ требовали свободы печати и немедленнаго созыва генеральныхъ штатовъ. Самые выдающіеся люди либеральной оппозиціи поддерживали эти требованія передъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ. Но ни желаніе народа, ни мнѣніе самыхъ честныхъ людей его государства, ни примѣръ Людовика-Филиппа не были достаточно яснымъ предупрежденіемъ для прусскаго короля. Выиграть время—вотъ единственное, что онъ счелъ возможнымъ сдѣлать при такихъ обстоятельствахъ, гдѣ слѣдовало, наоборотъ, предупредить общественное мнѣніе и какъ можно скорѣе дать большій просторъ свободѣ. На серьезныя требованія, съ которыми къ нему обращались, онъ отвѣчалъ уклончиво, что онъ, «конечно, желаетъ удовлетворить ихъ, но что слѣдуетъ, по его мнѣнію, подождать общихъ мѣръ, которыя приметъ германскій сеймъ». Въ то же время, по его приказу, значительныя боевыя силы концентрировались въ Берлинѣ, въ Потсдамѣ, и Радовицъ отправился въ Вѣну, чтобы переговорить съ австрійскимъ правительствомъ о мѣрахъ, способныхъ задуть революціонное движеніе въ самомъ зародышѣ.

Принцъ прусскій, явный глава абсолютистскаго направленія и крайній сторонникъ русскаго правительства, со своей стороны льстилъ тщеславію офицеровъ арміи и всячески старался отвлечь общественное мнѣніе въ другую сторону, объявляя вызывающимъ тономъ о войнѣ противъ Франціи. Но эта жалкая тактика въ скоромъ времени получила свое наказаніе. Народныя сборища, грубо разгоняемыя солдатами, упорно сходились опять и съ часу на часъ становились все многочисленнѣе. Здѣсь говорились политическія рѣчи, подписывались петиціи и адреса. Муниципальныя и провинціальныя депутаціи, приходившія со всѣхъ сторонъ, изъ рейнскихъ провинцій, изъ Бреславля, изъ Кенигсберга показывали единодушіе этого конституціоннаго движенія, выраженіе котораго было еще, хотя и энѣргично, но вполне легально. Однако, король упорно не хотѣлъ признать очевидныхъ фактовъ. Когда, уставая сопротивляться, онъ снисходилъ принимать одну изъ депутацій, то онъ осмѣивалъ ее или грубо выпроваживалъ, говоря, что *онъ самъ знаетъ, что ему надо дѣлать*. Это означало въ глубинѣ его мысли просто то, что онъ ожидалъ возвращенія Радовица и собранія монарховъ, объяв-

ленного через посредство «Аугсбургской газеты» на 25 марта въ Дрезденѣ.

Представьте же себѣ, его досаду и ужась, когда, вмѣсто ожидаемаго отвѣта, онъ 17 марта получаетъ официальную депешу, извѣщающую о революціи въ Вѣнѣ. Въ то же еще утро Бодельшвингъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, извѣщалъ русскаго посланника, что все *окончено въ Берлинѣ*. Тогда король и его министры поняли, что надо переменить тонъ, и что, вмѣсто того, чтобы сбросить маску, какъ они хотѣли сдѣлать, слѣдовало, напротивъ, тотчасъ же усугубить лицемеріе. Поэтому «Государственная газета» заговорила уже совсѣмъ иначе. «Итакъ, — говорилъ этотъ субсидированный органъ, выражая какъ будто свое удовольствіе, — Австрія наконецъ-то вступила на тотъ путь, на который давно уже стала Пруссія, на путь реформъ.» На этотъ разъ дѣйствія соотвѣтствовали словамъ. 18-го депутація отъ буржуазіи была торжественно принята королемъ; она принесла народу свободу печати и созывъ сейма на 2 апрѣля. Король, кромѣ того, обѣщалъ Германіи союзную конфедерацію, во главѣ которой станетъ Пруссія, взявъ на себя инициативу и какъ бы верховную власть. Отъ самой убогой мансарды до роскошныхъ дворцовъ принцевъ крови — все загорѣлось веселыми огнями иллюминаціи, всюду раздавались крики радости. Громадная толпа народа устремилась къ окнамъ дворца и хотѣла видѣть короля. Принужденный показаться на балконѣ, благодаря настойчивымъ крикамъ, которыми онъ почему то считалъ себя оскорбленнымъ, Фридрихъ-Вильгельмъ, блѣдный и обозленный, вышелъ и неувереннымъ голосомъ объявилъ о вынужденныхъ у него уступкахъ. Народъ привѣтствовалъ его; но воспоминаніе о грубости солдатской силы было еще такъ живо, и внушаемое принцомъ прусскимъ недоверіе было такъ сильно, что тотчасъ же толпа стала громко требовать удаленія войскъ. *Militär fort!* (Прочь военныхъ). Этотъ непріятный для правительства крикъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ раздавался на площади. Тщетно король нѣсколько разъ пытался говорить съ народомъ, хотѣлъ просить, чтобы ему хотя бы дали время на размышленіе; голосъ его покрывали крики толпы. При видѣ этой новой встающей передъ нимъ верховной власти, его неуверенный, какъ всегда, жестъ, не умѣющій ни умолять, ни приказывать, выражалъ только безсиліе.

Сдѣлавъ еще разъ безуспѣшную попытку смягчить народъ, онъ чуть не упалъ въ обморокъ и удалился въ свои покои, чтобы больше не показываться. Тогда-то онъ произнесъ умирающимъ лепетомъ эти недостойныя правителя слова: «Покой! покой! Мнѣ нуженъ только покой!» Были ли эти слова сигналомъ измѣнически задуманнаго нападешя на народъ, или приказъ стрѣлять былъ данъ изъ дру-

того мѣста, какъ бы то ни было, но народъ, безоружный и еще кричащій: «Да здравствуетъ король!» былъ разогнанъ ружейными выстрѣлами, саблями и штыками королевскаго войска, и множество жертвъ искупило на глазахъ короля ошибку, которую сдѣлалъ народъ, присоединивъ его къ своей радости и поблагодаривъ его за его благодѣянія. Теперь въ Берлинѣ, какъ и въ Парижѣ, революція, которая, повидимому, была остановлена, двинулась далѣе. Толпы народа, разогнанныя съ дворцовой площади, бросились по улицамъ съ криками: «Къ оружію!» Завязался бой, упорный бой, благодаря восторженному мужеству рабочихъ съ одной стороны, и дисциплинированной храбрости солдатъ—съ другой. Послѣ борьбы, продолжавшейся шестнадцать часовъ, право восторжествовало; побѣда осталась на сторонѣ народа. Принцъ прусскій бѣжалъ; Фридрихъ-Вильгельмъ торжественно объявилъ народу объ организаціи національной гвардіи, о свободѣ печати и о демократической конституціи. Униженіе было велико: но Фридрихъ-Вильгельмъ заслужилъ большаго и, ему пришлось еще вынести его.

22-го марта, начиная съ полудня, передъ окнами дворца протянулась длинная процессія, которая подвигалась медленно, съ печальными церковными напѣвами. Женщины и дѣвушки въ траурныхъ одеждахъ, съ вѣтками кипариса въ рукахъ открывали шествіе, за ними шли попарно нескончаемой вереницей люди изъ народа, которые несли на плечахъ открытые гробы. За кортежемъ шла сосредоточенная и молчаливая толпа. По мѣрѣ того, какъ можно было лучше рассмотреть окровавленные трупы въ гробахъ, зрителей охватывалъ ужасъ. Никто не посмѣлъ остановить мрачную процессію, когда она, переступивъ ворота, торжественно пошла по двору королевскаго жилища и поставила подъ самыми окнами короля этихъ мертвецовъ съ открытыми, убранными погребальными цвѣтами лицами. Вокругъ cadaго гроба торжественно встала безмолвная семья убитаго. Простоявъ такъ нѣкоторое время, всѣ въ одинъ голосъ затянули погребальный гимнъ. Но это было еще не все: король долженъ былъ выйти на балконъ. Блѣдный, разстроенный, едва держась на ногахъ и держа за руку рыдающую королеву, онъ принужденъ былъ высказать свое раскаяніе и сожалѣніе, послѣ чего кортежъ тронулся, гробы удалились, и Фридрихъ-Вильгельмъ, столь же блѣдный, какъ и трупы, которые только что были показаны ему, вынесъ на рукахъ съ балкона потерявшую сознаніе королеву.

Здѣсь будетъ, можетъ быть, у мѣста указать на ту глубокую разницу, которая при подобныхъ же обстоятельствахъ высказывается между народомъ въ Парижѣ и въ Берлинѣ, между характеромъ нѣмецкой революціи, совершающейся на почвѣ философіи и остающейся почти что созерцательной даже въ своемъ мнѣніи, и тѣмъ

драматическимъ инстинктомъ, который у французовъ весь выражается въ дѣйствіи, извлекаетъ поэзію изъ реальной жизни, даетъ мысли реальный обликъ и, такъ сказать, влагаетъ мечъ въ руку музы. Развѣ когда парижскій народъ подбираетъ своихъ убитыхъ и съ мрачной торжественностью кладетъ ихъ на погребальныя колесницы, онъ понесетъ ихъ процессіей, какъ въ Берлинѣ, къ королю, чтобы насладиться видомъ его ужаса и угрызений его совѣсти? Нѣтъ, нѣтъ! эта отвлеченная мысль не удовлетворитъ французовъ. Въ Парижѣ народъ несетъ своихъ убитыхъ въ народъ и бросается къ Тюильрійскому дворцу не для того, чтобы заставить слушать свой жалобный вопль, чтобы посмотрѣть издали на упавшую безъ чувствъ королеву, но чтобы выгнать изъ дворца не только короля, но и самую королевскую власть.

Когда двѣ величайшія державы средней Европы, Австрійская имперія и Прусское королевство, какъ мы только что видѣли, были вынуждены къ радикальнымъ уступкамъ, второстепеннымъ державамъ стало не подъ силу продолжать борьбу. Всюду общественное мнѣніе высказывалось въ томъ же направленіи, какъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ; всюду это мнѣніе брало верхъ. Въ Мюнхенѣ народъ принуждаетъ стараго короля отречься отъ власти и добивается отъ его пріемника, Максимилиана, свободы печати и отвѣтственности министровъ. Въ Лейпцигѣ возстаніе заставляетъ короля саксонскаго согласиться примкнуть къ германскому парламенту. Въ Ганноверѣ, въ Вюртембергѣ, въ Гессенѣ, въ герцогствѣ Баденскомъ тѣ же демонстраціи и тотъ же результатъ. Гамбургъ, Бременъ и Любекъ преобразуютъ свои конституціи. Шлезвигъ готовится къ войнѣ. Польша угрожаетъ одновременно и Россіи, и Пруссіи, и Австріи и грозитъ увлечь за собой всѣ славянскіе народы. Печать всѣхъ нѣмецкихъ государствъ дѣлаетъ патріотическое воззваніе къ выдающимся людямъ каждой страны и приглашаетъ ихъ составить во Франкфуртѣ подготовительный парламентъ, который установитъ бы правила *народнаго собранія*. Нѣсколько публицистовъ, нѣсколько юристовъ, докторовъ философіи и экономистовъ съѣзжаются въ Гейдельбергъ и назначаютъ открытіе этого парламента на 31 марта. Въ немъ должны принять участіе пятьсотъ нотаблей. Весь внѣшній видъ Германіи долженъ измѣниться.

Эти удивительныя извѣстія или, лучше сказать, эти молвіи, которыя сверкали одновременно на всѣхъ концахъ горизонта, произвели въ Парижѣ невообразимое впечатлѣніе. Въ нихъ совершенно основательно видѣли вѣрный признакъ начала новаго порядка вещей въ Европѣ. Предсказанія социалистовъ исполнялись скорѣе, чѣмъ сами они того ожидали. Народы завоевывали себѣ свободу, признавали себя братьями. Согласно замѣчательной до-

гикъ челоѣческаго прогресса, которую такъ глубоко предчувствовала французская революція, свобода всюду устанавливала за собой братство. Если географическій обликъ материка оставался еще тѣмъ же, чѣмъ сдѣлали его вѣнскіе трактаты, если королевства и княжества сохраняли еще свои названія и свои границы, чувствовалось уже, что освободившіеся умы переступали границы, образовали между народами новыя ассоціаціи, новую группировку понятій и подготавливали, путемъ общаго всей Европѣ движенія, аналогичнаго съ тѣмъ, которое создало христіанскую церковь, какъ бы новую религію разума. Въ томъ, въ чемъ ослѣпленные люди видѣли только слѣдствіе пропаганды эмигрантовъ и агитаціи агентовъ тайныхъ обществъ, болѣе внимательные умы видѣли продуктъ самой исторіи. Даже противники революціи выражали вѣрные сужденія о ней. «Откуда происходитъ, — говоритъ одинъ журналъ, который мнѣ не разъ случается цитировать, потому что онъ служитъ самымъ толковымъ выраженіемъ консервативнаго направленія, — откуда происходитъ та власть, которую молодая Республика захватила надъ старымъ міромъ при самомъ своемъ появленіи? Въ чемъ состоитъ то очарованіе, которое преобразуетъ при этомъ появленіи старыя политическія общества? Въ томъ, что она съ перваго же своего шага произнесла лозунгъ этого вѣка; что она сказала то слово, которое старая конституціонная монархія, заблудившаяся въ принятомъ ею ложномъ направленіи, не умѣла и не хотѣла произнести: она сказала, что имя ея: *демократія* ¹⁾».

Вспомнимъ, что въ это время въ Парижѣ было множество изгнанниковъ всѣхъ національностей: нѣмцевъ, бельгійцевъ, итальянцевъ, поляковъ и т. д. Преслѣдованіе экзальтируетъ людей, а изгнаніе дѣлаетъ ихъ легковѣрными. Всѣ эти изгнанники, при извѣстїи о совершившейся въ ихъ странѣ революціи, исполнились самыми радужными надеждами. Многимъ пришла въ голову пагубная мысль отправиться на родину съ оружіемъ въ рукахъ и провозгласить республику. Безпрестанно являлись въ Ратушу депутаціи съ развѣвающимися знаменами, чтобы просить временное правительство въ виду этихъ цѣлей помочь имъ относительно оружія и средствъ передвиженія. Ихъ поддерживали въ этомъ намѣреніи клубные ораторы ²⁾. Эмигранты иногда забывались даже до угрозъ, когда рѣ-

¹⁾ Revue des Deux-Mondes, № отъ 1-го апр. 1848.

²⁾ Однако, даже въ самыхъ неумѣренныхъ клубахъ, здравый смыслъ и національная гордость не разъ возмущались этими требованіями вольныхъ корпусовъ. Однажды, когда Ворнестедъ явился въ клубъ Бланки просить оружія для экспедиціи въ великое герцогство Баденское, онъ, въ шутку увлеченія собственной рѣчью, высказалъ осужденіе временному правительству и сказалъ, что „можно было бы выдать оружіе потихоньку“.

шенія правительства не отвѣчали ихъ желаніямъ. Ламартинъ, твердо рѣшившійся не содѣйствовать попыткамъ, отъ которыхъ не ожидалъ ничего хорошаго, старался въ обращенныхъ къ эмигрантамъ рѣчахъ и въ своихъ предупрежденіяхъ иностраннымъ правительствамъ ясно выразить рѣшеніе Франціи не вмѣшиваться подобнымъ образомъ въ иностранныя дѣла. Его отвѣтъ ирландцамъ былъ причиной повышенія ренты въ Лондонѣ. Его высокомерный отвѣтъ полякамъ показывалъ, что онъ доводилъ до крайности свое желаніе успокоить державы. Когда нѣмцы и бельгійцы стали готовиться къ отъѣзду, онъ предупредилъ объ этомъ бельгійскаго посланника и баварскаго министра. При слухахъ объ экспедиціи савойцевъ, организовавшейся въ Ліонѣ, онъ предложилъ пьемонтскому королю выставить корпусъ французскихъ войскъ для защиты савойской границы. Такой образъ мыслей и дѣйствій былъ радикально противоположенъ духу, господствовавшему въ совѣщаніяхъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Тамъ, какъ мы уже говорили, вѣровали въ силу внутренняго и внѣшняго утѣшенія и къ нему побуждали, а такъ какъ дѣятельность каждаго изъ министровъ была совершенно независимой отъ дѣятельности другихъ, то, особенно въ данномъ случаѣ, являлась какъ бы нѣкоторая кажущаяся нелойальность, которую можно было бы устранить болѣе строгой концентраціей политическихъ властей. Ни Ламартинъ, ни Ледрю-Роллэнъ, собственно, не имѣли опредѣленныхъ взглядовъ на роль, которую республика заставляетъ играть Францію въ преобразованіи европейскаго строя. И тотъ, и другой имѣли о немъ довольно смутное понятіе. Но Ламартинъ, по крайней мѣрѣ, оставался послѣдовательнымъ, устраняя опасность общей войны отказомъ содѣйствовать тѣмъ маленькимъ тайнымъ экспедиціямъ, исходъ которыхъ не могъ быть удачнымъ, тогда какъ Ледрю-Роллэнъ, какъ мы увидимъ далѣе, не сумѣлъ ни устранить ихъ, ни помѣшать имъ и допустилъ, чтобы на его глазахъ затѣвались предпріятія, позорный исходъ которыхъ нанесъ первый ударъ тому величію и той силѣ, которыя внушало всей Европѣ имя Республики.

Между лицами, имѣвшими вліяніе на министра внутреннихъ дѣлъ, особенно сочувствовалъ идеѣ вооруженной пропаганды Косидьеръ. Его обошли главнымъ образомъ бельгійскіе эмигранты. Прогнать изъ Брюсселя зятя Людовика - Филиппа и провозгласить бельгійскую республику казалось ему самымъ легкимъ дѣломъ. Въ первыхъ числахъ марта онъ сказалъ объ этомъ Ледрю-

Слова эти встрѣтили сильный ропотъ и заставили Борнстеда взять свои слова обратно и объявить, что онъ *уважаетъ мотивы совѣта*. Тогда народъ не любилъ, чтобы дурно отзывались о его правительствѣ.

Роллэну и сообщилъ ему планъ кампаніи. Онъ сказалъ, что 2,000 бельгійскихъ эмигрантовъ готовы къ отъѣзду. Если министръ согласится предоставить имъ сумму въ 100.000 фр. и дать имъ 2,000 человекъ незанятой муниципальной гвардіи, которыхъ держатъ подъ рукой въ Бомонъ-на-Уазъ, успѣхъ можетъ считаться обезпеченнымъ. Коммиссаръ Республики въ сѣверныхъ департаментахъ, Делеклюзъ, со своей стороны, писалъ въ томъ же духѣ, какъ и Коссидьеръ, и просилъ оружія. Но Ледрю-Роллэнъ въ этотъ день и въ слѣдующіе, несмотря на настоятельныя просьбы Коссидьера и эмигрантовъ, отказался, какъ министръ, отъ всякой нерегулярной траты. Онъ обѣщался только содѣйствовать экспедиціи своимъ личнымъ вліяніемъ и разрѣшить бесплатный проѣздъ эмигрантамъ. Но вскорѣ Делеклюзъ добился отъ него гораздо болѣе компрометирующаго содѣйствія, а именно приказа военнаго министра генералу Негріе, командовавшему 16-й дивизіей, выдать коммиссару республики 1,500 ружей изъ Лилльскаго арсенала будто бы для вооруженія національной гвардіи.

Въ это время эмигранты, обманутые Коссидьеромъ, который придавалъ чрезмѣрное значеніе выраженіямъ сочувствія, вырываемымъ ими у Ледрю-Роллэна, готовились къ отъѣзду. Отставной кавалерійскій офицеръ бельгійской службы, по имени Фоссъ, организуетъ, съ согласія парижскаго мэра, черезъ посредство бюро, открытаго съ этой цѣлью въ Ратушѣ, колонну, въ которую открыто поступаютъ добровольцы. Другую колонну организовалъ виноторговецъ изъ Менильмонтана Блервакъ, имѣвшій непосредственныя сношенія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Между обѣими колоннами, начальники которыхъ укоряли одинъ другого въ провокаторствѣ на жалованьи у посольства, возникли раздоры. Какъ бы то ни было, но принцу де-Линь, дѣйствительно, было извѣстно все, и черезъ него бельгійское правительство въ точности знало день и часъ, когда обѣ революціонныя колонны, насчитывающія каждая около 1,200 человекъ, должны были сѣсть на поѣздъ, отправляющійся въ Бельгію. Была ли то измѣна или просто недосмотръ, но вагоны поѣзда, отправившагося съ первой колонной, были прицѣплены въ Валансьенѣ къ бельгійскимъ паровозамъ, которые провезли ихъ до Клеврена. Здѣсь ихъ встрѣтилъ на дебаркадерѣ баталіонъ бельгійскихъ войскъ, и послѣ того, какъ французъ въжливимъ образомъ выпроводили за границу, бельгійцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые были рецидивисты, направили въ тюрьмы ихъ мѣстожительства. Вторую колонну ждала, хотя нѣсколькими днями позже, не болѣе счастливая судьба. Подъ командой четырехъ воспитанниковъ Политехнической школы, посланныхъ правительствомъ, чтобы *сопровождать эмигрантовъ*, ко-

лонна оставалась два дня въ Секлэвѣ, гдѣ по приказанію комиссара ей выдали 1,500 ружей, патроны и нѣкоторую сумму денегъ. Между тѣмъ, военный министръ, извѣщенный генераломъ Негріе, командовавшимъ въ Диллѣ, о проектѣ вооруженнаго вторженія, о которомъ говорили между собой эмигранты, послалъ воспитанникамъ Политехнической школы приказъ немедленно вернуться въ Парижъ, „такъ какъ временное правительство,—говорилось въ этой депешѣ, не намѣрено ни нападать, ни помогать нападенію на бельгійскую границу“.

Увидѣвъ, какой оборотъ принимаетъ дѣло, Делеклюзъ, поставленный въ неловкое положеніе относительно эмигрантовъ, требовавшихъ отъ него исполненія обѣщаній, поспѣшно написалъ Ледрю-Роллэну слѣдующій вопросъ: «слѣдуетъ ли разрѣшать бельгійцамъ перейти границу?» Въ виду крайней спѣшности онъ просилъ, чтобы ему отвѣтили по телеграфу просто-на-просто да или нѣтъ, безъ всякихъ объясненій. Ледрю-Роллэнъ велѣлъ отвѣтить нѣтъ. По ошибкѣ въ телеграфныхъ знакахъ отвѣтъ не былъ доставленъ, и эмигранты, которыхъ нельзя было задерживать долѣе, выступили въ походъ. 23 марта они, подъ командой одного контрабандиста, направились къ границѣ, въ Бусбекъ. По чьему-то внушенію, которое потомъ было сочтено злонамѣреннымъ, маршрутъ былъ измѣненъ, и колонна, проблуждавъ по полю всю ночь, среди бѣла дня очутилась у бельгійской таможни. Пѣхотный полкъ и нѣсколько взводовъ стрѣлковъ, очевидно предупрежденные, выходятъ изъ засады и открываютъ огонь; экспедиціонная колонна отвѣчаетъ; но послѣ борьбы, длившейся около часу, бѣжить и, перейдя на французскую территорію, собирается у деревни Risquons-Tout (Рискнемъ всѣмъ), которая въ довершеніе злополучія оставляетъ этой неудачной экспедиціи смѣшную кличку.

Никто, можетъ быть, за исключеніемъ Делеклюза и Косидьера, не удивился такому результату. Только ихъ полное невѣдѣніе иностранной политики могло породить въ нихъ мысль, будто Бельгія въ данный моментъ желаетъ ниспроверженія своего правительства. Послѣдніе выборы, давшіе большинство либеральной партіи, подавали надежду на широкія выборныя и муниципальныя реформы, поднимавшія патріотическое чувство. Духовенство, которое съ помощью ревностной католички-королевы легко примирилось съ довольно индифферентнымъ протестантомъ-королемъ, помогало своимъ вліяніемъ сближенію конституціонныхъ партій. Многочисленныя отпаденія отъ радикальной партіи дали либерализму рѣшительный перевѣсъ. Фландрія, долгое время тяготившая къ Франціи, также желала, въ интересахъ своей торговли, таможеннаго союза съ Голландіей, гдѣ король отмѣнялъ старыя стѣсни-

тельныя для свободы постановленія. При такихъ обстоятельствахъ, послѣдствія экспедиціи „Рискнемъ всѣмъ“, выразились въ томъ, что національная связь стала еще крѣпче, и что на долгое, можетъ быть, время утвердилось недовѣріе къ французскому вліянію.

Подобный же результатъ имѣла и экспедиція въ Савойю, экспедиція, въ которой Ледрю-Роллэнъ не принималъ никакого участія, и которой лійонскій комиссаръ всѣми силами старался помѣшати ¹⁾. Революціонная колонна въ 2,000 человекъ взяла Ратушу города Шамбери внезапнымъ нападеніемъ; но при звукахъ набата крестьяне сбѣжались на помощь національной гвардіи и послѣ весьма короткой борьбы отняли городъ у революціонеровъ.

Экспедиція нѣмецкихъ вольныхъ корпусовъ, проникшихъ въ великое герцогство Баденское, не была ни лучше подготовленной, ни болѣе удачной. Уступки, сдѣланныя великимъ герцогомъ при первомъ извѣстіи о революціи въ Парижѣ, господствовавшему въ его государствѣ, сильно демократическому духу, отмѣна феодальныхъ правъ, свобода печати, участіе въ нѣмецкомъ парламентѣ и тому подобныя декретированныя 4 марта мѣры удовлетворили общественное мнѣніе. Въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ, какъ и во всей Германіи, отъ этого парламента ожидалось спасеніе всей страны, и вооруженное провозглашеніе республики въ такой моментъ было какъ нельзя болѣе несвоевременнымъ.

Слабость, выраженная въ этомъ случаѣ министромъ внутреннихъ дѣлъ, нанесла первый ударъ его значенію. Между тѣмъ, какъ Коссидьеръ и Клубье обвиняли Ледрю-Роллэна въ нелойальности, политическіе дѣятели видѣли въ этихъ экспедиціяхъ, предпринятыхъ до извѣстной степени и съ нимъ, и противъ его воли, всю нерѣшительность его характера и то отсутствіе авторитета, о которомъ я говорила раньше и которое, несмотря на его революціонный жаръ и талантливость, отнимало у него надежду когда-либо быть руководителемъ или господиномъ въ какомъ бы то ни было дѣлѣ.

Эти первыя неудачи, которыя легко было предвидѣть, эти попытки, которыя такъ легкомысленно вторгнулись въ самостоятельное движеніе національностей, нанесли огромный вредъ самой революціи. Онѣ доставили иностраннымъ государямъ неотразимые аргументы относительно оскорбленнаго самолюбія народовъ и всюду

¹⁾ „Министръ и публика, — писалъ сардинскій посланникъ министру иностранныхъ дѣлъ, — вполне убѣждены теперь, что правительство французской республики не побуждало къ этому, и что если бы оно захотѣло даже косвеннымъ образомъ вмѣшаться въ него, то борьба была бы несравненно серьезнѣе.“ (См. рѣчь Ламартина въ Учредительномъ Собраніи 23 мая 1848 г.).

послужили, въ ущербъ Франціи, сигналомъ реакціи, которой монархическія партіи воспользовались съ большою ловкостью. Чѣмъ выше была миссія французской республики въ Европѣ, тѣмъ большую слѣдовало соблюдать осторожность.

Какъ внутри, такъ и внѣ государства эта миссія могла быть выражена однимъ словомъ, представляющимъ формулу демократическаго прогресса: *ассоціація*.

Ассоціація свободныхъ гражданъ внутри французскаго государства; конфедерація или ассоціація свободныхъ правительствъ естественными группами внутри обще-европейскаго государственнаго строя — все это выражало, въ сущности, одинъ принципъ и одну цѣль. Но, чтобы приблизиться къ этой цѣли, необходимы были одновременно и обширный философскій взглядъ, и строго размѣренное политическое дѣйствіе. Если философія считаетъ свое существованіе вѣками, то политика считаетъ его днями. То, что первая предвидитъ, вторая подготавливаетъ. Если бы правительство республики обладало полнымъ сознаніемъ нуждъ настоящаго и будущаго, сознаніемъ, лежащимъ въ основѣ сужденія государственныхъ дѣятелей, оно могло бы начертать планъ и начать реализацію объединенія Европы; подобную, можетъ быть, тому національному объединенію, которое совершила монархія на раздѣленной территоріи старой Галліи. Но революція 1848 г. не предоставила власти ни своимъ философамъ, ни своимъ политическимъ дѣятелямъ. Ею овладѣлъ и управлялъ духъ партій. Но этотъ духъ, который ничего не предвидитъ, ничего не подготавливаетъ, составляетъ полнѣйшую противоположность какъ философіи, такъ и политики.

Мы видѣли уже изъ предыдущаго и увидимъ изъ послѣдующихъ событій, что духъ партій, опрометчиво бросившись на путь, не имѣющій исхода, испортилъ и спуталъ все. Онъ на долгое время сдѣлалъ непримиримыми врагами и людей спекулятивныхъ теорій, и людей практической жизни, которые одни только соединенными усилиями могли достигнуть во французскомъ и въ европейскомъ государствѣ естественнаго и прочнаго прогресса.

XXVI.

Послѣдствія 17-го марта.—16-е апрѣля.—Генераль
Шангарнье.—Праздникъ братства.

Манифестація 17-го марта (это названіе осталось за длинной процессіей корпорацій и клубовъ, цѣль, порядокъ и исходъ которой я описалъ въ предыдущей главѣ) произвела на всѣхъ глубокое впечатлѣніе. Могущество пролетаріата въ Парижѣ стало очевиднымъ для всѣхъ. Разъ пролетаріи оказывались способными къ дисциплинѣ и организаціи однимъ уже тѣмъ, что умѣли регулировать свои движенія, сдерживать страсти и изъ смутнаго состоянія *массы* подняться до яснаго понятія *числа*, они дѣлались страшной силой; и отъ необходимости подчиняться ихъ законамъ, казалось, нельзя было уже уклониться. Въ то же самое время, по какой-то странной аномаліи, въ провинціяхъ наблюдалось противоположное теченіе общественнаго мнѣнія, и со всѣхъ сторонъ приходили заявленія, что выборы въ національную гвардію, по всей вѣроятности, дадутъ большинство для консервативной буржуазии.

Эта противоположность одновременныхъ фактовъ, этотъ рѣзкій контрастъ между неоспоримымъ торжествомъ революціонной партіи въ Парижѣ и почти несомнѣнной неудачей ея въ департаментахъ внушили вожакамъ революціонной партіи мысль, которая еще болѣе запутала дѣло и причинила значительный вредъ интересамъ демократіи. Они рѣшили, дѣйствительно, между собой, что необходимо отсрочить выборы, которыми они не могли овладѣть, и воспользоваться продолженіемъ временнаго состоянія, чтобы ухватиться за первый удобный случай свергнуть большинство правительства и передать диктаторскую власть радикаламъ и социалистамъ самыхъ крайнихъ мнѣній. Мы увидимъ, что эта антиполитическая комбинація, эти заговоры и тайныя интриги привели къ совершенно неожиданной и совершившейся при свѣтѣ дня развязкѣ, измѣнившей все теченіе событій и сдѣлавшейся для пролетаріата началомъ цѣлаго ряда неудачъ, заставившихъ его потерять мало по малу всѣ тѣ преимущества, которыя приобрѣлъ въ нѣсколько часовъ, которыми онъ воспользовался съ великодушіемъ, даже съ величіемъ, но безъ достаточной сознательности и осмотрительности.

Минутный эффектъ манифестаціи 17-го марта далъ преобладающее вліяніе Луи-Блану и Ледрю-Роллану въ совѣтѣ временнаго правительства; но ни тотъ, ни другой не сумѣли имъ воспользоваться.

Луи-Бланъ, совершенно лишенный политическаго чутія, удовольствовался пустою демонстраціей въ пользу рабочихъ и мѣрой, польза которой была сомнительна. По его просьбѣ временное правительство сдѣлало оффиціальныя визиты собранію въ Люксембургѣ и разрѣшило отправку въ департаменты нѣсколькихъ рабочихъ въ качествѣ избирательныхъ агентовъ, послѣ чего Луи-Бланъ, не совѣтуясь болѣе съ Ледрю-Роллэномъ, ни съ кѣмъ-либо изъ другихъ вожаковъ революціонной партіи, возобновилъ свои собранія, гдѣ говорилось много красивыхъ рѣчей, обнаруживавшихъ, однако, отсутствіе здравыхъ плановъ, и поддерживались въ пролетаріяхъ такія иллюзіи, за которыми должно было послѣдовать, какъ то уже было видно проницательнымъ умамъ, скорое и неизбежное пробужденіе.

Ледрю-Роллэнъ, съ своей стороны, хотя и лучше, чѣмъ Луи-Бланъ, зналъ объ общемъ положеніи дѣлъ и болѣе, чѣмъ онъ, былъ способенъ понимать, по крайней мѣрѣ минутами, то, чего требовало крайнее разнообразіе мнѣній и интересовъ, раздѣляющихъ Францію, всетаки дѣйствовалъ подъ вліяніемъ наиболѣе ослѣпленныхъ и опрометчивыхъ изъ своихъ друзей, увлекавшихъ его къ опаснымъ предпріятіямъ.

Если бы Ледрю-Роллэнъ слушался только самого себя, онъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ его коллегъ, постарался бы сократить трудное для страны временное состояніе. Онъ всей душой желалъ установленія прочной власти, іерархіи твердо опредѣленныхъ полномочій и не смѣшивалъ распушенности со свободой. Поэтому въ самый вечеръ 17 марта, онъ, несмотря на опьянившую народъ побѣду, съ большою энергіей противился требованію толпы удалить войска и даже рискнулъ своею популярностью, окончивъ свою рѣчь восклицаніемъ: *«да здравствуетъ армія!»* И это было не минутное увлеченіе, такъ какъ онъ въ то же время принималъ вмѣстѣ со своими коллегами серьезныя мѣры для возвращенія нѣсколькихъ полковъ въ Парижъ. Хотя онъ и подписалъ вмѣстѣ съ другими членами временнаго правительства отсрочку выборовъ въ національную гвардію на 5 апрѣля и казался сочувствующимъ отсрочкѣ выборовъ въ Національное Собраніе, онъ лояльно спрашивалъ у комиссаровъ ихъ мнѣнія относительно пользы или неудобства этой отсрочки прежде, чѣмъ принять окончательное рѣшеніе.

Къ несчастью, окружающіе министра внутреннѣе дѣла были одержимы честолюбивыми стремленіями. Они хотѣли вмѣстѣ съ нимъ и черезъ него революціоннымъ путемъ управлять Франціей. Эта мечта нѣсколькихъ увлекающихся людей принимала съ каждымъ днемъ болѣе реальныя формы, благодаря непосредственному и весьма дѣйствительному вліянію Коссидьера. Мало по малу мечта

превратилась въ проектъ, а отъ проекта до заговора для людей, привыкшихъ къ тактикѣ тайныхъ обществъ, былъ только шагъ. Не принимая въ немъ активнаго участія, Ледрю-Ролленъ иногда разсѣянно, иногда внимательно выслушивалъ рѣчи конспираторовъ. Принимая противъ нихъ вышеупомянутыя мѣры и торопя возвращеніе войскъ, онъ въ то же время не отговаривалъ ихъ отъ ихъ намѣреній и давалъ волю ихъ рвенію. Жоржъ Зандъ была однимъ изъ наиболѣе энергичныхъ агентовъ заговора, менѣе въ интересахъ Ледрю-Роллена, нежели Луи-Блана. Она привела съ собой Барбеса и старалась дѣйствовать въ этомъ направленіи на рабочихъ, которыхъ собирала каждый вечеръ въ маленькой квартирѣ, гдѣ она остановилась, по близости Люксембурга. Къ концу вечера она отправлялась въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ собирался небольшой кружокъ посвященныхъ, между которыми замѣчались Жюль Фавръ, Ландренъ, Порталисъ, Картеръ, Этьеннъ Араго, Барбесъ и др. Здѣсь, въ присутствіи Ледрю-Роллена, а иногда и безъ него, обсуждали средства передать въ его руки судьбу Республики. Средства эти, послѣ успѣха 17-го марта, казались очень легкими. Собрать подъ какимъ бы то ни было предлогомъ всѣхъ пролетаріевъ, держать наготовѣ ружья и заряды,—что было тѣмъ легче, что префектъ полиціи былъ на сторонѣ революціонной партіи,—войти въ Ратушу, выгнать оттуда тѣхъ членовъ временнаго правительства, которые не понравятся—что могло быть проще этого и выполнимѣе? Одно только, но довольно важное обстоятельство озабочивало заговорщиковъ. Всѣ видѣли, какъ 17-го марта Бланки неожиданно выступили на сцену и въ четверть часа чуть было не повернули въ свою пользу результатъ этого дня, давно уже подготовляемаго и помимо него организованнаго его противниками. Кто же поручится, что столь опытный, по отношенію къ заговорамъ, человѣкъ не проникъ уже того, что готовится теперь, и не сумѣетъ обратить этотъ заговоръ въ свою пользу?

Было извѣстно, что вліяніе Бланки въ клубахъ все усиливалось. Поэтому казалось необходимымъ и чрезвычайно политичнымъ подорвать это вліяніе. На случай, если бы этотъ замыселъ не удалось исполнить достаточно скоро, стали искать средства отдѣлаться отъ Бланки тотчасъ по побѣдоносномъ захватѣ Ратуши.

Случайность помогла исполненію перваго изъ этихъ замысловъ. Между бумагами, найденными въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, попался докладъ Дюшателя отъ 22 октября 1839 г. относительно заговора 12 мая. Этотъ докладъ, который былъ не подписанъ, но отличался особеннымъ и очень рѣзкимъ слогомъ, позволявшимъ заключать объ его авторѣ, содержалъ подробности организациі тайныхъ обществъ и въ особенности свѣдѣнія о лицахъ, устроившихъ за-

говоръ 12 мая. Въ совѣтѣ временнаго правительства никто не усомнился въ подлинности документа, такъ какъ онъ подтверждалъ давнишнія подозрѣнія относительно политической честности его предполагаемаго автора. Всѣ увидѣли въ немъ вѣрное средство погубить опаснаго врага и тотчасъ же вошли въ переговоры съ однимъ писателемъ республиканской партіи, Ташеро, по поводу напечатанія *Обозрѣнія* (Revue), составленнаго изъ историческихъ документовъ, относящихся къ павшей монархіи. Вышеупомянутый докладъ открывалъ собой серію этихъ документовъ.

Первый номеръ этой «Revue rétrospective» появился 31 марта. Это былъ ударъ грома. Лишь только Барбесъ пробѣжалъ первыя строки доклада, какъ, дрожа отъ негодованія, ни на минуту не допуская предположенія о подлогѣ, назвалъ Бланки. Одинъ только Бланки, кромѣ Барбеса, зналъ всѣ ближайшія и мельчайшія обстоятельства заговора. Слѣдовательно, доносчикомъ могъ быть только или Бланки, или Варбесъ. Поставить вопросъ такимъ образомъ, значило разрѣшить его.

Въ клубахъ поднялся страшный шумъ. Бланки, не ожидавшій этого удара, протестовалъ въ своемъ клубѣ противъ документа, который не былъ ни написанъ, ни подписанъ его рукой, и объявилъ, что не будетъ видѣться ни съ кѣмъ до своего полного оправданія. Клубъ Барбеса, съ своей стороны, требовалъ, чтобы Бланки объяснился передъ судомъ чести, которому поручено будетъ разобратъ это дѣло, выслушать свидѣтелей и произнести приговоръ; но Бланки не признавалъ этого суда и не хотѣлъ явиться передъ нимъ. Черезъ восемь дней онъ напечаталъ свой отвѣтъ, который былъ не столько его собственнымъ оправданіемъ, сколько обвиненіемъ своихъ обвинителей. Распайль, который, несмотря на свой подозрительный характеръ, одинъ только защищалъ Бланки въ печати, находилъ, правда, что отвѣтъ *заставилъ себя ждать немного долго*; но онъ оправдывалъ это тѣмъ, что Бланки вышелъ изъ тюрьмы *изнуренный, неспособный на какой бы то ни было тяжелый трудъ*, и заканчивалъ требованіемъ, чтобы Ташеро предсталъ на судъ народа. «Торжествуютъ лишь предъ лицомъ народа,—восклидалъ Распайль,—а передъ судьями, которые находятся подъ вашимъ давленіемъ, людей только притѣсняють» ¹⁾.

Заступничество такого недовѣрчиваго человѣка, какъ Распайль, возвратило мужество сторонникамъ Бланки, смущеннымъ на минуту тѣмъ, что онъ былъ поставленъ рядомъ съ презрѣннымъ Делагодомъ. Они снова поднимали голову и въ свою очередь стали грозить. Между тѣмъ, судъ чести, предсѣдателями котораго были Шельхеръ

¹⁾ «Ami du Peuple», № отъ 16 апрѣля 1848 г.

и Этьеннъ Араго, а членами Ламбессанъ, Каба, Дюпоти, Ланглуа, Прудонъ и Лашамбоди, открылъ свои засѣданія; онъ призывалъ въ свидѣтели всѣхъ товарищей Бланки по заключенію въ Дулланъ и въ Монъ-Санъ-Мишелъ. Собрали много фактовъ, которые могли дать нѣкоторое нравственное убѣжденіе, но изъ которыхъ ни одинъ не составлялъ собственно юридическаго обвиненія ¹⁾. Мало по малу дебаты утратили свой интересъ: протоколы накаплились, не принося никакого матеріальнаго доказательства. Вскорѣ потокъ событій повлекъ обвинителей и обвиняемаго къ одному политическому разгрому.

Однако Бланки, какъ только очнулся отъ поразившаго его удара, своимъ тонкимъ чутьемъ понялъ, что вмѣсто того, чтобы тщетно оправдываться передъ столь сильно предубѣжденными людьми, какъ Барбесъ, Ламбессанъ, Мартенъ Бернаръ и другіе, которые заставили огромное большинство членовъ суда чести раздѣлить ихъ мнѣніе, необходимо отвлечь вниманіе отъ этого дѣла, агитировать рабочихъ, увлечь ихъ на какое-нибудь отчаянное дѣйствіе, выказать себя болѣе революционеромъ, чѣмъ всѣ обвинители, и, такимъ образомъ, снова приобрести то преимущество, которое неизбежно имѣетъ въ глазахъ толпы дѣйствіе надъ словомъ, смѣлость надъ благоразуміемъ.

Сгущая вокругъ себя мракъ тайны, что было однимъ изъ его главныхъ притягательныхъ средствъ, онъ остался въ сношеніяхъ лишь съ очень небольшимъ числомъ беззавѣтно преданныхъ ему

¹⁾ Вслѣдствіе жалобы о диффамацин, поданной къ концу апрѣля Ташеро противъ Бланки, трибуналъ первой инстанціи допросилъ свидѣтелей Паскье, Занджіакоми, Дюфора и др. Дюфоръ, который въ 1839 г. былъ министромъ, заявилъ, что въ это время Бланки просилъ свиданія съ однимъ изъ членовъ правительства, что Дюшатель три раза былъ въ тюрьмѣ у Бланки, который сдѣлалъ ему важныя сообщенія. Нѣкоторые изъ членовъ суда чести распустили слухъ, что Бланки для того, чтобы получить прощеніе послѣ 12 мая, согласился открыть министру внутреннихъ дѣлъ подробности заговора. Онъ будто бы продиктовалъ своей женѣ этотъ документъ, и она, по заключенному съ Дюшателемъ уговору, нѣсколько разъ читала ему этотъ докладъ, каждый разъ уничтожая прочитанные листки; но спрятанный за драпировкой стенографъ писалъ по мѣрѣ того, какъ г-жа Бланки читала этотъ документъ, въ которомъ Барбесъ и его друзья узнавали не только слогъ Бланки, но и нѣкоторые мало употребительные обороты рѣчи, которые онъ, однако, употреблялъ очень часто. Защита Бланки состояла главнымъ образомъ въ утвержденіи, что документъ вымышленъ. Нѣкоторые изъ его друзей допускали предположеніе, что жена его могла, въ минуту слабости, сообщить безъ вѣдома мужа эти свѣдѣнія, чтобы спасти его жизнь. Большинство же усматривало въ публікаціи Ташеро маневръ реакціи, чтобы погубить опаснаго врага, и популярность Бланки отъ всей этой исторіи серьезно не пострадала.

людей, которые даже ни на минуту не усомнились въ немъ и преданность которыхъ еще увеличилась пламеннымъ желаніемъ отмстить за оскорбленную честь своего вождя. Съ помощью этихъ весьма дѣятельныхъ людей, находившихся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ рабочими, онъ всюду усиливалъ чувство страха, внушаемое близостью выборовъ. Онъ заставлялъ своихъ сторонниковъ говорить, повторять, снова и снова доказывать; что національное собраніе будетъ состоять изъ однихъ роялистовъ, и что если не удастся не допустить до него, то и революція, и республика погибли. Такимъ образомъ, онъ поддерживалъ тревогу въ умахъ, возбуждалъ надежду на какое-нибудь рѣшительное дѣйствіе и намѣревался, какъ онъ уже пытался сдѣлать 17 марта, овладѣть диктатурой въ ту самую минуту, когда его враги, дѣйствія которыхъ ему извѣстны, вообразятъ себя господами Ратуши.

Первая половина апрѣля прошла такимъ образомъ: готовились въ Люксембургѣ ко второй манифестаціи, достаточно импозантной, чтобы свергнуть во временномъ правительствѣ партію, которую Луи-Бланъ считалъ уже пораженной на смерть 17 марта; шла непрерывная конспиративная работа въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и въ особенности въ полицейской префектурѣ, гдѣ Коссидьеръ служилъ посредникомъ между замыслами Луи-Блана и комбинаціями Ледрю-Роллена, но не признаваясь въ этомъ ни тому, ни другому, такъ какъ онъ зналъ, что они не могутъ дѣйствовать сообща; наконецъ, вокругъ Бланки, какъ я уже говорила, организовалась, на почвѣ заговора, особая конспирація, имѣвшая цѣлью дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ и какъ позволить судьба. Вотъ каковы были странныя complicatіи взрыва, ожидавшагося въ Парижѣ со дня на день.

Ламартинъ видѣлъ надвигающуюся грозу, и въ умѣ его, столь твердомъ, пока онъ чувствовалъ себя популярнымъ, начали возникать сомнѣнія и беспокойство. Событія 17 марта глубоко потрясли его. До тѣхъ поръ онъ былъ увѣренъ въ своемъ вліяніи на народъ; онъ думалъ, что онъ царитъ надъ волей толпы, потому что очаровываетъ воображеніе; въ этотъ день заблужденіе его разъяснилось. Онъ уже видѣлъ, какъ меркла его звѣзда. Несмотря на извѣстія, получаемыя имъ со всѣхъ сторонъ относительно непремѣннаго исхода выборовъ въ духѣ его политики, онъ уже не имѣлъ довѣрія къ самому себѣ съ тѣхъ поръ, какъ присутствовалъ на смотрѣ арміи пролетаріевъ. Триумфъ Ледрю-Роллена ослѣплялъ его. Ему казалось, что вся сила революціи сконцентрируется на этомъ счастливомъ соперникѣ, и онъ упрекалъ себя въ томъ, что не достаточно высоко оцѣнилъ его политическое значеніе.

Съ этой минуты его отношеніе къ Ледрю-Роллану измѣнилось.

Онъ сблизился съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, сталъ льстить ему и употреблять все очарованіе своего ума, чтобы приобрести вліяніе на него. Онъ нарисовалъ ему рельефную картину опасностей, которымъ онъ подвергался, благодаря союзу съ ультра-революціонерами; онъ показавъ ему Бланки, который, укрываясь въ тѣни, исподтишка подкладываетъ мину подъ всѣми его путями, строить засады, точить кинжалы и каждую минуту готовится подать сигналъ, который погубить не только его и его друзей, но и республику.

Въ то время, какъ онъ, такимъ образомъ, старался отдалить Ледрю-Роллена отъ заговоровъ и пользовался именемъ Бланки, чтобы напугать его, самъ онъ тайно видѣлся со знаменитымъ вождемъ заговорщиковъ и на немъ также пробовалъ обаяніе своей рѣчи, не гнушаясь даже сходиться съ самыми незамѣтными изъ уличныхъ агитаторовъ. Вслѣдствіе своей артистической организаціи, онъ вносилъ въ эти сношенія гораздо менѣе лицемерія, чѣмъ ему приписывали потомъ. Конечно, когда онъ шелъ къ Ледрю-Роллену, когда онъ рѣшался видѣться съ Бланки, Распайлемъ, Кабэ, де-Флоттомъ и др., онъ дѣлалъ это изъ политическаго расчета, но какъ только онъ сходилъ съ этими пылкими людьми, такъ до извѣстной степени подпадалъ ихъ вліянію. Возбужденный разговоромъ съ этими экзальтированными головами, онъ самъ заряжался какимъ-то революціоннымъ электричествомъ; онъ понималъ, онъ до извѣстной степени испытывалъ лихорадочное состояніе этихъ мятежныхъ душъ. Благодаря особенной способности поэта, онъ начиналъ говорить ихъ языкомъ, сочувствовать ихъ планамъ. Онъ не обманывалъ ихъ, протягивая имъ руку, которая никогда потомъ не подписала никакой насильственной мѣры противъ нихъ. Въ этомъ случаѣ ни Ламартина, ни Ледрю-Роллена нельзя обвинить въ преднамѣренной двуличности. Вслѣдствіе порыва своего воображенія, онъ казался иногда тѣмъ, чѣмъ Ледрю-Ролленъ былъ по слабости характера: чересчуръ подвижнымъ и измѣнчивымъ, смотря по впечатлѣнію минуты и по обстоятельствамъ; но онъ никогда не былъ сознательно коварнымъ; онъ обманывалъ людей настолько же, насколько обманывалъ самого себя.

Его въ высшей степени доброжелательный и доступный складъ ума выказывается въ той прелестной манерѣ, съ которой онъ рассказываетъ свое первое свиданіе съ Бланки ¹⁾. Одинъ морской офицеръ, принадлежавшій къ фаланстерійской школѣ, де-Флоттъ, привелъ страшнаго конспиратора въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Въ ту минуту формальныя обвиненія, слухи самаго мрачнаго свойства,

¹⁾ *Histoire de la révolution de 1848*, т. II, стр. 232 и слѣд.

всякаго рода подозрѣнія и удвоившійся фанатизмъ его приверженцевъ образовали вокругъ Бланки какъ бы невидимую свиту страшилищъ. Всѣ считали его способнымъ на все и могущимъ все. Каждый день Ламартина предубѣждали, что сторонники Бланки въ слѣдующую ночь его похитятъ, запрутъ куда-нибудь, убьютъ, наконецъ. Друзья не покидали его. Они сторожили его, вооруженные, у дверей его комнаты, по ночамъ, приворавливая въ домъ все для противодѣйствія осадѣ или для бѣгства. Слуги, вопреки шуткамъ Ламартина, были въ страшномъ безпокойствѣ. Поэтому легко себѣ представить изумленіе этихъ преданныхъ тѣлохранителей, когда утромъ 15 апрѣля какой-то человѣкъ мрачнаго вида, бѣдно одѣтый, съ двумя или тремя незнакомыми личностями является въ министерство иностранныхъ дѣлъ и проситъ доложить о немъ Ламартину, называя себя Бланки. Такая смѣлость хоть кого могла привести въ замѣшательство. Но изумленіе достигло своего апогея, когда минуты черезъ двѣ дверь кабинета министра отворилась и тотчасъ же затворилась за тѣмъ, котораго здѣсь считали его смертельнымъ врагомъ.

Свиданіе продолжалось такъ долго, что могло дать поводъ ко всевозможнымъ толкованіямъ. Что тамъ произошло на самомъ дѣлѣ, этого, вѣроятно, никто никогда не узнаетъ достоверно. Вѣрно только то, что впечатлѣніе, вынесенное изъ этого свиданія Ламартиномъ и сообщенное имъ въ тотъ же вечеръ людямъ, сильно предубѣжденнымъ, не было неблагопріятнымъ по отношенію къ Бланки. По мнѣнію Ламартина, Бланки былъ человѣкъ озлобленный, но не дурной: умъ заблуждающійся, но способный выйти на правильный путь; уязвленное сердце, но способное еще сильно биться подъ той непроницаемой оболочкой, которой онъ окружилъ его. Наконецъ, Бланки, по его словамъ, какъ человѣкъ и какъ гражданинъ, не былъ недостойнъ того энтузіазма и той преданности, которые внушалъ къ себѣ.

Въ то время, какъ Ламартинъ обаяніемъ своего краснорѣчія, своимъ разговоромъ, которому онъ умѣлъ придавать интимно-конфиденціальныя черты, старался разсвѣять элементы заговора; въ то время, какъ онъ совѣщался съ генераломъ Негріе о планѣ сопротивленія въ департаментахъ на случай, если Парижемъ овладѣютъ заговорщики, прочіе члены большинства совѣта также не оставались въ бездѣйствіи.

Принужденные на другой день послѣ манифестаціи 17 марта притвориться довольными и объявить свою благодарность народу ¹⁾,

¹⁾ См. въ „Moniteur“ отъ 19 марта—прокламацію временнаго правительства и приказъ генерала Куртэ національной гвардіи.

дать радикальной партіи новыя доказательства солидарности путемъ отсрочки общихъ выборовъ и отміны налога на напитки, видя, наконецъ, что они въ совѣтѣ не могутъ противостоять влиянію Ледрю-Роллана, они почувствовали необходимость создать себѣ внѣ совѣта силу, способную бороться съ народомъ.

Маррасть съ большою послѣдовательностью и ловкостью задумалъ составить въ Ратушѣ центръ сопротивленія, въ который входили бы элементы, буржуазные и народные. Поддерживаемый Бюше, Рекюромъ, Эдмономъ Аданомъ, онъ, вмѣстѣ съ Маріа, вошелъ въ сношенія съ національной гвардіей, съ національными мастерскими и заручился содѣйствіемъ гвардейскихъ мобилей черезъ генерала Дювивье, раздраженнаго въ данную минуту противъ Ледрю-Роллана, которому несправедливо приписывалъ задержку блузъ для обмундировки его баталіоновъ. Маррасть, хотя и искалъ опоры въ національной гвардіи, не былъ, однако, вполне увѣренъ относительно ея настроенія. Припомнимъ, что декретъ 25 февраля, призывая всѣхъ гражданъ участвовать въ ней, совершенно измѣнилъ ея составъ. Прежній наличный составъ легіоновъ (56,751 чел.) повысился до 190,299 человекъ. Рабочіе были здѣсь, слѣдовательно, въ большинствѣ ¹⁾). Когда производились выборы офицеровъ, то кандидатамъ былъ предложенъ слѣдующій шекотливый вопросъ: «Если національное собраніе будетъ не на нашей сторонѣ,—спросили вожаки клубовъ,—пойдете ли вы противъ него?» Понятно послѣ этого, что большинство совѣта не должно было чувствовать себя особенно увѣреннымъ въ поддержкѣ гражданской гвардіи, которой навязана была такая программа. Маррасть, въ качествѣ мэра Парижа, долженъ былъ познакомиться лично съ офицерами. Онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы чаще собирать ихъ, говорить имъ рѣчи, сообщать имъ, смотря по выказываемому ими настроенію, о проектируемыхъ нападеніяхъ на Ратушу и необходимости энергичной защиты общества. Говоря съ ними то неопредѣленно, то болѣе точнымъ образомъ о днѣ, въ который должно неминуемо произойти столкновеніе между коммунистами и умѣренными республиканцами, защитниками семьи и собственности, онъ ихъ возбуждалъ и приготавливалъ къ борьбѣ.

Въ рядахъ гвардейскихъ мобилей только и было рѣчи, что о борьбѣ. Противъ кого? Этого еще хорошенько не знали, да и не интересовались узнать. Съ нѣкоторыхъ поръ всѣ запаслись солдатскими ружьями, патронташи были полны, всѣ основательно научились обходиться съ оружіемъ, заряжали ружья и давали залпъ

¹⁾ Въ первыхъ числахъ апрѣля по распоряженію Маріа 60,000 рабочихъ національных мастерскихъ были внесены въ списки набора.

съ удивительной точностью; казармы опротивѣли; не пора ли было выступить противъ врага? На этотъ счетъ всѣ были согласны въ пестрыхъ рядахъ этой странной милиціи. Набранная, какъ мы видѣли, чуть ни на другой день послѣ баррикады, гвардія мобилей состояла почти цѣликомъ изъ очень безпокойныхъ элементовъ, которые прежде считались неспособными ни къ какой дисциплинѣ, изъ тѣхъ молодыхъ уличныхъ бродягъ, которыхъ называютъ *парижскими гамзонами*. Остальные были люди всевозможныхъ званий. Нѣкоторые принадлежали когда-то къ тѣмъ полкамъ, не терпящихъ субординаціи, солдатъ, которыхъ въ Африкѣ прозвали *зефирами*. Сыновья достаточныхъ семей, воображивъ, что вернулись славные дни республики 1792 г., поступили на военную службу съ чисто патріотическимъ намѣреніемъ идти на границу противъ вѣшняго врага и, такимъ образомъ, избѣжать на уважительномъ основаніи несчастія гражданской войны. Офицеры и унтеръ-офицеры различныхъ полковъ арміи были заняты обученіемъ всей этой молодежи солдатскому ремеслу. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, большинство ходило настоящими оборванцами; у многихъ не было рубашекъ, обуви. Раздраженные медленностью, съ которой доставлялась одежда, они не разъ ходили въ мастерскія Клиши требовать свою обмундировку. По этому случаю между ними и рабочими портными происходили довольно сильныя ссоры. Это послужило началомъ раскола между этими дѣтми пролетаріевъ и пролетаріями, между народомъ въ блузѣ и народомъ въ мундирѣ, началомъ вражды, которая недавно еще казалась пассивной и какъ будто скрытой 16 апрѣля и два мѣсяца спустя проявилась въ борьбѣ на жизнь и смерть.

Я уже сказала, что Мари дѣйтельно помогалъ Маррасту въ его приготовленіяхъ къ противодѣйствію. Министръ общественныхъ работъ возлагалъ свои надежды въ день борьбы на національныя мастерскія. «Позаботьтесь о томъ, чтобы эти рабочіе были вооружены,—говорилъ онъ Эмилю Тома:—не жалѣйте денегъ; можетъ быть, не далеко уже день, когда ихъ придется выпустить на улицу». И, не довольствуясь словами, онъ приказалъ открыть имъ кредитъ на пять милліоновъ, благодаря чему отъ 12 до 20 марта принималось по 1,000 человекъ въ день дополнительныхъ рабочихъ. На 28 марта объявили генеральный смотръ національныхъ мастерскихъ. Мари обратился къ рабочимъ съ рѣчью, осыпалъ ихъ похвалами, далъ имъ право выбирать своихъ начальниковъ бригады. Маррастъ присоединилъ свои похвалы къ похваламъ министра. Вліяніе его за послѣднее время усилилось въ мастерскихъ. Каждый день по его распоряженію Бюше, Рекюръ, Эдмонъ Адавъ имѣли долгія совѣщанія съ Эмилемъ Тома. Однимъ словомъ, съ этой

стороны партія сопротивленія была увѣрена въ томъ, что имѣетъ въ своемъ распоряженіи значительныя силы ¹⁾).

Въ теченіе первой недѣли апрѣля, Маррасть главнымъ образомъ занимался организаціей защиты Ратуши. Онъ помѣстилъ туда два баталіона хорошо вооруженныхъ и экипированныхъ гвардейскихъ мобилей. Генераль Бедо и генераль Шангарнье помогали Маррасту своими совѣтами и подсказывали ему стратегическія мѣры. Особенное стараніе выказалъ генераль Шангарнье. По своемъ прибытіи изъ Алжира въ первыхъ числахъ марта, онъ прежде всего явился къ Ламартину, такъ какъ считалъ его наименѣе революціоннымъ изъ всѣхъ членовъ временнаго правительства и такъ какъ, въ виду сомнительности войны, былъ не прочь занять дипломатическій постъ, если бы ему его предложили. Велико же было его изумленіе, когда онъ изъ устъ самого министра узналъ о своемъ назначеніи на должность генераль-губернатора Алжира, вмѣсто генерала Кавеньяка, назначавшагося на постъ военнаго министра.

Ламартинъ даже настаивалъ на томъ, чтобы генераль Шангарнье уѣзжалъ немедленно, и послѣдній выказалъ при этомъ болѣе досады, чѣмъ удовольствія на то, что его удаляютъ съ театра дѣйствій. Онъ жаловался на морскую болѣзнь, на усталость путешествія и, наконецъ, чтобы сдѣлать какъ можно больше непріятностей правительству, которое даетъ ему назначеніе не по вкусу, разсыпался въ похвалахъ принципамъ Орлеанскаго дома и съ аффектаціей выразилъ свое сожалѣніе о монархіи.

Генераль Шангарнье былъ одержимъ честолюбивыми вожделѣніями, которыя были тѣмъ болѣе нетерпѣливыми, что долго сдерживались. Онъ родился въ Отэнѣ отъ бѣдныхъ и неизвѣстныхъ родителей и рано поступилъ на службу. Не имѣя ни протекціи, ни случая отличиться, онъ во все время реставраціи оставался въ низшихъ офицерскихъ чинахъ. Въ 1836 г. онъ былъ только баталіоннымъ командиромъ, когда, во время отступленія при Константинѣ, командуя крайнимъ аррьеръ-гардомъ, онъ защитилъ армію такимъ искуснымъ и смѣлымъ маневромъ, что заслужилъ въ докладѣ генерала Клозеля слѣдующую похвалу, давшую, такъ сказать, толчокъ его карьерѣ: «баталіонный командиръ Шангарнье покрылъ себя славой». Съ этого самаго дня онъ сталъ быстро двигаться впередъ и отличался неоднократно.

Въ чинѣ генераль-лейтенанта въ 1844 г. онъ принужденъ былъ оставить Алжирію, вслѣдствіе своего гордаго и заносчиваго характера, не позволявшаго ему подчиняться абсолютной власти мар-

¹⁾ Emile Thomas, *Histoire des ateliers nationaux*, стр. 147 и слѣд.

шала Бюжо, и вернулся туда только въ 1847 г., чтобы поддержать своими совѣтами и своимъ присутствіемъ авторитетъ герцога Омальскаго. Мы видѣли, какъ онъ передалъ команду генералу Кавеньяку. Но въ то время, какъ онъ ѣхалъ обратно, чтобы замѣнить его, Кавеньякъ прислалъ временному правительству форменный отказъ отъ предлагаемаго ему поста военнаго министра ¹⁾, такъ что генералъ Шангарнье, только что высадившись въ Африкѣ, долженъ былъ снова пуститься въ обратный путь, въ Парижъ, куда его неостразимо влекло предчувствіе какого-то новаго событія, благоприятнаго для его политической карьеры. Это событіе совершилось. День 16 апрѣля выдвинулъ генерала Шангарнье и поставилъ его нѣкоторымъ образомъ во главѣ реакціоннаго движенія.

Между тѣмъ, пренія среди членовъ временнаго правительства принимали такой ѣдкій характеръ, какого онѣ не имѣли до той поры. Казалось, что, уставши щадить одинъ другого, всѣ признали другъ друга врагами и перестали скрываться. Ледрю-Ролланъ, все болѣе и болѣе опутываемый заговорщиками, часто уходилъ изъ совѣта, гдѣ его присутствіе обостряло споры, и нѣкоторые громко говорили, что онъ готовится къ сраженію. Луи-Бланъ дѣлалъ предупрежденія, похожія на угрозы. «Народъ,—говорилъ онъ,—уже не можетъ болѣе сдерживаться; приближается день такой же манифестаціи, какъ и 17 марта, но на этотъ разъ народъ твердо рѣшился уйти только удовлетвореннымъ». 14-го апрѣля, во время засѣданія, продолжавшагося далеко за полночь, онъ рѣшительно объявилъ, что манифестація произойдетъ послѣзавтра. Флоконтъ, который, несмотря на свои интимныя отношенія къ Ледрю-Роллану, не одобрялъ насильственныхъ дѣйствій и политично держался съ Ламартиномъ, сообщилъ послѣднему самымъ опредѣленнымъ образомъ планъ и цѣль заговора. Наконецъ, «Бюллетень Республики», расклеенный 15-го утромъ по стѣнамъ Парижа, явился какъ бы рѣшительнымъ сигналомъ и какъ бы призывомъ заговорщиковъ къ оружію.

«Бюллетень Республики», расклеиваемый черезъ два дня на третій на площадяхъ и разсылаемый по всѣмъ коммунамъ Франціи,

¹⁾ См. въ концѣ тома „Историческіе Документы“ № 9. Письмо генерала Кавеньяка сильно раздражило совѣтъ, который послалъ ему письмо, написанное въ очень суровомъ тонѣ. Между прочимъ, тамъ была слѣдующая фраза, вставленная Луи-Бланомъ: „Приближается моментъ, когда Франціи понадобятся всѣ ея генералы. Оставайтесь въ Африкѣ, генераль, правительство вамъ это приказываетъ“. Маррастъ, который на краяхъ написалъ очень жестокія слова, впоследствии примирился съ военнымъ министромъ. Это письмо было начальной причиной отдаленія, которое генералъ Кавеньякъ выказалъ впоследствии тому, кто былъ самымъ близкимъ другомъ его брата.

имѣлъ цѣлью, какъ на то указываетъ передовая статья въ первомъ номерѣ 13 марта, поставить жителей деревень и городскихъ рабочихъ въ прямыя сношенія съ правительствомъ и познакомить ихъ съ правами и обязанностями начинавшейся для нихъ политической жизни. «Самой крѣпкой связью между правительствомъ и народомъ,—говорилъ совершенно резонно первый «Бюллетень»—является непрерывный обмѣнъ мыслей. Монархіи, пренебрегавшей народомъ, не нужно было говорить съ нимъ; республиканское правительство, которое есть живое выраженіе народа, должно говорить непрерывно, чтобы просвѣщать его, ибо просвѣщать его, значитъ дѣлать его лучше, а дѣлать его лучше, значитъ дѣлать его счастливѣе».

Это была философская и республиканская идея, совершенно точно отвѣчавшая желаніямъ и нуждамъ народа, въ которомъ начинала пробуждаться благородная любознательность политической жизни. Если бы составленіе «Бюллетеней» соотвѣтствовало этой первоначальной программѣ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что они способствовали бы образованію въ странѣ болѣе устойчиваго и болѣе разумнаго общественнаго мнѣнія. Но цѣлесообразныя намѣренія временнаго правительства плохо примѣнялись на практикѣ. Составляемые вначалѣ Эліасомъ Реньо и Жюлемъ Фавромъ, эти «Бюллетени» прошли почти незамѣченными до начала апрѣля, когда, по предложенію Этьена Араго, главнымъ редакторомъ ихъ сдѣлалась Жоржъ Зандъ ¹⁾. Она придавала словамъ министра внутреннихъ дѣлъ, безъ его вѣдома, такой тонъ нетерпѣнія и подъ конецъ задора, который совершенно исказилъ офиціальный характеръ и политическую цѣль этой публикаціи ²⁾. Если «Бюллетень» № 12, въ которомъ Жоржъ Зандъ краснорѣчиво описывала страданія женщины народа и позоръ проститутки, выдавалъ болѣе, чѣмъ это слѣдовало для общественнаго мнѣнія и чѣмъ это было полезно при данныхъ обстоятельствахъ, талантъ женщины-писательницы, за то «Бюллетень» № 16 говорилъ языкомъ мятежниковъ и громко провозглашалъ тайное намѣреніе клубовъ; онъ говорилъ: «Если выборы не будутъ соотвѣтствовать желаніямъ парижскаго народа, онъ во второй разъ заявитъ свою волю и отсрочитъ рѣшенія ложнаго народнаго правительства» ³⁾. Эта неосторожная угроза

¹⁾ См. II т., стр. 30, *Rapport de la commission d'enquête*. „Временное правительство разрѣшаетъ министру внутреннихъ дѣлъ переговорить съ г-жею Жоржъ Зандъ относительно доставленія статей для „Бюллетеня Республики“. „Бюллетень“ долженъ былъ печататься только за подписью „оденъ къ печати“ одного изъ членовъ правительства; но это условіе не было соблюдено.

²⁾ Ледрю-Ролленъ формально отрекся, между прочимъ, отъ „Бюллетеня“ № 16, расклееннаго 15 апрѣля.

³⁾ *Rapport de la commission d'enquête*, т. II, стр. 73.

произвела тотчасъ же совершенно иное впечатлѣніе, чѣмъ то, котораго ожидалъ, конечно, авторъ. Въмѣсто того, чтобы утѣшить, она еще болѣе оживила партію сопротивленія. Предупрежденная, такимъ образомъ, за цѣлыя сутки, партія эта успѣла принять мѣры и противопоставить столь плохо составленному заговору отлично скомбинированныя средства сопротивленія.

Между тѣмъ, руководящіе клубы, увѣренные въ томъ, что Ледрю-Роллэнъ пойдетъ вмѣстѣ съ ними, и что большинство временнаго правительства, находящееся еще подъ впечатлѣніемъ манифестаціи 17 марта, легко будетъ выгнать, дѣлали неособенно секретно свои приготовленія къ слѣдующему дню. На собраніи, засѣдавшемъ въ теченіе ночи у Собріе, составленъ былъ списокъ именъ, которые должны были войти въ составъ комитета общественнаго спасенія. Изъ стараго правительства тамъ оставались: Ледрю-Роллэнъ, Флоконтъ, Луи-Вланъ и Альберъ, къ которымъ должны были присоединиться Распайль, Вланки, Керсози и Каба.

Собріе, котораго Ламартинъ считалъ своимъ и который дѣйствительно былъ наполовину на его сторонѣ, смотря по тому, какъ революціонный вѣтеръ дулъ съ большей или меньшей силой на его неустойчивыя мысли, получилъ нѣсколько дней тому назадъ по форменному приказу военнаго министра 400 ружей и 300 пакетовъ патроновъ. Вокругъ него всѣ готовы были къ самымъ крайнимъ мѣрамъ; но Ламартинъ льстилъ себя надеждой, что, когда дѣло дойдетъ до вооруженнаго дѣйствія, всѣ нити и организацію котораго онъ зналъ черезъ Собріе и другихъ хорошо освѣдомленныхъ лицъ, Собріе, какъ и 17 марта, послѣ того, какъ онъ самъ побуждалъ къ нападенію, обратится къ защитѣ временнаго правительства и будетъ содѣйствовать провалу заговора.

Въ то время, какъ на улицѣ Риволи шли совѣщанія и вооруженіе, Коссидьеръ въ полицейской префектурѣ также раздавалъ ружья и патроны ¹⁾. По соглашенію съ Люксембургомъ и съ министромъ внутреннихъ дѣлъ онъ принималъ мѣры на слѣдующій день. Недовольный тѣмъ, что Ледрю-Роллэнъ, несмотря на его энергичный протестъ, помѣстилъ въ департаментъ полиціи нѣкого Карлье, бывшаго агента Дюшателя, Коссидьеръ тѣмъ не менѣе дѣйствовалъ, въ интересахъ диктатуры министра внутреннихъ дѣлъ, считая его болѣе способнымъ управлять революціоннымъ путемъ, нежели Луи-Влана, который къ тому же отказался отъ заговора и вмѣстѣ съ делегатами Люксембурга утѣшался какими-то надеждами, слишкомъ неясными и неопредѣленными, не удовлетворявшими потребности

¹⁾ По приказанію министра, присланному 14 апрѣля въ Венсанъ, ему было выдано 600 ружей и 8000 пакетовъ патроновъ.

практической дѣятельности префекта полиціи. Коссидьера болѣе всего беспокоилъ Бланки. Онъ спрашивалъ себя, не старается ли онъ свергнуть временное правительство на пользу этого своего соперника. Если Коссидьеръ и надѣлалъ такъ много шуму въ послѣдніе дни, то только потому, что хотѣлъ, запугавъ совѣтъ и буржуазію ¹⁾, сдѣлать ненужной народную манифестацію, такъ какъ сознавалъ, что справиться съ ней ему будетъ трудно.

За исключеніемъ клубовъ, гдѣ преобладало вліяніе Бланки, и среди пролетаріата также происходило колебаніе. Клубъ *Братства* рѣшилъ даже не идти на манифестацію и послать делегатовъ временному правительству, чтобы увѣрить его въ своей преданности ²⁾. Клубъ Кабэ порицалъ заговоръ. Клубъ Барбеса относился подозрительно къ махинаціямъ Бланки. Пьеръ Леру, пріѣхавшій наканунѣ изъ Берри и видѣвшійся по утру съ Ледрю-Роллэномъ, Луи-Бланомъ, Жоржъ Зандъ и др. не ожидалъ ничего хорошаго отъ манифестаціи, элементы которой казались ему очень смутными. Весьма озабоченный, однако, тѣмъ оборотомъ, который принимали выборы въ департаментахъ, онъ пріѣхалъ предупредить министра внутреннихъ дѣлъ, что, если не будутъ приняты быстрыя мѣры, революція будетъ подавлена реакціоннымъ движеніемъ. Онъ предлагалъ, въ виду этой угрожающей опасности, средство, которое, хотя и отличалось отъ плана заговорщиковъ, но было столь же непрактично. Онъ хотѣлъ, чтобы избирательный законъ былъ немедленно отмѣненъ, чтобы составленъ былъ государственный совѣтъ изъ главныхъ вождей социализма и радикализма, и чтобы министр представилъ имъ на разсмотрѣніе проектъ избирательнаго закона, составленный въ подражаніе плану Сэнъ-Жюста, по которому всѣ избиратели Франціи вотируютъ по всѣмъ кандидатурамъ, а затѣмъ тѣ девятьсотъ кандидатовъ, которые получаютъ наибольшее число голосовъ, и составляютъ Національное Собраніе. Но этотъ проектъ не понравился ни Ледрю-Роллэну, ни Луи-Блану. Послѣдній нисколько не беспокоился относительно духа будущаго Собранія. Онъ думалъ, что, развѣ сѣхавшись въ Парижъ, Собраніе настолько почувствуетъ себя во власти народа, что не посмѣетъ дѣйствовать противъ республики. Кромѣ того, ему хотѣлось остаться на почвѣ, хотя бы относительной законности правительства, и онъ чувство-

¹⁾ 3-го апрѣля Коссидьеръ созвалъ въ префектуру всѣхъ полицейскихъ комиссаровъ и сдѣлалъ имъ упрекъ въ равнодушіи и въ бездѣйствіи. Парижу, говорилъ онъ имъ, грозитъ полное разрушеніе: для этого нужна только коробка спичекъ и т. д.; 400,000 рабочихъ ждутъ только сигнала, чтобы истребить буржуазію. Такая рѣчь, въ присутствіи столькохъ людей, не могла быть, конечно, сказана серьезнымъ заговорщикомъ.

²⁾ *Rapport de la commission d'enquete*, т. II, стр. 105.

валъ себя связаннымъ честию относительно принятыхъ въ совѣтъ рѣшеній. Что касается Ледрю-Роллена, то его гораздо болѣе озабочивало будущее. Получивъ свѣдѣнія отъ комиссаровъ, онъ зналъ, что его политика потерпитъ чувствительную неудачу на выборахъ. Тѣмъ не менѣе, онъ не хотѣлъ отмѣнять законъ, не хотѣлъ отделиться отъ Ламартина ¹⁾. Желая ниспроверженія большинства и стремясь избавиться отъ Гарнье-Пажеса, Мари, Марраста, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ боялся, что будетъ работать на пользу Бланки, и не былъ увѣренъ, что сговорится съ Луи-Бланомъ, социализмъ котораго ему вовсе не правился. Нѣкоторые изъ его наиболѣе дальновидныхъ друзей начинали бояться, что онъ не останется побѣдителемъ въ томъ двойномъ и тройномъ заговорѣ, въ который они такъ легкомысленно вовлекли его, и, стараясь нѣсколько поздно, удержать его, вліяли на него въ одномъ духѣ съ Ламартиномъ. Картерэ боролся противъ вліянія Коссидьера; Жюль Фавръ и Ландренъ обращали его вниманіе на махинацію Бланки; Флоконъ укрѣплялъ его въ рѣшимости не разставаться съ коллегами. Имъ помогала въ этихъ стараніяхъ природная слабохарактерность Ледрю-Роллена. Наканунѣ исполненія заговора, когда одинъ изъ заговорщиковъ принесъ будущему диктатору списокъ его новыхъ коллегъ въ комитетѣ общественнаго спасенія, онъ пришелъ въ ужасное годованіе, съ гнѣвомъ заявилъ, что никогда не согласится на какую-либо совмѣстную работу съ Бланки и, несмотря на настойчивыя просьбы Коссидьера и Собріе, рѣшительно отказался принять Флотта.

Такимъ образомъ, всѣ нити заговора были спутаны и вмѣстѣ распущены до того, что, когда настало утро, наиболѣе освѣдомленные люди, близко стоявшіе къ заговору, не могли предсказать, что принесетъ этотъ день.

Прошло десять часовъ. Уже корпораціи Люксембурга двинулись къ Марсову полю. Написанные на ихъ знаменахъ девизы: *Организація труда, уничтоженіе эксплуатаціи челоѣка челоѣкомъ* свидѣтельствуютъ о томъ, что, по крайней мѣрѣ съ виду, корпораціи идутъ за программой Люксембурга. Въ предыдущіе дни Луи-Бланъ, черезъ Гинара, добился, для противовѣса выборамъ въ національную гвардію, которые онъ считалъ неблагоприятными, четырнадцати мѣстъ для офицеровъ генеральнаго штаба по выбору отъ рабочихъ. Видимымъ мотивомъ собранія на Марсовомъ полѣ былъ подготовительный листъ для народныхъ кандидатуръ. Рѣшено

¹⁾ „Ламартинъ ничего не смыслитъ въ политикѣ, онъ не будетъ вмѣшиваться“, говоритъ Ледрю-Ролленъ, объясняя друзьямъ свое намѣреніе оставить въ правительствѣ своего коллегу, министра иностранныхъ дѣлъ.

было также сдѣлать денежный сборъ и поднести его въ знакъ уваженія временному правительству.

Для большинства пролетаріевъ въ этомъ заключалась вся дѣла собранія. Для другихъ, болѣе освѣдомленныхъ, это было средствомъ проникнуть въ Ратушу и оказать поддержку внезапному нападенію, подготовленному Бланки. Однако, за исключеніемъ очень небольшого числа, всѣ явились безъ оружія, и ихъ было не болѣе восьми тысячъ. Въ то же время рабочіе національных мастерскихъ, по распоряженію Коссидьера, собираются въ ипподромѣ. Вожаки сговорились между собой такъ, что обѣ колонны двинутся одна отъ Марсова поля, другая отъ ипподрома, и соединятся по пути и вмѣстѣ пойдутъ къ Ратушѣ.

Здѣсь, какъ мы видѣли, уже съ нѣкоторыхъ поръ готовились къ сопротивленію; но по мѣрѣ того, какъ приближался день борьбы, беспокойство расло, такъ какъ, несмотря на бдительность агентовъ Марраста и на многочисленность получаемыхъ имъ свѣдѣній, невозможно было узнать точнаго числа противниковъ и состоянія силъ защиты. О настроеніи національной гвардіи, которую еще не собирали со времени ея преобразованія, а также о разнообразныхъ невѣроятно смѣшанныхъ элементахъ народной манифестаціи можно было составлять себѣ лишь предположительное понятіе. Впрочемъ, по всей вѣроятности, все зависѣло отъ того, на что рѣшится Ледрю-Ролланъ. Въ этомъ отношеніи было множество основаній оставаться въ полной неувѣренности.

16-го апрѣля раннимъ утромъ Маррастъ на всякій случай разослалъ по мѣріямъ секретное предписаніе, чтобы вся національная гвардія была готова къ сбору въ случаѣ созыва ея легіоннымъ генераломъ. Около одиннадцати часовъ генераль Шангарнье поспѣшилъ явиться къ правительству и предложить ему свои услуги. Съ разрѣшенія Марраста, которому такой помощникъ являлся какъ нельзя болѣе кстати, онъ тотчасъ же принялся дѣлать военныя распоряженія въ Ратушѣ.

Генераль Шангарнье чисто случайно узналъ объ угрожающей правительству опасности. Онъ отправился въ министерство иностранныхъ дѣлъ, чтобы поторопить свой отъѣздъ въ Берлинъ, куда Ламартинъ посылалъ его съ миссіей. Не заставъ министра и видя на всѣхъ лицахъ выраженіе необычайнаго беспокойства, онъ спросилъ о причинѣ этого явленія и, по предложенію г-жи де-Ламартины, полагавшей, что ея мужъ въ Ратушѣ, поспѣшно отправился туда. Ламартина тамъ еще не было. Онъ провелъ всю ночь, погруженный въ глубокую печаль, получая каждый часъ самыя тревожныя извѣстія, и увѣренный въ томъ, что наступающій день будетъ послѣднимъ днемъ той республики, какую онъ хотѣлъ видѣть, а

также и послѣднимъ днемъ его собственной жизни. Многочисленныхъ агентовъ, разосланныхъ имъ по собраніямъ рабочихъ, чтобы пробудить тамъ народныя симпатіи къ нему и организовать внутри общей манифестаціи манифестацію въ его пользу, встрѣтилъ самый холодный приемъ. Ледрю-Роллэнъ избѣгалъ его за послѣдніе дни; сторонники министра внутреннихъ дѣлъ, присоединившись къ партизанамъ Луи-Блана и Бланки, безъ всякаго сомнѣнія приведутъ въ движеніе такія громадныя массы, справиться съ которыми не будетъ никакой возможности. Такъ думалъ Ламартинъ, воображая, что насталъ его послѣдній часъ, и спокойно приготовляясь къ смерти. Его завѣщаніе было написано; друзья его должны были проводить его жену въ вѣрное убѣжище; всѣ компрометирующія бумаги его были сожжены; внутренно онъ уже приносилъ себя въ жертву. Онъ готовился отправиться въ Ратушу, какъ вдругъ дверь его кабинета распахнулась, и вбѣжалъ человекъ, видъ котораго обнаруживалъ крайнее волненіе: это былъ Ледрю-Роллэнъ.

«Мы погибли! — воскликнулъ онъ, не давая Ламартину даже времени выразить свое удивленіе, — сто тысячъ человекъ идутъ къ Ратушѣ. Люксембургскія корпораціи руководятъ движеніемъ; Бланки на Марсовомъ полѣ возбуждаютъ и направляютъ ихъ. Мятежники злоупотребляютъ моимъ именемъ. Я отрекаюсь отъ нихъ, я готовъ бороться противъ нихъ вмѣстѣ съ вами, готовъ, если нужно, скорѣе умереть, чѣмъ испытывать ихъ ужасную тираннію; я никогда не былъ и никогда не буду измѣнникомъ относительно моихъ коллегъ!» Ледрю-Роллэнъ, протягивая руку Ламартину, быстро сговорился съ нимъ относительно мѣръ, которыя необходимо было принять, послѣ чего они разошлись въ разныя стороны отдавать приказанія, не терпящія ни минуты отсрочки. Ламартинъ поспѣшилъ предупредить генерала Дювивье, которому уже написалъ Маррастъ, чтобы онъ собралъ свои баталіоны и повелъ ихъ колоннами по всѣмъ улицамъ, перпендикулярнымъ къ набережной отъ Лувра до площади Гравъ. Такъ какъ баталіоны жаловались на недостатокъ патроновъ, Ламартинъ заѣхалъ въ главный штабъ національной гвардіи, чтобы потребовать патроновъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удостовѣриться въ томъ, что дѣйствительно министромъ внутреннихъ дѣлъ отданъ былъ приказъ бить барабанъ къ сбору. Онъ не заподозрилъ Ледрю-Роллэна въ коварствѣ, но опасался его волненія и его нерѣшительности. Около полудня, наконецъ, прибывъ въ Ратушу, онъ тотчасъ же сообщилъ Маррасту о рѣшеніи Ледрю-Роллэна. «Если мы можемъ держаться здѣсь три часа, — сказалъ онъ, — мы спасены». Генералъ Шангарнье, успѣвшій уже превратить Ратушу въ крѣпость и сообщившій свое рвеніе войску,

среди котораго выказывается сильное возбужденіе, отвѣчаетъ за семь часовъ.

Въ этомъ положеніи начинаютъ ожидать событій. Время приближается къ 1 ч. пополудни. Извѣстно, что народная колонна приближается: ни Луи-Бланъ, ни Альберъ не показываются; барабана еще не слышно: министра иностранныхъ дѣлъ нѣтъ; неужели онъ обманулъ Ламартина? Каждую минуту развѣдчики Марраста прибѣгаютъ съ тревожными извѣстіями: «Сѣнь-Антуанское предмѣстье въ полномъ возстаніи; коммунисты овладѣли домомъ Инвалидовъ; они поджигаютъ его; двѣсти тысячъ вооруженныхъ пролетаріевъ готовятся разгромить Парижъ».

Но въ это время Эдмонъ Аданъ, ѣздившій въ генеральный штабъ національной гвардіи, чтобы удостовѣриться, что приказъ отданъ, приноситъ извѣстіе, что національная гвардія со всѣхъ сторонъ спѣшитъ на помощь правительству. Вскорѣ слышится барабанный бой. Это Барбэсъ, который, во главѣ своего легіона, выходитъ на площадь Гравъ съ крикомъ: «*Да здравствуетъ временное правительство!*» Ледрю-Ролленъ сдержалъ слово, и Бланки проигралъ партію. Заговоръ не удался.

Между тѣмъ, въ третьемъ часу колонна рабочихъ на Марсовомъ полѣ начинаетъ двигаться. Она выступаетъ въ порядкѣ, неся свой сборъ пожертвованій и увеличиваясь на ходу частью рабочихъ національныхъ мастерскихъ, собравшихся у ипподрома ¹⁾, и большой толпой народа, сбѣжавшагося со всѣхъ сторонъ на слухъ о томъ, что Ледрю-Ролленъ и Луи-Бланъ убиты. Колонна подходитъ къ набережной Лувра, не слышавъ ни разу барабаннаго боя и не увидѣвъ ни одного знака недоувѣрія. Но тутъ она вдругъ видитъ передъ собой легіоны праваго берега, которые, безъ всякой враждебной демонстраціи, окружаютъ рабочихъ, сопровождаютъ ихъ, раздѣляя ихъ на группы и наблюдая за ними до входа на площадь Гравъ. Въ эту минуту легіоны лѣваго берега, дойдя до моста Сѣнь-Мишель, разрѣзаютъ манифестацію. Вся площадь оцѣтенилась штыками. Генералъ Дювивье, верхомъ на лошади посреди своихъ баталіоновъ гвардейскихъ-мобилей, защищаетъ доступъ къ Ратушѣ. Изъ этого лѣса штыковъ подымается грозный и долгій крикъ «*Долой коммунистовъ!*» Рабочіе, стиснутые такъ, что не могутъ двигаться ни впередъ, ни назадъ, большею частью недоумѣваютъ, къ чему эта

¹⁾ Большая часть рабочихъ, собранныхъ у ипподрома, ушли съ манифестаціи, какъ только услыхали барабанный бой, и присоединились къ національной гвардіи. Ихъ зависть къ делегатамъ Люксембурга въ это время еще болѣе усилилась за послѣднее время. Ихъ увѣрили въ томъ, что они будутъ дѣйствовать прямо въ ущербъ своимъ интересамъ, если будутъ помогать Луи-Блану въ его предпріятіяхъ.

воинственная обстановка при совершенно такой же, повидимому, манифестаціи какъ та, за которую мѣсяцъ тому назадъ правительство благодарило ихъ публично.

Крики національной гвардіи: *«Долой Бланки! Долой Кабэ! Въ воду коммунистовъ!»* усиливаются и заглушаютъ голосъ тѣхъ, которые стараются высказаться. Между тѣмъ, отданъ приказъ ввести делегатовъ, но ихъ не вводятъ въ залу совѣта, а три помощника мэровъ: Эдмонъ Аданъ, Рекюръ и Бюше принимаютъ ихъ въ верхнихъ залахъ, съ ледяной холодностью выслушиваютъ чтеніе ихъ петицій и отвѣчаютъ имъ съ чрезвычайной строгостью.¹⁾

Делегаты идутъ жаловаться Луи-Блану. Послѣдній, огорченный неудачей этой манифестаціи пролетаріевъ, которую онъ желалъ бы видѣть торжествующей; одинокій, заподозрѣнный, почти отвергнутый національной гвардіей, тѣмъ не менѣе, находитъ въ себѣ достаточно гнѣвной энергіи, чтобы упрекнуть своихъ коллегъ за пріемъ, оказанный рабочимъ, и приказать полковнику Рэ очистить широкій проходъ на площади Гравъ, чтобы процессія корпорацій могла пройти съ приличіемъ и достоинствомъ передъ Ратушей. Дѣйствительно, тотчасъ же отданъ приказъ пропустить шествіе рабочихъ передъ временнымъ правительствомъ; но это шествіе происходитъ такимъ образомъ, что манифестація теряетъ свой характеръ. Ей оставляютъ между двумя рядами вооруженной національной гвардіи узенькій проходъ, перерѣзанный въ нѣсколькихъ мѣстахъ и настолько отдаленный, что привѣтственные крики рабочихъ не могли ясно достигать до правительства. Въ этотъ день роли и поведение дѣйствующихъ лицъ были совершенно иныя, чѣмъ 17 марта. Маррастъ, Мари, Гарнье-Пажесъ видимо торжествовали. Ламартинъ, избавленный отъ враждебной партіи, видѣлъ уже, какъ передъ нимъ выросла другая, болѣе страшная, и былъ задумчивъ. Кремье ликовалъ съ генераломъ Шангарнье и печалился съ Луи-Бланомъ о результатѣ этого дня. Что касается Ледрю-Роллена, то онъ, по своему счастливому характеру, радовался своей воображаемой побѣдѣ надъ тѣми, которыхъ онъ называлъ *сектантами*, такъ же, какъ онъ радовался 17 марта своей мнимой побѣдѣ надъ буржуазіей. Онъ не былъ огорченъ униженіемъ Люксембурга и чувствовалъ искреннее удовольствіе отъ того, что былъ отнынѣ тѣсно связанъ политическимъ союзомъ съ Ламартиномъ.

Между тѣмъ, печальное шествіе рабочихъ окончилось, и начала дефилировать національная гвардія при непрерывныхъ крикахъ: *«Да здравствуетъ Ламартинъ! Долой коммунистовъ!»* Послѣдніе

¹⁾ См. „Историческіе документы“ въ концѣ тома. № 10.

батальоны прошли при свѣтѣ факеловъ передъ Ратушей; великолѣпная иллюминація озарила ночь. Парижская буржуазія осталась увѣренной, что ее спасли отъ коммунизма.

Радуюсь побѣдѣ, одержанной надъ Люксембургомъ и надъ Бланки, большинство правительства, тѣмъ не менѣе, было неспокойно. Въ рядахъ національной гвардіи вдругъ началъ проявляться слѣпой и требовательный духъ реакціи. Буржуазія, едва избавившаяся отъ моральнаго гнета, который производилъ на нее видъ пролетаріата 17 марта, захотѣла отомстить: отовсюду приходили слухи объ арестахъ и доносахъ. «Одна половина Парижа хочетъ посадить въ тюрьму другую»—говорилъ префектъ полиціи.

Мары и высшіе офицеры побуждали Марраста арестовать Луи-Блана. Направились къ клубу Бланки и къ дому Кабэ съ цѣлью арестовать обоихъ вождей партіи ¹⁾. Консервативные органы принимали крайне нахальный тонъ. Обвиненіе въ коммунизмѣ служило предлогомъ самой ненавистной клеветы ²⁾. Люксембургъ представляли какимъ-то мѣстомъ наслажденій, гдѣ самыя утонченныя удовольствія и самыя роскошныя и расточительныя пиры собирали сибаритовъ пролетаріата ³⁾. Подъ рубрикой: «Nouvelles de la Cour» (Придворныя Извѣстія) газеты «Constitutionnel» и «Assemblée Nationale» рассказывали объ оргіяхъ въ Трианонѣ, которыхъ никогда не было.

¹⁾ Разъяренная толпа пронесла нѣсколько разъ гробъ подъ окнами Кабэ. Ламартинъ, узнавъ, что послѣднему грозитъ серьезная опасность, предложилъ ему убѣжище въ своемъ домѣ.

²⁾ «Предубѣжденія, которыя администрація отъ 24 февраля до 11 мая возбуждала въ умахъ, такъ глубоко вкоренились, что общественное мнѣніе съ жадностью приняло всѣ инсинуаціи, которыя должны были способствовать его заблужденію»,—говорится въ «Докладѣ комиссіи по разсмотрѣнію счетовъ временнаго правительства» («Moniteur» отъ 26 апрѣля 1849 г.).

³⁾ Было бы скучно, да въ настоящее время, къ счастью и излишнее, повторять одну за другой всѣ эти отвратительныя клеветы. Администрація національнаго дворца и Люксембурга дала документальныя доказательства, что столовый расходъ президента и вице-президента комиссіи былъ назначенъ въ первый мѣсяцъ по 6 франковъ съ персоны, и что, послѣ заявленія Луи-Блана, находившаго лицу слишкомъ обильной, цѣны стола, доставляемаго однимъ рестораномъ, были установлены въ 2 ф. 50 за завтракъ и 3 ф. 50 за обѣдъ (См. „Constitutionnel“ отъ 2 іюня 1848 г.). Въ то время какъ „Constitutionnel“ и „Assemblée Nationale“ рассказывали о *базанахъ съ тюръ изъ ананасовъ*, которые будто бы подавались на столъ въ Люксембургѣ, Гарнье-Пажесъ, болѣе освѣдомленный относительно этого, упрекалъ своего младшаго коллегу въ аффектированной спартанской воздержанности, которая, по его словамъ, навлекла косвенное порицаніе на членовъ временнаго правительства, издержки которыхъ, вслѣдствіе требованій правительства, были, конечно, значительнѣе. Слѣдуетъ замѣтить, что изъ членовъ временнаго правительства Луи-Бланъ и Дюпонъ де-Лэръ не получали жалованья. Делегаты Люксембурга также во все время, пока длились совѣщанія, не получали ни гроша.

По сообщеніямъ этой скандальной хроники, Ледрю-Ролланъ дѣлаетъ царскіе подарки одной знаменитой актрисѣ; громадныя суммы утаиваются изъ казначейства и препровождаются въ Англію; Кремье купилъ лѣсъ на казенныя деньги ¹⁾; рабочій Альберъ сдѣлался миллионеромъ и т. д. ²⁾. Всѣ эти обвиненія, ежедневно повторяемыя роялистской печатью, производили сильное впечатлѣніе. Въ салонахъ старинной знати, гдѣ никто ни въ какое время не отличался строгостью жизнью, не хотѣли допускать, чтобы буржуазное правительство вкушало отъ аристократическихъ удовольствій; мелкая буржуазія, такъ высоко цѣнившая болѣе, чѣмъ скромныя привычки короля Людовика-Филиппа при его восшествіи на престолъ, была

¹⁾ Назначенная Национальнымъ Собраніемъ коммиссія для разсмотрѣнія счетовъ временнаго правительства представила 14 апрѣля 1849 г. докладъ съ слѣдующимъ заключеніемъ: „Что касается насъ, то мы единодушно заявляемъ, что въ теченіе нашихъ долгихъ и трудныхъ изслѣдованій, произведенныхъ съ самой строгой безпристрастностью, мы не *замѣтили и не открыли никакого доказательства*, которое послужило бы къ обвиненію членовъ временнаго правительства въ нечестности, и которое навело бы насъ на слѣдъ какихъ-либо растратъ изъ суммъ, довѣренныхъ ихъ управленію. Это заявленіе гарантируется не одной только честностью нашего слова. Отличное устройство нашего финансоваго механизма можетъ успокоить всѣ сомнѣнія. *Ни одинъ министръ не можетъ отплатить отъ общественной казны части ея суммъ, не имѣя многочисленныхъ сообщниковъ и не оставляя тотчасъ же яркихъ доказательствъ его виновности.*“

²⁾ Приведемъ здѣсь также оправданіе Альбера. Мы увидимъ изъ него, что, въ отвѣтъ на дерзости буржуазіи, пролетаріатъ начиналъ также принимать странно надменный тонъ. Какъ разъ въ ту пору изъ страха или изъ лести была выдумана рабочая аристократія. Одинъ знаменитый писатель первый подаль примѣръ, назвавъ себя *рабочимъ мыслемъ*. Национальному собранію въ первыхъ засѣданіяхъ пришлось кассировать избраніе *ложнаго рабочаго*. Это было нѣчто похожее на времена флорентинской демократіи, предшествовавшія тиранніи герцога Аѳинскаго и слѣдовавшія за нею, когда, чтобы не быть исключенными изъ всѣхъ общественныхъ должностей въ силу *декретовъ Гонфалоньера*, лица высшихъ классовъ оставляли свои титулы и свои фамиліи и принимали плебейскія имена и старались принимать такой видъ,—говоритъ Макіавелли,—чтобы ихъ принимали за простолюдиновъ. (Макіавелли, „Исторія Флоренціи“, т. II).

Среди болѣе или менѣе злобныхъ или насмѣшливыхъ слуховъ, распространяемыхъ по отношенію къ Люксембургу,—говоритъ „Moniteur“ отъ 5 мая 1848,—ходитъ одинъ, относящійся въ особенности къ гражданину Альберу. О немъ говорятъ, что онъ вовсе не рабочій, а разбогатѣвшій фабрикантъ, даже миллионеръ. Ничего не можетъ быть нелицѣ и несправедливѣ этого обвиненія. Самой высокой честью для себя гражданинъ Альберъ, членъ временнаго правительства, считаетъ то, что онъ былъ и остается рабочимъ, который готовъ снова принять за поддѣлокъ и молотокъ. И чтобы никто не осмѣлился сомнѣваться въ его происхожденіи и имени, онъ, сынъ народа, желаетъ, чтобы всѣ узнали слѣдующее:

Альберъ (Александръ-Мартанъ) родился въ Бюри (департаментъ Уазы) въ 1816 г. отъ земледѣльца, началъ ученіе у дяди, гражданина Рибу, механика

положительно оскорблена предполагаемой роскошью временнаго правительства; даже сами рабочіе, благодаря этимъ слухамъ, начинали думать, что ихъ заставили дѣлать революцію единственно для того, чтобы доставить нѣсколькимъ самозваннымъ республиканцамъ блескъ и развлеченія королевскихъ фамилій.

Въ то время, какъ правительство, такимъ образомъ, понемногу падало во мнѣніи всѣхъ, оно раздѣлялось внутри себя съ каждымъ днемъ все больше и больше. Начиная съ 16 апрѣля, пренія въ совѣтѣ сдѣлались невѣроятно бурными. Маррасть и Ледрю-Ролланъ не могли больше сдерживаться; необходимы были постоянныя усилія Ламартина, чтобы помѣшать имъ прорваться со скандаломъ. Ежеминутно тотъ или другой членъ меньшинства, а иногда меньшинство въ цѣломъ составѣ грозило удаленіемъ. Такимъ образомъ, оно добилось нѣсколькихъ рѣшеній, совершенно противоположныхъ только что восторжествовавшему мнѣнію. Такъ, 18 апрѣля въ «*Moniteur*» появилась первая прокламація, дѣлающая видъ, что соединяетъ въ одной благодарности народу два такихъ различныхъ дня, какъ 17 марта и 16 апрѣля. Одна прокламація, составленная въ совѣтѣ Луи-Бланомъ, подтверждала свободу клубовъ, которой уже угрожала опасность, осуждала враждебные крики противъ личностей, т. е. крики: *долой коммунистовъ!* которыми раздражалась національная гвардія 16 апрѣля. Одинъ декретъ отмѣнялъ заставныя пошлины на мясо и видоизмѣнялъ пошлины на вина. Другой давалъ отставку шестидесяти пяти высшимъ офицерамъ арміи. Въ совѣтѣ было предложено даже принять опять красный флагъ, но такъ какъ большинство, а въ особенности Араго, сильно воспротивились этому, то все осталось по-прежнему.

Эти уступки большинства меньшинству на минуту успокоили страсти. Особенно смягчился Ледрю-Ролланъ. Въ это время его часто видѣли у Ламартина. Тонъ «*Бюллетеней*» измѣнился совершенно. «Что касается коммунистовъ,—гласилъ номеръ отъ 20 апрѣля, приписываемый Жоржъ Зандъ,—противъ которыхъ были слышны оскорбительные и гнѣвные крики, то они не стоили де-

(№ 21, улица *Basse des Ursins*), затѣмъ побывалъ въ нѣсколькихъ мастерскихъ, изъ которыхъ слѣдуетъ упомянуть механическое заведеніе гражданина Пеккера, возлѣ рынка Поэнкуръ, и мастерскую гражданина Марюкса (№ 21, улица *Мэпильмонтанъ*), наконецъ, наканунѣ того самаго дня, когда восторжествовала республика, Альберъ работалъ въ качествѣ механика на пучовичномъ заводѣ гражданина Ватерусса (улица *Мюеттъ* № 16), гдѣ и по сіе время сохраняется его рабочая блуза и панталоны. Эти объясненія должны положить конецъ инсинуаціямъ, которыя гражданинъ Альберъ до сихъ поръ презиралъ, но злонамѣренное и безстыдное упорство которыхъ онъ не считаетъ болѣе возможнымъ поощрять своимъ молчаніемъ*.

монстраціи. Тому, что небольшое число сектантовъ проповѣдуетъ химерическое установленіе немыслимаго равенства имущества, не слѣдуетъ ни удивляться, ни пугаться. Во всѣ эпохи сбитые съ толку умы преслѣдовали, не достигая цѣли, осуществленія этой мечты ¹⁾» и т. д.

Луи-Бланъ очень чистосердечно просилъ о разслѣдованіи обстоятельствъ манифестаціи 16 апрѣля; Ледрю-Роллэнъ, знавшій, что выходить изъ этихъ анкетъ, поручилъ Ландрэну произвести слѣдствіе ²⁾. Наконецъ, Коссидьеръ, утверждавшій, что онъ попалъ на слѣдъ новаго заговора Бланки, получилъ отъ временнаго правительства полномочія арестовать великаго заговорщика, а также его товарищей Флотта и Лакамбра и препроводить ихъ всѣхъ трехъ въ Венсенъ ³⁾. Значеніе, пріобрѣтенное генераломъ Шангарнье, доставляло временному правительству не мало хлопотъ. Настойчиво выражаемое генераломъ желаніе остаться въ Парижѣ, его надменный тонъ, его манера держать себя ясно показывали, что онъ стремится играть роль, а именно роль вождя реакціи. Приметь ли реакція орлеанистское или легитимистское направленіе, этого пока еще рѣшить было нельзя. Роялистскія партіи пока не смѣливались снять маску и открыто стать каждая подъ свое знамя. Онѣ смѣшивались въ то время всѣ подъ общей кличкой *партіи порядка* и старались лишь о томъ, чтобы занять въ Національномъ Собраніи хорошую оборонительную позицію. Какъ бы то ни было, военный министръ отдалъ приказъ генералу Шангарнье уѣхать черезъ 24 часа, чтобы замѣнить въ Алжирѣ генерала Кавеньяка, который, оскорбившись пріѣздомъ комиссара, снабженнаго чрезвычайными полномочіями отъ министра внутреннихъ дѣлъ, просидѣвъ въ отпускъ.

Среди этого-то крайняго смятенія умовъ и чувствъ, при полнѣйшемъ отсутствіи всякаго политическаго и соціального руководства, насталъ, наконецъ, назначенный для *Праздника Братства* день. Погода была туманная и теплая. Парижъ плавалъ въ той своей ственной ему полупрозрачной атмосферѣ, которая иногда такъ удачно смягчаетъ, окутывая легкимъ флеромъ, слишкомъ рѣзкіе контрасты между старымъ и новымъ городомъ. Купы деревьевъ

¹⁾ См. публикацію, озаглавленную: „Бюллетени Республики“, издававшаяся министерствомъ внутреннихъ дѣлъ отъ 13 марта до 6 мая 1848 г.

²⁾ Въ то же время клубъ Распайя требовалъ, чтобы нашли и преслѣдовали лицо, отдавшее приказъ бить сборы войскамъ, который, какъ утверждалъ клубъ, *произвелъ панику въ столицѣ*.

³⁾ Донесеніе комиссіи анкеты, т. I, стр. 171. Ламартинъ и Кремье предложили Коссидьеру уничтожить составленный имъ приказъ объ арестѣ Бланки.

Елисейскихъ Полей, Марсова Поля и Тюильри, Обелискъ и колоннады площади Согласія, зданія Инвалидовъ и Военной школы, выдѣляясь поочереды, смотря по тому, на которое изъ нихъ падалъ сквозь туманъ солнечный лучъ—все это, какъ по командѣ артиста, слагалось мало-по-малу въ декорацію грандіознаго праздника. Съ самаго утра жадная до зрѣлищъ толпа наполняла улицы. Около двухсотъ тысячъ человекъ національной гвардіи, гвардейскихъ мобилей, линейныхъ полковъ ¹⁾ и республиканской гвардіи стояли подъ ружьемъ. Въ девять часовъ двадцать одинъ пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ о томъ, что временное правительство всходитъ на эстраду триумфальной арки. Со ступенекъ амфитеатра, украшеннаго флагами и эмблемами и господствовавшего надъ длиннымъ проспектомъ, который прямой, какъ стрѣла, линіей поднимается къ старому дворцу Екатерины Медичи, соединяя его съ памятникомъ побѣдъ Наполеона Бонапарта, народъ смотрѣлъ издали и привѣтствовалъ своими криками появленіе оффиціального представительства и величественный образъ своей собственной верховной власти. Наверху эстрады судьи, офицеры, чиновники, депутаціи отъ корпорацій и отъ школъ занимали мѣста между двумя оркестрами, могучіе звуки которыхъ раздавались далеко кругомъ. Группа нарядныхъ женщинъ съ букетами, перевязанными трехцвѣтной лентой, увѣнчивала, словно кустъ цвѣтовъ, это простое, но торжественное убранство патріотическаго праздника. Около десяти часовъ началось шествіе процессій и окончилось лишь поздно вечеромъ.

Во все время этого движенія войскъ, стѣсненныхъ приливами и отливами несмѣтной толпы народа, не было ни одного несчастнаго случая; никакое минутное замѣшательство или безпорядокъ не нарушили общественнаго спокойствія. Жерла пушекъ, увѣнчанныя гирляндами цвѣтовъ, штыки, украшенные вѣтками сирени и боярышника, сверкающія кирасы, развѣвающіеся султаны касокъ, поднятыя кверху сабли, обнаженные шпаги, барабанный бой, духовая музыка, крики восторга—все это составляло величественное и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательное зрѣлище, въ которомъ характеръ націи, въ одно и то же время воинственной и мягкой, обожающей движеніе и шумъ, но любящей порядокъ и дисциплину, выказывался здѣсь во всей своей искренности и прелести.

По мѣрѣ того, какъ отряды кавалеріи, артиллеріи и пѣхоты прибывали къ триумфальной аркѣ, начальники корпусовъ всходили на эстраду и, получая знамя изъ рукъ министра, громкимъ голо-

¹⁾ Военный министръ получилъ разрѣшеніе ввести въ столицу пять полковъ, три пѣхотныхъ и два кавалерійскихъ.

сомъ произносили клятву вѣрности Республикѣ. Солдаты, отвязывая отъ ружей цвѣты, бросали ихъ въ знакъ почтенія къ ногамъ временнаго правительства, женщины махали платками и кричали: «Да здравствуетъ армія!»

Этотъ день былъ прекрасенъ и полонъ иллюзій. На этомъ праздникѣ, украшенномъ самыми роскошными дарами весны, среди изліяній всеобщаго довѣрія, раздоры и себялюбивыя страсти стыдились самихъ себя и прятались въ тѣни. Среди этого громаднаго населенія, старики, женщины, дѣти, солдаты, чиновники—все ощущали въ своемъ сердцѣ общую радость.

Партіи, кружки, классы, повинаясь голосу отечества, воодушевленные желаніемъ добра, казалось, призывали другъ друга къ вершенію великихъ задачъ и, вѣря въ покровительство Божіе, простертое надъ Франціей, говорили, какъ тѣ мудрецы въ счастливыя времена древней Греціи: «Дадимъ свободу генію, стараясь жить совмѣстною жизнію».

XXVII.

Изящныя искусства. — Политическія программы кандидатовъ въ народное представительство. — Открытіе Учредительнаго Собранія. — Благодарность временному правительству.

Никто изъ членовъ временнаго правительства не получилъ столь сильнаго впечатлѣнія отъ зрѣлища, которое представлялъ *Праздникъ Братства*, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ. У Ледрю-Роллена душа была юная; онъ легко поддавался вліянію внѣшней стороны вещей. Болѣе, чѣмъ кто-либо изъ его коллегъ, онъ считалъ себя авторомъ этой революціи и любилъ Республику какой-то отеческой любовью. Ему хотѣлось бы, чтобы все классы, все мнѣнія были очарованы полнымъ милости величіемъ республиканскаго правительства, и такъ какъ онъ зналъ, что воинственная обстановка и pompa болѣе всего нравятся этимъ сынамъ древнихъ галловъ, онъ странно радовался этому дню цвѣтоносныхъ штывковъ, которые, однако, въ глазахъ настоящихъ политиковъ, означали конецъ его вліянія и послѣдній шагъ его эфемерной власти.

Этой же заботѣ о чести и славѣ демократіи слѣдуетъ приписать старанія Ледрю-Роллена, тотчасъ по вступленіи его въ управленіе, успокоить художниковъ и артистовъ, чрезвычайно тревожившихся о своей будущности, и пригласить представителей всехъ искусствъ на праздники воцаренія *молодой Республики* ¹⁾.

¹⁾ Таковъ былъ обязательный эпитетъ, принятый тогда въ политическомъ языкѣ.

Ледрю-Роллэнь не побоялся выказать въ этомъ отношеніи вѣ- которое преувеличеніе, когда онъ 24 февраля, въ самый разгаръ революціонныхъ беспорядковъ, въ тотъ моментъ, когда судьба Паризжа и его собственной грозила величайшая опасность, подписалъ декретъ, назначавшій на 15 марта открытіе ежегодной выставки живописи, скульптуры и архитектуры.

Нѣсколько дней спустя онъ назначилъ директоромъ музею Жанрона, оставившаго послѣ себя отличную классификацію, по школамъ и эпохамъ, картинъ, развѣшанныхъ прежде безъ всякаго метода и вкуса и безъ пользы для изученія искусства. Наконецъ, Ледрю-Роллэнь открылъ музыкальный конкурсъ на республиканскія пѣсни и конкурсъ на нарисованные или моделированные эскизы для медальоновъ и марокъ, съ изображеніемъ символической фигуры Республики. Въ то же время Французскій театръ получилъ приказаніе давать бесплатныя представленія для народа.

Къ сожалѣнію, изъ этого призыва въ художникамъ, изъ этого похвальнаго усилія обратить ихъ вниманіе на народъ, для внимательнаго наблюдателя не получилось ничего, кромѣ впечатлѣнія абсолютной неспособности искусства создать образъ, осязательную форму идеи, которая уже отжила или которая еще не приобрѣла жизненной силы въ умахъ современниковъ. Та же роковая, непонятная для толпы сила, которая дѣлаетъ теперь архитектора неспособнымъ строить храмы и соборы, которая подъ кистью живописца и рѣзцомъ скульптора гаситъ огонь гнѣва Іеговы или божественное пламя Спасителя міра, охлаждаетъ вдохновеніе художниковъ, когда они пытаются изобразить въ символъ стремленія девятнадцатаго вѣка. Въ изученіи совершающейся метаморфозы, чистый разумъ и отвлеченный умъ находятъ обширную область разсужденія и удовлетворенія; искусство же колеблется, не понимаетъ, не умѣетъ передать въ образѣ неопредѣленное движеніе общества, бессознательно преобразующееся подъ вліяніемъ науки и промышленности; оно схватываетъ лишь частные случаи, личныя и, слѣдовательно, менѣе высокія чувства, воспроизведеніе которыхъ, какъ бы оно ни было совершенно, можетъ возбуждать только любопытство, но неспособно ни зажечь чувство, ни возвысить мысль.

У кого не возникали эти соображенія при осмотрѣ выставки символическихъ фигуръ, въ которой принимали участіе семьсотъ художниковъ—нѣкоторые съ неоспоримымъ талантомъ,—и которая тѣмъ не менѣе была столь неудовлетворительной, что премію никому нельзя было присудить и что пришлось объявить новый конкурсъ? Смутность концепціи, хаосъ идей выказывались во всѣхъ эскизахъ. Большинство художниковъ представили Республику фуріей

съ горящими глазами, съ развѣвающимися по вѣтру волосами, потрясающей надъ грудой развалинъ факеломъ или копьемъ. Нѣкоторые придали ей черты, позу и жестъ маркитантки. Другіе, не поднимаясь даже до концепціи типа, просто-на-просто изобразили одно изъ тѣхъ вульгарныхъ и вмѣстѣ странныхъ парижскихъ лицъ, въ которыхъ жадность вождельній соединяется со скукой пресыщеннаго разврата. Ни одинъ художникъ, повидимому, не возвысился до идеала Республики съ гордыми и кроткими чертами. Всѣ они сумѣли изобразить только распущенность или ярость тамъ, гдѣ слѣдовало изобразить спокойную силу мудрости.

Величайшая драматическая артистка того времени разрѣшила эту задачу не лучше живописцевъ и скульпторовъ. Рашель, чтобы угодить публикѣ, состоящей изъ народа, и польстить новому властелину, вздумала, послѣ представленія *Лукреціи* Понсара, появиться на сценѣ въ той же бѣлой греческой одеждѣ, только опоясанной трехцвѣтнымъ шарфомъ, и подъ звуки оркестра, игравшаго *piuissimo* музыку Ружэде-Лили, продекламировала воинственные строфы *Марсельезы*. Успѣхъ былъ невѣроятный. Пластически чистыя позы, словно заимствованныя у Фидія, страстная блѣдность ея лица, горящій гнѣвомъ взоръ, повелительный жестъ ея тонкой руки и даже улыбка ея устъ Медузы вызвали у публики громъ восторженныхъ аплодисментовъ. Но размышленіе, слѣдующее за порывомъ, не могло удовлетворяться этимъ. Вмѣсто того, чтобы смягчить анахронизмъ, вкладывающій въ уста миролюбивой республики выраженія злобы и мщенія, Рашель подчеркивала ихъ значеніе. Подъ ясноспокойной формой греческой музы, пріобрѣтенной ею путемъ изученія искусства, горѣло мрачное пламя еврейской расы, отъ которой она происходила. Чувствовалось, что въ ней дышитъ одно только проклятіе. Ея гортанный голосъ, казалось, жаждалъ крови. Ея недвижный взглядъ словно подстерегалъ добычу. На мрачномъ челѣ ея не было сіянія мысли, сердце ея не билось подъ прямыми, жесткими, какъ мраморъ, складками античной одежды. Развившіяся кольца ея разбросанныхъ въ беспорядкѣ волосъ казались извивающимися проклятыми змѣями. Это драматическое олицетвореніе революціонной Немезиды составляло разительный контрастъ съ чувствами народа, котораго хотѣли заставить признать въ этомъ олицетвореніи свой образъ и рукоплескать ему. Никогда, однако, прогрессъ въ народныхъ нравахъ не выказался съ такой очевидностью, какъ на этихъ народныхъ спектакляхъ, гдѣ учтивость, взволнованное вниманіе этой публики въ блузахъ и курткахъ, живость и вѣрность ея аплодисментовъ показывали, что народу доступно высшее искусство, что онъ понимаетъ истинное величіе, проникнуть уваженіемъ къ великимъ мастерамъ искусства, къ са-

мому себѣ, и это уваженіе есть вѣрный признакъ наличности нравственнаго чувства.

Если пластическимъ искусствамъ не удавалось создать образъ республики, то, конечно, и музыка не могла передать ея голоса и тона. За исключеніемъ поразительныхъ и разнообразныхъ ритмичныхъ эффектовъ, всегда, впрочемъ, воинственнаго свойства, музыканты, призванные конкурировать на сочиненіе патріотическихъ пѣсень, не произвели ничего, что было бы достойно упоминанія. Для всѣхъ, кто въ эту эпоху политическихъ переворотовъ сохранялъ еще способность интересоваться искусствомъ, было очевидно, что Республика, такъ же, какъ и монархія XIX в., не увидитъ новыхъ произведеній высшаго величія и совершенной красоты. Общее направленіе искусства XIX в. идетъ въ сторону не возвышенія, а расширенія, популяризаціи, проникновенія въ массы. Искусство, такъ же, какъ и политика, взяло на себя миссію привлечь большинство къ участію въ интеллектуальной жизни. Вслѣдствіе этого такъ мало встрѣчается теперь истинно-художественныхъ произведеній, способныхъ удовлетворить знатоковъ искусства. Вслѣдствіе этого же изобрѣтаются методы, способы, безчисленные техническіе приемы превратившагося въ промышленность искусства, чтобы путемъ репродукціи сдѣлать его доступнымъ всѣмъ; однимъ словомъ, явилось то, что одинъ современный философъ такъ мѣтко называлъ *общимъ господствомъ человеческого ума*. За аристократическимъ искусствомъ, не терпящимъ близости простонародья, слѣдуетъ искусство демократическое, призывающее къ себѣ народныя массы. Архитектура для общенія всѣхъ людей между собой строить громаднѣйшіе вокзалы. Она устраиваетъ обширныя помѣщенія—арены и зимніе сады для увеселеній толпы ¹⁾. Музыка, путемъ легкихъ методовъ, дѣлается доступной населенію, до той поры не способному понимать тайны гармоніи. Дагерротипъ, литографія и фотографія, усовершенствованные способы воспроизведенія статуй приводятъ въ пластическихъ искусствахъ къ тѣмъ же цѣлямъ ²⁾. Индивидуальные таланты, какъ

¹⁾ Послѣ революціи было обѣщано отдать Лувръ и Тюильри, соединенные подъ именемъ Дворца Народа, для народныхъ увеселеній. Проектъ этотъ, какъ и всѣ проекты того времени, отвѣчалъ болѣе запросамъ честолюбія, чѣмъ здраваго смысла. Но настанетъ когда-нибудь тотъ день, когда демократическое правительство будетъ вынуждено самою необходимостью построить для обычныхъ собраній согражданъ обширныя помѣщенія благороднаго и простаго стиля, залы, приспособленныя для концертовъ, для лекцій, для библиотекъ, залы, соединенныя крытыми галлерейми, гдѣ можно гулять зимой, украшенныя постоянной выставкой возобновляемыхъ цвѣтовъ, статуй и картинъ.

²⁾ Интересно, что въ эпоху Екатерины Медичи кальвинистъ Бернардъ Палисси (*De l'art de terre*, 1580) жалуется на эту вульгаризацію великихъ

бы испугавшись этого необузданнаго движенія, бесплодно тратятъ въ усилияхъ сопротивленія время свободнаго и плодотворнаго творчества. Они упорно держатся традиціи и стараются сохранить на неприкосновенномъ и недоступномъ толпѣ алтарѣ культъ вѣчной и чистой красоты ¹⁾.

Послѣ многихъ колебаній временное правительство созвало, наконецъ, избирательныя коллегии на первый день Пасхи 23 апрѣля.

Избирательный законъ былъ самый демократичный, какой когда либо примѣнялся въ какой-либо странѣ ²⁾. Всѣ французы, жившіе послѣдніе шесть мѣсяцевъ въ данной коммунѣ, были избирателями. Въ двадцать пять лѣтъ они могли быть избираемы. Всѣ избиратели должны были вотировать въ главномъ городѣ кантона по общему избирательному списку (*semtin de liste*). Каждый бюллетень долженъ былъ содержать столько именъ, сколько надо было избрать представителей отъ даннаго департамента. Подсчетъ мѣстныхъ голосовъ долженъ былъ производиться въ главномъ городѣ кантона, а окончательная общая провѣрка въ главномъ городѣ департамента. Подача голосовъ была тайная. Никто не могъ быть избранъ въ народные представители, если не получилъ, по крайней мѣрѣ, двѣ тысячи голосовъ. Наконецъ, каждому представителю платилось по 25 фр. суточнаго вознагражденія во все время продолженія сессіи.

произведеній искусства: „Видѣлъ ли ты, пипеть онъ, какъ печатники портятъ художниковъ и ученыхъ портретистовъ. Я видѣлъ, помнится, иллюстрированныя исторіи Божіей Матери, напечатанныя толстыми чертами на основаніи изобрѣтенія одного нѣмца по имени Альбертъ. Эти исторіи стали въ такомъ презрѣннѣ, вслѣдствіе множества воспроизведеній, что за каждую давали по два лара, хотя въ этихъ копіяхъ не мало, собственно говоря, искусства. Ты видѣлъ также, какъ воспроизведеніе гипсомъ вредитъ хорошимъ скульпторамъ. Послѣ того, какъ кто-нибудь изъ нихъ долго ваялъ фигуру принца или принцессы или какую-либо другую отличную фигуру, его произведеніе попадаетъ въ руки формовщика, и онъ надѣлаетъ ихъ столько, что скорѣй забудутъ имя перваго ея творца и его дѣятельность, и будетъ онъ продавать такіа фигуры за низкую цѣну по причинѣ успѣховъ формованья, и къ великому огорченію того, кто впервые изваялъ вещь“.

¹⁾ Школа живописи, которая такъ строго держалась греческой и флорентійской традиціи, и охранялась отъ современной распушенности строгой дисциплиной Энгра; искусныя работы по реставраціи св. Капеллы, въ Фонтенебло, въ Луврѣ; памятники, полные эрудиціи и вкуса, исполненные Лабрустомъ и Дюбаномъ, могутъ служить подтвержденіемъ моихъ словъ.

²⁾ Извѣстно, что законъ 1791 исключалъ людей на жалованьи и требовалъ въ видѣ избирательнаго ценза платежа-налога, равняющагося заработку трехъ рабочихъ дней. Законъ 21 іюня 1793 г., установившій прямой выборъ депутатовъ на собраніяхъ гражданъ, живущихъ шесть мѣсяцевъ въ одномъ кантонѣ, не былъ примѣненъ. Закону 22 августа, установившему двухстепенные выборы, слѣдовали до 1799 г.

Первое впечатлѣніе обнародованія этого закона, если и не вполне удовлетворило всѣхъ, то произвело почти всеобщее успокоеніе умовъ. Главныя постановленія, составленныя, по совѣту Корменэна и Изамбера, Маррастомъ, которому въ частности принадлежитъ, главнымъ образомъ, идея избирательныхъ списковъ, свидѣтельствовали о строго-обдуманномъ намѣреніи уберечь сельское населеніе отъ такъ называемыхъ интересовъ *колокольни*, т. е. отъ давленія священниковъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, а также открыть доступъ въ Національное Собраніе пролетаріату ¹⁾. Не исключая изъ подачи голосовъ солдатъ и слугъ, законъ 1848 г. выказывалъ большее довѣріе къ принципу равноправія, нежели это осмѣливались сдѣлать когда-либо раньше. Наконецъ, законъ этотъ, конечно, не лишенный недостатковъ, но лучший, повидимому, какимъ только могла пользоваться нація, въ первую минуту получилъ одобреніе всѣхъ искренно желающихъ основанія во Франціи демократическаго правительства. Всеобщая подача голосовъ была единственнымъ пріемлемымъ для чести партій основаніемъ, позволяющимъ всѣмъ имъ то, чего онѣ желали, не смѣя этого высказать, а именно отпаденія, въ которомъ можно было признаться, отреченія, безъ подлости, отъ принциповъ, въ которые они перестали вѣрить.

Всеобщая подача голосовъ—это была передача управленія обществомъ самому же обществу. Поэтому, если ни одна партія не достигала совершеннаго исполненія своихъ желаній, то всѣ онѣ могли быть увѣрены въ томъ, что будутъ имѣть представителей въ Національномъ Собраніи въ болѣе или менѣе благоприятной пропорціи, достаточной для того, чтобы ни одно изъ мнѣній страны не было заглушено.

Поэтому ни одна партія и не подумала воздерживаться отъ выборовъ. Каждая, напротивъ, усилила свои старанія, чтобы получить болѣе значительное мѣсто въ Собраніи. Духовенство первое подало примѣръ такой политики. Покоряясь событіямъ, подлаживаясь подъ обстоятельства, оно не теряло ни одной минуты и не пропускало ни одного изъ случаевъ вліянія, которые представляло ему, въ особенности въ деревняхъ, близкое общеніе съ населеніемъ. Искусно составленные списки духовенства, въ которыхъ были перемѣшаны, смотря по мѣстности, наименѣ скомпрометтированныя имена изъ дворянства и буржуазіи съ именами наиболѣе вѣрующихъ католиковъ между рабочими и крестьянами, получили большинство во многихъ департаментахъ. Имена, которыя они рѣшили вычеркнуть изъ списковъ, не прошли или прошли съ большимъ трудомъ. На-

¹⁾ Вознагражденіе въ 25 фр., такъ легкомысленно осуждавшееся демократической печатью, не имѣло иной цѣли.

конецъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ епископовъ-ультрамонтановъ, оставшихся въ сторонѣ, духовенство, по свойственному ему дару ловкаго комментирования, которымъ оно такъ широко воспользовалось по отношенію къ революціи 1848 г., очутилось какъ бы вполне естественно, и не совершая прямой низости, въ самомъ центрѣ избирательнаго движенія. Въ то время, какъ политическія партіи громко спорили о правахъ и смыслѣ революціи, духовенство, ничего ни у кого не оспаривая, ни на что не претендуя, старалось, и весьма успѣшно, повернуть революцію въ свою пользу ¹⁾.

Политика свѣтскихъ элементовъ не выказала, даже и приблизительно, такта и гибкости политики духовенства: она перешла границы; большинство роялистскихъ кандидатовъ въ исповѣдованіи своихъ политическихъ убѣжденій не сохранили никакой мѣры. При мѣры такого рода настолько многочисленны, что не зачѣмъ приводить ихъ всѣ. Я выбираю самые крупные. Въ своемъ циркулярѣ избирателямъ Дубскаго департамента, де-Монталамберъ съ сердечнымъ сокрушеніемъ обвиняетъ себя въ томъ, что раздѣлялъ не то, что индифферентность, а невѣжество большинства политиковъ относительно многихъ социальныхъ вопросовъ, занимающихъ въ настоящее время, по справедливости, столь большое мѣсто въ кругу заботъ страны; онъ называетъ свободу идоломъ своей души; онъ хвастается тѣмъ, что всегда провозглашалъ законную власть народа и божественное право національностей ²⁾.

Де-Фаллу, который, какъ мы увидимъ ниже, былъ самымъ отъявленнымъ противникомъ республики, провозглашаетъ свое удивленіе передъ *парижскимъ народомъ* и говоритъ, что онъ *придалъ побѣдѣ священный характеръ*. Приводя знаменитое выраженіе Шатобриана, который когда-то объявилъ себя *монархистомъ по принципу и республиканцемъ по природе*, онъ утверждаетъ, что

¹⁾ Слѣдующее извлеченіе изъ пастырскаго посланія епископа Дижонскаго отъ 8 марта 1848 г. даетъ точное понятіе объ общепринятомъ католическимъ духовенствомъ отношеніи къ республикѣ:

Г. священникъ,

„Вамъ извѣстно, что, основанное въ 1830 г., правительство унесено бурей, подобной той, которая принесла его. Тотъ, кто царитъ на небесахъ и отъ котораго исходятъ всѣ власти, еще разъ далъ народамъ и государямъ великій и страшный урокъ. Никакая власть, не признающая общихъ интересовъ страны, не можетъ никогда укорениться въ ней. Всякое правительство, которое захочетъ остановить прогрессивное развитіе общественныхъ свободъ, рано или поздно будетъ поглощено той волной идей и законныхъ нуждъ, которая подымается непрерывно и съ которой нельзя справиться иначе, какъ давая свободное и мирное направленіе ея теченію“.

²⁾ Циркуляръ де-Монталамбера къ избирателямъ Дубскаго департамента, 3 апрѣля 1848.

выраженіе это «*втолнъ искренно, въ особенности, въ устахъ людей западныхъ департаментовъ*».

Данжуа, который позже вотируетъ въ Учредительномъ Собраніи репрессивныя мѣры, требуетъ теперь бесплатнаго обученія во всѣхъ степеняхъ, отъ самой первоначальной дѣтской школы до профессиональной школы; онъ требуетъ вознагражденія, пенсін, гарантированной государствомъ для всѣхъ и сдѣлавшейся догматомъ, за которыми тотчасъ же должно слѣдовать исполненіе.

Леонъ Фошэ утверждаетъ, что государство обязано сдѣлать орудія труда доступными всѣмъ, путемъ развитія кредитныхъ учреждений и путемъ ипотечной реформы. Государство можетъ, говоритъ онъ, ограничить возрастаніе высшихъ классовъ, налагая на нихъ болѣе значительную долю общественныхъ повинностей.

Де-Муши, въ департаментѣ Уазы, выражается также совершенно ясно. По его мнѣнію, Національное Собраніе созывается для того, чтобы продолжить демократическое дѣло соціальной революціи 1789 г.; онъ требуетъ, чтобы трудъ былъ организованъ; чтобы подати были распредѣлены съ болѣею справедливостію; чтобы налоги на съѣстные припасы первой необходимости были отменены; чтобы образованіе было бесплатнымъ и обязательнымъ. Онъ объявляетъ, наконецъ, что республика есть единственно возможное для Франціи правительство и что надо быть безумнымъ, чтобы мечтать о восстановленіи монархіи. Онъ принимаетъ эту республику со всѣми ея соціальными послѣдствіями. Надо,—говоритъ онъ своимъ избирателямъ,—назначать людей, искренно преданныхъ святому народному дѣлу и торжеству соціальныхъ идей, которыя должны обновить старую Европу.

Де-Дампьеръ, обращаясь къ избирателямъ Ландовъ, признается, такъ же, какъ и де-Монталамберъ въ Ду, въ своей громадной ошибкѣ, состоящей въ томъ, что онъ не сдѣлалъ соціальныхъ идей непрестанной заботой всей своей жизни. Онъ требуетъ новаго соціального строя.

Фіаленъ де-Персиньи говоритъ избирателямъ Луары: «Это не политическая революція, которая оканчивается, а революція соціальная, которая начинается.» Онъ объявляетъ, что обязанъ посвятить свою жизнь на служеніе народу; онъ клянется, что все мужество, весь умъ, всю рѣшимость, которые пошлетъ ему Господь Богъ, онъ отнынѣ будетъ посвящать освобожденію отъ единственнаго еще тяготящаго надъ народомъ рабства—рабства нищеты.

По мнѣнію Руэра, революція эта въ одно и то же время и политическая, и соціальная. Онъ требуетъ немедленной отмены притѣснительныхъ налоговъ, особенно тяжело ложащихся на

рабочій классъ; требуетъ полной и совершенной свободы собраний; считаетъ клубы необходимыми; хочетъ прогрессивнаго налога, организаціи труда; однимъ словомъ, всего для народа и посредствомъ народа.

Генераль Групи и генераль Жемо говорятъ въ этомъ же духѣ.

Де-Сегюръ д'Агессо, заявивъ о своей неизмѣнной преданности республикѣ, объявляетъ, что монархическая форма правленія *отжила свой вѣкъ*; «теперь, говоритъ онъ, уже признано, что она не можетъ удовлетворить социальнымъ нуждамъ торжествующей демократіи.»

Баронъ хвалится, что онъ былъ въ числѣ пятидесяти четырехъ членовъ, которые, предупреждая нѣсколькими часами народное правосудіе, предложили отдать подъ судъ виновное и ненавистное министерство.

Дюпенъ полагаетъ, что монархія *отпала* невозможной и что онъ считаетъ своимъ общественнымъ долгомъ открыто присоединиться къ единственной формѣ правленія, которая можетъ *отвращать* впредь народныя бѣдствія ¹⁾.

Чего лучшаго могли еще желать республиканцы и даже социалисты, когда они видѣли, что ихъ противники безъ всякаго давленія, совершенно добровольно и по собственной инициативѣ компрометируютъ себя подобными преувеличенными заявленіями, берутъ на себя обязательства передъ Республикой и въ случаѣ своего отреченія или отпирательства подвергаютъ себя позору и нравственному униженію, пагубному для монархической партіи?

Если этотъ фактъ былъ неблагоприятнымъ симптомомъ паденія нравственнаго чувства и достоинства высшихъ классовъ общества, то демократамъ, какъ людямъ партіи, нечего было жаловаться на это: совсѣмъ наоборотъ.

Предоставляя Богу судить совѣсть и сердца людей, демократамъ, какъ хорошимъ политикамъ, оставалось только принять эти заявленія и считать ихъ искренними. Не имѣя, кромѣ того, возможности исключить изъ Національнаго Собранія большинство страны, которое не было республиканскимъ по убѣжденію, что другое они могли сдѣлать, какъ не толкнуть, насколько возможно, рѣшительно впередъ этихъ республиканцевъ изъ категоріи сторонниковъ *совершившагося факта*, окружить ихъ, такъ сказать, и увлечь ихъ въ революціонное движеніе, которому они не имѣли силы сопротивляться?

Къ сожалѣнію, эта столь простая политика не была понята рес-

¹⁾ См. для большаго удобства всѣ эти professions de foi, отпечатанныя въ одномъ и томъ же номерѣ „Presse“ отъ 25 февр. 1851 г.

публиканскими избирательными комитетами и ихъ агентами. Они хотѣли во что бы то ни стало *революционизировать, республиканизировать*, какъ они выражались, столь глубоко демократическую страну, что надо было только позволить ей двигаться по естественному наклону, предохраняя ее отъ всякихъ унетеній, чтобы республика была основана.

Громадная сила, брошенная внезапно на вѣсы со стороны народа всеобщей подачей голосовъ, обявлявшей всѣ партіи входить съ нимъ въ сношенія—вотъ гдѣ была, въ условіяхъ времени, необходимаго для выполненія каждаго естественнаго или человѣческаго дѣла—настоящая революція. Если бы результатъ первыхъ выборовъ и далъ Собраніе даже болѣе смѣшанное и еще менѣе республиканское, чѣмъ было Учредительное, то для демократіи это было бы менѣе вредно, нежели показать, какъ это сдѣлали вожаки клубовъ, что республиканская партія находится въ рѣзкомъ противорѣчій со своимъ собственнымъ принципомъ, отказывается отъ него, попираетъ его ногами ¹⁾, стараясь увлечь демократію на такой путь, гдѣ она была бы постоянно бунтующимъ противъ всякаго большинства меньшинствомъ, т. е. въ состояніи непрерывной анархіи.

Разумѣется, большимъ зломъ было дать народу пользованіе правомъ, прежде чѣмъ дать ему воспитаніе, которое научило бы его, каковы основа и цѣль этого права. Слѣдовало бы, какъ сказалъ Жанъ-Жакъ Руссо, чтобы «общественный духъ, который долженъ быть собственно результатомъ учреждений, руководилъ, однако, людьми при выработкѣ этихъ самыхъ учреждений, и чтобы люди были до законовъ тѣмъ, чѣмъ они должны сдѣлаться черезъ законы» ²⁾. Но этого не было, этого не могло быть. М. уже доказали, что въ царствованіе Людовика-Филиппа буржуазія не расположена была давать народу такое образованіе, которое эмансипировало бы его и сдѣлало бы его равнымъ ей по праву и по способностямъ. Слѣдовательно, необходимо было, чтобы народъ революціоннымъ способомъ завоевалъ себѣ политическую свободу *на дѣлѣ*, чтобы имѣть возможность взять ее себѣ со временемъ *по праву*.

Изъ роковой перестановки этого порядка вещей, происшедшей по винѣ руководящихъ классовъ, возникла серьезная опасность. При

¹⁾ Замѣчательно, что реакціонная печать и ультра-радикальные органы говорили въ это время однимъ языкомъ. Роялистскія газеты также протестовали противъ того, что они называли *ложнымъ народнымъ представительствомъ* („Assemblée nationale“, № отъ 8 марта 1848 г. и слѣд. дни).

²⁾ „Contrat social“ т. II гл. VII.

подобномъ состояніи умовъ, надо было ожидать слишкомъ крайняго выраженія революціоннаго духа у нѣкоторыхъ и слишкомъ недостаточнаго у большинства ¹⁾).

«Вы допустили принципъ, несите и послѣдствія его; неудача—это только отсрочка»,—говорилъ весьма разсудительно одинъ изъ наиболѣе передовыхъ социалистовъ людямъ своей партіи, стремившимся въ эту минуту низвергнуть Національное Собраніе ²⁾).

Собраніе, даже не особенно революціонное, никогда не могло бы принести столько вреда Республикѣ, какъ эти проповѣди и затѣмъ эти посягательства на верховную власть народа, сигналъ которыхъ, къ сожалѣнію, былъ данъ республиканской печатью.

Ледрю-Релленъ сдѣлалъ, какъ мы уже видѣли, громадную ошибку, довѣривъ клубу клубовъ, находящемуся подъ руководствомъ людей, изъ которыхъ одни были подозрительны, а другіе неспособны, выборъ агентовъ для отправки въ департаменты съ цѣлью вліять на выборы. Эти агенты, или совсѣмъ неизвѣстные, или слишкомъ извѣстные въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда они являлись, наводнили бюро министерства несообразными доносами; они дѣлали или самые ложные, или преувеличенные доклады; увольненія, которыя они вызывали, и возвращенія уволенныхъ по ихъ явной ошибкѣ внесли большую путаницу въ дѣла. Желая исправить это, министръ напечаталъ 8 апрѣля новый циркуляръ; но онъ не только не достигъ цѣли, а внесъ окончательное смущеніе во всѣ углы.

Министръ народнаго просвѣщенія, со своей стороны, счелъ нужнымъ подбодрить рвеніе подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ и дать имъ указанія относительно характера, который должны имѣть выборы. Въ своемъ циркулярѣ отъ 6 марта онъ говоритъ: «Самая главная ошибка, отъ которой надо уберечь сельское населеніе, это убѣжденіе, что для представительства необходимо быть образованнымъ и богатымъ. Что касается образованія, то честный, хорошій крестьянинъ, обладающій здравымъ смысломъ и опытомъ, будетъ несравненно лучшимъ представителемъ интересовъ своего сословія въ Національномъ Собраніи, нежели богатый гражданинъ

¹⁾ Многіе крестьяне отдаленныхъ деревень удивлялись списку напечатанныхъ именъ, который имъ вручали, и наивно говорили: «Да гдѣ правительство уже отдало выборы, чего же насъ еще заставляютъ подавать голоса?»

²⁾ Распайль, „Ami du peuple“, апрѣль 1848. Луи-Бланъ въ своихъ „Pages d'histoire“ выражаетъ ту же мысль: „Значеніе принциповъ, руководящихъ обществомъ, не должно измѣняться интересомъ минуты; всеобщая подача голосовъ основывается на сознаніи права, и уже въ одномъ торжественномъ признаніи права заключается фактъ громадной важности“.

съ высшимъ образованіемъ, незнакомый съ сельской жизнью или занятый чуждыми крестьянству интересами; что же касается богатства, то вознагражденіе, которое будетъ выдаваться всѣмъ членамъ Національнаго Собранія, будетъ достаточно для самыхъ бѣдныхъ...» — «Новыхъ людей, говорилъ далѣе министръ, — вотъ чего требуетъ Франція: революція не должна только обновлять учрежденія — она должна обновлять и людей.»

Эта послѣдняя фраза, наминавшая циркуляръ Ледрю-Роллена, который Карно, министръ народнаго просвѣщенія, однако, сильно порицалъ, показалась выраженіемъ предпринятаго правительствомъ систематическаго выключенія извѣстныхъ элементовъ. Затѣмъ заявленіе министра народнаго просвѣщенія, будто образованіе не нужно для того, чтобы быть представителемъ страны, не могло не скандализировать всѣ партіи.

Министръ, не смотря на сыпавшіяся на него со всѣхъ сторонъ нападки, настаивалъ на своемъ циркулярѣ, какъ Ледрю-Ролленъ настаивалъ раньше на своемъ, и 10 марта напечаталъ въ «*Moniteur*» замѣтку, въ которой онъ еще разъ убѣждалъ избирателей выбрать крестьянъ, *не давая себя ослѣплять престижемъ богатства и великосвѣтскихъ манеръ*. «Опасность, которой всѣ искренніе друзья Республики могутъ бояться, — говорилъ Карно далѣе, — это не то, что въ Національномъ Собраніи будетъ слишкомъ мало людей съ высшимъ образованіемъ, а то, что между ними будетъ слишкомъ мало людей практичныхъ, глубоко и искренно преданныхъ интересамъ самаго многочисленнаго и самаго бѣднаго класса.» И онъ снова рекомендовалъ избраніе *людей способныхъ, которые, если и не поднялись выше уровня первоначальнаго образованія, были всетаки достойны, несмотря на недостатокъ высшаго образованія и матеріальнаго благосостоянія, фигурировать въ числѣ самыхъ драгоценныхъ элементовъ Собранія.*

Руководства къ изученію правъ и обязанностей гражданина или политическіе катехизисы, изданные по просьбѣ министра ректорами академіи, комментировали и развивали эту мысль ¹⁾. Въ Парижѣ Анри Мартэнъ, Дюку и Ренувье взялись исполнить эту

¹⁾ Эта мысль далеко не была неправильной или совершенно новой. Задолго до Карно, Ксенофонъ сказалъ въ своей „*Афинской республикѣ*“ (гл. I): „Нѣтъ ничего разумнѣе, какъ позволить самому послѣднему чело-вѣку изъ народа говорить публично. Послѣдній ремесленникъ, имѣющій право встать и говорить собранію, будетъ давать полезные совѣты себѣ и подобнымъ себѣ. Въ общественномъ мнѣніи этотъ чело-вѣкъ, каковъ онъ есть, съ его невѣжествомъ, съ его низменными взглядами, но и съ его преданностью демократіи, стоить больше, чѣмъ выдающійся гражданинъ съ благородными взглядами, проникательностью, но съ коварными намѣре-ніями“.

задачу. Руководство Ренувье сдѣлалось предметомъ рѣзкихъ нападокъ, которыя, чтобы произвести болѣе сильное впечатлѣніе, были резюмированы противниками однимъ словомъ — *коммунизмъ*. Начали распространяться слухи, что министръ и его подчиненные проповѣдуютъ равенство въ невѣжествѣ и тотъ коммунизмъ въ нищетѣ умственныхъ благъ, который Людрю-Ролланъ хотѣлъ установить въ нищетѣ матеріальныхъ благъ.

Эти обвиненія были несправедливы ¹⁾; но не слѣдовало даже давать имъ поводъ. Ни министръ внутреннихъ дѣлъ, ни министръ народнаго просвѣщенія объ этомъ не подумали. Они смѣшали то, что можетъ быть предметомъ секретныхъ инструкцій правительства, данныхъ съ разборомъ небольшому числу людей, способныхъ разсудить и понять ихъ, и то, что можетъ быть сказано въ официальныхъ бумагахъ, читаемыхъ противниками, комментируемыхъ партійнымъ духомъ, дурно понимаемыхъ и толкуемыхъ невѣжественными или злонамѣренными людьми. Дѣловой практики не было ни у того, ни у другого. а благодаря этому имъ недоставало ни чувства мѣры въ выраженіяхъ, ни чутья своевременности, составляющей основу политики.

Однако, несмотря на эти ошибки, на эти колебанія въ разныхъ стороны власти, несмотря на ежедневную агитацію влубовъ, страна съ честью вынесла великое испытаніе всеобщаго голосованія. За весьма немногочисленными исключеніями выборныя операціи прошли съ полнѣйшей регулярностью.

Вспомнимъ, что 23 апрѣля былъ первый день Пасхи. По этому поводу въ совѣтѣ возникли сомнѣнія. Боялись оскорбить духовенство и набожныхъ людей, назначая для совершенія политическаго акта день, посвященный самому высшему церковному празднику. Ламартинъ старался опровергнуть эту трусливую мысль. Онъ видѣлъ, напротивъ, въ этомъ совпаденіи счастливое предзнаменованіе и для религіи, и для республики. Духовенство такъ это и поняло. Оно не только не роптало, но поспѣшило объявить о перемѣнѣ часовъ, которую вело за собой это рѣшеніе. Всюду въ деревняхъ въ этотъ день отслужили настольную обѣдню на разсвѣтѣ; по окончаніи службы священники присоединились къ мэру, къ мировому судѣ, къ командиру національной гвардіи и къ учителю; они собрали избирателей, поставили ихъ колонной и со знаменемъ, му-

¹⁾ „Революція, которая унесла королей, пэровъ и депутатовъ, всегда уважаетъ семью, бракъ, духовныя завѣщанія и суды“, говоритъ „Руководство“ Ренувье. Вообще онъ всюду проводитъ ту мысль, что *капиталъ и процентъ на капиталъ, дареніе и наслѣдованіе* — вещи вполне законныя, необходимыя для достоинства и для свободы гражданина. (См. гл. II „Руководства“ „De la sureté et de la propriété“).

зыкой и пѣніемъ патріотическихъ пѣсенъ повели ихъ въ главное мѣсто кантона.

Всюду царствовали порядокъ и спокойствіе въ этомъ громадномъ нравственномъ и матеріальномъ движеніи цѣлаго народа. Ни одного несчастнаго случая, ни одного крупнаго безпорядка не произошло въ операціи, которую, однако, умные, опытные люди считали *матеріально невозможной* ¹⁾. Сильныя опасенія, внушенныя этимъ днемъ, были блистательно опровергнуты. Среди самаго раздраженнаго населенія, въ Ліонѣ, все прошло замѣчательно спокойно. Наканунѣ Пасхи произошла манифестація, организованная центральнымъ клубомъ. Отъ десяти до двѣнадцати тысячъ клубистовъ и рабочихъ національных мастерскихъ, большею частью вооруженныхъ, обошли городъ, неся транспарантъ, на которомъ были написаны имена четырнадцати кандидатовъ коммунизма. Въ тотъ же день центральный клубъ расклеилъ плакатъ, разоблачающій передъ народомъ мошенническія продѣлки префекторальнаго комитета и послалъ къ правительственному комиссару требованіе смѣнить этотъ комитетъ. Послѣ отказа комиссара появился новый плакатъ, грозящій властямъ *протестомъ иного рода, чтобы вынудить этому совету, что верховная власть народа должна стоять выше глупыхъ и безсовѣстныхъ махинацій подлой катерини*.

Однако, вопреки этимъ демонстраціямъ, центральный клубъ провелъ на выборахъ только шесть изъ своихъ кандидатовъ; изъ нихъ только двое, Грешпо и Пельтье, были представителями коммунизма; всѣ остальные принадлежали къ умѣренному республиканскому мнѣнію. Раздраженный этой неудачей, центральный клубъ послалъ депутацію Мартонъ-Бернару, чтобы протестовать съ угрозами противъ результата выборовъ; но собственно выборы были вполне правильны. Ни въ Ліонѣ, ни гдѣ-либо въ другихъ мѣстахъ не обратили вниманія на протесты этого партійнаго духа. Только въ Руанѣ и въ Лиможѣ они приняли серьезный характеръ.

Въ Лиможѣ, гдѣ фарфоровое производство занимаетъ болѣе шести тысячъ рабочихъ и гдѣ около 13 тысячъ нищихъ приходится на населеніе въ 100,000 душъ, народъ вырывалъ избирательные бюллетени изъ рукъ счетчиковъ и обезоруживъ національную гвардію. 27 апрѣля рабочіе Руана, раздраженные проваломъ ихъ слишкомъ исключительнаго списка ²⁾ и неосторожно вызывающими выходками національной гвардіи, которая съ 16 апрѣля была настроена въ злобно реакціонномъ духѣ, взяли за оружіе. Началась

¹⁾ Таково было мнѣніе, высказанное институтомъ; таково, впрочемъ, было мнѣніе и многихъ политическихъ дѣятелей.

²⁾ Въ этомъ спискѣ, состоявшемъ изъ 19 именъ, 10 принадлежали пролетаріату.

битва; она продолжалась два дня, если только можно назвать битвой неравную борьбу народной массы, почти безъ оружія и безъ военныхъ запасовъ, толпы, гдѣ были и женщины, и старики, и дѣти, но не было военного руководителя, противъ отлично дисциплинированныхъ войскъ, дѣйствующихъ заодно съ національной гвардіей. Объ этомъ свидѣлствуетъ несоразмѣрность между цифрами убитыхъ и раненыхъ съ двухъ сторонъ: эта цифра очень значительна въ рядахъ пролетаріата ¹⁾; войска же, какъ говорили, не потеряли ни одного линейнаго солдата и ни одного солдата національной гвардіи. Между тѣмъ, командовавшій въ Руанѣ генераль Жераръ сдѣлалъ такой безпощадный и безжалостный по отношенію къ возставшимъ докладъ объ этомъ сраженіи, что оскорбилъ даже и тѣхъ членовъ совѣта, которые стояли за энергичныя репрессивныя мѣры противъ народнаго возстанія.

Ледрю-Ролланъ и Луи-Бланъ заявили противъ доклада протестъ и потребовали привлеченія генерала Жерара къ военному суду; но ихъ требованіе было отклонено, и бывшему прокурору Нижней Сены, Франку-Каррэ, поручено было произвести дознаніе. Дешанъ былъ замѣщенъ Дюссаромъ, назначеннымъ главнымъ комиссаромъ Нижней-Сены. Тюрьмы наполнились; законы были крайне строго примѣнены къ этому мятежу, конечно, преступному, но въ которомъ ошибки мѣстныхъ властей, вызывающее отношеніе буржуазіи, а главное, роковое стеченіе обстоятельствъ сыграли настолько большую роль, что полная снисходительность къ побѣжденнымъ была бы только крайней справедливостью.

Въ Парижѣ выборы оспаривались главнымъ образомъ между умѣренными республиканцами и республиканцами социалистами или коммунистами, представлявшими собой духъ пролетаріата.

На сторонѣ первыхъ были большія преимущества. Центральныя комитетъ, руководимый партіей, группировавшейся вокругъ «National», дѣйствовалъ съ единодушіемъ и политическимъ тактомъ. Его поддерживала парижская мѣрія, и онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи чиновниковъ. Начальники бригадъ въ національныхъ мастерскихъ и многочисленные художники, получавшіе тамъ жалованье въ размѣрѣ пяти франковъ въ день, служили для выборной пропаганды.

Пролетаріатъ же, который не имѣлъ въ своемъ распоряженіи такихъ средствъ и которому необходимо было бы сосредоточить свои

¹⁾ Сенаръ въ своей рѣчи въ Національномъ Собраніи (засѣданіе 8 мая 1848) даетъ слѣдующія цифры: была построена 41 баррикада, противъ которыхъ выпущено 19 пушечныхъ зарядовъ; 11 человекъ убито во время битвы, 76 ранено и принесено въ больницы; изъ нихъ 23 умерло. Но эти цифры, повидимому гораздо ниже дѣйствительности.

усилія, наоборотъ, раздѣлился. Делегаты Люксембурга составили отдѣльный кружокъ; вожаки клубовъ дѣйствовали каждый отдѣльно; всё соглашались только на незначительныя уступки; списки кандидатовъ составлялъ не разумъ, а политическая страсть. Результатомъ явилось то, что ни одинъ кандидатъ-соціалистъ не прошелъ, за исключеніемъ Луи-Блана и Альбера, признанныхъ центральнымъ комитетомъ въ качествѣ членовъ временнаго правительства.

Списокъ делегатовъ Люксембурга, далъ поводъ къ продолжительнымъ дебатамъ. По совѣту Луи-Блана, делегаты образовали комиссію, которая должна была выслушать представленныхъ корпораціями кандидатовъ и рассмотреть ихъ права на избраніе. Эта комиссія ¹⁾ рѣшила прежде всего въ принципѣ, что для того, чтобы составить противовѣсъ почти исключительно буржуазнымъ кандидатурамъ въ департаментахъ, должно было выставить двадцать именъ рабочихъ на 34 имени парижскаго списка; послѣ этого она приступила къ продолжавшемуся цѣлыхъ восемь дней рассмотрѣнію кандидатовъ и сдѣлала, можно сказать, смотръ всѣмъ политическимъ дѣятелямъ и писателямъ, стоящимъ за демократію. Къ сожалѣнію, этимъ изслѣдованіемъ и обзорѣніемъ руководилъ духъ крайней исключительности. Беранже, принятый единодушно большинствомъ народныхъ собраній, оказался не достаточно яркимъ соціалистомъ для делегатовъ Люксембурга. Ламенна, несмотря на свои «*Paroles d'un croyant*» и многія другія великолѣпныя сочиненія, былъ отвергнутъ вслѣдствіе его письма въ «*National*» объ утопистахъ

¹⁾ Въ ея составъ вошли: Визъ—делегатъ отъ типографовъ; Сиксъ—делегатъ отъ обойщиковъ; Бонфонъ—делегатъ отъ поваровъ; Пассаръ—делегатъ отъ пивоваровъ; Перно—делегатъ отъ краснодеревцевъ; Дюшенъ—делегатъ отъ наборщиковъ. Эта комиссія засѣдала восемь дней, начиная отъ 5 марта; она выслушала 70 кандидатовъ. Вопросы, на которые имъ надо было отвѣтить, были слѣдующіе:

Каково ваше мнѣніе о существующихъ учрежденіяхъ?

Каковы ваши религіозныя убѣжденія? Стоите ли вы за свободу вѣроисповѣданій?

Должны ли различныя вѣроисповѣданія быть оплачиваемы государствомъ?

Каковы ваши взгляды на организацію труда?

Какія реформы вы считаете необходимыми ввести въ судопроизводство?

Какъ понимаете вы организацію арміи? Какова должна быть ея роль теперь и позже?

На какихъ основахъ должна покоиться, по вашему мнѣнію, система налоговъ?

Каково ваше мнѣніе относительно развода.

Какія отношенія слѣдуетъ установить между Франціей и различными народами Европы, въ особенности. Германіей и Италіей?

и его недавнихъ нападковъ въ «Peuple constituant» на мастерскую въ Клиши и на коммунистовъ; Прудона отвергли, какъ недостаточно послѣдовательнаго; Каба и Бланки отстранили безъ обсужденій, при чемъ послѣдняго, вѣроятно, подъ вліяніемъ Луи-Блана; за то приняли повара Флотта. Пьеръ Леру, Барбэсъ, Распайль, Видалъ, Коссидьеръ, Собріе, Флоконтъ и даже Ледрю-Роллэнъ, несмотря на 16 апрѣля, были приняты. Торэ получилъ незначительное большинство. Что касается кандидатуръ рабочихъ, то онѣ подверглись горячимъ обсужденіямъ и спорамъ.

Прежде всего были отвергнуты кандидаты, предложенные орхаическими товариществами подмастерьевъ, такъ какъ ихъ старинныя претензіи на главенство не были еще забыты. Кромѣ того, считали, что они стоятъ подъ вліяніемъ клерикальной партіи. По личнымъ соображеніямъ для трехъ изъ нихъ сдѣлали исключеніе. Между ними былъ Агриколь Пердигье, мастеръ-столяръ, человекъ, отличавшійся безукоризненною нравственностью и прямою душою, авторъ нѣсколькихъ популярныхъ брошюръ, написанныхъ въ прекрасномъ примирительномъ духѣ. Всѣ прочія имена рабочихъ въ списокѣ Люксембурга принадлежали людямъ коммунистическаго направленія ¹⁾.

Невозможно себѣ объяснить, какъ такіе умные люди, какъ делегаты Люксембурга, хоть на одну минуту могли питать надежду, что такой исключительный списокъ можетъ пройти. Ихъ сбила съ толку ложная идея, къ сожалѣнію, поддержанная Луи-Бланомъ. Они вообразили себѣ, что революція должна привести къ абсолютному господству пролетаріата и, такъ какъ у нихъ не было ни малѣйшаго политическаго такта, то они, вмѣсто того, чтобы тщательно скрывать такую оскорбительную для всей остальной массы населенія претензію, поспѣшили дать ей это почувствовать. Слѣдствіемъ этого получилось то, что изъ столь плохо составленнаго списка, прошли только четыре имени членовъ временнаго правительства, принятыхъ центральнымъ комитетомъ, затѣмъ Коссидьеръ, къ которому парижская буржуазія хранила еще остатокъ благодарности, и Агриколь Пердигье, анти-коммунистическія убѣжденія котораго были извѣстны всѣмъ ²⁾.

¹⁾ См. *Историческіе документы* въ концѣ тома № 11. Списокъ кандидатовъ былъ установленъ послѣ трехъ послѣдовательныхъ засѣданій въ собраніи 17 апрѣля.

²⁾ Два инцидента этого избирательнаго движенія заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Самъ Бланки предложилъ своему клубу кандидатуру Огюста Конта, ученика Сэнъ-Симона, основателя положительной философіи. Такъ какъ это имя носилъ также одинъ знаменитый физикъ, то предложеніе было

28 апрѣля, въ 10 часовъ вечера, парижскій мэръ прочиталъ собравшемуся на площади Ратуши народу списокъ представителей, выбранныхъ въ департаментъ Сены. Первое имя, получившее 259,800 голосовъ, было имя Ламартина. Имена Дюпонъ-де-Лара, Араго, Гарнье-Пажеса, Армана Марраста, Мари и Кремье шли вслѣдъ за нимъ¹⁾. Это было яркимъ доказательствомъ одобренія, выраженнаго избирателями временному правительству. Первое имя меньшинства, а именно имя Альбера, прошло только двадцать пер-вымъ.

встрѣчено взрывомъ хохота. Бланки ужасно разсердился, прочиталъ нотацию своимъ слушателямъ и пристыдилъ ихъ за ихъ невѣжество.

Беранже отклонилъ кандидатуру слѣдующимъ, полнымъ ироніи письмомъ къ избирателямъ Сенскаго департамента.

„Неужели правда, что вы хотите сдѣлать изъ меня законодателя, — писалъ онъ, — я долго въ этомъ сомнѣвался. Я надѣялся, что первые, которымъ пришла въ голову эта мысль, откажутся отъ нея изъ жалости къ старику, остававшемуся до сей поры чуждымъ общественнымъ должностямъ, старику, который, чтобы остаться достойнымъ этого довѣрія, долженъ будетъ всему учиться въ такую пору жизни, когда уже ничему нельзя научиться. Друзья говорятъ мнѣ, что отказываться отъ такихъ обязанностей не слѣдуетъ. Я же думаю иначе. Но во всякомъ случаѣ, если это и есть ошибка, то *избавьте меня отъ нея* (sic) вы, вы которыхъ я желалъ бы избавить отъ всѣхъ ошибокъ... Вы говорите, что я былъ пророкомъ, — ну такъ пророку надлежитъ быть въ пустынь. Петръ Пустыжникъ былъ самымъ плохимъ руководителемъ крестоваго похода, который онъ такъ храбро проповѣдовалъ, хотя и имѣлъ своимъ товарищемъ Вальтера-безъ-гроша, какъ выражались въ то время богатые.

„Затѣмъ развѣ не будетъ благоразумнѣе, если въ такое время, когда столько людей считаютъ себя способными на все, нѣкоторые подадутъ примѣръ умнѣния быть ничѣмъ? Природа создала меня именно для такого рода пользы, которой никто не завидуетъ.

„Наконецъ, дорогіе сограждане, да не введетъ васъ въ заблужденіе опьяненіе торжествомъ побѣды. Вамъ, можетъ быть, еще понадобится, чтобы кто-нибудь поднялъ вашъ духъ, оживилъ ваши надежды, и вы тогда пожалѣете, что заглушили во мнѣ почестями послѣдніе остатки моего голоса. Итакъ, дайте мнѣ умереть такъ, какъ я жилъ, и не превращайте въ бесполезнаго законодателя вашего друга, добраго стараго нѣсенника.

«Всѣмъ сердцемъ вашъ, дорогіе сограждане.

Беранже.

«Пасси, 30 марта 1848 г.»

Беранже, избранный противъ воли, лишь на короткое время показался въ Учредительномъ Собраніи. 8 мая онъ прислалъ президенту свое прошеніе объ отставкѣ, подъ тѣмъ насмѣшливымъ предлогомъ, что онъ не подготовился къ должности представителя ни размышленіями, ни достаточно серьезнымъ ученіемъ. Эта отставка была единодушно отвергнута всѣмъ Собраніемъ, тогда Беранже возобновилъ ее 14 мая въ еще болѣе энергичныхъ выраженіяхъ и заставилъ принять.

¹⁾ См. въ *Историческихъ документахъ* въ концѣ тома за № 12, идущій

Кромѣ Альбера, два другихъ рабочихъ, Корбонъ и Пепанъ, были выбраны клерикальной партіей и показывали, какая крошечная уступка была сдѣлана пролетаріату. Ни одинъ изъ кандидатовъ Люксембурга не былъ избранъ. Делегаты, льстившіе себя надеждою, что будутъ имѣть въ общемъ 400,000 голосовъ, собрали ихъ не болѣе 61,000 на имени коммуниста Савари. Главы социалистическихъ школъ, Варбесъ, Распайль, Пьеръ Леру, получили: первый — 64,065, а послѣдній — 47,284 голоса. Такимъ образомъ, пролетаріатъ, въ качествѣ класса, былъ побѣжденъ. Однако, республиканское мнѣніе оставалось побѣдоноснымъ на этихъ внушительныхъ выборахъ Парижа, гдѣ независимость и разумный выборъ голосовавшихъ были гораздо надежнѣе, чѣмъ во всей остальной Франціи.

Выборы въ департаментахъ прошли приблизительно въ томъ же духѣ. Соціалистическія тенденціи занимали въ нихъ довольно большое мѣсто, но, собственно, такъ называемый коммунизмъ былъ представленъ совсѣмъ незамѣтнымъ меньшинствомъ. Имя Ламартина, избраннаго въ десяти департаментахъ, можетъ служить характеристикой этого момента революціи. Оно выражало либеральный, миролюбивый и примирительный смыслъ, который огромное большинство избирателей придавало слову республика.

Духовенство прислало въ Собраніе нѣсколько епископовъ и множество священниковъ. Легитимистская партія имѣла блестящее представительство въ 130 депутатовъ, между которыми были Берріе, де-Фаллу, Ларошжакланъ. За исключеніемъ Тьера вся старая династическая оппозиція толпой вернулась въ Національное Собраніе.

Такимъ образомъ составленное собраніе не могло, конечно, быть выраженіемъ коммунистическаго пролетаріата, оно не было даже выраженіемъ революціоннаго движенія; но, засѣдая въ Парижѣ, въ самомъ очагѣ революціи, подъ сильнымъ вліяніемъ демократическихъ идей, оно не могло быть ретрограднымъ, и можно было вполне надѣяться, что оно дастъ странѣ широко и искренно республиканскую конституцію. Но я не хочу забѣгать впередъ событій и говорить заранѣе о томъ, что случится. Пойдемъ сначала на торжественную церемонію открытія Національнаго Собранія.

Яркое солнечное сіяніе освѣщало этотъ день. Около одиннадцати часовъ утра члены временнаго правительства, собравшіеся въ министерствѣ юстиціи, по улицѣ Мира, по бульварамъ и по площади Согласія, направились къ старому Бурбонскому дворцу. Впереди шелъ главнокомандующій національной гвардіи со своимъ главнымъ шта-

въ убывающемъ порядкѣ полученныхъ голосовъ списокъ кандидатовъ въ Національное Собраніе отъ департамента Сены.

бомъ, члены правительства слѣдовали за ними съ непокрытыми головами, каждый между двумя офицерами съ саблями на голо; за ними шли всѣ мэры Парижа и предмѣстій и ихъ помощники. Непрерывные крики привѣтствій и рукоплесканія, раздававшіеся одновременно и изъ рядовъ толпящейся на тротуарахъ публики, и изъ оконъ домовъ, и со всѣхъ крышъ привѣтствовали этихъ благородныхъ людей, которые, не совершивъ ни одного акта деспотизма, не проливъ ни одной капли крови, не посягнувъ ни на чью свободу, посреди самаго критическаго стеченія обстоятельствъ основали царство демократіи во Франціи. Это не были аплодисменты и привѣтствія по заказу, но искреннее, непосредственное выраженіе благодарности при видѣ этихъ первыхъ гражданъ новой республики, которые шли передать законному представительству народа ту власть, которую вручилъ имъ народъ.

Пушечный выстрѣлъ у Инвалидовъ возвѣстилъ о вступленіи правительства въ залъ засѣданій. Все Собраніе встало, чтобы встрѣтить его громкимъ и продолжительнымъ крикомъ: *«да здравствуетъ Республика!»*

Внѣшній видъ зала, устроеннаго временно и поспѣшно въ Палатѣ Бурбонъ, украшеннаго безъ стиля, безъ вкуса и безъ роскоши, болѣе подходилъ бы для парламента Соединенныхъ Штатовъ, нежели для Національнаго Собранія французской Республики.

Ни одинъ изъ представителей, за исключеніемъ Коссидьера, не подчинился декрету, предписывавшему костюмъ временъ революціи; у большинства не было никакого знака отличія, кромѣ красной съ золотомъ розетки въ петлицѣ. Но подъ этимъ однообразіемъ костюма выступали самыя рѣзкіе политическіе и соціальные контрасты, возбуждая любопытство публики. Такъ, напримѣръ, Барбесъ сидѣлъ между своими бывшими судьями и, привѣтствуя республику, его голосъ смѣшивался съ голосами тѣхъ, которые нѣкогда произнесли ему смертный приговоръ. О. Лакордьеръ въ своей бѣлой рясѣ доминиканца казался призракомъ инквизиціи, сидящимъ между евреемъ Кремье и протестантскимъ пасторомъ Кокерелемъ; крестьянинъ Морбигана и рабочій изъ Воклюза приносили въ законодательную урну шаръ одинаковаго вѣса съ шаромъ ученаго изъ Института или члена французской Академіи; два Бонапарта, присланные Корсикой, засѣдали противъ Ларошжаклена; сыновья царевичей сидѣли рядомъ съ сыновьями шуановъ, и по изумительному свойству современныхъ умовъ примѣняться ко всему, ни тѣ, ни другіе совѣтъ, повидимому, не удивлялись своей близости.

Контрастъ, который представляли собой трибуны, былъ не менѣе поразителенъ. Между дипломатической трибуной официального представителя законныхъ монархій и трибуной національной

тварді, напоминавшей въ особенности quasi - законную монархію Людовика-Филиппа, трибуна, отведенная делегатамъ клубовъ, изображала собой революціонное движеніе и шумъ борьбы. Однимъ словомъ, уже одинъ ви́зніи видъ Собранія, уже то впечатлѣніе, которое производило невообразимое разнообразіе его элементовъ, было могучимъ аргументомъ въ пользу республиканскаго правительства.

Такая форма правленія, которая не давала ни одной изъ партій исключительнаго преобладанія и тѣмъ давала общественной совѣсти время сформироваться и средство высказаться совершенно свободно, была безспорно наилучшей, наиболѣе приемлемой при состояніи нашихъ нравовъ и нашихъ вѣрованій. Собраніе, составившееся путемъ всеобщаго голосованія, было такимъ правительствомъ, которое было болѣе всего способно содѣйствовать движенію умовъ, не сдерживая и не ускоряя его.

Торжественное и мирное засѣданіе 4 мая открылось подъ предсѣдательствомъ старшаго по лѣтамъ представителя Одри де-Пуираво. Шесть самыхъ молодыхъ представителей занимали бюро. Дюпонъ де-Ларъ взомель на трибуну и отъ имени временнаго правительства прочиталъ слѣдующую рѣчь:

«Граждане представители народа, временное правительство Республики преклоняется передъ націей и приносить величайшую дань уваженія верховной власти, которой вы облечены.

«Избранники народа! Привѣтствуемъ васъ въ столицѣ, гдѣ ваше присутствіе вызываетъ ощущеніе довольства и надежды, которые не будутъ обмануты.

«Какъ хранители верховной власти націи, вы поставите наши новыя учрежденія на широкихъ основахъ демократіи и дадите Франціи единственный государственный строй, который удовлетворить ее: республиканскій образъ правленія.

«Но, послѣ провозглашенія великаго политическаго закона, который окончательно установитъ порядокъ управленія страны, вы, такъ же какъ и мы, граждане-представители, займетесь урегулированіемъ возможнаго и цѣлесообразнаго дѣйствія правительства въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя необходимость труда устанавливаетъ между всѣми гражданами и которымъ основой должны служить справедливость и братство.

«Наконецъ, настала минута, когда временное правительство передаетъ въ ваши руки ту неограниченную власть, которой облекла его революція. Вы знаете, что для насъ эта диктатура была только нравственной силой въ тѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ, которыя мы пережили.

«Вѣрные своему происхожденію и своимъ личнымъ убѣжденіямъ,

мы безъ колебанія провозгласили нарождающуюся февральскую республику.

Сегодня мы начинаемъ работу Національнаго Собранія возгласомъ, который всегда долженъ служить знакомъ единенія: *«Да здравствуетъ Республика!»*

Крикъ этотъ, вырвавшійся изъ устъ старца, продолжительнымъ громкимъ эхомъ отозвался въ залѣ, послѣ чего Собрание перешло въ различныя бюро, чтобы произвести провѣрку докладовъ о выборахъ. Когда оно вернулось въ залъ, Демостанъ Оливье, представитель департамента Устьевъ Роны, предложилъ, чтобы каждый изъ членовъ лично принесъ клятву вѣрности Республикѣ; но это предложеніе, встрѣтившее оппозицію со стороны Кремье, который высказалъ горячее порицаніе столь часто повторявшимся въ исторіи скандаламъ съ нарушенными клятвами и присягами, было тотчасъ же заглушено общимъ крикомъ. Все Собрание встало, какъ одинъ человѣкъ, и раздался общій крикъ: *«Да здравствуетъ Республика!»* «Ваши восторженные крики—продолжалъ Кремье—достаточно свидѣтельствуютъ о томъ, что происходитъ въ нашихъ сердцахъ: къ чему еще вносить это въ книги?» Снова повторяемый нѣсколько разъ крикъ: *«Да здравствуетъ Республика!»* выразилъ сочувствіе Собранія этимъ словамъ и закончилъ инцидентъ.

Было около четырехъ часовъ. Въ эту минуту генераль Куртэ появился на трибунѣ и просилъ Собрание перейти на парадное крыльцо дворца, выходящее на площадь Согласія, чтобы провозгласить Республику въ присутствіи народа. Несмотря на несогласіе, выраженное нѣкоторыми представителями, утверждавшими, что не слѣдуетъ прерывать работу провѣрки полномочій, Собрание оставило свои скамьи и вышло на перистиль. Невозможно передать то глубокое волненіе, съ которымъ народъ, нѣсколько часовъ ожидавшій этой торжественной минуты, встрѣтилъ своихъ представителей.

Принесены были знамена арміи и національной гвардіи. Одри де-Пуяраво, отъ имени народа и Національнаго Собранія, провозгласилъ демократическую республику. Взрывъ восторга покрылъ его голосъ; на всѣхъ глазахъ блестѣли слезы; незнакомые люди протягивали другъ другу руки и крѣпкожимали ихъ въ неизъяснимомъ волненіи довѣрія и радости.

Когда Собрание вернулось въ залъ, Трепа въ весьма опредѣленныхъ выраженіяхъ подтвердилъ единодушное, формальное и непреложное одобреніе, которое Собрание высказывало республиканскому правительству.

«Самымъ яркимъ свидѣтельствомъ въ пользу Республики является то, что изъ тѣхъ самыхъ, которые протестовали еще

два мѣсяца назадъ противъ Республики, нѣтъ ни одного, который протестовалъ бы сегодня—это потому, что *желанія ихъ единой души*, и что если есть здѣсь граждане, которые въ искреннемъ убѣжденіи своей совѣсти и предлагали націи иную форму правленія два мѣсяца назадъ, то сегодня здѣсь раздается лишь одинъ крикъ, одинъ девизъ, сегодня здѣсь господствуетъ въ глубинѣ всѣхъ сердець одно только чувство къ этой Республикѣ, просвѣщенной, великой, сдѣлавшейся до такой степени всеобщимъ достояніемъ умовъ, что ее признають всюду, что къ ней можно примѣнить слѣдующія, давно извѣстныя благородныя слова: «Республика то же, что солнце:—слѣпъ тотъ, кто не видитъ ея». Въ отвѣтъ на эти слова еще разъ раздался крикъ: «*Да здравствуетъ Республика!*» Затѣмъ Собраніе разошлось. Этотъ чудный день, который тщетно пытались смутить химерическими страхами и ужасами ¹⁾, прошелъ радостно и въ надеждѣ на великое будущее.

Слѣдующіе три дня были посвящены провѣркѣ полномочій. Оспариваемое избраніе аббата Файе, епископа орлеанскаго, обнаружало злоупотребленія духовенства во всей его безнравственности. Отказъ въ отпущеніи грѣховъ на исповѣди, рекомендація кандидата съ высоты церковной каѳедры, подложные бюллетени, раздаваемые неграмотнымъ крестьянамъ, политическія подачки, таковы были средства, употребляемыя деревенскими священниками, чтобы собрать голоса въ пользу своего начальства. Собраніе, однако, не кассировало выборовъ, а только нарядило слѣдствіе. Оно выказало болѣе строгости въ департаментѣ Сены по отношенію къ нѣкому Шмиту, бывшему докладчику въ государственномъ совѣтѣ, отставному начальнику отдѣленія въ министерствѣ вѣроисповѣданій, автору книги *Катехизисъ рабочихъ*, воспользовавшемуся заблужденіемъ многихъ пролетаріевъ, желавшихъ подать голосъ за одного рабочаго-бабмачника, называвшагося такъ же Шмитомъ. Допрошенный въ бюро, гдѣ провѣрялось его полномочіе, Шмитъ сказалъ, что онъ не рабочій, и принужденъ былъ сознаться, что намѣренно допустилъ недоразумѣніе. Его избраніе было кассировано.

Когда окончилась провѣрка полномочій, Собраніе назначило своего президента и свое бюро. Бюше былъ выбранъ президентомъ; Рекюръ, Кавеньякъ, Корбонъ, Гинаръ, Корменанъ и Сенаръ—вице-президентами; Пепанъ, Дегранжъ, Эд. Лафайетъ, Ла-

¹⁾ Прокуроръ Республики Ландрянъ предупреждалъ правительство, что клубы затѣваютъ какой-то заговоръ и просилъ четырехъ приказовъ объ арестѣ Бланки и его друзей, но правительство отказало въ этой просьбѣ. Ламорисьеръ въ самое утро открытія Собранія приходилъ просить военнаго министра принять мѣры защиты.

кроссъ, Эмиль Цзанъ—секретарями; назначеніе Дегузэ, Бюро де-Пюзи, Негріе квесторами, говорило о побѣдѣ парижской мэріи надъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, вліянія *National'*я надъ вліяніемъ *Réforme*.

Въ слѣдующіе дни члены правительства одинъ за другимъ всходили на трибуну и читали подробный отчетъ о своемъ управленіи. Ламартинъ, отъ имени Дюпонъ де-Лэра набросалъ общую картину дѣятельности и политики, которой слѣдовало временное правительство. Рѣчь его, выслушанная съ большимъ сочувствіемъ, была покрыта громомъ аплодисментовъ, когда, заканчивая свою картину, онъ торжественнымъ голосомъ выразилъ слѣдующее пожеланіе: «Пусть исторія нашей дорогой родины снисходительно и въ скромномъ отдаленіи отъ великихъ дѣлъ, совершенныхъ Франціей, напишетъ повѣствованіе этихъ трехъ мѣсяцевъ, прожитыхъ какъ бы надъ бездною, между павшей монархіей и еще не утвержденной на прочномъ основаніи республикой. Пусть она, вмѣсто неизвѣстныхъ и забытыхъ именъ тѣхъ людей, которые посвятили себя общему благу, напишетъ только два имени: имя Народа, который все совершилъ, и имя Бога, который все благословилъ на основахъ Республики».

Послѣ Ламартина болѣе чѣмъ другимъ членамъ временнаго правительства аплодировали Ледрю-Роллену; но эта демонстрація была обманчива, и вскорѣ по отношенію къ нему выказались истинныя чувства Собранія.

Нѣкоторая часть людей, составившихъ большинство въ совѣтѣ, а также кой-кто изъ тѣхъ, которые принадлежали къ тому, что называлось тогда политикой «*National'*я», хотѣли во что бы то ни стало исключить Ледрю-Роллена изъ состава новой исполнительной власти. По мѣрѣ того, какъ представители, не особенно дружелюбно расположенные къ автору циркуляровъ, прибывали въ Парижъ, ихъ начинали обрабатывать въ этомъ же духѣ и внушали имъ мысль, что первымъ актомъ Собранія будетъ выраженіе неодобренія политикѣ Ледрю-Роллена. Всѣми силами старались въ этомъ смыслѣ вліять на Ламартина, но онъ оставался непоколебимымъ. Ничто не могло побудить его покинуть Ледрю Роллена. Съ 16-го апрѣля онъ не только считалъ себя нравственно обязаннымъ поддерживать его такъ же, какъ Ледрю-Ролленъ поддерживалъ его; но болѣе, чѣмъ кто-либо, вѣрилъ въ могущество революціонной идеи и считалъ неполитичнымъ выключать изъ управленія того человѣка, въ которомъ въ то время олицетворялась революція.

Комбинація, придуманная газетою «*National*», была внесена 9 мая въ Собраніе Рено, Трела и Дорнэсомъ. Вотъ текстъ этого предложенія: «Учредительное Національное Собраніе получаетъ въ

свои руки чрезвычайныя полномочія, данныя временному правительству, составленному 24 февраля текущаго года; оно заявляетъ о томъ, что это правительство за великія свои заслуги заслужило благодарность Отечества.

«Учредительное Національное Собраніе облечается народной властью во всей ея полнотѣ, и съ этой минуты временное правительство, вышедшее изъ революціи 24 февраля, перестаетъ существовать.

«Такъ какъ верховная власть Собранія должна выражаться путемъ делегаціи до вступленія въ силу Конституціи, которая будетъ декретирована имъ, оно вручаетъ исполнительную власть исполнительной комиссіи, состоящей изъ пяти членовъ».

Послѣ нѣкоторыхъ дебатовъ предложеніе было принято, и приступили къ избранію пяти членовъ исполнительной комиссіи, на которую была возложена исполнительная власть до окончательнаго утвержденія Конституціи.

Назначеніе Араго, Мари и Гарнье-Пажеса было принято безъ возраженій. Имя Ледрю-Роллана, отвергнутое огромнымъ большинствомъ въ бюро, прошло при слабомъ большинствѣ на открытой баллотировкѣ и при нѣсколько болѣе сильномъ на тайной, и то только послѣ формальнаго заявленія Ламартина, что если Національное Собраніе будетъ настаивать на этомъ исключеніи, то онъ не согласится участвовать въ исполнительной комиссіи. Это заявленіе вызвало сильное неудовольствіе, и Собраніе, не смѣя пренебречь имъ, выразило свою досаду тѣмъ, что дало Ламартину меньше голосовъ, чѣмъ его тремъ коллегамъ.

Результатъ тайной баллотировки далъ 725 голосовъ Араго; 705 Гарнье-Пажесу; 702 Мари; 645—Ламартину и 458 Ледрю-Роллану. Паньеръ былъ назначенъ секретаремъ исполнительной комиссіи.

За два дня до этого Луи-Бланъ и Альберъ отказались отъ должности президента и вице-президента комиссіи рабочихъ.

Вторая часть предложенія Дорнэса, объявляющая, что *временное правительство заслужило благодарность отечества*, сдѣлалось предметомъ краткихъ преній, поднятыхъ Барбэсомъ, который *отъ имени народа* заявилъ протестъ *противъ множества дѣйствій временнаго правительства* и требовалъ отчета касательно *руанскихъ избійній*, а также оставленія безъ помощи поляковъ, бельгійцевъ, итальянцевъ и нѣмцевъ.

Въ отвѣтъ на всѣ эти обвиненія Кремье объявилъ, что начато слѣдствіе о событіяхъ въ Руанѣ, и Собраніе единодушно, за исключеніемъ трехъ или четырехъ голосовъ, вотировало, что временное правительство заслужило благодарность отечества.

Этимъ закончился чисто революціонный періодъ республиканскаго правительства. Монархія была свергнута; принципъ верховной власти народа не только былъ признанъ, какъ отвлеченное право, но примѣняемъ безъ сопротивленія; миръ былъ сохраненъ; свобода уважаема—вотъ каковы были дѣянія, совершенныя съ 24 февраля правительствомъ, возникшимъ изъ революціоннаго движенія и поддерживаемымъ почти исключительно любовью и преданностью народныхъ классовъ.

Собраніе, вышедшее изъ всеобщаго голосованія, должно было теперь укрѣпить, развить и устроить окончательно это гигантское дѣло. Франція и Европа устремили на него свои взоры; рѣшенія его верховной власти должны были, можетъ быть, для цѣлаго поколѣнія сдѣлаться печатью мира или знаменемъ войны; завершеніемъ или разнузданіемъ самой страшной революціи нашего времени.

Дѣйствительно ли временное правительство *заслужило благодарность отечества?*

Въ то время, какъ Національное Собраніе произносило эти торжественныя слова по отношенію къ людямъ, которые передали ему революціонную власть и, такимъ образомъ, вручало имъ вѣнокъ гражданской доблести, одинъ только голосъ заявилъ протестъ: то было голосъ Барбеса.

Съ той поры ¹⁾ многое иамѣнилось. Побѣжденнымъ партіямъ, которыя было потеряли почву и голосъ вслѣдствіе великихъ событій, неожиданно снова улыбнулось счастье, и онѣ снова заговорили прежнимъ задорнымъ, самонадѣяннымъ и несправедливымъ языкомъ. То, что для нихъ было прежде предметомъ удивленія и восторга, стало казаться имъ скандаломъ. Клевета слѣдуетъ у нихъ за преувеличеннымъ восхищеніемъ. Съ тѣхъ блѣдныхъ устъ, которыя прежде шептали лишь слова энтузіазма, срываются теперь выраженія ненависти и мщенія. Если вѣрить ихъ словамъ, то революціонное правительство превысило свои права, оно измѣнило всѣмъ своимъ обязанностямъ; отечество и исторія должны за невозможностью забвенія отплатить ему за его *злодѣянія* ²⁾ вѣчнымъ позоромъ и проклятіемъ.

Если читатель съ нѣкоторымъ довѣріемъ читалъ все предыдущее; если онъ старался вмѣстѣ съ авторомъ проникнуть въ сердца людей, надъ которыми хотятъ произнести такой суровый приговоръ, то я сомнѣваюсь въ томъ, что онъ согласился бы подписать его. Простого изложенія событій, сдѣланнаго мною на осно-

¹⁾ Напоминаемъ еще разъ, что книга эта написана въ 1850 г.

²⁾ Выраженіе роялистскихъ органовъ.

ваніи множества тщательно проверенных свѣдѣній, при чемъ я принесла въ жертву добросовѣстности историка свои симпатіи и антипатіи и даже свою надежду на успѣхъ, — этого простого изложенія фактовъ безъ всякихъ прикрасть, по моему, достаточно, чтобы установить мнѣніе, совершенно отличное отъ господствующаго въ настоящее время. Считаю, однако, нужнымъ прибавить къ этому нѣсколько общихъ разсужденій, чтобы резюмировать мнѣніе, которое на мой взглядъ непременно должно рано или поздно восторжествовать надъ криками партій. Беря на себя неблагодарный трудъ изложить эти событія, исходъ которыхъ сомнителенъ и результатъ неизвѣстенъ, я задалась цѣлью не приспособить событія къ моимъ убѣжденіямъ, не сообщить читателю о моихъ надеждахъ, а передать будущимъ поколѣніямъ истинныя чувства моихъ современниковъ, по крайней мѣрѣ, тѣхъ изъ нихъ, у которыхъ разсудокъ взялъ верхъ надъ страстями, и искреннее и справедливое мнѣніе которыхъ заслуживаетъ быть записаннымъ.

Въ силу какого права временное правительство управляло Франціей въ періодъ времени, протекшій отъ 24 февраля до 4 мая 1848 г.?

Отрицаніе этого права составляетъ исходную точку обвиненій. поднятыхъ послѣ того, какъ тѣ одиннадцать человѣкъ, которымъ возстаніе вручило власть, были Національнымъ Собраніемъ лишены этой власти. Право это, надо сознаться, нигдѣ не написано и никогда не было формулировано какимъ-либо параграфомъ закона; оно не встрѣчается ни въ какой хартіи.

Однако отрицать его, по моему мнѣнію, все равно, что отрицать то, что очевидное и законнѣе всѣхъ писаныхъ законовъ; это значитъ отрицать право или высшую потребность, присущую всему живому существу противиться разложенію всѣми средствами, которая внушаетъ ему духъ самосохраненія.

Соціальныи инстинктъ парижскаго населенія, произнося имя одиннадцати человѣкъ, которымъ оно поручило руководить имъ во время неистово бушевавшей бури, давалъ имъ это право и налагалъ на нихъ обязанность пользоваться имъ въ виду общественнаго спасенія.

Если мы въ исторіи прослѣдимъ начало наиболѣе твердо установленныхъ формъ верховной власти, начиная съ власти вождей кочевыхъ ордъ и до власти царскихъ династій и сложныхъ конституціонныхъ правительствъ, то я сомнѣваюсь, чтобы мы могли найти хоть одну власть, которая была бы дана или которая была бы терпима на иныхъ основаніяхъ... Всеобщее признаніе власти всегда могло быть только предполагаемо: о немъ заключали изъ выраженія сочувствія большинства людей.

Но каково было свойство этой признанной временнымъ правительствомъ законности происхожденія власти и каковы были предѣлы ея полномочія? Это былъ вопросъ еще болѣе важный, такой, который далъ поводъ къ еще большимъ обвиненіямъ. Мнѣнія въ самомъ правительствѣ по этому поводу раздѣлились; въ совѣтѣ образовалось меньшинство и большинство; явилось само собою нѣчто въ родѣ двухъ политическихъ сознаній. По мнѣнію меньшинства, полномочія правительства, уже благодаря тому, что они носили революціонный характеръ, были абсолютны, неограниченны и учредительны. Ихъ надлежало сложить съ себя лишь послѣ того, какъ всѣ силы будутъ организованы, и только тогда, когда будутъ установлены революціонные принципы въ государствѣ. По мнѣнію же большинства, единственной задачей временнаго правительства, созданнаго возстаніемъ, было помочь націи установить законную власть и, пока эта власть не учреждена, вести народное дѣло, не вмѣшиваясь въ законодательство, не предваряя рѣшеній Національнаго Собранія даже провозглашеніемъ республики.

Какъ то, такъ и другое сужденіе, я нахожу, слишкомъ абсолютны.

Послѣ тридцати лѣтъ конституціонно-монархическаго правленія въ такое время и въ такой странѣ, гдѣ нравы не допускали систематическихъ насилій, диктатура одиннадцати лицъ, столь же несогласныхъ между собой, какъ и различные классы населенія— была чисто химерической концепціей. Одна только простая администрація дѣлѣтъ, нѣчто въ родѣ третейскаго или мирового суда безъ инициативы — это также была не менѣе нелѣпой фантазіей для такого момента, когда необходимость дѣйствовать, распространять идеи, организоваться выводила каждый день толпы вооруженнаго пролетаріата на площадь, когда жажда новизны овладѣла умами до такой степени, что слѣдовало немедленно удовлетворять ее, чтобы она не обратилась въ ярость. При такихъ сложныхъ и серьезныхъ обстоятельствахъ государственная польза требовала сократить срокъ власти, возникшей случайно изъ временной необходимости. Но она требовала также открыть какъ можно скорѣе широкій исходъ революціонному духу, который съ 1789 г. никогда не отступалъ во Франціи иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы снова съ удвоенной силой начать нападеніе; она повелѣвала, чтобы удовлетворены были всѣ требованія, которыя не шли въ разрѣзъ съ общественной совѣстью.

Оцѣнка этого вопроса была чрезвычайно деликатной. Членамъ временнаго правительства надо было обладать особенною проницательностью, чтобы среди безчисленныхъ требованій, желаній, совѣтовъ, которыми ихъ осаждали со всѣхъ сторонъ, распознать

тѣ идеи, которыя возможно было формулировать въ законы, иначе сказать, идеи, которыя находили въ нравахъ достаточную подготовку, представляющую собой для созданій соціальной науки то же, что извѣстное состояніе атмосферы для созданій физической природы. Среди этой бури разнuzданныхъ страстей, они должны бы были ясно слышать тотъ *гласъ народа*, который по древней таинственной аксіомѣ означаетъ высшую прорицающую силу, — *гласъ Божій*.

Здѣсь мы дошли до существеннаго пункта нашего анализа.

Что слѣдуетъ понимать подъ этимъ *гласомъ народа* или *гласомъ Божиимъ*, который революція положила въ основу политическаго права при учрежденіи всеобщаго голосованія?

Не что иное, какъ инстинктъ, общій всѣмъ органическимъ существамъ, начиная отъ самаго низшаго животнаго до самыхъ совершенныхъ обществъ, инстинктъ, заставляющій ихъ удерживать или усиливать свои жизненные силы, отвергая то, что имъ вредитъ, и ассимилируя то, что соответствуетъ ихъ природѣ.

Благодаря этой органической работѣ, существа дѣлаются индивидуумами, индивидуумы образуютъ расы, расы же сохраняютъ себя и совершенствуются. Когда эта работа останавливается, индивидуумъ или раса ослабѣваетъ и умираетъ.

Но то, что остается у низшихъ расъ въ состояніи чистаго инстинкта, соединяется у человѣка съ размышленіемъ и принимаетъ высшій характеръ: *инстинктъ* становится *геніемъ*.

Всѣ правительства, которыя учреждались у себя народъ, имѣли миссію представлять собой это совмѣстное дѣйствіе разума съ инстинктомъ и выражать, такимъ образомъ, геній націи въ различныхъ фазисахъ ея историческаго развитія.

Правительства были законны и сильны до тѣхъ поръ, пока они прислушивались къ смутному и общему инстинкту расъ, до тѣхъ поръ, пока они его опредѣляли, приспособляли ко времени и выражали въ законахъ. Они были разбиты и изгнаны революціями, какъ только дѣлались глухи къ голосу народа и противопоставляли собственную единичную и, слѣдовательно, узурпаторскую волю генію націи.

Исторія Франціи представляетъ много примѣровъ подобнаго рода.

Соціальный инстинктъ нашелъ у насъ свое первое выраженіе въ обладаніи территоріей. Идея *отечества* связалась съ покоренной почвой, которой владѣла, главнымъ образомъ, военная аристократія: феодальная монархія была естественнымъ и законнымъ правительствомъ этого перваго состоянія. Наслѣдственная собственность на землю, свободная отъ труда, защищаемая оружіемъ — вотъ перво-

бытное учрежденіе французскаго общества. *Гласъ Божій* говорилъ тогда, главнымъ образомъ, черезъ уста сеньера, его начальника, короля, и устами духовнаго лица, освящающаго власть того и другого изъ нихъ.

Но мало по малу трудъ и промышленность, сконцентрированные въ рукахъ буржуа и простолюдиновъ (*manants*), создали большія богатства. Рядомъ съ земельной собственностью возникла собственность на движимые капиталы. Общины откупились отъ господства сеньеровъ. Завязалась долгая борьба, въ теченіе которой социальный инстинктъ буржуазіи, приобретаая все большую и большую энергію, пришелъ къ самосознанію и сдѣлался способнымъ къ управленію. Въ 1789 г. онъ почувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы разбить, уничтожить послѣдніе остатки феодализма. *Гласъ Божій* заговорилъ устами третьяго сословія. *Право труда* было побѣдоносно утверждено въ законахъ на развалинахъ права завоеванія.

Конституціонное правительство исполнѣ соответствовало новому праву богатства, приобретеннаго трудомъ; но это право выказало тѣ же свойства ревнивой исключительности, какъ и право собственности, приобретенной путемъ завоеванія. Буржуазія имѣла въ виду только себя. Она заставила всѣ законы стремиться къ одной эгоистической цѣли: *Защитъ богатаго противъ бѣднаго, того, кто имѣетъ что-нибудь, противъ того, кто ничего не имѣетъ* ¹⁾. Она ясно обозначила свое царствованіе установленіемъ ценза, который съ дерзкимъ цинизмомъ проводилъ границы «легальной страны» и создавалъ для разбогатѣвшихъ аристократію отечества.

Съ этого момента въ единой дотолѣ буржуазіи произошелъ новый расколъ. Промышленный работникъ, быстро впавшій, вслѣдствіе непредвидѣннаго стеченія обстоятельствъ, въ нищету, исключавшую его не только изъ участія къ политической жизни, но и отнимавшую у него даже всякую надежду на это участіе, составилъ новый классъ, новый порядокъ. *Наслѣдственность нищеты* основала пролетаріатъ.

Замкнутый въ роковой кругъ, сдерживаемый и подавляемый, социальный инстинктъ пролетаріата сдѣлалъ невѣроятное усиліе: онъ разразился жалобами, упреками, онъ сталъ требовать своихъ правъ съ оружіемъ въ рукахъ. Буржуазія оставалась глухой и безчувственной. Конституціонная монархія не захотѣла выслушать желаній пролетаріата; она даже отказалась пониженіемъ ценза дать ему понять, что когда-нибудь выслушаетъ его. Это послужило сигналомъ революціи. Еще смутный и неопредѣленный социальный инстинктъ

¹⁾ Адамъ Смитъ, кн. I и V.

пролетаріата, *гласъ народа, гласъ Божій* избралъ себѣ правительство, долженствовавшее служить его истиннымъ выраженіемъ, и провозгласилъ республику.

Временное правительство *заслужило благодарность отечества*, потому что оно всецѣло было проникнуто желаніемъ исполнить волю народа; потому что оно безъ всякой задней мысли исполнилось преданностью этой идеѣ; потому что, наконецъ, если нѣкоторые изъ его политическихъ дѣйствій и были противны этой цѣли, тѣмъ не менѣе, всѣ эти дѣйствія несутъ отпечатокъ глубокаго уваженія къ человѣческому достоинству, которое революція подняла изъ крайняго униженія.

Затрудненія, съ которыми не сладилась добрая воля временнаго правительства и которыя апеллируютъ къ возможной снисходительности исторіи, зависѣли отъ сложности положенія, не остановившаго до сихъ поръ на себѣ достаточнаго вниманія.

Движеніе, которое произошло въ пролетаріатѣ и которому слѣдовало помогать, выражалось въ одномъ сложномъ и до извѣстной степени противорѣчащемъ явленіи. Въ самой глубинѣ массъ общее движеніе, организаторская тенденція стремилась доставить всѣмъ то, что буржуазія завоевала себѣ одной: *равенство и свободу*. Подъ именемъ *соціализма*, даннаго этому стремленію послѣ февральской революціи, движеніе это хотѣло расчистить себѣ тѣ же законные пути, по которымъ буржуазія дошла до эмансипаціи: образованіе, дающее умственную собственность, трудъ, дающій собственность матеріальную. Соціализмъ требовалъ, чтобы государство учредило народное обученіе, равное для всѣхъ; онъ хотѣлъ сдѣлать условія непосредственно производительнаго труда, какимъ является трудъ пролетарія, равными условіямъ посредствующей капиталистической спекуляціи, какимъ является трудъ буржуазіи. Онъ хотѣлъ, однимъ словомъ, сдѣлать отношеніе между капиталомъ и трудомъ, которые оба способствуютъ увеличенію общаго богатства, болѣе справедливымъ и такимъ, чтобы изъ него не вытекала роковымъ образомъ та *наслѣдственная нищета*, о которой я уже говорила, и которая увѣковѣчиваетъ пролетаріатъ въ состояніи класса, выключая его, если не по праву, то, по крайней мѣрѣ, фактически, изъ всѣхъ общественныхъ благъ.

Итакъ, соціалистическое движеніе пролетаріата было, въ сущности, лишь подтвержденіемъ, лишь новымъ освященіемъ — путемъ распространенія на всѣхъ — принциповъ и правъ *свободы и собственности*, на которыхъ покоится европейское общество.

Но противъ этой общей организаціонной тенденціи боролось другое особенное, случайное и чисто отрицательное движеніе, которое подъ именемъ *матеріалистическаго коммунизма* отрицало то,

что социализм хотѣлъ распространить и преобразовать: принципъ индивидуальной свободы или личности, и понятіе собственности, составляющее въ наше время ея признакъ и ея залогъ.

Эта элементарная операція человѣческаго ума, которая противопоставляетъ отрицаніе извѣстнаго принципа его преувеличенію, происходитъ большею частью въ ограниченныхъ умахъ, гдѣ зарождаются слѣпцы страсти. Такъ вышло и съ матеріалистическимъ коммунизмомъ. Легче поддающійся формулированію, нежели социализмъ, онъ поставилъ способомъ реализаціи своего очень простаго принципа и чрезвычайно простой и логичный приѣмъ терроризма и увлекъ небольшое число людей, фанатизмъ которыхъ былъ тѣмъ яростнѣе, чѣмъ ограниченнѣе былъ ихъ кругозоръ. Не принимая и не отбрасывая ученія коммунистовъ, пролетарій, видя въ нихъ самыхъ смѣлыхъ защитниковъ его дѣла, допустилъ ихъ говорить и дѣлать, что они хотѣли. Буржуазія, мало расположенная среди самой бури хладнокровно изучать теоріи, различать справедливое отъ несправедливаго въ революціонномъ движеніи, нарушавшемъ его благосостояніе и угрожавшемъ его господству, смѣшивала въ одномъ порицаніи и социализмъ, и коммунизмъ. Она затѣяла борьбу, отчаянную и безысходную борьбу, въ которой самыя побѣды ея показываютъ только, что силы, которыя она хотѣла бы истребить, не разрушимаы.

Временное правительство, куда также проникъ социализмъ, пыталось отдѣлать его отъ коммунизма и пропагандировать его конференціями Люксембурга, нѣкоторыми финансовыми мѣрами, нѣкоторыми проектами закона о народномъ образованіи и выказало въ этомъ отношеніи серьезныя намѣренія. Но чрезмѣрныя требованія, съ одной стороны, преувеличенная боязнь—съ другой, часы и дни, уносившіеся въ невѣроятно быстромъ вихрѣ, ежеминутно непредвидѣнныя явленія, смѣтеніе самыхъ умныхъ людей, колебанія людей самой строгой совѣсти—все это парализовало его добрую волю и намѣренія. Послѣ двухъ мѣсяцевъ ни съ чѣмъ несравнимой тревоги оно отказалось отъ власти такъ же просто, какъ и взяло ее, съ простотою истиннаго патріотизма. Но оно оставило всѣ вопросы верѣшенными, а націю въ самомъ страшномъ смѣтеніи, которое та когда-либо переживала. Но кто же не простилъ бы его, кто выказалъ бы къ нему болѣе строгости, чѣмъ Національное Собраніе, разъ видишь что, послѣ трехлѣтней борьбы и самыхъ невѣроятныхъ перипетій, положеніе, въ сущности, остается тѣмъ же, если еще не ухудшилось?

Коммунизмъ или терроризмъ— вотъ въ настоящее время донунгъ борьбы, которую никто не умѣетъ отвратить. *Социализмъ или демократія*— вотъ девизъ организаціи и мира, еще непонятый и

вслѣдствіе этого неизвѣстно когда достижимый. До тѣхъ поръ, пока буржуазія будетъ смѣшивать коммунизмъ съ социализмомъ, демократію съ терроризмомъ и будетъ бороться противъ того и другого, вмѣсто того, чтобы бороться съ однимъ посредствомъ другого, общество будетъ оставаться жертвой акцій и реакцій революціоннаго состоянія.

Когда буржуазія пойметъ, что стремленія пролетаріата законны, и что слѣдуетъ удовлетворить его путемъ реформы социальныхъ учреждений, тогда коммунизмъ и терроризмъ перестанутъ существовать. Мы должны хорошенько усвоить себѣ, что коммунизмъ имѣетъ лишь случайную и чисто отрицательную цѣнность въ социальномъ состояніи девятнадцатаго вѣка, въ особенности, въ состояніи французскаго общества. Концепція, на которой онъ основанъ, не только анти-научна и радикально противоположна современному движенію цивилизаціи, но она еще, кромѣ того, совершенно противна духу французской націи.

Гипотеза коммунистическаго государства, допустимая въ крайнемъ случаѣ для нѣкоторыхъ народовъ восточной Европы, не выдерживаетъ критики въ примѣненіи къ латинской расѣ, гдѣ чувство личности и, слѣдовательно, собственности достигло своего наивысшаго развитія. Во французской концепціи идеи собственности еще чувствуется религіозная санкція ея римскаго происхожденія. Самъ коммунистическій пролетаріатъ, отрицающій собственность и личность въ силу того, что отчаивается въ достиженіи ихъ, если бы получилъ въ руки власть, тотчасъ же почувствовалъ бы свое безсиліе и былъ бы побѣжденъ геніемъ націи ¹⁾.

Въ глазахъ философа условія проблемы и теперь, послѣ трехъ лѣтъ тяжелаго опыта, остаются тѣми же, въ которыя поставилъ ее *гласъ народа*, провозгласивъ 24 февраля 1848 г. *демократическую и социальную республику*.

Каковы бы ни были впредь ближнія или дальнія событія кризиса, переживаемаго Франціей, каковы бы ни были названіе и форма слѣдующихъ одно за другимъ правительствъ, они не будутъ имѣть иного смысла, иного характера, иной миссіи, какъ только тѣ, которыя даны были временному правительству. Они будутъ развиты, они будутъ безпомощны, они не будутъ имѣть ни силы,

¹⁾ Глубокое отвращеніе народа къ двумъ формамъ коммунистической идеи, которыя онъ видитъ уже осуществленными, а именно къ больницѣ и общей могилѣ, могло бы служить, за отсутствіемъ другихъ, болѣе научныхъ доказательствъ, явнымъ признакомъ его энергичнаго чувства собственности и личности. Правительство, которое гарантировало бы трупъ бѣдняка шесть футовъ земли на кладбищѣ было бы самымъ популярнымъ, какое только когда-либо видѣли.

ни прочности, если они не явятся выраженіемъ національнаго генія. *Гласъ Божій* въ девятнадцатомъ вѣкѣ это *всеобщее голосованіе, утверждающее господство демократіи* ¹⁾.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

XXVIII.

Учредительное Собраніе. — Министерство труда. — Польскія дѣла. — День 15-го мая.

Никогда, можетъ быть, съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ свободныя правительства, ни одно политическое собраніе не обладало такой силой положенія и общественнаго мнѣнія, какъ та сила, которой было облечено Національное Учредительное Собраніе, открывшее свои засѣданія 4 мая 1848 г.

Поддержкой ему служила вся нація, изъ которой оно вышло путемъ всеобщаго голосованія, примѣненнаго въ первый разъ во всемъ своемъ объемѣ, при полнѣйшей свободѣ и замѣчательномъ порядкѣ. Передъ нимъ — свободное пространство. Не оставалось ни одной власти, которая могла бы раздѣлять его инициативу, ограничить его права или противиться его волѣ: ни одно *veto* не могло остановить ея исполненія. Не было ни короля, ни принцевъ, ни двора, ни министровъ, чтобы бороться съ нимъ помощью хитрости и смѣлости. Ничто не могло даже отвлечь его отъ этого неоспоримаго всемогущества.

Чего же недоставало Учредительному Собранію, для того, чтобы создать нѣчто прочное? Чего не хватало его честнымъ намѣреніямъ, его мужеству, его талантамъ? Одной только вещи, но вещи, рѣшающей въ жизни людей и обществъ: сознанія своей силы.

Опытъ показалъ, что отъ постояннаго обмѣна идей и чувствъ въ собраніи людей совершенно различныхъ понятій, но работающих въ виду одной общей цѣли, рождается нѣчто въ родѣ коллективнаго ума, составляющаго характеръ или то, что можно, пожа-

¹⁾ «Спасеніе или гибель государствъ, пишетъ Джіоберти, покоятся нынѣ на демократическихъ идеяхъ и классахъ. Кто имъ противится, тотъ гибнетъ; потому что демократія растетъ страшнымъ образомъ съ каждымъ днемъ, заполняетъ все и приобрѣтаетъ новыя силы даже въ своихъ пораженіяхъ». (Gioberti, *Del Rinascimento civile d'Italia*, т. V, стр. 91).

луй, назвать индивидуальностью этого собранія. Это всегда наблюдалось въ религіозныхъ общинахъ, въ магистратурѣ, въ арміи, въ академіяхъ, въ политическихъ собраніяхъ. И смотря по тому, насколько этотъ умъ выяснилъ себѣ самому свою суть, онъ производилъ болѣе или менѣе чувствительное дѣйствіе на все окружающее. Учредительное Собраніе 1848 г., смущенное въ самомъ началѣ событіями и вліяніями, которыя я постараюсь описать, никогда не доходило до полного проявленія того здороваго духа, который его оживлялъ; индивидуальность его не выяснилась въ достаточной степени ни въ глазахъ народа, ни въ своихъ собственныхъ. Поэтому послѣ цѣлаго года дѣятельности, полной страха и противорѣчій, послѣ того, какъ оно выказывало то большую твердость, то большую слабость, обнаруживало то самыя вѣрныя предчувствія, то непостижимыя иллюзіи. оно, полное отчаянія и горести, отказалось отъ верховной власти, не оставивъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ, кромѣ весьма непрочной конституціи, изъ которой возникали двѣ равныя и противоположныя власти, враждебныя другъ другу еще ранѣе, чѣмъ пришли въ соприкосновеніе, двѣ власти, которыя должны были вскорѣ погрузить страну въ еще большую смуту, нежели та, отъ которой она только что избавилась.

Между тѣмъ, исторія Учредительнаго Собранія представляетъ собой предметъ, достойный изученія, и интересъ, возбуждаемый его трудами, измѣряется не столько достигнутыми результатами, сколько грандіозностью предпріятія.

Для того, чтобы установить господство демократіи, понадобится, можетъ быть, нѣсколько столѣтій, такъ какъ въ этомъ случаѣ задача состоитъ въ томъ, чтобы вывести новую цивилизацію изъ новаго принципа. Съ тѣхъ поръ, какъ боги не вѣнчаются болѣе въ дѣла людей, съ тѣхъ поръ, какъ законодатели не сходятъ съ Синаи и не поднимаются на Олимпъ, съ тѣхъ поръ, какъ умъ человѣческій не повинуется инстинкту, но хочетъ понимать тѣ законы, которые принимаетъ,—прогрессъ обществъ усложняется и распространяется такъ сильно, что даже тѣ, которые съ наибольшимъ успѣхомъ работаютъ на его пользу, не могутъ охватить его во всемъ его объемѣ и часто составляютъ себѣ о немъ лишь темное, смутное и ограниченное понятіе.

Я указала ранѣе, какъ Національное Собраніе при своемъ учрежденіи выбрало изъ временнаго правительства членовъ исполнительной комиссіи. Какъ та, такъ и другая сторона мало знали другъ друга,—и потому наблюдали одна за другой, недоумѣвая, какія возникнутъ между ними отношенія, не представляя себѣ, какой политики слѣдуетъ держаться до провозглашенія окончательной конституціи.

Слово «примиреніе» не разъ было произнесено въ дебатахъ, относившихся къ формѣ и полномочіямъ исполнительнѣйшей власти, и это слово точно выражало всеобщее настроеніе. Члены прежнихъ монархическихъ палатъ, утѣвлявшихся на правую сторону республиканскаго Собранія, не чувствовали себя достаточно сильными, чтобы напасть открыто на революцію, и стремились только къ тому, чтобы какъ-нибудь поладить съ ней. Большинство изъ нихъ было выбрано, только благодаря вліянію духовенства, нѣкоторые же, предоставляя себя общему голосованію, сочли необходимымъ составить настолько преувеличенно демократическую программу, что значительно теряли даже въ собственныхъ глазахъ. Поэтому въ первое время они держали себя чрезвычайно скромно. Эти когда-то ловкіе и вліятельные люди, растерявшись отъ неожиданности событій, сгруппировались въ довольно большомъ числѣ вокругъ Одилона Барро, имя котораго достаточно выражаетъ неопредѣленный характеръ оппозиціи, какую они считали возможнымъ себѣ позволить. Впрочемъ, такъ какъ ни Тьеръ, ни Молэ не вошли въ Собраніе, Одилонъ Барро игралъ за ихъ отсутствіемъ главную роль.

Вновь поступившіе въ это внушительное собраніе выказывали нѣкоторую застѣнчивость. Имъ было неловко въ обществѣ этихъ привычныхъ къ парламентской дѣятельности людей, вліяніе которыхъ они противъ собственной воли испытывали на себѣ. Почти всѣ приносили съ собой изъ провинціи честное намѣреніе не примыкать ни къ какой партіи, очень плохое знаніе положенія и, вмѣсто всякой политической доктрины, желаніе уберечь страну, какъ сумѣло это сдѣлать временное правительство, отъ столкновенія партій и отъ взрыва гражданской войны. Кромѣ претензій человѣкъ тридцати представителей, стремившихся продолжать традицію якобинцевъ, утѣвлявшихся на верхнія скамейки лѣвой стороны зала и присвоившихъ себѣ, въ память Конвента, имя *Горы*, не имѣя при этомъ ни намѣченнаго плана, ни опредѣленныхъ мнѣній, — ловкость однихъ, честность другихъ, колебанія и неопытность громаднаго большинства, все въ эту минуту устремлялось къ одной цѣли; все, въ словахъ и дѣйствіяхъ Собранія, казалось проникнутымъ духомъ умѣренности и осторожности.

Пять членовъ временнаго правительства, удержавшихся въ исполнительнѣйшей комиссіи, со своей стороны были не то польщены и какъ бы обезоружены этимъ знакомъ довѣрія, не то обрадовались тому, что послѣ только что устраненной опасности революціонной кандидатуры, могутъ наслаждаться благомъ посредственной власти: какъ бы то ни было, они воздерживались отъ всякой инициативы ради сохраненія мира въ совѣтѣ и чтобы не поднимать въ Собраніи ни споровъ, ни неудовольствій.

Даже Ламартинъ, менѣе, чѣмъ другіе его коллеги, страдавшій отъ усталости, слѣдующей за большими усиліями, потому, что ему не нужно было напрягать свой умъ до высшаго краснорѣчія и до высочайшаго мужества, какъ будто поставилъ себѣ задачей какъ можно меньше вліять на мнѣніе своихъ коллегъ и нисколько, по-видимому, не желалъ составлять себѣ партію въ Собраніи ¹⁾. Вотированіе 10 мая, по правдѣ сказать, оскорбило его, ибо хотя Собраніе и уступило ему, оно всетаки бросало нѣкоторую неблагопріятную тѣнь на его громадную популярность; но оно не возбудило его къ борьбѣ. Всегда довѣрчивый, незапамятный, спокойный, онъ на-дѣялся на время и на свою звѣзду.

Эта неопредѣленность настроенія отзывалась на составленіи министерства, возложенномъ Собраніемъ на исполнительную комиссію. Портфель внутреннихъ дѣлъ былъ отданъ врачу Рекюру, давнишнему республиканцу, но не имѣвшему никакой опытности въ веденіи большихъ дѣлъ, не способному занимать трибуну и не давшему правительству никакой силы, ни консервативной, ни революціонной. Другой врачъ, — Треля, — стоявшій въ передовыхъ рядахъ борющейся республиканской партіи по своему таланту и твердости характера, былъ, можетъ быть, еще менѣе, нежели Рекюръ, способенъ къ тому, что называется дѣлами; онъ замѣнилъ Мари въ столь важномъ именно въ то время министерствѣ общественныхъ работъ.

Флоконтъ замѣстилъ въ министерствѣ торговли Бетмона, назначеннаго на мѣсто министра вѣроисповѣданій; Дюклеръ принялъ изъ рукъ Гарнье-Пажеса портфель министерства финансовъ; Ламартинъ по своему желанію уступилъ свой постъ министра иностранныхъ дѣлъ Бастиду, человѣку, отличавшемуся непоколебимымъ мужествомъ, неподкупной честностью, но застѣнчивому, несмотря на суровыя манеры и слишкомъ мало подготовленному своей прежней дѣятельностью къ парламентскимъ преніямъ, а въ особенности, слишкомъ мало, по складу своего ума, огражденному отъ козней европейской дипломатіи. Карно и Жанъ Рено остались при министерствѣ народнаго просвѣщенія, несмотря на неудовольствіе клерикальной партіи, вліяніе которой начинало уже сказываться; портфель юстиціи остался въ рукахъ Кремье, выказавшаго во временномъ правительствѣ чрезмѣрную подвижность мнѣнія; адмиралъ Кази получилъ морское министерство; подполков-

²⁾ Представителямъ, явившимся къ нему за политическимъ руководствомъ, онъ отвѣчалъ, что все пойдетъ само собой. Тѣхъ, кто желаетъ познакомиться съ его мнѣніями относительно проекта конституціи, онъ отсылалъ къ Беранже и Ламенна.

никъ Шаррасъ стать исправляющимъ должность военного министра въ ожиданіи пріѣзда генерала Кавеньяка, назначеннаго на постъ министра.

Ледрю-Ролланъ безъ особеннаго труда достигъ того, чтобы Косидьеръ, къ которому еще очень хорошо относилась парижская буржуазія, въ одно и то же время и успокоенная и забавляемая имъ во время революціоннаго кризиса, остался префектомъ полиціи. Коллеги его согласились также помѣстить два лица, которымъ онъ оказывалъ полное довѣріе. — Картерэ и Жюля Фавра, — въ качествѣ помощниковъ стать секретаря, перваго при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, второго — при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. За то Ледрю-Ролланъ не могъ ни отнять у своего отъявленнаго противника Марраста парижскую мэрію, ни помѣшать тому, чтобы Паньеръ, принадлежавшій къ партіи Гарнье-Пажеса, былъ назначенъ секретаремъ исполнительной коммисіи.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что разнородные элементы, выдвинутые революціей во временное правительство и парализовавшие его дѣятельность, снова очутились вмѣстѣ въ исполнительной коммисіи и на этотъ разъ не случайно, а намѣренно и какъ бы по общему сознанію въ безсиліи. Въ ту минуту, когда партіи взаимно измѣряли свои силы, ни одна изъ нихъ не знала, на что она можетъ рѣшиться, такъ какъ никто не отдавалъ себѣ отчета во взаимныхъ положеніяхъ и силахъ каждой изъ нихъ.

Съ 16-го апрѣля въ умахъ царствовало чрезвычайное смущеніе. Положеніе Ледрю-Роллана между побѣжденными и побѣдителями этого дня, когда онъ въ одно и то же время покровительствовалъ нападенію и подготовилъ защиту Ратуши, сдѣлалось крайне фальшивымъ и почти невыносимымъ. Побѣдители, не зная, что они отчасти ему обязаны своимъ спасеніемъ, возмущались, что ихъ усилія свергнуть его даютъ ему, наоборотъ, новую силу. Побѣжденные же, исполненные злобой къ нему, не смѣли выказать ее, зная, что безъ его дѣйствительной или номинальной поддержки, они не могутъ ничего предпринять. Никто не зналъ хорошенько, чего ему ожидать отъ такого неустойчиваго человѣка. Самъ онъ, сдѣлавшись союзникомъ, а затѣмъ незамѣтно ставъ подъ покровительство Ламартина, не понималъ болѣе своей роли. Такъ какъ онъ все еще олицетворялъ собой революцію, то казалось, что она колеблется и падаетъ вмѣстѣ съ нимъ.

Мы видѣли также, что вожди революціи безмѣрно удивились и опечалились тѣмъ оборотомъ, который принимали выборы. Когда они увидѣли, каковъ будетъ результатъ всеобщаго голосованія, они стали побуждать другъ друга вовсе не принимать его во вни-

маніе и заранѣе разразились безумными угрозами противъ Національнаго Собранія. Къ сожалѣнію, нѣкоторые чрезвычайно умные люди, но которые должны бы были выказать болѣе благоразумія, терпѣли, или одобряли эти опасныя стремленія и позволили образоваться вокругъ себя очаги предвзятой оппозиціи, граничащей со смутой.

Съ 16-го апрѣля Луи-Бланъ и его приверженцы на одномъ изъ собраній Люксембурга рѣшили, что необходимо немедленно исправить неудачу этого дня, снова перейдя въ наступательное дѣйствіе. Въ сущности, никто не стоваривался ни относительно случая, ни относительно способа новаго вышательства пролетаріата; но всѣ разстались въ твердой увѣренности, что если Собраніе не выкажетъ покорности воли народа, то можно будетъ хорошо и быстро расправиться съ невѣрными представителями. Нѣсколько дней спустя Каба и Пьеръ Леру, съ своей стороны, предложили временному правительству учредить постоянный комитетъ изъ самыхъ передовыхъ людей демократіи, чтобы съ помощью ихъ вліянія и ихъ совѣтовъ снова вступить, вопреки Собранію и безъ него, на путь соціальной революціи.

Наконецъ, въ то же время, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ происходили совѣщанія, гдѣ Порталисъ, Ландрянъ, Жюль Фавръ, Этьеннъ Араго, Жоржъ Зандъ поднимали вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли избавиться отъ собранія въ самый день его открытія, и весьма часто этотъ нелѣпый вопросъ рѣшался утвердительно.

Это полное подозрительности настроеніе вождей партій вскорѣ черезъ посредство печати и клубовъ сообщилось парижскому населенію. Едва новое правительство вступило въ должность, какъ на него уже со всѣхъ сторонъ посыпались нападки. Въ то время, какъ роялистскія газеты, пользуясь неограниченной свободой печати, потѣшались надъ *пентархами* и возвѣщали о скоромъ паденіи этой *quasi-монархіи*, какъ они ихъ называли, революціонные органы повторяли на всѣ лады, что *всеобщее голосованіе, фальсифицированное безчисленными выборными махинаціями, измѣнило народу, что республика извращена, и вопросъ о монархіи выигралъ партію*. Стѣны Парижа, такъ долго покрытыя дивирамбами Братству и похвалами временному правительству, теперь совершенно измѣнили свой видъ; на нихъ ничего не видно было, кромѣ враждебныхъ предупрежденій и угрозъ: «Если вы будете упорствовать въ защитѣ старой соціальной формы»,—говорила, между прочимъ, одна прокламація общества «Правъ человѣка», за подписью Барбеса, обращаясь къ *привилегированнымъ лицамъ стараго общества*,—«вы найдете въ день борьбы, въ авангардѣ, наши орга-

низованныя секція,—и тогда ваши братья заговорятъ уже не о *прощении*, а о *правосудіи*» ¹⁾).

Каждый день газеты повторяли, какъ самую обыкновенную вещь, что если Собраніе не поторопится исполнить волю народа, то онъ *прогонитъ это ложное національное представительство*. Говорили также, что парижскіе рабочіе принесутъ представителямъ готовую конституцію, провозглашенную на Марсовомъ полѣ, и заставятъ Собраніе вотировать ее немедленно ²⁾).

Это грубое упрощеніе понятія о верховной власти находило множество отголосковъ въ народномъ воображеніи, возбужденномъ легкой февральской побѣдой. Политическое сознаніе народа было сбито съ толку экзальтированными рѣчами прежде даже, чѣмъ оно могло сформироваться; вихрь демократической тираниіи вскружилъ всѣмъ головы. Всѣ внѣшніе признаки права и благоразумія были, словно намѣренно, предоставлены врагамъ демократіи въ борьбѣ, которую, какъ мы увидимъ сейчасъ, столь дерзко затѣвали люди безъ геніальности и второстепенные вожаки.

Предвѣстникомъ враждебныхъ дѣйствій была неосторожная про-
вокація со стороны Луи-Блана.

10-го мая, слѣдовательно, въ тотъ самый день, когда авторъ «Организаціи труда» увидѣлъ себя отравленнымъ отъ новой исполнительной власти, въ тотъ моментъ, когда онъ долженъ былъ бы держать себя крайне осторожно, Луи-Бланъ взошелъ на трибуну и потребовалъ отъ сильно предубѣжденного противъ него Собранія учрежденія министерства труда и прогресса. Внесенное въ другое время и другою личностью, предложеніе это сдѣлалось бы, можетъ быть, предметомъ полезныхъ преній. Но при данныхъ обстоятельствахъ, когда общественное мнѣніе явно отстранялось отъ Луи-Блана, онъ не могъ надѣяться, что Собраніе сдѣлаетъ такую уступку, въ которой временное правительство, несмотря на угрозы 26 февраля и 17 марта, упорно ему отказывало, рискуя страшной непопулярностью. Подобная попытка была въ высшей степени не-
политичной, такъ она должна была неминуемо и безъ всякой нужды навлечь на ея автора неудовольствіе Собранія и помочь интригамъ и проискамъ мятежниковъ, старавшихся дискредитировать Собраніе въ глазахъ народа. Впрочемъ, на самой рѣчи Луи-Блана какъ будто отразилось фальшивое, доложеніе оратора. Говоря въ сущности вещи справедливыя, онъ казался пристрастнымъ и сдѣлался рѣзкимъ. Частый ропотъ въ Собраніи предупреждалъ его объ

¹⁾ См. „Отчетъ Коммисіи дознанія“ т. II, стр. 285.

²⁾ См. „Ami du peuple“, „Vraie republique“, Commune de Paris“, „Cause du peuple“, газеты, выходившія подъ редакціей Распайя, Тора, Собріе, Жоржъ Зандъ и др. (Номера отъ 16 апрѣля до 4 мая).

этомъ. Нѣкоторые республиканцы протестовали противъ претензій Луи-Блана представлять одному народное дѣло: «Мы здѣсь всѣ за народъ и за защиту его правъ!» — кричали ему со всѣхъ сторонъ, и такъ какъ онъ продолжалъ развивать свою тему, не обращая ни на что вниманія, все Собраніе поднялось въ нетерпѣніи, и отовсюду стали раздаваться крики: «*Вы не взяли себѣ монополіи на любовь народа! Мы всѣ здѣсь собрались для разрѣшенія соціального вопроса; мы всѣ пришли отъ имени народа; все Собраніе здѣсь для того, чтобы защищать интересы народа!*»

По мѣрѣ того, какъ Луи-Бланъ продолжалъ говорить, недоразумѣніе все росло и росло; вслѣдствіе чего, конечно, его предложеніе было отвергнуто. Тѣмъ не менѣе, отстраняя съ нѣкоторою суровостью претензій социалиста, Собраніе сочувственно выслушивало въ теченіе этихъ дебатовъ слова, защищающія социализмъ.

Нѣкоторые ораторы, не встрѣтивъ противорѣчій съ чьей бы то ни было стороны, заявили, что *соціальный вопросъ господствуетъ надъ всѣми умами, не только во Франціи, но и во Европѣ.*

Многіе настаивали на томъ *глубокомъ интересѣ, который Собраніе принимаетъ въ вопросѣ, защищаемомъ Луи-Бланомъ.* Одинъ рабочій сказалъ, что *всѣ рабочіе надѣются на Собраніе; что Собраніе можетъ доверять народу.* Фрэлонъ утверждалъ, что *Собраніе непремѣнно установитъ всѣ великія основы организаціи труда. Если оно этого не сдѣлаетъ,—добавлялъ онъ съ видомъ искренняго убѣжденія,—Франція будетъ презирать его, и оно будетъ проклято потомствомъ* ¹⁾).

Наконецъ, вотируя единогласно анкету *объ улучшеніи судьбы рабочихъ въ промышленности и земледѣліи*, Собраніе хотѣло ясно показать, что если оно и отстраняло въ лицѣ Луи-Блана особую систему отдѣльнаго социалиста, то оно отнюдь не думало осуждать общій духъ социализма.

И до извѣстной степени это такъ и было.

Произведенная народомъ революція совершилась столь недавно, что нельзя было и думать о томъ, чтобы онъ не захотѣлъ воспользоваться ея плодами. Народъ видѣли великимъ и преувеличивали его силы. Для революціонеровъ 1830 г. сила и право — были одно и то же. Итакъ, въ видѣ неопровержимой истины было признано, что надо было что-нибудь дать побѣдившему народу. Одни изъ страха, большинство изъ чувства справедливости, смѣшаннаго съ раскаяніемъ, иные изъ политики, признавали справедливымъ и считали необходимымъ сдержать, по крайней мѣрѣ, часть февральскихъ обѣщаній. Если мнѣнія еще и расходились, то

¹⁾ См. „Moniteur“, засѣданіе 10 мая, рѣчи Фаллу, Пенана, Фрэлона, и пр.

только относительно болѣе или менѣе широкаго истолкованія этихъ общацій. Что и тогда уже, какъ я отмѣтила, у нѣкоторыхъ членовъ прежнихъ собраній было тайное намѣреніе мало-по-малу съ теченіемъ времени и въ возможныхъ предѣлахъ взять назадъ уступки, вынужденныя необходимостью, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; но эти реакціонные порывы парализовались республиканскимъ большинствомъ и, по всей вѣроятности, остались бы безсильными, если бы не парламентскія ошибки *Горы*, если бы не излишество ультра-революціонныхъ газетъ и провокація вожаковъ улицы.

Со времени открытія Собранія эти вожаки искали повода, чтобы собрать толпы народа. Всѣ неудачи бунта противъ временнаго правительства не отняли у нихъ смѣлости. Для людей такого закала заключается, повидимому, въ опьяненіи, производимомъ броженіемъ умовъ и волненіемъ толпы, такая же притягательная сила, какъ и въ опьяненіи спиртными напитками. Одержимые этой болѣзненной жаждой раздражаются тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе удовлетворяютъ ее. Чтобы увлечь толпу, они рассчитывали на то, что предложеніе Луи-Блана будетъ отвергнуто; но когда они увидѣли, что вопросъ о *министерствѣ труда* волнуетъ лишь небольшую часть рабочихъ, они стали искать другого случая: онъ не замедлил представиться.

Интерпелляціи касательно польскихъ дѣлъ, поставленныя на очередной порядокъ 15 мая, занимали все населеніе. Онѣ должны были произвести естественное волненіе, достаточно сильное, чтобы можно было рассчитывать, съ помощью клубовъ и печати, толкнуть массы на какую-нибудь крайность. Расчетъ былъ довольно вѣренъ. Ничто не возбуждало во Франціи такого сочувствія, какъ судьба польскаго народа. Во время войнъ Консульства и имперіи между французскими и польскими солдатами установилось полное братство по оружію. Восторженная любовь къ Наполеону была столь же сильна въ Польшѣ, какъ и во Франціи. Портретъ Наполеона можно было встрѣтить столь же часто въ хижинахъ самыхъ отдаленныхъ литовскихъ деревень, какъ и портретъ Понятовскаго въ жилищахъ дуарскихъ крестьянъ. *Варшавянку* Делавиня дѣли во Франціи съ такимъ же энтузіазмомъ, какъ и *Парижанку* ¹⁾. Въ

1) Припомнимъ знаменитые стихи Делавиня:

A nous Français! les balles d'Iéna,
Sur nos poitrines ont inscrit nos services;
A Marengo le fer les sillonna;
De Champ-Aubert comptez les cicatrices.
Vaincre et mourir ensemble autrefois fut si doux!
Nous étions sous Paris... Pour de vieux frères d'armes
N'aurez-vous que des larmes?
Frères! c'était du sang que nous versions pour vous!

1831 г. пѣсни Веранже продавались тысячами въ пользу польскаго Комитета, основаннаго редакціей «National'a» подъ предѣтельствомъ Лафайета, и знаменитѣйшій изъ французскихъ республиканцевъ съ удовольствіемъ титуловалъ себя «первымъ гренадеромъ варшавской національной гвардіи».

Тщетно министры Людовика-Филиппа хотѣли помѣшать палатамъ ежегодно заявлять въ адресъ къ королю, что онѣ искренно желаютъ возстановленія польской національности; онѣ упорно держались этого заявленія, слѣдуя въ этомъ теченію общественнаго мнѣнія.

Рѣчи и писанія генерала Ламарка, Могёна, Ламенна, де-Монталамбера; лекціи Мицкевича въ Collège de France не давали изсякать этому теченію. Наконецъ, польскіе эмигранты демократической партіи во всѣхъ случаяхъ принимали участіе въ гражданскихъ безпорядкахъ Парижа; большинство принадлежало даже къ тайнымъ обществамъ и находилось въ тѣсномъ общеніи съ самыми горячими французскими революціонерами.

Февральская революція оживила общія надежды. Учащаяся молодежь восторженно ашплодировала одному изъ своихъ знаменитыхъ профессоровъ, когда онъ мистическими красками описалъ съ кафедръ «эту Францію съвера, этого Христа между націями — Польшу, которую онъ увидѣлъ живой на нашихъ баррикадахъ и въ кровавыя раны которой онъ вложилъ свои персты»¹⁾.

Когда нѣсколько дней спустя депутація отъ польскихъ эмигрантовъ отправилась въ Ратушу, чтобы просить у временнаго правительства помощи и оружія, по дорогѣ парижане выказывали ей самую живую симпатію.

Поэтому разочарованіе было весьма велико, когда Ламартинъ, который долженъ былъ отвѣчать полякамъ, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, отвергнулъ ихъ просьбу и съ нѣкоторой суровостью заявилъ, что онъ намѣренъ остаться вѣрнымъ своему манифесту; что Франція не допуститъ никакого агрессивнаго дѣйствія противъ германскихъ народовъ, и что она оставляетъ за собой право судить о причинахъ, средствахъ и времени своего вмѣшательства въ дѣла Европы.

т. е.: «сюда, къ намъ, французы! пули битвы при Іенѣ написали наши заслуги на нашей груди; желѣзо изборозило ее при Маренго. И считайте рубцы, полученные нами при Шампобертѣ. Какъ намъ было вѣкогда сладостно жить и умирать вмѣстѣ! Мы были подъ Парижемъ... И развѣ у васъ остались только слезы для старыхъ братьевъ по оружію. Братья, вѣдь мы проливали за васъ кровь!»

¹⁾ См. вступительную лекцію Кинэ въ Сорбоннѣ („Moniteur“, 10 марта 1848).

При этомъ заявленіи раздался ропотъ. Одинъ изъ депутатовъ вспылилъ и позволилъ себѣ неприличныя выраженія, которыя онъ тотчасъ же взялъ назадъ. Но съ этой минуты поляки дѣлали все возможное, чтобы подорвать популярность Ламартина. Такъ какъ они думали, что болѣе революціонное правительство будетъ имъ болѣе благопріятнымъ, то они стали безустанно возбуждать населеніе противъ исполнительной власти и противъ Собранія.

Разумѣется, польскіе эмигранты требовали слишкомъ много, желая, чтобы Франція поставила реорганизацію Польши условіемъ войны или мира; но вѣрный инстинктъ уже подсказывалъ имъ, что Польша снова будетъ покинута. Ламартинъ, который въ то время одинъ велъ всѣ дипломатическіе переговоры и которому французскій посланникъ де-Сиркуръ описывалъ самыми неблагопріятными красками состояніе польскаго населенія, не только не вѣрилъ, чтобы поляки могли завоевать себѣ независимость, но еще съ какимъ-то ложнымъ самолюбіемъ успокаивалъ на этотъ счетъ монархическія державы, увѣряя ихъ, что онъ не помышляетъ ни о чемъ подобномъ. Онъ, по неудержимой склонности своего ума, льстилъ себя надеждою, что можетъ путемъ внушенія, представляя соотвѣтствующимъ государямъ разсужденія, основанныя не на интересѣ, а на справедливости, добиться для польскихъ провинцій возможно болшей суммы административныхъ вольностей. Въ особенности онъ ожидалъ важныхъ уступокъ отъ короля прусскаго, въ искренности котораго не сомнѣвался и съ которымъ искалъ союза.

Инструкціи, данныя въ этомъ направленіи де-Сиркуру, были исполнены въ точности и, вѣроятно, преувеличены. Даже выборъ посланника, монархическія и аристократическія тенденціи котораго были всѣмъ извѣстны, являлся ошибкой: чѣмъ добросовѣстнѣе такой агентъ, тѣмъ болѣе онъ будетъ, хотя бы невольно, вредить дѣлу, которое ему не симпатично, торжества котораго онъ не желаетъ и считаетъ его невозможнымъ.

И, дѣйствительно, король прусскій, выслушавъ французскаго посланника, понялъ, что ему опасаться нечего, и что онъ можетъ отдѣлаться нѣкоторыми несущественными уступками. Русскій посланникъ при берлинскомъ дворѣ, Мейендорфъ, утвердилъ его въ этомъ мнѣніи. Онъ указалъ ему на русскую Польшу, занятую императорскими войсками и поставленную въ совершенную невозможность возстать; указалъ на чуть было возставшій и тотчасъ же подавленный Краковъ ¹⁾, на Францію, колеблющуюся и остано-

²⁾ Конфликтъ между польскимъ комитетомъ и австрійскими властями начался по поводу эмигрантовъ, которыхъ арестовали на границѣ. Австрійскій комиссаръ Крикъ принужденъ былъ уступить силѣ и отмѣнить при-

вленную въ своемъ порывѣ слабымъ правительствомъ. Онъ посоветовалъ ему обождать, вилать и хитрить — такова и была, впрочемъ, какъ разъ всегдашняя политика Фридриха-Вильгельма.

Берлинское возстаніе, первымъ актомъ котораго было освобожденіе Мѣрославскаго и его товарищей, заключенныхъ въ государственную тюрьму, вызвало у короля прусскаго обѣщаніе произвести національную реорганизацію и создать внутреннюю независимость великаго герцогства Познанскаго. Чтобы приступить къ исполненію этого обѣщанія, коммиссія, состоящая изъ нѣмцевъ и поляковъ, тотчасъ же открыла свои засѣданія въ Познанской Ратушѣ. Первымъ дѣломъ ея была организація національной гвардіи. Огромныя толпы горожанъ и крестьянъ вооружились и въ числѣ 20.000 человекъ сконцентрировались на различныхъ пунктахъ территоріи.

Генераль Виллизенъ, назначенный королевскимъ комиссаромъ, былъ посланъ въ Познань, чтобы предупредить столкновенія и всѣми средствами способствовать мирному преобразованію герцогства. Миссія была трудная. Нѣмецкая партія, занимавшая всѣ мѣста, всѣ должности, вытѣсняя поляковъ, и терявшая все съ торжествомъ польской національности, дѣлала ему всевозможныя затрудненія. Генераль прусскихъ войскъ, Коломбъ, окружалъ лагери польскихъ волонтеровъ и грозился, что покончитъ съ ними однимъ разомъ. Наконецъ евреи, составляющіе приблизительно двадцатую часть населенія, стояли за нѣмцевъ.

Не смотря на эти громадныя затрудненія, генераль Виллизенъ, воодушевленный искренней симпатіей къ Польшѣ, добился того, что 11 апрѣля была заключена въ Ярославцѣ конвенція, гарантировавшая герцогству отдѣльную армію и администрацію. Въ то же время Фридрихъ-Вильгельмъ извѣщалъ Ламартина, что польскимъ эмигрантамъ разрѣшается возвратиться на родину. Все, казалось, шло по желанію патріотовъ; но радость ихъ была непродолжительна.

Гражданскія и военныя власти великаго герцогства Познанскаго протестовали противъ ярославцкаго соглашенія. Нѣмецкая партія возстала противъ генерала Виллизена, начала интриговать въ Берлинѣ и безъ труда достигла того, что король, уже очнувшись отъ перваго страха, смѣстилъ Виллизена и издалъ декретъ, въ силу котораго пограничные съ великимъ герцогствомъ округа были исключены изъ конвенціи, и повелѣвалась новая перепись смѣ-

кавъ. Но на другой день солдаты затѣяли ссору съ населеніемъ и начали сраженіе; побитые на улицѣ кучкой безоружныхъ людей, они заперлись въ замкѣ и стали бомбардировать городъ, выпустивъ столько ракетъ, что уже черезъ полчаса городъ горѣлъ въ двадцати мѣстахъ. Комитетъ удался, и эмигранты принуждены были оставить провинцію.

шанных населеній. Рѣшено было, что области, населенныя большею частью поляками, будутъ управляться сообразно только что дарованнымъ основамъ реформъ. Тѣ же, въ которыхъ нѣмцы въ большинствѣ, должны быть присоединены къ Германской конфедераціи. Но эта новая перепись была наглымъ обманомъ. Пруссіе чиновники, которымъ поручено было произвести ее въ деревняхъ, обманули крестьянъ, увѣривъ ихъ, что ихъ хотятъ освободить отъ всякихъ податей. Такимъ образомъ, собрали довольно большое число подписей подъ актомъ присоединенія къ Германской конфедераціи, и болѣе двухъ третей Познани были, такимъ образомъ, обманомъ отняты у Польши.

Между тѣмъ, генерала Коломба, несмотря на пунктуальное исполненіе Ярославичской конвенціи польскими добровольцами, разошедшимися, за исключеніемъ тѣхъ, которые должны были быть присоединены къ арміи, раздражало сосѣдство лагерей. Разсчитывая легко справиться съ этими новобранцами, пруссаки неожиданно напали на Ксіондзскій лагерь, и послѣ ожесточеннаго боя, въ которомъ крестьяне, вооруженные косами и вилами, выказали геройскую храбрость, поляки должны были уступить большому числу пруссаковъ, городъ Ксіондзь былъ взятъ и сожженъ до тла. Майоръ Дембровскій былъ убитъ; солдаты подвергали крестьянъ жестокимъ истязаніямъ ¹⁾. Нѣсколько дней спустя Мѣрославскій, на котораго напалъ генералъ Блуменъ въ Милославскомъ лагерѣ, хорошо отомстилъ пруссакамъ: но, несмотря на страшныя усилія, не могъ долго выдерживать неравную борьбу; генералъ Пфюль, королевскій комиссаръ, смѣнившій Виллизена 5 мая, вступилъ въ Познань, провозгласилъ военное положеніе и заключилъ Мѣрославскаго въ крѣпость. Новый приказъ, произвольно присоединяющій Познань и 18 округовъ къ Германской конфедераціи, положилъ конецъ всѣмъ надеждамъ поляковъ.

Между тѣмъ, отряды эмигрантовъ, оставившихъ Францію и Германію, прибывали въ Бреславль и въ Магдебургъ; многіе были уже въ Краковѣ.

Увидѣвъ, что австрійскія войска, сосредоточившіяся втихомолку въ окрестностяхъ, начинаютъ входить въ городъ, національный комитетъ, поставленный, чтобы заботиться о народномъ дѣлѣ, встревожился. Онъ отправился къ австрійскому комиссару и потребовалъ объясненій по поводу эмигрантовъ. Комиссаръ отвѣчалъ уклончиво; въ тотъ же вечеръ отрядъ эмигрантовъ былъ

¹⁾ Чтобы узнать этихъ крестьянъ, если они вздумаютъ возмутиться въ другой разъ, имъ отрѣзали уши и выжигали на рукахъ знаки лясисомъ.

арестованъ на границѣ, и разнесся слухъ, что ихъ выдадутъ Россіи. При этомъ извѣстіи народъ и національная гвардія бросаются къ оружію, вспыхиваетъ возстаніе; но австрійцы, овладѣвшіе крѣпостью, начинаютъ бомбардировать городъ. Тогда польскіе эмигранты посылаютъ къ австрійскому генералу парламентеровъ; онъ обѣщаетъ амністію жителямъ подъ условіемъ, чтобы всѣ вернувшіеся эмигранты въ три дня снова оставили польскую территорію.

Нѣкоторые изъ этихъ *возвращенныхъ родинъ*, какъ ихъ называли, вернулись въ Парижъ, куда пріѣхали въ первыхъ числахъ мая.

Видя ихъ горе, слупая разсказъ объ ихъ страданіяхъ, о сожженныхъ и разграбленныхъ селахъ и городахъ, объ истребленныхъ посѣвахъ, о цѣлыхъ вырѣзанныхъ поселеніяхъ, всѣ взволновались. Стѣны Парижа покрываются воззваніями къ братству народовъ. Подъ заглавіемъ «Познанскій бюллетень», одинъ изъ такихъ манифестовъ воспроизводитъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ обвиненія польскихъ эмигрантовъ противъ Ламартина. Заговорили о томъ, чтобы устроить манифестацію и понести процессіей въ Собраніе петицію, требующую возстановленія Польши.

Это была исходная точка, видимая цѣль знаменитаго дня 15 мая, который тогдашняя пресса сравнивала съ возстаніемъ преріала и элементы котораго, еще болѣе смѣшанные, чѣмъ въ манифестаціяхъ 17 марта и 16 апрѣля, не были и по сіе время еще достаточно извѣстны. Мы должны выяснитъ себѣ этотъ вопросъ. Смутный въ началѣ, ничтожный и смѣшной въ концѣ, двусмысленный по тѣмъ подозрительнымъ личностямъ, которыя держали въ своихъ рукахъ его нити, мятежъ 15 мая, къ сожалѣнію, имѣлъ огромное вліяніе на судьбы страны. Онъ поколебалъ добрыя намѣренія Собранія, поднявъ у него на глазахъ всѣ подонки демагогіи. Онъ далъ въ руки партіи контръ-революціи первый, но такой крупный фактъ, который всецѣло можно было обратить противъ народа. Эта смута покажетъ намъ, наконецъ—и это будетъ полезной для демократическихъ обществъ истиной.—какъ подъ вліяніемъ низкихъ вожаковъ извращаются самыя честныя чувства народа; какъ въ революціонномъ движеніи второстепенныя личности легко узурпируютъ первыя роли и увлекаютъ народъ противъ его воли и даже безъ его вѣдома къ дѣйствіямъ, противнымъ его нравственному чувству и пагубнымъ для его истинныхъ интересовъ.

Если вѣрить противорѣчивымъ объясненіямъ партіи, не заботящихся объ исторической истинѣ, то 15 мая, по мнѣнію однихъ, былъ заговоръ, составленный Нарбэсомъ, Луи-Бланомъ, Коссидьеромъ съ согласія Ледрю-Роллена и терпимый Ламартиномъ, заговоръ, имѣвшій цѣлью свергнуть Собраніе и передать управленіе страной

революціонной диктатурѣ. По мнѣнію другихъ, этотъ бунтъ былъ лишь подлѣйшей махинаціей полиціи, ловушкой, поставленной демократамъ-соціалистамъ, чтобы избавиться отъ самыхъ главныхъ изъ нихъ ¹⁾. Въ послѣднемъ случаѣ изобрѣтеніе ловушки приписывалось то Маррасту, то Бюше, то Ламартину.

Изъ каждаго изъ этихъ противоположныхъ объясненій можно, по моему мнѣнію, извлечь частицу истины.

Барбэсъ, отказавшійся вотиловать *благодарность отечества* временному правительству; Луи-Бланъ и Альберъ, исключенные изъ исполнительной комиссіи и получившіе отказъ въ учрежденіи *министерства труда*; Пьеръ Леру, совѣтовавшій временному правительству кассировать выборы и передѣлать избирательный законъ,—составляли въ Парижѣ и даже въ Собраніи одинаково враждебную и исполнительную, и законодательную власть партію, которая въ принципѣ, сочувствуя непосредственному вмѣшательству народа въ политическія дѣла, одобряла или не одобряла этого вмѣшательства, единственно смотря по тому, имѣло ли оно или не имѣло шансовъ на успѣхъ.

Съ своей стороны, самая передовая фракція правительства, Ледрю-Роллэнь, Коссидьеръ и даже Ламартинъ, чувствуя уже надъ собой грозящую опасность со стороны старыхъ династическихъ партій, обвиняла Собраніе въ вялости и иногда думала, что полезно было бы оживить его, напомнивъ ему путемъ какого-нибудь *внѣшняго давленія*—такъ называли въ тѣ времена мятежъ—о народной силѣ, которую оно слишкомъ забывало.

Наконецъ, партія республики, которую называли буржуазной—Маррастъ, Бюше и другіе,—не видѣла никакой опасности и рассчитывала на нѣкоторую пользу отъ безобидной манифестаціи, дающей ей возможность вмѣшаться въ качествѣ регулирующаго начала между соціализмомъ, непокойныхъ вождей котораго можно будетъ, молъ, устранить, и монархистами, которыхъ можно будетъ защитить отъ пролетаріевъ, но давъ имъ почувствовать, чего они могли бояться отъ нихъ.

Между этими разнообразными, сложными и неувѣренными пріемами политики и народомъ, который наивно стремился на помощь къ Польшѣ, металась отъ одного къ другимъ толпа вздорныхъ крикуновъ, подозрительныхъ личностей, устроителей гражданскихъ смутъ, стоящихъ одной ногой посреди бунта, а другой въ

¹⁾ См., между прочимъ, въ «Procès de Bourges» защиту Распайя, называющаго 15 мая «широко раскинутымъ неведомъ въ грязной тинѣ Ратуши для того, чтобы поймать нѣкоторыхъ лицъ, прямота и честность которыхъ были такъ же опасны, какъ и ихъ преданность республикѣ». Таково же было мнѣніе и Пьера Леру и Каба.

полиціи, людей, которыхъ никто не признаетъ, которые всѣхъ надуютъ, а иногда, ошеломленные собственнымъ шумомъ, обманываютъ самихъ себя. Эти-то личности и взяли на себя 15-го мая главную активную роль и придали этому дню такой сомнительный характеръ, что всѣ партіи сочли себя обманутыми и еще до сихъ поръ, какъ будто съ нѣкоторымъ основаніемъ, бросаютъ другъ другу обвиненія въ провокаторствѣ и измѣнѣ.

Президентъ *Централизованнаго Комитета*, когда-то арестованный по политическому дѣлу, Гюберъ, сдѣлался главнымъ организаторомъ манифестаціи. Несмотря на свое сомнительное прошлое ¹⁾, Гюберъ съ 24 февраля снова получилъ нѣкоторый вѣсъ въ республиканской партіи. Онъ по прежнему сошелся съ Барбесомъ и Маррастомъ ²⁾, онъ вошелъ въ сношенія съ Карье и видался даже съ Ламартиномъ, который охотно пользовался такими агентами, считая ихъ болѣе вліятельными или болѣе послушными, нежели они были въ дѣйствительности. Просидѣвъ семнадцать лѣтъ въ государственныхъ тюрьмахъ, Гюберъ считалъ, что имѣетъ право на народную благодарность, и былъ очень раздраженъ тѣмъ, что провалился на выборахъ въ департаментъ Эндры-и-Луары; онъ просилъ у исполнительной комиссіи мѣста управляющаго государственной дачей Рэнси, давая понять, что отъ него зависитъ поднять или усмирить народный бунтъ. 14 мая, въ то время, какъ онъ разглагольствовалъ въ своемъ клубѣ, гдѣ онъ только что объявилъ окончательно на завтрашній день манифестацію, уже нѣсколько разъ отложенную, ему передали въ конвертѣ Ратуши назначеніе, которое было подписано въ советѣ по настоянію Марраста. «Слишкомъ поздно!» пробормоталъ Гюберъ, не прерывая своей рѣчи. Было дѣйствительно слишкомъ поздно предупредить манифестацію, но можно еще было сдѣлать такъ, чтобы она была неудачной, и онъ всѣми силами началъ работать для достиженія этой цѣли.

¹⁾ Припомнимъ, что Гюберъ, осужденный въ 1836 г. на пятилѣтнее заключеніе въ тюрьму, выпросилъ у короля смягченіе этого наказанія; что онъ уѣхалъ въ Лондонъ въ концѣ августа 1837 г., вступилъ въ заговоръ Стѣбля и М-ле Грувель, что его заподозрили въ измѣнѣ имъ и что почти было доказано, что онъ съ тѣхъ поръ доставлялъ правительству Людовика-Филиппа свѣдѣнія о республиканской партіи (См. отчетъ «Буржскаго процесса», въ особенности показанія свидѣтеля Монье.—См. также въ газетахъ января 1852 г. просьбу о помилованіи, которую Гюберъ изъ Вель-Иля прислалъ принцу Людовику-Наполеону Бонапарту).

²⁾ Доказано (въ процессѣ Гардуэна), что, послѣ 15 мая, Гюберъ продолжалъ видѣться съ Маррастомъ и что онъ получилъ 600 франковъ отъ комиссіи національныхъ наградъ изъ суммъ, назначенныхъ для вспомоществованія февральскимъ раненымъ.

Бюше за нѣсколько дней уже получилъ предупрежденіе, что что-то готовится, и Собраніе съ первыхъ же дней позаботилось о своей безопасности, облекши своего президента правомъ призывать вооруженную силу; оно захотѣло еще болѣе предупредить опасность мятежнаго вторженія, воспретивъ приносить петиціи на засѣданія.

Между тѣмъ, всѣ успокоились, такъ какъ уже нѣсколько разъ день, назначенный для манифестаціи, проходилъ въ величайшей тишинѣ. Такъ, напримѣръ, 9 мая, когда двѣнадцатый легіонъ подъ командой Барбеса стоялъ на караулѣ у Бурбонскаго дворца, призванъ былъ одиннадцатый легіонъ, чтобы разрушить замыселъ и чтобы съ твердостью ожидать петиціи; но никто не явился. Затѣмъ 13-го процессія рабочихъ, шедшая отъ Бастиліи съ криками: «да здравствуетъ Польша!» и считавшаяся весьма опасной, остановилась на площади св. Магдалины и, несмотря на присутствіе Бланки, мирно передала свою петицію въ руки Вавена, котораго Собраніе послало ей навстрѣчу. Къ тому же Собраніе еще надѣялось на національныя мастерскія, такъ какъ Эмиль Тома успокоительно отзывался объ ихъ хорошемъ настроеніи и предлагалъ въ случаѣ надобности смѣшать ихъ рабочихъ съ народными массами, чтобы отвлечь толпу отъ насильственныхъ дѣйствій.

Однако, когда на другой день, 14-го, на стѣнахъ Парижа появилось воззваніе, подписанное Губеромъ и Собріе и назначавшее народную сходку на 15-е утромъ у Бастиліи, президентъ Собранія и исполнительная коммиссія сговорились о мѣрахъ на случай, если движеніе приметъ мятежный характеръ. Генераль Куртэ съ большой настойчивостью потребовалъ, чтобы ему передана была главная команда всѣми вооруженными силами, и, собравъ вечеромъ всѣхъ полковниковъ легіоновъ, приказалъ имъ созвать въ каждой мѣринъ по тысячи человекъ запаса, чтобы защищать въ случаѣ надобности ближайшую окрестность Палаты. Запасъ перваго легіона подъ командой де-Траси долженъ былъ занять площадь Согласія, чтобы загородить путь петиціонарнымъ колоннамъ; генераль Фушэ, командовавшій первой дивизіей, получилъ приказъ стоять въ Военной школѣ готовымъ тронуться со всѣми находившимися въ его распоряженіи войсками; но онъ долженъ былъ выйти только въ случаѣ серьезнаго нападенія и дѣйствовать только въ случаѣ безусловной необходимости.

По приказу Бюше, баталіонъ гвардейскихъ мобилей долженъ былъ охранять мостъ Согласія, два другихъ баталіона нарядились въ садъ дворца; четвертый на эспланаду Инвалидовъ. Въ то же время исполнительная коммиссія расклеила по стѣнамъ прокламаціи противъ скопленій народа на улицахъ.

Эти предосторожности казались болѣе чѣмъ достаточными, такъ какъ въ докладахъ, присланныхъ 14-го въ полицейскую префектуру, Коссидьеръ заявлялъ, что манифестація будетъ мирная. Онъ отвѣчалъ за людей, которые руководятъ ею; кромѣ того, онъ говорилъ, что агенты его при первомъ сигналь захватятъ Бланки и Собріе. Онъ отвѣчалъ за все, но на одномъ условіи: *чтобы не билъ барабанъ къ сбору*. Это было также и мнѣніе Марраста, который не придавалъ этому особенно серьезнаго значенія. Ламартинъ и Ледрю-Роллэнъ, давшіе свои инструкціи Собріе, также нисколько не беспокоились. Да и, дѣйствительно, нечего, казалось, было опасаться: 17-е марта было далеко; революціонное настроеніе замѣтно затихло; въ народныхъ волненіяхъ не чувствовалось ни согласія, ни руководства. По мѣрѣ того, какъ приближался часъ манифестаціи, вожаки, смущенные или поддавшіеся уговорамъ, начинали говорить совсѣмъ иначе. Настоящіе вожди революціонной партіи или высказывались противъ манифестацій, или оставались въ нерѣшимости. Прудонъ въ своей газетѣ «Représentant du peuple» рѣзко отчитывалъ *прѣсныхъ гуманитаріевъ, безмозглыхъ клубистовъ*, проектирующихъ манифестацію. Барбозъ не одобрялъ ея, подозрѣвая въ этомъ руку Бланки, и заставилъ Гюбера поклясться въ томъ, что, по крайней мѣрѣ, манифестація будетъ безъ оружія. Кабѣ рѣшилъ, что его клубъ не приметъ въ ней участія. На собраніи, которое происходило у Луи-Блана и на которомъ присутствовали Грелло, Детуръ, Торэ, признали, что манифестація, во главѣ которой будутъ стоять такіе смутьяны, какъ Собріе, Лавиронъ, Флоттъ, или такіа загадочныя личности, какъ Бормъ, Кантенъ, Дергэ, будетъ чрезвычайно опасной. Поэтому рѣшено было отговорить народъ отъ нея.

Самъ Бланки, не разчитывая на успѣхъ столь плохо организованной попытки, оспаривалъ въ клубѣ возбудительныя рѣчи нѣкоторыхъ ораторовъ, говорившихъ о томъ, чтобы *очистить агіевы конюшни*, и общалъ Ламартину заставить разойтись манифестацію, если ему не удастся удержать народъ отъ нея.

Что касается Распайя, то онъ, хотя и уступая наиболѣе горячимъ головамъ своего клуба, требовавшимъ, чтобы онъ составилъ петицію въ пользу Польши, твердо рѣшилъ, что слѣдуетъ ограничиться произведеніемъ *нравственнаго впечатлѣнія* и упрочить за собой революціонное право приносить петиціи въ самое Собраніе. Наконецъ, на послѣднемъ совѣщаніи 15-го, въ часъ ночи, на бульварѣ Боннъ-Нувелль, между самыми рѣшительными клубистами и вожаками секцій положено было послѣ оживленныхъ споровъ, что слѣдуетъ помѣшать манифестаціи, потому что ее ведетъ Гюберъ съ враждебными по отношенію къ Ледрю-Роллэну намѣреніями, подѣ

тайнымъ руководствомъ Марраста и умѣренныхъ членовъ Собранія.

Среди рабочихъ большинство были совершенно искренно въ выраженіи сочувствія къ Польшѣ и нисколько не помышляло о низверженіи правительства, а тѣмъ менѣе о томъ, чтобы разогнать Собраніе. Корпорации, клубы и делегации Люксембурга, встрѣтась 15-го мая въ десять часовъ утра на площади Бастиліи, приветствовали другъ друга криками: «Да здравствуетъ Польша! Да здравствуетъ Республика!» Они спокойно построились въ ряды и медленно двинулись вдоль бульваровъ. Гюберъ и Собріе вели колонну, среди которой, между 70 флагами національных мастерскихъ, развѣвались флаги иностранныхъ націй, украшенные лентами, цвѣтами и зеленью. Толпа любопытныхъ высыпала изъ боковыхъ аллей; всѣ указывали другъ другу на польскаго орла, на ирландскую арфу, на итальянское трехцвѣтное знамя. Многіе національные гвардейцы, пріѣхавшіе изъ провинціи, чтобы присутствовать на праздникѣ, который Собраніе должно было дать 13-го, но который былъ отложенъ изъ боязни, что можетъ послужить поводомъ къ беспорядкамъ ¹⁾, присоединились къ кортежу со своими флагами. Со всѣхъ сторонъ слышался веселый говоръ. «Мы идемъ съ визитомъ къ нашимъ приказчикамъ», говорили одни. «Сегодня вечеромъ мы уѣзжаемъ въ Польшу», говорили другіе. Яркое солнце заливало своимъ свѣтомъ народную процессію, извивавшуюся, какъ длинная змѣя, къ которой время отъ времени прибавлялись новыя кольца. Распайль, склонный всюду видѣть руку полиціи, оставался со своимъ клубомъ въ самомъ хвостѣ процессіи, рѣшившись принимать какъ можно меньше участія въ томъ, что будетъ происходить. Но вскорѣ, когда голова колонны почти достигла Св. Магдалины, агенты Гюбера и Собріе прибѣжали сказать ему, что ряды начинаютъ разстраиваться, что петиція Гюбера затерялась и что просить его дать свою, что, однимъ словомъ, онъ одинъ можетъ возстановить спокойствіе и молчаніе, которыя приличествуютъ народу въ подобномъ случаѣ.

Распайль поддается этимъ уговорамъ. Но придя на площадь св. Магдалины, онъ не узнаетъ манифестаціи, которую только что видѣлъ у Бастиліи. Появились какія-то новыя толпы; люди, которыхъ онъ не знаетъ, влѣзши на тумбы или на скамейки, говорятъ рѣчи и возбуждаютъ народъ. Ряды разстроились; онъ видитъ подозрительныя лица; онъ съ удивленіемъ слышитъ, что крики:

¹⁾ Съ 11 мая делегаты Люксембурга, дѣйствительно, заявили, что они не будутъ присутствовать на праздникѣ, такъ какъ Национальное Собраніе не выполнило обѣщаній 25 февраля.

«Да здравствует Луи-Бланъ! Да здравствует организація труда!» смѣшиваются съ криками: «Да здравствует Польша!» Вдругъ появляется генераль Куртэ. Толпа окружаетъ его лошадь, его привѣтствуютъ крикомъ: «Да здравствует генераль народа!» Старый генераль, обожающій популярность, кланяется, улыбается, говорить съ народомъ. Онъ общается, что депутація делегатовъ будетъ допущена въ Собраніе, чтобы представить петицію, и что народная колонна продефилируетъ передъ перистилемъ дворца; затѣмъ онъ возвращается къ мосту Согласія. Всѣ увѣряютъ, что онъ отдастъ войскамъ приказъ не противиться проходу народа, и, дѣйствительно, всѣ видятъ, что гвардейскіе мобили вкладываютъ штыки въ ножны.

Тѣмъ не менѣе, толпа не рѣшается приблизиться къ мосту и словно смутно чувствуетъ, что если она перейдетъ его, то сдѣлаетъ болѣе того, что намѣревалась сдѣлать; она словно понимаетъ, что перейти эту послѣднюю границу, значитъ до известной степени оскорбить Національное Собраніе. Но въ эту минуту раздается пронзительный крикъ «впередъ!» Это командуетъ Бланки. Видя, что манифестація такъ многочисленна и приготовленія къ защитѣ такъ не страшны, онъ новѣрилъ въ успѣхъ. Его революціонный инстинктъ увлекаетъ его впередъ, его клубъ слѣдуетъ за нимъ, масса всколыхнулась, толпа переходитъ мостъ, разсыпается по набережной; нѣкоторые перелѣзаютъ черезъ рѣшетки перистилия на глазахъ гвардейскихъ мобилей, которые смѣются надъ этой суматохой; иные проталкиваются черезъ улицу Бургонь къ площади, на которую выходитъ главный фасадъ дворца: народное представительство находится во власти простого каприза народа.

Засѣданіе открылось въ обычный часъ; ничто въ общемъ видѣ залы не показывало, чтобы ожидали чего-нибудь необыкновеннаго. Трибуны были полны нарядныхъ женщинъ и любопытныхъ, которымъ и въ голову не приходила мысль о какой бы то ни было опасности.

По странной случайности это засѣданіе, которому предстояло быть столь бурнымъ, открылось протестомъ противъ *шума общественныхъ дѣлъ* ¹⁾. Беранже, философъ-поэтъ, во второй разъ просить принять его отставку и умоляетъ Собраніе *возвратить его къ безвѣстности частной жизни*. Послѣ чтенія этого письма и принятія отставки, выслушивается интерпелляція д'Арагона объ итальянскихъ дѣлахъ.

Бастидъ, принужденный высказаться относительно поведенія, котораго правительство думаетъ держаться, отвѣчаетъ съ замѣшатель-

¹⁾ См. Письмо Беранже, *Moniteur* 16 мая.

ствомъ. Въ принципѣ онъ признаетъ, что *Франція по своему географическому положенію и по своему національному генію должна стоять во главѣ свободныхъ народовъ; онъ утверждаетъ, что въ этомъ заключается ея будущность и будущность Европы.* Онъ, конечно, дѣлаетъ обязательную декларацію, что договоры 1815 года не существуютъ болѣе, онъ прибавляетъ даже, что карта Европы въ томъ видѣ, въ какомъ ее создали эти ненавистные договоры—есть мертвая буква; но онъ торопится прибавить, что не одной Франціи надлежитъ передѣлать ее. Онъ указываетъ на европейскій конгрессъ въ неопредѣленномъ будущемъ; онъ въ особенности напираетъ на то, что Республика должна почерпать свою силу въ *сдержанности и въ благоразуміи.*

Подобный отвѣтъ весьма похожъ на пораженіе. Такъ его и понимаетъ д'Арагонъ, который снова всходитъ на трибуну, чтобы точнѣе формулировать свой запросъ, и весьма категорично спрашиваетъ: „*Употребляетъ ли правительство всѣ необходимыя средства, чтобы добиться уступокъ со стороны Австріи и достаточно ли оно подготовлено на тотъ случай, если Италія попроситъ вмѣшательства?*” Въ то время, какъ произносились эти слова, Ламартинъ усаживался на свое мѣсто. Онъ только что говорилъ тихимъ голосомъ съ президентомъ, извѣщая его о томъ, что происходитъ на улицѣ, побуждая его принять какъ можно скорѣе надлежащія мѣры, чтобы предупредить беспорядки. Теперь было не время разбирать дипломатическіе вопросы. Поэтому Ламартинъ, отложивъ эти объясненія до слѣдующаго засѣданія, уступилъ трибуну Воловскому для интерпелляціи о польскихъ дѣлахъ.

Но уже начинаютъ распространяться тревожные слухи. Говорятъ, что большія массы народа наполняютъ площадь Согласія; что толпа надвигается и какъ будто направляется къ палатѣ. Нѣкоторое волненіе выражается на всѣхъ лицахъ; самъ ораторъ въ безпокойствѣ. Онъ видитъ, что его никто не слушаетъ, и, произнося банальныя фразы о симпатіи Собранія къ польскому дѣлу, онъ прислушивается; и до него достигаютъ крики. Но желая сохранить свое достоинство и вернуть къ себѣ вниманіе, Воловскій напрягаетъ голосъ, жестикулируетъ и восклицаетъ: «Нѣтъ, Польша не мертва! Она только дремала!» Въ эту минуту, словно въ отвѣтъ на его слова, доносится громкій возгласъ: «Да здравствуетъ Польша!» Ораторъ смолкаетъ; всѣ молчатъ; всѣ взоры устремляются на квестора Дегуза, который вбѣгаетъ въ залъ, бросается къ трибунѣ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ говоритъ: «Собраніе сейчасъ будетъ во власти народа; мятежъ у воротъ. Главнокомандующій національной гвардіей, противно распоряженію квестора, приказалъ гвардейскимъ мобілямъ вложить штыки въ ножны!»

Глубокое изумленіе встрѣчаетъ эти слова, но объясненій спрашивать некогда. За смутнымъ гуломъ народныхъ массъ, наполняющихъ дворъ, слѣдуетъ ясный шумъ шаговъ и голосовъ по корридорамъ и лѣстницамъ. Двери верхнихъ трибунъ съ трескомъ распахиваются; появляются народные флаги. «По мѣстамъ!» кричатъ пристава. Поднявшіеся представители садятся по собственной инициативѣ. Они остаются безмолвные и неподвижные; ихъ видъ полонъ достоинства.

Первые изъ толпы, которые съ высоты занятыхъ ими трибунъ видятъ это совершенно новое для нихъ зрѣлище, какъ будто присмирѣли, сконфузились. Они понижаютъ голосъ, осторожно разсаживаются по скамьямъ, извиняясь передъ сидящими ¹⁾. Они говорятъ, что не имѣютъ никакихъ дурныхъ намѣреній, и кажется, дѣйствительно, они хотятъ только пользоваться новымъ для нихъ зрѣлищемъ парламентскаго засѣданія. Но поднимающаяся за ними волна толкаетъ ихъ впередъ. Толпа переполняетъ теперь залъ; трибуны словно сгибаются подъ ея тяжестью; вошедшіе спорять о мѣстахъ, происходить давка; женщины взвизгиваютъ отъ страха; нѣсколько чловѣкъ въ блузахъ, частью для того, чтобы освободить немного трибуны, частью, чтобы поглядѣть поближе, скользятъ вдоль стѣнъ, держась за карнизъ и, спускаясь по лѣсенкамъ, раздѣляющимъ амфитеатръ, смѣшиваются съ представителями, садятся на пустыя мѣста, не подозревая, что они дѣлаютъ чудовищную вещь. Затѣмъ они заговариваютъ съ сосѣдями. Представители, съ своей стороны, видя этихъ безоружныхъ людей, эти скорѣе любопытныя, чѣмъ угрожающія лица, успокаиваются. Они смотрятъ съ удивленіемъ на этотъ беспорядокъ; но не возмущаются. Они, повидимому, примиряются съ оригинальностью сцены, въ которой нѣтъ ничего угрожающаго и которая, вѣроятно, сейчасъ окончится сама собой. Президентъ, надѣвший уже было шляпу, снова снимаетъ ее, показывая этимъ, что засѣданіе не прервано. Женщины и любопытные снова усаживаются въ трибунахъ; все успокаивается, но это затишье непродолжительно. Все новыя волны народа вливаются непрерывно въ залъ, и слышатся уже безпокойныя рѣчи. Толпа,

¹⁾ Лордъ Норманби, присутствовавшій на этомъ засѣданіи, былъ пораженъ удивительной вѣжливостью бунтовщиковъ. Когда одному изъ нихъ сказали, что его штыкъ пугаетъ дамъ, онъ тотчасъ же положилъ его подъ скамейку. Другой очень вѣжливо просилъ показать ему, который Ламартинъ, который Луи-Бланъ и т. д. Еще другой, прочитавъ на спинкѣ сидѣнія представителя имя Жоржа Лафайета, спросилъ: „Вы, значитъ, сынъ генерала Лафайета?“ И на утвердительный отвѣтъ представителя замѣтилъ: „Ахъ, сударь, какая жалость, что вашъ бѣдный папаша умеръ! Какъ бы онъ поразился, если бы былъ здѣсь!“

прошедшая по улицѣ Бургонь, найдя ворота запертыми, напираетъ на нихъ. Генераль Куртэ, всегда хваставшійся тѣмъ, что можетъ успокоить толпу однимъ своимъ присутствіемъ, идетъ говорить съ ней; онъ заявляетъ, что скорѣе сломаетъ свою шпагу, чѣмъ обнажитъ ее противъ народа; онъ проситъ народъ успокоиться и объявляетъ, что такъ какъ президентъ Собранія согласился принять петицію изъ рукъ двадцати пяти делегатовъ, то онъ сейчасъ прикажетъ отпереть имъ ворота. Но эта рѣчь не производитъ того впечатлѣнія, котораго онъ ожидалъ; раздраженіе толпы въ этомъ мѣстѣ было очень сильно. Ораторы въ скюртукахъ, женщины въ явящныхъ туалетахъ, очевидно, не принадлежащія къ народу, возбуждаютъ толпу къ мятежу. Какъ только рѣшетка открылась, толпа бросается впередъ, вламывается въ двери, опрокидываетъ генерала Куртэ, который, стоя на выступѣ зданія, старается еще удержать ее, и наполняетъ дворъ. Кучка солдатъ національной гвардіи, находящихся здѣсь, бѣгутъ за оружіемъ; дежурнымъ офицерамъ подводятъ лошадей; происходитъ общая суета; всѣ кричатъ разомъ, никто не даетъ опредѣленнаго приказанія.

Между тѣмъ, первые, проникшіе за рѣшетку, протискиваются на удачу въ вестибюли и попадаютъ въ залъ безъ выхода. Здѣсь они начинаютъ бить зеркала, ломать мебель. Комендантъ дворца Шаторено показывается въ дверяхъ и спрашиваетъ отъ имени президента двадцать пять делегатовъ, которые должны передать петицію. Нѣсколько представителей, узнавъ Распайя, приглашаютъ его войти въ Собраніе. Въ ту же минуту Ламартинъ, который было взомель вмѣстѣ съ Ледрю-Ролланомъ на верхъ перистіи, чтобы подѣйствовать рѣчью на толпу, видя, что его усилія совершенно безуспѣшны, возвращается къ дверямъ залы *des Pas Perdus*, чтобы попытаться, по крайней мѣрѣ, остановить вторженіе въ дворецъ прежде, чѣмъ толпа успѣетъ проникнуть въ залъ Національнаго Собранія. Какъ только онъ вошелъ въ залъ *des Pas Perdus*, его окружаетъ группа клубистовъ. Между ними представитель Альберъ. «Вы не пройдете, — говоритъ имъ Ламартинъ, — вы не войдете въ Собраніе!»

— Гражданинъ Ламартинъ, — говоритъ ему Лавиронъ, — мы пришли прочитать Собранію петицію въ пользу Польши; мы хотимъ немедленнаго вотированія, или...

— Вы не пройдете! — слысока повторяетъ Ламартинъ.

— По какому праву вы мѣшаете намъ пройти? — восклицаетъ Лавиронъ, — мы — народъ. Вы достаточно долго говорили намъ красивыя фразы — теперь народу нужно нѣчто другое; онъ самъ хочетъ идти въ Національное Собраніе, чтобы высказать свою волю.

Скрестивъ руки на груди, Ламартинъ слушалъ эти слова съ

серьезнымъ и глубоко грустнымъ лицомъ. Его полная благородства наружность, его повелительный голосъ производятъ впечатлѣніе на этихъ заблуждающихся, но въ самомъ своемъ безуміи исполненныхъ добрыми намѣреніями людей.

— Гражданинъ Ламартинъ, — начинаетъ опять Лавиронъ, но уже съ замѣтнымъ оттѣнкомъ почтенія, — мы всѣ уважаемъ васъ, какъ поэта; но мы не доверяемъ вамъ, какъ государственному дѣятелю. Вашею нерѣшительностью, вашимъ медлительнымъ образомъ дѣйствій вы губите Польшу!

Во время этого разговора къ нимъ подходитъ еще нѣсколько человекъ. «Несчастные! — закричалъ чей-то голосъ изъ толпы, обращаясь къ клубистамъ, — что вы дѣлаете? Вы отодвигаете свободу на цѣлое столѣтіе назадъ»!

Не надѣясь подѣйствовать на людей, очевидно, вышедшихъ изъ себя, Ламартинъ вернулся на свое мѣсто въ Собраніе. Жара сдѣлалась невыносимой; солнце палило сквозь окна; пыль ковровъ, поднятая ногами, запахъ толпы дѣлали воздухъ невыносимымъ. Шумъ все возросталъ; смятеніе было невѣроятное, невозможно было во всей этой сумятицѣ различить какую-либо волю, угадать какое-либо намѣреніе.

Ледрю-Ролланъ, Клеманъ Тома, Барбасъ, всѣ трое вмѣстѣ на трибунѣ, тщетно пытались заставить слушать себя. Луи-Бланъ появляется около нихъ, но съ тѣмъ же результатомъ. Наконецъ, Бюше, видя бесполезность столькихъ усилій, обращается къ стоящему внизу у трибуны Распайлю съ петиціей въ рукахъ: «Помогите намъ, — говоритъ Бюше, — читайте петицію и потомъ заставьте эту толпу уйти». Распайль повинуется. Президентъ звонитъ въ колокольчикъ, но шумъ усиливается. «Кого же вы хотите слушать, если не слушаете Распайля?» — восклицаетъ Антони Турэ. При этомъ имени нѣсколько представителей встаютъ и протестуютъ энергичными жестами. «Вы не представитель, — кричатъ они, — вы не имѣете слова; вы насилуете Національное Собраніе».

Луи-Бланъ, стоящій у бюро, думая, что теперь насталъ благоприятный моментъ, снова обращается къ толпѣ и проситъ у нея усиленно молчанія, для того, — говоритъ онъ, — *чтобы право петиции было ненарушимо и чтобы никто не могъ сказать, что народъ, войдя въ это помѣщеніе, своими криками насилуетъ свою собственную верховную власть.*

Между тѣмъ, Распайль началъ читать петицію, но среди такого гула, что ни члены бюро, ни самыя ближнія лица не могли слышать ни одного слова. Распайль, кромѣ того, читаетъ безъ удареній, безъ жеста, какъ читаютъ протоколъ; однообразно и медленно, съ расчетомъ выждать время, чтобы успокоить, усыпить

толпу, которая, какъ ему кажется, одержима овечьей болѣзнію, *вертячкой* ¹⁾.

Много разъ среди неяснаго гула толпы вырываются крики: «Да здравствуетъ Польша! Да здравствуетъ организація труда!» Новыя массы не перестаютъ притекать съ улицы: въ залѣ не мѣнѣе двухъ тысячъ постороннихъ лицъ. Люди, любящіе шумъ, какъ Лавиронъ, Бормъ, Флоттъ, Кантанъ, Сеньерэ, Уно, Виллэпъ, Дегрэ въ мундирѣ пожарнаго, Дюмуланъ заполонили бюро. Они вооружены; они окружили кресло президента; они толкаются на этомъ тѣсномъ пространствѣ, нихаютъ другъ друга на ступенькахъ трибуны, дерутся, ругаются, опровергаютъ одинъ другого: это настоящая рыночная сцена.

Барбэсъ, который не покидалъ трибуны, умоляетъ народъ разойтись. Ему отвѣчаютъ крикомъ: «да здравствуетъ Барбэсъ!», но никто не думаетъ слушаться. Вдругъ произносятся имя, которое выдѣляется надъ шумомъ: «Бланки! гдѣ Бланки? Мы хотимъ Бланки!» И вотъ надъ толпой несутъ и поднимаютъ на трибуну маленькаго и блѣднаго, сухого и худенькаго человѣка. Всѣ взоры устремляются на него. Видъ его страненъ, лицо невозмутимо, черные волосы острижены подъ гребенку, черный сюртукъ застегнутъ до верху, черный галстухъ и черныя перчатки придаютъ ему мрачный видъ. При видѣ его воцаряется тишина; толпа, только что волновавшаяся, становится неподвижной, словно боится потерять одно слово изъ того, что произнесетъ этотъ таинственный оракулъ мятежей.

«Народъ, — говоритъ Бланки своимъ жесткимъ и провозительнымъ голосомъ, — требуетъ, чтобы Національное Собраніе декретировало тотчасъ же, что Франція не положитъ оружія, пока вся прежняя Польша цѣликомъ, Польша 1792 г. не будетъ восстановлена». Затѣмъ, въ краткихъ словахъ развивъ эту мысль и пообѣщавъ, что народъ всей массой пойдетъ къ границѣ по одному знаку Собранія, онъ требуетъ отъ имени этого преданнаго народа *привосудія за руанскія избиенія*; онъ настаиваетъ на томъ, чтобы *тотчасъ занялись восстановленіемъ труда*; онъ говоритъ о *соціальныхъ причинахъ нищеты, о людяхъ, систематически удаляемыхъ отъ управления*.

Здѣсь нѣсколько голосовъ прерываютъ его: «Это не то, не то! — кричитъ Собріе, — Польша! Польша! говори о Польшѣ!»

Бланки, видя, что ему сочувствуютъ, и сознавая себя властителемъ этой трепещущей толпы, подумалъ, вѣроятно, что можетъ замѣнить польскій вопросъ такимъ вопросомъ, въ которомъ народъ заинтересованъ сильнѣе, и такимъ образомъ изъ этого не имѣю-

¹⁾ См. въ «Буржескомъ процессѣ» защиту Распайля.

шаго опредѣленнаго характера безпорядка вывести настоящую революцію; но онъ тотчасъ же понялъ, что ошибся, и съ тѣмъ тактомъ, который давала ему долгая привычка участія въ мятежахъ, снова перешелъ къ единственной идеи, которая владѣла въ эту минуту народомъ: онъ повторилъ Собранію требованіе немедленно объявить войну Европѣ для освобожденія Польши.

Въ то время, какъ онъ еще говорилъ, Луи-Бланъ, узнавъ, что большая толпа народа во дворѣ громкими криками призываетъ его, спрашиваетъ у президента разрѣшенія идти говорить съ народомъ, чтобы помѣшать, если возможно, новому вторженію. Бюше, не давая на то разрѣшенія, какъ президентъ, совѣтуетъ ему сдѣлать это, какъ гражданинъ ¹⁾. Луи-Бланъ выходитъ и присоединяется къ Альберу и Барбэсу, которые, стоя на выступѣ окна, принимаютъ нѣчто въ родѣ оваціи толпы. Луи-Блану вручаютъ польскій флагъ; онъ становится между обоими своими друзьями, начинаетъ рѣчь и для того, чтобы дать улесть возбужденію, долго говоритъ о верховной власти народа, о необходимости утвердить въ этотъ день торжество народнаго дѣла; но въ то же время онъ настаиваетъ на томъ, чтобы Собранію дали время обсуждать вопросы и чтобы народъ спокойно ожидалъ результата его обсужденій ²⁾. Ему отвѣчаютъ криками: «да здравствуетъ Луи-Бланъ! Да здравствуетъ демократическая республика!»

Образовавшаяся позади него группа хватается его, не взирая на его сопротивленіе, и снова водворяетъ въ Собраніе, обнеся его съ триумфомъ вокругъ зала. Но что это за триумфъ! и насколько тотъ, который является его героемъ, смущенъ! Лицо Луи-Блана мертвенно блѣдно; крупныя капли пота текутъ по его щекамъ; губы шевелятся, словно онъ хочетъ говорить, но совершенно упавшій голосъ не издаетъ ни звука. Онъ жестомъ показываетъ, что хочетъ писать, и, наконецъ, изнемогая отъ волненія, падаетъ на скамью, гдѣ остается нѣкоторое время безъ чувствъ.

Во время этой тягостной оваціи въ бюро происходятъ невѣроятныя сцены. Тотчасъ послѣ рѣчи Бланки, Ледрю-Ролланъ предложилъ, чтобы Собраніе объявило непрерывное засѣданіе, и чтобы народъ удалился въ перистиль. Распайль, стоя внизу три-

¹⁾ См. „Вуржскій процессъ“.

²⁾ Поведеніе представителей Горы было въ этомъ случаѣ похоже на поведеніе монтаньяровъ въ знаменитый день преріала: „они, не вызывая взрыва, желали его, говорить Левассеръ, и надѣялись воспользоваться имъ“. По словамъ Тьера, „они заговорили только для того, чтобы предупредить еще большія несчастія и чтобы ускорить исполненіе нѣкоторыхъ желаній, которыя они раздѣляли“.

бунны, поддерживаетъ это предложеніе, на которое Флоттъ и нѣсколько другихъ отвѣчаютъ насмѣшливымъ хохотомъ; кто-то произнесъ слово *измена*: «Это какъ 16-го апрѣля», кричатъ другіе. Но Распайль продолжаетъ поддерживать Ледрю-Роллена и, возвышая голосъ, заявляетъ, что онъ не признаетъ болѣе республиканцемъ того, кто не уйдетъ немедленно. На президента со всѣхъ сторонъ нападаютъ мятежники. Лавиронъ, стоя въ мундирѣ капитана артиллеріи за его стуломъ, дѣлаетъ жесты вооруженнымъ людямъ, слѣдящимъ за малѣйшимъ его движеніемъ. Возбужденіе этихъ людей достигло крайняго предѣла; они уже не знаютъ, чего они хотятъ и что они говорятъ. Малѣйшій инцидентъ, случайно разрядившееся ружье, могутъ въ эту минуту произвести ужасную катастрофу. Барбесъ самъ уже не помнитъ себя; видъ Бланки лишаетъ его всякаго самообладанія. Онъ хочетъ сдѣлать послѣднюю попытку, чтобы отнять у Бланки узурпированную послѣднимъ у него популярность; онъ всходитъ на трибуну и голосомъ, который, несмотря на волненіе, остается твердымъ и даже торжественнымъ, съ интонаціей и жестомъ человѣка, обрекающаго себя на мученичество для спасенія своего дѣла, проситъ Собраніе исполнить желаніе народа; онъ въ нѣкоторомъ родѣ требуетъ, чтобы оно вотировало *немедленную отправку войска въ Польшу*. Затѣмъ, видя, что его предложеніе уже не производитъ никакого дѣйствія на этихъ изступленныхъ, прибѣгаетъ къ крайнему и, какъ ему кажется, вѣрнѣйшему средству: требуетъ налога въ одинъ миллиардъ на богатыхъ.

Но въ эту минуту происходитъ необычайное движеніе въ толпѣ. Барбесъ прерываетъ свою рѣчь и спрашиваетъ: что случилось? Ему говорятъ, что барабанъ бьетъ сборъ! При этихъ словахъ всѣ бросаются къ президенту, который дѣйствительно нѣсколько минутъ тому назадъ нашелъ возможность, несмотря на то, что былъ окруженъ бунтовщиками, написать, подписать и передать офицеру главнаго штаба приказъ генералу Куртэ и офицерамъ легіоновъ бить сборъ. Его схватываютъ за воротъ; обнаженные шпаги поднимаются надъ его головой; требуютъ, чтобы онъ отмѣнилъ данный приказъ. Дегузэ, пришедшій съ улицы, тихонько говоритъ ему: «Національная гвардія въ сборѣ: черезъ четверть часа она будетъ здѣсь; надо хитрить, чтобы выиграть время — и Собраніе спасено.» Тогда Бюше дѣлаетъ видъ, что уступаетъ бунтовщикамъ: онъ подписываетъ на листкахъ, безъ печати и безъ даты, приказъ не бить сборъ, увѣренный въ томъ, что этого приказа не послушаютъ, догадавшись о томъ, что онъ вынужденъ. Клубисты Флоттъ, Кантэнъ, Лавиронъ, схватываютъ листки. Минута затишья слѣдуетъ за этой бурей.

Представители остаются по прежнему на мѣстахъ; проходить еще нѣсколько минутъ; Барбесъ покинулъ трибуну; на нее влѣзаютъ, карабкаются безпрестанно люди, которыми повидимому овладѣло безуміе; съ лица струится потъ, на губахъ пѣна, кулаки подняты въ угрожающемъ жестѣ; они кричатъ всѣ разомъ и дѣлаютъ самыя безумныя предложенія. Вдругъ на бюро появляется черный флагъ съ краснымъ колпакомъ и обнаженной шпагой наверху.

При видѣ этихъ зловѣщихъ эмблемъ Бюше, замѣтивъ только что очнувагося отъ долгаго обморока Гюбера, говоритъ ему: «Ради Бога, избавьте насъ отъ всего этого, вѣдь это сумасшедшій домъ.» Тогда Гюберъ, намѣренія и приказанія котораго толпа давно уже оставила за собой, всходитъ на трибуну и громовымъ голосомъ кричитъ толпѣ: «Граждане, такъ какъ здѣсь не хотятъ принять никакого рѣшенія, то я, отъ имени французскаго народа, объявляю, что Собраніе распущено!» Вслѣдъ за тѣмъ онъ беретъ изъ рукъ своихъ приближенныхъ большой плакатъ, который прицѣпляетъ къ верхушкѣ флага своего клуба, и на немъ всѣ могутъ прочесть написанныя крупными буквами слова:

«Именемъ народа Національное Собраніе распущено».

Часы въ эту минуту показывали половину четвертаго.

Въ то же время Бюше, оскорбляемаго, угрожаемаго бунтовщиками, опрокидываютъ съ кресла. Нѣсколько друзей окружаютъ его, защищая его своими тѣлами, и имъ удается вывести его изъ зала. Большинство представителей слѣдуютъ его примѣру. Нѣкоторые, вѣрившіе въ возможность успѣха возстанія, отправляются на набережныя по направленію къ Ратушѣ; другіе идутъ въ зданіе Президентства, гдѣ присоединяются къ Сэнару и Ламартину. Луи-Блана толпа приводитъ на эспланаду Инвалидовъ. Распайль, который во время только что описанныхъ мною сценъ, оставилъ залъ, лежитъ въ обморокѣ на травѣ сада. Собріе рабочіе съ триумфомъ носятъ на рукахъ. Гюберъ выходитъ на перестиль, чтобы объявить, что Собраніе распущено, и исчезаетъ.

Барбесъ и Альберъ направились къ Ратушѣ; залъ предоставленъ нѣсколькимъ мятежникамъ. Вообразивъ себя побѣдителями, они наскоро составляютъ списокъ временнаго правительства. Левиронъ, усѣвшись въ кресло президента, предлагаетъ народу, одно за другимъ, имена, которыя вызываютъ многочисленные протесты ¹⁾; ихъ

¹⁾ На этихъ импровизированныхъ листкахъ стояли имена слѣдующихъ лицъ, которыя, однако, ничего объ этомъ не знали: Барбесъ, Бланки, Луи-Бланъ, Ледрю-Ролланъ, Гюберъ, Распайль, Коссидьеръ, Э. Араго, Ш. Лавранжъ, Кабэ, П. Леру, Консидеранъ, Прудонъ.

прерываетъ барабанный бой. «Гвардейскіе мобили! гвардейскіе мобили! насъ предали!» раздается всеобщій крикъ ужаса. Страшная паника охватываетъ толпу. Все бѣжитъ въ разсыпную и, когда полковникъ Клари, во главѣ второго баталіона гвардейскихъ мобилей, появляется въ дверяхъ зала, онъ видитъ лишь нѣсколькихъ бѣглецовъ, которые скрываются въ противоположныя двери. Было около пяти часовъ.

Какъ только залъ опустѣлъ, многіе представители, которые не выходили изъ дворца, возвращаются въ залъ. Министръ финансовъ всходитъ на трибуну и торжественно произноситъ слѣдующія слова: «Во имя Національнаго Собранія, *которое не распущено*, во имя французскаго народа, котораго ничтожное и подлое меньшинство не можетъ обезчестить, Національное Собрание снова берется за свою работу.» Ему отвѣчаютъ продолжительные аплодисменты. Засѣданіе возобновляется при крикахъ: «да здравствуетъ республика!»

Генералъ Куртэ въ парадной формѣ показывается въ дверяхъ. Его лицо и вся его фигура выражаютъ крайнее смятеніе. Съ того времени, какъ толпа ворвалась въ Собрание, онъ въ смущеніи бродитъ туда и сюда, не зная, что дѣлать, говорить къ народу, который его не слушаетъ, бормочетъ національной гвардіи то приказы, то отмѣну этихъ приказовъ, которымъ никто не повинуется. Наконецъ, онъ приходитъ въ Президентство и спрашиваетъ совѣта Ламартина, и, несмотря на то, что тотъ совѣтуетъ ему стать во главѣ войска, онъ продолжаетъ ходить безъ цѣли, не зная на что рѣшиться, и машинально входитъ въ Собрание. Видя, что засѣданіе продолжается, онъ такъ же машинально отдаетъ національнымъ гарнизонамъ 2-го легіона, которые послѣдовали за гвардейскими мобилими, приказъ уйти. Но ему отвѣчаютъ неистовые крики: «Долой Куртэ! онъ предалъ насъ! долой измѣнника!» И на него набрасываются, срываютъ эполеты, вырываютъ шпагу, наносятъ ему тысячи оскорбленій. Къ счастью, нѣсколько представителей вступаются: Фитцъ-Джемсъ, Флоконтъ, Вьельяръ вырываютъ его изъ рукъ этихъ изступленныхъ, заставляютъ его войти въ залъ библіотеки, гдѣ онъ и остается подъ стражей.

Въ то же время Клеманъ Тома, полковникъ 2-го легіона, при рукоплесканіяхъ всего собранія объявляетъ, что исполнительная коммиссія назначила его главнокомандующимъ парижской національной гвардіи. По приглашенію президента, національные гвардейцы въ мундирахъ, разсыпавшіеся по полукругу, устанавливаются кордономъ вокругъ зала; болѣе двухсотъ представителей занимаютъ снова свои мѣста. Только что хотятъ приступить къ обсужденію вопросовъ, какъ всѣ взоры устремляются на входную дверь: по-

является Ламартинъ, за нимъ Ледрю-Роллэнъ. Ламартинъ направляется къ трибунѣ, наступаетъ молчаніе. Ламартинъ требуетъ, чтобы Собраніе вотировало благодарность національной гвардіи; онъ порицаетъ, но съ большой снисходительностью тѣ скандальныя сцены, которыя только что оскорбили помѣщеніе національнаго представительства, затѣмъ онъ объявляетъ, что присоединится къ своимъ коллегамъ по исполнительной комиссіи и отправится въ Ратушу. «Въ подобный моментъ, говоритъ онъ, мѣсто правительства не въ совѣтѣ; оно во главѣ національной гвардіи, на улицѣ, на полѣ сраженія. Въ такую минуту самая лучшая въ свѣтѣ трибуна для политическаго дѣятеля это сѣдло боевого коня!».

Послѣ этихъ, покрытыхъ аплодисментами, словъ, барабаны забили маршъ. Ламартину подводятъ лошадь, Ледрю-Роллэну другую; нѣсколько представителей и большое число національных гвардейцевъ слѣдуютъ за ними. Драгунскій полкъ, стоящій въ казармахъ на набережной Орсе, подъ командой полковника де-Гойона, идетъ во главѣ шествія при неистовыхъ крикахъ: «Да здравствуетъ Національное Собраніе!» и везетъ съ собой шесть пушекъ. Кортежъ быстро и безпрепятственно доходитъ до высоты площади Сэнъ-Мишель. Здѣсь дорогу преграждаетъ густая масса народа, посреди которой отряды монтаньяровъ и республиканской гвардіи готовятся къ сопротивленію. Въ толпѣ распространяется слухъ, что Ратуша, занятая новымъ правительствомъ, чрезвычайно сильно защищена. Въ окнахъ домовъ виднѣются люди, вооруженные карабинами; они ждутъ только сигнала, чтобы стрѣлять; но полковникъ де-Гойонъ командуетъ такое движеніе, которое показываетъ пушки толпѣ. Тогда монтаньяры уходятъ и возвращаются къ полицейской префектурѣ. Ламартинъ и Ледрю-Роллэнъ, на минуту раздѣленные, продолжаютъ идти къ площади Гревъ.

Вотъ что произошло тѣмъ временемъ.

14-го мая парижскій мэръ получилъ отъ агента своей специальной полиціи извѣщеніе, что манифестація, отчасти вооруженная, отправится на слѣдующій день сначала къ Собранію, а затѣмъ, по всей вѣроятности, къ Ратушѣ. Но съ 24 февраля эти предупрежденія были такъ часты и большею частью такъ неосновательны, что на нихъ перестали обращать вниманіе. Кромѣ того, Маррастъ думалъ, что если дѣйствительно будетъ манифестація, то Барбазъ, Собріе и другіе, которыхъ онъ зналъ, сумѣютъ сдержать ее, а потому не беспокоился и не считъ нужнымъ увеличить находившіяся въ его распоряженіи силы.

Силы эти состояли изъ гарнизона въ 2.700 человекъ, тщательно подобранныхъ, очень раздраженныхъ противъ монтаньяровъ Коссидера, и на которыхъ можно было вполне положиться. Нѣсколько

ротъ гвардейскихъ мобилей постоянно находились въ Ратушѣ. У нихъ было восемьсотъ запасныхъ ружей и патроновъ въ изобиліи. Командантъ Ратуши Рэ внушалъ, правда, опасенія, вслѣдствіе своихъ близкихъ сношеній съ очень экзальтированными людьми; но Маррастъ считалъ, что подкупилъ его, заставивъ правительство внести въ правильные кадры арміи его революціонный чинъ полковника.

Поэтому въ Ратушѣ не приняли никакихъ особенныхъ мѣръ безопасности. Утромъ 15 мая все прошло тамъ съ обычнымъ спокойствіемъ. Маррастъ пришелъ туда, какъ всегда, во второмъ часу и усѣлся въ своемъ кабинетѣ, не отдавъ никакого приказанія. Почти въ ту же минуту большая толпа народа, безъ оружія, но съ развернутыми флагами двигалась по набережной и вышла на площадь, занятую нѣсколькими отрядами 7-го, 8-го и 9-го легіоновъ подъ командой полковника Іотье. Нѣсколько клубистовъ начинаютъ переговоры съ національной гвардіей; они утверждаютъ, что провозглашено новое правительство, что Собраніе распущено, что 80,000 пролетаріевъ идутъ къ Ратушѣ, что гвардейскіе мобили на ихъ сторонѣ. Можетъ быть, національной гвардіи не вѣрилось, чтобы могла быть такая наглая ложь, можетъ быть, видъ мундировъ національной гвардіи въ толпѣ мятежниковъ, а можетъ быть, и воспоминаніе о 24 мая смущало умы,—какъ бы то ни было, но тѣ четыре или пять тысячъ человѣкъ, которые занимали площадь, разошлись.

Полковникъ ихъ не удерживалъ: у него не было письменнаго приказанія; къ тому же, какъ онъ сказалъ потомъ, онъ помнилъ случай съ Бальи на Марсовомъ полѣ, «который заплатилъ своей головой, два года спустя, за приказаніе стрѣлять въ народъ» ¹⁾. Увидѣвъ это, республиканская гвардія, стоящая за рѣшеткой, оказываетъ лишь слабое сопротивленіе вторженію народа. Нѣсколько рабочихъ перелѣзаютъ черезъ рѣшетку и отпираютъ ее. Толпа бросается, подымается по главной лѣстницѣ, съ шумомъ наполняетъ корридоры, залы перваго этажа, сотни прокламацій выбрасываются изъ оконъ на площадь.

Между тѣмъ, Барбэсъ и Альберъ, выйдя изъ Национальнаго Собранія въ сопровожденіи толпы человѣкъ въ сто, подходятъ къ подъѣзду Ратуши.

Барбэсъ блѣденъ, разстроенъ; онъ, очевидно, измученъ, объять самымъ сильнымъ безпокойствомъ. «Вы насъ губите,—бормочетъ онъ, окидывая окружающихъ утасшимъ взглядомъ и тщетно отыскивая въ толпѣ дружеское лицо,—вы губите республику.» Онъ не опіался: все было потеряно.

¹⁾ «См. Буржесскій процессъ»

При выходѣ изъ Собранія всѣ вожди, измѣнники и не измѣнники, разбрелись. Манифестанты исчезли. Рабочіе національных мастерскихъ, которыхъ присоединилось къ нимъ отъ 12 до 14 тысячъ человекъ, были уведены начальниками своихъ бригадъ еще раньше, чѣмъ толпа вошла въ Собраніе, чтобы получать поденную плату, которая раздавалась въ три часа ¹⁾). Бланки, понявъ, что ничего серьезнаго не выйдетъ изъ этого безпорядка, ускользнул незамѣтно изъ зала и спрятался у пріятеля. Луи-Бланъ, котораго, какъ мы видѣли, густая и раздраженная толпа заставляла идти на эспланаду Инвалидовъ ²⁾), безпрестанно спрашиваетъ у всѣхъ, гдѣ Барбасъ; его хотятъ отвести къ Ратушѣ; но его находитъ братъ, которому съ большимъ трудомъ удается избавить его отъ этой опасности, увѣривъ толпу, что все уже кончено, что манифестація не удалась, что идти теперь въ Ратушу значитъ погубить себя. Въ это время проѣзжаетъ кабріолетъ, Луи-Бланъ вскакиваетъ въ него и велитъ везти себя въ кварталъ Медицинской Школы, сосѣдній съ Ратушей. Здѣсь онъ ожидаетъ извѣстій о Барбасѣ и Альбертѣ. Затѣмъ онъ возвращается къ себѣ, въ улицу Тэтбу и, узнавъ, что Собраніе снова открыло засѣданіе, направляется къ законодательному дворцу, чтобы занять свое мѣсто.

Приблизительно то же случилось и съ Распайлемъ. Мы оставили его безъ чувствъ въ саду дворца. Когда онъ пришелъ въ себя, залъ засѣданія былъ уже занятъ войскомъ. Онъ вышелъ черезъ Лилльскую улицу и почти тотчасъ же увидѣлъ себя окруженнымъ подозрительными личностями. Тутъ стоялъ фіакръ: онъ сѣлъ въ него, велѣвъ сказать своему клубу, который не входилъ въ Собраніе и оставался въ порядкѣ на набережной, чтобы онъ расходился немедленно.

Замѣтивъ, что фіакръ, вмѣсто того, чтобы везти его домой, какъ онъ приказалъ, ѣдетъ по направленію къ Ратушѣ, и заподозрѣвъ незнакомую личность, которая сидѣла на козлахъ около кучера, Распайль выпрыгиваетъ изъ экипажа и бѣжитъ къ своему сыну въ улицу Франъ-Буржуа, гдѣ два часа спустя его арестуетъ полицейскій комиссаръ. Пьеръ Леру также избавился отъ неосторожныхъ овацій толпы народа. Лавиронъ отправился въ префектуру полиціи; Кантэнъ — въ Люксембургъ, гдѣ Араго велѣлъ его арестовать. Собріе, вызвавшійся пойти съ кучкой мятежниковъ

¹⁾ Липа, видящая въ манифестаціи 15 мая уловку полиціи, чтобы арестовать Барбаса, Распайля и др., настаиваютъ особенно на этомъ обстоятельстве, говоря, что выбрали нарочно день раздачи платы въ національных мастерскихъ, чтобы увести рабочихъ, если манифестація приметъ мятежный характеръ.

²⁾ Ст. «Pages d'histoire».

въ министерство внутреннихъ дѣлъ, чтобы взять тамъ печати и дать нѣкоторыя распоряженія по телеграфу, былъ замѣченъ, по возвращеніи его оттуда, въ кафе Орсе представителемъ Рондо въ ту минуту, когда онъ объявлялъ о торжествѣ возстанія, и переданъ подъ присмотръ полковника де-Гойонъ.

Коссидьеръ, на котораго Барбесъ рассчитывалъ, какъ на самого себя, оставался запертымъ въ префектурѣ полиціи и не подавалъ признаковъ жизни. Наконецъ, Ледрю-Роллэнъ, котораго противъ его воли компрометтировали его окружающіе 15 мая, также какъ и 16 апрѣля, забаррикадировавшись въ одномъ изъ бюро квестуры, долгое время защищался противъ мятежниковъ, которые провозгласили его членомъ новаго правительства и хотѣли увести съ собой въ Ратушу; затѣмъ онъ пошелъ, какъ мы видѣли, за Ламартиномъ.

Что касается Гюбера, то, когда онъ преспокойно шелъ домой, нѣсколько солдатъ національной гвардіи остановили его и привели въ мэрію четвертаго округа, гдѣ онъ, обмѣнявшись нѣсколькими словами съ мэромъ, былъ немедленно отпущенъ.

Итакъ, по той или по другой причинѣ, случайно или вслѣдствіе предосторожности, ни одинъ изъ тѣхъ, на кого Барбесъ надѣялся, не раздѣлилъ его участи. На подъѣздѣ Ратуши его встрѣчаетъ секретарь Марраста, который очень вѣжливо приглашаетъ его подняться по лѣстницѣ съ правой стороны и указываетъ ему на дверь, выходящую на площадку перваго этажа.

Тамъ, въ залѣ, гдѣ царитъ страшный гвалтъ, со стола, вокругъ котораго идетъ толкотня, неизвѣстные ораторы и какія-то подозрительныя личности говорятъ о Польшѣ и провозглашаютъ для состава временнаго правительства имена, которыхъ присутствующими то принимаютъ, то отвергаются... Какъ только вошелъ Барбесъ, его окружаютъ и поднимаютъ на столъ. Альберъ требуетъ, чтобы сходили за Луи-Бланомъ; настаетъ нѣкоторое затишье. «Граждане, говоритъ Барбесъ, реакціонное Собрание распущено, какъ 24 февраля; для спасенія Республики составилось новое правительство, потому что одинъ день безъ правительства былъ бы хаосомъ» ¹⁾. Онъ объявляетъ, что это правительство составляютъ: Альберъ, Луи-Бланъ, Ледрю-Роллэнъ, Гюберъ, Торз, Распайль, Кабэ и Пьеръ Леру. Затѣмъ онъ, среди криковъ и шума, составляетъ прокламацію къ народу и диктуетъ декреты, съ которыхъ поспѣшно, на летучихъ листкахъ, снимаютъ сотни копій; ихъ бросаютъ черезъ окно на площадь.

Первый изъ этихъ декретовъ провозглашаетъ распушеніе Со-

¹⁾ См. „Буржескій процессъ“.

бранія; второй ставитъ внѣ закона всякаго гражданина, который будетъ носить мундиръ національной гвардіи; третій предписываетъ русскому и нѣмецкому правительствамъ возстановить Польшу, подъ угрозой объявленія имъ войны въ противномъ случаѣ.

Въ то время, какъ составляютъ четвертый декретъ, слышится барабанъ, который бьетъ къ атакѣ, и крики: «Да здравствуетъ Національное Собраніе! Долой коммунистовъ!» раздаются во дворѣ и на лѣстницахъ. Это національная гвардія идетъ въ штыки. Все бѣжитъ въ разсыпную. Небольшая группа людей собирается вокругъ Барбеса и Альбера, отступаетъ изъ одной комнаты въ другую, пока идти больше некуда.

— Что вамъ нужно отъ насъ?—спрашиваетъ Барбесъ.

— Что вы здѣсь дѣлаете?—спрашиваетъ въ свою очередь офицеръ.

— Я членъ новаго временнаго правительства,—съ достоинствомъ отвѣчаетъ Барбесъ.

— Ну, а я, именемъ старою—васъ арестую.

По знаку офицера вошедшіе за нимъ солдаты національной гвардіи хватаютъ Барбеса и Альбера и отводятъ ихъ къ Эдмону Аданъ, который велитъ караулить ихъ въ сосѣдней комнатѣ. Тотчасъ же начинаются обыски, многихъ арестуютъ, большинство успѣваетъ убѣжать; нѣкоторые въ суматохѣ пользуются тѣмъ, что на нихъ мундиръ національной гвардіи, и отъ мятежа переходятъ къ репрессіи, стараясь показать при этомъ большое усердіе. Тѣ же самые люди, которые побуждали Барбеса идти въ Ратушу, кричатъ: «Смерть Барбасу!» Господство невѣроятнаго хаоса и смятенія способствуетъ въ теченіе часа этимъ моментальнымъ перемѣнамъ.

Оба правительства, одно правильное, другое революціонное, одновременно функціонировали въ Ратушѣ. Революціонеры, вошедшіе по средней лѣстницѣ, повернули направо, тогда какъ Маррастъ и его помощники оставались въ бюро налѣво. Въ пространствѣ, раздѣляющемъ оба правительства, толпится множество людей, которые, не зная помѣщенія, теряются и попадаютъ не туда, куда слѣдуетъ. Желая добраться до Барбеса наталкивается на Марраста, а того, кто явился предложить свои услуги парижской маріи, волна народа уноситъ въ самый центръ временнаго правительства мятежниковъ.

Были среди этихъ прежнихъ заговорщиковъ и общіе друзья, которые ходили отъ одной партіи къ другой, стараясь примирить ихъ. Нѣсколько разъ самъ Маррастъ, отдававшій генералу Фушѣ приказъ окружить Ратушу и предупредившій полковниковъ легіоновъ, посылаетъ къ Барбесу своего секретаря Давію сказать ему, что, если онъ не поспѣшитъ скрыться, то погибъ.

Такимъ образомъ, проходитъ часъ, какъ вдругъ на площади слышится грохотъ скачущей артиллеріи національной гвардіи. Генералы Фушэ и Бедо приходятъ съ одной стороны, во главѣ отряда войскъ, тогда какъ Ламартинъ, Ледрю-Ролланъ и Клеманъ Тома появляются съ другой. Площадь занята, Ратуша окружена. Ограда, плохо защищаемая мятежниками, снова взята баталіономъ 6-го легіона; этотъ баталіонъ беретъ приступомъ лѣстницу; временное правительство разогнано; остальные мятежники бѣгутъ. Эта невѣроятная суматоха продолжалась, какъ мы уже сказали, не болѣе часа.

Съ того момента, когда народная колонна перешла мостъ Согласія и окружила законодательный дворецъ, Парижъ сталъ жертвой всевозможныхъ предположеній. Въ теченіе долгихъ часовъ, прошедшихъ до возобновленія засѣданія, ни одно достовѣрное извѣстіе не достигало населенія, которое не знало, какая опасность ему грозитъ и въ какой степени. Самые невѣроятные слухи распространялись съ изумительной быстротой и принимались на вѣру. Центромъ распространенія этихъ слуховъ былъ Тюильрійскій садъ. Среди женщинъ и дѣтей, которыя играли или отдыхали въ тѣни каштановъ, проходили мужчины въ блузахъ, объявлявшіе, что новое временное правительство утвердилось въ Ратушѣ. Какой-то ораторъ объяснялъ публикѣ, почему исполнительная коммиссія была свергнута; другой во всемъ обвинялъ Собраніе; третій плакался объ участи Польши. Солдаты національной гвардіи, растерянные, съ ружьями въ рукахъ, бѣжали въ разныхъ направленіяхъ, крича, что Барбасъ, завладѣвшій Ратушей, декретировалъ два часа грабежа. Незнакомые подходили другъ къ другу, спрашивали и опровергали взаимно слухи. Только въ семь часовъ узнали о минутномъ торжествѣ мятежниковъ и объ ихъ окончательномъ пораженіи. За отпѣнѣніемъ и ужасомъ послѣдовалъ взрывъ страшнаго гнѣва. Солдаты національной гвардіи бѣгаютъ по городу и разражаются угрозами. Въ припадкѣ чрезмѣрнаго усердія они хотятъ всѣхъ арестовать. «*Долой безоружныхъ убійцъ!*»—кричали они прежде въ Ратушѣ, а теперь безъ приказа, безъ полицейскаго комиссара бросаются въ квартиру Собріе, которую разгромяютъ, къ матери Бланки, къ Распайю, къ Кабэ, въ залъ пассажа Мольеръ, нанятый *Обществомъ правъ человека*, гдѣ какъ попало стрѣляютъ другъ въ друга ¹⁾.

¹⁾ Народъ былъ не менѣе раздраженъ противъ мятежниковъ, чѣмъ національная гвардія. Когда 16 мая, около полудня, арестованныхъ увозятъ въ Венсеннъ, они, проѣзжая по Сэнтъ-Антуанскому предмѣстью, слышатъ ругательства толпы, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которые, несмотря на страшную жару, бѣжали за каретами до первыхъ домовъ Венсенна.

Къ несчастью, это раздраженіе сообщается Собранію. Въ минуту дѣйствительной опасности оно было спокойно; воспоминаніе о миновавшемъ ужасѣ приводитъ его въ бѣшенство. Дѣйствительный страхъ у однихъ, притворный у другихъ передается отъ ряда сидѣній къ ряду, и паника прошедшаго овладѣваетъ умами, такъ какъ въ этомъ, не имѣющемъ настоящей основы, бунтѣ все остается темнымъ и двусмысленнымъ, все даетъ поводъ къ самымъ печальнымъ преувеличеніямъ. Это самый благоприятный моментъ для партій, враждебныхъ республикѣ, и понимая, что надо имъ пользоваться, онѣ начинаютъ атаку. Прежде даже, чѣмъ Ламартинъ и Ледрю-Ролланъ вернулись изъ Ратуши, и прежде чѣмъ возможно было съ увѣренностью узнать о положеніи вещей, членъ правой, де-Шарансэ, требуетъ слѣдствія. Леонъ Фошэ, еще болѣе нетерпѣливый, хочетъ, чтобы отданы были подъ судъ Барбэсъ и генераль Куртэ, которыхъ онъ объявляетъ измѣнниками отечеству. Эти предложенія оспариваются нѣкоторыми представителями, которые стараются вернуть спокойствіе Собранію. Флоконъ, Дюку, Гю упрощаютъ не преувеличивать значенія нѣкоторыхъ личностей, а главное—не придавать *характера враждебности* этимъ дебатамъ, не увлекаться репрессивными мѣрами и заняться очередными дѣлами до тѣхъ поръ, пока не получатся правительственные сообщенія. Въ это время Бюше возвращается на свое президентское кресло. Онъ сообщаетъ, что изъ Собранія онъ отправился въ Люксембургъ, чтобы присоединиться къ исполнительной комиссіи, которая назначила генерала Барагэ д'Илье главнокомандующимъ силами, защищающими національное представительство. Это назначеніе встрѣчаетъ одобреніе правой, которая приглашаетъ его приступить къ очередному порядку. Почти въ то же время является Гарнье-Пажесъ, а вслѣдъ за нимъ Ламартинъ; они объявляютъ о полномъ водвореніи порядка и стараются самымъ способомъ передачи событій внушить снисхожденіе послѣ столь легкой побѣды. Они перечисляютъ мѣры, принятыя для общественной безопасности: закрытіе нѣсколькихъ клубовъ, обыски въ квартирахъ бунтовщиковъ. Наконецъ, генеральный прокуроръ Порталисъ испрашиваетъ и получаетъ разрѣшеніе привлечь къ суду Барбэса и Куртэ.

Въ корридорѣ происходитъ какой-то шумъ. Слышится имя Луи-Блана. Вскорѣ онъ появляется, преслѣдуемый солдатами національной гвардіи. Луи-Бланъ отбивается отъ нихъ, волосы его растрепаны, одежда разорвана. Онъ идетъ къ трибунѣ... Ропотъ негодованія поднимается на его пути. Въ ту минуту, когда онъ готовится говорить, по его адресу со всѣхъ сторонъ слышатся оскорбительные возгласы.

«Мы должны уважать коллегу!»—воскликаетъ кто-то.—«Это не

коллега, это бунтовщик!»—говоритъ другой голосъ. Собраніе въ невѣроятномъ волненіи: большинство представителей оставляютъ свое мѣсто и спускаются къ трибунѣ. Президентъ съ трудомъ добивается молчанія. «Граждане!»—говоритъ Луи-Бланъ,—въ моемъ лицѣ я пришелъ защитить ваше достоинство, вашу честь, ваше право!»

Ему кричатъ:—Вы оскорбляете Собраніе!

— Я честию завѣряю,—послѣ этого невѣроятнаго возгласа говоритъ Луи-Бланъ,—что я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что должно было произойти сегодня въ Собраніи.

— Вы говорите все только о себѣ! У васъ никогда не было сердца!—кричитъ одинъ представитель. И вслѣдъ затѣмъ раздаются усиливающіеся возгласы: «Къ вопросу! Къ порядку!» Луи-Бланъ не склоняется передъ бурей, но оскорбленія переходятъ всѣ границы. Тогда, видя, что Собраніе рѣшило не слушать его, и что президентъ отказывается поддерживать его право, Луи-Бланъ сходитъ съ трибуны и идетъ къ своему мѣсту, куда его провожаютъ гнѣвные взоры коллегъ.

Между тѣмъ, прокуроръ республики, Ландрянъ, проситъ Собраніе распространить на Альбера разрѣшеніе начать судебное преслѣдованіе, уже данное для Варбэса и Куртэ. Несмотря на доводы Флокона, умоляющаго представителей *не вступать съ самаго начала на путь партійной реакціи*, они почти единодушно вотируютъ испрашиваемое разрѣшеніе. Затѣмъ они единогласно вотируютъ благодарность отечества національной гвардіи, линейнымъ войскамъ и гвардейскимъ мобиліямъ.

Такъ окончился этотъ несчастный день.

Я уже говорила, что его сравнивали во всѣхъ тогдашнихъ газетахъ съ 1-мъ преріаліа III г.; но сравненіе это страдает поверхностностью и выводится не столько изъ серьезныхъ аналогій между людьми и событіями, сколько изъ общей, господствовавшей съ 24 февраля маніи все сравнивать съ первой революціей. Всѣ, какъ политическіе дѣятели, такъ и писатели, охотно соглашались на такое уподобленіе, которое какъ будто усиливало значеніе однихъ и выказывало эрудицію другихъ. Ледрю-Ролланъ любилъ, когда его называли Дантономъ. Луи-Блану нравилось, что его сравниваютъ съ Робеспьеромъ, Ламартинъ говорилъ о Верньо не иначе, какъ думая о себѣ. Люди праздные, чтобы оживить разговоръ, дѣлали изъ Распайя Марата, а изъ Жоржъ-Зандъ Теруанъ де-Мерикуръ.

Прудонъ, излагая событія 15 мая, безпощадно осмѣиваетъ эту манію: «Безсознательная масса приноситъ въ Собраніе петицію— *воспоминаніе о 1793 годѣ*. Вожди движенія захватываютъ трибуну

и предлагают декретъ — *воспоминаніе о преріалѣ*. Бунтъ подавленъ и зачинщики заключены въ тюрьму — *воспоминаніе о термидорѣ*. Эта неразумная, безсильная, губительная для свободы, тупая манифестація, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — съ начала до конца была только пародіей на великіе дни Конвента».

И, дѣйствительно, въ возстаніи преріала, выражавшемъ истинныя страсти, все было трагично; почти все въ манифестаціи 15 мая было смѣшно, потому что все было искусственно. Въ 1795 г. страшный голодъ, соединенный съ паденіемъ ассигнацій, приводитъ народъ въ отчаяніе, поэтому онъ тотчасъ же находитъ опредѣленную формулу для своихъ требованій. Онъ хочетъ *хлѣба и конституціи 93 г.*, съ которой, какъ говоритъ Левассеръ, были связаны всѣ его надежды. Два представителя являются признанными вождями заговора ¹⁾. Одинъ изъ главныхъ подсудимыхъ, не ожидая исхода процесса, закалываетъ себя ножомъ, троихъ другихъ, поразившихъ себя тѣмъ же орудіемъ, втаскиваютъ окровавленными на эшафотъ. Военныя комиссіи учреждаются безъ перерыва. Репрессія не знаетъ жалости, потому что само нападеніе было грозно. Возстаніе 15 мая, напротивъ, требовавшее двухъ противорѣчившихъ другъ другу вещей: войны и организаціи труда, было однимъ изъ тѣхъ неясныхъ проявленій броженія, какія часто являются безъ опредѣленной причины въ незанятыхъ массахъ, волнуемыхъ революціоннымъ духомъ. Это былъ день демократической фронды, гдѣ главную роль играли перекрестныя интриги нѣсколькихъ политическихъ авантюристовъ, отъ которыхъ отреклись всѣ народные вожди, за исключеніемъ Барбэса, сдѣлавшагося вскорѣ для всѣхъ — и не безъ основанія — предметомъ смущенія или смѣха.

XXIX.

Продолженіе дня 15 мая. — Слѣдствіе. — Благопріятное Луи-Блану вотированіе. — Собраніе въ Національномъ Дворцѣ и исполнительная комиссія. — Праздникъ Согласія. — Фамилія Орлеановъ въ Клэрмонтѣ. — Декретъ объ изгнаніи. — Выборы 5 іюня.

Въ ночь, послѣдовавшую за этимъ страннымъ днемъ, исполнительная комиссія вызвала въ маленький Люксембургъ префекта полиціи, чтобы онъ объяснилъ свое поведеніе. Казалось вполнѣ несомнѣннымъ, что Коссидьеръ оставался нейтральнымъ, по край-

¹⁾ Тьеръ отрицаетъ этотъ фактъ, но монтаньяръ Левассеръ признаетъ его.

ней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока продолжался мятежъ, оставляя за собой возможность высказаться, смотря по тому, на чьей сторонѣ будетъ перевѣсъ, за или противъ возстанія.

Съ десяти часовъ утра его сношенія съ властями прекратились. Запершись въ префектурѣ въ то время, когда народная колонна направлялась къ Собранію, онъ не отдавалъ никакого приказанія. Извѣстно, что послѣ вторженія въ Собраніе, двѣсти или триста человѣкъ бунтовщиковъ прибѣгали къ нему просить оружія и что они хотѣли поставить его во главѣ своего отряда, чтобы идти на Ратушу. Онъ ихъ, правда, отослалъ, сказавъ, что ожидаетъ приказаній *утвержденной власти*; но допустилъ, чтобы его монтаньяры били барабанъ къ походу и кричали: „*долой Собраніе!*“ когда узнали, что Барбесъ провозгласилъ новую исполнительную власть. Онъ не препятствовалъ имъ, когда видѣлъ, какъ они привѣтствовали арестованныхъ, которыхъ приводили солдаты національной гвардіи, позволялъ раздавать имъ вино, ружья и даже отпускать ихъ на свободу. Извѣстно было, что Лавиронъ, Флоттъ и другіе заговорщики долго оставались на совѣщаніи съ нимъ. Распространился даже слухъ, что монтаньяры и солдаты республиканской гвардіи замыслили переворотъ на слѣдующій день, въ согласіи съ «Обществомъ правъ человѣка».

Коссидьеръ, зная, что онъ скомпрометтированъ, и не довѣрившій нѣкоторымъ членамъ исполнительной комиссіи, съ опасеніемъ отправился въ малый Люксембургъ. Его зять Мерсье, полковникъ республиканской гвардіи, былъ убѣжденъ, что ему ставить ловушку и что ихъ обоихъ арестуютъ. Нѣсколько разъ по дорогѣ онъ уговаривалъ Коссидьера вернуться обратно. На всякій случай онъ приказалъ своей маленькой свитѣ стать въ боевомъ порядкѣ подъ окнами Люксембурга, чтобы при первомъ сигналѣ бѣжать въ полицейскую префектуру, вернуться оттуда со всѣмъ гарнизономъ, оставшимся подъ оружіемъ, и силой освободить плѣнниковъ исполнительной комиссіи.

Когда они достигли Люксембурга, опасенія Мерсье усилились. Было два часа ночи; приходя въ пріемную комнату, онъ видитъ полковника Сесса, начальника главнаго штаба національной гвардіи, котораго ведутъ въ тюрьму; секретарь Ледрю-Роллена, выходя изъ совѣта, не останавливаясь, не смѣя даже взглянуть на Мерсье, шепчетъ ему на ходу, что его отсылаютъ въ Венсеннъ.

Мерсье подходитъ къ окну и вынимаетъ изъ кармана платокъ. Онъ хочетъ махнуть имъ: это условленный съ монтаньярами сигналъ. Но въ эту минуту дверь отворяется. Его вводятъ въ засѣданіе исполнительной комиссіи для допроса. Коссидьеръ былъ уже тамъ. Къ великому изумленію Мерсье онъ слышитъ, что его зять

упорно отказывается выйти въ отставку, на чемъ настаиваютъ Мари и Гарнье-Пажесъ. Коссидьеръ къ тому же говоритъ, вовсе не какъ обвиняемый. Присутствіе Ледрю-Роллена, подавшего ему руку, когда онъ вошелъ въ залъ совѣта, благосклонное отношеніе къ нему Ламартина, даютъ ему смѣлость не уступать противникамъ.

Онъ не оправдывается, а обвиняетъ; онъ не проситъ, а угрожаетъ. Правительство, говоритъ онъ, ничего не сдѣлало для республиканской гвардіи и для монтаньяровъ; ими пренебрегли, о нихъ намѣренно забыли; они еще находятся въ ожиданіи справедливой награды за свои заслуги республикѣ. Декретъ, который долженъ утвердить ихъ, не появляется въ *Moniteur*¹⁾, чины, данные при избраніи, не утверждены официально.

Когда, послѣ двухъ-часового совѣщанія, Коссидьера просятъ выйти на минуту, чтобы выждать въ сосѣдней комнатѣ рѣшенія совѣта, онъ вынимаетъ часы. «Граждане,—съ удивительнымъ апломбомъ говоритъ онъ,—теперь четыре часа утра; если черезъ четверть часа мы не вернемся въ полицейскую префектуру, то за нами придутъ сюда. Вы нашихъ людей знаете; они ни передъ чѣмъ не остановятся. Что случится—я этого не знаю; но вся отвѣтственность падетъ на васъ.»

Совѣщаніе продолжалось недолго. Ледрю-Ролленъ и въ особенности Ламартинъ уговорили своихъ коллегъ не выдавать Коссидьера тому, что съ этого дня стало называться реакціей. Его отпустили.

«Идите,—сказалъ ему Гарнье-Пажесъ, пожимая ему руку,—возвращайтесь скорѣе въ полицейскую префектуру, успокойте вашихъ людей и рассчитывайте на насъ, какъ мы рассчитываемъ на васъ.»

Араго общалъ Мерсье на завтра декретъ объ организаціи *народной гвардіи* подъ однимъ только условіемъ, чтобы она допустила впредь и національную гвардію одновременно съ нею служить въ полицейской префектурѣ.

На этомъ они и расстались. Коссидьеръ, повидимому, былъ удовлетворенъ; тѣмъ не менѣе, думая, что придется объясняться передъ Собраніемъ, гдѣ онъ не встрѣтитъ столь снисходительныхъ судей, онъ тотчасъ же приказалъ расклеить на стѣнахъ Парижа прокламацію, въ которой восхвалялъ *спокойное и мужественное поведеніе представителей*, говорилъ о чиновникѣ, которому поручено *вѣдѣніе полиціи*, что его *дѣятельность, хотя и невидимая, ни на минуту не прекращалась*. Затѣмъ, обращаясь къ національной гвардіи и благословляя ее за ея *благотѣльное вниманіе*, онъ говорилъ: «Вы были со мной на *баррикадахъ свободы*, я буду съ вами на *баррикадахъ порядка* ¹⁾».

¹⁾ Составленіе этой прокламаціи приписывали Ламартину.

Его отвѣтная рѣчь въ Собраніи Барошу, требовавшему его увольненія, замѣчательна своимъ остроуміемъ и своей удивительной ловкостью. Представляя съ извѣстнаго рода наивностью апологію своей полицейской дѣятельности, которую онъ назвалъ полиціей *здраваго смысла и примиренія*, и превознося до небесъ самоотверженность своихъ монтаньяровъ, которые безропотно, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, несли самую тяжелую службу среди *вшей и червей*, онъ извинился въ томъ, что освободилъ нѣсколькихъ лицъ, арестованныхъ по излишнему усердію доносчиковъ, когда «одна половина Парижа,—какъ онъ говорилъ,—готова была засадить въ тюрьму другую!» Затѣмъ онъ окончилъ свой собственный панегирикъ слѣдующей знаменитой фразой: «Я сдѣлалъ порядокъ при помощи безпорядка». Говоря о причинахъ инсurreкціи, онъ старался уменьшить ее, свести ее на нѣтъ; онъ все свалилъ на Бланки, отрекся отъ дружбы съ Собріе, спрятался за Ламартина, который при началѣ застѣванія не побоялся поручиться за его нравственность и за его патріотизмъ. Наконецъ, онъ закончилъ свою длинную рѣчь краснорѣчивымъ оборотомъ, произведшимъ впечатлѣніе на Собраніе. «Да, я сознаюсь,—воскликнулъ онъ,—что мои думы и мои слова полны любви къ народу, къ народу страдающему, работающему, къ народу, которому надо помочь. Напомнимъ этому народу, что онъ есть мы и мы есть онъ. Не будемъ ни сторонниками реакціи, ни сторонниками демагогіи, будемъ преслѣдовать политику умѣренности».

Въ то время, какъ Коссидьеръ овладѣвалъ, такимъ образомъ, вниманіемъ своихъ слушателей, полицейская префектура, по распоряженію исполнительной власти была окружена войсками. Въмѣсто декрета и реорганизаціи народной гвардіи, обѣщаннаго Коссидьеру, вмѣсто поста въ пятьдесятъ человекъ національной гвардіи, который рѣшено было послать въ префектуру, явились генералъ Бедо и полковникъ Клеманъ Тома съ четырьмя баталліонами линейныхъ войскъ и нѣсколькими пушками, въ сопровожденіи министра внутреннихъ дѣлъ Рекюра, требовать отъ Мерсье, чтобы онъ ушелъ изъ префектуры, прибавляя, что если онъ не сдѣлаетъ этого добровольно, то будетъ принужденъ къ тому силой.

Полковникъ Мерсье, который ни на минуту не повѣрилъ обѣщаніямъ Араго и Гарнье-Пажеса, вернувшись въ префектуру, занялся приготовленіемъ ея къ оборонѣ. Въмѣсто всякаго отвѣта на требованія генерала Бедо и на крики національныхъ гвардейцевъ, которые явились въ числѣ 12—15 тысячъ человекъ, когда узнали, что будетъ арестованъ Коссидьеръ, Мерсье попросилъ генерала войти, вмѣстѣ съ Тома и Рекюромъ, чтобы судить о принятыхъ въ префектурѣ мѣрахъ и убѣдиться, что взять ее приступомъ не возможно.

И, дѣйствительно, все было приготовлено для того, чтобы выдержать осаду. Кромѣ обычнаго гарнизона, сюда явились подкрѣпленія отъ всѣхъ революціонныхъ обществъ. Оружія, боевыхъ запасовъ, провіанта здѣсь было въ изобиліи. Кромѣ того, надѣялись на народъ. Во всякомъ случаѣ было принято твердое рѣшеніе не сдаваться и въ случаѣ, если партія будетъ проиграна, взорвать пороховой складъ и, такимъ образомъ, похоронить подъ развалинами и осаждающихъ, и осажденныхъ. Положеніе показалось генералу Бедо и полковнику Тома серьезнымъ; они предложили Мерсье отправиться съ ними въ Собраніе, гдѣ находился исполнительный комитетъ, чтобы получить новыя инструкціи. Коссидьеръ, котораго зять извѣстилъ о томъ, что происходитъ, сталъ жаловаться съ трибуны, что на полицейскую префектуру направлены пушки. Генераль Бедо далъ нѣкоторые объясненія, сказавъ, что генераль Тампуръ въ этомъ случаѣ превысилъ его приказанія. Коссидьеръ повидимому успокоился. Тогда Ламартинъ, пользуясь благопріятной минутой, увезъ его въ своей каретѣ и уговаривалъ его, чтобы предупредить столкновение, подать въ отставку и вывести своихъ людей изъ префектуры. Коссидьеръ не могъ рѣшиться на это. Онъ думалъ, что республикѣ грозитъ опасность, онъ зналъ свою популярность и чувствовалъ себя способнымъ начать борьбу. Убѣжденія Ламартина дѣйствовали на него лишь наполовину. Однако, въ концѣ концовъ онъ согласился и обѣщалъ подать въ отставку. Ламартинъ, съ своей стороны, обязался добиться отъ генерала Бедо и Клемана Тома, которые все еще продолжали блокаду префектуры, почетныхъ условій для сдачи гарнизона.

Между тѣмъ, они доѣхали до маленькаго моста Сэнь-Мишель; здѣсь было большое число національныхъ гвардейцевъ. Увидѣвъ Мерсье, ѣхавшаго около кареты верхомъ, въ мундирѣ республиканской гвардіи, они начинаютъ волноваться. Коссидьеръ высовывается въ окно. Его тотчасъ же узнаютъ и кричатъ: «Въ воду! Смерть Коссидьеру!», затѣмъ обступаютъ лошадь Мерсье, которому пришлось бы очень плохо, если бы не Ламартинъ: онъ выскакиваетъ изъ кареты, взбирается на козлы, чтобы быть выше толпы, и произносить рѣчь. Ему удается успокоить нѣсколько безумную ярость этихъ людей, и карета двигается дальше. Коссидьеръ, вѣрный своему слову, пишетъ двойное прошеніе объ отставкѣ, какъ представитель и какъ префектъ полиціи. Клеманъ Тома сообщаетъ Мерсье декретъ о распусcenіи и реорганизаціи монтаньяровъ и республиканской гвардіи; но соглашается на то, чтобы префектура была очищена лишь на другой день подъ тѣмъ условіемъ, однако, что туда будутъ немедленно введены человекъ сто національныхъ гвардейцевъ.

На слѣдующій день солдаты республиканской гвардіи вышли молча, но со злобой въ сердцахъ. Хотя офицерамъ было обѣщано, что имъ будутъ оставлены ихъ чины, ихъ всѣхъ нѣсколько дней спустя уволили. Съ монтаньярами казармы Сэнъ-Викторъ поступили не лучше. Этихъ храбрецовъ, которыхъ за послѣдніе три мѣсяца называли не иначе, какъ героями баррикадъ, спасителями отечества, опозорили, оскорбили, обезоружили и, наконецъ, выбросили на улицу безъ куска хлѣба.

Трувэ-Шовель, банкиръ въ Ле-Манѣ, бывшій другъ Ледрю-Роллена, сдѣлавшись другомъ Марраста, былъ назначенъ на мѣсто префекта полиціи въ замѣну Коссидьера. Генераль Тампуръ, который далъ себя окружить бунтовщикамъ во время вторженія въ Собраніе и которому съ высоты трибуны противъ воли пришлось наблюдать это зрѣлище, былъ уволенъ со службы частью за этотъ фактъ, который сочли доказательствомъ сообщничества, частью потому, что онъ изъ чрезмѣрнаго усердія и безъ высшаго приказа направилъ пушку на полицейскую префектуру.

За этимъ вскорѣ послѣдовало увольненіе Сессэ, помощника начальника главнаго штаба національной гвардіи, обвиняемого въ томъ, что онъ не послушался приказа бить барабанъ къ сбору. Клубъ Правъ человека и клубъ Бланки были закрыты; арестантовъ перевозили въ Венсанъ; но всѣ эти крайнія мѣры не удовлетворяли національную гвардію. Само Собраніе поддавалось чрезмѣрнымъ подозрѣніямъ и гнѣву, что если и было не совсѣмъ несправедливо, то, по меньшей мѣрѣ, крайне неполитично.

Начиная съ 15 мая, слово *реакція* стало часто появляться въ печати, такъ какъ выражало довольно откровенное направленіе правой. Съ этого самаго несчастнаго дня правая утратила то чувство боязни и удивленія, смѣшаннаго съ уваженіемъ, которое народъ 24 февраля внушалъ или, скорѣе, навязалъ ей. У видѣвъ, что національная гвардія такъ воодушевлена защитой и бунтъ такъ легко усмиренъ безъ боя, она снова вообразила себя властительницей страны, съ большой неохотой терпѣла волю республиканскаго большинства и не только не старалась предупреждать вооруженныя столкновенія, но скорѣе желала, чтобы неосторожность народа доставила ей новый случай торжества и новый поводъ къ репрессіямъ.

Пользуясь сочувствіемъ нѣкоторыхъ представителей безъ политической опытности, испуганныхъ 15-мъ мая и возмущавшихся тѣмъ, что народъ не признаетъ ихъ искренности, ихъ добрыхъ намереній, и считавшихъ сильно репрессивныя мѣры необходимыми для республики, правая, которая при открытіи Собранія считала успѣхомъ то, что президентомъ его былъ избранъ Бюше, принудила послѣдняго оправдать свое поведеніе во время бунта и, уни-

звѣтъ его такимъ образомъ, только терпѣла его до окончанія срока его назначенія. Она выслушала съ оскорбительнымъ недовѣріемъ объясненія полковника Шарраса, котораго обвиняла въ томъ, что онъ способствовалъ бунту, помѣшавъ бить сборъ. Она своимъ ропотомъ выразила неудовольствіе, когда Клеманъ Тома, назначеніе котораго она встрѣтила одобрительно, представилъ бюро палаты петицію офицеровъ національной гвардіи, объявившихъ, что они не желаютъ ни *реакціи*, ни *анархіи*. Наконецъ, явный признакъ того, что за послѣдніе дни партія реакціи ушла далеко и уже считала себя близкой къ побѣдѣ,—начали нападать на Ламартина.

Его популярность, уже сильно поколебленная съ 10 мая сближеніемъ съ Ледрю-Ролланомъ, получила 15 мая новый ударъ. Когда увидѣли, что онъ защищаетъ Коссидьера, стали сначала шептаться, а потомъ заговорили громко, что онъ сообщникъ бунтовщиковъ. Приводили самые нелѣпые или даже скандальные мотивы его интимности съ Ледрю-Ролланомъ, его предполагаемому союзу съ Бланки. Вскорѣ, когда увидѣли, что эти глупыя сплетни находятъ легковѣрныхъ слушателей, то пошли и дальше, и не постыдились бросить подозрѣніе на честность и безкорыстіе Ламартина¹⁾.

Такая смѣлость правой, послѣдовавшая такъ быстро вслѣдъ за столь осторожнымъ образомъ дѣйствій, была бы непонятной, если бы мы не находили ей объясненія въ поведеніи республиканскаго большинства. Республиканцы Собранія находились въ эту минуту подъ вліяніемъ Марроста. Соединившись съ начала мая въ числѣ приблизительно 250 человекъ въ одной галлерей Национальнаго Дворца подъ предсѣдательствомъ Дюпона де-Лэра, они сначала задались цѣлью поддерживать исполнительную комиссію.

Главные ораторы этого Собранія, изъ котораго были исключены социалисты, Сенаръ, Вильо, Паскаль Дюпра, Дюпонъ (изъ Бюссака), д'Адельсвардъ, страстно желали скорѣе пріобрѣсти вліяніе. Войдя въ сношеніе съ членами исполнительной комиссіи, они хватались за все, агитировали, давали совѣты, предлагали свои услуги, хотѣли навязать свои условія; но ни Ледрю-Ролланъ, ни Ламартинъ не поняли, какую пользу они могутъ извлечь изъ этой партіи. Они не только ни разу не показались на собраніяхъ Национальнаго Дворца, но и крайне сухо принимали ихъ приглашенія. Пренебреженіе, оказанное усердію, быстро превращаетъ его въ злобу. Собраніе Национальнаго Дворца начало критиковать исполнительную комиссію, распускающая слухъ, что она не пользуется довѣріемъ страны, что департаменты считаютъ ее благопріятной крайне революціонному движенію.

¹⁾ См. *Письмо къ десяти департаментамъ*, въ которомъ Ламартинъ отвѣчаетъ на эти подлые обвиненія.

Нѣкоторые журналисты, между прочимъ де-Жирандэ, обратившіеся противъ Ламартина, воспроизвели эти осужденія, преувеличивая ихъ. Они обвинили передъ страной новую *директорію* въ роскоши и бездѣліи; выдумали, что г-жа Паньеръ занимаетъ въ Люксембургѣ комнату Маріи Медичи; рассказывали, что Мари держитъ винный погребъ и метръ-дотелей великаго референдарія, что Гарнье-Пажесъ катается въ королевскихъ экипажахъ.

Такъ какъ нельзя было сдѣлать ненавистными людей, уважавшихъ общественныя свободы и волю Національнаго Собранія, ихъ старались унизить въ общественномъ мнѣніи и убить ихъ значеніе, поднявъ ихъ на смѣхъ.

Нѣкоторыхъ дальновидныхъ республиканцевъ, не увлекавшихся своими личными симпатіями и антипатіями и безпристрастно судившихъ о положеніи вещей, началъ серьезно беспокоить такой поворотъ общественнаго мнѣнія. Приходилось сознаться въ томъ, что исполнительная коммиссія стала непопулярной. Надо было опасаться, что если правая возьметъ въ Собраніи инициативу наложенія, то она воспользуется всѣми преимуществами борьбы, относительно исхода которой не могло быть сомнѣнія. Желательно было, чтобы коммиссія, идя навстрѣчу этимъ затрудненіямъ, сама вышла въ отставку, чтобы дать мѣсто единому главѣ исполнительной власти. Это было, какъ полагали, единственное средство положить ковецъ успѣхамъ реакціи и заставить правительство вернуть себѣ въ Собраніи ту власть, которую значительно ослабили непослѣдовательныя дѣйствія исполнительной коммиссіи.

Между политиками республиканскаго лагяря, желавшими этого преобразованія, этого обновленія власти, самымъ дѣятельнымъ былъ Мартэнъ (изъ Страсбурга). По своему всѣми уважаемому характеру, по своему умиротворяющему складу ума, онъ болѣе, чѣмъ кто либо другой, былъ способенъ уладить столь важное дѣло. Заручившись согласіемъ Араго, на котораго, повидимому, указывало общественное мнѣніе, не особенно склонное въ эту минуту признать военнаго главу, Мартэнъ (изъ Страсбурга) отправился къ членамъ коммиссіи. Нѣсколько разъ онъ пробовалъ уговаривать ихъ; онъ обращался къ ихъ патріотизму, къ ихъ чести; онъ поставилъ имъ на видъ интересы ихъ честолубія въ будущемъ; но каждый разъ, какъ онъ возвращался къ этому вопросу, доводы его производили все менѣе и менѣе благоприятное впечатлѣніе, и предложенія его отвергались все съ большимъ высокомѣріемъ.

Мари и его семьѣ очень хорошо жилось въ Люксембургскомъ дворцѣ, и они вовсе не понимали необходимости выѣзжать изъ него; Ламартинъ, раздраженный противъ Собранія, считалъ себя все еще сильнѣе его и не сомнѣвался въ томъ, что онъ необходимъ для

страны. Гарнье-Пажесъ льстилъ себя надеждою, что, предавъ на гнѣвъ правой Альбера, Луи-Блана, а можетъ быть, и Ламартина, привлеченіе котораго къ суду было весьма возможно, ему и его пріятелямъ удастся умиротворить правую; наконецъ, Ледрю-Ролланъ, видя во всемъ этомъ одну только интригу Марраста, прималъ вызовъ и бравировалъ нападеніе.

Въ этихъ переговорахъ дошли до рѣзкихъ выраженій, до личностей. Маррастъ, которому до тѣхъ поръ очень не хотѣлось разставаться со своими коллегами изъ временнаго правительства, видя, что путемъ переговоровъ ничего не добьются, рѣшился порвать открыто, чтобы не компрометтировать дольше съ ними своего положенія въ Собраніи. Условившись по этому поводу съ Сенаромъ, на котораго указывали, какъ на вѣроятнаго преемника Бюше, онъ на одномъ изъ засѣданій Собранія Національнаго Дворца заставилъ вынести резолюцію, что будутъ добиваться политической анкеты о 15 мая. Главной цѣлью этой анкеты должно было быть, повидимому, поведеніе Луи-Блана и Коссидьера; но этимъ путемъ надѣялись добраться до Ламартина и Ледрю-Роллана и, такимъ образомъ, разстроить исполнительную комиссію. Маррастъ, думая искусно подготовить атаку, сообщилъ по секрету очень большому числу лицъ, что онъ видѣлъ 15 мая Луи-Блана въ Ратушѣ и даже самъ помогать ему бѣжать. Затѣмъ Порталисъ и Ландренъ просили у Собранія начать преслѣдованіе противъ Луи-Блана, обвинявшагося, по словамъ обвинительнаго акта, въ томъ, что онъ *принималъ участіе во вторженіи въ Собраніе и въ насиліи надъ нимъ, что является преступленіемъ, имѣющимъ цѣлью уничтожить или измѣнить правительство.*

Луи-Бланъ говорилъ съ большимъ краснорѣчіемъ противъ заключеній обвинительнаго акта. «Голосъ страстей смолкнетъ,—сказалъ онъ,—но голосъ исторіи заговоритъ когда-нибудь. Онъ осудитъ всѣ лживыя обвиненія, всѣ клеветы, которыми хотятъ запятнать тѣхъ, кто виновны только въ томъ, что хотѣли республики, хотѣли ее великой, благородной, главной, уважающей свободу личности такъ, что въ теченіе двухъ мѣсяцевъ не было произведено ни одного ареста, ничья личная свобода не была нарушена, не находилась даже въ опасности».

Множество свидѣтельствъ было представлено въ пользу Луи-Блана. Его съ самымъ искреннимъ убѣжденіемъ защищали его же политическіе противники; но Собраніе было предубѣждено противъ него. Оно едва выслушало защиту, потому что не хотѣло быть разубѣжденнымъ, и рѣшило, что назначена будетъ комиссія для рассмотрѣнія просьбы о разрѣшеніи судебного преслѣдованія. Эта комиссія, выслушавъ Гарнье-Пажеса и Ламартина, который горяче

защищалъ Луи-Блана, вывела заключеніе о разрѣшеніи преслѣдованія и выбрала своимъ докладчикомъ Жюль Фавра ¹⁾.

2-го іюня Жюль Фавръ принесть на трибуну очень длинный, очень запутанный докладъ, который прочитать такимъ сладкимъ голосомъ, что до послѣдней минуты публика трибунъ воображала, что онъ дастъ заключеніе противъ преслѣдованія ²⁾.

Этотъ докладъ произвелъ тяжелое впечатлѣніе на Собраніе и многихъ склонилъ въ пользу Луи-Блана. Всѣ знали къ тому же, что Жюль Фавръ въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ скорѣе подъ вліяніемъ личной непріязни, нежели согласно справедливости.

Вся печать или осталась нейтральной, или приняла сторону Луи-Блана. «National» рѣшительно высказался въ послѣднемъ смыслѣ. Ламартинъ громко повторялъ, какъ въ своемъ салонѣ, такъ и въ корридорахъ Собранія, что Луи-Бланъ не болѣе виновенъ, чѣмъ онъ самъ, Ламартинъ. Наконецъ, Барбесь изъ Венсеннской тюрьмы написалъ президенту Собранія письмо, которымъ разрушилъ всѣ неопредѣленные обвиненія. «Каждый долженъ нести отвѣтственность за свои слова и за свои дѣйствія,—пишетъ Барбесь:—гражданина Луи-Блана обвиняютъ въ томъ, что онъ сказалъ 15 мая петиціонистамъ: «Поздравляю васъ съ тѣмъ, что вы завоевали себѣ право приносить ваши петиціи въ палату, отнынѣ никто не можетъ оспаривать его у васъ». Эти слова или нѣчто равнозначущее съ ними было, дѣйствительно, произнесено на этомъ засѣданіи; но здѣсь перемѣшали личности: это сказалъ не Луи-Бланъ, а я. Вы можете прочитать эти слова въ «Moniteur'ѣ» рядомъ съ моимъ именемъ». Такое свидѣтельство было неопровержимо и произвело на Собраніе самое благопріятное впечатлѣніе. Однако, оставалось еще противъ Луи-Блана одно очень важное обвиненіе: его видѣли въ этотъ день въ Ратушѣ; это утверждалъ парижскій мэръ, и этотъ фактъ имѣлъ рѣшающее значеніе. На слѣдующемъ засѣданіи 3 іюня Дюпонъ (изъ Бюссака) запросилъ по этому поводу Марраста. Послѣдній, не думавшій, что его, сказанныя скорѣе на вѣтеръ, чѣмъ изъ коварства, слова получаютъ значеніе формальнаго обвиненія, пожалѣлъ о нихъ и постарался устранить ихъ послѣдствія. Онъ не побоялся съ трибуны рѣшительно взять ихъ обратно: онъ сказалъ, что ему дѣйствительно показалось, будто Луи-Блана видѣли въ Ратушѣ, но онъ признавалъ, что былъ введенъ въ заблужденіе основательными предположеніями, и прибавилъ, что теперь, когда

¹⁾ Большинство 15 голосовъ противъ трехъ. Три представителя, вѣтировавшіе противъ преслѣдованія, были: Фрелонъ, Бакъ и Дюпонъ (изъ Бюссака).

²⁾ Въ одной современной газетѣ докладъ Жюля Фавра сравнили съ горшкомъ отравленнаго молока.

онъ имѣть лучшія свѣдѣнія, онъ вполне убѣжденъ въ томъ, что и *нога Луи-Блана не была 15 мая въ Ратушѣ* ¹⁾).

Такимъ образомъ, единственное опредѣленное фактическое обвиненіе противъ Луи-Блана было уничтожено. Остальные факты были или сомнительны, или изъ нихъ были выведены насильственные заключенія. Тѣмъ не менѣе раздраженіе Собранія противъ Луи-Блана было еще такъ сильно, что когда приступили къ подачѣ голосовъ, то первая и вторая баллотировка были объявлены сомнительными. Шумное волненіе, продолжавшееся болѣе получаса, показывало, насколько сильно было всеобщее возбужденіе. Пришлось перейти къ баллотировкѣ по отдѣленіямъ. Она дала большинство въ 32 голоса на 706 вотировавшихъ противъ заключеній доклада.

Кабинетъ вотировалъ съ большинствомъ за исключеніемъ Бастида. Немедленнымъ результатомъ вотирования было удаленіе Жюля Фавра и отставка Порталиса и Ландрана.

Это несчастное дѣло нанесло окончательный ударъ популярности исполнительной комиссіи. Несогласіе ея членовъ между собой, ихъ нерѣшительность и отсутствіе искренности съ полной очевидностью выказались передъ всѣми. Общее осужденіе ясно выразилось какъ въ Собраніи, такъ и въ обществѣ.

И при подобныхъ-то обстоятельствахъ, когда всюду царствовалъ раздоръ, вздумали устроить праздникъ *Согласія!* Этотъ праздникъ давался въ честь національныхъ гвардій департаментовъ делегатамъ, смотръ которыхъ исполнительная комиссія и Собраніе должны были произвести на Марсовомъ полѣ. Правительство не хотѣло, чтобы этотъ смотръ носилъ чисто военный характеръ. Земледѣліе, промышленность и искусство должны были имѣть на немъ своихъ представителей. Всѣ профессіи, всѣ ремесла, неся лучшіе продукты своего труда, должны были пройти передъ глазами народа и показать ему, такъ сказать, его собственный геній въ самыхъ разнообразныхъ его проявленіяхъ. Чтобы сдѣлать этотъ праздникъ великолѣпнымъ, не пожалѣли ничего. Время года было благопріятное; мѣсто было отлично приспособлено для театрално-торжественныхъ процессій. Идея, планъ, обстановка, все было чудесно задумано и отлично исполнено—если бѣ только все это было встать.

Неудовольствіе парижскаго населенія было въ то время еще въ томъ фазисѣ, когда оно выражается насмѣшками: въ праздникъ *Согласія* всякая деталь давала поводъ къ осмѣянію. Смѣялись надъ колесницей Земледѣлія, которую по программѣ должны были везти

¹⁾ Это устное заявленіе Марраста было лишь повтореніемъ писаннаго заявленія, которое представители Лефранъ, Рейналь, Пельтье заставили подписать его въ Ратушѣ за нѣсколько часовъ до засѣданія.

волы съ золоченными рогами, въ дѣйствительности же тянули двадцать рабочихъ лошадей; смѣялись надъ статуей Республики и надъ лежащими у ея ногъ четырьмя львами; упорно не хотѣли видѣть въ этомъ праздникѣ ничего другаго, какъ только плохую народію на празднованіе Высшаго Существа ¹⁾. Насколько все въ 1848 г. было далеко отъ того наивно-театральнаго настроенія, которое въ III году позволяло живописцу Давиду воздавать въ своей программѣ хвалу *трудолюбивому и чувствительному народу*, приглашать *матерей гордиться своимъ плодородіемъ*, молодыхъ *дѣвушекъ* *поклоняться подъ стѣною вѣтвей древа свободы брать себѣ въ мужья только людей, которые послужили родинѣ*, и, наконецъ, *предать пламени и заставить обратиться въ ничто удручающее чудовище атеизма* ²⁾!

Исполнительная коммиссія, устраивая подобное празднество, указала этимъ, что она совершенно утратила тотъ тактъ, ту прозорливость, которые составляютъ одну изъ тайнъ искусства управленія. Отказъ архіепископа парижскаго присоединиться къ шествію долженъ былъ послужить ей предупрежденіемъ. Прочитавъ въ «Moniteur'ѣ» программу праздника *Согласія* и видя, что духовенству предназначено идти за колесницей Земледѣлія послѣ оперныхъ хористовъ, архіепископъ понялъ, что народъ подыметъ все это на смѣхъ, и велѣлъ сказать организаторамъ празднества, что ни онъ, ни одинъ священникъ не будетъ на немъ присутствовать. Этотъ отказъ имѣлъ нѣкоторое значеніе. Это было первое проявленіе оппозиціи со стороны парижскаго духовенства со времени объявленія республики, и этотъ шагъ былъ сдѣланъ вліятельнымъ духовнымъ лицомъ, которое до той поры выказывало большую доброжелательность.

Мы видѣли, что съ 24 февраля архіепископъ Аффръ поспѣшилъ прислать временному правительству свое сочувствіе, и что парижское духовенство, слѣдуя его примѣру, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ благословляло насажденіе деревъ свободы. Архіепископъ рѣшилъ также, что духовенство приметъ участіе въ выборахъ; всѣ знали, что онъ подалъ голосъ за правительственныхъ кандидатовъ; онъ обѣщалъ, наконецъ, республикѣ болѣе дѣятельную помощь, чѣмъ онъ когда-либо оказывалъ монархіи 1830 г. Аффръ былъ въ этомъ случаѣ совершенно искреннимъ, какъ и всегда. Въ долгой борьбѣ, которую онъ поддерживалъ для защиты независимости своей цер-

¹⁾ „Праздниковъ не дѣлаютъ, они дѣлаются сами“, сказалъ мнѣ Ламенна, котораго, такъ же какъ и меня, поражало крайнее равнодушіе народа къ этому торжеству.

²⁾ См. любопытную программу живописца Давида для праздника Высшему Существому, 20 преріаля III года.

кви противъ Людовика-Филиппа, требовавшего династическаго на-
правленія отъ духовенства; въ борьбѣ противъ собственнаго духо-
венства за введеніе реформъ, необходимыхъ для неимущихъ свя-
щенниковъ; своимъ стараніемъ возстановить въ семинаріяхъ изу-
ченіе наукъ и искусствъ, своей терпимостью къ актерамъ, онъ
выказалъ возвышенный умъ, способный понять нужды демократи-
ческаго общества, душу, подготовленную христіанской добродѣтелью
къ республиканскому строю ¹⁾). Потому этотъ первый актъ неодо-
бренія со стороны такъ хорошо относившагося къ республикѣ че-
ловѣка показался людямъ, внимательно присматривающимся ко
всѣмъ явленіямъ, весьма неблагоприятнымъ признакомъ; этотъ
признакъ соотвѣтствовалъ, впрочемъ, и другимъ проявленіямъ об-
щаго недовольства.

Всѣ были недовольны: буржуазія, потому что нигдѣ не видѣла
власти, которая защитила бы ее отъ мятежа; правая въ Со-
браніи — потому что чувствовала, что недостаточно владѣла еще
положеніемъ; партія Марраста — потому что ей не удавалось свер-
гнуть исполнительную комиссію, и что она потерпѣла неудачу по
поводу обвиненія Луи-Блана; Ламартинъ и Ледрю-Ролленъ — по-
тому что видѣли, что на нихъ обрушиваются несправедливыя по-
дозрѣнія Собранія и что ихъ коллеги по исполнительной комис-
сіи ихъ покидаютъ.

Народъ ропталъ. Національныя мастерскія, забытыя въ про-
граммѣ праздника Согласія и находясь подъ опасеніемъ доклада,
который де-Фаллу представилъ отъ имени комиссіи труда, начи-
нали высказывать враждебное настроеніе. Заключеніе Барбеса,
арестъ Бланки служили темами разговоровъ рабочихъ на площади;
многочисленныя группы образовывались на улицахъ, слышались
разговоры весьма неспокойнаго свойства. Коммунистская печать,
одно время было смолкнувшая, снова приняла угрожающій тонъ
и, оставляя въ сторонѣ вопросы политики, создавала тотъ роковой
антагонизмъ между буржуазіей и народомъ, который вскорѣ долженъ
былъ разразиться съ такой ужасающей силой.

Наиболѣе ясно понимающіе вещи республиканцы съ горестью
видѣли, что нѣкоторые большіе таланты тратятъ свои усилія на эту
разлагающую работу ²⁾). Подобныя заблужденія слишкомъ хорошо

¹⁾ Будьте добрыми христіанами, и вы будете отличными демократами
(*siate buoni cristiani, e sarete ottimi democratici*), говорилъ въ 1797 г.
епископъ города Имолы, впоследствии папа Пій VII.

²⁾ Между прочимъ, одна статья Ж. Зандъ, напечатанная въ *Vrie
République* 28 мая, произвела сенсацию. Она вела въ уста рабочаго,
разсказывающаго своей женѣ о событіяхъ 15 мая, слѣдующее объясненіе:
«Мы всѣ согласились относительно того, что надо идти за оружіемъ»

играли въ руку династическимъ партіямъ, чтобы онѣ ни воспользовались ими. Легитимистскіе агенты начинали зондировать настроеніе народа, произнося имя Генриха V. Бонапартисты подсаживались къ рабочимъ на народныхъ банкетахъ; они въ своихъ рѣчахъ напоминали о забытой славѣ имперіи и о племянникѣ императора, бывшемъ плѣнникомъ въ царствованіе Луи - Филиппа и изгнанникомъ во время республики. Орлеанисты, считавшіе себя уже близкими къ цѣли, печатали плакаты, на которыхъ выставлась кандидатура принца Жуанвилльскаго для предстоящихъ выборовъ національнаго представительства.

Общественное вниманіе снова обратилось къ принцамъ семьи Орлеановъ. Національное Собраніе вотировало 26 мая, большинствомъ 631 голоса противъ 64, декретъ о томъ, что территория Франціи и ея колоній, *запрещенная навсегда для старшей вѣтви Бурбоновъ закономъ 10 апрѣля 1832 г., воспрещена также и Людовику-Филиппу и его семейству*¹⁾. Народъ, любящій великодушную политику, не одобрялъ этого декрета. Сторонники Орлеанскаго дома пользовались этимъ, чтобы напоминать жителямъ Парижа о короляхъ и принцахъ, забытыхъ среди тревогъ революціоннаго кризиса.

Королевская фамилія, разстѣявшаяся послѣ 24 февраля, собралась въ Клэрмонтѣ, хорошенькомъ мѣстечкѣ въ окрестностяхъ Лондона, принадлежащемъ бельгійскому королю. Она жила тамъ очень тихо, принимая мало посѣтителей и въ простотѣ и экономіи, доведенныхъ до крайности. Такова была воля Людовика-Филиппа. Можетъ быть, онъ хотѣлъ доказать этимъ ложность слуховъ, обвинявшихъ его въ томъ, что онъ, со своего вступленія на престолъ, помѣстилъ громадныя капиталы въ Англію; можетъ быть, онъ не особенно довѣрялъ гарантіямъ временнаго правительства и боялся, послѣ секвестра, конфискаціи своихъ имѣній²⁾, — какъ бы то ни

бѣжать на призывъ къ сбору. но мы всё пошли съ твердымъ намѣреніемъ стрѣлять въ перваго скотчучника, который сталъ бы стрѣлять въ блузника. такъ какъ въ эту первую минуту, когда мы еще ничего не понимали въ томъ, что происходитъ, мы чувствовали, что сердце Кокля подсказываетъ ему лучше, чѣмъ намъ нашъ разумъ. Да, да, закричалъ Вержеракъ, если бы даже самъ Барбесъ выстрѣлилъ въ блузника, и даже если бы подъ этой блузой скрывался Гизо, горе тому, кто тронетъ блузника! Кокля правъ. Вотъ и вся политика нашего брата, рабочихъ”.

¹⁾ Большинство друзей Орлеанскаго дома вотировали за этотъ декретъ. Одилонъ Барро, по своему обыкновенію, воздержался, Луи-Бланъ вотировалъ противъ.

²⁾ Людовикъ-Филиппъ въ этомъ отношеніи былъ несправедливъ по отношенію къ лояльнымъ намѣреніямъ временнаго правительства. При самой крайней нуждѣ въ деньгахъ, когда люди, считавшіеся консерваторами, совѣтовали присоединить земли Орлеановъ къ государственнымъ имущест-

было въ Клермонтѣ отказывали себѣ въ самыхъ необходимыхъ вещахъ. Королева не пила вина; принцессы сами шили себѣ платья. Семья была печальна, но, за исключеніемъ Маріи-Амеліи, печаль эта не отличалась царственнымъ величіемъ.

Корона Франціи могла по счастливой случайности достаться принцамъ Орлеанскаго дома, но сознаніе королевской власти не вошло въ ихъ души. Людовикъ-Филиппъ, съ ранней юности пропитанный идеями революціи, болѣе похожій своими вкусами и мнѣніями на гражданина Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, чѣмъ на принца крови, смотрѣлъ на себя, даже вступая на тронъ Людовика XIV, не какъ на государя по праву наслѣдству, а какъ на главнаго администратора общественнаго дѣла, носящаго случайно титулъ короля. Онъ разсматривалъ не законность, а только пользу этой монархіи, врученной ему на извѣстныхъ условіяхъ людьми республиканскаго образа мыслей. Онъ не обладалъ ни добродѣтелями, ни пороками традиціонной верховной власти; его качества и недостатки были лишь крайне сильно развитыми качествами и недостатками парижскаго буржуа, эманципированнаго восемнадцатымъ вѣкомъ и французской революціей. Поэтому какъ паденіе его, такъ и возвышеніе не произвели на него головокружительнаго дѣйствія. Такъ же, какъ онъ не зналъ всей тяготы величія, онъ не чувствовалъ горести изгнанія. Слишкомъ рѣдкіе посѣтители Клермонта встрѣчали въ немъ, такъ же какъ и въ Тюильрійскомъ дворцѣ, неутомимаго собесѣдника, человѣка съ очень уравновѣшеннымъ характеромъ, привычнаго къ превратностямъ демократической эпохи; онъ понималъ все, и объяснялъ все, приводя все къ той средней линіи, которая, казалась ему, регулировала весь міръ такъ же, какъ она регулировала всю его собственную жизнь.

Сыновья его, воспитывавшіеся на его глазахъ во французскихъ школахъ, не какъ принцы крови, а какъ богатые частныя лица, такъ же, какъ и онъ, подчинялись прихотямъ судьбы и волѣ народа. Проектъ декрета объ изгнаніи исторгнулъ у нихъ первый крикъ горести. Письмо, которое они по этому случаю написали президенту

ствамъ, правительство, столь несогласное по другимъ вопросамъ, единодушно отвергло этотъ проектъ. Ледрю-Ролланъ, къ которому друзья его обратились съ просьбой отдать это имущество народу, всегда отказывалъ въ этомъ. Нѣсколько разъ онъ разрывалъ проектъ конфискаціи, который приносилъ ему Жюль Фавръ. Гудшо, получивъ портфель финансовъ, объявилъ де-Монталивъ и Вавэну, которымъ поручено было управленіе этими имѣніями, что онъ считаетъ секвестръ лишь временной мѣрой осторожности, и что тотчасъ послѣ созванія Національнаго Собранія имущество это будетъ въ цѣлости возвращено дому Орлеановъ.

Національнаго Собранія, съ величайшей простотой выражало ихъ изумленіе по поводу того, что ихъ причисляютъ къ старшей линіи дома Бурбоновъ. Въ то же время принцъ Жуанвилльскій писалъ одному флотскому офицеру письма, которыя печатались въ «Presse», и въ которыхъ онъ выражалъ желаніе сдѣлаться народнымъ представителемъ и высказывалъ честолюбивую надежду стать президентомъ. Въ случаѣ, если страна не захочетъ призвать его, онъ объявлялъ о своемъ намѣреніи отправиться въ Соединенные Штаты, основаться тамъ и *сколотить своимъ дѣтямъ маленькое состояніе*: странныя мысли, странныя слова для внука короля, представляющія собой яркій примѣръ того, какъ глубоко демократическіе нравы и идеи проникли во всеобщее сознаніе.

Я сказала, что сторонники принца Жуанвилльскаго, считая моментъ благоприятнымъ, выставили его кандидатуру для предстоящихъ выборовъ. Вслѣдствіе нѣсколькихъ двойныхъ избраній, отставки Коссидьера и о. Лакордера, который не имѣлъ на трибунѣ того успѣха, какъ на церковной кафедрѣ, и котораго за то, что онъ на короткое время сѣлъ къ монтаньярамъ, строго порицалъ одинъ религіозный органъ ¹⁾, приходилось выбирать одиннадцать новыхъ народныхъ представителей.

Мы видѣли, въ какое тяжелое состояніе смущенія и раздраженія инерція исполнительнѣйшей комиссіи, нерѣшительность Національнаго Собранія и неумѣренные выходки печати погрузили страну. Всѣ неудовольствія, всѣ безпокойства, всѣ интриги дѣйствовали въ обратномъ ожиданіямъ смыслѣ во время избирательнаго кризиса и привели къ самому изумительному результату, который только можно себя представить.

Въ то время, какъ національныя мастерскія и делегаты Люксембурга, примирившіеся между собою, благодаря посредничеству нѣсколькихъ интеллигентныхъ рабочихъ, которые видѣли, что пролетаріатъ погибаетъ по недостатку согласія, выбрали Пьера Леру, Прудона и Лагранжа, часть буржуазіи, постоянная въ своей благодарности къ префекту полиціи, присоединилась къ рабочимъ, чтобы снова послать въ собраніе Коссидьера ²⁾. Умѣренные республиканцы выб-

¹⁾ «L'Univers», находившійся тогда подъ вліяніемъ де-Монталамбера.

²⁾ Вотъ число голосовъ, полученныхъ кандидатами, избранными въ національное представительство 5 іюня 1848 г.

Коссидьеръ	146,400
Моро	126,889
Гудшо	107,097
Шангарнье	105,539
Тьеръ	97,294
Пьеръ Леру	91,394
Викторъ Гюго.	86,965

рали Гудшо. Люди, желавшіе больше всего на свѣтѣ спокойствія, подали голоса за Моро, мэра седьмого округа, и за Буасселя. Реакція назначила себѣ военнаго главу, избравъ генерала Шангарнье, и политическаго главу въ лицѣ Тьера, избраннаго отъ четырехъ избирательныхъ округовъ.

Наконецъ, одно имя, вышедшее изъ урьт трехъ департаментовъ, покрыло своимъ блескомъ всѣ другія и раздалось съ необычайной силой въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ государства: то было имя принца Людовика-Наполеона Бонапартъ.

XXX.

Принцъ Наполеонъ Бонапартъ.—Его первоначальныя отношенія къ временному правительству.—Его избраніе.—Дебаты о его допущеніи въ палату.—Народныя движенія.

Шарль-Людовикъ-Наполеонъ Бонапартъ родился, въ Тюильрійскомъ дворцѣ 20 апрѣля 1808 г. Онъ былъ третьимъ сыномъ Гортензіи Богарне, состоявшей въ бракѣ съ Людовикомъ-Наполеономъ, королемъ Голландіи, и былъ лично очень мало знакомъ во Франціи въ эпоху своего избранія.

Мать его, высланная изъ Франціи въ 1815 г., увезла его съ собою въ Швейцарію и воспитывала при себѣ вмѣстѣ со старшимъ братомъ его ¹⁾ въ замкѣ Арененбергъ, гдѣ она и жила постоянно съ того времени, не внушая, повидимому, никакихъ опасеній правительству реставраціи.

Въ 1830 г. Людовикъ-Наполеонъ принялъ, въ Римѣ, участіе въ заговорѣ противъ свѣтской власти папы. Въ 1831 г. онъ бросился въ возстаніе Романьи. Мы знаемъ, что братъ его потерялъ при этомъ жизнь. Нѣкоторое время спустя герцогиня де-Сентъ-Лѣ, пріѣхавъ во Францію инкогнито, пыталась получить отъ короля Людовика-Филиппа разрѣшеніе остаться въ странѣ. Но всѣ ея хлопоты остались тщетными, и такъ какъ законъ объ изгнаніяхъ былъ возобновленъ палатами, то 11 апрѣля 1832 г. Людовикъ-Наполеонъ Бонапартъ окончательно поселился въ Швейцаріи.

Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ въ качествѣ вольнослушателя посѣщалъ артиллерійскую школу въ Тунѣ; получилъ одно за

Людовикъ-Наполеонъ Бонапартъ	84,420
Лагранжъ	78,682
Буассель	77,247
Прудонъ	77,094

¹⁾ Первый ребенокъ королевы Гортензіи умеръ въ Мальмезонѣ, въ 1807 г., за годъ до рожденія принца Людовика.

другимъ званіи члена Заленштейнской общины, гражданина кантона Тургау, президента Федеральнаго общества тургаускихъ карабинеровъ, капитана въ одномъ изъ бернскихъ артиллерійскихъ полковъ ¹⁾ и члена большого совѣта. Въ 1834 г. онъ напечаталъ подъ заглавіемъ «Руководство къ артиллерійскому искусству» (*Manuel d'artillerie*) брошюру, которая настолько высоко была оцѣнена специалистами, что ее приписывали генералу Дюфуру, несмотря на то, что самъ генералъ энергично и абсолютно отрицалъ всякое свое участіе въ составленіи ея.

Луи-Наполеонъ поставилъ себя очень хорошо въ общественномъ мнѣніи въ Швейцаріи, особенно среди низшихъ классовъ. Его щедрость, пріятныя манеры, гостепріимство герцогини де-Сэнъ-Лё въ Арененбергѣ, ея старанія привлечь къ себѣ выдающихся людей всѣхъ партій располагали общество въ его пользу. Тѣмъ не менѣе, никто не былъ особенно высокаго мнѣнія о племянникѣ императора. Его наставникъ, республиканецъ Леба, бывшій позже членомъ Института, находилъ у него весьма посредственный умъ. Наиболѣе добродѣтельныя лица, говоря о немъ, хвалили главнымъ образомъ его прилежаніе, его учтивость, его умѣнье держать себя и его простоту. Онъ же въ глубинѣ души мечталъ объ иной репутаци. Будучи еще ребенкомъ, онъ говорилъ съ замѣчательной увѣренностью о своей звѣздѣ. Онъ былъ простъ въ своемъ обращеніи, скромнъ по отношенію къ своей личности, но именемъ своимъ гордился сверхъ всякой мѣры. Со времени смерти своего брата и герцога Рейхштадтскаго онъ, открыто никогда не произнося слова «имперія», говорилъ, что будетъ главой французской демократіи. Въ его пренебрежительной расточительности выказывался не просто богатый человѣкъ, а принцъ крови. Хотя онъ обыкновенно былъ сдержанъ, у него иногда прорывался повелительный тонъ, выдававшій его. Тацитъ, Луканъ, Макіавелли, исторія Кромвеля были его любимыми книгами. Наконецъ, тотъ, кто внимательно присмотрѣлся бы къ нему въ это время, открылъ бы въ немъ подъ блѣдностью почти неподвижнаго лица, подъ небрежностью рѣчи, подъ невѣроятной для столь юнаго человѣка флегматичностью горячее пламя сосредоточеннаго честолюбія.

¹⁾ Въ одномъ письмѣ принца Людовика, написанномъ по-нѣмецки изъ Вадена 14 іюля 1834 г. къ Бернскому шультгейсу, котораго онъ благодарить за присылку патента, мы читаемъ слѣдующія любопытныя строки: «Мое отечество или, скорѣе, правительство моего отечества отвергаетъ меня, потому что я племянникъ великаго человѣка. Вы были болѣе справедливы ко мнѣ. Я горжусь тѣмъ, что могу считать себя однимъ изъ защитниковъ государства, въ которомъ верховная власть народа составляетъ основу конституціи, и гдѣ каждый гражданинъ готовъ пожертвовать своей жизнью для свободы и независимости своей родины».

Королева Гортензія возбуждала его тайныя чувства. Она непрерывно говорила ему объ имперіи; совѣтывалась съ предсказателями относительно его судьбы; предсказывала ему корону и, такъ какъ она вся была подъ властью этой одной мысли, старалась внушить ее сыну всѣми силами и всѣми средствами, какими только располагала ¹⁾. Случай помогъ ей, пославъ къ ней на помощь человека необычайнаго ума, который скоро привелъ въ систему, распространилъ и провелъ въ жизнь то, что съ тѣхъ поръ стали называть *наполеоновской идеей*.

Къ концу 1834 г. де-Персиньи, проѣздомъ въ Германію, остановился въ замкѣ Арененбергъ. Тамъ его никто не зналъ. Это былъ человекъ темнаго происхожденія; имя его было Фіалэнъ. Его семья, жившая въ одной деревнѣ Луарскаго департамента, не могла дать ему образованія, и онъ поступилъ на службу простымъ солдатомъ. Непокойный нравъ молодого Фіалэна, желаніе сдѣлать карьеру побудили его, по окончаніи службы, выйти изъ полка, гдѣ онъ не могъ достигнуть чина выше простого бригадира. Онъ пріѣхалъ въ Парижъ почти безъ средствъ, безъ всякой рекомендаціи въ officialный міръ, кромѣ письма къ члену государственнаго совѣта, Боду. Стремленія его казались весьма скромными: онъ просилъ мѣста простого служащаго въ таможенномъ вѣдомствѣ. Но затѣмъ, получивъ доступъ въ одинъ салонъ, гдѣ онъ познакомился съ влиятельными лицами, онъ тотчасъ же заговорилъ другимъ языкомъ. Онъ отбросилъ свое имя, сталъ называться по имени своей общины *де-Персиньи* и, неизвѣстно, какимъ способомъ, добился отъ военнаго министра, чтобы его послали въ Германію изучать коннозаводское дѣло.

По этому случаю онъ проѣхалъ черезъ Швейцарію и за гостепріимство, оказанное ему королевой Гортензіей, широко отплатилъ ей тѣмъ, что было пріятнѣе всего для материнской мечты. Персиньи только что проѣзжалъ Лотарингію и Эльзасъ и рассказывалъ принцу Людовику и его матери, что во всѣхъ гостиницахъ, во всѣхъ казармахъ, въ кабачкахъ видѣлъ портретъ императора. «Всюду, говорилъ онъ, воспоминаніе объ императорѣ живо сохраняется въ воображеніи народа, который связываетъ съ именемъ Бонапарта идеи республики и имперіи, славы и патриотизма, тогда какъ имя Бурбоновъ означаетъ для него всѣ несчастія 1814 г., трактаты 1815 г., господство поповъ и дворянъ, царство адвокатовъ и журналистовъ, хартію, навязанную или терпимую,

¹⁾ Съ 1828 г. еще при жизни герцога Рейхштадтскаго, она объявила, что австрійская кровь будетъ поводомъ къ отчужденію его отъ французскаго престола, и что принцъ Людовикъ будетъ наслѣдникомъ Наполеона.

однимъ словомъ, какой-то англійскій парламентъ, въ которомъ онъ ничего не пойметъ».

Де-Персиньи прибавлялъ, что много размышлялъ относительно этой скрытой, но неоспоримой и повсемѣстной популярности имени Бонапарта и пришелъ къ тому заключенію, что, пользуясь принципомъ верховной власти народа, племянникъ, наслѣдникъ императора, былъ бы достаточно силенъ, чтобы свергнуть мнимую законную власть принцевъ Орлеанскихъ.

«Въ 1830 г.,—продолжалъ Персиньи,—въ то время, когда парижская буржуазія кричала: да здравствуетъ хартія! народъ кричалъ: да здравствуетъ Наполеонъ II! Съ тѣхъ поръ ни одного года не прошло безъ волненій. Мятежи 12 мая, 5 и 6 іюня, возстаніе Вандеи, Ліона и Гренобля; покушенія Фіески, Алибо представляютъ собой ясные признаки ненависти, которая таится во Франціи противъ королевской власти, украденной домомъ Орлеановъ. Крайнія партіи—легитимистскія или республиканскія—придутъ къ соглашенію относительно принципа національнаго права, единственнаго, который слѣдуетъ открыто признавать; армія дрогнетъ отъ радости при видѣ императорскихъ орловъ...»

Подобныя рѣчи, повторяемыя во время частыхъ визитовъ де-Персиньи въ замкъ Арненбергъ, эти разсужденія, имѣвшія нѣкоторыя основанія, развиваемыя пространнымъ образомъ въ присутствіи лицъ, заинтересованныхъ и желающихъ вѣрить имъ во что бы то ни стало, послужили первымъ основаніемъ страсбургскаго заговора.

Принцъ Наполеонъ взялъ къ себѣ въ качествѣ секретаря де-Персиньи, который вернулся во Францію съ твердымъ намѣреніемъ всецѣло посвятить себя побѣдѣ бонапартизма и съ этой минуты взялъ своимъ девизомъ слѣдующія многозначительныя слова: *Я служу*. Онъ энергично и дѣятельно старался завязать полезныя интересамъ принца знакомства. Подъ предлогомъ передать брошюру принца «*Manuel d'artillerie*», Персиньи посѣтилъ тѣхъ офицеровъ арміи, которыхъ надѣялся привлечь на свою сторону. Подъ тѣмъ же предлогомъ онъ явился къ Арману Каррелю.

Мнѣніе Карреля, стоявшаго въ то время во главѣ республиканской партіи, не было враждебно *наполеоновской идее*. Арманъ Каррель принадлежалъ болѣе къ якобинской, чѣмъ къ либеральной школѣ. Въ своей «Исторіи контръ-революціи въ Англіи», онъ восхвалялъ Кромвеля и его *неизбѣжное насиліе*. «Всюду и во всѣ времена, пишетъ онъ, потребности создавали извѣстныя условныя положенія, называемыя принципами, и всегда принципы смолкали передъ потребностями». Планы племянника императора не шли противъ этихъ истинъ, и Каррель до извѣстной степени одобрялъ

ихъ. «Имя, которое онъ носитъ,—говорилъ онъ о Людовикъ-Бонапартъ—единственное, которое можетъ вызвать сильныя симпатіи народа. Если онъ сумѣетъ забыть свои права имперіалистской законности и помнить только верховную власть народа, то онъ можетъ сыграть огромную роль».

Многіе республиканцы, не надѣявшіеся болѣе увидѣть утверждение республики во Франціи, раздѣляли мнѣніе Карреля. Соціалистическія школы также не относились враждебно къ идеѣ диктатора отъ пролетаріата.

Въ арміи де-Персиньи встрѣтилъ равнымъ образомъ тайныя симпатіи, такъ что отъ общихъ данныхъ стало возможнымъ перейти къ частному примѣненію, отъ идеи къ заговору. Всѣмъ извѣстно, какъ этотъ страсбургскій заговоръ былъ составленъ. Хотя онъ и не удался совершенно и былъ разстроенъ въ нѣсколько часовъ 30 октября 1836 г., онъ всетаки внушилъ опасенія правительству Людовика-Филиппа, такъ какъ обнаружилъ въ арміи направление мыслей, о которомъ не подозрѣвали, въ народѣ—воспоминанія, которыя считали заглушенными, въ республиканской партіи—тенденцію соединиться съ бонапартистами, которые могли надѣлать много новыхъ и серьезныхъ затрудненій.

Но Людовикъ-Филиппъ постарался не выказать этихъ опасеній. Онъ принялъ тактику, гораздо болѣе искусную и болѣе сообразную съ духомъ умѣренности и милосердія, которымъ онъ всегда отличался. Въмѣсто того, чтобы увеличить значеніе императорскаго претендента громкимъ процессомъ, правительство постаралось обратить заговоръ въ ничтожную и смѣшную попытку. Принца Наполеона увезли изъ тюрьмы въ ночь послѣ его ареста и отправили въ Лорьянъ, гдѣ его въ теченіе пяти мѣсяцевъ держали на военномъ кораблѣ и, наконецъ, высадили на территоріи Соединенныхъ Штатовъ.

За отсутствіемъ главнаго виновнаго, страсбургскій судъ присяжныхъ оправдалъ всѣхъ сообщниковъ. Нѣкоторое время еще правительственная печать подсмѣивалась надъ страсбургскимъ дѣломъ, называя его не иначе, какъ *пуффомъ, жалкимъ предпріятіемъ*, а затѣмъ перестали интересоваться имъ и забыли.

Болѣзнь королевы Гортензій, отъ которой она умерла 5 октября 1837 г., заставила Людовика-Бонапарта вернуться въ Европу. Обманувъ всѣ полицейскія мѣры, онъ внезапно явился въ Арененбергъ. Нѣкоторое время спустя поручикъ Лати, принимавшій дѣятельное участіе въ страсбургскомъ дѣлѣ, напечаталъ подъ наблюденіемъ принца подробное изложеніе этого дѣла, которое роздали въ большомъ числѣ экземпляровъ въ войскахъ, въ особенности въ гарнизонахъ Лилля и Парижа.

Правительство Людовика-Филиппа, раздраженное новымъ вызовомъ, наложило арестъ на эту аналогію принца Наполеона, въ которой открыто заявлялось о законныхъ претензіяхъ его на престолъ. Авторъ, привлеченный къ суду паровъ, былъ присужденъ къ пятилѣтнему заключенію въ тюрьмѣ. Въ то же время президентъ совѣта Молэ, послѣ многихъ тщетныхъ внушеній, передалъ черезъ Монтебелло Гельветическому сейму официальную ноту, одобренную Австріей и Пруссіей и требующую, чтобы Людовикъ-Наполеонъ былъ высланъ изъ швейцарской территоріи.

Тонъ этой ноты оскорбилъ федеральное правительство, и оно не уступило требованіямъ Молэ. Многія значительныя лица стали поддерживать права Людовика-Наполеона. Въ своемъ *отчетѣ представителю совѣту* (24 сентября 1838) профессоръ де-Ларивъ установилъ, что Людовикъ-Бонапартъ былъ съ 1832 г. швейцарскимъ гражданиномъ по закону; что нельзя считать претендентомъ *малоизвѣстнаго сына третьяго брата императора*, и что, кромѣ того, сенатусъ-консультъ, вводившій его въ линію, обладающую правомъ наслѣдованія, уничтоженъ актомъ, лишившимъ Наполеона I правъ на тронъ. Наконецъ, большой совѣтъ единогласно призналъ исполненіе требованія Франціи недопустимымъ.

Людовикъ-Филиппъ немедленно выставилъ войска на границу. Швейцарія съ своей стороны выставила свой контингентъ. Тогда Людовикъ-Наполеонъ, который во все время этихъ переговоровъ держалъ себя двусмысленно, не желая ни пользоваться своимъ правомъ швейцарскаго гражданина, ни отказываться отъ него, покинулъ Арененбергъ и отправился въ Лондонъ.

Тамъ англійская аристократія приняла его не особенно радушно, такъ какъ въ это время политика Людовика-Филиппа вызывала въ ея средѣ чрезвычайное восхищеніе. Онъ проводилъ свои дни въ эксцентричномъ обществѣ графа д'Орсэ и леди Блессингтонъ. Кромѣ того, къ нему являлось множество разныхъ авантюристовъ, старавшихся побудить его къ новому предпріятію. Это было не трудно. Дѣлая видъ, что онъ всецѣло преданъ удовольствіямъ свѣтской жизни, принцъ Людовикъ преслѣдовалъ свои скрытыя цѣли и обдумывалъ высадку на берегахъ Франціи.

Страсбургская неудача не только не поколебала его суевѣрныхъ надеждъ, но еще болѣе утвердила ихъ. Онъ выказалъ при этомъ случаѣ всѣ качества конспиратора: умѣнье держать планъ въ тайнѣ, смѣлость въ предпріятіяхъ и постоянство въ неудачахъ. Онъ не сомнѣвался въ своей миссіи. «Какое мнѣ дѣло до мнѣнія людей обиденныхъ, которые назовутъ меня безумцемъ, если мое предпріятіе не удастся, и превознесли бы меня до небесъ, если

бы успѣхъ былъ на моей сторонѣ», писалъ онъ матери ¹⁾. «Буду ли я орудіемъ рока или провиденціальнымъ человѣкомъ, я не знаю,—говорилъ онъ одной женщинѣ, съ которой былъ друженъ,—но я долженъ жить и умереть для своей миссіи».

Подобныя мысли, постоянно одобряемыя и поощряемыя пріѣзжавшими изъ Франціи эмиссарами, не могли оставаться долгое время въ формѣ простыхъ разсужденій, и въ августѣ 1840 г., менѣе, чѣмъ черезъ четыре года послѣ страсбургской экспедиціи, все было подготовлено для высадки Людовика-Наполеона во Франціи.

Несмотря на насмѣшки, вызванныя булонскимъ предпріятіемъ которое, какъ говорили, сначала поощряла, а затѣмъ разоблачила полиція Тьера; несмотря на то, что эта экспедиція провалилась еще скорѣе и съ еще большимъ трескомъ, чѣмъ страсбургская, лица, близко стоявшія къ заговору, утверждаютъ, что она была лучше задумана и составлена. Заговорщики имѣли болѣе времени, чтобы снестись съ недовольными различныхъ партій. Пропаганда въ войскахъ велась болѣе долгое время и въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Одинъ генералъ былъ почти привлеченъ къ заговору; одинъ изъ полковъ цѣликомъ долженъ былъ передаться. Принцъ, обратившій въ деньги почти все имущество, которое у него оставалось, досталъ оружіе и запасы и собралъ вокругъ себя нѣчто въ родѣ военной свиты при королѣ. Его прокламаціи, его декреты были напечатаны заранее.

4-го августа заговорщики сѣли на пароходъ, нанятый у Лондонской торговой компаніи, подъ предлогомъ морской прогулки. Во время переправы принцъ открываетъ свой проектъ экипажу и пассажирамъ, онъ читаетъ свои прокламаціи и свой приказъ. Онъ говоритъ, что «исполняетъ желанія французскаго народа, народа измѣннически преданнаго въ 1814 и въ 1815 г. чужеземнымъ штыкамъ, обманутаго въ 1830 г. презрѣнными интригами. Онъ, какъ наслѣдникъ величайшаго имени нашихъ временъ, несетъ на себѣ долгъ, который долженъ выполнить передъ націей. Онъ является, чтобы возстановить ея верховную власть!»

Заговорщики, которымъ роздали вино и подарки, кричатъ: «да здравствуетъ императоръ!», надѣваютъ приготовленные начальниками заговора мундиры, приносятъ орлы и шпагу Аустерлица, и принцъ сообщаетъ первые декреты своего правленія. Онъ провозглашаетъ паденіе Орлеанской династіи, принятіе императорской конституціи и объявляетъ Тьера президентомъ своего совѣта.

Въ пятомъ часу, 6 августа, экипажъ высаживается на французскомъ берегу, въ Вимерѣ, недалеко отъ Булони. Поручикъ Ала-

¹⁾ Lettres à sa mère, Oeuvres complètes, vol. III, p. 183.

денеизъ и три унтеръ-офицера 42-го линейнаго полка ожидаютъ принца на берегу и кричатъ: «да здравствуетъ императоръ!» Они общають привлечь на свою сторону весь булонскій гарнизонъ. Шествіе направляется къ казармѣ. Шестъ часовъ утра,—офицеровъ еще нѣтъ. Аладенизъ приказываетъ солдатамъ выстроиться; объявляетъ имъ, что Людовикъ-Филиппъ пересталъ царствовать, и представляетъ имъ племянника, а кто говоритъ—сына императора.

Въ то время, какъ Людовикъ-Бонапартъ раздаетъ чины и кресты, два офицера, узнавъ о томъ, что тутъ происходитъ, прибѣгаютъ съ саблѣй въ рукѣ. «Васъ обманули,—кричатъ они солдатамъ,—не слушайте измѣнниковъ, да здравствуетъ король!» Тогда принцъ выступаетъ впередъ и хочетъ объяснить—кто онъ. Начинается споръ; Людовикъ-Бонапартъ стрѣляетъ въ капитана Коль-Пуишелье въ упоръ, но его выстрѣлъ разбиваетъ челюсть одному солдату. На крикъ офицеровъ, солдаты на минуту смущенные, идутъ въ штыки, заговорщики отступаютъ. Отказавшись отъ надежды переманить на свою сторону солдатъ, принцъ направляется къ городу, чтобы попытаться увлечь за собой народъ. Но въ городѣ колокола уже бьютъ въ набатъ, а барабаны—тревогу, двери запираются. Подпрефектъ и комендантъ крѣпости, во главѣ національной гвардіи и жандармеріи, выступаютъ навстрѣчу заговорщикамъ. Ряды послѣднихъ разстраиваются, и они бѣгутъ къ берегу.

Кто можетъ, вскакиваетъ въ лодки; принцъ пытается спастись вплавь; но видя, что въ него цѣлятся жандармы, останавливается на мѣстѣ и даетъ себя взять. Его завертываютъ въ шинель таможеннаго, сажаютъ въ омнибусъ, принадлежавшій морскому купальному заведенію, везутъ въ тюрьму, а оттуда направляютъ въ Парижъ, гдѣ заключаютъ въ Консьержерію, затѣмъ судятъ въ палатѣ перовъ и, въ концѣ концовъ, приговариваютъ къ пожизненному заключенію въ крѣпости ¹⁾.

Булонская экспедиція давала еще большій поводъ къ насмѣшкамъ, нежели страсбургская—и досталось же ей!

Принцъ передъ судомъ перовъ казался смущеннымъ. Президентъ Пакье уничтожалъ его своимъ презрѣніемъ. Всѣ газеты отреклись отъ неудачливаго претендента. «Presse», рассказывая о томъ, что она называла булонской *выходкой*, говорила, что *никто во Франціи не можетъ по чести питать ни малѣйшей симпатіи, ни даже жалости къ этому молодому человеку,—у котораго повидимому нѣтъ ни ума, ни сердца* ²⁾. Одинъ только

¹⁾ 160 голосовъ изъ 161 объявили принца Людовика-Наполеона виновнымъ; 132 высказались за пожизненное заключеніе. Одинъ голосъ вотиловалъ смертную казнь.

²⁾ „Presse“, 8 августа 1840.

голосъ осмѣлился подняться въ защиту осужденнаго: это былъ Луи-Бланъ, который, не оправдывая имперіалистическихъ претензій, энергично протестовалъ въ «Revue du progrès» противъ принципа спеціально политическихъ судовъ.

Но долгое заключеніе въ Гамской крѣпости сильнѣе дѣйствовало на народный умъ, нежели всѣ насмѣшки печати и министерскихъ салоновъ. Я уже раньше замѣтила, что народъ очень мало чувствителенъ къ смѣшной сторонѣ дѣла, къ тому, что мы называемъ «le ridicule». Наоборотъ, онъ только сочувствуетъ несчастію, заслуженному, какъ и незаслуженному. Заключеніе въ Гамѣ принесло громадную пользу наполеоновскому дѣлу. Солдаты, стоящіе на караулѣ въ крѣпости, сожалѣли объ участи племянника императора, и ничѣмъ нельзя было отучить ихъ отдавать ему честь по военному. Возвратясь въ казармы, они рассказывали о его ласковыхъ рѣчахъ, хвалили его мужество. Людовикъ-Наполеонъ, обладавшій въ высшей степени даромъ примѣняться къ обстоятельствамъ и извлекать изъ нихъ выгоду, воспользовался гамскимъ уединеніемъ для расширенія своихъ знаній и увеличенія своей популярности. Онъ жилъ тамъ въ благопріятной для работы обстановкѣ. Составивъ себѣ обширную бібліотеку, онъ очень много читалъ, учился и приобрѣлъ солидные знанія.

Отказавшись, повидимому, отъ роли претендента, онъ вступилъ въ переписку съ самыми выдающимися лицами демократической партіи и, казалось, заботился только объ интересахъ страны и о благоденствіи Франціи. Лица, посѣщавшія его въ тюрьмѣ, были очарованы его пріемомъ; восхваляли легкость, съ которой онъ переноситъ лишенія, иногда даже вредившія его здоровью. Вообще находили, что умъ у него посредственный, но здравый, и считали его умудреннымъ опытомъ.

Онъ не уклонялся отъ распросовъ, и хотя и не высказывалъ положительныхъ мнѣній, но, повидимому, склонялся къ республиканскимъ идеямъ. «Республика была бы моимъ идеаломъ,—говорилъ онъ Дежоржу, Пожэ, Луи-Блану и другимъ посѣщавшимъ его республиканцамъ,—но я не знаю, раздѣляетъ ли Франція республиканскія идеи. Я вижу въ ея исторіи, что оба принципа—монархическій и республиканскій—развиваются у нея одновременно. Если страна призываетъ меня, я приду на ея зовъ, я соберу вокругъ себя всѣхъ тѣхъ, кто хочетъ свободы и славы; я помогу народу возвратить себѣ свои права, найти правительственную формулу принциповъ революціи».

Статьи, которыя онъ печаталъ въ «Revue du Pas-de-Calais», выражали приблизительно ту же мысль и доставляли ему похвалы республиканской печати. «Людовикъ-Бонапартъ уже не претендентъ,

говорилъ «Journal de Loiret», это гражданинъ, членъ нашей партіи, солдатъ подъ нашимъ знаменемъ». Съ особенной поспѣшностью примыкали къ нему социалисты. Людовикъ - Наполеонъ, повидимому, раздѣлялъ идеи Луи-Блана. Онъ принималъ матеріальное участіе въ изданіи фурьеристскаго органа; въ нѣкоторыхъ своихъ статьяхъ онъ развивалъ русскую систему военныхъ поселеній, имѣющихъ нѣкоторое сходство съ фаланстеріями. Самое заглавіе одного изъ его сочиненій: *Уничтоженіе пауперизма* («Extinction du paupérisme») указывало уже на его социалистическія или, какъ тогда говорили, гуманитарныя идеи.

Такимъ образомъ, изъ различныхъ симпатій, изъ различныхъ теченій общественнаго мнѣнія скоплялась значительная сила ¹⁾ вокругъ имени Бонапарта. Возвращеніе праха императора было для этой, еще инертной силы, словно электрическимъ ударомъ, который оживилъ ее.

Контрастъ, между почестями, воздаваемыми праху Наполеона, и суровымъ заключеніемъ, которому подвергался его племянникъ, поразили всѣхъ. «Въ то время какъ смертные останки императора обоготворяются,—писалъ Людовикъ-Бонапартъ,—меня, его племянника, похоронили заживо» ²⁾. При этой мысли жалость проникала въ сердца.

Правительство Людовика-Филиппа было непріятно поражено этимъ настроеніемъ, которое оно должно было, однако, предвидѣть. Нѣкоторое время спустя, оно рѣзко отказало принцу Людовику, несмотря на

¹⁾ Въ одномъ письмѣ, написанномъ въ то время, я нахожу любопытную оцѣнку этихъ теченій общественнаго мнѣнія: „При настоящемъ положеніи вещей многіе дѣятели разныхъ партій примыкаютъ къ принцу. Направленіе умовъ въ этомъ смыслѣ особенно замѣчается въ провинціи. Въ Парижѣ оно обнаруживается довольно ярко среди депутатовъ. Среди нихъ насчитываютъ человѣкъ тридцать, которые охотно высказываютъ свои мысли въ этомъ направленіи. Вся бывшая крайняя лѣвая цѣликомъ стоитъ на этой точкѣ зрѣнія, и такія идеи затронули уже въ сильной степени лѣвую, группирующуюся вокругъ Одилона Барро; движеніе достигло уже до ея вождя, который остается пока въ крайней нерѣшимости. Тьеръ нѣкоторымъ кажется подозрительнымъ. Мнѣ кажется, что это напрасно. Тьеръ начинаетъ сомнѣваться въ династіи, но онъ не отпалъ отъ нея. Это можетъ быть, единственный человѣкъ, который знаетъ наше положеніе со всѣхъ сторонъ. Онъ въ глубинѣ души империалистъ, но онъ слишкомъ опасается революціи, чтобы сдѣлаться революціонеромъ... Бонапартистская партія пускаетъ свои побѣги и въ консервативную партію— правда, это бываетъ въ исключительныхъ случаяхъ, но всетаки бываетъ. Словомъ, это партія, которая составляется изъ людей, потерявшихъ свое положеніе, а такихъ теперь такъ много, что сила на ихъ сторонѣ.

²⁾ См. „Préface des Fragments historiques“, напеч. въ Лондонѣ въ 1841 году.

письмо, адресованное послѣднимъ къ самому королю, несмотря на хлопоты лорда Лондондерри и Одилона Барро, въ разрѣшеніи ѣхать во Флоренцію, куда звалъ его умирающій отецъ.

Вскорѣ послѣ этого отказа принцъ бѣжалъ изъ тюрьмы. 25-го мая 1846 г. онъ скрылся изъ Гама переодѣтый, и, такъ какъ отецъ его умеръ во время переговоровъ, принцъ отправился въ Англію. Съ этихъ поръ онъ не покидалъ этой страны и въ Лондонѣ узналъ о событіяхъ 24-го февраля. 26-го вечеромъ онъ уже былъ въ Парижѣ и втихомолку остановился на улицѣ Рипелье, въ отелѣ «Кастилія». Здѣсь собрались у него на совѣтъ друзья, которые стали обсуждать, что надо дѣлать. Было высказано нѣсколько мнѣній.

Одно изъ лицъ пользовавшихся наибольшимъ довѣріемъ Людовика-Бонапарта, Вельяръ, совѣтовалъ ему немедленно отправиться въ Ратушу, чтобы представиться временному правительству. Другіе старались отговорить его. Принцъ будетъ принять равнодушно, — говорилъ одинъ республиканецъ, хорошо знавшій настроеніе умовъ, — можетъ быть, пренебрежительно, какъ человѣкъ, не имѣющій никакого значенія. Лучше было бы написать письмо. Въ то же время проектъ письма былъ представленъ на одобреніе принцу, который до этой минуты слушалъ разговоръ, не вмѣшиваясь въ него. Проектъ нашли слишкомъ опредѣленнымъ въ выраженіяхъ. Не слѣдовало, по мнѣнію Вельяра, высказываться такъ формально. Выказать себя болѣе революціоннымъ, нежели временное правительство, означало какъ будто желаніе дать ему урокъ и поставить его въ затруднительное положеніе; съ другой стороны, показать себя менѣе революціоннымъ, чѣмъ правительство, это могло повредить популярности имени Бонапарта: надо было съ одинаковымъ умѣньемъ избѣгнуть и той, и другой опасности.

Принцъ согласился съ мнѣніемъ друга, и было составлено другое, совершенно незначительное письмо, на которое временное правительство отвѣтило только желаніемъ, чтобы Людовикъ-Наполеонъ оставилъ Францію. Принцъ тотчасъ же исполнилъ это, такъ какъ его сторонники полагали, что еще не пришло время ему показываться; его имя въ клубахъ не нашло сочувственного отклика. Временное правительство, въ особенности Ламартинъ, было предметомъ энтузіазма, не терпящаго никакого соперничества. Людовикъ-Бонапартъ уѣхалъ въ Лондонъ; но друзья его остались и начали съ удвоеннымъ рвеніемъ работать въ его пользу. У нихъ были подъ рукой совѣтъмъ организованныя средства пропаганды, такъ какъ бонапартистскія ассоціаціи никогда совершенно не расходились во Франціи.

Общество остатковъ императорской арміи, образовавшееся

послѣ возвращенія праха императора и имѣвшее кадры для прежнихъ офицеровъ имперіи, не получивъ официального разрѣшенія, повидимому, прекратило свое существованіе, но на самомъ дѣлѣ только преобразовалось. Въ это время открылась наполеоновская книжная торговля. Въ Лондонѣ и въ Парижѣ одно за другимъ появились изданія: «Revue de l'Empire», «Capitole», «Colonne», «Idée napoléonienne».

Начиная съ 24-го февраля, пропаганда, сдѣлавшись болѣе свободной, усилилась, но измѣнила свой характеръ. Самая разумная фракція бонапартистской партіи, люди неослѣпленные воспоминаніями молодости и сожалѣніемъ о минувшей славѣ имперіи, поняли, что страна вся дѣликомъ вошла въ революціонное движеніе, и что опасно сталкиваться съ популярнымъ временнымъ правительствомъ. Все, что можно сдѣлать пока, думали они — это выслѣживать его ошибки, а затѣмъ ошибки Національнаго Собранія, чтобы извлечь изъ нихъ при случаѣ возможную пользу.

Поэтому слишкомъ усердныхъ стали сдерживать; заговорили уже не объ императорѣ, а о популярномъ главѣ для республики. Говорили не о тронѣ, на который Людовикъ-Бонапартъ можетъ претендовать по рожденію, но объ обязанностяхъ, которыя налагаетъ на него его имя по отношенію къ народу; восхваляли его *рыцарскую* лояльность и его *античную* честность. Говорили, что онъ уже двадцать лѣтъ представляетъ собой надежду Франціи. Онъ одинъ, будто бы, можетъ создать демократическое государство безъ анархіи, и бонапартисты старались внушить эту идею республиканцамъ, которыхъ не удовлетворяла политика временнаго правительства. Генераль Піа, сдѣлавшись полковникомъ въ одномъ изъ пригородныхъ легіоновъ; Аладенизъ, назначенный командиромъ баталіона гвардейскихъ мобилей, Абатуччи, Вельяръ—народные представители — а также и другія лица сообщали письма Людовика-Бонапарта, исполненныя самыхъ демократическихъ чувствъ. Эдгаръ Ней старался вліять на распущенныхъ членовъ муниципальной гвардіи; въ національныя мастерскія и даже на конференціи въ Люксембургѣ старались ввести потихоньку людей преданныхъ. Женщины, проникнутыя горячимъ усердіемъ, ходили по предмѣстьямъ, раздавая отъ имени Бонапарта милостыню, а въ особенности обѣщанія.

Приближеніе выборовъ заставило удвоить и сконцентрировать разрозненныя еще усилія. Бонапартисты стали издавать дешевыя газеты, которыя разносили не только въ Парижѣ, но и въ самыхъ отдаленныхъ деревняхъ. Стѣны покрылись афишами съ именемъ Людовика-Бонапарта громадными буквами, тысячами продавались портреты, медали, литографіи, на которыхъ императоръ представлялъ

Франціи своего племянника; подкупали шарманщиковъ и ясно-выдающихъ, чтобы они пѣли пѣсни про Наполеона и предсказывали его возвращеніе ¹⁾. Ораторы гдѣ-нибудь на перекресткѣ представляли его жертвой Луи-Филиппа и буржуазіи.

Эмиль Тома ²⁾, поддерживавшій черезъ свою мать непрерывныя сношенія съ бонапартистами, открыто одобрялъ въ національныхъ мастерскихъ кандидатуру принца и велѣлъ расклеить афишу, предлагавшую въ одно и то же время: Людовика-Бонапарта, Эмиля Тома, Эмиля де-Жирандэна.

Въ то время, какъ на бѣдные классы дѣйствовали такими вульгарными приемами, на враждебныя республикѣ партіи старались вліять другими способами, чтобы заинтересовать ихъ въ успѣхахъ Людовика-Наполеона. Де-Персиньи возобновилъ старое знакомство съ де-Фаллу; люди партіи видѣлись съ де-Жирандэномъ, старались обойти Карлье и, наконецъ, всѣмъ недовольнымъ политикамъ указывали на кандидатуру Людовика-Бонапарта, какъ на актъ самой искусной и самой дѣйствительной оппозиціи.

Успѣхъ превзошелъ ожиданія: тройное избраніе, — въ департаментахъ Йонны, Нижней-Шаранты и Корсики — послало въ учредительное Собраніе представителемъ народа Людовика-Наполеона Бонапарта.

Это избраніе было, несомнѣнно, самымъ крупнымъ фактомъ, совершившимся съ 4-го мая. А, между тѣмъ, Собраніе имъ не особенно встревожилось. Республиканское большинство было поглощено своими спорами съ исполнительной комиссіей и интригами орлеанистовъ. Избраніе Тьера казалось имъ гораздо большей опасностью для республики, нежели избраніе Людовика-Бонапарта.

Когда во время преній по поводу декрета объ изгнаніи Орлеанскаго дома поднять былъ вопросъ о распространеніи этой мѣры на фамилію Бонапартовъ, республиканцы почти всѣ энергично воспротивились этому распространенію. Говоря объ обоихъ домахъ Бурбоновъ, представитель Виньертъ сказалъ: «Они оба явились въ фургонахъ казаковъ, пусть съ ними и уходятъ; что касается фамиліи Бонапартовъ, мы принимаемъ ее временно, такъ какъ она не опасна!» Дюку, который впоследствии сдѣлался префектомъ

¹⁾ Припѣвъ одной изъ этихъ пѣсенъ даетъ понятіе о странномъ характерѣ этой народной пропаганды:

Napoléon, rentre dans ta patrie;
Napoléon, sois bon républicain.

Наполеонъ, вернись на родину;
Наполеонъ, будь добрымъ республиканцемъ.

²⁾ Впоследствии Эмиль Тома сдѣлался редакторомъ наполеоновской газеты „Dix décembre“, затѣмъ управляющимъ имѣніями принца Людовика-Бонапарта въ Солони (Sologne).

полиціи въ правительство генерала Кавеньяка, также нападалъ на уподобленіе между двумя домами Бурбоновъ и фамиліей Бонапартовъ. «Фамилія Бонапартовъ,—сказалъ онъ,—имѣетъ цѣнность лишь сама по себѣ; это только славная традиція эпохи, которую никто въ здравомъ умѣ, разумѣется, не захочетъ пережить сначала». Нѣсколько республиканцевъ заговорили въ томъ же духѣ. Наконецъ, когда пренія возобновились 10-го іюня по случаю предложенія Піетри относительно упраздненія статьи 6-ой закона 10-го апрѣля 1832 г., министръ юстиціи, Кремье, объявилъ съ трибуны, что законъ 1832 г. фактически отмѣненъ февральской революціей.

Между тѣмъ, Парижъ сильно волновался, народъ группами толпился на улицахъ и многіе громко говорили о томъ, чтобы поставить Людовика-Наполеона во главѣ республики. Петиція рабочихъ изъ квартала Виллетъ требовала отъ Собранія, чтобы оно провозгласило его консуломъ; въ 12-мъ легіонѣ его хотѣли назначить полковникомъ вмѣсто Барбеса. Польская эмиграція и нѣкоторые изъ вліятельныхъ учениковъ иллюмината Товянскаго хлопотали за него въ клубахъ и въ тайныхъ обществахъ. Печать также начала приходить въ движеніе. Газета «Napoléonien» по поводу выборовъ говорила: «Мы увидѣли въ этомъ фактѣ нѣчто иное, чѣмъ избраніе простого представителя: мы увидѣли въ немъ желаніе, чтобы страна выставила другую кандидатуру».

«Constitutionnel», сопоставляя цифры голосовъ, поданныхъ за Пьера Леру, Прудона и Бонапарта, называлъ это избраніе результатомъ союза, заключеннаго между республиканцами и бонапартистами. «Représentant du peuple» отрицалъ этотъ союзъ, но выказывалъ опасеніе: «Народъ,—говорилъ со своимъ ѣдкимъ остроуміемъ Прудонъ,—захотѣлъ позабавиться этой фантазіей съ принцемъ, которая у него не первая въ этомъ родѣ—дай Богъ только, чтобы то была послѣдняя! Съ недѣлю тому назадъ Бонапартъ былъ не болѣе, какъ черная точка на объятomъ пламенемъ небѣ; третьяго дня это былъ шаръ, наполненный дымомъ; сегодня это туча, которая несетъ въ себѣ бурю и грозу».

Въ средѣ исполнительной комиссіи волновались гораздо болѣе, нежели въ Національномъ Собраніи, потому что тамъ лучше знали, какой все болѣе и болѣе враждебный характеръ принимаетъ народное волненіе. Группы народа, образовавшіяся въ первые дни у воротъ Сэнъ-Дени, съ криками: *да здравствуетъ Барбесъ! да здравствуетъ Наполеонъ!* приближались и уже собирались вокругъ Бурбонскаго дворца. Крики: *да здравствуетъ Барбесъ!* становятся рѣже, смолкаютъ и все громче раздается возгласъ: *да здравствуетъ Наполеонъ!* Агенты бонапартистовъ рассказываютъ въ толпѣ, что правительство хочетъ помѣшать изгнаннику вернуться во Фран-

цію: рабочіе возмущаются. Провозглашеніе закона о сборищахъ на улицѣ, предложенное исполнительною комиссіей и прошедшее значительнымъ большинствомъ голосовъ въ Собраніи, доводитъ до крайняго предѣла неудовольствіе народа.

Между всѣми членами правительства Ламартинъ былъ болѣе всего озабоченъ этими признаками. До этихъ поръ онъ не имѣлъ особенно серьезныхъ опасеній за судьбу Республики. Въ народныхъ манифестаціяхъ, предшествовавшихъ открытію Собранія, онъ видѣлъ то вліяніе нѣсколькихъ мятежниковъ, то популярности Ледрю-Роллана, вытѣснявшую его собственную популярность; его огорчали эти безплодные повороты общественнаго мнѣнія, но собственно для свободы онъ не видѣлъ въ этомъ ничего угрожающаго. Въ его глазахъ орлеанистскія, легитимистскія или клерикальныя тенденціи, выказывавшіяся въ Собраніи, могли точно также возмутить страну лишь на поверхности. Но какъ только онъ услышалъ имя Бонапарта, его тонкій политическій инстинктъ тотчасъ же предупредилъ его; онъ почувствовалъ, что республикѣ, въ томъ смыслѣ, какою онъ ее понималъ, грозитъ опасность. Еще раньше революціи 1848 г. онъ съ удивительной проницательностью предвидѣлъ и предсказалъ то очарованіе, которое будетъ со времени распространять на Францію изъ глубины своей могилы могучая фигура Наполеона. Въ теченіе 1840 г., когда происходили пренія относительно перевезенія останковъ императора, Ламартинъ энергично возсталъ противъ министерскаго проекта и не побоялся стать непопулярнымъ, осуждая проектъ, который поддерживали Одилонъ Барро и общее сочувствіе публики. Въ своей рѣчи, самой прекрасной, можетъ быть, по возвышенности философскаго взгляда, онъ указываетъ на опасность этого культа силы, которымъ хотятъ замѣнить въ сознаніи націи строгій культъ свободы ¹⁾. Онъ протестуетъ противъ этого большого движенія, сообщаемого самимъ правительствомъ чувству народныхъ массъ, противъ этихъ зрелищъ, рассказовъ, популярныхъ изданій, противъ этой реабилитаціи торжествующаго деспотизма. Онъ утверждаетъ, что большая опасность грозитъ не только общественному настроенію, но и представительной монархіи. Затѣмъ, разсмотрѣвъ различныя мѣста, предлагаемыя для постановки памятника, онъ указываетъ на Марсово Поле. Этимъ было бы точно обозначено, что мавзолей строится великому полководцу, а не монарху. Онъ предлагаетъ единственную надпись, которая одновременно выражала бы энтузіазмъ и предусмотрительность: *Наполеону... единственному.*

«Эта надпись,—сказалъ онъ,—покажетъ настоящимъ и буду-

¹⁾ См. въ „Moniteur“ рѣчь Ламартина въ засѣданіи 26 марта 1842 г.

щимъ поколѣніямъ, что Франція не хочетъ вызывать изъ праха Наполеона ни войны, ни тираніи, ни императорскаго легитимизма, ни претендентовъ, ни даже подражателей».

Когда Ламартинъ, менѣе чѣмъ черезъ восемь лѣтъ послѣ этихъ пророческихъ словъ, увидѣлъ, что его пророчество готово сбыться, когда это предсказанное имъ могущество имени, которое онъ считалъ роковымъ для Франціи, возстало передъ его глазами изъ среды едва образовавшейся демократіи, онъ рѣшилъ бороться противъ нея, не теряя ни одного дня, бороться, такъ сказать, на жизнь и смерть сначала въ Собравіи, а потомъ, если будетъ нужно, и на улицѣ.

Неужели, думалось ему, демократія будетъ колебаться въ выборѣ между популярностью, пріобрѣтенной цѣной высшихъ даровъ таланта, величайшихъ услугъ, оказываемыхъ въ настоящую минуту дѣлу свободы, и воспоминаніями уже отодвинувшейся въ прошлое эпохи; между любимымъ, почитаемымъ всѣми гражданиномъ и неизвѣстнымъ странѣ претендентомъ; между тѣмъ, кого называли Вашингтономъ Франціи, и племянникомъ императора? Неужели умъ, сердце народа могутъ оставаться въ нерѣшительности предъ этимъ выборомъ? Ламартинъ думалъ, что онъ будетъ бороться, по крайней мѣрѣ, равнымъ оружіемъ.

Онъ ошибался. Эта столь страстная, столь большая, столь заслуженная популярность, которая 24 февраля дала ему почти неограниченное господство надъ общественнымъ мнѣніемъ, отошла отъ него, онъ утратилъ ее, вслѣдствіе неумѣнья пользоваться ею для своихъ цѣлей. Его качества, такъ же какъ и недостатки, природа его генія и свойство его характера дѣлали его неспособнымъ къ управленію общественнымъ мнѣніемъ. Онъ привлекалъ его къ себѣ неотразимо, но не давалъ ему пищи. Онъ, который все предчувствовалъ, не могъ ничего выполнить. Внимательности и послѣдовательности, связывающихъ вчерашній день съ сегодняшнимъ, сегодняшний съ завтрашнимъ, того ума, который безъ блеска, но вѣрно и осторожно ведетъ общественное дѣло, онъ не имѣлъ, да и пренебрегалъ имъ. Узнавать, изучать людей, чтобы подчинять ихъ своимъ цѣлямъ, онъ считалъ чѣмъ-то низменнымъ. Къ тому же его политическіе взгляды были слишкомъ обипирны, слишкомъ идеальны, чтобы сростись и вылиться въ одинъ опредѣленный планъ. Онъ признавалъ, напримѣръ, и даже первый высказалъ ту мысль, что въ XIX-мъ вѣкѣ слѣдуетъ организовать демократію; но что было немедленно необходимо для того, чтобы удовлетворить насущныя потребности народа, этого онъ не зналъ и даже не искалъ. Точно также онъ считалъ легкой задачей для французской республики доставить безъ наступательной войны независимость всѣмъ націо-

нальностямъ Европы, но о тѣхъ средствахъ, которыя надо было употребить относительно иностранныхъ правительствъ для достиженія этой цѣли, объ искусствѣ нравственнаго давленія, тѣмъ болѣе необходимаго, что желательно было избѣгнуть примѣненія матеріальной силы,—онъ не имѣлъ никакого понятія. Его небрежный оптимизмъ, его основанная на неслыханномъ успѣхѣ увѣренность въ томъ, что его краснорѣчіе устроить все во Франціи и въ Европѣ, въ Собраніи и на народной площади, если и способствовали его возвышенію, то въ то же время и послужили причиной его быстрого паденія. Такъ какъ звѣзда его горѣла ни съ чѣмъ несравнимымъ блескомъ, такъ какъ онъ, казалось, давалъ повелѣнія вѣтромъ, надувавшимъ его парусъ, и волнамъ, плескавшимъ у его ногъ, его разсѣянная рука покоилась на рулѣ, не управляя имъ. Его геній и его фортуна спасли его отъ подводныхъ камней; но вмѣсто того, чтобы причалить туда, куда онъ хотѣлъ, онъ вдругъ проснулся отъ своего чуднаго сна одинъ на пустынномъ берегу, покинутый, почти забытый.

Печально, но также и весьма интересно и поучительно прослѣдить, какими плохо скомбинированными средствами Ламартинъ старался вернуть къ себѣ общественное вниманіе и побѣдить того отсутствующаго, безмолвнаго, загадочнаго противника, котораго противопоставляла ему революція однимъ изъ своихъ самыхъ неожиданныхъ поворотовъ.

Сначала онъ подумалъ, что можно навѣрное добиться этого результата, если произвести противное бонапартизму движеніе въ средѣ народной массы, и пригласилъ къ себѣ нѣсколькихъ делегатовъ Люксембурга и другихъ вождей корпорацій. Онъ старался воодушевить ихъ картиной опасностей, которымъ подвергалась республика; онъ предлагалъ капиталы для помощи рабочимъ ассоціаціямъ и кончилъ тѣмъ, что предложилъ имъ устроить манифестацію противъ возвращенія во Францію новаго выборнаго.

Но онъ замѣтилъ, что его слушаютъ чрезвычайно холодно. Делегаты Люксембурга, по совѣту Луи-Блана, подали голосъ за Людовика-Бонапарта. Кромѣ того, они питали большое недовѣріе къ тому, что слышали, и къ тѣмъ обѣщаніямъ, которыя имъ дѣлали съ 24 февраля. Ламартинъ могъ, такимъ образомъ, убѣдиться въ томъ, что онъ не имѣетъ болѣе никакого вліянія на людей изъ народа. Тогда онъ рѣшилъ немедленно испробовать свою власть надъ Собраніемъ.

Волненіе, которое произвело имя Наполеона въ Парижѣ, уже проявилось на трибунѣ. 10 іюня представитель Гекеренъ, вѣроятно съ цѣлью узнать настроеніе умовъ въ Собраніи, сдѣлалъ запросъ военному министру по поводу распространенія слуха о

томъ, что одинъ полкъ въ Труа на крикъ національной гвардіи: «Да здравствуетъ Республика!» отвѣтилъ: «Да здравствуетъ Императоръ!» При этомъ запросѣ, показавшемся оскорбительнымъ для арміи, генералъ Кавеньякъ возмущается. Онъ утверждаетъ, что ничего подобнаго до него не доходило ¹⁾. Затѣмъ, давая выраженіе волновавшимъ его чувствамъ съ такой горячностью краснорѣчія, которая не согласовалась съ его обычнымъ лаконизмомъ и сдержанностью, сказалъ: «Я далекъ отъ мысли взводить такое ужасное обвиненіе на одного изъ моихъ согражданъ. Да, я хочу вѣрить, я долженъ вѣрить, что человѣкъ, на имени котораго тяготѣетъ такое обвиненіе, не виновенъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я заявляю, что *предаю общественной ненависти всякаго, кто осмѣлится наложить святотатственную руку на свободу страны!*»

При этихъ словахъ, всѣ представители, какъ одинъ человѣкъ, встали со своихъ мѣстъ и продолжительные крики: «*Да здравствуетъ Республика!*» огласили залъ. «Да, граждане, я предаю его общественной ненависти!» съ силой повторилъ Кавеньякъ.

Этотъ моментъ былъ очень важенъ: если это было замѣчено далеко не всѣми, то глубоко прочувствовано нѣкоторыми.

Ламартинъ, въ которомъ до тѣхъ поръ какъ бы олицетворялась республика, вдругъ очутился въ сторонѣ отъ дебатовъ. Общественное вниманіе отвернулось отъ него. Поднимался на мѣсто его другой, который отъ имени страны отражалъ претендента имперіи. Вслѣдствіе неожиданно произнесенныхъ съ трибуны словъ, въ области власти возникалъ новый соперникъ. Пока еще скрытый антагонизмъ, на которому скоро предстояло обнаружиться, которому, наконецъ, суждено было разразиться, возникалъ въ Собраніи. Можно было уже предвидѣть, что отнынѣ страна будетъ поглощена борьбой не между свободой и беззаконіемъ, а между властью и диктатурой: между генераломъ Эженемъ Кавеньякомъ и принцемъ Людовикомъ-Наполеономъ Бонапартомъ.

Ламартинъ, очевидно, предчувствовалъ это; тѣмъ не менѣе, онъ не оставилъ своего проекта. Добившись отъ своихъ коллегъ декрета объ изгнаніи Людовика-Бонапарта, онъ рѣшился предложить его 12 іюня Собранію и по возможности въ томъ же засѣданіи получить благопріятный вотумъ.

Такъ какъ, несмотря на законъ противъ скопищъ народа на

¹⁾ Генералъ Кавеньякъ былъ плохо освѣдомленъ. Фактъ не подлежалъ сомнѣнію.

улицахъ, народъ продолжалъ притекать къ Бурбонскому дворцу и стоять тамъ во все время засѣданій, то рѣшили на этотъ день отфѣпить Собраніе военной силой. Площадь Согласія наполнилась народомъ: выставили пушки. Генераль Кавеньякъ, генераль Негріе, генераль Тампуръ въ полной парадной формѣ наблюдаютъ за приготовленіями; трубы трубятъ, барабаны бьютъ. Представители, чтобы дойти до Собранія, проходятъ между двумя рядами солдатъ. Сильные патрули національной гвардіи ходятъ по улицамъ; ворота Тюильрійскаго сада закрываются.

Между тѣмъ, со всѣхъ сторонъ прибываютъ толпы пролетаріевъ. Имъ сказали, что должно произойти нѣчто важное: Наполеонъ взойдетъ въ Собраніе съ блестящей свитой—говорили одни; всѣ войска собраны на площади, чтобы онъ произвелъ имъ смотръ,—говорили другіе: до такой степени легко связывалась идея верховной власти съ именемъ Бонапарта.

Наполеонъ, сынъ бывшаго короля Вестфали Жерома, котораго прислалъ въ Собраніе департаментъ Корсики, считъ своимъ долгомъ протестовать отъ имени своего кузена противъ уличныхъ слуховъ, противъ того, что онъ называлъ выдумками и инсинуаціями газетъ.

«Вы всѣ знаете,—сказалъ онъ при открытіи засѣданія 12 іюня,—что во Франціи существуютъ партіи, не желающія республики. Но онѣ набираются лишь среди незначительнаго меньшинства. Онѣ состоятъ изъ всего, что есть въ націи наименѣе хорошаго, наименѣе великодушнаго, но онѣ тѣмъ не менѣе существуютъ. Имя Бонапарта, это—рычагъ, это, если хотите, сила. Что же удивительнаго, если люди, желающіе напасть на республику, вооружаются противъ нея этимъ именемъ, подъ которымъ они скрываютъ преступныя интриги?»

Генераль Бедо въ свою очередь, одушевленный тѣмъ же чувствомъ, что и генераль Кавеньякъ, и приводя его слова, отъ имени арміи отвергъ возведенное на нее обвиненіе. «Вооруженная сила во Франціи,—сказалъ онъ,—вполнѣ разумна по самому существу своему; она покорно исполняетъ приказъ, когда понимаетъ его законность; но никогда она не дастъ ослѣпить себя блескомъ какого бы то ни было претендента. Если бы кто-либо изъ начальниковъ задумалъ посредствомъ посторонняго вліянія обмануть армію, то въ тотъ же день, когда онъ захотѣлъ бы сдѣлать преступную попытку, *сама армія привлекла бы его къ суду*». Слова эти покрываются аплодисментами; но вдругъ, въ ту минуту, когда это менѣе всего ожидали, генераль Бедо обращаетъ свою рѣчь противъ исполнительной коммисіи. Онъ говоритъ о ея раздорахъ, парализующихъ дѣятельность правительства; онъ указываетъ на

несовершенство настоящей формы правления. Говоря о томъ, что ее слѣдуетъ измѣнить, онъ довольно прозрачнымъ образомъ даетъ понять, что одинъ только человекъ,—генералъ Кавеньякъ,—можетъ проявить достаточную власть, чтобы сдерживать мятежниковъ.

Эту минуту избралъ Ламартинъ, чтобы взойти на трибуну.

Обычное спокойствіе покинуло его. Его лицо блѣдно и искажено. Онъ, Ламартинъ, долженъ оправдываться передъ Собраніемъ! Какой новый поворотъ въ его политической карьерѣ, и какъ замѣтно, что онъ смущаетъ его! Онъ начинаетъ длинное оправданіе дѣйствій временнаго правительства, восходить до провозглашенія республики, напоминаетъ объ устраниніи краснаго знамени. Его слушаютъ холодно, находятъ его многословнымъ, ходульнымъ. Онъ самъ охлаждается, пока говоритъ; онъ видитъ, что его слушатели разсѣяны, невнимательны и просятъ, наконецъ, перерыва засѣданія подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ нуждается въ отдыхѣ. Во время перерыва какое-то глухое волненіе распространяется въ Собраніи. Всѣ тревожатся, всѣ спрашиваютъ другъ друга: чему нужно вѣрить въ этихъ слухахъ, въ этихъ взаимныхъ обвиненіяхъ? Къ чему войска? Рассказываютъ о столкновеніи между солдатами и скопленіями народа на улицѣ, говорятъ, что произошелъ выстрѣлъ. Ламартинъ снова всходитъ на трибуну. «Граждане-представители,—говоритъ онъ,—роковая случайность прервала рѣчь, которую я имѣлъ честь говорить этому собранію. Было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ: одинъ въ командующаго національной гвардіи Парижа, другой въ офицера арміи, третій, наконецъ, попалъ въ грудь одного офицера національной гвардіи».

«Выстрѣлы,—продолжалъ онъ,—были сдѣланы при крикахъ: «Да здравствуетъ императоръ!» Это первая капля крови, запятнавшая чистую и славную революцію 24 февраля. Слава населенію, слава различнымъ партіямъ республики! По крайней мѣрѣ, кровь эта не была пролита ихъ руками: она пролита не во имя свободы, а во имя фанатизма военныхъ воспоминаній и идеи, которая естественно, хотя, можетъ быть, и произвольно, въ самомъ корнѣ враждебна республикѣ».

«Граждане, глубоко сожалѣя вмѣстѣ съ вами о случившемся несчастіи, правительство не было настолько непредусмотрительнымъ, чтобы оставаться безоружнымъ противъ этихъ случайностей. Сегодня утромъ, за часъ до засѣданія, мы единодушно подписали декларацію, которую намѣревались прочесть вамъ въ концѣ засѣданія, но которую случившійся инцидентъ принуждаетъ меня прочитать вамъ сейчасъ. Когда дерзость мятежниковъ обнаружена на мѣстѣ преступленія, съ рукой, обгащенной французской кровью, законъ долженъ быть вотированъ немедленно и единогласно».

Загнѣмъ Ламартинъ, несмотря на полное отсутствіе симпатіи въ лицахъ слушателей, несмотря на то, что его прерываютъ, и несмотря на протесты, раздающіеся со всѣхъ скамей, читаетъ текстъ декрета:

«Коммиссія исполнительной власти, на основаніи ст. 3 закона 13 января 1816 г., объявляетъ, что будетъ исполнять по отношенію къ Людовику-Бонапарту законъ 1832 г. до того дня, пока Національное Собраніе сдѣлаетъ иное распоряженіе».

Это чтеніе вызываетъ всеобщее неодобреніе. Во время долгой рѣчи Ламартина успѣли послать за подробными справками и узнали, что въ его рѣчи нѣтъ ничего вѣрнаго, что вмѣсто мятежниковъ, пойманныхъ на мѣстѣ преступленія, съ рукой обогрѣнной французской кровью, оказался просто неловкій національный гвардеецъ, ранившій себя самъ.

Принужденный общимъ шумнымъ требованіемъ объясниться, Ламартинъ теряется; онъ говоритъ уже не только о томъ, что составляетъ предметъ интереса данной минуты, но опять обращается къ прошедшему и вызываетъ непріятныя воспоминанія 15 мая; онъ входитъ во множество деталей, чтобы оправдаться отъ всякаго участія въ этомъ несчастномъ днѣ, и, наконецъ, произноситъ знаменитую фразу: «Я конспировалъ съ Бланки, Собріе, Кабэ, Барбэсомъ и Распайлемъ! Да, я конспировалъ; но только такъ, какъ громъ отводитъ конспирируетъ съ тучей, несущей молнію».

Смѣхъ и ропотъ встрѣчаютъ эту метафору. Ламартинъ вызываетъ теперь въ Собраніи тѣ же опасенія, какія возбуждалъ прежде Луи-Бланъ. Меньшинство и большинство одинаково противъ него. Правая, въ своей мелочной и мстительной политикѣ, предпочитаетъ претендента Бонапарта гражданину Ламартину; представители Горы раздѣляютъ это чувство. Партія генерала Кавеньяка, которая начинается обрисовываться, желаетъ во что бы то ни стало отдѣлаться отъ исполнительной коммисіи.

Въ такомъ всеобщемъ настроеніи Собраніе, однако, изъ приличія вотируетъ довѣріе исполнительной коммисіи. Оно вотируетъ сто тысячъ франковъ, которые испрашиваются у него для расходовъ по бюро и для секретныхъ фондовъ. Но чувствуется, что эта послѣдняя уступка словно изъ жалости не даетъ уже никакой власти правительству. Это засѣданіе производитъ самое печальное впечатлѣніе на исполнительную коммисію; она совершенно изолируетъ ее и отъ Собранія, гдѣ отъ нея отвертываются во имя Кавеньяка или Бонапарта обѣ партіи, и отъ народа, который возмущается ея упорствомъ въ непризнаніи трижды избраннаго кандидата, словно боится за свою верховную власть.

Засѣданіе 13-го вышло еще хуже. Предстояло слушать доклады

бюро, которымъ было поручено рассмотреть законность избранія принца Людовика-Бонапарта. Допустить или отвергнуть эту законность значило при данныхъ обстоятельствахъ поддержать или свергнуть исполнительную комиссію.

Жюль Фавръ, докладчикъ седьмого бюро, первый имѣетъ слово. Со времени процесса 1840 г., когда онъ защищалъ поручика Аладениза, Жюль Фавръ остался въ сношеніяхъ съ бонапартистами; его недавнія размолвки съ Ледрю-Ролленомъ еще болѣе склоняють его въ пользу принца Людовика. Его докладъ—защитительная рѣчь. «Новый избранникъ,—сказалъ онъ,—еще не оправдалъ ни своихъ лѣтъ, ни своей національности, это правда; но останавливаться на такихъ мелочахъ недостойно великаго Собранія. Впрочемъ, и правительство, вѣроятно, не считало, что Людовикъ-Наполеонъ не имѣетъ права избранія, такъ какъ оно до выборовъ не предупредило о томъ ни избирателей, ни гражданина Бонапарта. Напротивъ, правительство здѣсь устами своего министра юстиціи объявило, что законъ 1832 г. фактически отмѣненъ революціей 24 февраля».

«Въ виду общественнаго безпокойства,—продолжалъ Жюль Фавръ,—отсрочка недопустима. Необходимо тотчасъ же приступить къ рѣшенію двухъ вопросовъ, возбуждаемыхъ избраніемъ съ политической и съ юридической точки зрѣнія». Съ юридической точки зрѣнія вопросъ, по мнѣнію Жюля Фавра, былъ уже рѣшенъ ранѣе допущеніемъ трехъ членовъ фамиліи Бонапартовъ. Что же касается до политической стороны вопроса, то государственный интересъ требуетъ, чтобы не преувеличивали значенія гражданина Бонапарта, какъ сдѣлала бы исполнительная комиссія трусливымъ исключеніемъ его изъ Собранія. Называя страсбургскую и булонскую экспедицію *безумными и преступными*, Жюль Фавръ утверждаетъ, что ничего подобнаго не можетъ повториться. «Если бы гражданинъ Бонапартъ,—сказалъ онъ,—*попытался разыграть несчастную пародію на императорскую порфиру, которая ему уже не по плечу, онъ тотчасъ же былъ бы поставленъ внѣ закона и преданъ общественному поруганію*».

Быше, докладчикъ десятаго бюро, опровергаетъ Жюля Фавра. Бюро полнымъ составомъ высказалось противъ допущенія. Кандидатомъ—говорить докладчикъ—выставляется не гражданинъ Бонапартъ, а принцъ Людовикъ-Наполеонъ, претендентъ, который дважды вступалъ на почву Франціи, требуя съ оружіемъ въ рукахъ своего наследственнаго права на императорскую корону. Даже сегодня его сторонники встрѣчаютъ его избраніе криками: «да здравствуетъ императоръ!» Въ подтвержденіе своихъ подозрѣній, Быше замѣчаетъ, что принцъ Людовикъ-Бонапартъ *не призналъ республику*, что отъ него не поступило ни одного слова заявленія, которое

могло бы положить конец волненіямъ улицы, двусмысленности положенія, недоумѣнію тѣхъ изъ его сторонниковъ, которые вѣрятъ въ его искренность.

При этихъ словахъ Вьельяръ вскакиваетъ съ мѣста и всходитъ на трибуну. Онъ пришелъ, говорить онъ, исполнить священный долгъ, защитить отсутствующаго, защитить друга. «Тридцать лѣтъ, продолжаетъ Вьельяръ, я знаю гражданина Людовика-Бонапарта. Послѣ того, какъ его сдѣлали депутатомъ противъ его воли, теперь его хотятъ сдѣлать претендентомъ противъ его воли. Его избраніе отнюдь не было, какъ говорятъ нѣкоторые, конспираціей, а непосредственнымъ выраженіемъ протеста населенія противъ зловѣщихъ воспоминаній 1815 г.». И чтобы еще болѣе подтвердить свои слова, Вьельяръ читаетъ Собранію слѣдующее письмо Людовика-Наполеона изъ Лондона отъ 11 мая 1848 г.: «Я не хотѣлъ ставить свою кандидатуру,—писалъ принцъ Людовикъ своему довѣренному лицу,—потому что я убѣжденъ, что мое положеніе въ Собраніи было бы весьма затруднительно. Мое прошлое, какъ бы то ни было, сдѣлало меня не вождемъ партіи, а человекомъ, на котораго устремлены взоры всѣхъ недовольныхъ. Пока французское общество не успокоится, пока конституція не будетъ утверждена, я чувствую, что мое положеніе во Франціи будетъ очень трудно и даже опасно. Поэтому я твердо рѣшился держаться въ сторонѣ и противодействовать всѣмъ искушеніямъ, которыя можетъ имѣть для меня пребываніе на родинѣ. Если бы я былъ нуженъ Франціи, если бы роль моя была вполне опредѣленно намѣчена, если бы, наконецъ, я могъ думать, что буду полезенъ странѣ, я, не колеблясь, оставилъ бы всѣ побочныя соображенія, чтобы исполнить свой долгъ. Но при данныхъ условіяхъ, я ни къ чему не пригоденъ и могу быть только помѣхой; поэтому я подожду еще нѣсколько мѣсяцевъ, пока дѣла во Франціи примутъ болѣе спокойное и опредѣленное направленіе. Можетъ быть, вы не одобрите этого рѣшенія; но если бы вы знали, сколько недѣльныхъ предложеній доходятъ до меня даже сюда, вы поняли бы, насколько я былъ бы еще болѣе окруженъ интригами въ Парижѣ. Я не хочу вмѣшиваться ни во что. Я желаю, чтобы республика укрѣпилась мудростью и правомъ, а пока изгнаніе для меня пріятно, потому что оно добро-вольно».

Чтеніе этого письма не произвело на Собраніе того впечатлѣнія, которое отъ него ожидалось. Какъ я уже сказала, правая была ослѣплена ненавистью къ исполнительной коммиссіи; черезъ посредство Фрэнго, она объявила, что бонапартистская конспирація не что иное, какъ *химера*; что волненіе въ народѣ въ настоящее время исполнѣе законно; что народъ протестуетъ не противъ прави-

тельства, а противъ отсутствія правительства. Нѣсколько искренно убѣжденныхъ людей говорили во имя права, другіе говорили, что желаютъ видѣть республику довѣрчивой и великодушной. Въ этомъ духѣ высказался Луи-Бланъ и сказалъ, что не видитъ въ избраніи Людовика-Бонапарта никакой серьезной опасности для республики. «Впрочемъ, сказалъ онъ, есть очень простое средство помѣшать Луи Бонапарту сдѣлаться президентомъ: включите только въ вашу конституцію слѣдующій параграфъ: Во французской республикѣ, основанной 24 февраля, нѣтъ президента». Но Собраніе искало себѣ защиты у сильной власти; оно хотѣло личнаго правительства. Будучи республиканскимъ по духу, оно было монархическимъ по традиціи и понимало силу представленной только въ личности. Предложеніе упразднить должность президента уязвляло всѣхъ безъ всякой нужды и совсѣмъ не кстати ¹⁾.

Ледрю-Ролланъ поступилъ политичѣе Луи-Блана: общимъ мѣстамъ въ рѣчи своего коллеги онъ противопоставилъ опредѣленные факты. Онъ удостовѣрялъ, что по начатому слѣдствію установлено, что раздавались деньги и пилось вино за здоровье императора. «Производится наборъ въ новую императорскую гвардію,—сказалъ Ледрю-Ролланъ:—среди приближенныхъ принца и въ партіяхъ, пользующихся его именемъ, существуетъ доказанный и явный заговоръ». Онъ закончилъ убѣдительною просьбой Собранію *предупредить пролитіе крови* и издать временный законъ необходимости. Ледрю-Ролланъ говоритъ весьма разумно и съ большой силой, но онъ не популяренъ въ Собраніи такъ же, какъ Луи-Бланъ, какъ Ламартинъ. Все, чего онъ можетъ добиться отъ предубѣжденного противъ него большинства, это минутнаго колебанія. Замѣтивъ это едва чувствительное движеніе въ умахъ, одинъ изъ сторонниковъ принца, Бонжанъ, входитъ на трибуну и читаетъ письмо Людовика-Бонапарта изъ Лондона, отъ 23 мая. Собраніе отказалось слушать чтеніе этого письма въ томъ засѣданіи, въ которомъ были прочитаны письма принца Жуанвилльскаго и герцога Омальскаго. Но время ушло впередъ. Всѣ по опыту знали, что имя принца Жуанвилльскаго не вызываетъ отклика въ народныхъ массахъ. Правая поняла, что она не можетъ сдѣлать его своимъ орудіемъ противъ

¹⁾ Въ письмѣ изъ Лондона отъ 11 ноября 1861 г. Луи-Бланъ, давая автору объясненія по поводу своего вота, прибавляетъ слѣдующія слова, которые заслуживаютъ того, чтобы ихъ сохранили для исторіи: „Я не только не раскаиваюсь въ томъ, что подалъ голосъ противъ вѣчнаго изгнанія Бурбоновъ, Орлеановъ и Бонапартовъ, я горжусь этими вотами, какъ самыми республиканскими актами, которые когда-либо были внушены мнѣ моею совѣстью“.

республики; ей оставалось только сообразить, какую выгоду она может извлечь изъ имени Бонапарта.

«Граждане представители, — писалъ Людовикъ-Бонапартъ въ письмѣ, которое прочиталъ съ трибуны Бонжанъ, — я узналъ изъ газетъ отъ 22-го, что въ бюро Собранія предложили сохранить по отношенію ко мнѣ одному законъ объ изгнаніи моей семьи съ 1816 г. Я спрашиваю у народныхъ представителей, за что я заслужилъ такую кару? Неужели за то, что я всюду публично заявлялъ, что по моему мнѣнію Франція не есть достояніе ни отдѣльной личности, ни отдѣльной семьи, ни отдѣльной партіи? За то ли, что, желая, чтобы безъ анархіи и распушенности восторжествовалъ принципъ національнаго суверенитета, который одинъ только и могъ положить предѣлъ нашимъ раздорамъ, я дважды былъ жертвой моей вражды къ сверженному вами правительству? За то ли, что я согласился, изъ уваженія къ временному правительству, вернуться за границу послѣ того, какъ примчался въ Парижъ при первомъ извѣстіи о революціи? За то ли, что я изъ безкорыстія отказался отъ всѣхъ кандидатуръ, предлагавшихся мнѣ въ Собраніи, рѣшившись вернуться во Францію только тогда, когда новая конституція будетъ утверждена и республика окрѣпнеть? Тѣ же причины, которыя заставили меня взяться за оружіе противъ правительства Людовика-Филиппа, принудили бы меня, если бы потребовались мои услуги, выступить на защиту собранія, создавшагося путемъ всеобщаго голосованія. Въ виду короля, избраннаго двумястами депутатовъ, я могъ вспомнить, что я — наслѣдникъ имперіи, основанной согласіемъ четырехъ милліоновъ французовъ. Въ виду верховной власти народа, я не могу и требовать ничего иного, какъ только своихъ правъ французскаго гражданина; но этихъ правъ я буду требовать непрестанно съ той энергіей, которую даетъ моему честному сердцу увѣренность, что за мной никогда не было никакой вины противъ отечества.

Вашъ согражданинъ

Людовикъ-Наполеонъ Бонапартъ».

Это чтеніе снова приводитъ на трибуну Жюль Фавра, который снова поддерживаетъ допущеніе Бонапарта. Собраніе болѣе не колеблется. Несмотря на Бюше, который еще разъ пытается предупредить разрывъ съ исполнительною комиссіей; несмотря на Дегуззэ, предлагающаго поправку, мотивируемую, какъ онъ говоритъ, письмомъ гражданина Бонапарта, и требующаго удержанія декрета объ изгнаніи только до осуществленія конституціи, допущеніе проходитъ двумя третями голосовъ. При этомъ извѣстіи, которое распространяется съ удивительной быстротой, народныя группы расходятся при крикахъ: *да здравствуетъ Наполеонъ!* но невыражая, однако,

ничѣмъ признательности Собранію. Послѣднее не извлекло никакой выгоды для своей популярности изъ униженія исполнительной коммисіи. Людовикъ-Бонапартъ поступилъ умнѣе: онъ не воспользовался вотумомъ, открывшимъ ему двери національнаго представительства; приверженцы его считали, что моментъ для него еще не былъ благоприятенъ. Лэти и де-Персиньи, арестованные, какъ зачинщики беспорядковъ, но тотчасъ же выпущенные правительствомъ, избѣгавшимъ всякаго насилія, уѣхали въ Лондонъ тотчасъ же послѣ голосованія 13 іюля, чтобы хорошенько объяснить его смыслъ и значеніе принцу. Вотумъ этотъ, по ихъ мнѣнію, былъ лишь актомъ оппозиціи исполнительной коммисіи, и было бы заблужденіемъ видѣть въ немъ выраженіе симпатіи къ Людовику-Наполеону. Огромное большинство въ Собраніи,—говорили эти ревностные бонапартисты,—было еще рѣшительно республиканскаго направленія. Правая, правда, казалась готовою къ борьбѣ, но, подъ влияніемъ де-Фаллу, Тьера и де-Монталамбера, лишь въ династическомъ интересѣ. Принцъ Людовикъ, войдя въ такимъ образомъ настроенное собраніе, займетъ въ немъ лишь второстепенное положеніе; онъ будетъ только терпимъ, какъ опасный человѣкъ, и, слѣдовательно, затертъ. Или онъ начнетъ преждевременную борьбу и будетъ побѣжденъ, или же онъ будетъ молчать, затеряется въ толпѣ представителей и незамѣтно утратитъ весь свой престижъ. Каждый его вотумъ будетъ комментироваться и объясняться такъ или иначе и дастъ въ руки враговъ тысячи аргументовъ. Людовикъ-Бонапартъ понялъ вѣрность этихъ мнѣній. Онъ зналъ, что не имѣетъ ни ораторскаго таланта, ни энтузіазма, ни живости, ничего, что могло бы увлечь Собраніе. Къ тому же онъ видѣлъ, что народная волна поднимается къ нему и растетъ, несмотря на препятствія; все побуждало его обождать. Поэтому онъ написалъ президенту слѣдующее письмо, которое было прочтено 15-го іюня съ трибуны:

«Господинъ президентъ, я готовился отправиться къ своему посту, когда узналъ, что мое избраніе служитъ поводомъ къ печальнымъ смутамъ и роковымъ заблужденіямъ. Я не искалъ чести сдѣлаться представителемъ народа, потому что зналъ, что служу предметомъ оскорбительныхъ обвиненій. Еще менѣе я сталъ бы искать власти. Если бы народъ возложилъ на меня какія-либо обязанности, я сумѣлъ бы исполнить ихъ, но я отрекаюсь отъ всѣхъ тѣхъ, кто приписываетъ мнѣ намѣренія, которыхъ у меня нѣтъ. Мое имя есть символъ порядка, національности, славы, и мнѣ было бы очень больно видѣть, что оно служитъ къ усиленію смуты и раздоровъ родины. Чтобы избѣжать такого несчастія, я останусь лучше въ изгнаніи. Я готовъ пожертвовать всѣмъ для счастья Франціи».

Это письмо произвело неприятное впечатлѣніе въ Собраніи. Въ этомъ самоотреченіи былъ какой-то горделивый тонъ. Генераль Кавеньякъ замѣтилъ въ немъ многозначительное опущеніе слова республики. Антони Турэ, Бонъ, Давидъ (Анжерскій) обращаютъ вниманіе Собранія на слѣдующую странную фразу: *«Если бы народъ возложилъ на меня какія-либо обязанности, я сумѣлъ бы исполнить ихъ»*. Жюль Фавръ, какъ бы раскаиваясь въ своей рѣчи 13 іюня, проситъ передать письмо и адресъ къ избирателямъ въ руки министра юстиціи, *чтобы онъ далъ имъ тотъ ходъ, который сочтетъ нужнымъ*. Дюклеръ говоритъ, что правительству извѣстны происки бонапартистовъ, но что оно не хочетъ поступить опрометчиво; онъ предлагаетъ отложить пренія до завтра. *«До завтра!—воскликаетъ Клеманъ Тома,—до завтра! да развѣ это возможно! если вы отложите до завтра, то у насъ будетъ битва сегодня же!»*

Собравіе на минуту встревожено, народъ собирается опять вокругъ Бурбонскаго дворца. Представителей при выходѣ встрѣчаютъ свистками. Въ ушахъ ихъ раздаются крики: *да здравствуетъ императоръ! долой Тьера! долой представителей!* Лица кажутся мрачными. Въ ту минуту, когда президентъ отказался читать адресъ Людовика-Бонапарта къ избирателямъ, какой-то челоѣкъ въ блузѣ бросилъ ему записку слѣдующаго содержанія! *«Если вы не прочтете выраженіе благодарности Людовика-Бонапарта избирателямъ, я объявляю васъ измѣнникомъ отечеству»*. Записка была подписана: Огюстъ Блюмъ, бывшій ученикъ Политехнической школы. Такая смѣлость была бы непростительной,—думалось въ то время,—если-бы она не опиралась на большую народную силу. Это предположеніе подтверждается, когда становится извѣстнымъ, что Блюмъ теперь делегатъ каменщиковъ на конференціяхъ Люксембурга, и что онъ считается однимъ изъ главныхъ агентовъ Луи-Блана. Разносится также слухъ, что толпа народа, собравшаяся около Тюильри, говоритъ о провозглашеніи Бонапарта первымъ консуломъ. Гроза стоитъ въ воздухѣ, предчувствуется скорая инсurreкція.

Между тѣмъ, непопулярность Клемана Тома, прибавившись къ непопулярности исполнительной коммиссіи, еще разъ опускаетъ чашу вѣсовъ въ сторону Людовика-Бонапарта. 15 мая на Клемана Тома смотрѣли, какъ на освободителя; но на слѣдующій же день онъ впалъ въ немилость у правой, когда онъ, какъ мы видѣли, передалъ петицію офицеровъ національной гвардіи о томъ, чтобы не вступали на путь реакціи. Сама національная гвардія, сдѣлавшись гораздо менѣе республиканской, нежели офицеры, которыхъ она выбрала въ минуту увлеченія, желала другого начальника. Во время преній, поднятыхъ по поводу предложенія двухъ бонапартистскихъ представителей, касательно возстановленія изображенія

Наполеона на крестѣ Почетнаго Легіона, Клеманъ Тома оскорбилъ общественное чувство, нападая на *эти чепухы знаки отличія, эти побрякушки тщеславія*. Эти выраженія, напоминающія оппозицію государственнаго совѣта, когда былъ учрежденъ въ 1802 г. орденъ Почетнаго Легіона ¹⁾, это чувство, свойственное англійской и американской націямъ, раздражаетъ въ высшей степени щекотливое тщеславіе военныхъ во Франціи. Начиная съ этого дня Клемана Тома преслѣдуетъ ненависть; его презираютъ, какъ хулителя національной чести. Когда онъ появляется на площади Согласія, чтобы разогнать толпу, ему кричатъ: *Долой Клемана Тома! Да здравствуетъ Почетный Легіонъ!* Такъ какъ и Собраніе относилось къ нему неблагоклонно, онъ понялъ, что не можетъ продолжать службу, и подалъ въ отставку.

Въ этомъ безпокойствѣ, этой нерѣшительности, когда каждый спрашиваетъ себя, что выйдетъ изъ вражды между народомъ и Національнымъ Собраніемъ, между различными партіями въ Собраніи и исполнительной комиссіей, между исполнительной комиссіей и Людовикомъ-Наполеономъ, когда каждый чувствуетъ инстинктивно угрозу какой-то неопредѣленной, но неизбежной опасности, новое письмо Людовика-Бонапарта повидимому приноситъ мирную развязку этому кризису, въ который вступили, не понимая его хорошенько.

«Я гордился своимъ избраніемъ въ народные представители въ Парижѣ и въ трехъ другихъ департаментахъ,—писалъ Людовикъ-Наполеонъ,—я счелъ это вознагражденіемъ за тридцать лѣтъ изгнанія и шесть лѣтъ заключенія. Но оскорбительныя подозрѣнія, къ которымъ дало поводъ это избраніе, смуты, которыя оно вызвало, враждебное отношеніе ко мнѣ исполнительной комиссіи, налагаютъ на меня обязанность отказаться отъ чести, достигнутой, какъ думаютъ, интригой.

«Я желаю порядка и сохраненія Республики мудрой, великой, разумной, и такъ какъ я, противъ своей воли, способствую безпорядку, то я съ глубокимъ сожалѣніемъ прошу васъ принять мою отставку. Я надѣюсь, что скоро настанетъ спокойствіе и позволить мнѣ вернуться во Францію, какъ самому простому изъ гражданъ, но такъ же и какъ одному изъ наиболѣе преданныхъ спокойствію и благоденствію родины.

Людовикъ-Наполеонъ Бонапартъ».

¹⁾ Совѣтникъ Берлье именно такъ и сказалъ, что эти отличія *побрякушки монархии*. Тогда первый консулъ отвѣтилъ ему: „Съ помощью этихъ побрякушекъ управляютъ людьми“. Историкъ Анкетиль отказался отъ ордена, объявляя, что „всякій глава правительства виновенъ, когда устанавливаетъ соціальныя различія, и всякій гражданинъ, когда ихъ принимаетъ“.

Хотя тонъ этого письма не походилъ на тонъ перваго, хотя слово республика стояло въ немъ, какъ выраженіе почтенія къ Собранію, и слова *простой гражданинъ* показывали протестъ противъ характера его, какъ претендента, Собраніе выказало намѣренное пренебреженіе къ письму и отослало его министру внутреннихъ дѣлъ на томъ основаніи, что, такъ какъ допущеніе гражданина Бонапарта было рѣшено условно, впредь до провѣрки его возраста и національности, то и отставка его не можетъ быть принята.

Такъ окончились первыя официальныя отношенія между принцемъ Людовикомъ-Наполеономъ Бонапартомъ и Учредительнымъ Собраніемъ.

Отказываясь воспользоваться своимъ тройнымъ избраніемъ, дѣлая видъ, что онъ уступаетъ желанію Собранія, Людовикъ-Бонапартъ извлекъ значительную для себя выгоду изъ этого конфликта. Его умѣренность возвысила его въ общественномъ мнѣніи, и въ то же время онъ въ глазахъ народа всетаки олицетворялъ собой принципъ народной власти, котораго представители какъ будто не признавали. Съ этого дня онъ далъ имя, и громкое имя, тѣмъ неопредѣленнымъ усиліямъ, которыя руками невѣдомыхъ людей дѣлала революція, чтобы освободиться отъ связывающихъ ее путъ. Онъ воплотилъ въ себѣ, онъ, такъ сказать, всосалъ въ себя тотъ идеалъ революціонной диктатуры, которую еще не достаточно культурная, бурная, не разсуждающая и страстная демократія предпочитаетъ всякому либеральному правительству.

Интеллигентная и дѣятельная буржуазія тотчасъ же поняла это, и мы увидимъ, какъ она, съ чувствомъ очень вѣрнаго инстинкта, сгруппировалась вокругъ генерала Кавеньяка, чтобы попытаться остановить революціонное движеніе на умѣренно республиканской формѣ правленія. Но богатая и чиновная буржуазія, утратившая политическое чутье; партіи, которыя въ Собраніи спорятъ изъ-за вопросовъ личнаго интереса; роялистскіе кружки, ослѣпленные мелочными счетами и въ своемъ пустомъ тщеславіи опасующіеся болѣе всего окончательнаго утвержденія республиканскаго правительства, теперь легкомысленно бросаются къ Людовику-Бонапарту, то есть къ своему историческому, самому опасному и самому непримиримому врагу.

XXXI.

Нравственное состояніе населенія.—Безпокойство въ Парижѣ.—Смуты въ департаментахъ. Національныя мастерскія.—Пьеръ Леру.—Де-Фаллу.—Декретъ исполнительной комиссіи.—Протестъ рабочихъ.—Поручикъ Пюжоль и Мари.—Рѣшено вооруженное сопротивленіе.

Вся эта борьба честолюбія, всѣ эти интриги кружковъ не могли, конечно, улучшить нравственное состояніе населенія: совсѣмъ наоборотъ. Къ великому изумленію честно мыслящихъ людей, ожидавшихъ отъ открытія Собранія установленія порядка и безопасности, все шло съ каждымъ днемъ хуже и хуже. Всюду царили безпокойство и неувѣренность. Земельная собственность не имѣла почти никакой цѣны, пятипроцентная рента не поднималась выше 69; трехпроцентная остановилась на 46. Буржуазія и пролетаріатъ одинаково жаловались на застой въ дѣлахъ. Хотя мотивы ихъ неудовольствія были противоположны одни другимъ, они въ одинъ голосъ во всемъ обвиняли дурное направленіе исполнительной комиссіи и бездѣйствіе Собранія. Послѣдній упрекъ, довольно основательный, если принять во вниманіе результаты преній, былъ, однако, несправедливъ по отношенію къ намѣреніямъ большинства.

Мы видѣли, какія хорошія чувства одушевляли Собраніе въ началѣ сессіи. Оно имѣло твердое намѣреніе работать неустанно, непрерывно для блага страны. Чтобы внести болѣе порядка въ занятія, Собраніе ввело обычай старинныхъ собраній и раздѣлилось не только на отдѣлы или бюро, куда періодически призывались представители по жребію, но и на спеціальныя комитеты, отвѣчающіе различнымъ отдѣламъ административнаго управленія, куда каждый записывался сообразно со своими личными качествами. Способъ этотъ, самъ по себѣ отличный, по особенному стеченію обстоятельствъ послужилъ, однако-жъ, во вредъ интересамъ демократіи. Вскорѣ представителямъ меньшинства въ этихъ фракціяхъ Собранія, въ этихъ комитетахъ, похожихъ на интимныя кружки, стало гораздо легче высказывать тѣ мнѣнія, которыхъ они не осмѣливались выражать съ трибуны, въ присутствіи подавляющаго большинства. Въ особенности съ той минуты, какъ ими сталъ руководить Тьеръ, они начали пользоваться всѣми выгодами, которыя давала имъ старая привычка къ дебатамъ и дѣловая практика. Приобрѣтая все большее и большее вліяніе въ наиболѣе важныхъ комитетахъ, въ особенности въ комитетахъ труда и финансовъ,

они получили возможность, еще не обнаруживая себя Собранию, которое не потерпѣло бы ихъ претензій, парализовать республиканскія стремленія и подточить самую основу утвержденія демократическихъ законовъ.

Съ 4 мая до 20 июня, т. е. до того времени, до котораго мы довели нашъ разсказъ, въ довольно бесполезныхъ преніяхъ было потеряно драгоцѣнное время и для улучшенія положенія народа не было сдѣлано ничего. Между тѣмъ Собраніе въ различныхъ случаяхъ, даже послѣ бунта 15 мая, еще выражало свои симпатіи къ трудящимся классамъ. 21 мая оно выслушало и препроводило въ три комитета: финансовъ, земледѣлія и законодательства предложеніе относительно основанія ипотечнаго банка, напоминающаго экономическія учрежденія фаланстеріанской школы. 22-го оно вотировало миллионный кредитъ для національных мастерскихъ. На засѣданіи 25-го оно обсуждало планъ Буйе де-л'Эклюзъ, касавшійся организаціи національнаго земельного банка. Часто Собранію приходилось даже черезчуръ терпѣливо выслушивать неразумныя предложенія, между прочимъ, предложеніе Шарбоннеля, который хотѣлъ, чтобы землевладѣльцевъ обязали дѣлать улучшенія на своихъ земляхъ въ размѣрахъ одной пятой ихъ дохода. Иногда оно выслушивало такія рѣчи, которыя позднѣе и въ другомъ собраніи показались бы безумными или революціонными. Такъ, напримѣръ, кто-то сказалъ, что, «провозглашая республику, народъ хотѣлъ не только измѣнить форму правленія, но и уничтожить причину нищеты и произвести глубокое измѣненіе въ социальныхъ учрежденіяхъ». Собраніе терпитъ, когда съ трибуны заявляютъ, «что было бы весьма политично не отстранять легкомысленно совѣты новаторовъ и содѣйствовать социалистическимъ школамъ въ ихъ опытахъ, а не осмѣивать ихъ ¹⁾». Собраніе, наконецъ, удѣляетъ серьезное вниманіе національнымъ мастерскимъ, и многіе изъ его наиболѣе освѣдомленныхъ членовъ усердно изыскиваютъ средства улучшенія судьбы рабочихъ, занимая ихъ полезными работами.

Къ несчастію, въ то время, какъ производились эти серьезные изысканія, случилось много нежелательнаго. Интриги въ самомъ Собраніи, смуты внѣ его увеличили затрудненія и сдѣлали лучшихъ людей безсильными. Съ нѣкоторыхъ поръ броженіе умовъ пугало и огорчало тѣхъ, которые надѣялись мирно окончить революціонный кризисъ путемъ примиренія и соглашенія классовъ и партій.

По городу сообщаютъ другъ другу одни только неблагоприятныя извѣстія. Почти каждый день новая отрасль промышленности на-

¹⁾ См. „Moniteur“, засѣданія 28 и 30 мая 1848 г.

чинаетъ бастовать. Съ марта мѣсяца у рабочихъ съ хозяевами происходятъ постоянныя распри изъ-за заработной платы. Многіе рабочие, въ особенности шляпочники, ткачи, механики, не хотятъ даже принимать предлагаемое увеличеніе платы и записываются въ національныя мастерскія. Каждую минуту по улицѣ проходятъ съ угрожающими рѣчами толпы рабочихъ въ перемежку съ гвардейскими мобілями и республиканской гвардіей. Извѣстно, что раскассированные монтаньяры никогда не переставали собираться. Они хвастаются, что могутъ разсчитывать на пятьдесятъ тысячъ чело-вѣкъ, готовыхъ къ будущему возстанію. Они утверждаютъ, что Косидьеръ остается ихъ начальникомъ, и повторяютъ, что если бы онъ былъ свободенъ 15 мая, то мятежъ бы удался. Они расклеиваютъ объявленіе его кандидатуры на постъ президента Республики.

По улицамъ выкрикиваютъ газеты, одни названія которыхъ внушаютъ ужасъ: *Набатъ рабочихъ*, *Робеспьеръ*, *Карманьола*, *Газета сволочи*. Новые бонапартистскіе органы разжигаютъ смуту съ невѣроятнымъ цинизмомъ ¹⁾. Если вѣрить этимъ газетамъ, то представители—это лѣнныя приказчики, которые получаютъ по 25 франковъ въ день и которые, *когда народъ проситъ у нихъ хлеба, протягиваютъ ему камень* ²⁾. Члены исполнительной комиссіи—это Сарданапалы, утопающіе въ золотѣ и проводящіе время въ пиршествахъ. Пролетаріатъ натравляютъ на буржуазію, бѣдныхъ на богатыхъ. Доходятъ до того, что печатаютъ списки банкировъ,

¹⁾ Такъ, напримѣръ, въ „Napoléon républicain“ отъ 11 іюня напечатано: „Народъ, если твои приказчики нарушаютъ данный имъ тобою мандатъ, то вспомни о красномъ знамени Марсова Поля и о храбрости твоихъ братьевъ въ 1793 г.“ 16 іюня та же газета обращается къ гвардейскимъ мобілямъ, чтобы они просвѣтили линейныхъ солдатъ, которыхъ *буржуазный терроръ* хочетъ превратить въ палачей своихъ братьевъ. Стараясь лишить популярности одного за другимъ всѣхъ навѣстныхъ народу республиканцевъ, Napoléon называетъ членовъ исполнительной власти „пятью инвалидами, получающими двадцать тысячъ франковъ въ мѣсяцъ“. Говоря о Ламартина, газета отзывалась такъ: „Орелъ Республики превратился въ сову“ (номеръ 18 іюня). О Клеманѣ Тома, разгонявшемъ толпу, сказано: „Хотя онъ и генералъ только со вчерашняго дня, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ долженъ былъ парижскій народъ рубить саблями. Плохой формуляръ составляютъ себѣ тѣ, которые пишутъ его на столичной мостовой кровью своихъ согражданъ“ (18 іюня). По поводу безпорядковъ, усмирённыхъ въ Герз, бонапартистскій органъ съ ужасомъ говоритъ о 14 французахъ, убитыхъ французскими же ружьями: „когда ваши несчастные братья, говорить онъ, ошибаются, вы умѣете только ихъ убивать или сажать въ тюрьму.“

²⁾ См., между прочимъ, „Organisation du travail“, газету, основанную бонапартистомъ Клавелемъ, по профессіи негоціантомъ.

нотаріусовъ и другихъ капиталистовъ, съ указаніемъ суммы ихъ имущества.

Наконецъ, объявленіе о *банкетъ рабочихъ*, на который въ конторѣ газеты «*Repe Duchesne*» подписалось уже 15 тысячъ чело-вѣкъ и который, какъ говорятъ, имѣетъ отношеніе къ заговору для освобожденія узниковъ венсеннской тюрьмы, считается всѣми предлогомъ сборища, имѣющаго цѣлью всеобщее возстаніе.

Извѣстія изъ провинцій столь же мало удовлетворительны. Въ большемъ числѣ департаментовъ взиманіе налога въ 45 сантимовъ, санкціонированнаго Собраніемъ, служитъ поводомъ къ безпрестан-нымъ вооруженнымъ столкновеніямъ. Временное правительство не встрѣтило никакихъ затрудненій во взиманіи этого налога, хотя онъ и былъ очень тяжелъ для мелкихъ собственниковъ. Во мно-гихъ департаментахъ, очень бѣдныхъ, но республиканскихъ, его до выборовъ собирали въ изумительной пропорціи 77 на 100. Но, начиная съ выборнаго движенія, все измѣнилось. Многие канди-даты, чтобы пріобрѣсти популярность, взяли на себя обязательство заставить Собраніе отмѣнить этотъ налогъ. Они говорятъ крестья-намъ, что правительство не имѣло права устанавливать его. Агенты кандидатуры Людовика-Наполеона объявляютъ, что племянникъ им-ператора выплатитъ его цѣликомъ изъ своихъ собственныхъ средствъ, или даже, что онъ заставитъ англичанъ заплатить его. Бѣдныхъ людей всегда легко убѣдить въ томъ, что они могутъ отказаться отъ уплаты налога; поэтому-то эта пропаганда и имѣла такой успѣхъ. Всюду, гдѣ она дѣйствуетъ, налогъ платятъ съ большими затрудненіями. Во многихъ мѣстахъ отказываются платить его и кричатъ: «да здравствуетъ императоръ!».

Въ департаментѣ Крезъ, гдѣ земля раздѣлена на очень мелкіе участки, толпа крестьянъ поднялась на призывъ набатнаго коло-кола. Вооруженные вилами, косами, дубинами, пиками и серпами, крестьяне бросились по деревнямъ, угрожая смертью всѣмъ землевладѣльцамъ, которые будутъ платить налогъ. Въ Герэ прои-зошло столкновеніе съ національной гвардіей; десять человѣкъ было убито, пять ранено.

Въ другихъ мѣстностяхъ Франціи мятежи вспыхиваютъ по инымъ причинамъ. Въ Воклюзскомъ департаментѣ, въ городѣ Сентъ-Этьенъ, въ Ривъ-де-Жіеръ, рабочіе покидаютъ фабрики и соби-раются небольшими группами. Не говоря никому, зачѣмъ—они от-правляются по дорогѣ, ведущей въ Парижъ. Въ сѣверныхъ и за-падныхъ департаментахъ агенты бонапартизма приводятъ все въ движеніе. Тысяча нелѣпныхъ слуховъ разносятся по деревнямъ во время праздниковъ, ярмарокъ, базаровъ. Въ Лизье, въ Фэ-канъ, въ Шартръ, въ Сентъ продавцы газетъ кричатъ, что Напо-

леонъ провозглашенъ императоромъ и идетъ на Парижъ во главѣ 40-тысячной арміи. Въ Морбиганскомъ и Финистеррскомъ департаментахъ, гдѣ общественное мнѣніе склоняется въ пользу генерала Кавеньяка, говорятъ, что онъ убитъ, а Бонапартъ провозглашенъ президентомъ республики ¹⁾. Въ Арденнахъ раздаютъ прокламаціи и воззванія къ оружію. Въ Нимѣ, въ Тулузѣ, гдѣ споры принимаютъ характеръ религіозныхъ столкновеній между католиками и протестантами, по никому неизвѣстному поводу раздаются крики: «да здравствуетъ императоръ!» ²⁾.

Но всѣ эти причины безпокойства, всѣ эти безпорядки кажутся ничѣмъ рядомъ съ одной неотвратимой опасностью, передъ которой всѣ остальные блѣднѣютъ и забываются: это крушеніе національных мастерскихъ, которымъ не надѣются болѣе найти работу и которыя не рѣшаются распустить. Сто семь тысячъ вооруженныхъ людей въ самомъ сердцѣ Парижа! Сто семь тысячъ людей, доведенныхъ до отчаянія, готовыхъ, какъ говорятъ, на все! Воображеніе отказывается представить себѣ всѣ ужасныя бѣдствія, которыя могутъ повести за собой эти разъяренные стихіи.

Я разсказала, какимъ образомъ національныя мастерскія возникли вслѣдствіе необходимости, которую никому не приходило въ голову оспаривать. Долгое время умѣренная часть временнаго правительства рассчитывала имѣть ихъ на своей сторонѣ, какъ въ день выборовъ, такъ и для того, чтобы бороться съ мятежемъ или, какъ было 15 мая, чтобы помѣшать такъ называемымъ народнымъ манифестаціямъ. Съ этой цѣлью возбуждали зависть этихъ рабочихъ къ корпораціямъ Люксембурга, которыя имъ рисовали привилегированными. Но обстоятельства измѣнились въ рукахъ самаго правительства, неожиданно для него самого. Мало по малу новые элементы просочились въ мастерскія и измѣнили ихъ характеръ, или, скорѣе, эта смутная и неустойчивая масса, которую втолкнули туда, чтобы освободить отъ нея рынокъ, воодушевилась незамѣтнымъ образомъ однимъ общимъ духомъ: она дисциплинировалась, организовалась собственными силами. Она составляла въ описываемое мною время настоящую армію, но армію, не хотѣвшую знать тѣхъ, кто ее создали, и путемъ избранія назначившую своихъ начальниковъ, которымъ она и будетъ повиноваться въ рѣшительный моментъ. Соперничество съ корпораціями прекратилось, благодаря новому комитету, который, послѣ того, какъ была распущена Люксембургская коммиссія и Луи-Бланъ вышелъ въ отставку, образовался подъ руководствомъ одного рабочаго. Делегаты корпо-

¹⁾ См. Отчетъ слѣдственной коммиссіи, т. III.

²⁾ См. Отчетъ слѣдственной коммиссіи, т. III.

рацій завязали правильныя сношенія съ делегатами національных мастерскихъ. Вотиrowаніе 5 іюня освятило этотъ союзъ избраніемъ Пьера Леру, Магранжа и Прудона.

Въ тоже время въ томъ и другомъ изъ этихъ народныхъ центровъ началась, но съ большимъ успѣхомъ въ мастерскихъ, пропаганда бовапартистской партіи. Денегъ она не жалѣла ¹⁾. Въ это революціонное время было очень важно имѣть на своей сторонѣ національныя мастерскія. Число рабочихъ, поступившихъ въ мастерскія со времени основанія, увеличилось съ невѣроятной быстротой. Вспомнимъ, что по приблизительному разсчету, составленному въ Ратущѣ 2 марта, въ Парижѣ насчитывалось тогда не болѣе 17 тысячъ безработныхъ; къ 15 мая дѣйствительная цифра этихъ рабочихъ доходила уже до 49 тысячъ; 20 іюня она превышала 107 тысячъ. Въ этомъ числѣ 15 тысячъ человѣкъ, пришедшихъ въ мастерскія обманомъ, не были настоящими рабочими; между ними насчитывалось около 2 тысячъ каторжниковъ и выпущенныхъ изъ тюремъ. Слѣдовательно, остается 75 тысячъ пролетаріевъ, ремесленниковъ или художниковъ, принадлежащихъ къ Парижу и имѣющихъ право оставаться въ немъ. Въ теченіе долгаго времени, протекшаго съ основанія мастерскихъ, никогда не находили возможнымъ занимать серьезнымъ образомъ болѣе 10 тысячъ человѣкъ въ день. Сумма въ 4 милліона, вотированная Собраніемъ, была истрачена безъ всякой выгоды. Рабочіе, по выраженію Коссидьера ²⁾, ничего другого не дѣлали, какъ только «царапали землю и переносили ее съ мѣста на мѣсто». Они возмутились, видя, что ничего не предпринимается для того, чтобы улучшить ихъ положеніе бездѣятельности и нелѣпаго труда, который имъ кажется унижительнымъ. Опасность растеть съ часу на часъ. Такое положеніе вещей не можетъ продолжаться, не приводя къ полнѣйшей деморализаціи рабочихъ, къ финансовому раззоренію, къ анархіи въ Парижѣ. Поэтому его слѣдуетъ прекратить какъ можно скорѣе; въ этомъ ни для кого нѣтъ никакого сомнѣнія.

Однако, лишь нѣсколько разумныхъ людей, принимая во вниманіе

¹⁾ Въ это время, весьма близкое къ іюньскому востанію, нѣсколько начальниковъ бригадъ въ мастерскихъ имѣли всегда при себѣ гораздо болѣе денегъ, чѣмъ имъ нужно было для расплаты съ рабочими, принадлежавшими къ ихъ бригадѣ. Одинъ изъ нихъ, отставной унтеръ-офицеръ, служившій прежде въ полку маркиза де-Вонневала во время реставраціи, показывалъ одному моему знакомому 8 тысячъ франковъ банковыми билетами. Такъ какъ это былъ очень бѣдный человѣкъ, то его спросили, откуда у него такія деньги. Онъ отвѣчалъ: *«Я служу господину, который поощряетъ Республику»*.

²⁾ См. „Moniteur“, засѣданіе 20-го іюня.

обстоятельства и желая дѣйствовать гуманно, въ интересахъ общественнаго спокойствія, считая къ тому же, что правительство до нѣкоторой степени обязалось передъ рабочими форменными обѣщаніями, ищутъ медленнаго и осторожнаго способа распустить ихъ такъ, чтобы не ввергнуть въ безысходную нужду семьи 75 тысячъ честныхъ работниковъ, виновныхъ лишь въ томъ, что у нихъ нѣтъ работы. Другіе, напротивъ, называя преступной снисходительностью справедливость первыхъ, хотятъ сейчасъ же, безъ жалости и безъ подготовки, прогнать изъ Парижа и разсѣять во что бы то ни стало, не заботясь о томъ, чтобы дать имъ хлѣба, этихъ *лаццарони*, этихъ *янычаръ*, какъ они несправедливо и неосторожно называютъ ихъ.

Министръ общественныхъ работъ, Трела, съ 17 мая назначилъ комиссію; Собраніе, съ своей стороны, составило другую для разсмотрѣнія этого важнаго вопроса относительно національныхъ мастерскихъ. Докладъ комиссіи, назначенной министромъ Трела, былъ черезъ нѣсколько дней представленъ членамъ исполнительной комиссіи. Они отказались подписать этотъ докладъ, потому что онъ въ принципѣ признавалъ право на трудъ, который сами же они провозгласили три мѣсяца назадъ. Странное противорѣчіе, обнаруживающее съ полной очевидностью смущеніе и неувѣренность, овладѣвшія тѣми, которые хотѣли руководить обществомъ. Такъ какъ первая комиссія, составленная въ министерствѣ общественныхъ работъ, была такимъ образомъ распущена, то другая комиссія, которой запрещено было брать себѣ въ основу право на трудъ, начала свою работу и составила вскорѣ планъ хорошихъ, человѣчныхъ, благотѣльныхъ мѣръ, показывавшихъ, что въ ея глазахъ правительство имѣетъ относительно рабочихъ положительныя обязанности.

Комиссія предлагала, между прочимъ, занять рабочихъ полезными работами, колонизировать Алжірію въ широкихъ размѣрахъ. Она просила Собраніе придти на помощь промышленникамъ, торговцамъ и рабочимъ вывозными преміями, авансами подъ заработную плату, прямыми заказами, организаціей системы пенсіонныхъ и вспомогательныхъ кассъ. Нѣсколько разъ Трела приходилъ въ назначенную Собраніемъ комиссію для того, чтобы сообщить ей и побудить ее принять всѣ или хотя бы часть этихъ предложеній; но онъ встрѣчалъ тамъ рѣшительную оппозицію. Президентъ Гудшо нападаетъ на эти проекты съ финансовой точки зрѣнія, говоря, что въ казнѣ нѣтъ денегъ. Де-Фаллу, у котораго свои скрытыя намѣренія и который преслѣдуетъ свой политическій планъ, прилагаетъ всѣ старанія своего ума къ тому, чтобы обмануть и разстроить намѣренія тѣхъ членовъ комиссіи, которые стоятъ за

мягкія мѣры: онъ хочетъ во чтобы то ни стало немедленнаго распушенія мастерскихъ.

Вооруженной борьбы, которую всѣ предвидятъ, которой республиканцы боятся, какъ самой большой опасности для Республики, онъ не боится, такъ какъ въ революціи онъ видитъ крайнее, но вѣрное средство вернуться къ законной монархіи. Онъ гораздо болѣе опасается того, чтобы разумными и цѣлесообразными мѣрами не добрались безъ потрясеній до того момента, когда Собраніе будетъ обсуждать конституцію. Если эта конституція будетъ составлена на принципахъ февральской революціи, если она будетъ вотирована при совершенно спокойномъ состояніи населенія, безъ страха, безъ столкновеній между буржуазіей и пролетаріатомъ, то республиканскій образъ правленія, по всей вѣроятности, утвердится: французская демократія найдетъ свое выраженіе и свою форму. Для честолюбцевъ монархической партіи это самая ужасная перспектива, самое худшее униженіе. Во сто разъ лучше перенести короткое возстаніе пролетаріевъ, которое, конечно, будетъ подавлено и поселитъ благодѣтельный страхъ въ души населенія.

Этой-то коварной политикѣ, этому извортливому эгоизму и этой мстительности и слѣдуетъ приписать большею частью тѣ вызывающіе слова и поступки, которые произвели на умы дѣйствіе искры, брошенной на порохъ, и вызвали самую пагубную революцію. Этотъ опасный духъ проникаетъ въ салоны, въ клубы, въ Собраніе, въ правительство. *Надо съ этимъ покончить!*—вотъ фраза, которая произносится всюду.

Исполнительная коммиссія, какъ мы видѣли, поддалась сильно реакціонному движенію противъ національных мастерскихъ. Къ тому же и время разсѣяло ея иллюзіи. Она чувствуетъ, что уже не владѣетъ этой толпой; она не довѣряетъ ея начальнику, Эмилю Тома. Потерявъ политическое равновѣсіе, она придирается ко всему, не замѣчая только своихъ собственныхъ промаховъ.

Однако, по отношенію къ Эмилю Тома подозрѣнія коммиссіи имѣли нѣкоторое основаніе, только опасенія ея были преувеличены. Директоръ мастерскихъ держалъ себя очень заносчиво, но въ сущности не имѣлъ настоящаго вліянія на рабочихъ. Онъ долго и тщетно боролся противъ возрастающаго значенія Луи-Блана; теперь онъ поддавался увѣщаніямъ де-Фаллу и друзей принца Людовика-Бонапарта. «Бригадиры», «поручики», начальники «взводовъ» и «ротъ», изъ которыхъ многіе были отставными военными, одни только и имѣли вліяніе на рабочихъ. Какъ бы то ни было, министру общественныхъ работъ и Гарнье-Пажесу пришла однажды оригинальная мысль отдѣлаться отъ Эмиля Тома, захвативъ его силой. Способъ дореволюціонныхъ королевскихъ приказовъ объ

арестъ (lettres de cachet) возобновленъ былъ въ томъ видѣ, какъ мы укажемъ ниже, и ни въ то время, ни позже публика не получила объясненія этого насилія надъ свободой личности, столь не соответствующаго общему духу дѣйствій правительства.

Вечеромъ 26 мая Эмиля Тома вызвали въ министерство общественныхъ работъ. Готовая карета стоитъ во дворѣ. Полицейскій комиссаръ и два полицейскихъ участковыхъ офицера ожидаютъ приказаній въ передней министра. Къ своему великому изумленію Эмиль Тома узнаетъ отъ министра Трела, что правительство рѣшило послать его немедленно въ Бордо.

Съ какой цѣлью, за что, въ силу какого закона? Имѣется ли относительно его приказъ объ арестѣ? Не можетъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, до отъѣзда сдѣлать нѣкоторые распоряженія у себя дома, повидаться съ матерью?.. На всѣ эти вопросы министръ республики отвѣчаетъ, какъ отвѣтилъ бы полицейскій чиновникъ при режимѣ полного произвола, — что онъ не обязанъ отдавать отчетъ, и что приказанія правительства должны исполняться немедленно. Онъ звонитъ. Является полицейскій комиссаръ, записываются примѣты Тома; его сажаютъ въ карету; Трела передаетъ кошелечекъ съ деньгами двумъ полицейскимъ офицерамъ, которые садятся съ заряженными пистолетами по обѣимъ сторонамъ арестованнаго. Въ утѣшеніе министръ объявляетъ Эмилю Тома, что онъ получитъ свободу въ Бордо, гдѣ ему сообщать о томъ порученіи, которое возлагается на него правительство.

По пріѣздѣ въ Бордо 29-го, Эмиля Тома арестуетъ жандармерія по телеграфированному ей изъ Парижа приказу. Два часа спустя его, по новому распоряженію, отводятъ къ комиссару департамента, Дюкло. Послѣдній говоритъ ему, что онъ ничего не можетъ понять изъ противорѣчивыхъ инструкцій, получающихся въ теченіе послѣднихъ сутокъ, отпускаетъ его на свободу и объясняетъ ему, что миссія его заключается въ томъ, чтобы разсмотрѣть проектъ канализаціи и вербовки рабочихъ въ департаментъ Ландовъ.

Между тѣмъ, слухъ о похищеніи Эмиля Тома распространяется по національнымъ мастерскимъ и усиливаетъ беспокойство, порожаемое надвигающимся распушеніемъ рабочихъ. Никто ничего положительнаго не знаетъ. Какая причина этого ареста? Подкупъ-ли въ администраціи, заговоръ противъ собранія? Гдѣ находится арестованный? Никто не можетъ ничего сказать.

«Отъ насъ хотятъ отдѣлаться, это несомнѣнно, — говорятъ начальники бригадъ: это насиліе только начало тѣхъ, которыя готовятся намъ. Начали съ директора, а потомъ дойдетъ очередь и до рабочихъ».

Трела, знающій объ этихъ толкахъ и надѣющійся успокоить

волненіе своимъ присутствіемъ, отправляется въ кварталъ Монсо. Онъ велитъ собрать делегатовъ и въ двусмысленныхъ выраженіяхъ объявляетъ имъ объ отставкѣ Эмиля Тома и объ его отъѣздѣ. Сначала его слушаютъ молча, затѣмъ прерываютъ и, наконецъ, требуютъ категорическихъ объясненій. Трела не умѣетъ дать ихъ, его уклончивые отвѣты вызываютъ ропотъ. Отъ ропота вскорѣ переходятъ къ угрозамъ, отъ угрозъ не трудно перейти къ дѣйствіямъ; но тутъ вмѣшиваются помощники директора. Они отвлекаютъ вниманіе делегатовъ, предлагая имъ подписать петицію Собранію въ пользу Эмиля Тома. Пока делегаты толпятся у бюро, они выпроваживаютъ министра заднимъ ходомъ.

На слѣдующій день, несмотря на столь сильное броженіе, инженеру путей сообщенія Лалану, назначенному директоромъ на мѣсто Эмиля Тома, оказываютъ хорошій приѣмъ въ Монсо. Онъ находитъ большинство рабочихъ еще весьма воспріимчивыми къ голосу разсудка. Они соглашаются вернуться къ своимъ хозяевамъ, подъ единственнымъ условіемъ, что имъ дадутъ законъ о третейскихъ профессиональныхъ судахъ, представленный министромъ торговли, Флокономъ. Одобряя перемирие, назначенную министромъ Трела, чтобы устранить обманы и злоупотребленія, они соглашаются на всѣ вопросы для констатированія личности, мѣста жительства и профессіи записанныхъ лицъ ¹⁾. Они выказываютъ полную готовность помочь правительству уменьшить зло и исправить положеніе вещей.

Посмотримъ, что происходило между тѣмъ въ Собраніи.

Въ засѣданіи 15 іюня по поводу проекта ассимиляціи Алжиринъ съ Франціей, сознаніе опасности положенія, смущавшее лучшіе умы, было краснорѣчиво выражено ораторомъ, впервые появившимся на трибунѣ. Войдя въ Собраніе не задолго до того, Пьеръ Леру произвелъ впечатлѣніе крайняго изумленія. Трудно было бы описать эту странную личность. Острый блескъ его взгляда, чувственный ротъ, плотная, короткая шея съ небрежно повязаннымъ галстукомъ, мягкій жестъ руки, всклокоченные волосы и даже грубая матерія неуклюже широкой одежды, подъ которой смутно угадывалась сильно сложенная, немного опустившаяся фигура вполне созрѣвшаго мужчины—все это вмѣстѣ, въ своей полуапикурейской, полудикой красотѣ, съ рѣдкой силой обрисовываетъ характеръ современнаго апостола. Его бесѣда еще усиливаетъ впечатлѣніе, производимое его внѣшностью. Переходя съ вкрадчивой гибкостью отъ описанія по-

¹⁾ См. *Историческіе документы* въ концѣ, тома № 13: результатъ переписи по профессіямъ.

гибшихъ цивилизацій къ сегодняшнему анекдоту, который онъ рассказываетъ съ пикантной небрежностью, Пьеръ Леру въ совершенствѣ владѣетъ всякимъ предметомъ обсуждения и оживляетъ его своей рѣчью. Религія, искусства, науки, производство, нравы, исторія — онъ все умѣетъ привести къ основной идеѣ. Но, смотря по различнымъ слушателямъ, онъ умѣетъ пользоваться и различными способами убѣжденія: для однихъ онъ употребляетъ фигуры, окутанныя неопредѣленнымъ туманомъ мистицизма; для другихъ — чувство; для очень немногихъ пускаетъ въ ходъ логику; для всѣхъ вообще — очарованіе льстящихъ самолюбію словъ.

Понятно, послѣ этого, что рѣчь Пьера Леру была событіемъ въ такомъ собраніи, гдѣ его еще никогда не слыхали, но гдѣ его разговоръ заинтересовалъ и даже плѣнилъ самыхъ отъявленныхъ его политическихъ противниковъ. Сочиненія его извѣстны были лишь весьма немногимъ. Его встрѣчаетъ полное симпатіи и любопытства безмолвіе. Сюжетомъ его рѣчи было, какъ я уже сказала, колонизація Алжиріи, но никто не ожидаетъ, чтобы ораторъ говорилъ объ этомъ предметѣ.

Собраніе въ эту минуту не думаетъ объ Алжиріи; его занимаютъ національныя мастерскія, пауперизмъ, социальная революція. Всѣ знаютъ, что Пьеръ Леру одинъ изъ наиболѣе популярныхъ проповѣдниковъ социализма; многіе думаютъ, что онъ одинъ держитъ въ своихъ рукахъ ту головню, которой зажигается пламя гражданской войны. Можетъ быть, онъ найдетъ средство удовлетворить рабочихъ, не раззоряя промышленниковъ; можетъ быть, онъ знаетъ секретъ, какъ вызвать соглашеніе между капиталомъ и трудомъ, какъ примирить борющіеся интересы. Всѣ слушаютъ. Пьеръ Леру, быстро оставляя въ сторонѣ первоначальный предметъ своей рѣчи, прямо переходитъ въ кругъ тѣхъ ощущеній, которыя онъ читаетъ на лицахъ. Онъ заявляетъ, что будетъ говорить о томъ, что имѣетъ главнымъ образомъ отношеніе къ Франціи.

Онъ начинаетъ съ того, что ставитъ принципомъ необходимость для Франціи колонизаціи и переселенія; что ей нужны *республиканскія общины*; что ей надо выдѣлить изъ себя цѣлый народъ, требующій *новой цивилизаціи*. Затѣмъ, видя, что первыя же слова его пробудили всеобщее вниманіе, онъ, уступая вдохновенію, продолжалъ, обратившись къ правой:

«Я говорю, что, если вы не хотите допустить этого, если вы не хотите отбросить старую политическую экономію, если вы непремѣнно хотите взять назадъ совершенно всѣ обѣщанія не только послѣдней революціи, но и вообще всей французской революціи во всѣ ея періоды и во всемъ ея величіи, если вы не хотите, чтобы христіанство сдѣлало новый шагъ, если вы не хотите человѣческой

ассоціаціи, то я предупреждаю васъ, что вы осуждаете старую цивилизацію на возможность умереть въ страшной агоніи».

Какой-то страхъ передъ близкимъ будущимъ охватываетъ Собрание. Ораторъ продолжаетъ. Прочитавъ статистическія данныя, къ счастью, сильно преувеличенныя относительно пауперизма ¹⁾, бросивъ взглядъ на собственность, состояніе которой онъ находитъ столь же мало удовлетворительнымъ ²⁾, онъ начинаетъ обвинять правительство въ томъ, что оно дѣйствуетъ не единодушно, *безъ объединяющей идеи, безъ серьезнаго знанія положенія общества, не занявшись хорошенько разсмотрѣніемъ задачи, которую февральская революція предложила на разрѣшеніе.* «Рѣшенія у васъ нѣтъ никакого, кромѣ насилія, угрозы, крови, старой, ложной нелѣпой политической экономіи. А между тѣмъ, есть новыя рѣшенія, которыя приносятъ съ собою социализмъ: не клеветайте на него, какъ вы это дѣлаете послѣдніе три мѣсяца, *позвольте социализму дать жить человечеству.* Разсмотрите рѣшенія социализма и *если у васъ нѣтъ на то времени, дайте народу испробовать его; ибо онъ имѣетъ на это право, такъ какъ онъ хочетъ не разрушать настоящее, а согласовать его съ будущимъ, осуществить въ болѣе или менѣе близкомъ времени Республику.*»

Разумѣется, этому собранію, которое начинало находить, что у него уже слишкомъ республиканскій духъ, должно было казаться въ высшей степени страннымъ, что его находятъ еще недостаточно республиканскимъ. Но положеніе было настолько серьезнымъ, что приходилось выслушать до конца социалистическаго оратора. Пьеръ Леру продолжаетъ развивать свою мысль и представляетъ ее въ смѣлой и поразительной метафорѣ, которую поняла тогда лишь небольшая кучка людей. По его мнѣнію, республика настоящаго не есть та, къ которой стремится человечество: она лишь мать новой республики, новаго общества. Не слѣдуетъ допускать, чтобы эта мать дала сдѣлать себѣ выкидышъ; не надо, чтобы она истребляла за-

¹⁾ По этой статистикѣ, во Франціи на тридцать пять милліоновъ человѣкъ считается восемь милліоновъ нищихъ и совершенно неимущихъ; на три человѣка умирающихъ въ Парижѣ одинъ умираетъ въ больницѣ. Кромѣ этихъ восьми милліоновъ нищихъ и неимущихъ, есть еще четыре милліона рабочихъ, заработная плата которыхъ не вѣрна.

²⁾ По словамъ Пьера Леру, во Франціи есть пять милліоновъ кадастральныхъ участковъ (cotes) ниже пяти франковъ и болѣе пяти милліоновъ гектаровъ неводѣланной земли. Въ итогъ, чистымъ доходомъ живетъ во Франціи одинъ милліонъ людей, а тридцать четыре милліона живутъ платой за трудъ различнаго рода. См. „Moniteur“, засѣданіе 16 іюня 1848 г.

родышъ, который она носить въ себѣ, точно такъ же какъ не елѣдуетъ, чтобы новая республика убила свою мать ¹⁾).

Перейдя къ совѣтамъ, Пьеръ Леру хочетъ, чтобы оказано было содѣйствіе земледѣльческой ассоціаціи, колонизаціи и, широко обобщая эту мысль, говорить, что это великое движеніе переселенія, которое совершалось во всѣ великія эпохи человечества, должно совершиться опять, но инымъ способомъ, чѣмъ въ древнія времена. «Всѣ важныя событія жизни человѣчества совершилъ именно этотъ великій законъ переселенія. Тѣ, которые знакомы съ исторіей, знаютъ, что человѣчество возрождалось именно такимъ образомъ. Всегда новая цивилизація возникала на извѣстномъ разстояніи отъ старой, принося человѣчеству новую концепцію жизни». И онъ заключаетъ такъ:

«Мы идемъ къ ассоціаціи; допустите ее, откройте ей землю—мать нашу.»

«Да, къ землѣ, къ земледѣлію должна идти ассоціація, должна идти республиканская коммуна. Надо открыть ей дорогу. Иначе вы принуждены будете запереть отравившихся пчелъ въ ульѣ, и тогда то, что наблюдается у пчелъ, вы увидите въ человѣческомъ обществѣ — безпощадную междоусобную войну. Какъ скучить въ одномъ центрѣ то, что хочетъ жить? Какъ сдержать то, что хочетъ выйти наружу, то, что по божественному закону должно выдѣлиться?»

Эта неожиданная рѣчь, которая, казалось, обращалась скорѣе къ церковному собору, чѣмъ къ политическому собранію, произвела удивительное впечатлѣніе. Словно сквозь туманную дымку видѣлся тотъ горизонтъ, который обвиняла мысль философа; но преобладалъ трагическій тонъ, думы исполнились печальнымъ предчувствіемъ, ощущалась близость тяжелыхъ временъ. Никому не пришло въ голову осмѣять пророческія слова Пьера Леру. Де-Монталамберъ подошелъ къ нему и пожалъ ему руку въ знакъ сочувствія, де-Фаллу перешелъ черезъ всю залу, чтобы лучше выразить ему свое восхищеніе и свою симпатію.

Между тѣмъ, политическіе республиканцы, тѣ, которыхъ называли еще республиканцами формы или буржуазной республики, не захотѣли остаться подъ тяжестью обвиненій философа-соціалиста. Имъ хотѣлось во что бы то ни стало обфлить правительство, къ которому они принадлежали прежде или еще теперь, отъ брошенныхъ по его адресу тяжкихъ обвиненій. Они побуждаютъ Гудшо

¹⁾ Послѣ июньскихъ дней, газета „Прудона“, пользуясь той же метафорой, говорить, обращаясь къ Кавеньяку: „Ты убилъ дитя, чтобы спасти мать“.

войти на трибуну. Министръ финансовъ первыхъ дней республики только что былъ избранъ въ представители. Онъ пользовался симпатіями Собранія, потому что онъ былъ отъявленнымъ противникомъ коммунистическихъ теорій. Всѣ знали также его неизмѣнное мнѣніе относительно вопроса объ имѣніяхъ Орлеанскаго дома и его постоянно враждебномъ отношеніи ко всякому проекту выпуска бумажныхъ денегъ. Его встрѣчаютъ явнымъ знакомъ сочувствія.

Гудшо придирается къ многочисленнымъ цифровымъ ошибкамъ въ рѣчи Пьера Леру, говоритъ, что, по его мнѣнію, опасность сильно преувеличена, что *напрасно искать неслышанныхъ средствъ противъ такого зла, которое можно излечить средствомъ гораздо болѣе легкимъ*: это—по мнѣнію Гудшо, очень простое средство—*есть организація труда*.

При этихъ словахъ, которыя такъ шокировали Собраніе, когда Луи-Бланъ произнесъ ихъ въ первый разъ, всѣ съ изумленіемъ переглядываются. Гудшо поясняетъ свою мысль. «При Людовикѣ-Филиппѣ, — говоритъ онъ, — рабочіе, составляющіе, такъ сказать, жизненный нервъ страны, находились въ невыносимомъ положеніи. Они не пользовались равенствомъ, они имѣли его по праву, но не на дѣлѣ; у нихъ не хватало самого нужнаго, чтобы выйти изъ того положенія, въ которомъ они находились. Ихъ судилъ третейскій судъ. Этотъ судъ составленъ былъ пристрастно и давалъ пристрастные приговоры. Законы страны были неблагоприятны для рабочихъ. Въ то время я всѣмъ сердцемъ сочувствовалъ стачкамъ».

«Чего имъ не доставало, — продолжалъ Гудшо, — чего имъ не достаетъ еще и теперь, это бесплатнаго образованія во всѣхъ степеняхъ; это участія въ кредитѣ, который до сихъ поръ существуетъ только для извѣстнаго класса общества. Ихъ слѣдуетъ такъ же освободить отъ слишкомъ тяжелыхъ налоговъ. Наконецъ, слѣдуетъ преобразовать всѣ законы, предназначенные для защиты труда. Вы уже преобразовали законъ о третейскихъ судьяхъ; изъ несправедливаго закона вы сдѣлали законъ справедливый. Вы не можете дать образованіе и кредитъ немедленно, но вы можете взять на себя немедленное обязательство дать ихъ и ввести въ бюджетъ суммы, достаточныя для того, чтобы осуществить то, что вы обѣщаете».

Гудшо сознается, что это дѣло слишкомъ затянули, что не довольно опредѣленно и полно было выражено то, что хотѣли сдѣлать для рабочаго класса. Ко всѣмъ этимъ предложеніямъ, которыя Собраніе выслушиваетъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ, онъ прибавляетъ заключеніе, искупающее въ глазахъ правой все, что онъ сказалъ ранѣе. «*Надо, — говоритъ Гудшо, — чтобы національныя мастерскія тотчасъ же были уничтожены въ Парижѣ и въ*

провинции. Онъ должны не уменьшиться, — прибавляетъ онъ, какъ бы боясь, что его не достаточно поняли, — а совершенно исчезнуть».

Онъ требуетъ, наконецъ, чтобы вопросъ этотъ былъ безотлагательно представленъ исполнительній комиссіи и чтобы въ прокламаціи, принятой всѣмъ Собраніемъ, было установлено въ ясныхъ, положительныхъ и формальныхъ выраженіяхъ то, что предполагается сдѣлать для рабочихъ.

«Правительство,—говоритъ въ заключеніе Гудшо, — слишкомъ надѣялось на то, что можно отложить рѣшеніе вопроса, тогда какъ его слѣдовало рѣшить немедленно. Много было потеряно времени, теперь его больше терять не слѣдуетъ. Надо разрѣшить сегодня же вопросъ о національных мастерскихъ. Если вы его не разрѣшите, республика погибнетъ, и обществу придется переживать такое положеніе вещей, которое я не хочу вамъ описывать. *Почва подъ вами въ настоящую минуту сильно подкопана. Я бросилъ зондъ и могъ бы опредѣлить вамъ глубину мины».*

Это заключеніе рѣчи Гудшо, совершенно противоположное его намѣренію опровергнуть то, что онъ называлъ преувеличеніями Пьера Леру, увеличиваетъ страхи Собранія. Оно не обращаетъ вниманіе на то, что онъ сказалъ въ пользу рабочихъ, оно помнитъ только одно: что слѣдуетъ *немедленно, сегодня же* распустить національныя мастерскія. Тщетно Трела проситъ повременить, обѣщая принести черезъ двѣ недѣли проекты колонизаціи, разработки новыхъ земель, которыя займутъ рабочихъ по всей территоріи Франціи. *Съ этимъ хотятъ покончить.* Роялистская печать продолжаетъ представлять національныя мастерскія, какъ очаги всевозможныхъ ужасовъ, гдѣ двадцать тысячъ каторжниковъ и восемьдесятъ тысячъ рабочихъ, которыхъ можно сравнить со всѣмъ самымъ ужаснымъ, что только выбрасываетъ каторга, съ жадностью ожидаютъ сигнала къ избіеніямъ, пожару и грабежамъ. *Надо съ этимъ покончить.* Никогда дурныя страсти, порождаемая гражданскими войнами, не находили, благодаря страху, такого довѣрія въ публикѣ къ самымъ нелѣпымъ выдумкамъ.

Въ то время, какъ въ Собраніи говорили такимъ образомъ о національныхъ мастерскихъ, послѣднія присылали въ министерство общественныхъ работъ депутаціи, приносившія самыя справедливыя и самыя разумныя предложенія.

Рабочіе требуютъ, чтобы предприниматель не прижималъ ихъ, какъ прежде; чтобы имъ помогли соединиться въ ассоціаціи; чтобы имъ дали законную долю въ прибыляхъ предпріятія. Они не отказываются вернуться въ частныя мастерскія, если ихъ только будутъ защищать отъ безконтрольнаго произвола патрона.

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ они отвѣтили 18 іюля прокламаціей, расклеенной по всѣмъ стѣнамъ Парижа, на рѣчь Гудшо.

Рабочіе національныхъ мастерскихъ

Гражданину Гудшо.

«У насъ нѣтъ недостатка въ желаніи работать; но намъ нуженъ трудъ, полезный и соответствующій нашимъ профессіямъ, котораго не хватаетъ нашимъ рукамъ. Мы требуемъ его, мы желаемъ его всѣми силами души.

«Вы хотите немедленнаго уничтоженія мастерскихъ; но что вы сдѣлаете со стадесятью тысячами рабочихъ, которые каждый день ожидаютъ отъ своего скромнаго заработка средствъ существованія для себя и для своихъ семей? *Развѣ вы хотите предоставить ихъ дурнымъ влеченіямъ голода, порывамъ отчаянія?* Развѣ вы хотите бросить ихъ на добычу мятежниковъ? Вы, сами являющіеся рабочими, которые призваны къ сооруженію общественнаго зданія, организуйте, обучайте, улучшайте нравственность національныхъ мастерскихъ, но не уничтожайте ихъ!»

Въ то же время они вмѣстѣ съ делегатами Люксембурга составляютъ слѣдующую прокламацію:

Французская Республика всѣмъ рабочимъ.

Мы, делегаты отъ рабочихъ въ Люксембургѣ, преданные душой и тѣломъ Республикѣ, за которую мы, какъ и всѣ вы, сражались, просимъ васъ во имя свободы, купленной столь дорогой цѣной, во имя преобразованнаго вами отечества, во имя равенства, братства, никогда не присоединять вашего голоса къ голосамъ анархистовъ, никогда не помогать имъ, никогда ни руками, ни сердцемъ не содѣйствовать стремленіямъ сторонниковъ трона, который вы же сожгли! Эти люди безъ души, безъ убѣжденія, неизбежно привели бы къ анархіи страну, которой не нужно ничего, кромѣ свободы и труда!

«Никто не долженъ отнынѣ стремиться къ иному званію, какъ только къ званію гражданина. Никто не долженъ возставать противъ истиннаго государя: *народа*.

«Пытаться сдѣлать это было бы отвратительнымъ преступленіемъ, и тотъ, кто осмѣлился бы на это, былъ бы измѣнникомъ чести и отечеству.

«Реакція поднимается, она ведетъ агитацію; ея многочисленные агенты будутъ стараться ослѣпить васъ блескомъ несбыточной мечты, невиданнаго счастья.

«Она сыплеть золотомъ. Не вѣрьте, друзья, не вѣрьте! Подождите еще нѣсколько дней, оставаясь при томъ спокойствіи, которое вы высказали и которое является дѣйствительною силой.

«Надѣйтесь, ибо времена пришли, и будущее принадлежитъ вамъ; не поддерживайте вашимъ присутствіемъ манифестацій, въ которыхъ ничего нѣтъ народнаго, кромѣ названія; не принимайте участія въ этихъ безуміяхъ, которыя уже отжили свой вѣкъ.

«Вѣрьте намъ, слушайте насъ—ничто невозможно теперь во Франціи, кромѣ *соціальной и демократической Республики*.

«Исторія послѣдняго царствованія ужасна, не будемъ продолжать ее: не надо намъ *императора*, какъ не надо *короля*. Ничего, кромѣ *свободы, равенства, братства*.

«Таково наше желаніе, таково должно быть и ваше, и всего народа.

«Да здравствуетъ Республика!»

Разумѣется люди, которые мыслятъ и пишутъ такимъ образомъ—не звѣри, не анархисты. Если бы благомыслящимъ представителямъ пришла простая мысль самимъ убѣдиться въ истинѣ, они не стали бы служить, какъ они это сдѣлали, интересамъ партій. А эти партіи хотѣли *«покончить съ этимъ»* и покончить не съ однѣми національными мастерскими, а вообще со всей революціей, со свободой, съ Республикой.

Человѣкъ, который имѣлъ рѣшающее вліяніе въ эти ужасные дни, который путемъ долгой и искусной подготовки болѣе всего способствовалъ тому, чтобы довести настроеніе, сначала въ коммиссіи, а затѣмъ и въ Собраніи до ужасной мысли: *съ этимъ надо покончить* — былъ, безспорно, де-Фаллу. Въ ту минуту онъ былъ главнымъ единственно смѣлымъ и самымъ краснорѣчивымъ дѣятелемъ реакціи. Его имя навѣки связано съ роковой мѣрой насильственнаго распушенія, толкнувшаго національныя мастерскія на путь возстанія.

Поэтому не безынтересно будетъ заняться на минуту его прошлымъ и его характеромъ, чтобы лучше оцѣнить ту роль, которую ему суждено было сыграть въ эти знаменательные дни.

Альфредъ де-Фаллу родился въ Дижонѣ, въ богатой, недавно получившей дворянство семьѣ, ради которой Людовикъ XVIII создалъ въ 1823 г. майоратъ съ титуломъ графа. Онъ былъ одаренъ отъ природы живымъ умомъ и извѣстной пріятностью въ манерахъ и разговорѣ. Мать его, проведшая свою юность при дворѣ Людовика XVI, въ раннемъ возрастѣ сообщила ему вкрадчивость обхожденія и умѣнье хорошо говорить. Когда молодой де-Фаллу окончилъ училище въ Анжерѣ, гдѣ онъ воспитывался, и пріѣхалъ въ Парижъ, чтобы начать свою карьеру въ выс-

шемъ свѣтъ, другая женщина, путемъ аналогичнаго, но болѣе значительнаго вліянія, закончила его политическое образованіе. Это было иностранка, русская ¹⁾, обращенная въ католичество де-Местромъ, создавшая вокругъ себя въ Парижѣ, благодаря своему тонкому уму, своему смѣшанному изъ благочестія и свѣтскости очарованію, многочисленный кружокъ, усердно посѣщаемый лицами высшаго духовенства и дѣятельными членами клерикальной партіи. Въ это-то время, подъ вліяніемъ женскаго внушенія и подъ покровительствомъ іезуитовъ, Альфредъ де-Фаллу, за которымъ ухаживали и котораго ласкали, какъ, многообщавшаго для пользы церкви человѣка, былъ посвященъ въ тайны клерикальной политики. Въ 1840 г. онъ напечаталъ исторію Людовика XVI, затѣмъ брошюру о Вароломеевской ночи, за которой послѣдовало жизнеописаніе св. Пія V. Въ этихъ сочиненіяхъ обнаруживаются со свойственной юности искренностью, позднѣе уже не проявлявшеюся, цѣлый рядъ доктринъ, которыя послужатъ автору правилами всей его жизни и будутъ примѣнены имъ къ системѣ управленія съ того дня, когда революція дастъ ему въ руки власть. Въ біографіи Пія V, на котораго онъ смотритъ, какъ на высочайшее воплощеніе того, что онъ считаетъ *великой политикой церкви*, де-Фаллу задается цѣлью возвеличить инквизицію и оправдать всѣ ея дѣйствія. Выводя свои разсужденія изъ той аксіомы, что цѣль оправдываетъ средства, онъ провозглашаетъ войну противъ еретиковъ законной и священной; терпимость же представляется имъ, какъ результатъ преступнаго индифферентизма ²⁾. Впрочемъ, такъ какъ по мнѣнію де-Фаллу и его школы, однимъ изъ ревностѣйшихъ учениковъ, которой онъ является, современное государство исповѣдуетъ атеизмъ, то средства, употребляемые церковью въ прежнія времена, теперь не примѣнимы. Инквизиція была бы ошибкой, которая не принесла бы никакой пользы обществу. Для вѣрующихъ прежде всего важно возстановить вѣру, теократію, а это

¹⁾ Свѣчина.

²⁾ „Когда государство и религія солидарны, — говоритъ де-Фаллу, — когда гражданское общество всецѣло покоится на религиозныхъ вѣрованіяхъ, нападать навѣру значитъ нападать на общественный строй. Поэтому съ еретиками и безбожниками можно было на основаніи закона поступать такъ, какъ поступаютъ теперь съ тѣми, которые пропагандируютъ и конспирируютъ противъ установленнаго правительства“. — „Терпимость, — говоритъ онъ далѣе въ этой любопытной книгѣ, — неизвѣстна была въ вѣка вѣры, и то чувство, которое выражается этимъ словомъ, можетъ считаться добродѣтелью лишь въ нашъ вѣкъ сомнѣнія. Прежде, уничтожая закоренѣвшаго въ своемъ заблужденіи человѣка, могли быть увѣренными, что это заблужденіе погибаетъ вмѣстѣ съ нимъ, и что народы останутся въ мирѣ ортодоксальнаго вѣрованія.“

можно сдѣлать только посредствомъ ниспроверженія атеистическихъ властей.

Чтобы ниспровергнуть ихъ, необходима свобода. Вслѣдствіе этого де-Фаллу и проповѣдуетъ свободу. Онъ желаетъ ее, онъ почти любить ее, то есть не ее самое, какъ священный принципъ, проистекающій изъ природы человѣка и освящающій его достоинство, а какъ переходное средство, изъ котораго ловкіе люди могутъ извлечь большую пользу, чѣмъ изъ деспотизма. Когда теократическое правительство будетъ восстановлено, тогда можно будетъ, по мнѣнію де-Фаллу, восстановить учрежденія вѣковъ вѣры, составлявшія при могуществѣ папъ, какъ Пій V, и королей, какъ Филиппъ II, счастье всего міра.

Подъ вліяніемъ этихъ доктринъ, не одобряемыхъ здравомыслящей частью духовенства, которая не рѣшается, однако, отказаться отъ нихъ публично, де-Фаллу присоединился къ республиканскому правительству.

Вступивъ на политическую арену въ 1846 г., имѣя уже опытъ трибуны и практику парламентскихъ кружковъ въ прежней палатѣ, гдѣ онъ блестящимъ образомъ дебютировалъ рѣчью объ избирательныхъ инструкціяхъ отъ избирателей, на которую отвѣчалъ Гизо,—де-Фаллу, который и по рожденію, и по убѣжденіямъ былъ врагомъ правительства золотой середины, тотчасъ же сообразилъ, какую пользу можетъ извлечь его партія изъ абсолютной свободы слова и печати, провозглашенной временнымъ правительствомъ. Поэтому въ избирательныхъ собраніяхъ своего департамента онъ сталъ разсыпаться въ неумѣренныхъ похвалахъ этому правительству, говоря при всякомъ случаѣ о свободѣ и о правахъ народа съ такимъ жаромъ, который походилъ на энтузіазмъ ¹⁾. Онъ доходилъ до того, что въ одной рѣчи, произнесенной имъ въ Анжерѣ въ мартѣ 1848 г., онъ объявилъ, что такъ какъ *революція унесла то, что обыкновенно называютъ устоями общества и что онъ называетъ предохранительными перилами, общество можетъ быть спасено только посредствомъ свободы* ²⁾.

¹⁾ 3 марта онъ выражался въ письмѣ, перепечатанномъ въ „Univers“, слѣдующимъ образомъ: „Парижскій народъ отличается такой деликатностью и такимъ великодушіемъ, которыя возвышаются надъ чувствами многихъ политическихъ учреждений, господствовавшихъ надъ Франціей за послѣднія шестьдесятъ лѣтъ. Можно смѣло сказать, что сражавшіеся съ оружіемъ въ рукахъ, среди двойного опьяненія опасности и успѣха, подавали такой примѣръ, которымъ могутъ теперь руководствоваться люди, дѣйствующие съ полнымъ хладнокровіемъ; они придали своей побѣдѣ священный характеръ.“

²⁾ Рассказываютъ, что, послѣ государственнаго переворота 2-го декабря, де-Фаллу измѣнилъ свое мнѣніе. Когда де-Персиньи посѣтилъ его

Среди затрудненій монархическихъ партій въ виду революціи, съ которой онѣ могли справиться только хитростью, де-Фаллу, со своимъ проникательнымъ умомъ и способностями къ интригѣ, былъ, разумѣется, самымъ искуснымъ руководителемъ своей партіи. Онъ самъ чувствовалъ себя рожденнымъ для этой роли.

Пріѣхавъ въ Парижъ, де-Фаллу, несмотря на свое слабое здорье, проявилъ удивительную дѣятельность. Ознакомившись съ почвой, на которой ему предстояло дѣйствовать, онъ сталъ внимательно приглядываться къ людямъ, которыхъ ему было выгодно подчинить своему влиянію. Прежде всего онъ сталъ ухаживать за Ламартиномъ, единственнымъ членомъ временнаго правительства, который по своимъ связямъ принадлежалъ къ прежнему легитимистскому обществу, а по женѣ, ревностной католичкѣ, сохранялъ кое-какія сношенія съ клерикальной партіей. Но знакомство съ Ламартиномъ не помѣшало ему, однако, сойтись и съ Маррастомъ, а едва только онъ убѣдился въ политическихъ шансахъ Кавеньяка, какъ тотчасъ же повернулся и въ его сторону. Въ то же время въ лицѣ Пьера Леру онъ льстилъ социализму, а съ первыхъ же благоприятныхъ для принца Бонапарта манифестацій, сблизился съ де-Персиньи. Онъ съ удивительной ловкостью игралъ эту многостороннюю роль, сохраняя всегда въ своихъ умѣренныхъ рѣчахъ и сдержанныхъ манерахъ то своеобразное скромное достоинство, которое скрывало отъ всѣхъ его честолюбіе и его чувства глубокой политической ненависти.

Де-Фаллу при открытіи Собранія убѣдилъ свою партію посадить на президентское кресло Бюше, революціонныя убѣжденія котораго, стоявшія въ странной связи съ католическимъ ученіемъ, болѣе соответствовали политикѣ де-Фаллу, нежели раціоналистическій и либеральный республиканизмъ большинства. Онъ постарался быть избраннымъ въ члены всѣхъ важныхъ комитетовъ. Онъ сумѣлъ приобрести влияние въ комитетѣ труда и въ комиссіи національных мастерскихъ. Тамъ онъ безъ всякой пощады осуждалъ исполнительную власть и въ особенности министра общественныхъ работъ; онъ описалъ національныя мастерскія въ самыхъ ужасающихъ краскахъ. Какъ только де-Фаллу былъ назначенъ докладчикомъ комиссіи, немедленное распушеніе мастерскихъ стало несомнѣннымъ. Однако такъ какъ онъ все еще боялся поворота общественнаго мнѣнія назадъ, онъ поторопился, думая такимъ образомъ обязать своихъ коллегъ, объявить въ обществѣ о резолю-

въ Монъ-Валерьенѣ, де-Фаллу поздравлялъ его за обнаруженную имъ счастливую смѣлость: „Признаюсь вамъ потихоньку, чтобы не слышали мои коллеги, — говорилъ этотъ великій политикъ, — въ глубинѣ души я думаю, что вы хорошо сдѣлали.“

ди, которая еще не была принята; онъ всюду рассказывалъ, что распушение уже рѣшено ¹⁾.

Въ то же время, по приказу исполнительной комиссіи, министр общественныхъ работъ подписалъ 21-го іюня распоряженіе, приглашавшее всѣхъ рабочихъ отъ 18 до 25 лѣтъ немедленно поступать въ армію или же быть готовыми отправиться въ департаменты, которые имъ будутъ указаны, на землекопныя работы, оплачиваемыя сдѣльно. На слѣдующій день 22-го отправился въ Солонь первый поѣздъ съ рабочими.

Эта мѣра была чрезвычайно сурова и тѣмъ болѣе тяжела, что ясно показывала только желаніе избавить Парижъ отъ силы, которой не умѣли найти примѣненія.

Этотъ родъ произвольнаго и излишняго рекрутскаго набора въ такое время, когда громко заявляли о томъ, что войны не будетъ; эти землекопныя работы, на которыя ставили людей, способныхъ къ тонкимъ отраслямъ промышленности; эта первая отправка въ заведѣдомо нездоровую мѣстность,—все это не могло считаться дѣйствіемъ предусмотрительнаго правительства, актомъ республики, которая раньше развила до высшей степени у пролетаріевъ чувство чести, личной гордости и стремленіе къ великимъ предпріятіямъ.

При чтеніи распоряженія негодованіе разразилось въ національныхъ мастерскихъ. Уже тогда, когда они увидѣли, что докладъ комиссіи былъ порученъ человѣку, извѣстному своими роялистскими тенденціями, рабочіе исполнились недовѣрія. Теперь ихъ подозрѣнія начинали оправдываться.

Въ тотъ же вечеръ на улицѣ собираются кучки народа. «Насъ хотятъ послать умирать отъ лихорадки,—говорятъ между собой рабочіе. Подъ предлогомъ разработки такой земли, которая ничего не можетъ производить, насъ хотятъ обречь на денной заработокъ въ 15 су; насъ отправляютъ въ ссылку; правительство рѣшило уморить насъ и раззорить наши семьи... Мы не уѣдемъ». И, словно желая сообщить объ этомъ рѣшеніи, они толпами ходятъ по улицамъ и поютъ марсельезу. Между каждой строфой нѣсколько человѣкъ въ блузахъ выкрикиваютъ: «да здравствуетъ Наполеонъ!» Ночью делегаты Люксембурга и делегаты мастерскихъ устраиваютъ сходку, рѣшаютъ сдѣлать коллективный протестъ и назначаютъ мѣстомъ сходки площадь Пантеона, въ девять часовъ утра.

22-го въ девять часовъ, отъ 1200 до 1500 рабочихъ національныхъ мастерскихъ и корпорацій, неся свои знамена, направляются къ Пантеону. По дорогѣ они встрѣчаютъ одного изъ своихъ лей-

¹⁾ Эта резолюція была принята Національнымъ Собраніемъ лишь послѣ возстанія, на засѣданіи 28-го мая.

теняговъ, Пюжоля. Онъ ихъ останавливаетъ и говоритъ имъ, что слѣдуетъ идти вовсе не къ Пантеону, а къ мѣсту нахождения правительства, къ Люксембургу. Это предложеніе встрѣчается рукоплесканіями. Пюжоль становится во главѣ колонны, и шествіе снова двигается. Съ нѣкоторыхъ поръ этотъ человѣкъ пользуется удивительнымъ вліяніемъ на рабочихъ. Онъ одаренъ своего рода естественнымъ краснорѣчіемъ, которому онъ умѣетъ придать нѣчто мистическое, отвѣчающее общему настроенію людей, привыкшихъ въ клубахъ и банкетахъ къ тому, что ораторы-соціалисты пользуются для своихъ метафоръ и цитатъ Св. Писаніемъ. Обыкновенно въ ихъ рѣчахъ народъ сравнивался съ Христомъ, котораго бичуютъ, оскорбляютъ и распинаютъ сильные міра сего. И всегда это сравненіе, хоть и безпрестанно повторяемое, производитъ впечатлѣніе. При открытіи клуба Бланки 15-го іюня, публика неистово апплодировала президенту Эскиросу, представившему, какъ Собраніе и исполнительная коммиссія поочередно заушали увѣнчанный терніями народъ, крича ему: Угадай кто тебя ударилъ?»

Пюжоль написалъ пародію на *Слова вѣрующаго* Ламенна подъ заглавіемъ «Пророчество кровавыхъ дней», гдѣ онъ страннымъ образомъ смѣшивалъ вмѣстѣ *вихрь Божьяго гнѣва и когти Торквинія, кровь Авеля и пощелуй Іуды и мускеты, итѣки и таинственныя подземелья королевской власти.*

Послѣдняя строфа этого политическаго дионрамба прямо апеллировала къ злобѣ, кипѣвшей въ сердцѣ народа.

«Они надѣются приготовить дни агоніи народу,—говорилъ *Пророкъ кровавыхъ дней* о лицахъ, управлявшихъ Республикой,—и приберечь для себя праздники и опьяненіе золотомъ».

Подобнаго рода высокопарныя фразы сильно дѣйствуютъ на необразованныхъ людей. Пюжоль сдѣлался любимымъ ораторомъ національных мастерскихъ. Въ этомъ торжественномъ случаѣ, когда надо было передать исполнительной власти слова народа, рабочіе сочли себя счастливыми имѣть такого оратора, краснорѣчье котораго казалось имъ неотразимымъ.

Пюжоля, за которымъ слѣдовало четыре делегата, выбранныхъ среди рабочихъ, принялъ Мари. Толпа ожидала на площади отвѣта совѣта и сильно волновалась. «Мы не уйдемъ—говорили рабочіе. — Лучше быть убитымъ пулей въ Парижѣ, нежели ѣхать умирать отъ лихорадки или голода въ Солони, вдали отъ нашихъ семей». Слышался ропотъ противъ Ламартина, Тьера, противъ Собранія, противъ богатыхъ; имя Наполеона часто произносилось тѣми, которые казались вожаками, и страшныя слова: *надо покончить съ этимъ* служили энергичнымъ выраженіемъ всѣхъ не-

годованій. Пюжоль, введенный къ Мари, принимаетъ надменный тонъ:

— Гражданинъ,—говоритъ онъ,—до февральской революціи...

— Извините,—перебиваетъ его Мари,—но мнѣ кажется, что вы забираетесь слишкомъ далеко, помните, что мнѣ некогда терять время.

— Ваше время не принадлежитъ, гражданинъ, вамъ, оно принадлежитъ народу, котораго вы являетесь представителемъ.

— Гражданинъ Пюжоль,—сказалъ съ угрожающимъ жестомъ Мари,—мы знаемъ васъ давно, мы наблюдаемъ за вами. Мы встрѣчаемся не въ первый разъ; вы говорили со мной 15-го мая, послѣ того, какъ вы, однимъ изъ первыхъ, переступили ворота Собранія.

— Хорошо!—говоритъ Пюжоль,—но знайте, что съ того дня, когда я посвятилъ себя защитѣ свободы народа, я принялъ передъ самимъ собой обязательство не останавливаться ни передъ какой угрозой; поэтому вы угрожаете мнѣ напрасно.

Тогда Мари, обратившись къ одному изъ делегатовъ, сопровождавшихъ Пюжоля, говоритъ:

— Я не могу признать представителемъ народа человѣка, который участвовалъ въ возстаніи 15-го мая; говорите вы, выскажите ваши претензіи, я васъ слушаю.

— Никто здѣсь не будетъ говорить прежде меня,—возразилъ Пюжоль, вытягивая руку между Мари и делегатами.

— Нѣтъ, нѣтъ!—восклицаютъ они.

— Развѣ вы рабы этого человѣка?—съ негодованіемъ спрашиваетъ Мари.

Продолжительный ропотъ встрѣчаетъ эти слова.

— Вы оскорбляете делегатовъ народа,—восклицаетъ Пюжоль.

— А знаете ли вы,—говоритъ, хватая его за руку, Мари,—что вы говорите съ членомъ исполнительной власти?

— Я знаю,—возражаетъ Пюжоль,—но я знаю также и то, что вы обязаны уважать меня; если вы членъ исполнительной власти, то я—делегатъ народа.

Въ эту минуту нѣсколько офицеровъ, бывшихъ въ сосѣдней комнатѣ, услыша шумъ, вошли и молча окружили делегатовъ.

— Такъ какъ вы не хотите выслушать насъ,—говоритъ Пюжоль, обращаясь къ Мари, когда они вошли,—мы уходимъ.

— Разъ вы здѣсь, говорите,—отвѣчаетъ Мари.

— Гражданинъ представитель,—съ большой увѣренностью снова заговорилъ Пюжоль,—до февральской революціи рабочій народъ терпѣлъ пагубное вліяніе капитала. Чтобы избавиться отъ эксплуатаціи хозяевъ, онъ построилъ баррикады и не сложилъ оружія до тѣхъ поръ, пока ни провозгласилъ демократическую и социальную рес-

публику, которая навсегда должна была избавить его от рабства. Теперь рабочие убедились, что они недостойным образом обмануты. Поэтому знайте, что они готовы на всё жертвы, готовы отдать свою жизнь за сохранение своих свобод.

— Я васъ понимаю, — говоритъ Мари, — только знайте: если рабочие не хотятъ уѣзжать въ провинцію, мы принудимъ ихъ къ этому силой... Вы слышали—силой?

— Силой? Да!—хорошо. Теперь мы знаемъ то, что хотѣли знать.

— А что вы хотѣли знать?

— Что исполнительная коммиссія никогда искренно не хотѣла организаціи труда. Прощайте, граждане!..

При этихъ словахъ Пюжоль, а за нимъ делегаты удаляются. Онъ сходитъ на площадь. Тамъ уже выражаютъ сильное нетерпѣніе; распространился слухъ, что онъ арестованъ. При видѣ его народъ выражаетъ радость; къ нему бросаются навстрѣчу, провожаютъ его до площади Св. Сульпиція. Здѣсь, влѣзши на край фонтана, Пюжоль, обращаясь къ народу, рассказываетъ о своей миссіи у Мари. По мѣрѣ того, какъ онъ говоритъ, делегаты знаками подтверждаютъ справедливость его рассказа или повторяютъ его слова тѣмъ, которымъ разстояніе или звонъ колоколовъ мѣшаютъ слышать...

Колокола звонятъ, потому что сегодня, 22-го іюня—праздникъ тѣла Господня; толпа въ церкви, на молитвѣ.

Нѣсколько рабочихъ всходятъ на колокольню и заставляютъ смолкнуть колокола, которые мѣшаютъ слушать. Пюжоль продолжаетъ свою рѣчь и производитъ громадный эффектъ. Онъ оканчиваетъ, приглашая своихъ людей къ шести часамъ на площадь Пантеона. Всѣ расходятся при крикахъ: *Да здравствуетъ Барбессъ! да здравствуетъ Наполеснъ! да здравствуетъ Пюжоль!* И эта шумная толпа, раздѣлившись на нѣсколько колоннъ, распространяется по набережнымъ, на площади Гревъ, въ предмѣстьѣ Сентъ-Антуанъ, наводя страхъ на весь Парижъ. Лица рабочихъ мрачны; они кажутся готовыми на все.

Въ пять часовъ вечера пять или шесть тысячъ человѣкъ собрались у Пантеона. Является Пюжоль; онъ взбирается на край рѣшетки и кричитъ: «Граждане, вѣрны ли вы святому знамени республики?—Да!—отвѣчаютъ, какъ одинъ человѣкъ, всѣ пять тысячъ пролетаріевъ.—Итакъ, слава вамъ, дѣти Парижа! вы дадите Франціи примѣръ патріотизма и мужества! Соединимся и пусть въ ухахъ нашихъ преслѣдователей раздастся крикъ: *работы или хлеба!* Если они останутся глухи къ голосу народа, горе имъ! Вы обѣщали республикѣ три мѣсяца нищеты, но вы сумѣете ото-

мстить за три мѣсяца обмана. Впередъ!» Рабочіе выстроились въ колонну, Пюжоль ведетъ ихъ. Онъ спускается съ ними по улицѣ Сэнъ-Жакъ, переходитъ Сену, предместье Сэнтъ-Антуанъ, подбираетъ по дорогѣ еще отъ трехъ до четырехъ тысячъ человѣкъ и возвращается въ восемь часовъ на площадь Пантеона. Эта прегулка, къ которой присоединяется много женщинъ, еще болѣе возбуждаетъ умы. «Друзья мои,—говоритъ Пюжоль,—я объявляю отъ имени истинныхъ республиканцевъ, что вы заслужили благодарность отечества. Въ 1830 и 1848 г. вы пролили вашу кровь за завоеваніе вашихъ правъ, вы сумѣете отстоять ихъ».—Да, да! разомъ кричитъ болѣе десяти тысячъ голосовъ.—«На обѣщанія вы отвѣчали довѣріемъ,—продолжаетъ Пюжоль,—ошибки вы прощаете; но сегодня насъ предають, и предательство должно быть погашено въ крови нашихъ враговъ—и оно угаснетъ въ ней, клянусь вамъ!»—Клянемся!—отвѣчаетъ толпа.—«На завтра въ шесть часовъ»,—говоритъ Пюжоль. Факелы гаснутъ, все погружается въ безмолвіе.

Я намѣренно остановилась на этомъ первомъ толкѣ, данномъ массѣ національныхъ мастерскихъ. Я напираю на эту отправную точку возстанія, потому что она въ моихъ глазахъ опредѣляетъ его истинный смыслъ и характеръ. Пролетарія, возставшіе въ іюнѣ, вовсе не составляли, какъ осмѣлились заявить нѣкоторыя газеты, отбросовъ рода человѣческаго; это вовсе не были сто тысячъ изступленныхъ, набросившихся вдругъ, въ припадкѣ животной жадности, на богатыхъ, чтобы задушить ихъ. Нигдѣ никто не видалъ также *тѣхъ презрѣнныхъ, состоявшихъ на жалованьи у мятежниковъ*, о которыхъ говорила ядовитая печать и которымъ платили будто бы по часамъ за грабежъ, насиліе и убійство. Если бы это было дѣйствительно такъ, то такая шайка злоумышленниковъ ни одного дня не продержалась бы открыто противъ дисциплинированной арміи, противъ ужаса и ненависти цѣлаго населенія.

То, что составляло силу іуньскаго возстанія и ея невѣроятную продолжительность, хотя возстаніе не имѣло ни плана, ни вождя, это то, что при самомъ началѣ своемъ оно въ умѣ многихъ сохраняло характеръ протеста противъ нарушенія права. Дѣйствительно, несмотря на нечистые элементы, которые испортили его, несмотря на насилія, которыя были совершены имъ, въ немъ былъ извѣстный нравственный принципъ, извѣстное если и уклонившееся съ пути, то все же искреннее начало энтузіазма, самопожертвованія, героизма, нѣчто въ родѣ *священнаго холма*, охранявшаго, какъ то чувствовалъ народъ, его право.

Іуньскій инсургентъ,—мы не должны забывать это—тотъ же боецъ, что и въ февралѣ, это торжествующій пролетарій, кото-

рому имъ же самимъ провозглашенное правительство торжественно передъ лицомъ всей страны, отнюдь не протестующей противъ этого, гарантируетъ скромный результатъ его завоеванія: трудъ въ вознагражденіе за нищету, трудъ, какъ премію за борьбу.

И этотъ пролетарій, которому со страхомъ заявляетъ о своихъ затрудненіяхъ Республика, отсрочиваетъ исполненіе обѣщанія; онъ проявляетъ безкорыстіе и терпѣніе, онъ даетъ время правительству, объявившему себя его должникомъ, даетъ отечеству *три мѣсяца нищеты*.

Три мѣсяца прошли.

Довѣрчивый пролетарій приходитъ требовать своего права на трудъ, и что же онъ слышитъ? что его встрѣчаетъ? какой отвѣтъ и какой пріемъ? Тѣ же люди, которые обсуждали съ нимъ, какъ равные съ равнымъ, условія договора, ими подписаннаго, приказываютъ ему по внезапной и непонятной причинѣ бросить свою семью, свое жилище, городъ, гдѣ онъ родился, мѣсто, гдѣ онъ одерживалъ побѣды, чтобы поступить въ войско, которое, какъ онъ знаетъ, не пойдетъ на помощь народамъ, которыхъ онъ желалъ бы освободить. А если онъ отказывается идти въ солдаты, эти люди, имъ же поставленные во главѣ верховной власти, осуждаютъ его на то, чтобы зарабатывать, подалше отъ ихъ глазъ, вредными, принудительными и непривычными для него работами ничтожную плату, которая не можетъ удовлетворить потребности самаго скромнаго существованія.

Одно только изложеніе этихъ неслыханныхъ фактовъ, одно сближеніе этихъ чиселъ: 28 февраля и 22 июня дѣлаютъ излишними всякія разсужденія. Читатель не долженъ терять изъ виду эти числа, если онъ хочетъ по справедливости оцѣнить трагическіе, роковые юньскіе дни, если онъ хочетъ понять эту ужасную революцію, когда парижскій народъ, котораго мы видѣли столь великодушнымъ, кроткимъ и благоразумнымъ, бросился, ослѣпленный бѣшенствомъ, въ варварскій мятежъ, потопилъ въ своей крови, въ крови своихъ сыновъ и братьевъ ту свободу, которую онъ хотѣлъ основать на разумѣ, и нанесъ смертельный ударъ Республикѣ, за которую второй разъ думалъ положить свою жизнь.

XXXII.

Первыя баррикады.—Военныя распоряженія генерала Кавеньяка.—Позиціи, заняты инсургентами.—Первыя схватки.—Дѣйствія генерала Ламорисьера.—Гвардія мобилей.—Дѣйствія генерала Бедо.—Засѣданіе Собранія.—Докладъ де-Фаллу о распушеніи національныхъ мастерскихъ.—Видъ Парижа въ концѣ перваго дня.—Засѣданіе 24-го.—Паденіе исполнительной коммисіи.—Генераль Кавеньякъ назначается главой исполнительной власти.—Парижъ въ осадномъ положеніи.

«Завтра, здѣсь, въ шесть часовъ!» сказалъ Пюжоль, разставаясь въ четвергъ 22 іюня со своими фанатизированными людьми.

Въ пятницу 23-го, въ шесть часовъ утра, отъ семи до восьми тысячъ рабочихъ, собравшихся на площади Пантеона, съ нетерпѣніемъ ожидали его прихода. Съ высоты перистилия онъ съ минуту смотрѣлъ на эту волнующуюся толпу, затѣмъ сдѣлалъ знакъ, что хочетъ говорить. Все смолкло. «Граждане,—сказалъ Пюжоль,—вы явились сюда на мой зовъ — благодарю васъ. Сегодня вы тѣ же, что были вчера. Впередъ!..» И толпа въ порядкѣ выстраивается позади него. Они идутъ съ развернутыми знаменами до площади Бастиліи и окружаютъ Іюльскую колонну. Пюжоль взбирается на пьедесталъ: «Шапки долой!» кричитъ онъ. Всѣ головы обнажаются. «Граждане,—продолжаетъ Пюжоль,—вы здѣсь на могилѣ первыхъ мучениковъ свободы. На колѣни!» Всѣ преклоняютъ колѣна. Тогда надъ этимъ обширнымъ пространствомъ склоненныхъ головъ, надъ этой только что возбужденной, а теперь охваченной религіознымъ чувствомъ толпой, раздается торжественный голосъ того человѣка, который въ эту минуту управляетъ всѣми чувствами ея и держитъ ея волю въ своихъ рукахъ: «Герои Бастиліи,—говоритъ Пюжоль, поднимая глаза къ небу,—герои баррикадъ пришли поклониться памятнику, воздвигнутому вашему безсмертію. Какъ вы, они совершили революцію цѣною своей крови; но до сихъ поръ ихъ кровь не принесла плода. Революцію приходится начинать сначала. Друзья,—продолжаетъ онъ, перенося свои взгляды на колѣнопреклоненную толпу,—мы стоимъ за то же, за что стояли наши отцы. На ихъ знаменахъ были написаны слова: свобода или смерть. — Друзья! свобода или смерти!» И толпа, поднявшись по одному мановенію его руки, повторяетъ въ одинъ голосъ: «свобода или смерти!»

Тутъ одна молодая дѣвушка, продавщица цвѣтовъ, выдѣляется изъ толпы и подходитъ къ Пюжолю. Она подноситъ ему букетъ; онъ привязываетъ его къ древку знамени. Затѣмъ этотъ диктаторъ

въ блузѣ дѣлаетъ повелительный жестъ, толпа трогается и торжественно идетъ дальше.

У парижскаго народа сильно развитъ культъ умершихъ. Этотъ народъ, до крайности не вѣрующій и осмѣивающій все, одержимъ такимъ могучимъ инстинктомъ личности, что онъ замѣняетъ ему вѣру. Онъ видитъ, онъ ищетъ личность вездѣ; онъ восстанавливаетъ ее даже въ могилѣ. Изобрѣтая всевозможныя эмблемы надъ останками тѣхъ, кого онъ любилъ, онъ какъ будто хочетъ ихъ предохранить этимъ отъ разрушенія. Пюжоль, несомнѣнно, хорошо зналъ народъ, если повелъ его на могилу его мучениковъ въ самомъ началѣ того дня, въ который отъ него требовались подвиги нечеловѣческаго мужества; это значило освятить возстаніе въ собственныхъ глазахъ народа единственнымъ религіознымъ актомъ, который не могъ показаться ему ни безразличнымъ, ни пустымъ, ни обыкновеннымъ ¹⁾.

Народная толпа черезъ бульвары достигла до улицы Сэнъ-Дени. Здѣсь она останавливается; настаетъ минута молчанія. Затѣмъ вожди вдругъ командуютъ: «Къ оружію! На баррикады!» и тотчасъ же принимаются за дѣло. Быстро вытащивъ нѣсколько камней мостовой, они намѣчаютъ главныя линіи защиты; они повидимому не беспокоятся, не боятся, что имъ помѣшаютъ, все дѣлаютъ методически и по порядку. Это по большей части отставные солдаты, теперь бригадиры національных мастерскихъ. Ихъ легко отличить по золотому галуну фуражки, по трехцвѣтному знамени. Всѣ въ рабочей блузѣ; обвязанный вокругъ пояса платокъ служить имъ одновременно и кушакомъ, и патронницей.

Въ половинѣ одиннадцатаго оканчивается первая баррикада

¹⁾ Я нерѣдко имѣла случай, по воскресеньямъ посѣщая парижскія кладбища, наблюдать странный контрастъ чувствъ въ этомъ народѣ, который съ чрезмѣрной насмѣшливостью относится къ живымъ и съ наивной набожностью къ умершимъ. Вы видите семью покойника, собравшуюся вокругъ могилы и принесшую ему подарки. Одинъ сажаетъ розовый кустъ; другой привязываетъ вѣнокъ изъ иммортелей къ кресту на могилѣ; третій вѣшаетъ какую нибудь нарисованную эмблему: сердце, незабудки и т. д. Всѣ одѣты по праздничному. Ребенокъ молча ѣстъ пирожокъ, купленный ему по дорогѣ съ тѣмъ, чтобы онъ былъ умникомъ. Всѣ серьезны, растроганы, но не особенно печальны. Мысль о долгомъ отсутствіи опечаливаетъ воображеніе, но страхъ вѣчной разлуки не приходитъ въ голову. А еще того менѣе думаютъ о мученіяхъ ада.

Часто мнѣ приходилось слышать, какъ бѣдняки, проходя мимо фамильнаго склепа, трогательнымъ образомъ высказываютъ сожалѣніе о томъ, что не могутъ такъ же вмѣстѣ покоиться въ могилѣ, какъ они вмѣстѣ работали во время жизни. Я совѣтую всѣмъ тѣмъ, кто хочетъ познакомиться съ парижскимъ народомъ, проводить время отъ времени по воскресеньямъ нѣсколько часовъ хотя бы на кладбищѣ Монпарнассъ.

на бульваръ Боннъ-Нувель, другая двадцатью лѣтя миагами далѣе, третья напротивъ улицы Мазагранъ. На нихъ водружаютъ трехцвѣтные флаги національных мастерскихъ, нѣкоторые съ надписью: *хлѣба или смерть!* Военный постъ на бульваръ Боннъ-Нувель, имѣющій не болѣе двадцати человекъ національной гвардіи, не получилъ никакого приказа и не можетъ сопротивляться нѣсколькимъ тысячамъ человекъ, которымъ населеніе повидимому сочувствуетъ, по крайней мѣрѣ въ душѣ. Со всѣхъ сторонъ имъ приносятъ оружіе. Въ то же время по одновременному таинственному приказу баррикады возвышаются въ предмѣстьяхъ Сентъ-Мартенъ, Тамплъ, Сентъ-Антуанъ, на площади Бастилии и въ предмѣстьѣ Пуассоньеръ. По лѣвому берегу Сены, площадь Пантеона, предмѣстье Сентъ-Жакъ, Ситэ заняты рабочими. Въ одиннадцать часовъ половина Парижа уже въ ихъ рукахъ, когда въ первый разъ раздается барабанъ. До сихъ поръ войска нигдѣ не было видно.

А между тѣмъ, вѣроятность близкаго возстанія уже около мѣсяца служитъ предметомъ всѣхъ разговоровъ. Нѣсколько разъ уже исполнительная коммиссія совѣщалась по этому поводу съ военнымъ министромъ. Она обсуждала не только цифру необходимыхъ войскъ, но и способъ расположить ихъ и дѣйствовать ими.

Относительно перваго пункта пришли къ полному соглашенію. Наличный составъ въ 20 тысячъ человекъ гвардейскихъ мобилей, 2,600 человекъ республиканской гвардіи и 2,500 полицейскихъ могутъ составить цифру болѣе чѣмъ въ 40,000 человекъ, которыхъ на первый случай вполне достаточно.

Болѣе 15,000 человекъ въ пригородахъ и въ гарнизонахъ соседнихъ мѣстностей могутъ прибыть въ нѣсколько часовъ. Съ подобной арміей, если только національная гвардія осталась при томъ же настроеніи, какъ 16 апрѣля и 15 мая, можно было разсчитывать, что удастся безъ особеннаго труда подавить народное возстаніе.

Что касается до тактики войскъ, то относительно ея явилось два мнѣнія. Нѣкоторые члены исполнительной коммиссії желаютъ предупредить возстаніе, опередить его, такъ сказать, быстротой дѣйствій, задушить его раньше, чѣмъ оно успѣло народиться, мѣшая строить баррикады и разбирая ихъ одну за другой по мѣрѣ ихъ возникновенія. «Баррикады заразительны,—говорилъ Ледрю-Ролланъ, котораго поддерживалъ Араго,—это наслѣдственный соблазнъ, наслѣдственная страсть парижскаго населенія. Разсѣйте тѣхъ, которые строятъ баррикады, какъ только они примутся за эту работу, иначе вы не успѣете оглянуться, какъ предмѣстья превратятся въ крѣпости. Вы увидите движущіяся крѣпостныя стѣны,

защищающія очевидныхъ солдатъ, надвигающіяся на ваши войска съ окраннымъ къ центру и подавляющія ихъ прежде, чѣмъ они въ состояніи будутъ драться: вы будете уничтожены».

Не таково было мнѣніе генерала Кавеньяка. Нѣсколько батальоновъ, обезоруженныхъ въ февральскіе дни, 28,000 солдатъ, приведенныхъ въ безсиліе весьма плохо организованнымъ возстаніемъ, произвели на него сильное впечатлѣніе. Мы видѣли, что онъ не безъ колебанія принялъ портфель военного министра подъ условіемъ, что ему не придется пожертвовать для своей новой роли въ политикѣ убѣжденіями солдата и что правительство *возвратитъ арміи чувство ея достоинства*¹⁾. Военная честь была преобладающимъ чувствомъ генерала Кавеньяка. По его мнѣнію, армія была унижена въ 1830 и 1843 гг.; и онъ ни за что не хотѣлъ, чтобы въ его рукахъ она потерпѣла новую неудачу. «Если только одна изъ моихъ ротъ будетъ обезоружена,—говорилъ онъ, обсуждая въ совѣтѣ съ Гарнье-Пажесомъ, Ледрю-Ролленомъ и Араго систему нападенія, необходимую для того, чтобы разсѣять силы на большомъ пространствѣ,—я застрѣлюсь». Онъ обдумалъ и составилъ совершенно противоположный планъ, въ которомъ не соглашался сдѣлать ни малѣйшаго измѣненія.

Сконцентрировать войска, поставить ихъ вокругъ Собранія, чтобы даже въ случаѣ пораженія охранить отъ нападенія верховную національную власть; предоставить національной гвардіи, какъ онъ выразился съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, защищать свои дома и лавки; ни въ какомъ случаѣ не разсѣивать своихъ войскъ, не пускать ихъ въ отдѣльности по улицамъ, но бросать ихъ могучими колоннами въ опасныя мѣста, сохраняя все время свободное сообщеніе съ центральнымъ пунктомъ, и, въ случаѣ, наконецъ, если армія будетъ не въ состояніи противиться въ Парижѣ народной массѣ, выйти изъ города и дать битву на открытомъ полѣ—таковъ былъ стратегическій планъ генерала Кавеньяка²⁾. Что побѣда будетъ куплена цѣною болѣе или менѣе тяжелыхъ потерь, что должно пролиться большее или меньшее количество крови—это было для него вопросомъ второстепенной важности.

¹⁾ См. въ концѣ книги въ „Историческихъ документахъ“ № 9.

²⁾ Этотъ планъ былъ исполненъ съ большой точностью. Ни одной минуты во время возстанія не было прервано сообщеніе периферіи съ центромъ; приказанія все время приходили съ крайней быстротою; ни разу солдаты не оставались безъ провіанта, лошади безъ фуража. Отличная администрація полковника Шарраса, который позаботился обо всемъ, быстрота, точность, общее расположеніе войскъ во время сраженія—все дало отличные результаты. Вспомнимъ, что въ 1830 г. армія нуждалась во всемъ.

Онъ раздражался, даже возмущался, когда кто-либо изъ членовъ правительства заводилъ объ этомъ рѣчь. Для него весь вопросъ сводился къ тому, чтобы вмѣстѣ съ его собственной честью спасти честь армія. Какой цѣной?—это его даже и не интересовало. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые думаютъ, что ничто не погубило, пока осталась честь. Къ тому же его мнѣніе поддерживали высшіе офицеры, къ которымъ онъ обращался за совѣтами. Генераль Бедо, командовавшій гвардейскими мобілями съ 15 мая, и генераль Ламорисьеръ, оба формально обязавшіеся служить подъ его начальствомъ въ случаѣ, если придется бороться съ серьезнымъ возстаніемъ, генераль Негріе, квесторъ Собранія; полковникъ Шаррасъ, Клеманъ Тома, удержавшій за собой командованіе національной гвардіей—все согласились относительно того, чтобы сдѣлать операціоннымъ базисомъ арміи опредѣленный центръ, къ которому въ случаѣ надобности должно будетъ отступать каждое крыло, не рискуя быть отрѣзаннымъ. Это мнѣніе поддерживалось въ совѣтѣ Ламартиномъ. Онъ и Ледрю-Ролланъ одни только знали, какъ велика была грозившая опасность. Но въ то время, какъ Ледрю-Ролланъ, относясь съ сомнѣніемъ къ таланту, а главное, къ намѣреніямъ Кавеньяка, на котораго молва указывала, какъ на скрытаго противника, какъ на вѣроятнаго преемника исполнительной комиссіи ¹⁾, хотѣлъ оставить ему лишь ограниченную власть,—Ламартинъ, напротивъ, всегда великодушный и довѣрчивый, поддерживалъ его, не только какъ командующаго арміей, но и какъ предполагаемаго будущаго главу исполнительной власти ²⁾. Съ 15 мая онъ не разъ уговаривалъ своихъ коллегъ выйти въ отставку и передать въ руки военной власти дѣла Республики, которая въ его глазахъ была близка къ гибели, вслѣдствіе отсутствія согласія и силы въ правительствѣ. Онъ думалъ, что эту необходимую, но опасную власть можно, не задумываясь, поручить лояльности генерала Кавеньяка.

Однажды, 14 іюня онъ даже принесъ въ совѣтъ свою отставку и если взялъ ее назадъ, то только изъ боязни, чтобы эта отставка наканунѣ страшнаго возстанія не показалась расчетомъ трусливаго эгоизма.

¹⁾ „Presse“ отъ 22 іюня открыто говорила, что „National“ хотѣлъ посредствомъ возстанія, сдѣлать необходимой диктатуру генерала Кавеньяка.

²⁾ „Bien public“, журналъ, редактируемый Ламартиномъ, говорилъ въ своемъ номерѣ отъ 16 іюня: „Генераль Кавеньякъ съ каждымъ днемъ обнаруживаетъ все болѣе и болѣе на трибунѣ характеръ государственнаго дѣятеля. Его строгая и умѣренная рѣчь всегда затрагиваетъ какую-нибудь истину“.

Въ засѣданіи 22 іюня послѣ полуночи, Ламартинъ, съ гордо-
стью отвергнувъ во имя своей собственной чести и чести своихъ
коллегъ совѣтъ выйти въ отставку, который снова давалъ ему
Мартэнъ (изъ Страсбурга) отъ имени собранія Національнаго Дворца,
настаивалъ опять, и на этотъ разъ съ успѣхомъ, на томъ, чтобы
военная власть была сосредоточена въ рукахъ генерала Кавеньяка.
Ламартинъ совѣтовалъ также дѣйствовать съ возможной скоростью
и со всѣмъ необходимымъ въ этихъ серьезныхъ обстоятельствахъ
согласіемъ и, съ цѣлью сдѣлать это согласіе болѣе очевиднымъ,
предлагалъ, чтобы часть правительства оставалась вмѣстѣ съ
главнокомандующимъ во дворцѣ президента Собранія ¹⁾).

Такъ какъ мнѣніе Ламартина взяло верхъ и все было рѣ-
шено, генералъ Кавеньякъ сдѣлалъ свои распоряженія. Въ то
время, какъ забили сборъ, и національная гвардія бросилась къ
баррикадамъ, онъ призвалъ къ себѣ генераловъ Бедо, Ламор-
исьера, Дамэма, Фушэ, Лебретона и передалъ имъ заранѣе на-
значенные имъ посты. Согласно своему плану, онъ собралъ войска
въ Елисейскихъ Поляхъ, въ Тюильри, на площади Согласія, на
эспланадѣ Инвалидовъ, и генералъ Фушэ получилъ приказъ охра-
нять Собраніе. Двѣ главныя дивизіи должны были раздѣлить
между собой операціи. Первая дивизія, порученная генералу Бедо,
должна была отправиться въ Ратушу. Вторая, подъ командой ге-
нерала Ламорисьера, должна была защищать предмѣстья праваго
берега по всей линіи бульваровъ отъ Шато д'О до церкви Св. Маг-
далины. Кавалерійская бригада, подъ командой генерала Групи,
должна была занимать бульвары отъ улицы Гельдеръ до Монмартр-
скаго предмѣстья и производить развѣдки до главной квартиры ге-
нерала Ламорисьера. Генералъ Дамэмъ, во главѣ поддивизіи,
получилъ приказаніе защищать лѣвый берегъ, въ особенности
Люксембургскій дворецъ, гдѣ засѣдала часть исполнительной ком-
миссіи.

Отдавая, такимъ образомъ, приказанія генераламъ, которые

¹⁾ Политическое безкорыстіе, которое руководило въ то время поступ-
ками и словами Ламартина, не было, по моему мнѣнію, достаточно оцѣ-
нено. Онъ во второй разъ жертвовалъ собой общественному благу. Отка-
зываясь послѣ 16 апрѣля разстаться съ Ледрю-Ролленомъ, неудовольствіе
котораго могло, по его мнѣнію, дать еще значительную силу рево-
люціонной оппозиціи, онъ отказался отъ всякаго вліянія на Собраніе.
А на этотъ разъ, признавая, что общественное мнѣніе давало генералу
Кавеньяку болѣе сильную власть, чѣмъ его собственная, но необходи-
мую для того, чтобы пережить опасный кризисъ, уступая мѣсто сопер-
нику, онъ попиравъ свою гордость, свое честолюбіе, всѣ самыя сильныя
чувства человѣческаго сердца.

были старше его въ чинѣ и которые были его начальниками въ военной іерархіи, генераль Кавеньякъ былъ очень въволнованъ. Когда онъ увидѣлъ, что генераль Ламорисьеръ, съ которымъ онъ въ Африкѣ имѣлъ непріятныя столкновенія, съ удивительной простотой подходитъ къ нему, чтобы получить изъ его рукъ опасный постъ, команду для защиты дѣла, которое онъ не считалъ своимъ. Кавеньякъ съ трудомъ удержалъ свои слезы. Его опасенія, кромѣ того, были очень велики. Онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о силахъ революціонеровъ, съ которыми ему предстояло сражаться. Какіе то были элементы, какія были ихъ средства нападенія, ихъ вожди, ихъ планъ, ихъ пароль? Имѣли ли революціонеры оружіе, военные запасы, тайныя соглашенія и условія? Чего они хотѣли? За кого они подняли оружіе? Будутъ ли его противниками коммунисты, имперіалисты, или роялисты? Этого онъ не зналъ. По привычкѣ ли, въ силу ли своего характера, или же по своему меланхолическому темпераменту и сосредоточенному уму, генераль Кавеньякъ жилъ совершенно изолированно, и въ его уединеніе слабо проникали политическія идеи, управляющія людьми, чувства и инстинкты, возбуждающіе массы.

Что же касается силъ, которыми онъ могъ располагать для подавленія возстанія, онъ положился на полковника Шарраса, который не считъ возможнымъ, при возбужденномъ состояніи умовъ, держать въ Парижѣ, какъ этого хотѣла исполнительная коммиссія, гарнизонъ въ 25,000 человекъ, изъ которыхъ часть принуждена бы была жить на бивакахъ ¹⁾, такъ какъ болѣе половины казармъ, которыхъ хватало въ обыкновенное время, была занята съ марта мѣсяца гвардейскими мобілями. Поэтому онъ не могъ предоставить главнокомандующему болѣе десяти-двѣнадцати тысячъ готовыхъ къ сраженію солдатъ.

Гвардія мобілей, числомъ отъ 15 до 16 тысячъ человекъ, не внушаетъ никакого довѣрія. Это все дѣти предмѣстій. Неужели ихъ заставятъ идти противъ народа? Неужели они будутъ стрѣлять

¹⁾ Нѣсколько дней спустя послѣ праздника Братства (23 апрѣля) временное правительство сочло возможнымъ вернуть въ Парижъ 29-й линейный полкъ, состоявшій подъ командой полковника Дюлака. Подойдя къ заставѣ, онъ увидѣлъ себя окруженнымъ возбужденной толпой, которая не хотѣла пропускать его. Тогда онъ съ большимъ самообладаніемъ спросилъ стоявшихъ близъ него рабочихъ: „Развѣ временное правительство свергнуто?“—Нѣтъ,—отвѣчаетъ толпа.—«Ну такъ вотъ его приказъ, помогите мнѣ исполнить его». И тѣ же самые люди при крикахъ: „Да здравствуетъ временное правительство!“ окружаютъ полковника, идутъ впереди его, расчищаютъ ему дорогу и сопровождаютъ до Ратуши. Тѣмъ не менѣе правительство не сочло возможнымъ оставить этотъ полкъ въ Парижѣ.

въ своихъ родныхъ, въ своихъ братьевъ? Кромѣ того, извѣстно, что рабочіе рассчитываютъ на нихъ; что они въ постоянныхъ сношеніяхъ съ тайными обществами. Они выбрали въ командиры себя нѣсколькихъ явныхъ сторонниковъ Людовика-Наполеона Бонапарта. Ходятъ слухи о заговорѣ, который составляется въ ихъ рядахъ въ пользу принца; говорятъ, что начальники баталіоновъ устроили сходку 18-го и 20-го числа, чтобы сговориться, слѣдуетъ ли драться и съ которой стороны баррикадъ.

Республиканская гвардія, несмотря на принятія для ея реорганизациі мѣры, возбуждаетъ не менѣе недовѣрія, чѣмъ гвардейскіе мобили. Что касается національной гвардіи, то, кромѣ того, что нѣсколько легіоновъ, между прочимъ 12-й и 8-ой, принадлежатъ къ партіи Барбеса, легіоны пригородовъ большею частью бонапартисты¹⁾, генералъ Кавеньякъ на нее вовсе не надѣется. Онъ считаетъ ее годной развѣ только на то, чтобы оттянуть на нѣсколько часовъ вступленіе въ бой регулярныхъ войскъ. А сами эти войска, эта армія, деморализованная недавнимъ пораженіемъ и воспоминаніями 1830 г., эти солдаты, которые почти не знаютъ его, эти генералы, надъ которыми онъ не имѣетъ авторитета, какъ они будутъ держать себя при встрѣчѣ съ общимъ врагомъ? Какъ они будутъ вести эту коварную уличную войну среди города, который сдѣлался имъ почти чужимъ послѣ пребыванія въ Африкѣ? Наконецъ, что доводитъ до высшей точки безпокойство генерала Кавеньяка, такъ это то, что съ 15 мая начинаютъ распространяться глухія обвиненія противъ исполнительной комиссіи и, судя по своимъ собственнымъ впечатлѣніямъ, ему кажется, что можно усомниться въ ея лояльной поддержкѣ. Онъ узналъ необъяснимый для себя фактъ, что данный въ совѣтѣ приказъ арестовать Пюжоля, Эскироса и 56 делегатовъ 12-го округа, собравшихся наканунѣ въ Зоологическомъ саду, не исполненъ, и что эти люди командуютъ на баррикадахъ²⁾

Такое состояніе неувѣренности мучительно; поступающіе доклады

¹⁾ 23-го іюня національная гвардія гренельскаго квартала, направленная на Тюильри, двинулась при крикѣ: „да здравствуетъ Наполеонъ!“ и объявила, что если ее пошлютъ на баррикады, она не будетъ стрѣлять.

²⁾ Этотъ приказъ, присланный Рекюромъ 22-го, въ семь часовъ вечера, въ полицейскую префектуру, полученъ былъ директоромъ общей безопасности Паниссомъ; но такъ какъ префектъ, Трува-Шовель, который наканунѣ настоятельно просилъ точныхъ приказаній и не добился ихъ, ушелъ обѣдать, то узналъ о немъ только на другой день 23-го въ десять часовъ утра. Мѣсто жительства многихъ изъ названныхъ въ спискѣ лицъ, которыя предполагалось арестовать, было неизвѣстно. Приходилось довольно долго узнавать его, а въ это время воздвигались баррикады, и эти люди руководили восстаніемъ.

превращают сомнѣнія въ печальную дѣйствительность. Національная гвардія, кромѣ 1-го, 2-го и 10-го легіоновъ, вяло отвѣчаетъ на призывъ ¹⁾. Она не довѣряетъ, жалуется на недостатокъ патроновъ, ропщетъ противъ исполнительной комиссіи, хочетъ знать, за что дерутся, требуетъ увидѣть линейныя войска. Со всѣхъ сторонъ просятъ подкрѣпленій. Въ Ратушѣ войска слишкомъ мало; мэры хотятъ имѣть войска во всѣхъ маріяхъ. Маррасть и Гарнье-Пежесъ требуютъ полкъ кавалеріи и два полка пѣхоты, чтобы защищать Люксембургъ. Представители, которые ходили по взбунтовавшимся кварталамъ, возвращаются чрезвычайно взволнованные и внушаютъ паническій страхъ всѣмъ. Генерала Кавеньяка осаждаютъ вопросами, совѣтами, упреками. Борьба едва только еще началась, какъ ему уже говорятъ, что все погибло.

И, дѣйствительно, есть чего безпокоиться. Въ теченіе немногихъ часовъ, которые протекли, инсургенты заняли весьма сильныя позиціи на правомъ берегу Сены. На лѣвомъ берегу они овладѣли Пантеономъ, откуда они идутъ во всѣ стороны по забарикадированнымъ черезъ каждые тридцать шаговъ улицамъ. Въ центрѣ они занимаютъ всю часть Ситэ, простирающуюся за полицейскую префектуру и за зданіе Суда. Всюду населеніе по видимому симпатизируетъ имъ, или, по крайней мѣрѣ, оно останется зрителемъ сраженія, не оказывая никакой помощи войскамъ.

Первыя стычки, которыя произошли одновременно у воротъ Сѣнъ-Дени и близъ Пантеона, были весьма кровопролитны. Мы видѣли, что рабочіе, съ шести часовъ утра, собрались, въ числѣ 8000—10,000 человекъ, у Пантеона. Они построили здѣсь четыре сильныхъ баррикады. Мэръ 12-го округа, Пинель-Граншанъ, велитъ бить барабанъ къ сбору. На призывъ являются тридцать человекъ. Сильная вражда между 11-мъ и 12-мъ легіонами усложняетъ положеніе. Боятся, что, встрѣтятся, они обратятъ оружіе другъ противъ друга. Мэръ, пользующійся въ округѣ извѣстнымъ вліяніемъ, начинаетъ вести переговоры съ инсургентами. У всѣхъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: они не хотятъ ѣхать въ Солонь; они требуютъ работы. Пинель-Граншанъ обѣщаетъ представить ихъ просьбу Собранію; въ свою очередь, они обѣщаютъ держать себя смирно позади баррикадъ, если солдаты не придутъ туда. Во время этихъ переговоровъ появляется колонна войска. Ее послалъ Араго для развѣдки. Эта колонна состоитъ изъ одного баталіона 11-го легіона подъ командой полковника Кинэ, изъ одного отряда 13-го

¹⁾ Въ 4-мъ легіонѣ, между прочимъ, имѣющимъ отъ 12 до 15 тысячъ человекъ, собралось не болѣе двухъ-трехъ сотъ. Въ 11-мъ не пришло болѣе двадцати на каждую роту въ 300 человекъ.

линейнаго полка и изъ отряда драгунъ. Пинель-Граншанъ, обращаясь къ командиру, убѣждаетъ его не начинать борьбы. Онъ свидѣтельствуесть о мирныхъ намѣреніяхъ своего округа; онъ утверждаетъ, что баррикады скоро добровольно будутъ покинуты, только чтобы не лилась кровь. Офицеры, которымъ вовсе не хочется начинать гражданскую войну, поддаются на убѣжденія, и колонна уходитъ обратно.

Видя, что приказы его не исполняются, Араго выходитъ изъ себя и рѣшаетъ, что самъ выступить противъ баррикадъ. Онъ усиливаетъ свою колонну эскадрономъ драгунъ, двумя отрядами пѣхоты и беретъ съ собой двѣ пушки. Такимъ образомъ, онъ около 12 часовъ подходитъ къ баррикадѣ, запирающей улицу Суффло. Онъ выступаетъ одинъ на довольно большое разстояніе отъ войска и дѣлаетъ знакъ, что хочетъ говорить. Навстрѣчу ему выходитъ Пинель-Граншанъ. Двое или трое вождей инсургентовъ стоятъ на нагроможденныхъ камняхъ, съ ружьями въ рукахъ. Группа рабочихъ направо и нѣлѣво слѣдятъ глазами за каждымъ движеніемъ своихъ начальниковъ. Настаетъ молчаніе. Араго спрашиваетъ этихъ людей, почему они встаютъ противъ правительства Республики; и какъ могутъ добрые граждане возмущаться противъ закона и идти на баррикады... «Вы сами были съ нами на баррикадахъ въ 1832 г!.. кричитъ ему чей-то голосъ: вспомните монастырь Сэнъ-Мерри!—Господинъ Араго, вы хороший гражданинъ,—говоритъ очень вѣжливо другой инсургентъ,—мы васъ очень уважаемъ; но вы не имѣете права дѣлать намъ упреки: вы никогда не были голодны, и вы не знаете, что такое нищета».

Араго продолжаетъ. Онъ съ большимъ краснорѣчіемъ говоритъ имъ о добрыхъ намѣреніяхъ правительства, о его искреннемъ желаніи удовлетворить ихъ законныя требованія. «Намъ такъ много общали и ничего не сдѣлали»,—продолжаетъ человекъ въ блузѣ, который противъ своей воли чувствуетъ себя взволнованнымъ въ присутствіи этого храбраго старика, на лицѣ котораго сіяетъ двойное пламя патріотизма и гениальности. «Мы сдѣлали, что могли»,—сухо отвѣчаетъ Араго. «Это неправда!»—кричитъ другой голосъ, и въ группахъ происходитъ большой шумъ. «Я не могу вести переговоры съ людьми, которые меня оскорбляютъ»,—говоритъ Араго, удаляясь съ жестомъ негодованія.

Въ эту минуту въ группѣ инсургентовъ поднимается чей-то карабинъ и прицѣливается въ него. Но рѣзкое движеніе отводитъ выстрѣлъ. «Всѣ мои усилія были тщетны,—говоритъ Араго офицерамъ національной гвардіи, съ безпокойствомъ ожидавшимъ его возвращенія:—эти люди обезумѣли; я ничего не могу сдѣлать, пусть рѣшитъ сила». Тотчасъ же по его приказанію бьютъ барабаны, и

раздается трехкратное предупреждение; затѣмъ на баррикаду направляютъ пушки. Войско ускореннымъ маршемъ движется въ атаку. Араго идетъ впереди; онъ рискуетъ своею жизнью, драгоценной для Франціи и для всего міра, съ безстрашіемъ молодого солдата.

Можетъ быть, революціонеры недостаточно многочисленны, можетъ быть, ихъ пугаетъ видъ пушки,—но они посмѣшно покидаютъ баррикаду и рассыпаются по улицамъ съ криками: «Къ оружію!» Отсюда Араго направляется къ площади Камбрэ и къ улицѣ Матюранъ-Сантъ-Жакъ, гдѣ сильная баррикада, подъ командой капитана 12-го легіона, оказываетъ продолжительное сопротивление. Лишь пушки могли въ достаточной степени разрушить ее, послѣ чего ее приходится брать въ штыки, теряя много людей. Взявъ двѣ-три другія баррикады и освободивъ окрестность Пантеона, Араго, сопровождаемый одной только національной гвардіей, возвращается въ Люксембургъ, оставляя пушки и войска генералу Дамамъ, который устраиваетъ свою главную квартиру на площади.

Въ это же время происходила сильная схватка на бульварѣ Боннъ-Нувель. Я уже говорила, что Пюжоль велѣлъ построить первую баррикаду на высотѣ воротъ Сантъ-Дени. По бокамъ этой баррикады были двѣ другія: онѣ закрывали входъ въ улицы Мазагранъ и Клері.

Отрядъ изъ пятидесяти человѣкъ 2-го легіона, сопровождающій барабанщиковъ, которые бьютъ сборъ, спускается по бульвару, не подозрѣвая, что инсургенты такъ близко, какъ вдругъ видятъ передъ собою баррикаду. Национальная гвардія дѣлаетъ знакъ, чтобы не стрѣляли, и подходит на разстояніе приблизительно сорока шаговъ. Но или знакъ ихъ не былъ понятъ, или на него не обратили вниманія,—съ террасы дома, составляющаго уголъ бульвара Боннъ-Нувель и предмѣстья Сантъ-Дени, раздается пальба: человѣкъ двѣнадцать падаютъ убитыми или ранеными. При звукѣ выстрѣловъ прибѣгаютъ нѣсколько отдѣльныхъ солдатъ національной гвардіи, а вскорѣ является одинъ баталіонъ 2-го легіона, подъ командой подполковника Бульона, и одна рота 3-го легіона, подъ командой подполковника Леклера. Представитель народа Корали также съ ними.

Встрѣчаемые страшнымъ огнемъ, они тѣмъ не менѣе рѣшительно идутъ къ баррикадѣ. Инсургенты, спустившіеся съ баррикады и вышедшіе изъ домовъ, окружаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Завязывается бой въ рукопашную; двѣнадцать національныхъ гвардейцевъ убиты; человѣкъ сорокъ другихъ тяжело ранены. Но ничто не можетъ поколебать ихъ мужество. Национальная гвардія энергично и горячо снова вступаетъ въ бой. Глава инсургентовъ, стоявшій

на опрокинутой каретѣ и со знаменемъ въ рукахъ командовавшій оттуда битвой, смертельно раненъ.

Бой считается оконченнымъ; но въ ту минуту, какъ знамя падаетъ изъ рукъ вождя, молодая дѣвушка, которую до тѣхъ поръ никто не замѣчалъ, хватается его, держитъ его надъ головой и машетъ имъ съ вдохновеннымъ видомъ. Съ распущенными волосами, съ обнаженными руками, одѣтая въ яркое платье, она словно бросаетъ вызовъ смерти. При видѣ ея солдаты національной гвардіи не хотятъ стрѣлять; они кричатъ ей, чтобы она уходила, но она неустрашимо стоитъ, жестомъ и словами вызывая нападающихъ. Раздается выстрѣлъ, она шатается и падаетъ. Но другая женщина появляется около нея. Одной рукой она обнимаетъ окровавленное тѣло подруги, другой бросаетъ камни въ нападающихъ. Еще одинъ выстрѣлъ, и она тоже падаетъ на трупъ, который держала въ своихъ объятіяхъ. Въ этотъ ужасный моментъ, во время самой сильной перестрѣлки, хирургъ національной гвардіи выходитъ изъ рядовъ, чтобы подать помощь обѣимъ женщинамъ. Но убѣдившись въ томъ, что онѣ умерли, снова подъ перекрестнымъ огнемъ выстрѣловъ возвращается къ раненымъ товарищамъ. Баррикада взята приступомъ. Инсургенты бѣгутъ къ предмѣстью Сэнъ-Дени. Пальба продолжалась не менѣе получаса.

Почти въ ту же минуту на бульварѣ, со стороны церкви Св. Магдалины появляется колонна, которой командуетъ генераль Ламорисьеръ. Теперь около половины третьяго. Генераль Ламорисьеръ устраиваетъ свою главную квартиру у Шато д'О. Онъ командуетъ четырьмя колоннами, которыя должны оперировать одновременно въ предмѣстьяхъ Пуассоньеръ, Сэнъ-Мартэнъ и Тамплъ. Положеніе его критическое; ему не могли дать болѣе четырехъ или пяти тысячъ человѣкъ, съ которыми онъ долженъ занять обширное пространство, простирающееся въ одномъ направленіи отъ одного конца предмѣстья Тамплъ до церкви Св. Магдалины, а въ другомъ направленіи отъ верхняго конца улицы Клиши до Луврскаго дворца.

Прежде всего онъ посылаетъ развѣдать позиціи непріятеля. Донесенія неутѣшительны. Борьба идетъ повсюду и остается, по меньшей мѣрѣ, нерѣшенной между энергично дѣйствующими инсургентами и не особенно горячо сражающимися войсками. Въ Петитъ-Виллеттѣ инсургенты захватили двадцать пять ящиковъ съ мускетами. Генераль Клеманъ Тома, въ сопровожденіи Жюля Фавра и Ландрэна, пройдя скорымъ маршемъ улицу Сэнтъ-Антуана и достигнувъ до улицы Кюльтюръ-Сэнтъ-Катринъ, близъ церкви св. Павла, во главѣ отряда 1-го легіона, 21-го линейнаго полка и эскадрона драгунъ, раненъ двумя пулями въ ляжку при атакѣ бар-

рекады, которую онъ беретъ лишь черезъ полтора часа, и послѣ четырехъ штурмовъ, въ которыхъ теряетъ болѣе пятидесяти человѣкъ убитыми и ранеными.

Представитель Дорнэсъ во главѣ отряда гвардейскихъ мобилей, пытавшійся завязать переговоры на баррикадѣ предмѣстья Сэнтъ-Мартэнъ, тяжело раненъ. На Вогезской площади двѣсти человѣкъ національных гвардейцевъ, которыхъ инсургенты держатъ подъ огнемъ, стрѣляютъ по ошибкѣ въ гвардейскихъ мобилей, идущихъ къ нимъ на помощь. Восемь человѣкъ убитыхъ и раненыхъ падаютъ жертвой этой ошибки. Въ предмѣстьѣ Пуассоньеръ инсургенты занимаютъ заставы Рошъ-Шуаръ, Пуассоньеръ, Виллеттъ: они опираются на Монмартръ и Шанель-Сэнтъ-Дени, гдѣ все население и національная гвардія на ихъ сторонѣ.

Генераль Ламорисьеръ, имѣющій въ это время въ своемъ распоряженіи только двѣ пушки, два эскадрона улановъ, два баталіона гвардейскихъ мобилей, два баталіона 2-го легіона и нѣсколько отрядовъ 11-го кавалерійскаго полка, не имѣетъ возможности перейти въ наступленіе. Безпокойный съ тыла, принужденный атаковать одновременно баррикады предмѣстievъ Сэнтъ-Дени и Сэнтъ-Мартэнъ, а также баррикады предмѣстья Тамплъ, которыя угрожаютъ его правому флангу, онъ можетъ только преградить инсургентамъ дорогу къ Ратушѣ, охраняя нижнюю часть предмѣстій и главнымъ образомъ начало улицъ, выходящихъ на бульваръ. Но и эта задача чрезвычайно трудная. Генераль Ламорисьеръ совершаетъ здѣсь чудеса ловкости. Принужденный дѣйствовать съ горстью людей на огромномъ пространствѣ улицъ и переулковъ, которыхъ онъ не знаетъ и гдѣ возстаніе занимаетъ самыя благопріятныя позиціи, ему удается въ теченіе цѣлаго дня быстротою и смѣлостью своихъ передвиженій, обманывать непріятеля относительно состоянія своихъ силъ и закружить свои собственныя войска такъ, чтобы они не успѣвали сосчитать своихъ.

Онъ показывается на всѣхъ опасныхъ пунктахъ. То онъ по скользкой мостовой, на которой едва держится лошадь, скачетъ вдоль всей улицы, то шагомъ, небрежно съ сигарой въ зубахъ проѣзжаетъ подъ градомъ пуль къ баррикадѣ, гдѣ на него уставлены всѣ ружья, между тѣмъ какъ онъ шутивымъ тономъ дѣлаетъ замѣчанія солдатамъ, словно на парадѣ. И эта блестящая отвага, эта неустрашимость, удивляющая самыхъ храбрыхъ, тѣмъ болѣе изумительна, что Ламорисьеръ, внушая всѣмъ мужество, ободряя всѣхъ, не только не обманываетъ самъ себя относительно шансовъ слишкомъ неравной борьбы, а, напротивъ, преувеличиваетъ опасность. У него вырывается возгласъ удивленія, когда онъ узнаетъ съ какой храбростью національная гвардія взяла безъ помощи

войска первые баррикады. Онъ считалъ національную гвардію ни во что въ своихъ операціонныхъ планахъ или даже боялся, чтобы она, какъ 24-го февраля, не встала между народомъ и арміей. Въ особенности онъ не довѣрялъ гвардейскимъ мобилиямъ, всюду чулъ измѣну и каждую минуту опасался, что деморализація заразитъ солдатъ. Наконецъ, его положеніе показалось ему настолько затруднительнымъ, что онъ послалъ сказать генералу Кавеньяку, что если ему не пришлютъ сильныхъ подкрѣпленій, то онъ не отвѣчаетъ за то, что не сумѣетъ продержаться до вечера противъ возстанія, которое съ минуту на минуту приобретаетъ большую увѣренность и, навѣрное, имѣетъ какіе-нибудь скрытые ресурсы.

На площади Лафайетъ и въ сосѣднихъ улицахъ происходила уже нѣсколько часовъ ожесточенная борьба. Инсургенты, съ помощью бочекъ для поливки улицъ, досокъ и камней мостовой, соорудили здѣсь очень высокую баррикаду, которую защищаютъ рабочіе - механики Шапель-Сантъ-Дени; ими командуетъ капитанъ національной гвардіи Лежениссаль, вся рота которого перешла на сторону возстанія.

Инсургенты занимаютъ также дома, составляющіе уголъ площади и улицъ Лафайетъ и Аббевиль. Немного ниже еще двѣ баррикады, столь же сильныя, перегораживаютъ улицу Бельфонъ и улицу Фобуръ-Пуассоньеръ на высотѣ газоваго завода. Укрѣпленіе позиціи чрезвычайно сильное. Нѣсколько баталіоновъ второго легіона, нѣсколько ротъ 7-го кавалерійскаго полка и гвардейскихъ мобилей, подъ командой генерала Лафонтэна, другъ за другомъ проходятъ черезъ предмѣстье, гдѣ инсургенты не оказали сопротивленія въ виду баррикады, пересѣкающей площадь Лафайетъ. Трижды дается предупрежденіе, но напрасно. Начинается стрѣльба. Инсургенты отвѣчаютъ. Въ теченіе двадцати минутъ пули сыпятся съ обѣихъ сторонъ и попадаютъ во многихъ стражающихся. Генералъ Лафонтэнъ приказываетъ бить въ барабанъ къ нападенію. Войска идутъ на баррикады въ штыки. Человѣкъ тридцать солдатъ выламываютъ двери домовъ ударами прикладовъ и силой овладѣваютъ окнами, чтобы защищать тѣхъ, которые идутъ на приступъ. Наконецъ, баррикада взята; но успѣхъ стоилъ очень дорого. Инсургенты выказали такое мужество и присутствіе духа, которыя удивляютъ войска. Національная гвардія потеряла человѣкъ двадцать. Мостовая залита кровью. На носилкахъ проносятъ храбраго Лефевра, командовавшаго третьемъ баталіономъ второго легіона и придвинувшагося съ нѣсколькими стрѣлками до угла улицъ Дюнкирхена и Денана. Смертельно раненный пулей въ печень, Лефевръ умирающимъ голосомъ спрашиваетъ собравшихся вокругъ него то-

варищей: «Баррикада взята?» — Взята, — отвѣчаютъ они. — «Да здравствуетъ Республика!» — шепчетъ Лефевръ, съ усиленіемъ поднимая руку. Каждый въ эту минуту молча присоединялся къ этому чувству благороднаго патріотизма, которое наполняло и волновало всѣ сердца.

Въ это время колонна войскъ подъ командой генерала Рапателя продвинулась до предмѣстья Сентъ-Дени, штурмомъ атаковала и взяла мѣнѣе, чѣмъ въ полчаса одну за другой пять баррикадъ, построенныхъ на очень маломъ разстояніи другъ отъ друга въ улицѣ Сентъ-Лоранъ и вокругъ церкви того же имени. Подполковникъ Бассакъ, командовавшій 5-мъ баталіономъ гвардейскихъ мобилей, шелъ въ огонь съ такой отвагой, что она сообщалась и его молодому войску. Четыре инсургента убиты его рукой; двое другихъ обезоружены имъ. Ратапель, видящій эти чудеса храбрости, подходитъ къ нему, протягиваетъ ему руку и, цѣлуя его подъ огнемъ баррикады, говоритъ: «Вы и вашъ баталіонъ — покрыли себя славой!»

Эта была истинная правда. Храбрость юныхъ гвардейскихъ мобилей въ этомъ первомъ и страшномъ испытаніи не могли бы даже представить себѣ тѣ, которые не видѣли ее своими глазами. Шумъ выстрѣловъ, свистъ пуль кажется имъ какой-то новой игрой, которая веселитъ ихъ. Дымъ, запахъ пороха возбуждаютъ ихъ. Они бѣгутъ на приступъ, карабкаются на сваливающіеся камни, цѣпляются за всѣ преграды съ изумительной ловкостью. Разъ они увлечены битвой, никакая команда не въ силахъ остановить ихъ; ими движетъ соревнованіе и толкаетъ ихъ навстрѣчу смерти. Вырвать ружье изъ окровавленныхъ рукъ сражающагося, приставить къ обнаженной груди дуло ружья, вонзить штыкъ въ трепещущее тѣло, ступать ногами на трупы, влѣзать первымъ на самую высокую точку баррикады, получать смертельныя раны и смѣяться при видѣ собственной крови, овладѣть знаменемъ, размахивать имъ надъ своей головой, бравируя непріятельскія пули — все это было для этихъ слабенькихъ и геройскихъ дѣтей Парижа неизвѣданными наслажденіями, которыя дѣлали ихъ не чувствительными ни къ чему.

Этотъ безумный порывъ молодости и эта жажда славы, поддерживаемые блестящей и спокойной доблестью офицеровъ, увлекали за собой полки и массу національной гвардіи. Если бы гвардейскіе мобили перешли на сторону возстанія, какъ того боялись, то можно почти съ увѣренностью сказать, что и побѣда перешла бы вмѣстѣ съ ними къ инсургентамъ.

Между тѣмъ, одинъ молодой національный гвардеецъ, Дрейфусъ, предложившій генералу Ламорисьеру свои услуги для опасной

должности адъютанта, является къ генералу Кавеньяку. Онъ кратко докладываетъ ему о состояніи войскъ, о большихъ потеряхъ, повесенныхъ ими, о невозможности сохранить свои преимущества на громадномъ пространствѣ, гдѣ населеніе помогаетъ возстанію. Онъ рассказываетъ о поступкахъ почти безумной храбрости, которыми генераль хочетъ возбудить мужество солдатъ. При этомъ разсказѣ Кавеньякъ съ трудомъ сдерживаетъ свое волненіе: его душевное страданіе безмѣрно. Онъ ясно видитъ, что силы, имѣющіяся у него въ рукахъ, не достаточны. Онъ уже нѣсколько часовъ съ нетерпѣніемъ или пренебреженіемъ выслушиваетъ неясныя отъ страха донесенія, которыя ему каждую минуту дѣлаютъ офицеры національной гвардіи, мэры и представители; но когда онъ узнаетъ, что Ламорисьеръ, донесенія котораго до сихъ поръ были успокоительны, проситъ о помощи, то имъ овладѣваетъ крайнее безпокойство.

Ему съ давнишнихъ поръ извѣстна храбрость Ламорисьера. Онъ видѣлъ, съ какимъ самоотверженіемъ, забывая всѣ прежнія ссоры, онъ пришелъ принять изъ его рукъ второстепенную команду. Онъ проситъ о помощи,—слѣдовательно, положеніе его отчаянное.

«Скажите генералу, что я самъ приведу ему подкрѣпленія» — говоритъ Кавеньякъ Дрейфусу. И тотчасъ же онъ садится на лошадь и по бульварамъ доходитъ до Шато-д'О во главѣ сильной боевой колонны.

Генерала Кавеньяка сопровождаютъ представители Ландрэнъ, Жюль Фавръ, Гекерэнъ, Фландэнъ, Прюдомъ, де-Людръ. Ламартинь съ представителями Пьеромъ Бонапартомъ, Тревенеконъ и Дюклеромъ также присоединяются къ нему. Оба они, Кавеньякъ и Ламартинь, объаты глубокой печалью. У обоихъ въ головѣ шевелятся мрачныя мысли.

«Въ то время я былъ только военнымъ министромъ,—отвѣчалъ въ послѣдствіи Кавеньякъ людямъ, которые не стыдились спрашивать у него отчетъ, не только въ его дѣйствіяхъ, но и во всѣхъ его чувствахъ въ теченіе этого ужаснаго дня: —я имѣлъ полное право идти подъ пули, если мнѣ этого хотѣлось».

Гроза, обложившая небо тучами, молніи, сопровождаемыя раскатами грома, продолжительный дождь казались дурными предзнаменованіями и наводили еще большее уныніе. Такъ достигли главной квартиры Ламорисьера. Она находилась въ кафе на углу бульвара и улицы Санъ-Дени. Тамъ Ламорисьеръ отдаетъ отчетъ Кавеньяку о своихъ операціяхъ. Онъ говоритъ ему о холодности, о колебаніяхъ линейныхъ войскъ, о многочисленныхъ потеряхъ и девертирствѣ, которыя на одну треть уменьшаютъ личный составъ

гвардейскихъ мобилей, о невѣроятномъ воодушевленіи инсургентовъ. Нѣсколько разъ онъ пытался говорить съ ними, но они каждый разъ отвѣчали ему выстрѣлами почти въ упоръ. Онъ спрашивалъ плѣнныхъ о цѣли возстанія и не могъ добиться никакого опредѣленнаго отвѣта. Одни говорятъ, что хотятъ демократической и соціальной республики, другіе, что хотятъ Людовика-Бонапарта. На каждой баррикадѣ среди молчанія, сохраняемаго сражающимися, слышенъ голосъ, командующій по-военному; но неизвѣстно, какому высшему приказу повинуются эти начальники. Ни имени, ни крика, ни одной эмблемы, которая обнаруживала бы настоящій характеръ или цѣль возстанія. До сихъ поръ видны только одни трехцвѣтные флаги. Тревожа воображеніе солдатъ, тайна этой уличной войны удваиваетъ силы инсurreкціи.

Во время этого краткаго разговора, Ламартинъ продолжалъ идти къ предмѣстью Тамплъ, по Итальянскому бульвару. Многочисленная толпа, собравшаяся здѣсь, встрѣчаетъ поэта частыми криками: *долой Ламартина!* Однако, дальше ему оказываютъ совершенно иной приѣмъ. Его узнаютъ въ толпѣ, идутъ ему навстрѣчу, окружаютъ его. Эти инсургенты, не желавшіе слушать генерала Ламорисьера, съ волненіемъ говорятъ съ поэтомъ, съ гражданиномъ, съ бывшимъ членомъ временнаго правительства, и, на его упрекъ за возстаніе, отвѣчаютъ: «Мы не дурные граждане, мы несчастные рабочіе. Мы требуемъ, чтобы правительство обратило вниманіе на нашу нищету; подумайте о насъ, управляйте нами, и мы вамъ поможемъ. Мы хотимъ жить и умереть для Республики». Мужчины, женщины, дѣти предмѣстья, слѣдующія за матерями на баррикады, толпились вокругъ него и хотѣли пожать ему руку. Въ эту минуту онъ еще разъ почувствовалъ на своемъ челѣ послѣднее вѣяніе февральскихъ дней, словно замирающій шепотъ популярности и энтузіазма.

Въ это время генералъ Кавеньякъ продолжалъ свое шествіе по бульвару. При видѣ его колонны многія баррикады покидаются инсургентами; но, достигнувъ высоты улицы Сэнъ-Моръ, Кавеньякъ встрѣчаетъ баррикаду, основаніе которой составляютъ шесть рядовъ булыжника. Подымаясь на высоту перваго этажа и соединяясь съ тремя другими въ улицахъ Сэнъ-Моръ, Трехъ-Коржъ и Трехъ-Фонтановъ, она представляетъ собой настоящій редутъ. Здѣсь инсургенты готовятся къ упорному сопротивленію. Около сотни человекъ отвѣчаютъ на предупрежденіе, твердо ожидая войска съ поднятыми ружьями. Кавеньякъ командуетъ атаку. 4-я рота 20-го баталіона гвардейскихъ мобилей бѣжитъ на приступъ вдоль домовъ съ обѣихъ сторонъ улицы. Командиръ ея, храбрый Гюо, одинъ идетъ посреди мостовой. Рабочіе, которые еще надѣются пробую-

дѣтъ въ этихъ дѣтяхъ баррикадъ воспоминаніе о февральскихъ дняхъ, кричатъ: *да здравствуютъ гвардейскіе мобили!* Но тѣ, не отвѣчая, продолжаютъ идти. Они уже въ двадцати шагахъ отъ баррикады; инсургенты стрѣляютъ. Въ то же время убійственный градъ пуль сыплется изъ оконъ.

Люди падаютъ сотнями. Кровь заливаетъ тротуары, загроможденные трупами. Второй приступъ даетъ тотъ же результатъ. Кавеньякъ постепенно привлекаетъ къ бою всѣ семь баталіоновъ, составляющихъ его колонну—и все напрасно. Тогда онъ выдвигаетъ пушку. Одинъ, верхомъ на лошади посреди улицы, подъ прицѣлами, онъ стоитъ неподвижно и съ полнымъ самообладаніемъ отдаетъ приказанія; двѣ трети канонировъ, работающихъ около него, убиты или ранены. Генераль посылаетъ нѣсколько отрядовъ по боковымъ улицамъ, чтобы обойти баррикаду. Все напрасно. Часы проходятъ, запасы истощаются. Кавеньякъ, пришедшій для того, чтобы принести подкрѣпленіе Ламорисьеру, принужденъ просить его помощи. Только послѣ пятичасовой битвы, баррикада, наконецъ, взята полковникомъ Дюлакомъ, командующимъ 29-мъ линейнымъ полкомъ. Насчитываютъ болѣе трехсотъ чело-вѣкъ солдатъ, выбывшихъ изъ строя; генераль Франсуа раненъ, генераль Фушэ сильно контуженъ.

Кавеньякъ, до глубины души огорченный этимъ печальнымъ успѣхомъ, возвращается къ Бурбонскому дворцу, гдѣ онъ оставилъ Ледрю-Роллена, взявъ съ него обѣщаніе, что онъ не будетъ отдавать никакого приказанія въ его отсутствіе. Прошло около четырехъ часовъ. За это время болѣе четырехсотъ лицъ: національныхъ гвардейцевъ, представителей, помощниковъ мэровъ и полицейскихъ комиссаровъ побывали въ президентствѣ.

Оставшись одинъ, Ледрю-Ролленъ, осыпaeмый со всѣхъ сторонъ вопросами, упреками, самыми оскорбительными подозрѣніями, мучился въ самой жестокой неизвѣстности. У него требуютъ приказаній—онъ обѣщалъ не давать ихъ. Его спрашиваютъ, гдѣ главнокомандующій,—онъ не знаетъ. Люди ропшутъ, говорятъ объ измѣнѣ, обвиняютъ его, дѣлаютъ его отвѣтственнымъ за все, тогда какъ онъ ничего не можетъ сдѣлать.

Наконецъ, видя, что генераль Кавеньякъ не возвращается, и не зная, что подумать, Ледрю-Ролленъ, несмотря на свое формальное обѣщаніе, обращается къ телеграфу и спѣшно велитъ привезти по желѣзной дорогѣ линейные полки, національную гвардію департаментовъ и даже моряковъ Вреста и Шербурга ¹⁾.

¹⁾ Второй полкъ флотской пѣхоты, быстро перевезенный изъ Вреста въ Парижъ по желѣзной дорогѣ, прибылъ въ понедѣльникъ, въ де-

Когда генераль Кавеньякъ вернулся, уже наступила ночь. Ледрю-Ролланъ встрѣчаетъ его упреками и самыми печальными извѣстіями. Битва въ Ситѣ и предмѣстьѣ Сэнъ-Жакъ была кровопролитна; войска потеряли много людей, не приобрѣли значительныхъ преимуществъ. Церковь Пантеона въ рукахъ инсургентовъ. Генераль Демэмъ посылаетъ адъютантовъ одного за другимъ, чтобы просить подкрѣпленій.

Ни слова не отвѣтивъ Ледрю-Роллану, не отдохнувъ ни минуты, генераль Кавеньякъ, послѣ нѣсколькихъ спѣшныхъ приказаній, снова садится на лошадь, чтобы лично передать точныя приказанія относительно тѣхъ центровъ операций, на которыхъ онъ еще не былъ. Главное, ему хочется поскорѣе увидѣть генерала Бедо, положеніе котораго еще серьезнѣе, еще опаснѣе, чѣмъ положеніе Ламорисьера. Всѣ усилія инсургентовъ счедидно направлены къ одному центральному пункту—къ Ратушѣ. Взятіе городского дома, традиціоннаго зданія народнаго правительства, дало бы нѣкоторымъ образомъ легальный характеръ возстанію. Поэтому инсургенты дѣлають неувѣроятныя усилія, чтобы овладѣть имъ. Они окружають Ратушу дѣлою сѣтью баррикадъ, которая идетъ все сдигиваясь и приближаясь съ неимоверной быстротой. Они угрожаютъ ей одновременно съ четырехъ сторонъ: отъ Ситѣ, отъ улицы Сэнъ-Антуанъ, отъ улицы Тамплъ и отъ улицы Сэнъ-Мартенъ. Ихъ аванпосты уже появились на площади Маршѣ-Сэнъ-Жакъ, на площади Бодуайе, вокругъ церкви Сэнъ-Жервѣ. Изъ домовъ между площадью Ратуши и площадью Шатлѣ на войска сыпятся выстрѣлы.

Ратуша, какъ мы знаемъ, стоитъ на правомъ берегу Сены, противъ острова, называемаго Ситѣ, съ которымъ она соединена двумя висячими мостами: Арколь и Реформы и большимъ каменнымъ мостомъ Св. Богоматери, выходящимъ на улицу Ситѣ, въ концѣ которой находится Малый мостъ и затѣмъ улица того же имени, выходящая на улицу Сэнъ-Жакъ, круто поднимающуюся къ Пантеону. Островъ Ситѣ, лабиринтъ извилистыхъ улицъ, глухихъ переулковъ, перекрестковъ, узкихъ набережныхъ, старыхъ домовъ въ семь, въ восемь этажей, соединенный съ островомъ Св. Людовика мостами Ситѣ и Реформы, представляетъ собою древнюю колыбель Парижа.

Обыкновенно считается, что ваять Ситѣ, это значитъ овладѣть Ратушей. Такъ какъ, кромѣ того, это самое удобное мѣсто, чтобы тутъ утвердиться, вслѣдствіе высоты домовъ и множества изви-

вать часовъ утра, и принялъ участіе въ сраженіи у заставы Фонтенебло. Офицеры были очень возбуждены и кричали, потрясая саблями: „Мы приплы умереть за Республику!“

линь, образуемыхъ узкими улицами, то и неудивительно, что инсургенты съ самаго утра постарались завладѣть этой частью города.

Это совершилось безъ шума и безъ препятствій. Люди въ блузахъ спокойно пришли и молча заняли позиціи на углахъ улицъ. Все населеніе и значительная часть національной гвардіи помогаютъ имъ. Они забрали порохъ въ двухъ магазинахъ; они помѣстили бойцовъ въ каждомъ домѣ; они построили баррикады на мосту Сэнъ-Мишель и въ улицѣ Константинъ наотротивъ зданія Суда, занятаго гвардейскими мобілями. Лишь въ часъ пополудни закрыли судебныя мѣста, и выходящіе оттуда чиновники слышать первые выстрѣлы, которыми обмѣниваются линейныя войска и народа.

Когда генераль Бедо пришелъ къ Ратушѣ, онъ нашелъ здѣсь два баталіона 48-го и 52-го линейныхъ полковъ, нѣсколько баталіоновъ гвардейскихъ мобілей и около тысячи человекъ республиканской гвардіи, пришедшихъ, по приказанію парижскаго мэра, защищать Ситэ. Но онъ узналъ, что два линейныхъ баталіона, предназначенныхъ также дѣйствовать подъ его начальствомъ, остановлены баррикадами, одинъ на Аустерлицкомъ мосту, другой на улицѣ Понэнкуръ. Помощникъ мэра, Аданъ, предлагаетъ пойти съ баталіономъ гвардейскихъ мобілей освободить ихъ. Онъ ведетъ переговоры съ инсургентами, такъ какъ не хотятъ еще употребить противъ нихъ силу. Сами инсургенты какъ бы желаютъ по тому же поводу оттянуть сраженіе. Они пропускаютъ войска; но офицеры не могутъ съ лошадьми перейти черезъ баррикады и, оставая ихъ народу, идутъ, чтобы стать во главѣ своихъ баталіоновъ, нѣшкомъ. Это производитъ непріятное впечатлѣніе на солдатъ.

Съ другой стороны, рота республиканской гвардіи, посланная въ одиннадцать часовъ, чтобы расчищать Малый мостъ и площадь Сэнъ-Жакъ, не возвращается; и вскорѣ приходитъ извѣстіе, что она взята въ плѣнъ. Извѣстно, что это люди испытанной храбрости. Чтобы они дали себя обезоружить — это невѣроятно: скорѣе они передались инсургентамъ. Полковникъ Вернонъ и подполковникъ Байлемонъ, командующіе ими, объявляютъ, что не отвѣчаютъ за впечатлѣніе, которое могутъ произвести рѣчи инсургентовъ на войско, стоящее въ такихъ тѣсныхъ отношеніяхъ къ народу.

Наконецъ, генераль Бедо еще далѣе простираетъ свои подозрѣнія. Онъ сомнѣвается въ настроеніи артиллеріи національной гвардіи, полковникъ которой, Гинаръ, представитель народа, бывшій конспираторъ и другъ Барбеса, съ открытія Собранія засѣдалъ на скамьяхъ лѣвой.

Мы увидимъ сейчасъ, цѣною какого героизма разсѣяны были эти несправедливыя подозрѣнія. Мы будемъ свидѣтелями необычайнаго порыва мужества и самопожертвованія, который побуждалъ гвардейскихъ мобилей, республиканскую гвардію, начальниковъ и солдатъ, наиболѣе преданныхъ революціи, защищать противъ заблужденія народныхъ инстинктовъ самый принципъ демократіи, т. е. господство народа, свободно и законно выраженное Учредительнымъ собраніемъ.

Въ этомъ-то и заключалась истинная нравственная сила, которая составила успѣхъ подавленія ¹⁾). Самые убѣжденные республиканцы, люди, которые всю жизнь боролись за прогрессъ демократическихъ принциповъ, какъ Гинаръ, Биксіо, Дорнэсъ, Клеманъ Тома, Эдмонъ Аданъ, Шаррасъ, Шарбоннель, Араго, убѣжденные на этотъ разъ, что народъ, возставая противъ національнаго представительства, потопить, вмѣстѣ съ закономъ и правомъ, Республику, а можетъ быть, и государство въ своемъ пагубномъ торжествѣ, выступили съ болью въ сердцахъ, но съ твердой душой, противъ этого страннаго врага, освобожденіе котораго было цѣлью всѣхъ ихъ усилій въ теченіе двадцати лѣтъ. Совѣсть этихъ замѣчательныхъ людей восторжествовала надъ жалостью и заставила замолчать голосъ сердца. Они почерпали въ понятіи о правѣ мужество болѣе высокое, чѣмъ военная храбрость, самоотверженность, равняющуюся самымъ славнымъ безкорыстнымъ подвигамъ гражданъ древности.

Когда полковникъ Гинаръ явился къ генералу Кавеньяку за послѣдними приказаніями, они обмѣнялись нѣсколькими фразами, которые могутъ лучше всего описать тяжелое душевное состояніе. Они знали другъ друга съ дѣтства и были очень дружны. Оба съ блѣдными и искаженными лицами говорили отрывисто, съ трудомъ скрывая волненіе. «Что мы будемъ дѣлать?—спросилъ Гинаръ,—что ты намъ прикажешь? Чего ты требуешь отъ насъ? Знаешь ли ты это самъ? Мы должны стрѣлять въ народъ, на сторонѣ котораго всегда сражались! Можешь ли ты мнѣ поклясться, по крайней мѣрѣ, поклясться передъ Богомъ, памятью твоего отца и твоего брата, что мы побѣдимъ или умремъ за Республику?» Эженъ Кавеньякъ пожалъ ему руку и съ жаромъ отвѣчалъ своему старому другу: «Можешь ли ты сомнѣваться въ этомъ?»

¹⁾ Фактъ, на который не было обращено достаточнаго вниманія и нравственное значеніе котораго было громадно—это то, что учащаяся молодежь, которая въ 1830 и, въ 1840 гг. сражалась въ рядахъ народа, на этотъ разъ съ большой горячностью высказалась за подавленіе. Видъ студенческихъ мундировъ въ рядахъ національной гвардіи произвелъ большое впечатлѣніе на народъ, который не стрѣлялъ въ нихъ.

Если бы это было иначе, развѣ я согласился бы командовать такой ужасной войной, оставить на своемъ имени столько крови?»

Гинаръ ушелъ успокоенный. Онъ зналъ доляльность Кавеньяка и съ этой минуты уже не сомнѣвался въ законности подавленія возстанія. Его хладнокровіе и храбрость увлекли войска и рѣшили успѣхъ одного изъ самыхъ долгихъ и кровопролитныхъ сраженій этого дня.

Было около пяти часовъ пополудни, когда у генерала Бедо все было готово къ атакѣ. Въ эту минуту ему докладываютъ, что депутація отъ инсургентовъ хочетъ говорить съ нимъ. Онъ тотчасъ же приказалъ принять ее. Генераль еще надѣялся, что можно избѣжать сраженія; онъ всей душой желалъ этого. Насколько его разумная храбрость дѣлала его неустрашимымъ во время битвы, настолько его совѣсть и гуманность побуждали его не пренебрегать ничѣмъ, чтобы избѣгнуть гражданской войны. Генераль Бедо былъ одной изъ тѣхъ рѣдкихъ личностей, у которыхъ, какъ выразился одинъ знаменитый писатель ¹⁾, «звание военнаго соединяется съ чистой нравственностью и нисколько не ослабляетъ тѣхъ кроткихъ добродѣтелей, которыя кажутся совершенно противоположными военному ремеслу». Глубоко убѣжденный христіанинъ по сердцу и уму, онъ сохранилъ подъ іерархическимъ повиновеніемъ солдада независимость мысли. Въ глубинѣ души онъ зависѣлъ только отъ самого себя; онъ не признавалъ обязанности болѣе высокой, нежели та, которую налагала на него совѣсть.

Въ этомъ случаѣ онъ считалъ своимъ строжайшимъ долгомъ сдѣлать все возможное, чтобы предупредить пролитіе крови. Но манеры и рѣчь парламентаровъ отняли у него вскорѣ всякую надежду. «Генераль,—надменнымъ тономъ заговорилъ глава депутаціи, носившій эполеты капитана національной гвардіи и командовавшій съ утра возстаніемъ въ Ситѣ,—я пришелъ требовать отъ васъ, чтобы вы послушались народа и парижской національной гвардіи. Народъ хочетъ сдачи Ратуши и распущенія Собранія, и того, чего онъ хочетъ, онъ добьется добромъ или силой. Армія не замедлитъ присоединиться къ народу. Вы видите, уже республиканская гвардія, которую вы послали противъ насъ, перешла за наши баррикады, народъ...»—«Милостивый государь,—съ негодованіемъ перебилъ его генераль,—я не признаю другого народа, кромѣ того, который избралъ Учредительное собраніе. Что касается арміи, то она вѣрна своему долгу и докажетъ вамъ это сейчасъ, разрушивъ ваши баррикады!»

¹⁾ De-Maistre „Soirées de Saint-Petersbourg“.

Продолжительный ропотъ встрѣтилъ эти слова. Генераль не обратилъ на нихъ вниманія. Онъ еще пробовалъ съ удивительнымъ терпѣніемъ уговаривать этихъ экзальтированныхъ людей; но никакія разсужденія, никакое объясненіе не трогали ихъ умъ и ихъ сердце. Делегаты удалились съ угрозами. Генераль Бедо узналъ въ то же время, что и другіе изъ наиболѣе извѣстныхъ народу лицъ дѣлали подобныя же попытки, но все было тщетно.

Прокламація парижскаго мэра рабочимъ, хотя и общала имъ, что конституція гарантируетъ имъ *право на трудъ*¹⁾, не произвела никакого впечатлѣнія. Биксіо, Рекюръ, Эдмонъ Аданъ, которые съ утра обошли почти весь лѣвый берегъ, явились сказать, что было бы безуміемъ продолжать эти переговоры.

Биксіо и Рекюръ совѣтуютъ быстро атаковать баррикады улицы Сэнъ-Жакъ, подняться по ней форсированнымъ маршемъ и соединиться такимъ образомъ съ генераломъ Дамэмомъ, пушки котораго гремѣли на площади Пантеона. Это было очень опасное предпріятіе. Улица Сэнъ-Жакъ, чрезвычайно узкая, крутая и съ очень высокими домами, была на каждыхъ двадцати шагахъ перерѣзана баррикадами, защищаемыми очень рѣшительными и хорошо вооруженными людьми. Всѣ окна были заняты. Казалось невозможнымъ, чтобы солдаты могли пробиться сквозь этотъ перекрестный, столь близкій и непрерывный огонь. Рекюръ и Биксіо вызвались на эту попытку и тотчасъ же выступили во главѣ ста пятидесяти человѣкъ гвардейскихъ мобилей.

Въ то же время генераль Бедо, посоветовавшись съ Маррастомъ, Вернономъ и Гинаромъ, раздѣляетъ свои войска на двѣ колонны: одна должна идти къ Пантеону черезъ мостъ Св. Богоматери и улицу Ситэ; другая черезъ Аркольскій мостъ пройдетъ къ площади Св. Богоматери. По сигналу шести пушечныхъ выстрѣловъ сразу нападутъ на баррикады.

Это двойное движеніе выполняется. Одинъ отрядъ 9-го легіона и республиканская гвардія подъ командой Вернона подвигается по мосту Св. Богоматери. Эдмонъ Аданъ, безъ оружія, опоясанный трехцвѣтнымъ шарфомъ, идетъ рядомъ съ командиромъ, чтобы показывать войску и инсургентамъ, что гражданская власть въ союзѣ съ военной, и, такимъ образомъ, увеличить нравственнымъ престижемъ довольно слабыя военныя силы. Въ ту же минуту генераль Бедо и полковникъ Гинаръ приходятъ на площадь Св. Богоматери. Они устанавливаютъ батарею и направляютъ пушки на госпиталь Отель-Дьё. Сигналъ поданъ. Республиканская гвардія

¹⁾ Въ первомъ проектѣ конституціи, напечатанномъ 20 іюня, спеціальнѣйшій параграфъ, дѣйствительно, гарантировалъ право на трудъ.

атакуетъ первую баррикаду Малаго моста со стороны улицы Сяъ и овладѣваетъ ею безъ особеннаго труда; но на баррикадѣ, которая возвышается на другой сторонѣ моста, противъ улицы Сянь-Жакъ, она встрѣчаетъ упорное сопротивленіе. Осаждающіе находятся совершенно безъ прикрытія, подъ непрерывными выстрѣлами въ упоръ, тогда какъ сами они стрѣляютъ почти наугадъ въ людей, спрятанныхъ за громадными каменными глыбами. При каждомъ залпѣ ряды республиканской гвардіи замѣтно рѣдѣютъ. Одну минуту, когда инсургенты взяли обратно первую баррикаду, солдаты находились межъ двухъ огней. Въ продолженіе десяти минутъ кровь льется ручьями; но солдаты и офицеры непоколебимы. Однако, съ той и другой стороны потери такъ громадны и тѣ, и другіе такъ устали убивать, что по молчаливому соглашенію наступаетъ перемиріе. Но не надолго. Битва начинается съ еще большей яростью. Пушку направляютъ на первую баррикаду ¹⁾. Послѣ двухчасовой борьбы она, наконецъ, сокрушена. Гвардейскіе мобили бросаются въ штыки, инсургенты бѣгутъ и прячутся въ домахъ.

Главные защитники баррикадъ находятъ убѣжище въ модномъ магазинѣ съ вывѣской *Deux-Pierrots*. Командующій баррикадой, неустрасимый Бельваль, предлагаетъ защищаться здѣсь до послѣдней возможности, баррикадируясь съ этажа на этажъ. Но у него нѣтъ болѣе патроновъ, и люди его охвачены паникой. Эти жестокия дѣти предмѣстья ввѣшаютъ имъ невыразимый ужасъ. Они бѣгутъ во всѣ стороны, прячутся подъ конторки, за тюки съ товаромъ, въ темные углы погребовъ и чердаковъ. Ничто не защищаетъ ихъ отъ смерти: штыкъ разыскиваетъ ихъ всюду. Въ тѣхъ, которые пытаются бѣжать по крышамъ, дѣлятся гвардейскіе мобили, оставшіеся на улицѣ, и хохочутъ, когда видятъ, какъ скатываются съ крышъ и разбиваются о мостовую эти человѣческія фигуры. Изъ всѣхъ сражающихся, спрятавшихся въ этомъ домѣ, только одинъ спасается чудомъ. Увезли дѣлныя тѣлѣи труповъ ²⁾.

Между тѣмъ, генералъ Бедо, освободившій мостъ Сянь-Мишель и часть улицы де-ла-Гарпъ, входитъ въ улицу Сянь-Жакъ. Полковникъ Гинаръ и начальникъ эскадрона, Блэзъ, понесши значительныя потери, съ помощью пушки взяли первую баррикаду, закрывавшую входъ въ эту улицу. Подполковникъ Вернонь и Эдмонъ Адавъ проникли немного выше, Рекюръ и Вискіо еще

¹⁾ Эту баррикаду защищали офицеры 12-го легіона, старые республиканцы, бывшіе товарищи Гинара по заключенію.

²⁾ Напротивъ улицы Матюрэнъ гвардейскіе мобили, устроивши на подмосткахъ обстановку трибунала, учредили нѣчто въ родѣ военнаго суда и произносили смертныя приговоры, которые тутъ же и приводились въ исполненіе.

дальше. Бой идетъ ожесточенный. Двѣ пули прострѣливаютъ кеши Гинара, Блэзъ раненъ. Въ теченіе почти двухъ часовъ войска упорно двигаются впередъ подъ непрерывнымъ огнемъ баррикадъ и оконъ; но запасы скоро истощаются, баррикадъ становится все больше и больше по мѣрѣ того, какъ солдаты идутъ впередъ ¹⁾. Болѣе половины ихъ выбыло изъ строя. Три раза, у одной только баррикады Малаго моста, войско, охваченное паникой, отказывалось идти. Настаетъ ночь. Невозможно и думать о томъ, чтобы дойти до Пантеона; генераль Бедо даетъ приказъ отступить къ Ратушѣ. Его самого приносятъ туда на носилкахъ: пуля въ улицѣ Нуайе прострѣлила ему бедро. Немного позади идетъ безъ оружія Биксио, получившій рану прямо въ грудь. Подполковникъ Вернонъ раненъ въ колено. Командующій баталіономъ, Массонъ, смертельно раненъ на баррикадѣ моста Сэнъ-Мишель въ самыхъ первыхъ стычкахъ этого дня. Столько мертвыхъ и раненыхъ, такія тяжелыя потери въ сравненіи съ полученными незначительными успѣхами — все это наполняетъ печалью душу генерала Бедо. Этой печалью проникнуто и его донесеніе генералу Кавеньяку объ этомъ днѣ. Не думая о своей ранѣ, настолько серьезной, что опасаются за его жизнь, онъ только думаетъ о томъ, какъ бы хорошенько ознакомить главнокомандующаго съ состояніемъ войскъ, которыя были ему вѣрны. Но, говоря, онъ теряетъ силы. Кавеньякъ уходитъ, чтобы дать ему покой, условившись относительно того, чтобы передать команду Ратушей генералу Дювивье и чтобы начать снова атаку съ шести часовъ утра. Затѣмъ Кавеньякъ садится на лошадь и отправляется на площадь Сорбонны, гдѣ стоитъ генераль Дамэмъ.

Онъ находитъ его сидящимъ на бивакѣ и увѣреннымъ относительно окончательнаго исхода борьбы. Однако дѣло въ теченіе дня было жаркое; не получивъ подкрѣпленій, о которыхъ онъ просилъ пять или шесть разъ, Дамэмъ не могъ перейти въ наступленіе. Борьба сконцентрировалась вокругъ Пантеона. Много людей выбыли изъ строя при атакахъ баррикадъ улицъ Грѣ и Матюранъ, перекрестка Бюси и площади Камбрѣ. 10-й и 23-й баталіоны гвардейскихъ мобилей, всегда первые въ битвѣ, понесли большія потери. 23-й одинъ взялъ одиннадцать баррикадъ; но одна рота была обезоружена въ улицѣ Муфтаръ. Національная гвардія почти вся на сторонѣ инсургентовъ; запасовъ не хватаетъ. Небольшое количество солдатъ національной гвардіи, отвѣтившихъ на призывъ, видя, что дѣло становится серьезнымъ, оставляютъ свой постъ и исчезаютъ. Генераль готовится на другой день атаковать Пан-

¹⁾ Въ улицѣ Сэнъ-Жакъ насчитывали тридцать восемь баррикадъ.

теонъ, гдѣ заперлись инсургенты. Если онъ получить подкрѣпленіе, онъ отвѣчаетъ за то, что овладѣетъ кварталомъ Сэнъ-Жакъ.

Между тѣмъ, Національное Собраніе открылось въ обычный часъ. Его охраняютъ большія боевыя силы. Всѣ выходы площади Согласія заняты отрядами гвардейскихъ мобилей. Входъ на мостъ защищенъ двумя пушками; другія направлены на набережную Орсе и стоятъ неотпущенныя передъ крыльцомъ. Доступъ къ Бургундской площади защищенъ артиллеріей, драгунами и 2-го полка подъ командой де-Гойона и нѣсколькими ротами пѣхоты. Часовые стоятъ внутри зданія; даны самые строгіе приказы; движеніе публики остановлено. Пройти можно только съ пропускомъ, подписаннымъ властями, или подъ эскортомъ солдатъ національной гвардіи. Опасаются внезапнаго нападенія на Собраніе. Инсургенты уже пытались устроить нѣсколько баррикадъ, чтобы отрѣзать сообщеніе между Бурбонскимъ дворцомъ и Военной школой. Колонна въ триста или четыреста человѣкъ въ блузахъ прошла по большей части улицъ Сэнъ-Жерманскаго предмѣстья съ криками: «*долой Собраніе!*» Наконецъ, распространяется слухъ, что возстаніе захватываетъ все большее пространство и всей массой двинется на Бурбонскій дворецъ.

Въ часъ открывается засѣданіе. Волненіе въ залѣ и на улицѣ достигло крайнихъ предѣловъ. Представители, принадлежащіе къ арміи или къ національной гвардіи, являются въ мундирахъ. Это необычное зрѣлище производитъ тяжелое впечатлѣніе. Генералы, адъютанты, дежурные офицеры снуютъ взадъ и впередъ по корридорамъ. Проходитъ Кавеньякъ и устраивается на перистилѣ, откуда слѣдитъ за движеніемъ на площади Согласія. Лицо президента Сенара выражаетъ крайнее безпокойство.

Генераль Лебретонъ предлагаетъ Собранію послать нѣсколькихъ человѣкъ для переговоровъ съ народомъ. «Они прошли бы по городу во главѣ колоннъ войска,—говоритъ онъ,—и, такимъ образомъ, придали бы арміи большую моральную силу. Видъ представителей націи, несомнѣнно, произвелъ бы благотѣльное впечатлѣніе на парижскій народъ. Кромѣ того, представители могли бы дать президенту точныя свѣдѣнія о положеніи вещей, тогда какъ до сихъ поръ до насъ доходятъ только неопредѣленные и противорѣчивые слухи». Нѣкоторые представители высказываютъ такое мнѣніе, чтобы все Собраніе цѣликомъ смѣло выпшло навстрѣчу возстанію. Но эти предложенія отвергаются; начинаются шумные споры о выгодахъ и невыгодахъ такого рода дѣйствій. Президентъ, чтобы положить имъ конецъ, объявляетъ, что Собраніе переходитъ къ очереднымъ дѣламъ, то есть къ продолженію преній о выкупѣ желѣзныхъ дорогъ.

Нѣсколько представителей читаютъ съ трибуны проекты выпуска. Воловскій развиваетъ проектъ декрета организаціи земельного кредита; но его никто не слушаетъ. Представители выходятъ и возвращаются, спрашиваютъ другъ друга, сообщаютъ извѣстія, предположенія; въ трибунахъ публики большое волненіе. Тамъ говорятъ о сверженіи исполнительной комиссіи, о сосредоточеніи военной и гражданской власти въ рукахъ генерала Кавеньяка. Волненіе такъ сильно, что засѣданіе прерывается. Наконецъ, президентъ Сенаръ выходитъ на трибуну и сообщаетъ Собранію замѣтки, присланныя ему префектомъ полиціи. Замѣтки коротки и отрывочны. Но, говоря о томъ, что онѣ успокоительнаго свойства, президентъ читаетъ ихъ, однако, взволнованнымъ голосомъ, и его волненіе передается всѣмъ.

Послѣ него на трибуну всходитъ Флоконтъ. Онъ съ необычайной энергіей и рѣзкостью объясняетъ Собранію характеръ этого возстанія. По его мнѣнію, агитаторы хотятъ только анархіи, и если только удалось бы найти руководящія нити заговора, то всѣ увидѣли бы въ немъ болѣе, чѣмъ руку приведенныхъ въ хаотическое состояніе рабочихъ, и болѣе, чѣмъ руку какого-нибудь претендента,—увидѣли бы руку и золото иностранной державы ¹⁾

Такъ какъ эти слова встрѣчаютъ протестъ, Флоконтъ продолжаетъ, повернувшись къ лѣвой:—«Я обращаюсь къ республиканцамъ»,—говоритъ онъ.—«Значитъ, ко всѣмъ»,—кричатъ на скамьяхъ правой.—«Я обращаюсь къ республиканцамъ»,—повторяетъ Флоконтъ.—«Здѣсь только одни республиканцы»,—кричатъ тѣ же голоса.—«Но я громко заявляю, чтобы меня слышали и внѣ зала, что всѣ эти старанія, всѣ эти беспорядки имѣютъ лишь одну цѣль: ниспроверженіе Республики и восстановленіе деспотизма».

Эти слова производятъ сильнѣйшее впечатлѣніе, благодаря голосу, съ которымъ они были произнесены: всѣ стараются проникнуть ихъ скрытый смыслъ. Но вдругъ всѣ взоры устремляются на трибуну, на которую взошелъ де-Фаллу. Онъ ждетъ, чтобы наступило молчаніе. Физиономія его еще болѣе непроницаема, чѣмъ всегда. Онъ держитъ въ рукахъ бумагу. Это докладъ о національных мастерскихъ. Одинъ представитель, Рейналь, поспѣшно встаетъ со скамьи и протестуетъ противъ неумѣстнаго и даже, какъ онъ говоритъ, опаснаго въ данную минуту чтенія. «Читайте! читайте!» кричатъ ему съ правой.

Тогда де-Фаллу безъ волненія и не смущаясь, какъ будто бы

¹⁾ Для оцѣнки состоянія народныхъ партій въ Парижѣ не безынтересно будетъ просмотрѣть списокъ главныхъ политическихъ арестовъ, произведенныхъ отъ 13 до 22 іюня. См. *Историческіе документы* № 14 въ концѣ тома.

Парижъ въ полномъ спокойствіи, какъ будто Собранію ничто не угрожаетъ, начинается чтеніе доклада. Онъ объявляетъ, что единственный путь къ спасенію — при промышленномъ, торговомъ и земледѣльческомъ кризисѣ, волнующемъ страну,—это немедленное распушеніе національныхъ мастерскихъ, проведенное исполнительной властью. И, боясь, что его не достаточно поймутъ, онъ настаиваетъ, онъ повторяетъ свою мысль, измѣняя выраженія. Онъ требуетъ радикальнаго уничтоженія этого очага безплодной агитаціи; затѣмъ онъ предлагаетъ проектъ, которымъ въ три дня распускаются національныя мастерскія.

Только что де-Фаллу окончилъ чтеніе доклада, его замѣняетъ на трибунѣ Корбонъ и отъ имени Комитета рабочихъ объявляетъ Собранію проектъ декрета по тому же вопросу. Это нѣчто въ родѣ протеста противъ доклада де-Фаллу. Корбонъ говоритъ, что мастерскія должны быть преобразованы, и что нельзя распускать ихъ, не давъ рабочимъ гарантій, которыхъ они *требуютъ*. Его прерываетъ сильный ропотъ. «Которыя они *испрашиваютъ*», поправляется онъ. Затѣмъ, несмотря на видимое неудовольствіе, съ какимъ его слушаютъ, Корбонъ продолжаетъ читать слѣдующій проектъ декрета:

«Статья 1-ая. Ассоціаціи труда между рабочими поощряются и защищаются Республикой. Условія каждой ассоціаціи обсуждаются свободно и устанавливаются заинтересованными лицами.

«Статья 2-ая. Государство *выѣшиваетъ* только путемъ доставляемыхъ имъ поощреній. Поощренія государства независимы отъ кредитныхъ учреждений, предназначенныхъ для поддержки земледѣльческаго и промышленнаго труда».

Докладъ Корбона, выраженія котораго очень сдержаны, его проектъ декрета, который, хотя и не представляетъ собой признанія права на трудъ, но признаетъ, однако, законность и пользу ассоціацій, заставилъ бы, можетъ быть, будь онъ принятъ единодушно Собраніемъ, бросить оружіе ту честную и дояльную часть инсургентовъ, которая не замѣшана была въ интригахъ партій и которая поднялась единственно подъ вліяніемъ убѣжденія, что Національное Собраніе, такъ же какъ и исполнительная власть, хочетъ отдѣлаться отъ пролетаріевъ. Ассоціація была въ то время преобладающей мыслью парижскихъ рабочихъ. Въ этой формѣ имъ рисовался всевозможный прогрессъ, котораго они только ожидали отъ провозглашенія республики. Ихъ увѣряли, что буржуазія и правительство подъ вліяніемъ роялистовъ противятся ассоціаціямъ изъ опасенія, чтобы пролетаріатъ не почерпнулъ въ нихъ силу освободиться отъ тираніи хозяевъ, или, какъ тогда выражались, чтобы работа освободилась отъ капитала. Корбонъ, самъ рабочий, хорошо

зналъ настроеніе пролетаріата; его проектъ былъ составленъ въ духъ гуманности и истинной политики; но Собраніе, смущенное страхомъ социализма, обманутое и подстрекаемое людьми партій, не хотѣло или не сумѣло понять его. Оно не дало никакого знака одобренія доклада и объявило по поводу его предварительный запросъ.

Нѣсколько минутъ спустя, Гарнье-Пажесъ приходитъ извиняться въ томъ, что исполнительная коммиссія не явилась раньше въ Собраніе. «Она была чрезвычайно занята,—сказалъ онъ,—принятіемъ сильныхъ мѣръ и приметъ еще болѣе сильныя». Онъ объявляетъ, что съ *этимъ надо покончить*. Собраніе отвѣчаетъ крикомъ: «Да здравствуетъ Республика!»

Появляется въ свою очередь Ламартинъ. Онъ закликаетъ Собраніе не идти на баррикады, какъ ему передавали. «Туда должны идти члены исполнительной власти; имъ надлежитъ идти туда, куда призываетъ ихъ слава!» Затѣмъ онъ садится на лошадь и присоединяется къ колоннѣ генерала Кавеньяка, путь котораго я указала раньше. Президентъ прерываетъ засѣданіе до восьми часовъ вечера.

Когда Собраніе сходится опять, Парижъ имѣетъ мрачный видъ: окна герметически закрыты, улицы пустыни, зловѣщее молчаніе царитъ во всемъ городѣ. Время отъ времени отдѣльные выстрѣлы показываютъ, что ночь принесла не окончаніе, а минутный перерывъ враждебныхъ дѣйствій, вызываемый темнотой. Гдѣ-то далеко, на правомъ берегу, бьютъ тревогу. Въ предмѣстьяхъ звонятъ въ набатъ. Представители стараются казаться спокойными, но и ихъ лица выражаютъ крайнюю тревогу. Каждый приноситъ извѣстія изъ своего квартала. Всѣ убѣждены въ томъ, что возстаніе распространяется. Ему приписываютъ опредѣленный и искусно составленный планъ дѣйствій; говорятъ, что баррикады построены по всѣмъ правиламъ фортификаціоннаго искусства; солдаты будто бы настроены вяло; сомнѣваются въ дѣйствительности мѣръ, принятыхъ правительствомъ; національная гвардія, потерявшая много людей, крайне недовѣрчиво относится къ исполнительной коммиссіи. Всѣ согласны въ одномъ отношеніи: вслѣдствіе измѣны или по небрежности, но войска всюду слишкомъ мало.

Между тѣмъ, Консидерантъ взошелъ на трибуну. Онъ приноситъ прокламацію къ рабочимъ, которую онъ составилъ вмѣстѣ съ Луи-Вланомъ и которую подписали Жюль Симонъ и чловѣкъ шестьдесятъ представителей. «Эта прокламація,—говоритъ онъ,—должна успокоить рабочихъ относительно ихъ участи, объяснить имъ, что ихъ страданія происходятъ отъ рокового стеченія обстоятельствъ, а не по винѣ классовъ или отдѣльных лицъ: она

объявляетъ имъ, что Національное Собрание хочетъ всѣми возможными и исполнимыми на практикѣ средствами оправдать право, получаемое каждымъ человѣкомъ при рожденіи, жить своимъ трудомъ; что Собрание хочетъ, путемъ субсидій и поощреній всякаго рода, развить великій принципъ ассоціаціи, способствующій свободному соединенію всѣхъ интересовъ, всѣхъ правъ». Консидерантъ проситъ Собрание назначить комиссію, чтобы выслушать чтеніе прокламаціи. Базъ протестуетъ. «Не слѣдуетъ,—говоритъ онъ,—чтобы Собрание выражало мнѣнія, противоположныя дѣйствіямъ правительства; надо предоставить генералу Кавеньяку дѣлать свое дѣло». Предложеніе Консидерана отстраняется. Нѣсколько минутъ спустя, Коссидьеръ снова вноситъ его, но въ другой формѣ. Онъ умоляетъ Собрание послать нѣсколькихъ представителей съ однимъ изъ членовъ исполнительной комиссіи въ предмѣстья, въ тотъ же вечеръ, сейчасъ, не теряя ни минуты, и прочитать при свѣтѣ факеловъ передъ баррикадами примирительную прокламацію; но его почти не слушаютъ. «Съ бунтовщиками не разсуждаютъ,—восклицаетъ Вэраръ,—ихъ бьютъ!» Коссидьеръ съ большой горячностью старается убѣдить Собрание, что, соглашаясь на его предложеніе, оно возобновитъ порядокъ и прекратитъ пролитіе крови. Такъ какъ онъ знаетъ, что ему не довѣряютъ, онъ предлагаетъ самъ отправиться во главѣ депутаціи и отдать себя заложникомъ. «Только ради Бога, не теряйте времени,—говоритъ онъ,—предупредите взаимную рѣзню на завтра; не ожидайте новыхъ извѣстій. *Клубы отчаянія въ непрерывномъ засѣданіи!*»—«Вы говорите, какъ бунтовщики: къ порядку!»—кричатъ ему. Дюклеръ, отъ имени правительства, проситъ Собрание не дѣлать изъ себя «уличной власти». Если случится катастрофа,—говоритъ онъ,—гдѣ искать тогда правительство?

Собрание, отвергнувъ предложеніе Коссидьера, принимаетъ прокламацію національной гвардіи, предложенную Сенаромъ. Эта прокламація, говоря о *пожарѣ, который уже опустошаетъ городъ, о формулахъ коммунизма и о призывахъ къ грабежу, раздающихся съ баррикадъ*, объявляетъ, что преступленіе инсургентовъ вполнѣ очевидно, и что Собрание не остановится ни передъ какими усиліями, чтобы исполнить свой долгъ такъ же, какъ и національная гвардія ¹⁾.

Это значило отказаться отъ всякой надежды на соглашеніе. Этимъ придавался возстанію такой ненавистный характеръ, что инсургентамъ ничего другого не оставалось, какъ только под-

¹⁾ См. въ Историческихъ документахъ № 15 въ концѣ тома прокламаціи Консидерана и Сенара.

даваться внушеніямъ отчаянія. Однако Собраніе, принимая эту прокламацію, отнюдь не рѣшалось, какъ это можетъ показаться, на войну до послѣдней крайности. Оно колеблется, оно не знаетъ, чего оно хочетъ. Тѣ, которые говорятъ о милости, кажутся ему предателями; тѣ, которые рекомендуютъ вѣзаконныя средства, смущаютъ его совѣсть. Дегузэ, предлагающаго арестовать всѣхъ редакторовъ социалистическихъ органовъ, даже не слушаютъ. Засѣданіе на нѣкоторое время прерывается.

Въ десять часовъ проявляется сильное любопытство: генералъ Кавеньякъ выходитъ на трибуну; его слушаютъ среди глубокаго молчанія. Главнокомандующій, повидимому, очень опечаленъ. Отрывистымъ голосомъ онъ говоритъ, что, къ сожалѣнію, не можетъ дать Собранію полныхъ свѣдѣній, такъ какъ отъ генераловъ не поступало донесеній. Сопротивленіе, къ несчастью, было очень энергичное. Баррикады все еще стоятъ; но полки окрестностей Парижа уже въ дорогѣ. Онъ не сомнѣвается, что національная гвардія департаментовъ прибудетъ очень скоро, и объявляетъ, что на ночь войска останутся вокругъ Собранія.

Послѣ этихъ мало успокоительныхъ словъ главнокомандующаго, Собраніе расходится. Всѣ до крайности встревожены. Президентъ, оставъ бюро Собранія и нѣкоторые представители проводятъ ночь въ Бурбонскомъ дворцѣ.

На слѣдующій день, 24-го, въ восемь часовъ утра, открывается засѣданіе. Гремятъ пушки и раздаются ружейные выстрѣлы. Носятся самые разнорѣчивые слухи. Кто говоритъ, что возстаніе отгѣснено и сконцентрировано только въ одномъ пунктѣ; кто рассказываетъ, что инсургенты приближаются и угрожаютъ Ратушѣ и Собранію. Сенаръ полагаетъ конецъ всѣмъ этимъ сомнѣніямъ. Онъ читаетъ докладъ, по словамъ котораго инсургенты распространяютъ свою область дѣйствій: «Невозможно,—говоритъ Сенаръ,—быстро рѣшить настоящую задачу безъ энергичной борьбы. Собраніе должно отвѣтить на удивительную самоотверженность войска и національной гвардіи». Затѣмъ онъ предлагаетъ декретъ, по которому Собраніе, во имя Республики, принимаетъ на себя заботу о вдовахъ и сиротахъ гражданъ, умершихъ за отечество. Онъ сообщаетъ извѣстія о представителяхъ Биксіо и Дорнэсѣ, о генералахъ Бедо и Клеманѣ Тома. Печаль и беспокойство написаны на всѣхъ лицахъ. Засѣданіе снова прерывается.

Во время этого перерыва принимается въ высшей степени важное рѣшеніе.

Читатель вспомнить, что съ нѣкотораго времени партія умѣренныхъ республиканцевъ хотѣла замѣнить исполнительную комиссію единымъ главой исполнительной власти.

22-го іюня тридцать или сорокъ членовъ собранія Національнаго Дворца, видя, что возстаніе неизбежно, стали обсуждать выборъ, который предстояло сдѣлать при такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Имена Дюпонъ-де-Лэра, Араго, Ламартина и даже Ледрю-Роллена были предложены и отвергнуты; выборъ палъ на генерала Кавеньяка, и рѣшено было, что три члена Собранія: Ландрэнъ, Дюку и Латрадъ отправятся къ нему, чтобы узнать его настроеніе и удостовѣриться, что онъ приметъ власть въ томъ случаѣ, если Собраніе свергнетъ исполнительную комиссію.

Въ то же время собраніе улицы Пуатье, составленное вначалѣ исключительно изъ новыхъ членовъ парламента, объявившихъ, что они не принадлежатъ ни къ какой другой партіи, какъ къ той, которую они называли партіей порядка, но которые, допустивъ къ себѣ Тьера и Берріе, приняли болѣе опредѣленный политическій характеръ, также стало обсуждать вопросъ объ отставкѣ исполнительной комиссіи и черезъ посредство Адельсварда вошло въ сношеніе съ генераломъ Кавеньякомъ.

Отвѣтъ, данный военнымъ министромъ тому и другому собранію, былъ тотъ же самый. Генералъ былъ убѣжденъ въ томъ, что раздѣленіе власти при данныхъ обстоятельствахъ представляетъ множество неудобствъ, и отдавалъ себя въ распоряженіе Собранія, если оно желаетъ довѣриться ему; но онъ рассчитывалъ лояльно поступить относительно исполнительной власти, которой онъ былъ пока подчиненъ, и не хотѣлъ входить ни въ какіе переговоры иначе, какъ подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы комиссія была предупреждена о томъ.

Между тѣмъ, общественное мнѣніе было такъ расположено въ пользу новой власти, что, когда 23-го вспыхнуло возстаніе, распространился слухъ о томъ, что Кавеньякъ назначенъ главой исполнительной власти. Слухъ этотъ былъ преждевременный. Мы видѣли, что, когда комиссію уговаривали выйти въ отставку, она отвѣчала, что не можетъ согласиться обезчестить себя, оставляя свой постъ въ минуту опасности. Но 24-го все измѣнилось. Возстаніе явно переходило въ наступленіе: оно окружило Ратушу. Генералъ Дювивье, замѣнившій генерала Бедо, объявилъ, что безъ большихъ подкрѣпленій онъ не можетъ болѣе держаться; наконецъ, рѣшающимъ обстоятельствомъ явилось сообщеніе Рекюра о томъ, что національная гвардія, не довѣрявшая исполнительной комиссіи, не пойдетъ, если Парижъ не будетъ объявленъ въ осажденномъ положеніи, и если вся власть не будетъ сосредоточена въ рукахъ генерала Кавеньяка.

Вооружившись этой деклараціей, нѣсколько представителей въ восемь часовъ утра отправились въ совѣтъ исполнительной ком-

миссія. Они сообщаютъ ей то, что происходитъ, и говорятъ, что собранія улицы Пуатье и Національнаго дворца хотятъ поставить Кавеньяка во главѣ исполнительной власти, и, наконецъ, положительнымъ образомъ требуютъ, чтобы коммиссія вышла въ отставку. Ламартинъ, Гарнье-Пажесъ, Бартеlemi-Сэнтъ-Илеръ и Паньеръ еще формально отказываются, говоря, что честь ихъ затронута, и что прежде надо справиться съ возстаніемъ на улицѣ, а затѣмъ уже видно будетъ, какія слѣдуетъ принять политическія мѣры въ совѣтѣ. Сторонники генерала Кавеньяка, видя, что здѣсь имъ ничего не добиться, рѣшаютъ дѣйствовать непосредственно черезъ Собраніе.

Въ то время Сенаръ и генералъ Кавеньякъ совѣщались относительно условій власти. Генералъ говорилъ съ точки зрѣнія военнаго. «Онъ не знаетъ Франціи,—говорилъ онъ—не знаетъ общественнаго мнѣнія; рѣшать вопросъ о томъ, что нужно для Франціи, должны политическіе дѣятели. Что касается его, то онъ готовъ сдѣлать все, что рѣшатъ, но при одномъ только условіи, что онъ одинъ будетъ имѣть въ рукахъ исполнительную власть, и что онъ самъ выберетъ своихъ министровъ тамъ, гдѣ онъ найдетъ это нужнымъ».

Собраніе улицы Пуатье ставило нѣкоторыя затрудненія для принятія этого послѣдняго условія. Тьеръ зналъ, что Кавеньякъ рѣшительно исключалъ его и его друзей отъ участія во всѣхъ дѣлахъ; но опасность была близка. Къ тому же и то уже было хорошо, что руками республиканцевъ была свергнута исполнительная коммиссія, послѣдній остатокъ временнаго правительства и революціи. Тьеръ плохо вѣрилъ въ политическіе таланты генерала Кавеньяка. Антипатія, которую выказывалъ къ нему Кавеньякъ, вызывала у него улыбку, и вслѣдствіе какого-то презрительнаго великодушія, которое ему внушала увѣренность стать скоро во главѣ династической партіи, имѣть въ рукахъ всѣ дѣла, онъ присоединялъ свои усилія къ усиліямъ Сенара и Марраста, чтобы поставить во главѣ власти республиканскаго генерала.

Что касается объявленія осаднаго положенія, то, прежде чѣмъ предложить эту мѣру Собранію, рѣшено было узнать мнѣніе бюро. Здѣсь предложеніе встрѣтило серьезную оппозицію; осадное положеніе возмущало республиканцевъ либеральной школы; чисто военная власть казалась имъ чѣмъ-то чудовищнымъ.

Одинъ изъ представителей, наиболѣе энергично высказавшійся въ этомъ смыслѣ, былъ Гриви, представитель департамента Юры. Его твердый умъ и умѣренное направленіе, любовь къ добру и привычка къ честному образу мыслей, безъ всякаго усилія съ его стороны, указывали ему всегда самый прямой путь дѣйствій. Онъ

говорилъ серьезно и ясно; онъ обладалъ той логикой искренности, которая побѣждаетъ всѣхъ дѣйствительно хорошихъ людей. Онъ былъ однимъ изъ позднѣе поступившихъ членовъ Собранія, но безъ интригъ и даже безъ честолюбивыхъ усилій, быстро прибрѣлъ выдающееся положеніе. Республиканецъ по разсудку болѣе, чѣмъ по влеченію, онъ понималъ прогрессъ только въ связи со свободой. Придерживаясь этой простой, но очень рѣдко встрѣчающейся въ партійныхъ ссорахъ истины, онъ всегда казался въ Собраніи, если можно такъ выразиться, скромнымъ олицетвореніемъ совѣсти, отличнымъ примѣромъ парламентскаго дѣятеля, со всей искренностью примѣняющаго свои способности къ утверженію и распространенію демократическихъ началъ.

Противъ отвращенія Гриви къ осадному положенію сильно возставали дѣятельные члены клерикальной и династическихъ партій, старавшіеся доказать, что осадное положеніе будетъ вовсе не таково, какъ его себѣ представляютъ. «Осадное положеніе означаетъ,— говорили они,— просто концентрацію власти во время борьбы, чтобы сдѣлать военное сопротивленіе болѣе энергичнымъ; но оно никогда не можетъ въ республиканскомъ собраніи означать произвольные приговоры или отнятіе свободы». Это мнѣніе опиралось на одинъ знаменательный примѣръ. Когда въ 1832 г. министры Людовика-Филиппа, не спрашивая палаты, объявили Парижъ въ осадномъ положеніи, одинъ инсургентъ былъ приговоренъ военнымъ совѣтомъ къ смерти. Общественное мнѣніе возмутилось; Одилонъ Барро защищалъ осужденнаго въ кассационномъ судѣ. Онъ нападалъ не на право правительства объявлять въ извѣстныхъ случаяхъ осадное положеніе, но на незаконность военныхъ комиссій. Онъ утверждалъ, что осадное положеніе не ставитъ непремѣннымъ условіемъ исключительные суды, но означаетъ единственно временное преобладаніе военной власти надъ гражданской. Одилонъ Барро говорилъ искренно и краснорѣчиво и выигралъ дѣло передъ судомъ и передъ общественнымъ мнѣніемъ.

Республиканцы, которые въ 1832 г., во время монархическаго режима, энергично протестовали противъ осаднаго положенія, не могли безъ самой явной непослѣдовательности принять его при республиканскомъ правленіи. Поэтому проектъ декрета, прочтенный Паскалемъ Дюпра 24-го, при возобновленіи засѣданія, былъ сначала встрѣченъ неблагодарно. Нѣкоторые представители протестовали во имя воспоминаній 1832 г. Вообще, Собраніе не рѣшалось еще примѣнить столь серьезную мѣру, многимъ казавшуюся явнымъ нарушеніемъ республиканскаго принципа.

Впрочемъ, Паскаль Дюпра не имѣлъ никакой власти въ палатѣ, и его предложеніе, по всей вѣроятности, было бы отвергнуто,

если бы на трибуну не взойшелъ Бастидъ, поддержавшій его самымъ убѣдительнымъ образомъ. Бастидъ былъ сильно взволнованъ; онъ умолялъ представителей не терять времени, а принять неотложное рѣшеніе. «Граждане,—воскликнулъ онъ,—во имя отечества, поспѣшимъ! Заклинаю васъ положить конецъ спорамъ и вотировать какъ можно скорѣй; черезъ часъ, можетъ быть, Ратуша будетъ взята! Я сейчасъ получилъ свѣдѣнія». Этотъ умоляющій тонъ чловѣка, завѣдомо неспособнаго на интригу, дрожащій голосъ этого твердаго характера, волненіе этой обыкновенно столь спокойной души, произвели на Собраніе такое впечатлѣніе, которое увлекло всѣхъ. Осадное положеніе было вотировано простымъ вставаньемъ и сидѣньемъ на мѣстѣ.

Только шестьдесятъ представителей, между ними Одилонъ Барро, Грев и Консидеранъ, вотировали противъ ¹⁾.

Часъ спустя исполнительная коммиссія прислала Собранію свою отставку, составленную Ламартиномъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Коммиссія исполнительной власти поступила бы противъ своего долга и своей чести, отступая передъ возстаніемъ и передъ общественной опасностью; она уходитъ, только повинувшись вотуму Собранія. Передавая ему права, которыми вы ее облекли, она вступаетъ снова въ ряды Національнаго Собранія, чтобы вмѣстѣ съ вами выдержать общественную опасность и посвятить себя спасенію Республики».

Такимъ образомъ, вслѣдствіе партійныхъ интригъ, но, главнымъ образомъ, вслѣдствіе общаго желанія, общей потребности въ сильной власти, пала исполнительная коммиссія, назначенная 10 мая Собраніемъ.

Она удалилась не такъ почетно, какъ въ свое время временное правительство. Собраніе и не подумало декретировать, что она *заслужила благодарность отечества*; но, тѣмъ не менѣе, несмотря на клеветы, которыми ее осыпали, она могла уйти съ полнымъ сознаніемъ, что слѣдовала завѣщанному ей примѣру умѣренности въ исполненіи власти и уваженія къ общественнымъ свободамъ.

Если исполнительной коммиссіи, терпѣвшей все время ожесточенныя нападки партій, лишенныхъ въ данный моментъ всякаго чувства справедливости, и не хватало ни единства, ни инициативы, ни политическаго чутья, тѣмъ не менѣе она не была виновна, въ сущности, ни въ одной изъ тѣхъ ошибокъ, въ которыхъ ее такъ упрекали. Такіе люди, какъ Ламартинъ, Араго, Гарнье-Пажесъ, не

¹⁾ „Дайте намъ вещь, но не слово“,—говорилъ Одилонъ Барро одному представителю:—я вотировалъ противъ въ 1832 г. и теперь не могу противорѣчить самому себѣ».

были деспотами; да если бы они и хотѣли, они не могли быть ими, въ виду Собранія, отъ котораго всецѣло зависѣли. Они не были также и сибаритами, утопающими въ золотѣ и проводящими время въ пирахъ. Самое большее, въ чемъ можно было упрекнуть нѣкоторыхъ, это въ незначительныхъ ошибкахъ противъ вкуса, такъ, напр., въ допущеніи мебелировать Люксембургскій дворецъ вещами изъ королевскихъ апартаментовъ. Еще менѣе ихъ можно было назвать демагогами, какъ это дѣлала династическая печать, или людьми безжалостными, врагами народа, какъ о нихъ отзывались революціонныя газеты.

Они, какъ я старалась доказать, были люди усталые, робкіе не передъ опасностью, а передъ собственной совѣстью, не согласные между собой, не знавшіе, ни чего они должны хотѣть, ни на что они могутъ отважиться; а главное, въ такое время, когда все было поколеблено, спутано, противорѣчиво, не знавшіе того, чего требовали въ данную минуту интересы Франціи: смѣлаго примѣненія новыхъ идей или твердаго установленія старинныхъ учрежденій.

Мы увидимъ далѣе, какъ власть, переходя въ другія руки и постепенно принимая инныя формы, выкажетъ свою полную неспособность основать хоть что-нибудь. И это было неизбежно. Тѣ, кто возлагалъ сначала на временное правительство, а затѣмъ на исполнительную комиссію и на Собраніе полную и, такъ сказать, личную отвѣтственность за такое социальное состояніе, на которое они не могли имѣть никакого воздѣйствія, не поняли, значить, сущности и характера этой революціи, самой обширной, самой сложной, а также наименѣе сознававшей самое себя изъ всѣхъ революцій, когда либо волновавшихъ міръ.

XXXIII.

Прокламація генерала Кавеньяка къ арміи.—Военныя дѣйствія въ теченіе 24-го.—Генераль Дювивье въ Ратушѣ.—Генераль Дамэмъ въ Пантеонѣ.—Засѣданіе 25-го.—Собраніе вотируетъ три милліона для нуждающихся рабочихъ.—Генераль Ламорисьеръ.—Смерть генерала Бреа.—Сраженія вокругъ Ратуши.—Смерть генерала Негріе.—Смерть архіепископа Парижскаго.—Четвертый день.—Бомбардировка и сдача предмѣстья Сэнтъ-Антуанъ.—Национальное Собраніе декретируетъ, что генераль Кавеньякъ заслужилъ благодарность отечества.

Генераль Кавеньякъ, облеченный исполнительной властью, только довершалъ выполненіе тѣхъ мѣръ, которыя онъ принималъ, уже какъ военный министръ. Онъ оставилъ свою главную квартиру въ

Собраніи, свои резервы на площади Согласія; онъ по телеграфу сообщилъ корпуснымъ начальникамъ поддивизіи Нижней-Сены, а также второй и третьей дивизіи приказъ направить въ Парижъ всю находящуюся въ ихъ распоряженіи пѣхоту. Онъ послалъ въ департаменты офицеровъ главнаго штаба, которымъ поручено было торопить присылку войскъ, и двинуть къ Парижу Альпійскую армію. Наконецъ, онъ написалъ три прокламаціи: одну отъ имени Національнаго Собранія къ рабочимъ, другую отъ своего имени къ національной гвардіи ¹⁾ и третью—къ арміи.

Эта послѣдняя прокламація, удивительная по возвышенности внушившаго ее чувства гуманности, единственная въ военныхъ лѣтописяхъ по чувству достоинства и самоуваженія, которое она предполагаетъ или которое она хочетъ вызвать у тѣхъ, къ кому обращена, стоитъ того, чтобы ее запомнить и обдумать. Она показываетъ, какимъ языкомъ можетъ говорить республиканская доблесть даже устами солдата. Мы поймемъ, какъ, благодаря только тому, что этотъ солдатъ—республиканецъ и видитъ въ стоящихъ въ силу закона подъ его командой солдатахъ не рабскія руки, принужденныя убивать по дисциплинѣ, но гражданъ, въ которыхъ онъ уважаетъ свободную совѣсть, эти нѣсколько вызванныхъ обстоятельствами словъ, которыя обыкновенно забываются тотчасъ же послѣ того, какъ были сказаны, возвысились до значенія историческаго документа, имѣющаго право оставаться запечатлѣннымъ въ памяти націи и живо интересоватъ человѣческую мысль.

«Солдаты»,—говорилъ генераль Кавеньякъ 24-го іюня въ одиннадцать часовъ утра, въ ту самую минуту, когда борьба возобновлялась при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ и когда могло бы казаться необходимымъ разжечь страсти арміи, чтобы сравнять на обѣихъ сторонахъ силу напора, которая до той поры по видимому была всецѣло на сторонѣ инсургентовъ, — «солдаты! Родина вызываетъ къ вамъ о спасеніи. Вамъ приходится вести ужасную, жестокою войну. Будьте спокойны, вы не зачинщики смуты; на этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, вы не будете печальными орудіями деспотизма и предательства. Мужайтесь, солдаты! Подражайте примѣру нашихъ умныхъ и самоотверженныхъ согражданъ; будьте вѣрны законамъ чести и гуманности; будьте вѣрны Республикѣ. И вамъ, и мнѣ когда-нибудь дано будетъ умереть за нее. Пусть лучше это будетъ сейчасъ, если намъ суждено пережить ее!»

Эта прокламація въ то время произвела громадное впечатлѣніе. Она могла бы произвести еще большее теперь, когда столько

¹⁾ См. въ *Историческіе Документы* въ концѣ тома (№ 16) эти двѣ первыя прокламаціи.

событій во Франціи и Европѣ бросаютъ новый свѣтъ на внушившее ее чувство. Другимъ генераламъ пришлось, такъ же какъ и Кавеньяку, подавлять народныя возстанія; большія столицы были взяты у инсургентовъ вооруженной силой; Радецкіе, Врангели и Виндигретцы отъ имени королей и императоровъ командовали регулярными войсками противъ народа. Но развѣ найдется между ними хотя одинъ, который, ведя своихъ солдатъ на осаду баррикадъ, подумалъ бы о томъ, чтобы успокоить ихъ относительно правоты того дѣла, за которое они сражаются? Хотя одинъ, который сказалъ бы имъ, что они не орудія деспотизма, и который убѣждалъ бы ихъ оставаться *вѣрными законамъ гуманности*? Да простятъ мнѣ это сравненіе и это разсужденіе, клонящееся въ пользу и къ чести солдата-гражданина, дѣйствія котораго подвергались столь строгому обсужденію и намѣренія котораго были такъ часто дурно истолкованы, а также къ чести республиканскаго отечества, которое одно только внушаетъ людямъ, превращаемыхъ ею въ равныхъ и свободныхъ, эти болѣе совершенныя чувства и эти обязанности высшаго порядка.

Но вернемся къ начинающемуся столкновенію и сдѣлаемъ общій обзоръ положенія въ ту минуту, когда я продолжаю свой разсказъ.

Мы уже видѣли, что войско, вслѣдствіе своей малочисленности и уменьшенное еще болѣе громадными потерями, не могло сохранить баррикады, которыми завладѣло. Подъ вечеръ арміи пришлось стянуться и дать такимъ образомъ инсургентамъ возможность снова возвести свои баррикады. Сраженіе, однако, не прекращалось совершенно даже среди ночи. Перестрѣлка продолжалась вокругъ Ратуши и по сосѣдству съ Пантеономъ. Хотя инсургенты не имѣли ни малѣйшаго преимущества надъ арміей и потеряли надежду привлечь на свою сторону гвардейскихъ мобилей, они считаютъ себя увѣренными въ побѣдѣ. *Общество правъ человека*, которое наканунѣ еще держалось въ сторонѣ, и большая часть національныхъ мастерскихъ, которыя еще не разошлись, видя, что борьба продолжается, рѣшились присоединиться къ нимъ. Распространяется слухъ, что населеніе Руана, Гавра и Лилля идетъ на помощь инсургентамъ. Семья рабочаго толпится вокругъ него и побуждаетъ къ возстанію. На многихъ баррикадахъ, на мѣстѣ трехцвѣтнаго знамени національныхъ мастерскихъ, не имѣющаго болѣе смысла, выставляется красное знамя, сдѣлавшееся съ 26-го февраля знакомъ протеста пролетаріата. Въ отвѣтъ на прокламацію Кавеньяка рабочіе выставляютъ на стѣнахъ призывъ къ оружію и объявляютъ въ немъ, что хотятъ демократическую и социальную

республику¹⁾. Возстаніе опредѣляется: съ этой минуты оно имѣетъ если не главу, то, по крайней мѣрѣ, имя и характеръ. Оно, такъ сказать, начинаетъ сознать себя.

Генераль Кавеньякъ, получивъ подробныя донесенія о такомъ настроеніи народа, исполняется самыми серьезными опасеніями. Онъ не закрывалъ глазъ въ теченіе всей ночи. Его чрезвычайно нервный организмъ заставляетъ его страдать сильнѣе, чѣмъ кого-либо, отъ всякой медлительности или неувѣренности. Люди, близъ которыхъ онъ, сообщая имъ откровенно свои мысли, напелъ бы ту нравственную поддержку, въ которой онъ нуждается, генералы Ламорисьеръ, Бедо, Дамэ—далеко. Онъ видитъ только однихъ офиціозовъ, важничающихъ или трусливыхъ. Онъ только что съ нескрываемымъ гнѣвомъ выслушалъ извѣстіе о томъ, что Тьеръ, на совѣщаніи трехсотъ представителей правой, собравшихся въ прежней палатѣ депутатовъ, поднявшись съ того же самого мѣста, которое онъ занималъ прежде на скамьѣ министровъ, держалъ длинную рѣчь, осуждающую военныя распоряженія, сдѣланныя 23-го. Историкъ имперіи, Тьеръ, находилъ въ особенности не цѣлесообразнымъ употребленіе кавалеріи на улицахъ и, доказавъ слушателямъ стратегическую невозможность противиться народу, предложилъ передать Сенару совѣтъ, который послѣдній сообщилъ Кавеньяку: предоставить Парижъ во власть возстанія и удалиться въ какой-либо провинціальный городъ. Понятно, что подобные совѣты и такая критика выводили изъ себя Кавеньяка²⁾. Положеніе, однако, становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Ожидаемыя съ нетерпѣніемъ войска не являются. Запасы истощаются съ ужасающей быстротой; въ концѣ этого перваго дня, изъ запаса въ триста тысячъ патроновъ почти ничего не остается³⁾. Двѣнадцать часовъ уже не получается никакихъ извѣстій отъ полковника Мартенпра, посланнаго за военными припасами и артиллеріей въ Венсеннъ. Отправившись наканунѣ въ половинѣ двѣнадцатаго ночи съ полкомъ пѣхоты и полкомъ кирасиръ, полковникъ Мартенпръ прибылъ въ Венсеннъ лишь въ половинѣ пятаго утра, вслѣдствіе обходовъ, которые ему пришлось дѣлать, чтобы не наткнуться на инсургентовъ, завладѣвшихъ всѣмъ пред-

¹⁾ См. „Историческіе документы“ въ концѣ тома № 17.

²⁾ Справедливость требуетъ замѣтить, что Тьеръ на слѣдующій день измѣнилъ свое мнѣніе. Пробывъ нѣсколько часовъ съ Ламартиномъ, онъ вернулся сказать своимъ коллегамъ, что съ этой минуты не опасается болѣе за исходъ борьбы, такъ какъ генераль Ламорисьеръ отвѣчаетъ за все.

³⁾ „Патроны таяли, какъ снѣгъ“, говоритъ генераль Кавеньякъ въ своей рѣчи, произнесенной 26-го ноября.

мѣствомъ Сянтъ-Антуанъ. Только въ половинѣ двѣнадцатаго утра онъ привозитъ въ Парижъ пушки, ядра, гранаты, бомбы, которыя будутъ пущены теперь въ ходъ для правильной осады возмущающагося города.

Въ десять часовъ утра, 24-го, битва начинается снова одновременно на всѣхъ пунктахъ. Какъ и наканунѣ, главныя схватки произошли на трехъ пунктахъ: въ Ситѣ, на высшихъ мѣстахъ предмѣстевъ Сянтъ-Дени и Пуассоньеръ, въ окрестности Пантеона.

Въ Ситѣ инсургенты въ ночь съ 23-го на 24-е взяли опять всѣ позиціи, отнятыя генераломъ Бедо. Баррикадъ, которыя они построили отъ улицы Планшъ-Мибрѣ до улицъ Рамбюто, Тиссерандри, Клошъ-Персъ и т. д., войска не могли ни разрушить пушками, ни взять въ лѣтчики. Два орудія, поставленные батареей на площади Шатле и на площади Сянтъ-Мишель, принуждены были отступить. Генераль Дювивье, который съ такимъ блескомъ велъ войну въ Африкѣ, повидимому, сбить съ толку этой уличной войной. Онъ тревожно изучаетъ планъ Парижа; его команда звучитъ неуверенно, память измѣняетъ ему; онъ заставляетъ войско совершать марши и контръ-марши, которые его утомляютъ; по приказу его сдаютъ позиціи, которыя легко удержать. Старый полковникъ Рено, во главѣ 48-го линейнаго полка, цѣлый день остается подъ огнемъ, не подвигаясь впередъ; одну минуту инсургенты приближаются къ Ратушѣ на шестьдесятъ шаговъ. Солдаты и національная гвардія, чувствуя отсутствіе сильнаго импульса со стороны начальниковъ, теряютъ мужество; нѣсколько ротъ отступаютъ и разсѣиваются. Наконецъ, Маррастъ приходитъ къ Кавеньяку и проситъ его передать команду въ этомъ мѣстѣ въ другія руки. Кавеньякъ не можетъ рѣшиться нанести такое оскорбленіе одному изъ наиболѣе блестящихъ генераловъ арміи. Однако около шести часовъ вечера онъ посылаетъ къ Ратушѣ полковника Шарраса съ подкрѣпленіемъ, состоящимъ изъ баталіона національной гвардіи и двухъ пушекъ. Это подкрѣпленіе, а главное, извѣстіе о томъ, что провозглашено осадное положеніе, что вся власть сосредоточена въ рукахъ генерала Кавеньяка, ободряетъ всѣхъ. Усиленнымъ маршемъ войска идутъ къ баррикадамъ улицы Сянтъ-Антуанъ; пушкой обстрѣливаютъ церковь Сянтъ-Жервъ. Около восьми часовъ Ратуша очищена отъ нападавшихъ. Всѣ вздохнули съ облегченіемъ. Армія прекращаетъ бой на ночь и возвращается на свои мѣста, уже исполненная надежды на будущій день.

Въ предмѣстѣ Пуассоньеръ принялъ команду генераль Лебретонъ; войско, которое наканунѣ проникло здѣсь до механическихъ ма-

стерскихъ Кава, отступило и сконцентрировалось вокругъ тюрьмы Сѣнъ-Лазаръ. Приходится все начинать сначала. Инсургенты въ теченіе данныхъ имъ нѣсколькихъ часовъ отдыха укрѣпились окончательно. Они продѣлали зубцы и бойницы въ городской стѣнѣ у заставы. Большая часть домовъ въ ихъ рукахъ. Они пробили въ стѣнахъ бреши, черезъ которыя быстро могутъ идти другъ другу на помощь изъ одного пункта въ другой подъ защитой отъ пуль. Съ высотъ Сѣнъ-Лазара они могутъ открывать навѣсный огонь по всѣмъ улицамъ, сходящимъ къ бульвару. Неоконченныя постройки госпиталя Республики служатъ имъ защитой. Громадныя каменные глыбы, разсѣянныя по неровному пространству, и окружающіе пустырь досчатые заборы прикрываютъ ихъ стрѣлковъ. Они заперлись въ заставахъ, въ бойняхъ, въ пристройкахъ вокзала Страсбургской желѣзной дороги. На этомъ пунктѣ у нихъ по-видимому сосредоточены стратегическія распоряженія, обнаруживающія военное командованіе. Говорятъ, дѣйствительно, что инсургенты поручили команду подставнымъ рекрутамъ африканской арміи, старымъ унтеръ-офицерамъ императорской арміи и что ихъ хорошо координированныя движенія ведутъ ихъ съ разныхъ мѣстъ этихъ высотъ, находящихся въ ихъ рукахъ, къ центру Парижа. Они берегутъ свои запасы, и имъ приказано цѣлиться главнымъ образомъ въ командующихъ офицеровъ арміи. Они молчаливы; одно только слово шепотомъ пробѣгаетъ по рядамъ: «Къ Ратушѣ! Къ Ратушѣ!»

При такихъ преимуществахъ инсургентамъ не трудно противостоять войску въ теченіе всего этого дня, а также и слѣдующаго. Единственная баррикада предмѣстья Пуассоньеръ сопротивляется отъ двухъ часовъ пополудни до шести часовъ вечера. Національная гвардія 2-го легіона выдерживаетъ очень долго страшный огонь съ тѣмъ удивительнымъ мужествомъ, которое внушается отцамъ семействъ, крупнымъ промышленникамъ и вообще богатымъ и значительнымъ людямъ увѣренностью, что въ этой соціальной войнѣ имъ необходимо поставить на карту все, такъ какъ если они дадутъ себя обезоружить, если они будутъ побѣждены, то они потеряютъ не только все свое имущество, которое будетъ расхищено и разграблено, но и потеряютъ для своихъ дѣтей право наслѣдства на всѣ эти богатства. Безъ сомнѣнія, это эгоистическое мужество менѣе героично, чѣмъ честь солдата, отстаивающаго территорію; оно менѣе благородно, нежели самопожертвованіе сектанта или патріота въ пользу религіозной или политической идеи; но оно тѣмъ не менѣе побуждаетъ естественный инстинктъ самосохраненія и побуждаетъ при случаѣ къ изумительнымъ поступкамъ. «Боязнь

потерять,—говоритъ Макиавелли,—порождаетъ тѣ же стремленія, что и желаніе приобрести» ¹⁾).

Офицеры арміи не могутъ надивиться при видѣ этихъ уже не молодыхъ людей, никогда не бывшихъ на войнѣ, или, по крайней мѣрѣ, совершенно отвыкшихъ отъ оружія, которые, правда, безъ всякихъ правилъ тактики, безъ дисциплины и безъ энтузіазма, но съ рѣшимостью и по разсудку держатся на такихъ опасныхъ мѣстахъ, которыхъ не рѣшаются занимать самые храбрые солдаты.

На баррикадѣ Пуассоньеръ открытъ отчаянный огонь скрытыми отъ взора солдатъ инсургентами, стрѣляющими сквозь бойницы заставной стѣны и изъ-за угла оконъ. Немногочисленная національная гвардія не имѣла пушки. Только около трехъ часовъ приходитъ слабое подкрѣпленіе въ двѣсти человекъ республиканской гвардіи. Часъ спустя генераль Лебретонъ, явившійся для осмотра позиціи, обѣщаетъ прислать орудія, и вскорѣ приходитъ маленькая колонна въ шестьсотъ національныхъ гвардейцевъ, которая привозитъ съ собой восьмидюймовую пушку; при ней человекъ двадцать кирасиръ. Представитель Тэвенекъ и редакторъ «Siècle» Перре сопровождаютъ ихъ. Борьба снова загорается съ большимъ оживленіемъ, но точно также безъ всякаго результата. Наконецъ, руанская національная гвардія появляется по другую сторону баррикады: прибытіе ея рѣшаетъ побѣду. Баррикада Пуассоньеръ и площадь Лафайета очищены отъ инсургентовъ. Послѣдніе отступаютъ и прячутся за постройками Сэнъ-Лазара.

Въ предмѣстьѣ Сэнъ-Дени, гдѣ сначала полковникъ де Люзи, а за нимъ генераль Кортъ замѣнили генерала Лафонтэнъ, дѣло тянется все съ той же нерѣшительностью. Генераль Кортъ имѣетъ подъ своей командой лишь нѣсколько отрядовъ 7-го и 9-го батальоновъ гвардейскихъ мобилей, 7-го кавалерійскаго полка и національную гвардію города Понтуаза. Восемьдесятъ пушечныхъ выстрѣловъ было сдѣлано напрасно противъ баррикады Сэнъ-Дени, которую съ большой энергіей и ловкостью защищаютъ машинисты Сѣверной желѣзной дороги. Генераль самъ направляетъ одну пушку; нѣсколько разъ онъ командуетъ приступить, но безъ успѣха. Генераль Бургонъ, слыша эту продолжительную канонаду, предлагаетъ свои услуги Карту; но въ ту же минуту получаетъ пулю въ бедро. Кортъ, раненый въ руку, несмотря на очень сильную боль, отказывается оставить команду. Но все это мужество, все это упорство пропадаютъ почти даромъ. Къ концу дня, 24-го, на этомъ пунктѣ не достигнуто никакого рѣшительнаго преимущества.

¹⁾ „La paura del perdere genero le medesime voglie che sono in quelli che desiderano acquistare“ (Machiavelli, *Discorsi*, кн. I, гл. V).

На другомъ, весьма обширномъ полѣ битвы между главной квартирой генерала Ламорисьера и главной квартирой генерала Дамэма, въ шестомъ, седьмомъ, восьмомъ и девятомъ округахъ инсургенты приобрѣли значительныя преимущества, которыми они, однако, не сумѣли воспользоваться. Съ утра они атаковали Вогезскую площадь и взяли мѣрю восьмого округа, гдѣ триста пятьдесятъ линейныхъ солдатъ сложили оружіе ¹⁾. На мѣри вывѣсили красный флагъ и мѣромъ поставили нѣкоего Лаколланжа, редактора газеты «Organisation du travail». Инсургенты нашли въ мѣри 15 тысячъ патроновъ, 15 тысячъ сабель, всякаго рода военные запасы и мундиры національной гвардіи. Все это они дѣлятъ между собой, затѣмъ подвигаются по улицѣ Свѣтъ-Антуанъ и угрожаютъ Ратушѣ, сообщеніе которой съ корпусомъ генерала Дамэма остается прерваннымъ.

Положеніе Дамэма очень критическое. Отъ шести до семи сотъ линейныхъ солдатъ, двѣ пушки и пятьсотъ человѣкъ гвардейскихъ мобилей—вотъ и весь его наличный составъ. 11-й легіонъ, находящійся подъ его командой, едва достаточенъ для охраны отведенныхъ у инсурентовъ улицъ; и, однако, съ такими слабыми средствами онъ составляетъ и исполняетъ самый смѣлый планъ. Онъ хочетъ прежде всего возстановить сообщеніе съ дивизіей праваго берега. Съ этой цѣлью онъ продѣлываетъ въ обратномъ порядкѣ все то, что генераль Бедо пытался сдѣлать наканунѣ: пройти сверху внизъ улицу Свѣтъ-Жакъ, беря одну баррикаду за другой; затѣмъ во что бы то ни стало атаковать Пантеонъ, гдѣ заперлось отъ четырехъ до пяти тысячъ инсурентовъ.

Около десяти часовъ, генераль Дамэмъ покидаетъ площадь Сорбонны, гдѣ онъ стоялъ на бивакѣ всю ночь, спускается по улицѣ Свѣтъ-Жакъ со всей своей колонной, беретъ обратно, по своему плану, всѣ баррикады до улицы Платръ и возвращается къ Пантеону, сдѣлавшемуся главнымъ кварталомъ инсурентовъ. Позиція ихъ чрезвычайно сильная. Съ верхушки купола они командуютъ всѣми забаррикадованными ими улицами; на самой площади они построили громадную баррикаду; они завладѣли зданіемъ юридическаго факультета; находящимся противъ церкви; налѣво они занимаютъ неоконченныя постройки мѣрія.

Въ то время какъ подполковникъ Тома съ двумя баталіонами 14-го и 24-го кавалерійскихъ полковъ и отрядомъ республиканской гвардіи дѣлаетъ всевозможныя усилія, чтобы освободить улицы,

¹⁾ Приказъ генерала Ламорисьера отъ 8 іюля въ очень строгихъ выраженіяхъ объявлялъ арміи о распушеніи этого отряда, „который, какъ онъ говорилъ, поворно отдалъ оружіе бунтовщикамъ“.

гвардейскіе мобили стараются овладѣть строящимися зданіями, окружающими площадь. Послѣ долгой борьбы, въ которой они теряютъ больше ста человекъ, гвардейскіе мобили принуждены отказаться отъ своего намѣренія. Между тѣмъ, линейныя войска проникли заднимъ ходомъ въ зданіе юридическаго факультета и начинаютъ изъ оконъ обстрѣливать Пантеонъ. Инсургенты, утвердившись въ мѣриі, отвѣчаютъ. То, что здѣсь происходитъ въ теченіе двухъ часовъ, уже не сраженіе, а ужасная бойня. Генераль Дамэмъ, видя, что инсургенты теряютъ еще болѣе людей, нежели онъ, и узнавъ, что полковникъ Тома совершенно расчистилъ сосѣднія улицы, даетъ приказъ атаковать церковь. Онъ разставляетъ свои войска по обѣимъ сторонамъ улицы Суффло и располагаетъ пушки батареей посреди мостовой. Самъ онъ, чтобы оживить солдатъ и направлять канонировъ, стоитъ между обоими орудіями спокойный, невозмутимый подъ непрерывнымъ огнемъ инсургентовъ, стрѣляющихъ съ галлерей. Два раза приходится смѣнять канонировъ; наконецъ, около половины перваго, массивныя двери Пантеона начинаютъ уступать, стрѣльба противника становится слабѣе. Дамэмъ даетъ сигналъ къ атакѣ, и самъ первый идетъ на приступъ. Гвардейскіе мобили и національная гвардія 11-го легіона бросаются къ рѣшеткамъ, опрокидываютъ все передъ собой, выламываютъ двери, врываются въ церковь, дерутся въ рукопашную съ инсургентами; болѣе тысячи изъ нихъ обезоружены, остальные бѣгутъ черезъ заднюю дверь, по садамъ коллежа Генриха II и прячутся за рядъ баррикадъ, связывающихъ площадь и улицу Вьейль-Эстрападъ, площадь и улицу Фурси съ улицей Рва-Санъ-Жакъ.

Дамэмъ едва даетъ время своимъ людямъ передохнуть; въ то время, какъ полковникъ Тома атакуетъ баррикаду улицы Рва-Санъ-Жакъ, онъ двигается на атаку баррикады улицы Эстрападъ. Пушечная и ружейная пальба продолжаются около пяти часовъ. Въ ту минуту, когда, послѣ громадныхъ потерь, уже готовы взять послѣднюю баррикаду, въ улицѣ Фурси, пуля попадаетъ генералу въ бедро. Крикъ горести раздается въ рядахъ, когда солдаты видятъ, что онъ упалъ. Молоденькій гвардейскій мобиль, не покидавшій генерала, однимъ прыжкомъ вскакиваетъ на баррикаду, идетъ прямо на выстрѣлившаго инсургента, прострѣливаетъ ему грудь въ упоръ пистолетомъ и, когда тотъ падаетъ мертвымъ у его ногъ, смотритъ на него съ холоднымъ выраженіемъ удовлетворенной мести, затѣмъ возвращается къ своимъ и разражается рываніями ¹⁾.

¹⁾ Этотъ юноша, по имени Жоржъ, утонулъ мѣсяцъ

Генерала Дамэа отнесли въ госпиталь Валь-де-Грасъ. Одинъ изъ народныхъ представителей, Валлеттъ, находившійся вблизи отъ того мѣста, гдѣ упалъ генералъ, почтительно и печально подошелъ къ нему. Онъ зналъ, что рана смертельна. «Генералъ,—сказалъ онъ,—я пришелъ позжать вамъ руку отъ имени Національнаго Собранія». — «Благодарю васъ,—отвѣчалъ Дамэмъ съ улыбкой удивительной покорности судьбѣ, почти радости:—неправда ли, вы засвидѣтельствуете Собранію, что я исполнилъ свой долгъ?»

Принесенный въ госпиталь, раненый такъ утомленъ, что засыпаетъ. Во время сна хирурги осматриваютъ рану: кость раздроблена на нѣсколько частей; начинается воспаленіе, малѣйшее замедленіе операціи можетъ сдѣлать ее неудачной. Главный хирургъ Воденсъ рѣшается разбудить генерала: «Ваша рана очень серьезная,—говоритъ онъ:—по моему мнѣнію, вамъ слѣдуетъ разстаться съ этой ногой...» — «Вы думаете?—говоритъ генералъ, не выказывая ни малѣйшаго волненія,—дѣлайте какъ хотите!» И онъ почти моментально засыпаетъ опять.

Когда сдѣланы уже приготовленія къ ампутаціи, его будятъ опять. Во время операціи, очень долгой и мучительной, у него не вырывается ни одной жалобы. Когда ампутація сдѣлана: «Можно мнѣ будетъ садиться на лошадь?» — спрашиваетъ онъ хирурга, съ безпокойствомъ заглядывая ему въ глаза. И когда тотъ отвѣчаетъ утвердительно: — Ну такъ я еще стою не меньше прежняго... *Да здравствуетъ Республика!*»

Такимъ образомъ, эта героическая и кроткая душа выражала свои послѣднія чувства самаго чистаго патріотизма. Въ виду близкой смерти ни одного личнаго сожалѣнія, ни одной мысли о себѣ и объ этой калѣчащей его ампутаціи, которая сдѣлаетъ его жизнь полною лишеній и страданій. Даже образъ его молодой жены, беременной первымъ ребенкомъ, не смущаетъ его болѣе возвышенныхъ чувствъ. «Скажите Національному Собранію, что я исполнилъ свой долгъ». Вотъ его первая мысль при паденіи. «Могу ли я еще служить моей родинѣ, Республикѣ?» Вотъ единственное опасеніе, выражаемое имъ послѣ жестокой операціи.

Какъ эта простота и эта возвышенность чувства казались натуральными тогда и какъ онъ владѣли сердцами! О, свобода и республиканское отечество! Какія торжества и какое великолѣпіе могутъ затмить священный и величаво-мрачный характеръ твоихъ дней печали и траура!

спустя послѣ возстанія, купаясь въ Сенѣ. Его представили къ наградѣ, но онъ не успѣлъ еще получить крестъ. Его баталіонъ, въ которомъ онъ всегда считался образцомъ храбрости и дисциплины, похоронилъ его на свой счетъ.

Мы оставили генерала Ламорисьера вечеромъ 23-го, послѣ ваятія баррикады Сѣнь-Моръ, вынужненнымъ отказаться отъ всѣхъ своихъ преимуществъ. Въ три часа утра инсургенты задылали всѣ бреши баррикады и довели ее до высоты второго этажа; распущенные монтаньяры Коссидьера защищаютъ ее; войскамъ приходится начинать атаку сначала.

Съ этой стороны возстаніе на большомъ пространствѣ захватило очень сильныя позиціи. Инсургенты занимаютъ нѣлѣво отъ канала Сѣнь-Мартенъ таможенный складъ; направо Жемавскую набережную. Всѣ дома улицы Сѣнь-Моръ пробиты рядомъ амбразуръ вплоть до казармы, которой завладѣли инсургенты. Изъ оконъ нѣсколькихъ домовъ, выгодно расположенныхъ на улицѣ Тамплъ, они поддерживаютъ непрерывный огонь, стрѣляя разомъ изъ всѣхъ отверстій, отъ подваловъ до чердаковъ. Но генералъ Ламорисьеръ рѣшился покончить съ ними во что бы то ни стало. Раздраженный тѣмъ, что не получаетъ подкрѣпленій и что многіе солдаты національной гвардіи исчезаютъ, какъ только видятъ, что сраженіе затягивается, даже не предупреждая о томъ своихъ офицеровъ, приведенный въ отчаяніе овладѣвшей имъ мыслью объ измѣнѣ, онъ рѣшился не щадить ничего: ни людей, ни собственность, ни менѣе всего себя самого.

Съ горящимъ взоромъ, съ развѣвающимися волосами, охрипшій отъ приказовъ, воззваній, упрековъ, которые онъ расточаетъ нерѣшительнымъ солдатамъ, онъ неизмѣнно отвѣчаетъ: «пусть меня убьютъ, но я не отступлю!»—лицамъ, уговаривающимъ его не упорствовать на мѣстахъ, которыхъ, повидимому, взять не возможно. Съ трудомъ удается убѣдить его отмѣнить приказъ разстрѣлять двухъ бригадировъ національныхъ мастерскихъ, у которыхъ нашли сумму въ 80 фр. и пропускъ, подписанный Лаланномъ. Онъ громко утверждаетъ, что администрація мастерскихъ измѣняется. Онъ требуетъ, чтобы ему привели директора, котораго онъ хочетъ разстрѣлять ¹⁾. Онъ приказываетъ арестовать командира 6-го легіона, Вагранна, за то, что тотъ, не зная о приказѣ генерала бросать бомбы въ одинъ домъ на улицѣ Фобуръ-дю-Тамплъ, откуда хотѣтъ выгнать инсургентовъ, явился тушить пожаръ. Онъ грозитъ солдатамъ, не щадить офицеровъ и осыпаетъ бранью національную гвардію ²⁾.

¹⁾ Генералъ Ламорисьеръ не хотѣлъ вѣрить, что Лаланнъ дѣйствуетъ по приказу Кавеньяка и Сенара, которые надѣялись, что, продолжая выдавать плату рабочимъ національныхъ мастерскихъ, они многихъ удержатъ отъ участія въ сраженіи.

²⁾ Иногда онъ также шутитъ: „Вотъ такъ братство!“—воскликаетъ онъ, указывая на дождь пуль, которые сыплются направо и нѣлѣво. Замѣ-

Въ то время, какъ по его приказу пушки налятъ непрерывно въ баррикаду, солдаты подкопами и минами проникаютъ во внутренность домовъ и, такимъ образомъ, заходятъ непріятелю въ тылъ. Бомбы и гранаты лопаются, огонь пожираетъ деревянные строения, густой дымъ наполняетъ улицы, ослѣпляетъ сражающихся, окутывается и наполовину скрываетъ эту картину разрушенія. Полковникъ Дюлакъ со своимъ полкомъ, однимъ изъ наиболѣе потерпѣвшихъ изъ всей арміи, превосходно помогаетъ генералу Ламорисьеру. Генераль все время посылаетъ его на самыя опасныя мѣста; ему онъ поручаетъ брать самыя страшныя баррикады.

Весь этотъ длинный день 24-го іюня проходитъ въ кровопролитныхъ битвахъ. Инсургенты отступаютъ медленно, шагъ за шагомъ, такъ что ихъ отступление почти незамѣтно. Только вечеромъ Ламорисьеру, который самъ захотѣлъ вести атаку таможеннаго склада и подъ которымъ при этомъ была убита лошадь, удастся овладѣть имъ и, такимъ образомъ, разрѣзать возстаніе на двѣ части. Въ то время, какъ онъ отбрасываетъ одну часть на Виллеттъ, онъ другую отгѣсняетъ къ Монмартру съ помощью войскъ, которыми командуетъ генераль Лебретонъ.

Съ самаго утра генераль Лебретонъ нашелъ отличную позицію въ Монмартскихъ бойняхъ, которыя командуютъ баррикадами, построенными у заставы Рошешуаръ. Онъ посылаетъ туда часть 2-го баталіона 3-го легіона и взводъ 21-го линейнаго полка. Онъ размѣщаетъ людей въ окнахъ домовъ, которыя выходятъ и на баррикаду, и на заставу, и командуетъ общій залпъ, выбивающій большинство инсургентовъ изъ строя. Оставшіеся устраиваютъ засады въ зданіяхъ таможни и въ сосѣднихъ домахъ. Заняывается перестрѣлка, которая продолжается четыре часа. Солдатамъ удастся, наконецъ, выбить инсургентовъ изъ этой позиціи; затѣмъ генераль Лебретонъ ведетъ ихъ снова на баррикаду Пуассоньеръ, которою они послѣ большихъ усилій и овладѣваютъ.

На лѣвомъ берегу Сены, въ предмѣстьѣ Сентъ-Марсель, продолжавшаяся борьба проходила приблизительно тѣ же фазы, что и на правомъ берегу. 23-го многочисленныя баррикады улицъ Муфтаръ, Арбалетъ, Паскаль, Лурсинъ и у Итальянской заставы взя-

чая, что солдаты не рѣшаются атаковать баррикаду, онъ пускаетъ свою лошадь шагомъ посреди улицы подъ пулями инсургентовъ, потомъ такъ же медленно возвращается назадъ: „Вотъ видите, какъ это легко“, — говоритъ онъ солдатамъ. Въ другой разъ, видя, что одинъ изъ офицеровъ побѣднѣлъ, приготовляясь проходить мимо бреши, изъ которой идетъ непрерывная стрѣльба, онъ беретъ его за руку и, разговаривая, защищая его своимъ тѣломъ, медленно проходитъ съ нимъ передъ брешью и оставляетъ его только, когда опасность миновала.

ты безъ большого труда гвардейскими-мобилями, оттѣснившими инсургентовъ до фабрики Гобеленовъ. Но дальше за недостаткомъ запасовъ проникнуть было нельзя, и въ ночь инсургенты снова заняли всѣ свои позиціи. Въ теченіе дня, 24-го іюня, они защищались съ большой энергіей. Войска съ трудомъ могли опять отнять баррикады въ такомъ кварталѣ, гдѣ все населеніе и на три четверти національная гвардія принадлежать возстанію.

Когда ночь вторично спустилась надъ окровавленнымъ городомъ, и погребальное освѣщеніе зажглось въ пустынныхъ улицахъ, гдѣ водворилось безмолвіе, прерываемое только монотоннымъ крикомъ карауловъ: «Часовой! берегись!», то сердца овладѣли уже не только печаль и тоска, но трепетъ ужаса охватилъ воображеніе, въ которомъ всплывали страшныя сцены убійствъ, слышались крики, стоны, проклятія, развертывались всѣ галлюцинаціи, порождаемыя бредомъ мщенія. Бой, продолжаясь дольше всякихъ предположеній, принимая необычайные размѣры, не только не принесъ съ собой усталости и желанія мира, но, напротивъ, принялъ характеръ какого-то остервененія, совсѣмъ не свойственнаго нравамъ націи. Въ нѣкоторыхъ схваткахъ, на извѣстныхъ пунктахъ онъ переходитъ въ прямое звѣрство. Нѣсколько полковъ, привыкшихъ къ жестокостямъ африканской войны, видя, какъ падаютъ ихъ офицеры, храбрость которыхъ никогда еще не выказывалась съ такимъ блескомъ, въ первую минуту бѣшенства разстрѣляли плѣнныхъ. Но наибольшую ярость выказали юноши, почти дѣти изъ гвардейскихъ мобилей, оказавшіеся самыми кровожадными въ своемъ «энтузіазмѣ рѣзни». Это ужасное опьяненіе, охватывающее всѣхъ людей въ первомъ сраженіи, при видѣ крови, запаха и дыма пороха, превратилось въ безумный бредъ у этихъ дѣтей предмѣстья, у которыхъ бѣдность и ранній развратъ ослабляютъ или извращаютъ всѣ способности. Ихъ возбуждаетъ также желанье отличиться. Выказывая болѣе пылкую отвагу, нежели линейные солдаты, которые идутъ по долгу повиновенія, съ печалью, на эту гражданскую войну, они бѣгутъ всюду, гдѣ раздается пальба. У всѣхъ, кто видитъ ихъ, они вызываютъ удивленіе и одобреніе, которое окончательно кружитъ имъ головы. Въ перерывахъ сраженія они курятъ, пьютъ испорченное подмѣсями вино, водку, къ которой изъ дикой шалости примѣшиваютъ порохъ. Эти напитки, эти излишества всякаго рода возбуждаютъ въ нихъ какую-то свирѣпую радость. Узнавъ, что провозглашено военное положеніе, они воображаютъ себѣ, что имѣютъ право убивать безъ пощады. Не слушаясь начальства, они повинуются только своимъ дикимъ инстинктамъ. Крики, мольбы плѣнныхъ вызываютъ у нихъ убійственный смѣхъ; человѣческое лицо

для нихъ не имѣть болѣе никакого значенія; они стали болѣе похожи на хищныхъ звѣрей, чѣмъ на людей.

И вся эта пролитая кровь, всѣ эти невозвратныя потери все еще не даютъ никакой увѣренности относительно исхода борьбы. Возстаніе начало, правда, отступать съ момента взятія Пантеона, которое раскололо его надвое. Ратуша спасена; но высшіе офицеры думаютъ, что слѣдующій день придется еще усиленно бороться, и что надо рѣшиться на новыя жертвы, что придется бомбардировать дома, разрушать ихъ пушками, однимъ словомъ, примѣнять къ предметамъ самыя крайнія мѣры.

Инсургенты съ своей стороны дошли до послѣдней степени экзальтаціи. Вожди ихъ, чтобы побудить ихъ къ сопротивленію, убѣждаютъ ихъ, что имъ не ждять пощады отъ побѣдителей. У нихъ еще есть запасы. Они, кромѣ того, пускаются для пополненія ихъ на всевозможныя техническія уловки. Тѣ изъ рабочихъ, которые проходятъ курсъ химіи въ консерваторіи искусствъ и ремеслъ, знаютъ, какимъ образомъ фабрикуется порохъ. Они заставляютъ аптекарей готовить его на ихъ глазахъ. Они переплавляютъ на пули свинецъ отъ прилавковъ винныхъ торговцевъ. Они заряжаютъ ружья всевозможными металлами, употребляя даже типографскій шрифтъ. Женщины, бросившіяся съ какой-то яростью въ возстаніе, усердно помогаютъ заготовлять патроны. Онѣ уздаютъ намѣренія непріятели, слѣдятъ за движеніемъ войска; онѣ придумываютъ всевозможныя хитрости, чтобы доставлять сражающимся военные запасы и пищу. Одна приносить инсургентамъ порохъ въ двойномъ двѣ молочнаго кувшина, другая наполняетъ имъ выдолбленную внутренность хлѣба или пирога; третья представляется беременною, четвертая дѣлаетъ себѣ папильотки изъ печатной бумаги, на которой написано карандашемъ какое-нибудь важное извѣстіе. Солдаты, слѣлавшіеся очень недовѣрчивыми, опрокидываютъ носилки, матрацы которыхъ оказываются набитыми оружіемъ; они останавливаютъ ложныя похороны и разбиваютъ гробъ, изъ котораго сыпятся ружья, сабли и пистолеты. Кажется, что для этой грандіозной и страшной войны, въ которой зажигается столько считавшихся потухшими страстей, какой-то мстительный рокъ позволилъ людямъ найти, сконцентрировать и повернуть противъ себя самихъ и хитрые инстинкты дикарей, и ярость варварскихъ временъ, и героизмъ рыцарства, и экзальтацію вѣковъ вѣры, и знаніе и искусство современной цивилизаціи.

Въ воскресенье, 25-го іюня, въ девять часовъ утра генераль Кавеньякъ въ третій разъ даетъ сигналъ къ нападенію. Такъ же, какъ и въ предыдущіе дни, битва завязывается на трехъ пунктахъ: дивизія генерала Бреа, замѣнившаго генерала Дамомъ, ата-

куеть предмѣстье Сэнь-Марсель; дивизія генерала Негріе—предмѣстье Сэнь-Антуанъ; дивизія Ламорисьера, -- предмѣстья Пуассоньеръ, Сэнь-Дени, Тамплъ.

Потери, понесенныя инсургентами наканунѣ и ихъ попятное движеніе, ни на минуту не смутили ихъ, не отняли у нихъ мужества. Они занимають съ еще большими силами предмѣстья Сэнь-Марсель, Сэнь-Антуанъ, Сэнь-Мартенъ, Тамплъ, вѣншіе бульвары. Они защищаются за окопаннымъ ими Сэнь-Лазаромъ, какъ за крѣпостной стѣной; передовыя работы выдвинуты ими здѣсь до церкви Сэнь-Вансенъ-де-Поль и до таможенного склада. Постоянныя подкрѣпленія приходятъ къ нимъ отъ заставы Шапель-Сэнь-Дени и Виллетъ. Населеніе острова Сэнь-Луи, оставшееся нейтральнымъ подъ охраной національной гвардіи, начинаетъ волноваться. Соціальный характеръ возстанія все болѣе и болѣе выясняется; агенты претendentовъ прячутся и даютъ приказъ не кричать ничего, кромѣ: да здравствуетъ Республика! Немногіе бѣлые флаги, развѣшавшіеся въ первый день, исчезаютъ; красныхъ становится больше. Раздаются и бросаются среди сражающихся воззванія драться до послѣдней крайности; распространяется слухъ, что на Парижъ идетъ Лагранжъ съ 30 тысячами ліонскихъ рабочихъ; что Коссидьеръ овладѣлъ Ратушей; его имя на всѣхъ устахъ ¹⁾. Истѣ удивляются, что его нигдѣ не видно. По рукамъ ходятъ списки для составленія временнаго правительства, въ которыхъ страннымъ образомъ соединяются имена Барбэса, Распайя, Кабэ, Пьера Леру, Прудона, Луи-Блана, Альбера, Бланки, Коссидьера Людовика-Наполеона Бонапарта. Все предвѣщаетъ, что сопротивленіе будетъ отчаянное.

Между тѣмъ, Собраніе, которое въ теченіе всего дня 24-го іюня ничего другого не дѣлало, какъ только выслушивало доклады о различныхъ фазахъ борьбы, открываетъ засѣданіе 25-го, вотируя декретъ, назначающій сумму въ три милліона для раздачи вспоможеній по домамъ въ четырнадцати округахъ Парижа и окрестностей между нуждающимися семьями.

Въ то же самое время, какъ оно издаетъ этотъ декретъ въ надеждѣ разубѣдить пролетаріевъ въ тѣхъ ужасныхъ слухахъ, которые выпускають люди партій о томъ, что Собраніе хочетъ истребить ихъ всѣхъ поголовно, оно встрѣчаетъ аплодисментами прокламацію Кавеньяка къ рабочимъ, составленную въ томъ же намѣреніи и выражающую съ энергичной краткостью великихъ писателей древ-

¹⁾ Паролями въ предмѣстьѣ Сэнь-Антуанъ были слова: Канъ и Коссидьеръ; Коссидьеръ и Республика.

ности чувства состраданія и милосердія, свойственныя только эпохѣ, проникнутой философіей христіанства.

«Рабочіе и всѣ вы, поднявшіе оружіе противъ отечества, противъ Республики,—писалъ генераль Кавеньякъ.—въ послѣдній разъ во имя всего, что есть почтеннаго, святаго для людей, сложите оружіе. Національное собраніе, вся нація просятъ васъ объ этомъ. Вамъ говорятъ, что васъ ожидаетъ жестокое возмездіе—это распространяютъ ваши враги. Вамъ говорятъ, что васъ ждетъ безпощадная кара: придите къ намъ, придите, какъ раскаявшіеся и покорные закону братья. Объятія Республики открыты для васъ».

Нѣкоторые представители предлагаютъ снести этотъ декретъ на баррикады. Они льстятъ себя надеждой, что при чтеніи этихъ трогательныхъ и благородныхъ словъ, оружіе выпадетъ изъ рукъ инсургентовъ. Это была иллюзія. Возбужденіе предмѣстьевъ еще усилилось во время краткаго перерыва враждебныхъ дѣйствій. Лишь нѣкоторые рабочіе соглашались выслушать прокламацію и декретъ Національнаго Собранія. Большинство видятъ въ немъ ловушку для легковѣрныхъ. Борьба начинается, еще болѣе ожесточенная, еще болѣе кровопролитная, чѣмъ прежде.

Въ десять часовъ утра генераль Бреа оставляетъ площадь Пантеона и двигается во главѣ сильной колонны, состоящей изъ гвардейскихъ мобилей, линейныхъ солдатъ, роты артиллеріи и двухъ пушекъ: всего около 2000 человекъ. Представитель де-Людръ сопровождаетъ его. Генераль, человекъ чрезвычайно добрый, исполненный состраданія при видѣ такого количества бесполезно пролитой крови, надѣется, что, приведя съ собой члена Національнаго Собранія и прочитавъ народу декретъ о раздачѣ трехъ миліоновъ франковъ бѣднымъ, онъ заставитъ инсургентовъ сложить оружіе.

Онъ идетъ по внѣшнимъ бульварамъ вдоль крѣпостной стѣны. Какъ только ему попадается группа рабочихъ, онъ останавливается и говоритъ съ ними просто и ласково. Сегодня его именины; онъ отмѣтилъ это съ удовольствіемъ, считая это хорошимъ предзнаменованіемъ для своей миссіи. И, дѣйствительно, онъ долго не встрѣчаетъ на своемъ пути иныхъ препятствій, кромѣ срубленныхъ деревьевъ, брошенныхъ поперекъ дороги. Всюду его выслушиваютъ охотно; его надежды возрастаютъ. Такимъ образомъ, полный вѣры въ благоприятный исходъ, онъ достигаетъ такъ называемой Итальянской заставы, или Фонтенебло.

Здѣсь войско натывается на укрѣпленіе, состоящее изъ четырехъ баррикадъ. Двѣ изъ нихъ запираютъ обѣ стороны внутренняго и внѣшняго бульвара. Третья загораживаетъ входъ въ улицу Муфтаръ. Четвертая, самая сильная, закрываетъ заставу. Она за-

щищаетъ инсургентовъ, собравшихся въ большомъ числѣ на дорогахъ Шуази и Итальянской и занимающихъ зданія заставной таможни и кордегардіи.

Застава совершенно скрыта за огромной массой булыжника, въ которой оставленъ лишь узкій проходъ направо. Страшное безмолвіе царитъ за этой баррикадой, надъ которой виднѣются только флаги. Множество инсургентовъ, изнемогающихъ отъ усталости, спятъ, положивъ голову на камни. Время отъ времени надъ укрѣпленіемъ показывается голова, которая какъ будто высматриваетъ, не идутъ ли войска, и тотчасъ же прячется. Мѣстность эта имѣетъ особенно мрачный видъ.

Генераль Бреа останавливаетъ войска и приказываетъ разставить пушки въ батарейномъ порядкѣ. Онъ готовится и здѣсь говорить съ народомъ, какъ онъ дѣлалъ это у заставъ Анфэръ, Сэнь-Жакъ и Сантэ и надѣется на такой же успѣхъ. Безъ колебанія и недовѣрія онъ подходитъ къ заставѣ, призывая къ себѣ людей благонамѣренныхъ, желающихъ мира. Являются нѣсколько инсургентовъ. Онъ читаетъ имъ прокламацію Кавеньяка и декретъ. Нѣсколько рукоплесканій встрѣчаетъ это чтеніе. Генерала приглашаютъ перейти заставу, чтобы онъ могъ переговорить съ вождями.

Въ ту минуту, какъ онъ готовится послѣдовать этому приглашенію, командующій баталіономъ 11-го легіона, Гоберъ, который подозрѣваетъ ловушку, проситъ у генерала позволить ему пойти одному, чтобы узнать настроеніе этой толпы. Черезъ нѣсколько минутъ онъ приходитъ сказать Бреа, что было бы въ высшей степени неразумно идти къ этимъ людямъ: они, по видимому, сильно возбуждены; лица ихъ не выражаютъ ничего, кромѣ ненависти и злобы; это не добрые рабочіе, готовые послушаться голоса разсудка, а настоящіе каторжники.

Генераль Бреа упрекаетъ Гобера въ преувеличеніи; онъ упорствуетъ въ своемъ рѣшеніи, предпочитая лично рисковать, нежели подвергать опасности безъ особенной нужды своихъ людей. Окруженный тремя или четырьмя инсургентами, которые клянутся ему, что ему нечего опасаться, онъ рѣшительно и весело идетъ къ маленькому боковому проходу. «Вы съ нами?» спрашиваетъ онъ, оборачиваясь къ представителю де-Людру. «Нѣтъ!» отвѣчаетъ тотъ.

Полковникъ Тома также заявляетъ, что безумно бросаться въ такую ловушку. Генераль одинъ готовится перейти заставу. Тогда майоръ Демарэ 14-го кавалерійскаго полка, обращаясь къ Гоберу, замѣчаетъ ему, что оставлять генерала безъ эскорта противно всѣмъ военнымъ правиламъ. «То, что онъ дѣлаетъ, безумно,—говоритъ Гоберъ: но вы правы, наша обязанность—раздѣлить его

судьбу». И оба становятся около него, не говоря ни слова. Арманъ де-Маянжъ, капитанъ генеральнаго штаба, и Сэнжо, поручикъ національной гвардіи, слѣдуютъ ихъ примѣру.

Только что они переступили дверь заставы, какъ она моментально затворяется за ними. Они дѣлаютъ нѣсколько шаговъ къ таможенѣ, толпа вооруженныхъ людей окружаетъ ихъ и беретъ ихъ въ плѣнъ. Въ толпѣ раздаются голоса: «Это Кавеньякъ! Не выпустимъ его!» Другіе кричатъ: «Это палачъ Пантеона!»

«Это не Кавеньякъ, это бравый старикъ!» отвѣчаетъ нѣсколько человѣкъ, тѣснящихся около Бреа, чтобы защитить его своими тѣлами, и отводятъ его въ сосѣдній домъ, гдѣ живетъ мэръ общины. Оставшаяся на улицѣ толпа разражается угрозами.

Боясь, что двери дома не выдержатъ напора толпы, эти славные рабочіе, взявшіеся защищать генерала, уводятъ его въ глубину сада и говорятъ ему, чтобы онъ перелѣзъ черезъ стѣну, очень невысокую въ этомъ мѣстѣ. Генераль колеблется: ему кажется, что это будетъ трусостью; онъ хочетъ ждать, хочетъ подставить свою грудь этимъ людямъ, которыхъ онъ не можетъ считать убійцами. Во время этихъ колебаній поручикъ Сэнжо перепрыгиваетъ черезъ стѣну и бѣжитъ за помощью. Губеръ, котораго уговариваютъ сдѣлать то же самое, объявляетъ, что онъ раздѣлитъ участь генерала.

Крики толпы усиливаются,—обманываться болѣе не возможно. Въ ту минуту, когда генераль соглашается, наконецъ, бѣжать и собирается перелѣзть черезъ стѣну сада, двери дома взламываются, толпа съ ужасными криками врывается въ домъ. Генерала хватаютъ, оскорбляютъ всячески и втаскиваютъ въ комнату второго этажа.

Мэръ и нѣсколько человѣкъ національной гвардіи, находящіеся здѣсь, окружаютъ Бреа и отдѣляютъ его отъ толпы. Они усаживаютъ его и совѣтуютъ, чтобы выиграть время, въ надеждѣ на скорую помощь, написать въ формѣ деклараціи нѣсколько незначительныхъ строкъ, которыя могли бы, однако, успокоить на минуту народное волненіе.

Генераль, который отъ крайней довѣрчивости перешелъ къ крайнему смятенію, уступаетъ. Онъ пишетъ подъ диктовку окружающихъ его слѣдующія строки: «Мы, нижеподписавшіеся, генераль Бреа, полковникъ Тома и представитель народа де-Людръ, объявляемъ, что пришли къ заставамъ для того, чтобы возвѣститъ доброму народу Парижа и окрестностей, что Національное Собраніе декретировало отпустить три милліона франковъ въ пользу нуждающихся классовъ. Я окруженъ у заставы Фонтенебло честными людьми, республиканцами, демократами, социалистами...»

Мэръ, слѣдившій съ безпокойствомъ за всѣми движеніями толпы, хватаетъ эту декларацію еще раньше, чѣмъ генераль окончилъ смыслъ фразы, и, подойдя къ окну, готовится прочесть ее народу. Но толпа ничего не хочетъ слышать.

Прибѣжавшія отъ Пантеона женщины, говорятъ, что тамъ избиваютъ плѣнныхъ. Онѣ рассказываютъ о смерти Рагинара, одного изъ самыхъ популярныхъ вождей возстанія; онѣ видѣли, какъ его разстрѣляли. Толпа, все болѣе возмущенная этими рассказами, замѣчая, что мэръ хочетъ выиграть время и спасти Бреа, снова врывается въ комнату, кричитъ, реветъ, требуетъ, чтобы генераль подписалъ приказъ войску отступить.

Ошеломленный, притиснутый, схваченный за воротъ, генераль Бреа уступаетъ насилію. Онъ начинаетъ писать неувѣренной рукой: «Я приказываю войску уйти тою же дорогой, которой оно пришло».

На одну минуту вздохнули свободно; тѣ же люди, которые съ самаго начала этихъ ужасныхъ сценъ ограждали генерала, вводятъ его въ главный постъ, гдѣ они надѣются лучше уберечь его. Тамъ они находятъ Гобера, Демарэ и Манжэна, съ которыми обошлись самымъ гнуснымъ образомъ и которыхъ сторожатъ нѣсколько человѣкъ національной гвардіи пригородовъ, желающихъ, однако, дать имъ возможность бѣжать.

Уже начали проламывать общую съ другимъ домомъ стѣну, и черезъ нѣсколько минутъ дыра будетъ достаточно велика, чтобы могъ пролѣзть человѣкъ; но среди поспѣшности работы не замѣтили бывшаго тутъ ребенка. Этотъ ребенокъ все видѣлъ и, ускользнувъ изъ комнаты, бѣжитъ сообщить толпѣ то, что происходитъ. Тогда нѣсколько человѣкъ, внѣ себя отъ ярости, взламываютъ двери, бросаются къ національнымъ гвардейцамъ и требуютъ у нихъ свою добычу. Тѣ принуждены бѣжать. Тогда капитанъ Манжэнъ, выступая передъ этими изступленными людьми, твердымъ и надменнымъ голосомъ спрашиваетъ ихъ: «Чего вы отъ насъ хотите? Разстрѣлять насъ? Вотъ наша грудь—торопитесь же!» И, пожавъ въ послѣдній разъ руку своего генерала, готовится умереть.

Въ эту минуту раздается со стороны заставы крикъ ужаса; женщины съ растрепавшимися волосами вбѣгаютъ во дворъ съ криками: «Измѣна! Измѣна! Сюда идутъ гвардейскіе мобили!»

Шесть ружей выпадаютъ разомъ; у генерала Бреа прострѣлена грудь, онъ шатается. Манжэнъ издаетъ пронзительный крикъ и судорожно хватается обѣими руками за голову, куда попала пуля. Убійцы, стрѣлявшіе со двора черезъ дверь и черезъ окна, входятъ въ комнату и бросаются на своихъ жертвъ. Одинъ изъ нихъ обезображиваетъ прекрасное лицо Манжэна до неузнаваемо-

ети; другой прокалывает штыкомъ безчувственное тѣло Бреа; третій раздробляетъ ему черепъ прикладомъ; четвертый, думая, что это Кавеньякъ, ощупываетъ его, желая узнать, правда ли, что онъ носить подъ одеждой панцырь.

Демара, спрятавшійся подъ походною кроватью, недвижно смотритъ на эти ужасы. Гобера, пріютившагося подъ занавѣской, находятъ, и уже ружья направлены на него; но въ эту минуту дверь отворяется, толпа врывается въ комнату. При видѣ этихъ изуродованныхъ труповъ, этихъ залитыхъ кровью досокъ, она въ ужасѣ отступаетъ. Убійцы пугаются того, что можетъ произойти, и бѣгутъ. Почти въ ту же минуту—это было въ шесть часовъ пополудни—войска генерала Бреа переходили заставу.

Полковникъ Тома, взявшій на себя команду колонной, находился, какъ легко себѣ представить, въ сильномъ безпокойствѣ. Когда онъ получилъ приказъ увести войско, онъ понялъ, что генералъ не свободенъ. Онъ рѣшительно не зналъ, что дѣлать. Повиноваться такому приказу было не возможно. Атаковать баррикаду—это было все равно, что дать сигналъ къ убійству. Сдѣлавъ нѣсколько попытокъ завязать переговоры съ инсургентами, полковникъ Тома посылаетъ ординарца къ генералу Кавеньяку, чтобы сообщить ему объ опасности, въ которой находится генералъ Бреа, и спросить его приказа.

«Спасеніе страны важнѣе спасенія отдѣльныхъ лицъ,—отвѣчаетъ Кавеньякъ.—Если черезъ четверть часа инсургенты не сдадутся, атаковать баррикаду».

Какъ только полковникъ Тома получилъ этотъ приказъ, онъ началъ строить колонны для атаки.

Артиллерія съ саперами идетъ впереди; гвардейскіе мобили прячутся за деревня бульвара и ближайшихъ садовъ. Роты 2-го легіона, перемежаясь съ ротами линейныхъ войскъ, приближаются къ тройной баррикадѣ, защищающей заставу.

До нея оставалось не болѣе пяти сотъ шаговъ, артиллерія уже готовилась открыть огонь, какъ вдругъ изъ баррикады выходитъ человекъ и машетъ бѣлымъ платкомъ. Приблизясь на разстояніе пистолетнаго выстрѣла, этотъ человекъ бросается на колѣни и кричитъ: «Разстрѣляйте меня! Я общалъ вамъ, что генералъ Бреа останется цѣлъ, его убили. Разстрѣляйте меня!» Это былъ мэръ округа подгороднаго мѣстечка Жантилья. Его отсылаютъ, не причинивъ ему вреда: некогда было его слушать. Артиллерія открываетъ огонь. Менѣе чѣмъ черезъ десять минутъ въ баррикадѣ продѣлана достаточно большая брешь. Войска наступаютъ, они раздѣляются на двѣ колонны, которыя окружаютъ инсургентовъ и тѣснятъ ихъ межъ двухъ огней. Ихъ ряды разстраиваются, и они бѣгутъ

но дорогѣ въ Жантильи; противъ тѣхъ, которые скрываются въ домахъ, ведется осада, и они принуждены сдаться.

Полковникъ Тома, радуясь такой быстрой побѣдѣ, всюду ищетъ генерала Бреа. Войдя въ залу таможни, онъ видитъ его трупъ и трупъ Манжэна, лежащіе на скамьѣ. Священникъ, закрывшій имъ глаза, стоитъ около нихъ на колѣняхъ и молится.

Извѣстіе объ этой ужасной смерти, объ убійствѣ одного изъ самыхъ прекрасныхъ и уважаемыхъ людей арміи, быстро разнеслось по Парижу и произвело впечатлѣніе всеобщаго ужаса. Для многихъ, наиболѣе сдержанныхъ въ своемъ сужденіи людей, это убійство показалось подтвержденіемъ того мнѣнія, которое съ перваго дня возстанія внушалось публикѣ страхомъ и политической враждой.

Генераль написалъ: «Я окруженъ республиканцами, социалистами!» И онъ былъ убитъ самымъ подлымъ образомъ; слѣдовательно, инсургенты-социалисты—всѣ убійцы, всѣ люди, достойные каторги. Такіе простые и легкіе выводы прежде всего дѣлаются заурядными людьми. Когда партіи увидѣли, что всѣ поражены ужасомъ, клевета, которая до сихъ поръ дѣлала лишь робкія попытки, сдѣлалась систематичной. Партійный духъ не пощадилъ ничего. Безъ уваженія къ общественному горю, къ національной чести, къ человѣчности, реакціонныя газеты утверждали, что въ возстаніи принимали участіе не менѣе двадцати тысячъ каторжниковъ. Эти рабочіе, которыхъ тѣ же газеты, три мѣсяца назадъ, лицемерно превозносили за разумность, интеллигентность, честность, вдругъ превратились въ орду злоумышленниковъ. Они будто бы выставляли на своихъ знаменахъ постыдныя надписи, грозившія поджогомъ и грабежомъ всему Парижу.

«Огонь, ядъ, кинжалъ и купоросъ,—писали онѣ,—употреблялись мятежниками съ утонченной жестокостью Нерона, съ пронизательностью сатаны». Для подтвержденія этихъ словъ приводились самыя подробныя детали. Одни говорили, что инсургенты выставляли на баррикадахъ трофеи изъ головъ и отрѣзанныхъ членовъ тѣла, расположенныхъ въ отвратительной симметріи; что они увозили изъ институтовъ и пансіоновъ дѣвицъ первыхъ аристократическихъ домовъ Франціи, раздѣвали ихъ до гола, надругались надъ ними и выставляли ихъ затѣмъ подъ выстрѣлы войска; что подкупленные маркитантки наливали солдатамъ отравленную водку; что въ табачныхъ лавкахъ имъ продавали сигары, пропитанныя ядовитыми веществами. Разсказывали еще, что одинъ инсургентъ сдѣлалъ изъ черепа линейнаго солдата наполненную саломъ плошку, съ которой онъ и его товарищи прогуливались, крича на всѣмъ извѣстный ладъ «Les champions». Говорили, что другіе мятежники намазали скипидаромъ тѣло одного офицера и зажгли его живымъ. Утвер-

ждали, наконецъ, что инсургенты съ адскимъ умѣньемъ фабриковали такія пули, формы и составъ которыхъ до сихъ поръ еще неизвѣстны, но которыя производятъ невѣроятную боль и смертельныя раны.

Легко себѣ представить, какъ подобная клевета, повторяемая изо дня въ день, должна была дѣйствовать на воображеніе. Часто случавшіяся несчастія какъ будто подтверждали эти слухи. Возбужденныя страсти, и въ особенности страхъ, а также изумленіе честныхъ людей, придавали этимъ слухамъ роковое могущество ¹⁾.

¹⁾ Историкъ счастливъ тѣмъ, что въ данный моментъ можетъ уничтожить эти клеветы, въ которыхъ тогда никто почти не осмѣливался сомнѣваться. Теперь уже вполне удостовѣрено, что плѣнные, взятые инсургентами, не терпѣли никакого дурного обхожденія. По самымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ путемъ допросовъ военныхъ комиссій въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, по единодушнымъ докладамъ мѣровъ и полицейскихъ комиссаровъ, по свидѣтельству главныхъ врачей и хирурговъ гражданскихъ и военныхъ госпиталей, между прочимъ, доктора Пелуза, Жакмана, главного хирурга госпиталей, доктора Эро, де-Гиза, главного хирурга національной гвардіи, ни инсургенты, ни гвардейскіе-мобили не были виновны въ тѣхъ звѣрствахъ, которыя имъ приписывали. Знамена, отнятыя въ большомъ числѣ у инсургентовъ и сохранившіяся въ президентскомъ залѣ Собранія, показывали большею частью лишь номеръ роты національныхъ мастерскихъ, къ которой они принадлежали. На однихъ были написаны священныя для пролетаріата слова: *„Организация труда путемъ ассоціации“*; на другихъ: *„Отмена эксплуатаціи человека человекомъ“*, или какъ бы въ опроверженіе обвиненія въ грабѣжѣ: *„Уваженіе къ собственности—смерть ворамъ“*. Что касается глубокихъ и часто смертельныхъ ранъ, которыя хирурги констатировали сначала съ изумленіемъ, имъ вскорѣ нашлось естественное объясненіе. Почти всѣ выстрѣлы были сдѣланы сверху внизъ или снизу вверхъ, въ косомъ направленіи. Сражающіеся стояли такъ близко другъ къ другу, что пули пронизывали съ страшной быстротой тѣло, раздробляли кости и принимали видъ жеваныхъ пуль. Отлетая отъ стѣнъ, онѣ также получали самыя странныя формы. Что касается такъ называемыхъ *комическихъ, усмѣченныхъ, полныхъ и носящихъ острые надрывы пуль*, казавшихся звѣрской выдумкой, то изъ показанія полковника Гойона передъ слѣдственной комиссіей и изъ его письма отъ 3 іюля 1848 г. явствуетъ, что это были *пули новаго фасона, предназначенныя для арміи и находившіяся на испытаніи въ Венезіи*. Водка въ погребахъ была тщательно анализирувана (см. *Историческіе документы* № 18, показаніе главного хирурга національной гвардіи, де-Гиза) и не найдено ни малѣйшаго слѣда яда. Женщина Эрвэ, обвиненная въ томъ, что распялила гвардейскаго-мобиля между двумя досками, была единогласно оправдана военнымъ совѣтомъ. Что касается трагической смерти генерала Бреа, то это личное преступленіе нѣсколькихъ человѣкъ.

Вотъ факты и свѣдѣнія, касающіеся этого преступленія. Изъ двадцати пяти обвиненныхъ четверо уличены въ убійствѣ и приговорены къ смерти. Это: нѣкто Даксъ, ницѣй, принятый въ Висетрскую богадѣльню; Вауеро—лошадиный барышникъ; Шоппаръ, прозванный *Ножевщикомъ*, у котораго склонность къ убійству перешла въ мономанію; Ларъ—бывшій артилле-

Национальная гвардія, въ особенности та часть, которая не принимала участія въ борьбѣ и сгорала желаніемъ показать свое усердіе, была въ бѣшенствѣ противъ социалистовъ. Вечеромъ, 24-го, представителя Лагранжа чуть не разстрѣляли на набережной Феррайль нѣсколько солдатъ національной гвардіи за то, что онъ былъ другомъ Барбеса и противился военному положенію. Ледрю-Роллена, выходившаго изъ Собранія, до самой квартиры его въ улицѣ Турнонъ преслѣдовали угрозами смерти. Въ тотъ же день Луи-Бланъ, возвращаясь домой съ четырьмя изъ своихъ коллегъ, знавшихъ, что противъ него имѣются дурныя намѣренія, подвергся нападенію со стороны вооруженныхъ національныхъ гвардейцевъ и едва не лишился жизни ¹⁾.

Но вернемся къ возстанію, которое, хотя уже и отгѣснено и почти побѣждено, не теряетъ мужества и, напротивъ, какъ будто становится упорнѣе по мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе исчезаетъ надежда на успѣхъ.

Всю вторую половину дня 25-го іюня борьба продолжалась около Ратуши; но инсургенты теряли почву все болѣе и болѣе, и такъ какъ они были совершенно разбиты въ предмѣстьѣ Сэнъ-Жакъ и въ предмѣстьѣ Сэнъ-Марсель, то генераль Дювивье надѣялся окончательно покорить ихъ, доведя свои войска до Бастили, гдѣ онъ долженъ былъ соединиться съ генераломъ Ламорисьеромъ. Съ этой цѣлью Дювивье раздѣляетъ свои силы на двѣ колонны:

ристъ, затѣмъ содержатель ночлежнаго пріюта, кабатчикъ и, наконецъ, каменщикъ. Ларъ руководилъ востаніемъ у заставы Фонтенебло; нѣкогда онъ состоялъ въ гарнизонѣ Гамской крѣпости и сохранялъ постоянныя сношенія съ партіей бонапартистовъ. Очень пострадавшій матеріально вслѣдствіе февральской революціи, весьма доступный подкупу, онъ за послѣднее время имѣлъ, видимо, гораздо болѣе денегъ, чѣмъ прежде. За недѣлю до возстанія Ларъ сильно поссорился съ нѣкимъ Надо, каменщикомъ, народнымъ представителемъ, по поводу своего бонапартистскаго образа мыслей.

Республиканская партія придавала большое значеніе тому, чтобы установить фактъ, что убійцы генерала Бреа были не республиканцы, а бонапартисты. Это стараніе отвергнуть солидарность съ такими преступниками дѣлаетъ честь моральному чувству партіи; но я не думаю, чтобы такая тактика была очень полезна и даже просто разумна. Исторія показываетъ на примѣрѣ многочисленныхъ преступленій, совершаемыхъ во имя всевозможныхъ идей, что людей дѣлаютъ убійцами не мнѣнія ихъ, а природный темпераментъ. Индивидуальные инстинкты играютъ болѣе значительную роль въ этихъ ужасныхъ дѣяніяхъ, нежели общія идеи. Нѣкоторые извращенныя натуры, къ счастью, не могутъ запятнать своими преступленіями тѣ вѣрованія, которые онѣ будто бы исповѣдывали.

¹⁾ Буржуазія, весьма дурно освѣдомленная, ненавидѣла Луи-Блана, главнымъ образомъ, какъ основателя и организатора національныхъ мастерскихъ.

одну онъ хочетъ вести самъ и идетъ съ нею по набережнымъ; во главѣ другой онъ ставитъ полковника Рено и поручаетъ ему идти по улицѣ Сэнтъ-Антуанъ, очищая по дорогѣ боковыя улицы отъ инсургентовъ.

Колонна полковника Рено встрѣчаетъ большія препятствія на пути. Ему приходится съ весьма незначительными силами брать встрѣчающіяся на каждомъ шагѣ баррикады и осаждать дома, соединенные между собой подземными ходами, откуда инсургенты стрѣляютъ въ войска. Въ теченіе трехъ часовъ бой идетъ на рынкѣ Сэнтъ-Жанъ и позади церкви; мѣрія девятаго округа и сосѣднія улицы отвоевываются шагъ за шагомъ. Войско несетъ страшныя потери и лишается мужества, огромное число гвардейскихъ-мобилей исчезаетъ, патроновъ не хватаетъ. Полковникъ Рено и его полкъ подають примѣръ удивительной неустрашимости и дѣлають чудеса храбрости. Маррастъ, который видитъ все это, отправляется къ генералу Кавеньяку и приноситъ Рено генеральскія эполеты. Онъ находитъ его недалеко отъ того мѣста, гдѣ онъ его оставилъ, занятого осадой очень сильной баррикады передъ церковью св. Павла. Маррастъ проситъ позволенія надѣть ему эполеты его новаго чина. «Вы сейчасъ увидите, какъ я ихъ заслужу»,—говоритъ Рено. Черезъ четверть часа баррикада была взята, но въ десяти шагахъ отъ Марраста пуля поразила Рено въ самую грудь ¹⁾.

Почти въ ту же минуту генераль Дювивье былъ раненъ въ ногу ²⁾. Узнавъ объ этомъ несчастіи, генераль Кавеньякъ предлагаетъ команду колонной, которую онъ посылаетъ въ предмѣстіе Сэнтъ-Антуанъ, генералу Барагэ-д'Иллѣ; но послѣдній холодно отказывается, не давая никакого объясненія своему отказу. ³⁾.

¹⁾ Тогда же на мѣстѣ распространился слухъ, будто генераль Рено палъ отъ руки плѣннаго, которому онъ спасъ жизнь. Рассказывали, что этотъ несчастный, вырванный генераломъ изъ рукъ разъяреннаго гвардейскаго-мобиля, приблизился къ нему, какъ будто поблагодарить его, вынулъ изъ-подъ блузы пистолетъ и убилъ генерала наповаль.

²⁾ Генераль Дювивье умеръ 8-го іюля отъ этой раны, которую считали сначала не опасной. До послѣдняго часа онъ казался сильно озабоченнымъ судьбой инсургентовъ, противъ которыхъ сражался. „Несчастные эти рабочіе,—говорилъ онъ,—ихъ нужно сдерживать, но надо же и сдѣлать что-нибудь для нихъ; имъ надо дать работу; надо, чтобы рука отечества открылась для нихъ.“ Какъ я уже замѣтила, эти гуманныя чувства преобладали тогда во всѣхъ сердцахъ; ни одинъ изъ высшихъ офицеровъ, сражавшихся противъ іюньскаго возстанія, ни на минуту не забывалъ, исполняя свой долгъ солдата, что онъ гражданинъ, и что онъ борется противъ людей, достойныхъ скорѣе состраданія, чѣмъ ненависти.

³⁾ Говорили, что генераль Барагэ-д'Иллѣ обидѣлся на то, что ему не поручили команду войскъ, предназначенныхъ для защиты Рагуши, и что это чувство и побудило его къ такому печальному отказу.

Тогда Шаррасъ, присутствовавшій при этомъ разговорѣ и видѣвшій, въ какомъ затрудненіи находится главнокомандующій, указалъ ему на только что пріѣхавшаго изъ Версаля генерала Негріе, который можетъ съ честью выполнить эту трудную миссію.

Негріе съ величайшей готовностью принимаетъ предлагаемую ему команду и тотчасъ же отправляется во главѣ двухъ эскадроновъ драгунъ, нѣсколькихъ отрядовъ пѣхоты и пригородной національной гвардіи, чтобы снова начать атаку. Войско приобретаетъ постоянныя преимущества. Около двухъ часовъ пополудни оно овладѣло мостомъ Мари, взяло приступомъ баррикады набережной Сентъ-Поль, улицъ Этуаль, де-Барръ и Пети-Мюскъ; выгнало инсургентовъ изъ хлѣбныхъ складовъ. Оно заняло Аустерлицкій мостъ и подходило къ вокзалу Арсенала. Здѣсь генераль Негріе раздѣляетъ свою колонну. Онъ самъ идетъ направо по бульвару Контрескарпъ; Эдмонъ Аданъ беретъ налѣво по бульвару Бурдонъ. Такимъ образомъ, они доходятъ до угла площади Бастиліи.

Съ своей стороны генераль Перро, командующій вмѣсто Рено, очищаетъ отъ инсургентовъ улицу Сентъ-Антуанъ, гдѣ онъ одну за другой беретъ шестьдесятъ баррикадъ, самыхъ крѣпкихъ изъ всѣхъ, которыя пришлось разрушать ¹⁾. Онъ гналъ инсургентовъ изъ дома въ домъ, овладѣлъ мѣріей восьмого округа и, взявъ послѣднюю баррикаду, дошелъ до того мѣста, гдѣ улица Сентъ-Антуанъ выходитъ на площадь. Здѣсь рѣшено было ожидать присоединенія войска генерала Ламорисьера, дѣйствовавшаго въ это время въ предмѣстьѣ Тампль.

Наступаетъ рѣшительный моментъ. Площадь Бастиліи имѣетъ устрашающій видъ. Гигантская зубчатая баррикада опоясываетъ всю сторону площади отъ улицы Бурдонъ до улицы Жанъ-Босиръ, примыкаетъ къ баррикадамъ большого бульвара и къ тѣмъ, которыя запираютъ входъ въ улицы Ла-Рокеттъ, предмѣстья Сентъ-Антуанъ и Шарантона. Красный флагъ развѣвается на Іюльской колоннѣ. Съ одной стороны дома заняты инсургентами. Два изъ нихъ, полуразрушенные бомбами и гранатами, еще дымятся и по видимому готовы рухнуть. Съ другой стороны, солдаты заняли позицію на сосѣднемъ лѣсномъ дворѣ и стрѣляютъ изъ-за досокъ. Они занимаютъ также дома на углу улицы Сентъ-Антуанъ и стрѣляютъ оттуда залпами. Полевые орудія, направленные на эти баррикады, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ тѣсно усиливаются ихъ сокрушить и открыть путь солдатамъ.

¹⁾ Эти баррикады были построены изъ телегъ, набитыхъ камнями, и изъ стволовъ вырванныхъ деревьевъ.

Когда колонна генерала Негріе, уже измученная усталостью, истомленная жарой и деморализованная исчезновеніемъ большого числа солдатъ, увидѣла это обширное пустое пространство, по которому летаютъ пули, ею овладѣлъ такой страхъ, что она останавливается и чуть не отступаетъ. Генераль дѣлаетъ видъ, что ничего не замѣчаетъ, и продолжаетъ идти впередъ. Съ баррикады раздается ужасающій залпъ, отъ котораго колонна приходитъ въ нѣкоторое замѣшательство и почти подается назадъ. Негріе идетъ дальше, доходить до середины площади въ сопровожденіи группы человекъ въ двѣнадцать, не болѣе. Ничто его не защищаетъ, укрыться не за что; одна только тѣнь Іюльской колонны чертитъ тонкую линію на залитой солнцемъ площади.

Непріятельскій огонь усиливается. Тщетно стараются отвести Негріе отъ почти вѣрной смерти. «Оставьте меня, оставьте»,— говоритъ онъ, вырываясь изъ рукъ тѣхъ, которые стараются удержать его, и идетъ далѣе. Выстрѣлъ изъ лѣснаго двора попадаетъ въ него. Генераль шатается: «Я умираю отъ руки солдата»,— съ горестію говоритъ онъ Треля, принимающему его въ свои объятія. Въ ту же минуту представитель Шарбоннель, раненый на смерть, падаетъ около него.

Благородныя жертвы патриотизма и чести! Какимъ глубокимъ сожалѣніемъ наполняется сердце при бѣгомъ описаніи вашихъ послѣднихъ минутъ, тогда какъ ни одна подробность не должна бы остаться неизвѣстной! Но смерть въ эти странные дни поражаетъ такъ быстро, такъ часто и такъ жестоко, что заставляетъ насъ въ нѣкоторомъ родѣ подражать ей и запрещаетъ намъ слезы.

Но не одной только военной чести, не одному гражданскому мужеству суждено было пожертвовать благородной кровью для отечества. Для того, чтобы жертва эта была полной и совершенной, и для того, чтобы геній Франціи могъ выказаться во всемъ своемъ величіи, нужно было, чтобы духовенство, во всякое время игравшее такую значительную роль въ славной исторіи французской націи, такъ же, какъ и политическое общество, доказало въ свою очередь, что духъ его еще живъ, и что посреди упадка нравовъ оно не утратило ни вдохновенія христіанской любви, ни силы мученичества.

Это доказательство суждено было дать человѣку съ чистымъ сердцемъ, священнику, жизнь котораго до той поры проходила незамѣченной. Мученическая смерть архіепископа Парижскаго снова показала міру то, что всегда было и всегда останется славой христіанской церкви; она показала господство человѣческой воли надъ природой, торжество духа надъ плотью, безсмертіе, отвоеванное отъ области смерти.

Съ первыхъ часовъ возстанія архієпископъ Аффръ выказывалъ чрезвычайное волненіе. Насколько умъ его всегда оставался непоколебимымъ при исполненіи его духовныхъ обязанностей и пользованіи его духовными правами, настолько его физическая натура дѣлала его боязливымъ въ обыкновенныхъ случаяхъ жизни. Малѣйшее народное волненіе, одна только возможность борьбы, представлявшаяся его воображенію, внушала ему страхъ, съ которымъ онъ не въ силахъ былъ совладать. Въ извѣстныхъ случаяхъ онъ до такой степени старался укрыться отъ еще отдаленной опасности, что его поведеніе удивляло и даже огорчало тѣхъ, которые глубоко уважали его, какъ человѣка.

Въ то время, когда онъ, 23-го, въ церкви св. Стефана давалъ первое причастіе дѣтямъ, баррикады внезапно выросли вокругъ церкви: онъ не посмѣлъ вернуться домой и ночевалъ въ Коллежѣ Генриха II. Въ теченіе дня 24-го по его манерѣ, изъ его словъ даже можно было заключить, что онъ опасается только за себя. Не безъ труда удалось уговорить его при наступленіи ночи вернуться въ архієпископскій дворецъ, такъ какъ окрестности Пантеона были совершенно очищены войсками. Но на слѣдующій день, праздникъ Тѣла Господня, послѣ того, какъ онъ отслужилъ обѣдню, архієпископъ явился совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Онъ провелъ ночь одинъ въ молитвѣ. Его упавшій духъ воспрянулъ; его душа укрѣпилась. На него сошло божественное вдохновеніе и дало ему ясность и спокойствіе духа.

Позвавъ къ себѣ своихъ двухъ главныхъ викаріевъ, архієпископъ Аффръ въ краткихъ словахъ сообщилъ имъ свое рѣшеніе. Онъ хотѣлъ, по его словамъ, идти къ народу и попытаться убѣдить и умиротворить его. Для успѣха этого предпріятія онъ не надѣялся на силу своего слова, такъ какъ зналъ, что не обладаетъ краснорѣчіемъ и всегда бываетъ связанъ чрезвычайной застѣнчивостью: онъ вѣрялъ себя посылавшему его Богу, который сумѣетъ говорить его устами.

Викаріи, удивленные такимъ рѣшеніемъ, пытались отговорить его; но все было напрасно: «моя жизнь ничего не стоитъ»,—съ удивительной простотой говорилъ прелатъ, когда ему описывали всѣ опасности, которымъ онъ подвергался.

Однако, такъ какъ онъ очень дорожилъ всякими обязанностями и правилами, онъ захотѣлъ, прежде чѣмъ идти на баррикады, поутвергнуть свое намѣреніе на разсмотрѣніе главнокомандующаго и получить отъ него, такъ сказать, разрѣшеніе умереть. 25-го въ десять часовъ утра онъ вышелъ пѣшкомъ изъ архієпископскаго дворца. Облеченный въ свои священническія ризы, онъ вмѣстѣ со своими главными викаріями направился къ дому президента Собранія.

Услышавъ его просьбу, генераль Кавеньякъ былъ тронутъ. Проникнутый почтеніемъ къ такому важному и такъ просто выраженному рѣшенію, онъ тѣмъ не менѣ употребилъ всѣ усилія, чтобы отговорить его. Онъ описалъ ему возбужденное состояніе умовъ, неудачу всѣхъ попытокъ соглашенія, гнѣвъ и недовѣріе, съ которыми всѣ эти попытки были отвергнуты. Онъ сообщилъ ему объ убійствѣ генерала Бреа, о смерти нѣсколькихъ представителей. «Другіе, — сказалъ онъ, — отправившіеся въ предмѣстья, остались тамъ плѣнниками, и за нихъ можно опасаться всего».

Архіепископъ выслушиваетъ эти предупрежденія безъ всякаго смущенія. Онъ не возражаетъ ничего на доводы генерала и только говоритъ: «моя жизнь ничего не стоитъ». Другого отвѣта у него нѣтъ, но этотъ отвѣтъ очень убѣдителенъ, потому что исходитъ отъ души, возвысившейся надъ всякой человѣческой слабостью, души, которая связана теперь съ міромъ только надеждой на мученичество. Генераль Кавеньякъ преклоняется передъ этой душевной силой и въ отвѣтъ на вопросъ архіепископа, какой залогъ милосердія онъ можетъ снести инсургентамъ, даетъ ему прокламацію, которая только что была отпечатана.

Послѣ этого краткаго разговора, архіепископъ, физическія силы котораго истощены усталостью и волненіемъ предшествовавшихъ дней, идетъ домой, чтобы подкрѣпиться пищей, и затѣмъ по разворваннымъ улицамъ, гдѣ только что усмиренное возстаніе оставило кровавые слѣды, направляется къ площади арсенала. Мимо него проносятъ носилки съ мертвыми, умирающими, ранеными; онъ останавливается на каждомъ шагѣ, чтобы дать благословеніе или разрѣшить отъ грѣховъ. Солдаты, люди изъ народа склоняютъ колѣна, офицеры умоляютъ его не идти далѣе; но ничто уже не можетъ удержать его. Онъ проситъ генерала Бертрана, командующаго атакой предмѣстья, прервать огонь. Но генераль умоляетъ его отказаться отъ предпріятія, которое столь же опасно, сколько бесполезно; но близость опасности дѣлаетъ еще болѣе непоколебимымъ святое упорство прелата. По просьбѣ его, инсургентамъ возвѣщаютъ перерывъ на одинъ часъ. Затѣмъ, когда огонь прекратился съ обѣихъ сторонъ, архіепископъ медленно выходитъ съ крестомъ въ рукахъ на середину площади. Одинъ солдатъ національной гвардіи, по имени Альберъ, несетъ передъ нимъ зеленую вѣтку букса въ знакъ мира.

Прелатъ запрещаетъ своему слугѣ, который слѣдовалъ за нимъ до сихъ поръ, идти далѣе; но тотъ, столь же простой, столь же героичный въ своемъ самопожертвованіи, какъ и его господинъ, отвѣчаетъ: «Если есть опасность для меня, то она есть и для васъ, поэтому я не могу оставить васъ». — Ну, такъ пойдемъ! — говоритъ

архієпископъ тономъ чловѣка, который уже не обращаетъ болѣе своихъ мыслей къ жизни, и ускоряетъ шаги, какъ бы увлекаемый невидимой силой. Лицо его сіяетъ неземнымъ свѣтомъ. Онъ, столь робкій и трусливый, безтрепетно подходитъ къ баррикадѣ, идетъ, не оглядываясь, въ продѣланный въ ней узкій проходъ и рѣшительно входитъ въ предмѣстье. Когда онъ оборачивается назадъ, онъ видитъ, что онъ одинъ съ храбрымъ Альберомъ, который стоитъ рядомъ съ нимъ, и бѣднымъ слугой, рѣшившимъ остаться вѣрнымъ ему до самой смерти.

Волненіе толпы, среди которой архієпископъ хочетъ проложить себѣ путь, уже достигло крайнихъ предѣловъ: лица искажены гнѣвомъ, съ нихъ градомъ струится потъ, руки и одежда почернѣли отъ пороха, глаза горятъ, какъ въ горячечномъ бреду, полные гнѣва и ненависти. Нельзя разслышать ни команды, ни какого-нибудь отдѣльнаго слова въ этомъ шумѣ; слышно только, какъ заряжаютъ ружья, раздается лишь стукъ прикладовъ о мостовую, мрачный и неясный гулъ изступленной толпы.

Альберъ машетъ вѣткой мира. «Друзья мои, послушайте меня», говоритъ архієпископъ... Но его никто не слышитъ. Раздался выстрѣлъ. «Къ оружію! — кричитъ толпа, — измѣна! къ оружію!» Въ ту же минуту съ обѣихъ сторонъ баррикады и изъ домовъ раздается тройной залпъ. Пуля попадаетъ архієпископу въ бокъ. Онъ шатается и падаетъ. Увидѣвъ это, толпа охватывается жалостью. Однимъ изъ тѣхъ внезапныхъ порывовъ, однимъ изъ тѣхъ моментальныхъ переливовъ, которыя столь часто настаютъ въ народныхъ настроеніяхъ, сражающіеся отбрасываютъ отъ себя ружья и выражаютъ свое отчаяніе.

Всѣ толпятся вокругъ прелата; его слуга, Альберъ и нѣсколько инсургентовъ поднимаютъ его и уносятъ въ ближайшій домъ; но домъ этотъ пустъ; тамъ нѣтъ ни кровати, ни даже скамьи, на которую можно было бы положить раненаго. Тотчасъ же его выносятъ обратно, чтобы поискать болѣе удобнаго убѣжища. Между тѣмъ день склоняется къ вечеру, перемиріе кончено, борьба начинается съ той и съ другой стороны; пули летаютъ вокругъ группы людей, несущихъ архієпископа; одна изъ нихъ ранитъ бѣднаго слугу Селье, поддерживающаго ноги своего господина. Наконецъ, они входятъ въ лавочку бѣдной женщины, которая отдаетъ свой единственный матрацъ. Священника помѣщаютъ на носилки, составленные изъ скрещенныхъ ружей, и, такимъ образомъ, не безъ труда, тайными ходами, добираются до дома священника церкви св. Маргариты. Каждую минуту надо останавливаться и разбирать эти страшныя носилки, чтобы проходить черезъ баррикады. Инсургенты несутъ тогда матрацъ на плечахъ; ихъ тревожатъ страданія ране-

наго, они боятся, что онъ обвиняетъ ихъ, и хотятъ оправдаться. «Это не мы, ваше высокопреосвященство, — со слезами говорятъ они,—это не мы вамъ причинили зло: это измѣнники гвардейскіе мобили; но будьте спокойны, мы отомстимъ за васъ!» Но раненый, блѣдный, но спокойный, разбитымъ голосомъ говоритъ: «Друзья мои, васъ обманываютъ, послушайте меня, бросьте оружіе; крови пролито уже слишкомъ много!»—и онъ благодаритъ ихъ съ необычайной кротостью за всѣ заботы о немъ.

Когда они дошли до священника церкви св. Маргариты, архіепископа положили на постель, на которой онъ на нѣсколько минутъ какъ будто заснулъ. Потомъ, открывъ глаза, онъ видитъ своего слугу, лежащаго на полу около него, и спрашиваетъ о его ранѣ съ самымъ трогательнымъ участіемъ.

Послѣ первыхъ минутъ забытья, онъ почувствовалъ острые боли. Пуля проникла далеко и остановилась въ мускулахъ; спинной мозгъ былъ поврежденъ; надежды на спасеніе не было никакой. Невольные крики, судорожныя движенія вырывались у страдальца. Онъ сожалѣлъ объ этомъ, обвинялъ себя, просилъ присутствующихъ простить ему недостойную христіанина слабость. Вскорѣ онъ овладѣлъ собой настолько, что удерживался отъ стонów, и когда, по его настоянію, викарій Жакмэ, за которымъ онъ посылалъ, сказалъ ему, что рана его смертельна, онъ повторилъ: «моя жизнь ничего не стоитъ», съ полнымъ спокойствіемъ такъ же, какъ онъ сказалъ генералу Кавеньяку. И когда по его просьбѣ ему стали давать причастіе, онъ прошепталъ: *«Parce, Domine, parce populo tuo»* (отпусти имъ, Господи, отпусти народу Твоему).

Только въ четыре часа утра пріѣхалъ въ домъ священника врачъ архіепископа, докторъ Кайоль, котораго привели инсургенты. Онъ требовалъ тотчасъ же перенести раненаго въ архіепископскій домъ, чтобы его послѣднія минуты были окружены большими заботами. Люди, охранявшіе комнату раненаго, просили, чтобы его оставили у нихъ. «Пусть онъ не покидаетъ насъ, онъ принесетъ намъ счастье,—говорили они съ невѣроятной наивностью,—пусть онъ останется съ нами; мы отвѣчаемъ за него, мы будемъ беречь его; мы всѣ дадимъ себя убить, но не потерпимъ, чтобы ему сдѣлали какой-либо вредъ».

Однако, такъ какъ докторъ Кайоль настаивалъ, чтобы архіепископа отнесли домой, рабочіе сами приготовили ему носилки, положили чистое бѣлье, устроили балдахинъ надъ головой раненаго. Шесть человѣкъ просятъ о чести нести его, другіе шесть идутъ рядомъ на смѣну первыхъ. Шесть солдатъ 28-го линейнаго полка, столько же вольтижеровъ и гвардейскихъ мобилей образуютъ военную свиту архіепископа парижскаго. Народъ кланяется въ землю

при его проходѣ. При видѣ этого христіанскаго мученика, вокругъ раздаются рыданія, стоны; гнѣвъ утихаетъ; сожалѣніе, раскаяніе, угрызѣнія совѣсти овладѣваютъ душами, ярость гражданской войны утопаетъ въ глубокой печали.

Такимъ образомъ, шествіе доходитъ до архіепископскаго дворца, гдѣ вскорѣ начинается агонія. Въ половинѣ пятаго пополудни архіепископъ скончался...

Въ послѣднія минуты онъ, по видимому, не страдалъ. «Дай, Господи, чтобы моя кровь была послѣдней пролитой кровью!» Это были его послѣднія слова. Исторія записала ихъ съ уваженіемъ. Церковь Франціи получила отъ нихъ новые лучи славы. Христіанскій міръ въ правѣ гордиться ими, и ничто болѣе высокое не тронетъ человѣческія сердца.

Но увы! Молитвы добраго пастыря не были услышаны. Во время его агоніи сражающіеся уже снова взяли за оружіе; артиллерія громила кварталъ, бомбы, гранаты и картечь разрушали дома. Сквозь клубы дыма и пламени, смерть наносила еще ужасные удары.

Предмѣстье Сентъ-Антуанъ, позднее примкнувшее къ возстанію, принесло съ собой характеръ постоянства и выдержки, свойственный его трудолюбивому населенію. Это населеніе, состоящее изъ рабочихъ очень честныхъ правилъ ¹⁾, довольствующихся немногимъ, обремененныхъ множествомъ дѣтей, чуждыхъ энтузіазму и вовсе не сочувствующихъ социалистическимъ идеямъ, но преданныхъ республикѣ и чрезвычайно энергичныхъ, не рѣшалось взяться за оружіе въ первый день. Съ 24 февраля, однако, такъ какъ работы почти не стало, рабочіе впали въ крайнюю нищету. Въ мэриі раздавалось ежедневно до 60,000 хлѣбныхъ билетовъ; но прежде, чѣмъ высказаться за возстаніе, о которомъ имъ сообщили строители баррикадъ изъ другихъ кварталовъ, рабочіе захотѣли знать его точную причину и цѣль.

Власти и національная гвардія, которыя, по видимому, знали не болѣе, чѣмъ рабочіе, сохраняли съ своей стороны то же выжидательное положеніе; такъ что въ теченіе всей ночи съ 23 на 24 никто въ предмѣстьѣ Сентъ-Антуанъ не отдалъ и не получилъ ни одного приказа.

24-го очень дѣятельные агитаторы пошли къ рабочимъ. Упомянутый уже Лаколлонжъ, механикъ Ракари, Пелле и еще нѣсколько экзальтированныхъ клубистовъ рассказывали въ предмѣстьяхъ, что роялисты нападаютъ на республику, что они взяли верхъ въ На-

¹⁾ Между ними насчитываютъ около 18,000 мебельщиковъ, изъ которыхъ многіе нѣмецкаго происхожденія.

ціональному Собраніи и въ исполнительной комиссіи, что они хотятъ истребить пролетаріатъ или поработить его путемъ нищеты.

Между тѣмъ, такъ какъ пушки не переставали гремѣть въ направленіи Ратуши, они распространили слухъ, что тамъ утвердился Коссидьеръ и защищается противъ аристократовъ ¹⁾).

Эти и другія тому подобныя рѣчи воспламеняють умы, и, когда національная гвардія пытается организоватьъ, ее разгоняють вооруженные рабочіе. Ободренные этимъ успѣхомъ, они бросаются въ казармы Рельи, гдѣ стоитъ капитанъ 48-го линейнаго полка съ сотней солдатъ; они осаждаютъ казарму и поджигаютъ ее. Нѣсколько разъ казарму берутъ и отнимають обратно, но въ этихъ незначительныхъ стычкахъ инсургенты теряють драгоцѣнное время ²⁾). Вмѣсто того, чтобы идти къ Ратушѣ, они тратятъ на мѣстѣ и время, и силы. 25-го общее возстаніе уже начало отступать, когда инсургенты предмѣстья Сэнтъ-Антуанъ поняли, что надо дѣйствовать болѣе энергично. Отвратительная ложь со стороны ихъ вождей, которые скрываютъ отъ нихъ свѣдѣнія о другихъ предмѣстьяхъ и убаюкиваютъ ихъ самыми несбыточными мечтаніями, заставляетъ ихъ безъ всякихъ шансовъ на успѣхъ рѣшиться на борьбу до послѣдней крайности; и мы сейчасъ увидимъ, къ какимъ печальнымъ результатамъ эта борьба привела ихъ.

Съ вечера 24-го три народныхъ представителя, Лараби, Гали-Казала, Дрюэ-Дево, проникли далеко въ предмѣстье для того, чтобы передать декретъ Собранія и начать переговоры съ вождями баррикадъ. Съ ними обращались почтительно, но держали ихъ въ плѣну. Лараби не безъ труда получилъ свободу условно. Въ сопровожденіи четырехъ делегатовъ онъ отправился къ генералу Кавеньяку, чтобы сообщить ему требованія инсургентовъ, и обѣщался вернуться къ своимъ плѣннымъ коллегамъ, если не добьется почетной капитуляціи. Приблизительно въ то же время одинъ писатель демократической партіи, Рамонъ дэ-Менаръ, отправился съ тою же цѣлью къ генералу Перро—это было около трехъ часовъ ночи.

Генералъ Перро устроилъ свою главную квартиру въ домѣ на углу улицы Сэнтъ-Антуанъ и площади Бастилии. Рекюръ, министръ внутреннихъ дѣлъ, и Эдмонъ Аданъ были у него. Введенные

¹⁾ Нисколько не способствуя возстанію, Коссидьеръ оставался, однако, въ постоянныхъ сношеніяхъ съ предмѣстьями черезъ монтаньяровъ и черезъ членовъ *Общества правъ человека*.

²⁾ Капитанъ Кортизе храбро защищался до девяти часовъ вечера; у него былъ убитъ только одинъ человекъ, ранены трое, тогда какъ инсургенты, которые, какъ бѣшеные, бросались на казарму, потеряли убитыми и ранеными 60 человекъ.

къ нему делегаты принимаютъ крайне надменный тонъ; они говорятъ, не какъ побѣжденные, надѣющіеся на нѣкоторое снисхожденіе, а какъ побѣдители, предписывающіе условія: «Мы дрались за наши принципы, какъ вы за ваши,—говорятъ они:—мы не побѣждены; вамъ не удалось войти сегодня въ наше предмѣстье—не удастся и завтра. Мы предлагаемъ вамъ капитуляцію, но не подчиненіе; мы хотимъ остаться свободными и вооруженными». Затѣмъ они самымъ категорическимъ образомъ излагаютъ условія, на которыхъ согласны капитулировать.

Они требуютъ:

Во 1-хъ: Чтобы декретъ о національныхъ мастерскихъ былъ отмѣненъ;

Во 2-хъ: Чтобы Національное Собраніе декретировало право на трудъ;

Въ 3-хъ: Чтобы армія была удалена отъ Парижа на разстояніе 40 лье;

Въ 4-хъ: Чтобы заключенные въ Венсеннской крѣпости были выпущены;

Въ 5-хъ: Чтобы народъ самъ составилъ конституцію Республики.

На такихъ основаніяхъ не было, разумѣется, возможности придти къ какому бы то ни было соглашенію. Генераль Перро и министръ ставили совершенно другія условія: они требовали немедленнаго освобожденія задержанныхъ представителей; разрушенія баррикадъ самими инсургентами; разоруженія предмѣстья и занятія его войсками.

Въ теченіе цѣлаго часа съ той и съ другой стороны стараются придти къ какому-нибудь соглашенію, при чемъ Рекюръ совѣтуетъ сдѣлать значительныя уступки. Въ своихъ частныхъ разговорахъ съ делегатами онъ обѣщалъ имъ амнистію. По его настоянію уже готовы были составить форму капитуляціи, какъ вдругъ Эдмонъ Адапъ, который держалъ перо, далеко отбрасываетъ его и объявляетъ, что не признаетъ за собой права входить въ соглашеніе съ побѣжденнымъ возстаніемъ, и что слѣдуетъ предоставить рѣшеніе вопроса главнокомандующему.

Генераль Перро принимаетъ этотъ совѣтъ и хочетъ самъ пойти за приказаніями къ генералу Кавеньяку. Эдмонъ Адапъ съ своей стороны также отправляется во дворецъ президентства. Полковникъ Лараби, Рэмонъ де-Менаръ и три другихъ делегата отъ народа въ это время вели переговоры съ Сенаромъ. Но ихъ тонъ уже понизился; они не ставили болѣе условий.

Оставляя предмѣстье Сентъ-Антуанъ, Рэмонъ де-Менаръ послалъ начальникамъ секцій слѣдующее извѣщеніе:

«Гражданинъ Рамонъ, фурьеръ 6-ой роты 4-го баталіона, парламентаръ борцовъ предмѣстья, проситъ всѣхъ начальниковъ баррикадъ не начинать враждебныхъ дѣйствій раньше, чѣмъ на нихъ будетъ сдѣлано нападеніе. Возможно, что граждане-заложники вернутся лишь завтра утромъ.

«Въ лагерѣ, передъ предмѣстьемъ, 25 іюня 1848 г.»

Онъ принесъ Сенару слѣдующій адресъ, подписанный нѣсколькими начальниками баррикадъ:

«Гражданинъ президентъ, мы не желаемъ пролитія крови нашихъ братьевъ. Мы всегда боролись за демократическую республику. Если мы соглашаемся отказаться отъ готовящейся кровавой революціи, то мы всетаки хотимъ сохранить наши привилегіи и права французскихъ гражданъ».

Подъ именами подписавшихъ этотъ адресъ стояли еще слѣдующія слова:

«Выраженные здѣсь желанія представляется намъ столь справедливыми и согласными съ нашими, что мы присоединяемся къ нимъ совершенно, надѣясь, что никто не увидитъ въ этомъ присоединеніи акта слабости».

Подписано: Ларабл, Дрюэ-Дево,
Галп-Казала».

Разговоръ делегатовъ предмѣстья съ президентомъ Собранія продолжался болѣе часа. Сенаръ говорилъ потому, что въ теченіе этой бесѣды онъ нѣсколько разъ былъ тронутъ до слезъ. Люди эти поражали крайней искренностью: «Предмѣстье Сэнтъ-Антуанъ,—говорили они,—предано Республикѣ ¹⁾, рабочіе не сражаются ни за какого претендента, а только для того, чтобы защищать республиканское правительство, которое, какъ они думаютъ, находится въ опасности. Имъ говорятъ объ анти-соціальныхъ ученіяхъ: эти ученія имъ не знакомы, они ихъ отвергаютъ съ негодованіемъ, такъ какъ, несмотря на то, что предмѣстье уже двое съ половиною сутокъ находится въ ихъ рукахъ, не совершено ни одного насилія надъ собственностью, не произнесено ни одной угрозы вооруженными людьми, у которыхъ нѣтъ хлѣба».

Делегаты умоляютъ Сенара быть ихъ посредникомъ; они обѣщаютъ ему, что предмѣстье сдастся, разрушить само свои баррикады съ условіемъ, чтобы оружіе не было отнято военнымъ порядкомъ у сражающихся; но что они послѣ замиренія разнесутъ его сами по мѣрямъ.

¹⁾ Рабочіе предмѣстья Сэнтъ-Антуанъ были убѣждены, что республикѣ угрожаютъ роялисты. Нѣсколько разъ они выражали странное удивленіе, когда слышали, что національная гвардія и гвардейскіе мобилы, беря приступомъ баррикады, кричали: «да здравствуетъ Республика!»

Они просятъ также, чтобы никого не заключали въ тюрьму немедленно, и если лишали бы свободы, то только тѣхъ, которые будутъ привлечены къ суду, какъ зачинщики смуты. Они выражаютъ, наконецъ, желаніе, чтобы составленная парламентаромъ и одобренная Сенаромъ прокламація была тотчасъ же напечатана въ типографіи Собранія и расклеена по предмѣстью.

Президентъ наполовину соглашается; онъ, въ свою очередь, умоляетъ делегатовъ вернуться, какъ *покорныя и раскаявшіяся дѣти, въ лоно Республики*. Приказавъ имъ подать закуску, онъ провозглашаетъ тостъ въ честь *демократической и социальной Республики*, давая этой формулѣ объясненіе, которое, повидимому, принимается делегатами. Затѣмъ онъ самъ отводитъ ихъ къ генералу Кавеньяку.

Здѣсь имъ оказываютъ совершенно иной пріемъ. Генералъ за это время принялъ докладъ генерала Перро; онъ поговорилъ съ Эдмономъ Адапъ. Въ этотъ промежутокъ времени онъ получилъ послѣднюю депешу генерала Ламорисьера, который закликаетъ его не соглашаться ни на какую капитуляцію. Если армія, побѣдившая, наконецъ, послѣ трехдневныхъ героическихъ усилій, не достигнетъ сдачи предмѣстья безъ условій, она будетъ унижена, деморализована навсегда. Таково было мнѣніе генерала Ламорисьера.

Со времени своихъ послѣднихъ успѣховъ въ предмѣстьѣ Сент-Дени Ламорисьеръ называлъ предателемъ каждого, кто заговаривалъ о капитуляціи. Онъ нѣсколько разъ отстранялъ отъ себя представителей и офицеровъ національной гвардіи, которые приходили говорить съ нимъ въ этомъ духѣ, и только что отвѣтилъ энергичнымъ солдатскимъ словомъ одному офицеру, ординарцу генерала Перро, который спрашивалъ его, слѣдуетъ ли принять предложенія инсургентовъ. Онъ рѣшился, по его словамъ, скорѣе подставить себя подъ выстрѣлы, чѣмъ уступить. Это рѣшеніе слишкомъ согласуется съ личнымъ чувствомъ главнокомандующаго, чтобы онъ колебался принять его.

Генералъ холодно выслушиваетъ предложенія Рамона-дэ-Менара. Другія депутаціи, говорившія болѣе самоувѣренно, получили еще болѣе суровые отвѣты. Тщетно Рамонъ-дэ-Менаръ настаиваетъ на томъ, чтобы условія, которыя, по видимому, приняты Сенаромъ, были выполнены. Генералъ Кавеньякъ, именемъ Республики, именемъ Национальнаго Собранія, именемъ самого народа, права и честь котораго онъ защищаетъ, заявляетъ, что онъ не можетъ заключать условій съ бунтовщиками. Онъ говоритъ горячо, съ краснорѣчіемъ непоколебимаго убѣжденія. Онъ старается еще объяснить инсургентамъ серьезность ихъ вины и ея пагубныя послѣдствія. Онъ даже доказываетъ невозможность для нихъ противиться

долге арміи: «Повѣрьте мнѣ,—говоритъ онъ,—я, какъ военный, лучше знаю наши средства и ваши шансы на успѣхъ. Вы окружены со всѣхъ сторонъ; вы не можете избѣжать смерти, разворенія; вы можете только вовлечь съ собой въ погибель вашихъ женъ, дѣтей, согражданъ и, можетъ быть, республику!»

Но на эти увѣщанія, на эти просьбы взволнованнаго гражданина, побѣдоноснаго генерала, делегаты отвѣчаютъ только молчаніемъ. Они готовятся вернуться въ предмѣстье. Генераль, еще разъ умоляя ихъ подумать о томъ, что они хотятъ сдѣлать, и съ цѣлю дать имъ время передать его слова инсургентамъ, допускаетъ, чтобы перерывъ, которому наступалъ конецъ, продолжился до десяти часовъ.

Лараби, Рэмонъ-дэ-Менаръ и другіе делегаты возвращаются въ предмѣстье около половины седьмого. По дорогѣ они останавливаются на минуту у генерала Перро и сообщаютъ ему рѣшеніе главнокомандующаго. Затѣмъ они одни идутъ по площади Бастиліи.

Настаетъ торжественный моментъ. Глубокое молчаніе царитъ кругомъ. Весь этотъ вооруженный народъ неподвиженъ; всѣ слѣдятъ за подходящими делегатами. Они идутъ медленно къ баррикадѣ предмѣстья, всходятъ на нее и говорятъ нѣсколько словъ, которыя слышатъ одни только инсургенты.

Тотчасъ же поднимается невообразимый гулъ голосовъ; какое-то глухое рычаніе, болѣе страшное, чѣмъ шумъ и грохотъ перестрѣлки, стоитъ нѣкоторое время въ воздухѣ, прокатываясь отъ одного конца квартала до другого: «Смерть Кавеньяку!—кричатъ разомъ болѣе шести тысячъ голосовъ,—смерть палачу народа!»

Это послѣднее проклятіе безсильнаго отчаянія падаетъ и замираетъ въ страшномъ безмолвіи.

Въ эту же минуту генераль Перро смотритъ на часы. Теперь ровно десять. «Господа,—говоритъ онъ окружающимъ его офицерамъ,—не будемъ слишкомъ пунктуальными, дадимъ имъ еще десять минутъ».

Десять минутъ проходятъ. Никто не показывается на площади. За баррикадой происходитъ волненіе. Генераль Перро подаетъ сигналъ. Въ ту же минуту раздается пушка генерала Ламорисьера, который еще наканунѣ взялъ обратно всѣ баррикады внѣшняго бульвара и теперь открываетъ огонь съ предмѣстья Тамплъ. Солдаты бросаются впередъ. Какой-то молодой человѣкъ появляется на баррикадѣ, онъ машетъ платкомъ по воздуху. Онъ дѣлаетъ знакъ, что хотятъ вести переговоры; но уже поздно. Солдаты пустились бѣгомъ на приступъ и удержать ихъ нѣтъ возможности. Стрѣльба заглушаетъ голосъ парламента. Онъ исчезаетъ въ облакъ дыма.

Черезъ четверть часа борьбы огонь инсургентовъ смолкаетъ. Войско перелѣзаетъ черезъ баррикаду. Эдмонъ Аданъ взбирается на нее первый съ крикомъ: да здравствуетъ Республика!

Войска на минуту останавливаются. Инсургенты медленно отходятъ за баррикады, которыя готовятся защищать. Ихъ шестьдесятъ пять отъ площади Бастилии до заставы Трона.

Аданъ, Дюку и Лакроссъ, народные представители, идутъ дальше по предмѣстью, чтобы постараться предупредить новыя безполезныя битвы. Они обращаются къ инсургентамъ, умоляя ихъ бросить оружіе. Тѣ все еще не могутъ рѣшиться. Между тѣмъ, съ одной стороны уже появляется голова колонны генерала Перро, съ другой—авангардъ генерала Лебретона, приближающагося по Венсеннской дорогѣ.

Инсургенты, сначала медленно отступавшіе, разстрѣлявъ свои послѣдніе патроны, понимаютъ, наконецъ, что все потеряно, и начинаютъ разбирать свои баррикады. Женщины, чувствуя, что этимъ можно избѣгнуть еще послѣднихъ несчастій, также работаютъ надъ разборкой. Самые гордые, самые энергичные изъ сражающихся, тѣ, которые не могутъ покориться униженію, разсынаются по полямъ¹⁾.

Менѣе чѣмъ черезъ полчаса Корбонъ, вице-президентъ Собранія, взшелъ на трибуну и съ глубокимъ волненіемъ прочиталъ письмо генерала Кавеньяка, извѣщавшаго національное представительство объ окончательной побѣдѣ надъ возмутившимся пролетаріатомъ.

«Гражданинъ президентъ—писалъ генераль,—благодаря поведенію Національнаго Собранія, благодаря самоотверженности національной гвардіи и арміи, смута уничтожена. Въ Парижѣ борьба прекратилась. Какъ только я удостовѣрюсь въ томъ, что ввѣренныя мнѣ полномочія болѣе не нужны, я приду почтительно сложить власть въ руки Собранія».

Въ то же время на стѣнахъ Парижа расклеивалась слѣдующая прокламація:

Глава исполнительной власти къ національной гвардіи и къ арміи.

«Граждане, солдаты!

«Святое дѣло Республики восторжествовало. Ваше самопожерт-

¹⁾ Коммуны Шапель и Белльвилль были заняты одновременно; коммуна Виллеттъ сдалась лишь въ семь часовъ вечера, послѣ взятія послѣдней баррикады на заставѣ Аманде, гдѣ былъ раненъ генераль Куртижисъ. Тотчасъ же приступили къ обезоруженію этихъ трехъ коммунъ, бывшихъ горячими очагами возстанія.

вованіе, ваше непоколебимое мужество разстроили преступные замыслы, наказали пагубныя заблужденія. Во имя родины, во имя человечества, примите благодарность за ваши усилія и благословеніе за ваше необходимое торжество.

«Сегодня утромъ еще продолженіе борьбы было законно, неизбежно, теперь будьте такъ же велики въ спокойствіи, какъ вы были велики въ битвѣ. Въ Парижѣ я вижу побѣдителей и побѣжденныхъ; но пусть провлято будетъ мое имя, если я допущу, чтобы въ немъ были жертвы.

«Правосудіе сдѣлаетъ свое дѣло—это ваше убѣжденіе, а также и мое.

«Готовый вернуться въ ряды простыхъ гражданъ, я принесу въ вашу среду воспоминаніе глубоко гражданского характера о томъ, что въ моментъ великихъ испытаній у свободы было отнято только то, чего требовало само спасеніе Республики, и завѣщанъ примѣръ всякому, кто въ свою очередь можетъ быть призванъ къ выполненію столь же великихъ обязанностей.

«Генераль Е. Кавеньякъ.

Парижъ, 26 іюня 1848 г.» ¹⁾.

Два дня спустя, 28 іюня, генераль Кавеньякъ явился сложить съ себя свою власть въ руки Національнаго Собранія, которое, снова вручая ее ему на неопредѣленное время, декретировало, что онъ *заслужилъ благодарность отечества*.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Р е а к ц і я.

Здѣсь оканчивается, собственно говоря, революціонное движеніе 1848 г., здѣсь кончается и та задача, которую я поставила себѣ, изслѣдовать въ его малѣйшихъ колебаніяхъ, въ его самыхъ мимолетныхъ проявленіяхъ, его существенный характеръ.

Побѣда, одержанная генераломъ Кавеньякомъ надъ іюньскимъ возстаніемъ, есть послѣдній предѣлъ того сложнаго, вызваннаго совмѣстнымъ дѣйствіемъ пролетаріата и буржуазіи движенія, кото-

¹⁾ Политическія страсти силились отнять у генерала Кавеньяка безсмертную честь сочиненія этой прокламаціи. Исторія всецѣло возвращаетъ ему эту честь. Неопровержимые свидѣтели видѣли, какъ генераль Кавеньякъ собственноручно написалъ ее съ начала до конца съ волненіемъ, которое дается лишь дѣйствительною импровизаціей. Къ тому же я никогда не читала и не слышала ничего подобнаго отъ лицъ, которымъ пытались приписать составленіе этой прокламаціи.

рому народный инстинктъ далъ 24-го февраля 1848 г. названіе *политической и соціальной революціи*.

Эта побѣда довершила едва чувствительное во временномъ правительствѣ, во все возраставшее съ открытія Собранія разъединеніе между революціей соціальной и революціей политической. Пролетаріатъ, который дважды посягалъ на принципъ верховной власти народа, строго наказанъ и сходитъ со сцены; движеніе беретъ на себя отнынѣ буржуазія.

Подъ управленіемъ республиканцевъ, которымъ она ввѣряетъ руководство этимъ движеніемъ, оно нѣкоторое время остается какъ бы неподвижнымъ между приливомъ и отливомъ общественнаго мнѣнія, между революціей и реакціей. Но вскорѣ естественный потокъ общественнаго мнѣнія, будь онъ предоставленъ самому себѣ, остановился бы на умѣренномъ республиканскомъ правленіи, теперь растетъ и выходитъ изъ береговъ. Государственные дѣятели прежнихъ династій, надѣясь въ скоромъ времени захватить въ свои руки власть, побуждаютъ къ ниспроверженію республиканскихъ учрежденій. Отъ реакціи противъ соціальной революціи буржуазія позволяетъ себѣ дойти до реакціи противъ политической революціи. Умѣренные республиканцы устранены послѣ того, какъ ихъ усиліями было уничтожено вліяніе соціалистовъ и радикаловъ. Все отступаетъ, все быстро бросается назадъ; общество по видимому готово возвратиться къ тѣмъ самымъ формамъ, которыя только что оставило, какъ вдругъ выступаетъ одно имя, неотразимо привлекающее къ себѣ самыя противоположныя теченія общественнаго мнѣнія и, съ невѣроятной силой доминируя колеблющуюся революцію, провозглашаетъ—и обѣщаетъ дать ей—форму, импульсъ и новую жизнь.

Теперь не настало еще время писать подробную исторію этого новаго фазиса демократическаго развитія, начинающагося съ избранія Людовика-Наполеона Бонапарта президентомъ Республики; и мнѣ, менѣ чѣмъ кому либо, надлежитъ сдѣлать эту попытку.

Глубоко убѣжденная въ превосходствѣ свободныхъ учреждений и увѣренная въ томъ, что демократія въ тотъ день, когда она придетъ къ полному сознанію самой себя, своихъ принциповъ, своихъ духовныхъ и матеріальныхъ интересовъ, не найдетъ имъ никакого другого болѣе высокаго выраженія и снова войдетъ въ раціональныя условія прогресса, я теперь плохо объяснила бы извѣстные кризисы ея развитія, можетъ быть, неизбежныя, но болѣзненные, такъ какъ они, по видимому, исключаютъ свободу. Поэтому я ограничусь здѣсь тѣмъ, что постараюсь бросить еще нѣкоторый свѣтъ на исторію, съ которой читатель только что познакомился, и передамъ вкратцѣ главныя политическія дѣянія гене-

рала Кавеньяка и быстрый конецъ правительства, которое унесло въ своемъ паденіи послѣднее подобіе власти, остававшейся еще въ рукахъ республиканской буржуазіи.

Конечно, можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что послѣ іюньскаго возстанія, все общество, охваченное, несмотря на свою побѣду, такимъ ужасомъ, которому, кажется, не было ничего подобнаго со времени вторженія варваровъ въ Римъ, приветствовало своего избавителя единогласно и въ искреннемъ порывѣ благодарности вручило ему заботу руководить имъ и ограждать его отъ новыхъ бѣдъ.

Давно уже предвидѣнное, желаемое и, наконецъ, требуемое событіями возвышеніе генерала Кавеньяка имѣло глубокій смыслъ, которому до сихъ поръ еще не удѣляли достаточно глубокаго вниманія.

Въ третій разъ со времени ниспроверженія трона іюльской монархіи, то, что называется силою вещей, т. е. сила внутренняго настроенія, которое въ рѣшительные моменты жизни народовъ ярко выражаетъ общее состояніе идей и нравовъ, эта сила провозглашала Республику; въ третій разъ, и съ каждымъ разомъ яснѣе, это настроеніе обнаруживало демократическій характеръ, но также и желаніе страны дать республиканскому правительству умѣренный ходъ.

Имя Ламартина во временномъ правительствѣ, восторженная популярность, окружавшая его, общая любовь къ нему, которая ничего не хотѣла видѣть кромѣ него, даже въ тѣ минуты опьяненія, когда расхोдившійся народный элементъ, по видимому, предназначалъ главную роль кому-нибудь изъ его коллегъ, были первымъ, но уже достаточно яснымъ указаніемъ тѣхъ границъ, которыя революція намѣтила съ общаго инстинктивнаго согласія. Вторымъ указаніемъ были выборы въ Учредительное Собраніе. Эти выборы, настолько всеобщіе и свободные, насколько только можно было себя представить, дали республиканскому образу правленія свою санкцію и вмѣстѣ съ тѣмъ его наиболѣе широкое и наиболѣе успѣшное толкованіе.

Поэтому, когда при открытіи своемъ Учредительное Собраніе воскликнуло: «Да здравствуетъ Республика!» оно никому не показалось ни лицемернымъ, ни слишкомъ смѣлымъ, такъ какъ каждый чувствовалъ въ немъ и желалъ видѣть выраженнымъ въ законахъ тотъ духъ свободы, равенства, братства, который явственно освѣщалъ тогда разумъ и волновалъ сердце Франціи.

Указывая на политическія ошибки партій, образовавшихся въ Собраніи, я старалась объяснить, какимъ образомъ произошелъ разрывъ между тѣми двумя классами, которые произвели въ Па-

рилъ революцію, если не сговорившись, то, во всякомъ случаѣ, вмѣстѣ.

Этотъ пагубный разрывъ, возникшій впервые въ больномъ мозгу нѣкоторыхъ фанатиковъ, увеличившійся, благодаря бездѣйствію правительства, благодаря разжиганію кружковъ и проповѣди сектантовъ, этотъ болѣе кажущійся, нежели дѣйствительно существовавшій антагонизмъ между политической республикой и социальной, между буржуазіей и пролетаріатомъ, по неизбежной логикѣ привелъ, какъ мы видѣли, къ возстанію и къ пораженію пролетаріата.

Побѣда, одержанная Національнымъ Собраніемъ надъ возстаніемъ, привѣтствовалась Франціей и Европой, какъ побѣда порядка надъ анархіей. Это была вѣрная, но неполная оцѣнка. Подавить возстаніе противъ народнаго суверенитета—это значило, разумѣется, возстановить порядокъ, но не одинъ только внѣшній и матеріальный порядокъ, каковымъ представлялъ его себѣ страхъ средняго обывателя и какого желало, въ ожиданіи лучшаго, лицемеріе партій, это значило возстановить тотъ столь же политическій, сколько нравственный порядокъ, который въ свободномъ обществѣ является слѣдствіемъ подчиненія умовъ институтамъ, сообразнымъ съ состояніемъ нравовъ.

Такъ это и было понято Учредительнымъ Собраніемъ, когда оно вручило верховную власть человѣку, имя и шпaga котораго служили одновременно и символомъ, и залогомъ республиканскаго порядка. Республиканская идея, какъ бы для того, чтобы слѣлаться болѣе осязательной, съ согласія народа, который она представляла, сконцентрировалась въ одномъ человѣкѣ. Чтобы яснѣе показать врагамъ сознаніе своей силы, она воплотилась въ образѣ воина.

Въ виду этого великаго факта,—спасенія общества республиканцами отъ анархіи,—никакая серьезная оппозиція Республикѣ не была возможна. Въ возвышеніи генерала Кавеньяка, такъ же какъ и въ республиканскомъ образѣ правленія, который онъ спасъ и который онъ долженъ былъ утвердить, была такая настоящая необходимость, что оно не только не уменьшало его блеска, но еще усиливало его могущество, передъ которымъ всѣ партіи смолкали. Никогда еще не было примѣра подобнаго внезапнаго возвышенія при отсутствіи содѣйствія самой возвышавшейся личности. Хотѣтъ или не хотѣтъ этого возвышенія не зависѣло отъ воли генерала Кавеньяка; стараться достигнуть его или отказываться отъ него было бы для него одинаково невозможно. Вслѣдствіе своего продолжительнаго отсутствія изъ Франціи и склада своего характера, онъ былъ чуждъ всѣмъ партіямъ, оспаривавшимъ одна у другой управленіе дѣлами; и это было одной изъ главныхъ,

хотя и отрицательныхъ, причинъ его фартуны. Чѣмъ болѣе личность его оставалась неизвѣстной, тѣмъ ярче двойная идея, связанная съ его республиканскимъ именемъ и съ его профессіей военнаго, должна была выступить въ такой моментъ, когда со всѣхъ сторонъ проникала въ общественное сознаніе потребность сдержать революцію и вмѣстѣ съ тѣмъ невозможность создать внѣ этой самой революціи власть, способную овладѣть ею.

Общества съ высокой цивилизаціей обладаютъ свойствомъ, въ своемъ болѣе сложномъ и совершенномъ развитіи, освобождаться отъ личныхъ вліяній, отъ того, что называется случайностью. Факты порождаются въ нихъ съ большею очевидностью идеями: событія, по видимому, подчиняются высшему закону, все менѣе и менѣе подвергающемуся вліянію воли отдѣльныхъ личностей. Вслѣдствіе кажущагося противорѣчія, чѣмъ болѣе крѣпнеть человѣческая свобода, тѣмъ болѣе она упорядочивается и подчиняется той божественной необходимости, той невидимой верховной власти, которая управляетъ міромъ. Поэтому въ рядѣ историческихъ повѣствованій, передающихъ отъ поколѣнія къ поколѣнію перемѣны въ жизни государствъ, мы видимъ, что задача рассказчика все уменьшается, тогда какъ задача философа становится все болѣе и болѣе обширной. Случайные факты утрачиваютъ вѣроятность, событія не объясняются болѣе прихотью судьбы; даже герои перестаютъ интересоваться насъ, если историкъ не умѣетъ показать въ нихъ живое выраженіе эпохи и народнаго духа.

Этотъ-то родъ интереса и строгаго, но высокаго поученія и заключаетъ въ себѣ, на мой взглядъ, исторія революціи 1848 г. Общее движеніе идей имѣетъ въ ней первенствующую важность; относительное и мимолетное значеніе нѣкоторыхъ лицъ, которыхъ это движеніе выдвигаетъ на первый планъ, не играетъ особенной роли. Примѣромъ этому можетъ служить моментально возникшая и такъ же быстро исчезнувшая популярность Ламартина; возвышеніе и паденіе Кавеньяка послужать вторымъ примѣромъ; позднѣе мы увидимъ еще болѣе поразительный примѣръ въ колоссальной фигурѣ Людовика-Бонапарта.

Не было, можетъ быть, ни одного человѣка во Франціи, который послѣ іюнскаго возстанія не былъ бы увѣренъ въ томъ, что республиканское правительство утвердилось на долгое время. Видя, что Національное Собраніе и генералъ Кавеньякъ въ полномъ согласованіи стремленій готовятъ то правильное управленіе, ту конституціонную власть, о которой всѣ такъ мечтали, никто болѣе не сомнѣвался въ возможности соединить въ прочныхъ учрежденіяхъ свободу и власть, въ которыхъ ощущалась одинаковая потребность.

Вѣрнымъ предзнаменованіемъ тому, казалось, служила взаимная помощь, оказываемая другъ другу исполнительной и законодательной властью; всѣ затрудненія политическаго положенія, по видимому, были устранены. Соціализмъ и его чрезмѣрные требованія замолкли, республиканское большинство въ Собраніи вѣрило въ свои силы, но было вполне расположено повиноваться импульсу, который давалъ ему избранный имъ самимъ глава; монархическія партіи во второй разъ, въ виду грандіозности событія, принуждены были дѣлать видъ, что примыкаютъ къ республикѣ; армія возстановила свою честь въ Парижѣ; генералы, одержавшіе побѣду, несмотря на этотъ успѣхъ, ничего не требовали и почтительно становились позади того, который еще такъ недавно состоялъ подъ ихъ командой; революція, хотя и усмиренная внутри государства, была еще достаточно сильной, чтобы иностранные государи не могли создавать затрудненій для Франціи—вотъ всѣ тѣ факты, которые создавали генералу Кавеньяку положеніе, по видимому, болѣе сильное и болѣе высокое, чѣмъ занималъ за долгій періодъ времени кто-либо изъ стоявшихъ у власти. Но если положеніе человѣка создается чаще всего обстоятельствами, въ которыхъ онъ играетъ небольшую роль или совсѣмъ не участвуетъ, то выгода, извлекаемая имъ изъ этого положенія, почти всегда дѣло его личныхъ усилій.

Къ несчастію для Франціи, генераль Кавеньякъ, несмотря на то, что онъ обладалъ способностью чувствовать все хорошее, прекрасное, справедливое, способностью, ставившемъ его на уровень самыхъ высокихъ положеній,—не обладалъ той проницательностью ума, которая позволяетъ понимать всѣ положенія во всей ихъ многосторонности, и той непосредственностью дѣйствій, которая даетъ надъ ними власть. Если бы онъ угадалъ ту тройную силу, которая связана была съ его именемъ, съ его оружіемъ, съ его положеніемъ, онъ могъ бы завершить рѣшительный фазисъ во французской революціи, положивъ надолго прочную основу республиканскому правительству. Однако, какъ мы могли заключить изъ нѣсколькихъ уже набросанныхъ ранѣе чертъ, генераль Кавеньякъ понималъ свою задачу и свою роль слишкомъ неполно. Совершенно наоборотъ по сравненію съ Ламартиномъ, создавшимъ себѣ очень обширный идеалъ революціи и потому не позаботившимся объ утвержденіи Республики, генераль Кавеньякъ, запутавшись въ слишкомъ скрупулезномъ, робкомъ и недовѣрчивомъ примѣненіи республиканскаго управленія, замкнулъ свою мысль для доступа смѣлыхъ внушеній революціи. Обоймъ этимъ людямъ, равнымъ по мужеству и благородству души, но составлявшимъ другими сторонами своего характера полную противоположность другъ другу,

суждено было имѣть одинъ и тотъ же политическій конецъ. Ламартинъ такъ много мечталъ о славѣ, что выпустилъ изъ рукъ власть; Кавеньякъ, защищая свою власть, а главное, заботясь о сохраненіи своей чести, не зналъ тѣхъ порывовъ, которые поднимаютъ человѣка на высоту. Ни тотъ, ни другой по отношенію къ Собранію, требовавшему руководства, не сумѣлъ или не хотѣлъ имѣть на него вліянія; Ламартинъ—потому что относился къ нему съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ; Кавеньякъ—потому что слишкомъ уважалъ его. Оба погубили себя и погубили революцію; одинъ—потому что считалъ ее уже совершившейся, другой—потому что считалъ ее невозможной.

Я сказала, что въ ту минуту, когда генераль Кавеньякъ взялъ въ свои руки управленіе дѣлами республики, все общество было охвачено чувствомъ ретроспективного страха, на долгое время пережившаго опасность, которой оно подвергалось. Отчаянная борьба, продолжавшаяся четыре дня, оставила въ воображеніи людей глубокое впечатлѣніе, поминутно оживлявшееся видомъ парижскихъ улицъ. Обширная площадь поля сраженія, котораго каждый во время битвы видѣлъ лишь небольшую часть, изумляла своей величиной. На пространствѣ въ нѣсколько миль, занимающемъ болѣе половины города, бомбы, гранаты, картечь, пушки, сапа и мина въ теченіе ста часовъ не прерывали свою разрушительную работу. Колоннады, фронтоны дворцовъ и церквей изуродованы, цѣлые фасады домовъ исчезли. Биваки, артиллерійскіе парки разбросаны по площадямъ; проѣзжаютъ фургоны съ отнятымъ у инсургентовъ оружіемъ ¹⁾. Цѣлые потѣзда съ плѣнными направляются къ фортамъ; тюрьмы переполнены; производятся массовые аресты. Говорятъ, что на первыхъ порахъ ихъ было не менѣе двадцати пяти тысячъ. Много случаевъ личной вражды, профессиональной зависти искали себѣ удовлетворенія подъ видомъ служенія общественному дѣлу; анонимнымъ доносамъ не было числа. Молодые гвардейскіе мобили, считающіе себя побѣдителями Парижа и не желающіе подчиняться никакой дисциплинѣ; болѣе ста тысячъ солдатъ національной гвардіи, прибывшихъ со всѣхъ концовъ Франціи и не принимавшихъ участія въ сраженіи, отъ нечего дѣлать, а также чтобы показать свое рвеніе—производятъ обыски и аресты, единственнымъ руководствомъ и поводомъ къ которымъ служить ихъ еобственная фантазія. Черезъ нѣсколько дней власти не знаютъ, что дѣлать со всѣми этими арестованными; скопленія людей въ узкихъ и нездоровыхъ пространствахъ таковы, что безъ вся-

¹⁾ Тогда насчитывали болѣе ста тысячъ ружей, конфискованныхъ въ оставшихъ кварталахъ.

каго разбора ихъ выпускають болѣе половины ¹⁾. Опасались также, и, къ сожалѣнію, не безъ основанія, чтобы злоба національной гвардіи не побудила ее къ какимъ-либо эксцессамъ. Караульные, стоявшіе на часахъ передъ подваломъ террасы, выходящей на прудъ въ Тюильрійскомъ саду, гдѣ было заперто полторы тысячи чело-вѣкъ, скученныхъ среди вонючей грязи, стрѣляли въ этихъ несчастныхъ, отбивавшихъ другъ у друга мѣста у отверстій, чрезъ которыя къ нимъ проникало немного воздуха и свѣта. Чтобы сдержать гвардейскихъ мобилей, нѣкоторые офицеры давали понять имъ, что будутъ скоро производиться массовые разстрѣлы ²⁾. Безумный страхъ, внушаемый парижскимъ буржуа побѣжденными инсургентами, отчасти оправдывалъ, отчасти поощрялъ жестокое обращеніе, которому послѣднихъ подвергали. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца послѣ возстанія каждый день рассказъ о какомъ-нибудь невѣроятномъ происшествіи наполнялъ ужасомъ населеніе. То говорили, что инсургенты, спрятавшіеся въ катакомбахъ, хотять взорвать предмѣстье Сэнъ-Жерменъ; то рассказывали, что они хотять перерѣзать всѣ газо-и водо-проводы и въ потьмахъ учинить страшную рѣзню. Вечеромъ видали будто бы какіе-то сигналы, которые передавались изъ дома въ домъ; въ погребкахъ слышался необъяснимый шумъ; шарманки играли таинственныя мелодіи. Разстроенное воображеніе приписывало инсургентамъ поистинѣ сатанинское могущество и дьявольскую волю ³⁾. Зрѣлище, которое представлялось въ госпи-

¹⁾ По донесенію слѣдственной комиссіи, на двадцать пять тысячъ чело-вѣкъ, арестованныхъ во время возстанія и тотчасъ послѣ него, черезъ нѣсколько дней оставлено въ тюрьмахъ только 11,057 чело-вѣкъ.

²⁾ Много говорили о разстрѣлахъ послѣ сраженія; но ни одинъ изъ слышанныхъ мною рассказовъ не устанавливаетъ положительныхъ фактовъ. Судя по достойнымъ вѣры свидѣтельствамъ, насчитывалось около ста пятидесяти инсургентовъ, разстрѣлянныхъ войсками или гвардейскими мобилиями. Луи-Бланъ, котораго нельзя заподозрить въ снисходительности къ юньскимъ побѣдителямъ, энергическими словами констатировалъ *чисто индивидуальный* характеръ нѣсколькихъ отвратительныхъ поступковъ. „Не надо коллективной отвѣственности, не надо обобщать обвиненія, — говорить онъ. Слава Богу, во Франціи нѣтъ такого класса, которому можно бы на законномъ основаніи приписать такіе эксцессы: это были поступки изступленныхъ, достойныхъ того, чтобы отъ нихъ отреклись всѣ партіи, но которымъ, къ сожалѣнію, осадное положеніе, всеобщее недоумѣніе, гнѣвъ и страхъ у однихъ, горе у другихъ дали въ руки опасную власть“. («Nouveau Monde», № 6, 1-го марта 1851 г.). Нигдѣ, что бы тамъ ни говорили, эти казни не совершались по приказу, ни даже благодаря по-пущенію начальства. Генераль Весто, Гиннаръ и другіе высшіе офицеры дѣлали невѣроятныя усилія, чтобы спасти плѣнныхъ. На площади Ратуши Маррасть, Эдмонъ Адавъ боролись съ гвардейскими мобилиями, чтобы вырвать у нихъ ихъ жертвы.

³⁾ Власти принуждены были чѣмъ-нибудь успокоить эти безумные стра-

таяхъ, надрывало сердце. Первые дни туда поступало такъ много раненныхъ, что, несмотря на самоотверженность врачей, всѣмъ раненымъ успѣли подать только самую первую помощь ¹⁾. Несмотря на надзоръ сторожей, солдаты національной гвардіи, гвардейскіе мобили, инсургенты, лежавшіе въ однихъ палатахъ рядомъ, грозили другъ другу со своихъ кроватей. Первые держатъ у своего изголовья знамя, взятое у противника; послѣдніе громко заявляютъ, что они имъ скоро оплатятъ; нѣкоторые въ горячемъ бреду находятъ силу встать и съ яростью набрасываются на сосѣда по кровати. Бываютъ ужасные случаи нервныхъ припадковъ и бѣшенства ²⁾.

Смертность превосходитъ всѣ пропорціи. Въ одномъ только госпиталѣ Сентъ-Луи умираетъ одинъ раненный на пятнадцать среди военныхъ; одинъ на шесть среди инсургентовъ ³⁾.

Возбужденное состояніе и отчаяніе инсургентовъ ухудшаютъ ихъ положеніе. Многіе изъ нихъ, боясь быть разстрѣлянными, долго оставались спрятанными въ своихъ ужасныхъ убожищахъ, откуда выходили только, вслѣдствіе невыносимыхъ страданій и когда уже гангрена разъѣдала ихъ раны. Лишенные заботы своихъ семей, которыя не осмѣливаются приходить въ госпитали, терпя дурное обращеніе со стороны больничной прислуги, которая, несмотря на строгія приказанія докторовъ, ухаживаетъ только за ранеными національной гвардіи; принужденные отвѣчать на разспросы судебного слѣдователя и увѣренные въ томъ, что если

хи: производили обыски съ факелами въ катакомбахъ и обозначаемыхъ молвою домахъ. Обыски эти не привели ни къ какимъ результатамъ. Отблескъ думы на стеклянномъ павильонѣ фотографа, свѣча бѣдной швейки, работающей поздно ночью, фыркание лошадей въ подземной конюшнѣ—вотъ что причиняло тогда невѣроятную тревогу. (См. въ концѣ тома въ „Историческихъ документахъ“ № 19, прокламація Дюку къ жителямъ Париза, 26 іюля).

¹⁾ Въ главные парижскіе госпитали въ теченіе четырехъ дней возстанія принято было 2,529 раненныхъ.

²⁾ Констатировано, что у большинства сошедшихъ съ ума инсургентовъ оказывалась манія величія: почти всѣ они считали себя великими людьми, реформаторами. Они диктовали конституціи, уничтожали рабство и нищету. У женщинъ причиной помѣшательства было большею частью безпокойство за мужа или за дѣтей. Но, несмотря на многочисленные случаи помѣшательства послѣ возстанія въ 1848 г., общая цифра душевнобольныхъ не многимъ превысила обычное число. Революціи, увеличивающія нѣкоторыя причины сумасшествія, съ другой стороны, уничтожаютъ другія. Явленія частной жизни теряютъ свое значеніе по мѣрѣ того, какъ событія общественной жизни приобрѣтаютъ большую важность.

³⁾ См. медицинскіе органы: „Gazette des hôpitaux“, „Union médicale“ и др.

они выздоравливаютъ, то имъ не миновать военного суда, они находятся въ самомъ отчаянномъ состояніи духа. Многіе срываютъ перевязки со своихъ ранъ; другіе стараются умирить себя голодомъ, предпочитая смерть горькой неизвѣстности ¹⁾.

Число мертвыхъ не было установлено съ точностью ²⁾. И теперь еще никто не увѣренъ ни въ цифрѣ задержанныхъ, ни въ числѣ инсургентовъ. По статистикѣ медицинскихъ журналовъ, въ парижскихъ госпиталяхъ лежало 2,529 раненыхъ; число тѣхъ, которые лѣчились дома, было еще значительнѣе, но опредѣлить его невозможно. По отчету префекта полиціи Дюку, отъ 8 октября, общая цифра умершихъ, вслѣдствіе возстанія, военныхъ и гражданскихъ лицъ была всего 1,460; при чемъ двѣ трети ихъ принадлежали къ арміи и къ національной гвардіи ³⁾. Генералъ Кавеньякъ сказалъ съ трибуны на засѣданіи 3-го іюля, что *никто не исчисляетъ общее число инсургентовъ болѣе, чѣмъ въ 50,000, и что армія насчитываетъ всего семь сотъ три человѣка убитыхъ и раненыхъ.*

А между тѣмъ, похороны и заупокойныя службы въ церкви тянулись мрачной вереницей. 6-го іюля совершена была общая панихида о всѣхъ жертвахъ возстанія. У подножія Луксорскаго обелиска былъ сооруженъ великолѣпный алтарь, и три епископа, принадлежавшіе къ членамъ Собранія, отслужили обѣдню, на которой присутствовали: Собраніе вмѣстѣ съ президентомъ, генералъ Ка-

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить къ чести парижскихъ врачей, что они весьма энергично противились допросамъ. „У меня здѣсь только больные, но не обвиняемые“, отвѣчаетъ врачъ больницы Pitié, Мишонъ на вопросъ судебного слѣдователя о числѣ инсургентовъ, принятыхъ въ его палаты. „Я знаю только однихъ раненыхъ“, говоритъ докторъ Ру, когда его спрашиваютъ, сколько у него въ отдѣленіи солдатъ національной гвардіи и сколько инсургентовъ.

²⁾ Англійская печать утверждала, что число мертвыхъ доходило до 50.000.

³⁾ Одна только республиканская гвардія потеряла 92 человѣка убитыми, между ними двухъ высшихъ офицеровъ. Убито было шесть генераловъ: Бургонъ, Дамэмъ, Рено, Дювивье, Негріе, Бреа; шесть было ранено: Ведо, Франсуа, Кортъ, Лафонтэнъ, Фушъ, Куртижисъ. Два представителя были убиты: Дорнэсъ и Шарбоннель. Въ теченіе трехъ іюльскихъ дней въ 1830 г. было убито 500 человѣкъ. Въ февралѣ 1848 г. убито было только 200. По свидѣтельству генерала Ламорисьера, солдатамъ было роздано 2,100,000 патроновъ и выпушено было въ теченіе четырехъ дней сраженія около трехъ тысячъ пушечныхъ зарядовъ. У инсургентовъ было огромное количество оружія. На одномъ только маленькомъ пунктѣ, въ деревнѣ Жавтильи, насчитывающей едва 1,200 жителей, нашли 1,800 солдатскихъ ружей и 2,000 сабель; но у нихъ было очень мало запасовъ. Они фабриковали сами почти весь порохъ, который потребляли, и къ концу третьяго дня уже пороху не хватало.

веньякъ, мэръ Парижа, большинство высшихъ офицеровъ арміи, начальники національной гвардіи. Символическая колесница съ катафалкомъ, заключавшая въ себѣ тѣла нѣсколькихъ жертвъ, подъѣхала черезъ аллею Елисейскихъ Полей къ алтарю, и епископы благословили ее.

Но, несмотря на торжественность, которой обставили эту церемонію, она показалась всѣмъ, сумѣвшимъ понять ея истинный смыслъ,—пустой и холодной. Все здѣсь отзывалось официальностью, фальшею и было полно противорѣчій. Хотя и видны были еще республиканскія эмблемы; хотя всюду стоялъ девизъ: *свобода, равенство, братство*, но онъ уже вызывалъ одно только чувство горькой насмѣшки. Въ первый разъ также послѣ февральской революціи народъ не присутствовалъ на общественной церемоніи. Ни одна корпорация не была приглашена; нигдѣ не развивалось ни одного народнаго флага; въ толпѣ не смѣшивались, какъ прежде, блузы и сюртуки. Рабочихъ прошла небольшая кучка, да и тѣхъ держали въ отдаленіи за шпалерами войска.

Объ этой церемоніи еще раньше распространялись всевозможные страшные слухи. Говорили о какой-то адской машинѣ; рассказывали, что генерала Кавеньяка хотятъ убить во время церемоніи. Погребальная колесница, которая, согласно программѣ, должна была отвезти тѣла до склепа Іюльской колонны, остановилась у церкви Св. Магдалины. Приближаться къ народнымъ кварталамъ не смѣли,—такъ великъ былъ внушаемый ими страхъ.

И вотъ подъ этимъ общимъ впечатлѣніемъ печали и страха генералу Кавеньяку приходилось возстановлять правительство и составлять министерство.

Мы видѣли, что собраніе улицы Пуатье дѣлало по этому случаю нѣкоторыя возраженія, считая себя достаточно сильнымъ, чтобы навязать выборъ министровъ главѣ исполнительной власти. Однако Тьеръ, считая свое прямое вмѣшательство въ дѣло преждевременнымъ, растолковалъ нетерпѣливымъ, что неудобно слишкомъ рано производить давленіе на общественное мнѣніе, и что прежде, чѣмъ устранять республиканцевъ, надо дать имъ самимъ выдохнуться, уменьшить своими ошибками, которыя они не замедлятъ надѣлать, авторитетъ власти, полученный ими побѣдой надъ возстаніемъ.

Вслѣдствіе этого, официозная депутація, въ составъ которой вошли Вивьенъ, Дегуззъ, Десазъ, де-Фаллу и де-Везансъ, отправилась 27-го іюня вечеромъ къ генералу Кавеньяку для увѣреній его въ томъ, что собраніе утвердитъ его выборъ министровъ, каковъ бы онъ ни былъ, и будетъ поддерживать его правительство. Но только что составъ новаго министерства былъ обнародованъ, какъ под-

нялся ропотъ. Собраніе улицы Пуатье было вполнѣ согласно съ назначеніемъ Сенара министромъ внутреннихъ дѣлъ, а генерала Ламорисьера военнымъ министромъ. Роль, которую играли тотъ и другой въ возстаніи, дѣлала необходимымъ ихъ участіе въ дѣлахъ управленія. Безъ особеннаго неудовольствія были приняты даже Гудшо, какъ министръ финансовъ, Бастидъ, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, Ветмонъ, какъ министръ общественныхъ работъ: но имена Рекюра, а главное Карно, заканчивавшія списокъ министровъ, вызвали живѣйшій протестъ.

Рекюръ былъ давнишній республиканецъ, обвиняемый въ томъ, что слишкомъ склоненъ къ политикѣ прощенія и смягченія наказаній относительно инсургентовъ. Что касается Карно, то клерикальная партія, которой руководилъ болѣе де-Фаллу, нежели Тьеръ, и которая съ трудомъ отказалась отъ претензіи поставить своего кандидата на постъ министра народнаго просвѣщенія, не выносила его возвращенія въ кабинетъ. Партія эта въ особенности ненавидѣла въ немъ основателя административной школы. Но такъ какъ эта партія не осмѣливалась еще совершенно снять съ себя маску и открыто признаться въ своемъ отвращеніи къ несомнѣнно демократическому учрежденію, которое съ 1789 г. было постояннымъ желаніемъ общества, она напомнила циркуляры и «Республиканскій катехизисъ челоѣка и гражданина» (*Manuel républicain de l'homme et du citoyen*). Увѣренная въ томъ, что она непріятно затрагиваетъ этимъ многихъ, даже среди большинства въ Собраніи, она открыла атаку на засѣданіи 5-го іюля, по поводу обсужденія проекта декрета объ улучшеніи положенія учителей элементарныхъ школъ, и принудила Карно подать въ отставку.

Это торжество контръ-революціоннаго мнѣнія еще было нѣсколько умѣрено осторожностью Тьера, который, довольный уже тѣмъ, что Собраніе могло расходиться съ Кавеньякомъ по вопросу о личностяхъ, не захотѣлъ, чтобы успѣхъ былъ доведенъ до крайности, и заставилъ признать преемникомъ Карно Волабеля, который былъ не менѣе непріятенъ клерикальной партіи, но имѣлъ то преимущество, что не былъ скомпрометтированъ еще активной политикой.

По той же причинѣ собраніе улицы Пуатье не противилось кандидатурѣ Мари въ президенты Собранія. Тьеръ и его друзья въ то время еще какъ будто искренно признавали республику; они присвоили себѣ названіе *честныхъ* и *умѣренныхъ* республиканцевъ въ отличіе отъ тѣхъ, которыхъ они называли *красными* республиканцами; ихъ тактика состояла въ томъ, чтобы еще нѣкоторое время прятаться позади республиканскаго большинства и

побуждать его къ анти-демократическимъ мѣрамъ, которыми впоследствии можно будетъ воспользоваться.

Впечатлѣніе ужаса, оставшееся послѣ возстанія, отлично содѣйствовало этой тактикѣ и этимъ планамъ. Несмотря на легкость, съ какой производились разоруженія національной гвардіи и закрытія клубовъ; несмотря на хорошія извѣстія изъ департаментовъ, гдѣ все обстояло благополучно ¹⁾; несмотря на то, что въ Парижѣ было 80,000 человѣкъ войска,—на дунѣ еще не было спокойно. Все Собраніе было охвачено духомъ реакціи, увлекавшимъ его за предѣлы всякой мѣры. Не довольствуясь тѣмъ, что 26-го, въ то время, какъ еще дрались въ предмѣстьѣ Сентъ-Антуанъ, Собраніе вотировало закрытіе клубовъ, признанныхъ опасными, распушеніе и разоруженіе трехъ легионовъ, образованіе слѣдственной комиссіи, имѣвшей цѣлью изслѣдовать причины возстанія, начиная съ покушенія 15 мая,—оно расклеило 28-го прокламацію къ народу, въ которой называло побѣжденных инсургентовъ *изступленными, вооружавшимися для убійствъ и грабежа; современными варварами, грубая сила которыхъ прозита гибелью семьи, религіи, свободы, отечеству и всей цивилизаціи*. Собраніе закрывало клубы и возобновило для газетъ залогъ въ 24,000 франковъ ²⁾. Наконецъ, оно вотировало почти единогласно тотъ пагубный декретъ о ссылкѣ, противозаконность и безчеловѣчность котораго столь рѣзко противорѣчать долго выказывавшейся имъ умѣренности, что впоследствии, когда памяти современниковъ не будетъ представляться съ такой живостью и съ такой точностью безумный страхъ, которому въ то время самые серьезные умы и самыя благородныя души предавались безъ удержу и стыда,—понять его станетъ совершенно невозможнымъ ³⁾.

¹⁾ Національныя мастерскія въ Марселѣ взбунтовались, но еще раньше парижскихъ и безъ соглашенія съ ними. Возстаніе это было быстро подавлено.

²⁾ Выпуская 11 іюля послѣдній номеръ, въ черной рамкѣ, своей газеты „Le Peuple Constituant“, Ламеннъ такимъ образомъ осуждалъ вотумъ Собранія: „Нынче нужно имѣть золото, много золота, чтобы имѣть право говорить. Мы не достаточно богаты. *Molchance, bédiance!*“

³⁾ Коссидьеръ, Сарранъ и Пьеръ Леру одни только протестовали съ трибуны противъ декрета о ссылкѣ. Пьеръ Леру добился того, чтобы женамъ и дѣтямъ ссыльныхъ позволено было сопровождать ихъ въ мѣсто ссылки. Тогда Ламеннъ въ „Le Peuple Constituant“ напечаталъ слѣдующія прекрасныя слова (29 іюня): „Еще нѣсколько мѣсяцевъ—и у васъ не будетъ лишнихъ рукъ, чтобы защищать вашихъ братьевъ въ Италіи и ваши границы съ Бельгіей и Германіей. Въмѣсто того, чтобы выселять своихъ плѣнныхъ, сдѣлайте изъ нихъ авангардъ вашей итальянской арміи“. Я нахожу въ замѣткѣ, поданной анкетной комиссіи начальникомъ отдѣленія общей безопасности, Паниссомъ, замѣчательную оцѣнку причинъ возстанія. См. „Историческіе документы“ въ концѣ тома. № 20.

Проектъ декрета, представленный Сенаромъ 27-го и гласившій: «Каждое лицо, взятое съ оружіемъ въ рукахъ, будетъ немедленно сослано во французскія владѣнія за моремъ, за исключеніемъ Алжири», былъ представленъ на разсмотрѣніе комиссіи. Въ то время, какъ эта комиссія готовила свой докладъ, генераль Кавеньякъ въ силу полномочій, которыя давало ему осадное положеніе, съ своей стороны отдалъ докладчикамъ военныхъ комиссій приказъ привлечь обвиняемыхъ къ военному суду. Между этими противорѣчивыми мѣрами докладчикъ комиссіи Мэолль предложилъ комбинацію, которая была принята. Онъ призналъ, что необходимо было удалить изъ города всѣ элементы броженія, что, при невозможности судить обычнымъ порядкомъ, необходимо примѣнять быстрыя судебныя и административныя мѣры общей безопасности и общественнаго спасенія. Необходимо, говорилъ онъ, чтобы законъ на время смолкъ, и чтобы люди, объявившіе обществу войну на жизнь и смерть, были удалены. Однако, дѣлая различіе между подстрекателями къ социальной войнѣ и тѣми, которые были только ея солдатами, онъ просилъ, чтобы начатое противъ агитаторовъ слѣдствіе продолжалось обычнымъ порядкомъ.

Нѣкоторыя выраженія этого доклада заставили главу исполнительной власти взойти на трибуну. Эти выраженія, сказалъ генераль Кавеньякъ, даютъ поводъ думать, что онъ, вручая военной юрисдикціи дѣло о возстаніи, хотѣлъ быть болѣе строгимъ, нежели нація и Собраніе. Онъ энергично протестовалъ противъ такого обвиненія. По его настоятельному требованію, слово *transportation*, т. е. ссылка безъ заключенія въ тюрьму, было поставлено вмѣсто прежняго слова *déportation* (ссылка на каторгу). Кавеньякъ пошелъ еще далѣе. Онъ обѣщалъ настоять въ совѣтѣ министровъ на томъ, чтобы декретъ не былъ примѣненъ во всей своей строгости и послужилъ бы только для удаленія изъ Парижа арестантовъ въ такое время, когда для нихъ самихъ опасно оставаться въ городѣ. Наконецъ, онъ обѣщалъ дать амнистію, какъ только страхъ буржуазіи немного уляжется.

Дѣйствуя и говоря такимъ образомъ, генераль Кавеньякъ былъ вполнѣ искрененъ; совершенно чуждый страха, который внушали возставшіе, онъ не имѣлъ никакого злобнаго чувства къ побѣжденнымъ. Онъ зналъ также, что если между арестованными, которыхъ хотятъ осудить сразу общей массой, сослать безъ суда и даже во многихъ случаяхъ безъ удостовѣренія личности ¹⁾, и есть испорченные, дурные люди, то большинство изъ нихъ честныя рабочіе, пре-

1) Нѣсколько человѣкъ было сослано по ошибкѣ, и ихъ выпустили послѣ того, какъ они мѣсяцъ пробыли на понтонкахъ.

данные республик¹⁾, и что было бы не только неpolitично, но несправедливо и безправственно наказывать вѣстѣ съ ними и ихъ семьи за преступленіе, хотя и очень тяжкое, но такое, которое общество, если оно только справедливо, не можетъ взыскивать на нихъ однихъ.

Еще другія соображенія, хотя и второстепеннаго свойства, побуждали главу исполнительной власти отнестись снисходительно къ побѣжденнымъ. Недовѣрчивый и подозрительный по природѣ, Кавеньякъ держался насторожѣ противъ коварныхъ замысловъ династической партіи. Онъ инстинктивно чувствовалъ, что если онъ только уступить первымъ требованіямъ этой партіи, едва терпѣвшей его у власти, онъ скоро потеряетъ всякій авторитетъ и сдѣлается орудіемъ, которое разобьютъ, какъ только оно окажется ненужнымъ. А между тѣмъ, вслѣдствіе печальной нерѣшительности его характера, происходившей не отъ индифферентности, не отъ нерадивости къ дѣламъ, а отъ отсутствія той широты и той возвышенности взглядовъ, которые у государственнаго дѣятеля помогаютъ справляться съ ежедневными препятствіями и отдѣльными инцидентами политики, генераль Кавеньякъ не вступилъ рѣшительнымъ образомъ на путь великодушной и сильной политики, куда онъ имѣлъ полную возможность увлечь за собой Собраніе. Преувеличивая себѣ опасность, которой подвергалась республика, онъ хотѣлъ отвратить эту опасность продолженіемъ военнаго режима и исключительными мѣрами. Въмѣсто того, чтобы какъ можно скорѣе вернуться къ законному порядку, онъ требовалъ продолженія осаднаго положенія (7-го іюля) на неопредѣленное время; затѣмъ онъ покировалъ республиканское чувство, награждая орденами солдатъ, національных гвардейцевъ и гвардейскихъ-мобилей, отличившихся во время возстанія²⁾; онъ приостановилъ многія газеты³⁾; онъ держалъ въ одиночномъ заключеніи въ теченіе одиннадцати дней редактора газеты «*La Presse*», неосторожныя статьи котораго, говорилъ онъ, могутъ погубить республику, націю и все общество⁴⁾. Наконецъ, онъ, хотя

¹⁾ Въ своей рѣчи 3 іюля генераль Кавеньякъ говоритъ о рабочихъ національныхъ мастерскихъ: „Большинство изъ нихъ ничего не требуютъ кромѣ работы“. И далѣе: „То, что называется въ Парижѣ Обществомъ рабочихъ по постройкѣ, предъявляетъ весьма умѣренные требованія“.

²⁾ Генераль Панагрье былъ принужденъ обратиться къ нѣсколькимъ полковникамъ, отказывавшимся отъ имени своихъ легионовъ отъ орденовъ, съ письмомъ, въ которомъ онъ напоминалъ имъ принципъ повиновенія.

³⁾ Между прочимъ, „*La Presse*“, „*L'Assemblée nationale*“, „*La Liberté*“, „*La Vraie République*“, „*L'Organisation du travail*“, „*Napoléon républicain*“, „*Le Journal de la Canaille*“, „*Le Père Duchesne*“, „*Le Pilon*“, „*La Révolution de 1848*“, „*Le Lampion*“.

⁴⁾ Это были буквальные выраженія генерала Кавеньяка, употребленныя имъ въ письмѣ, которымъ онъ отвѣчалъ де-Жирардэну.

и съ большой неохотой, уступилъ требованію объявить, что правительство не будетъ противиться привлеченію къ суду Луи-Блана и Коссидера, которыхъ слѣдственная коммиссія обвиняла въ сообщничествѣ въ попыткѣ 15 мая и въ участіи въ іюньскомъ возстаніи ¹⁾).

Слѣдственная коммиссія, которая работала подъ предсѣдательствомъ Одилона Барро и въ которой республиканцевъ было незначительное меньшинство, послѣ непрерывныхъ засѣданій въ теченіе шести недѣль и послѣ того, какъ выслушано было болѣе двухъ сотъ свидѣтелей, назначила своимъ докладчикомъ Кантанъ-Бошара, одного изъ своихъ членовъ, наиболѣе враждебныхъ республикѣ. Докладъ, который съ оправдательными документами составлялъ цѣлыхъ три тома in-4°, былъ форменнымъ обвинительнымъ актомъ противъ февральской революціи. Восходя не только до 15 мая, но и до 16 апрѣля и 17 марта, обвиняя Люксембургскія конференціи, бюллетени и циркуляры министра народнаго просвѣщенія, однимъ словомъ, почти всѣ дѣйствія правительства, которому по приговору Собранія было объявлено, что оно *заслужило благодарность отечества*, докладъ Кантанъ-Бошара былъ столь очевидно внушенъ самой узкой мстительностью, опирался на столь слабо доказанные и столь ничтожные факты, что публика и Собраніе, несмотря на возбужденность умовъ, не могли не высказать ему порицанія, хотя бы только за форму.

Дебаты, возбужденные этимъ докладомъ, были самыми бурными изъ всѣхъ, какіе только до тѣхъ поръ возбуждали страсти. Открывшись 25 августа въ полдень, они почти безъ перерыва длились до шести часовъ утра слѣдующаго дня. Въ первый разъ, такимъ образомъ, въ Учредительномъ Собраніи представляемая имъ революція подвергалась столь серьезнымъ и почти открытымъ нападкамъ. Ламартинъ былъ привлеченъ анкетной ком-

¹⁾ Нахожу не лишнимъ привести здѣсь свидѣтельство Ламартина, котораго нельзя считать пристрастнымъ по отношенію къ социалистамъ: „Тѣ самые, — говоритъ онъ, — изъ наиболѣе демократичныхъ членовъ правительства, которыхъ общественное невѣжество обвиняло въ коварномъ сообщничествѣ съ возстаніемъ, въ сущности, были наиболѣе дѣятельными и наиболѣе нетерпѣливыми въ приготовленіи военныхъ мѣръ, предназначенныхъ для подавленія возстанія. Соціалисты, какъ вожди, такъ и послѣдователи, были мирными, лояльными гражданами, посредниками, провозвѣстниками мира и примиренія на всѣхъ пунктахъ, во все время свалки, и если они грѣшили противъ здраваго смысла, до, во время и послѣ республики, то ихъ нельзя упрекнуть никогда и ни въ чемъ по отношенію къ родинѣ и человечеству. Справедливость не есть похвала, но долгъ. Соціалисты не были виноваты въ этихъ ужасныхъ дняхъ“ (*Cours familier de littérature*, Бесѣда LXXIII, стр. 24 и 30).

миссией къ отвѣтственности; Ледрю-Роллэнъ былъ вынужденъ защищать съ трибуны дѣйствія своего правительства; Луи-Бланъ и Коссидьеръ, снова попавшіе въ руки своихъ враговъ, которыхъ не испугало первое пораженіе — все это были явные признаки успѣха династическихъ партій.

Ледрю-Роллэнъ въ горячихъ словахъ старался вырвать Собраніе изъ подъ власти этихъ порывовъ страха, которые увлекали его на ретроградный путь. «Красная республика — это призракъ, — воскликнулъ Ледрю-Роллэнъ: — красной республики нѣтъ. Есть только люди, которые льстятъ себя иллюзіями, которые, подъ вліяніемъ нужды, увлекаются; но будьте увѣрены, что громадное большинство населенія страны привержено истинной республикѣ. Скажите себѣ только, — прибавилъ онъ взволнованнымъ и пророческимъ тономъ, — что когда отрывается эра ссылокъ, то всѣ партіи могутъ пройти черезъ нее одна за другой; и тогда это будетъ не только гибелью свободы во Франціи, но и гибелью свободы въ Европѣ!»

Хотя Собраніе и считало Ледрю-Роллэна опаснымъ революціонеромъ, однако краснорѣчіе его произвело на коллегъ впечатлѣніе; когда онъ сошелъ съ трибуны, то чувствовалось, что личное его дѣло было выиграно. Менѣе счастливъ былъ Луи-Бланъ. Его теорія организаціи труда, о которой онъ говорилъ очень пространно, съ достойной уваженія, но не искусной настойчивостью, расколодила слушателей, которыхъ такъ расшевелилъ Ледрю-Роллэнъ. Къ тому же наступала ночь и вмѣстѣ съ утомленіемъ приносила желаніе покончить съ дебатами. Блѣдные лучи разсвѣта, проникая въ окна и смѣшиваясь съ послѣдними огнями люстръ, придавали залѣ что-то зловѣщее. Лица дѣлались все болѣе и болѣе мрачными. Въ трибунахъ, гдѣ высказывалась сначала наибольшая симпатія къ обвиняемымъ, сонъ овладѣвалъ самыми внимательными слушателями. Тщетно рѣчь Коссидьера снова расшевелила умы и заинтересовала ихъ своимъ живописнымъ остроуміемъ; тщетно революціонная партія, черезъ посредство Флокона, Бака, Лагранжа, пробовала еще бороться и добиться, по крайней мѣрѣ, того, чтобы не вотировали немедленныхъ мѣръ. Въ ту минуту, какъ можно было, казалось, рассчитывать на этотъ слабый успѣхъ, на трибунѣ появился президентъ Совѣта. Воцарилось глубокое молчаніе. Рѣчь главы исполнительной власти должна была положить конецъ всѣмъ колебаніямъ. Его мнѣніе рѣшить вопросъ; этого мнѣнія никто не зналъ, и всѣ считали его благопріятнымъ для обвиняемыхъ. Въ одномъ изъ предшествующихъ засѣданій всѣ видѣли, какъ генералъ Кавеньякъ протянулъ руку Ледрю-Роллэну, когда послѣдній сходилъ съ трибуны, опровергнувъ главные обвиненія доклада. Хорошо освѣдомленные лица утверждали, что глава

исполнительной власти, раздраженный требованіями реакціонной партіи, рѣшился скорѣе совсѣмъ порвать съ ней, чѣмъ сдѣлать ей еще новую уступку. Поэтому можно себя представить всеобщее изумленіе, когда генераль потребовалъ *во имя спокойствія страны, чтобы Собраніе, убѣжденіе котораго должно быть уже составлено, не продолжало болѣе преній и не откладывало вотированія*. Однако, несмотря на то, что къ этому изумленію примѣшивалось неодобреніе, большинство присоединилось къ мнѣнію правительства. Одинъ только представитель Гриви пытался протестовать и во имя справедливости требовалъ отсрочки, доказывая самымъ очевиднымъ образомъ, что не было достаточно времени для разсмотрѣнія документовъ анкеты. Къ тому же, говорилъ Гриви, кромѣ этихъ документовъ есть еще документы, доставленные самими обвиняемыми. Разсмотрѣніе послѣднихъ документовъ было тѣмъ болѣе необходимо, что коммиссія нарушила всѣ судебныя формы, не приводя на очную ставку обвиняемыхъ со свидѣтелями, не сообщая имъ ни одного факта, приводимаго въ ихъ обвиненіе. «Выше временныхъ интересовъ политики, дѣлающихъ желательнымъ для власти ускореніе рѣшенія,—сказалъ Гриви,—есть еще вѣчные интересы правосудія, которыми верховное собраніе не можетъ жертвовать».

Но эти соображенія возвышеннаго и независимаго ума явились слишкомъ поздно. Собраніе уже составило свое рѣшеніе. Изъ 785 вотировавшихъ, 493 голоса требовали немедленнаго исполненія и преданія Луи-Блана и Коссидьера суду.

Если бы республиканское большинство уже не осудило внутри своей совѣсти этотъ неполитичный вотумъ, то оно тотчасъ же убѣдилось бы въ громадности своей ошибки по той безмѣрной радости, которой предалось династическое меньшинство. Хотя правительство и помогло бѣгству Луи-Блана и Коссидьера и спасло ихъ такимъ образомъ отъ злобы враговъ, тѣмъ не менѣе торжество противниковъ революціи было полное. Какъ скоро имъ удалось поселить разладъ между республиканцами, скомпрометтировать генерала Кавеньяка и заставить его дать имъ такой залогъ своей будущей дѣятельности, они могли быть увѣрены, что не встрѣтятъ уже болѣе непреодолимыхъ препятствій.

Партія порядка, какъ ее называли тогда, обязана была этимъ рѣшительнымъ успѣхомъ своему вождю, Тьеру. До тѣхъ поръ, пока партіей руководила колеблющаяся воля Одилона Барро и пока представителями ея были непопулярныя имена де-Фаллу и де-Монталамбера, она дѣлала мало успѣховъ въ Собраніи; но съ выступленіемъ на сцену Тьера все измѣнилось.

Растерявшись немного послѣ февральской революціи, Тьеръ

очень скоро снова ободрился и приобрѣлъ ту непринужденность мыслей и дѣйствій, которая составляла его главную силу. Ему, впрочемъ, не нужно было употреблять особенныхъ усилій для того, чтобы приспособиться къ Республикѣ, которая не оскорбляла въ немъ ни принциповъ, ни особенно глубокихъ чувствъ. Рожденіе, воспитаніе, труды, честолюбіе—вся карьера его связывала его съ революціей. По расположенію своего ума онъ не былъ склоненъ особенно расходиться съ ней и требовать отъ нея слишкомъ строгаго отчета въ ея увлеченіяхъ. Какъ историкъ, онъ объяснилъ и одобрилъ ее вплоть до Дантона; какъ государственный дѣятель, онъ во имя ея боролся съ консервативной политикой. Кризисъ, низвергнувшій эту политику въ лицѣ его соперника, оправдывалъ до извѣстной степени его собственную. Къ тому же онъ инстинктивно чувствовалъ, что при свободномъ правленіи онъ рано или поздно снова получить большое вліяніе. Какъ искренній патриотъ, онъ льстилъ себя надеждой, что революціонная политика возвыситъ въ Европѣ роль Франціи. Какъ оратору и писателю, ему рѣшительно нечего было терять лично въ утвержденіи парламентской республики. Учрежденіе президентства также не могло быть непріятнымъ для него, какъ для человѣка, который по своему состоянію, таланту, извѣстности, болѣе чѣмъ кто-либо, могъ претендовать на него.

Поэтому Тьеръ не терялъ времени въ сожалѣніяхъ о прошломъ. Представляясь избирателямъ для Учредительнаго Собранія, онъ объявилъ о своемъ намѣреніи не оставаться чуждымъ будущимъ судьбамъ своей страны. Внимательный ко всему и замѣтивъ, что первый разъ онъ потерпѣлъ неудачу, благодаря враждебному отношенію къ нему духовенства, онъ на этотъ разъ преклонился передъ преобладающимъ вліяніемъ клерикаловъ и съ своей стороны не поскупился на любезности и обѣщанія. Духовенство, политикой котораго въ то время было принимать людей со всѣхъ сторонъ, сдѣлало видъ, что повѣрило въ его искренность и поставило его въ свой списокъ ¹⁾). Тьеръ вошелъ въ Собраніе.

Онъ вошелъ потихоньку, скромненько, какъ человѣкъ, разочарованный, политическая карьера котораго окончена. Самое большее,—говорилъ онъ друзьямъ, которые должны были распространять эти слова,—что онъ можетъ сдѣлать для Собранія, это отдать на служеніе ему свою долю практическаго здраваго смысла и при случаѣ подать въ какомъ-нибудь комитетѣ полезный совѣтъ по спеціальнымъ вопросамъ. Затѣмъ онъ сталъ сближаться со всѣми

¹⁾ „Я не обязанъ ставить себя на мѣсто Бога и испытывать совѣсть людей,—говорилъ аббатъ Файе, епископъ орлеанскій, народный представитель,—по всѣмъ видимостямъ г. Тьеръ совершенно вернулся къ намъ“.

республиканцами, которыхъ считалъ вліятельными. Онъ льстилъ имъ и старался показать, что онъ вмѣстѣ съ ними и такъ же, какъ и они, желаетъ республики.

Принятый въ собраніе улицы Пуатье, гдѣ предсѣдателемъ былъ генераль Баракъ-д'Илье и гдѣ встрѣчались еще представители всѣхъ партій: Дювержье де-Гораннъ, Вивьенъ. Дюфортъ, Дегузэ, д'Адельсвардъ, де-Монталамберъ, де-Фаллу, Берриэ, Тьеръ вскорѣ, вслѣдствіе гибкости и граціозной привлекательности своего ума, сдѣлался связующимъ звеномъ этихъ разнородныхъ элементовъ. Сдерживая однихъ, возбуждая другихъ, подавая всѣмъ примѣръ забвенія прежнихъ проступковъ, онъ сумѣлъ дисциплинировать, приучить ихъ къ хорошо скомбинированной политикѣ, заключающейся, съ одной стороны, въ томъ, чтобы по видимому поддерживать республику, а съ другой въ томъ, чтобы разрушать постепенно все, что дѣлало временное правительство, и такимъ образомъ показать бессиліе республиканской партіи, чтобы въ удобную минуту встать на ея мѣсто легко и безъ насилія. Мы видѣли, что, слѣдуя этой политикѣ, Тьеръ выказалъ себя сочувствующимъ генералу Кавеньяку. Но въ это время онъ уже не выражался съ прежнею скромностью; вслѣдствіе его замѣтнаго вліянія въ Собраніи, его значеніе въ собраніи улицы Пуатье, та смиренная роль, которую онъ взялъ на себя вначалѣ, сдѣлалась невозможной. Онъ начиналъ скучать своимъ молчаніемъ и ждалъ только случая, чтобы съ блескомъ появиться на трибунѣ. Прудонъ, который, благодаря своей репутациі эксцентричности, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе исполнялся самомнѣніемъ, не побоялся вступить въ борьбу съ Тьеромъ и вскорѣ доставилъ ему желанный случай проявить себя.

Я указала вкратцѣ во второй части этого сочиненія, каковы были первые труды Прудона, и какими оригинальными качествами онъ привлекъ къ себѣ вниманіе любящихъ новизну умовъ.

Газета, которую онъ сталъ издавать послѣ февральской революціи, познакомила народъ съ его именемъ и выставила его главой партіи. Послѣ того, какъ онъ своей сильной діалектикой способствовалъ, болѣе чѣмъ кто-либо, дискредитированію въ общественномъ мнѣніи коммунистическихъ системъ; и когда, вслѣдствіе событій, социалистическія главы школъ исчезли съ публичной арены, Прудонъ, преимущество котораго состояло въ томъ, что у него не было никакой системы и что онъ смѣлѣе, чѣмъ кто-либо, отрицалъ основныя начала общества, обвиняемаго пролетаріатомъ во всѣхъ его невзгодахъ, — остался единственнымъ представителемъ народнаго инстинкта и увидѣлъ, что противъ него направлено все озлобленіе буржуазіи.

Въ его избраніи въ Учредительное Собраніе она видѣла только

вызовъ, брошенный общественной морали анархистами ¹⁾. Къ тому же личность Прудона, съ его могучей флегмой и ироніей тона, манеръ и фязіономіи, какъ нельзя болѣе шла къ той необычайной роли, которую приписывать ему страхъ буржуазіи. Такъ какъ это льстило его самолюбію, и онъ съ удовольствіемъ разыгрывалъ эту роль, то на него стали смотрѣть, какъ на какое-то особенное существо, свободное отъ всѣхъ чувствъ, волнующихъ обыкновенныхъ смертныхъ, какъ на воплощеніе злобы, замышляющее и хитро подготовляющее гибель общества.

Однако послѣ іюньской побѣды умы немного успокоились, и въ Собраніи начали удивляться тому значенію, которое приписывалось Прудону и его молчанію. Рѣшили, что полезно было бы уменьшить это значеніе до его настоящихъ размѣровъ, заставивъ этого смѣлаго противника собственности изложить передъ всѣми свои соціальныя теоріи, а главное, тѣ средства, которыя онъ предлагаетъ для ихъ осуществленія.

Побуждаемый не только своими коллегами, но и общественнымъ мнѣніемъ, Прудонъ согласился представить въ бюро Собранія предложеніе, имѣвшее, по его собственнымъ словамъ, цѣлью осуществити безъ насилія, безъ экспропріаціи, безъ банкротства то, что онъ называлъ *ликвидацией стараго общества*, т. е. *уничтоженіемъ собственности*. «Гордость ли то была, или у меня закружилась голова,—говорилъ впоследствии Прудонъ,—но мнѣ одну минуту показалось, что часъ мой насталъ».

Тьеръ, втайнѣ желѣявшій ту же мысль и съ большимъ основаніемъ считавшій, что часъ его насталъ, взялъ на себя задачу опровергнуть Прудона сначала въ комитетѣ финансовъ, а потомъ на трибунѣ.

Всеобщее любопытство было возбуждено до крайности предстоящимъ дебатомъ. Многіе считали еще большою смѣлостью со стороны Собранія допускать публичное обсужденіе прудоновскихъ доктринъ. Не безъ труда удалось Тьеру возстановити нѣкоторое спокойствіе въ комитетѣ труда и своимъ хладнокровіемъ утишить крики, поднимавшіеся при каждомъ словѣ его противника ²⁾. Когда Прудонъ появился на трибунѣ, волненіе, охватившее Собраніе, было

¹⁾ Со времени іюньскаго возстанія отвращеніе къ Прудону превратилось въ чувство ужаса. Войдя 25 въ предмѣстье Тамплъ, войска встрѣтили тамъ Прудона, который, впоследствии на вопросъ слѣдственной комиссіи, зачѣмъ онъ тамъ находился, очень просто отвѣтилъ: „ходилъ любоваться на несравненное по величію ужаса зрѣлище канонады“.

²⁾ „Не надо, чтобы Геростраты нашего времени,—сказалъ Тьеръ,—могли воображать себя Галилеями, говоря, что ихъ не хотѣли выслушать“.

такъ сильно, что ясно замѣтно было то огромное усиліе, которое эти люди должны были сдѣлать надъ собой, чтобы сохранить приличное отношеніе къ человѣку, нахальство котораго равнялось въ ихъ глазахъ его испорченности.

Однако, несмотря на рѣзкія прерыванія, на ругательства, на взрывы хохота, раздававшіеся одновременно со всѣхъ сторонъ, Прудонъ, котораго все это, очевидно, нисколько не смущало, занималъ трибуну въ теченіе почти четырехъ часовъ. Онъ снова изложилъ съ самаго начала, онъ развилъ въ подробности весь планъ своего предложенія, котораго, по его словамъ, ни комитетъ, ни Тьеръ не поняли.

А между тѣмъ это предложеніе, по его мнѣнію, было необыкновенно просто. По словамъ Прудона, общество находилось въ крайней опасности; и спасти его отъ неминуемаго раззоренія можно только системой бесплатнаго и взаимнаго кредита, упраздняющаго процентъ съ капитала, устанавливая точное равновѣсіе производства и потребленія. Необходимъ законъ, который принудилъ бы капиталистовъ и рантье-ровъ отдать, въ видѣ займа, своимъ арендаторамъ, жильцамъ, должникамъ всякаго рода шестую часть своего дохода (Прудонъ оцѣнивалъ эту шестую часть въ 1500 милліоновъ) и внести въ государственное казначейство, въ видѣ налога, еще шестую часть, предназначенную для основанія обмѣннаго банка. Вотъ каковы были, по мнѣнію Прудона, вѣрныя средства оживить обращеніе продуктовъ труда, конкуренцію, промышленность и постепенно начать упраздненіе собственности.

Тьеру не понадобилось даже особенно сильной діалектики, чтобы доказать, насколько такіа мѣры насильственны и не примѣнны. Все Собраніе, а въ особенности республиканская партія и нѣкоторые социалисты, еще находившіеся въ ея составѣ и возмущавшіеся тѣмъ, что Прудонъ своими нелѣпыми формулами и пустыми проектами подрываетъ успѣхъ защищаемыхъ ими идей, протестовали противъ него.

Мотивированнымъ очереднымъ порядкомъ, который былъ воти-рованъ единогласно, Собраніе объявило, что предложеніе Прудона было *скандальнымъ нападеніемъ на принципы истинной морали, угрозой собственности, и что онъ оклеветалъ февральскую революцію, дѣлая ее общицей его собственныхъ доктринъ.*

Такимъ образомъ, окончился этотъ странный дебатъ, который въ глазахъ общественнаго мнѣнія былъ послѣдней и рѣшительной побѣдой, одержанной партіей порядка надъ революціей.

Тьеръ, столь осторожный и умѣренный до сихъ поръ, былъ ослѣпленъ своей легкой побѣдой. Привѣтствуемый, какъ спаситель

собственности, открыто признанный всеми фракціями партіи порядка своимъ главой, онъ пересталъ сдерживать ихъ надежды. Онъ выпустилъ возжи чужимъ страстямъ, которыхъ не раздѣлялъ, но которыя служили его честолюбивымъ цѣлямъ. Честолюбіе же его поставило себѣ задачу, ни много, ни мало, какъ сдѣлаться верховнымъ устройтеlemъ судебъ страны и завладѣть достаточно сильной моральной властью, чтобы, судя по обороту, какой примутъ событія, или поднять павшую династію, или сохранить для самого себя управление Республикой.

Съ этой цѣлью Тьеру казалось полезнымъ поддерживать страхи буржуазіи, возбуждать опасенія собственниковъ, дать имъ понять, что собственность не имѣетъ достаточной защиты въ правительствѣ, и что буржуазія должна искать себѣ опоры внѣ его. Тогда-то онъ задумалъ открыть подписку, сумма которой, вскорѣ превысившая 200,000 фр., должна была послужить на изданіе и распространіе дешевыхъ книгъ, имѣвшихъ цѣлью борьбу противъ предполагаемыхъ враговъ собственности, религіи, семьи, которыхъ называли общимъ и неопредѣленнымъ именемъ красныхъ республиканцевъ.

Собраніе улицы Пуатье ревностно помогало выполненію этого проекта Тьера, и вскорѣ появилось множество брошюръ и памфлетовъ, написанныхъ безъ убѣжденія, безъ таланта. Между ними не было ни одного выдающагося сочиненія, но, благодаря своему числу и рекламѣ, они произвели на умы общее и прочное впечатлѣніе ужаса, послѣдствія котораго были неисчислимы ¹⁾. Эта пропаганда отвлекла вниманіе страны отъ ея высшихъ интересовъ и погрузила ее въ мелочныя и неразумныя опасенія. Убѣряя населеніе въ томъ, что соціальному строю грозитъ непрестанная опасность, она отдалила его отъ идейной борьбы. Узкій

¹⁾ Оцѣнку этой пропаганды сдѣлалъ позднѣе одинъ весьма достойный священникъ, аббатъ Бернаръ (Докладная записка министру общей полиціи, Авиньонъ 30 окт. 1852 г.). «Когда люди, связанные между собой только страхомъ,—говоритъ онъ,—и глубоко раздѣленные върой и политическими убѣжденіями, соединяются для общей пропаганды, основанной на взаимныхъ уступкахъ, когда вѣрующій скрываетъ свой символъ, когда монархистъ прячетъ свою кокарду въ присутствіи сосѣда, трясущагося за свою шкатулку, но разыгрывающаго непримиримаго демократа во всемъ остальномъ, то фактически и принципиально изъ этого смѣшенія не можетъ выйти ничего положительнаго. Я считаю себя въ правѣ написать, что крестовый походъ, вышедшій изъ улицы Пуатье, долженъ былъ потерпѣть пораженіе, что волна продолжаетъ подниматься, и социалистическія идеи не отступили ни на волосъ, несмотря на трактаты Института и маленькія брошюры, проповѣдующія уваженіе собственности и семьи во имя интересовъ челоѣчества и на основаніи весьма бездоказательныхъ философскихъ выводовъ».

эгоизмъ, сдѣлавшійся единственной политикой вліятельнаго класса, незамѣтно сообщился народнымъ массамъ; великій порывъ, вызванный въ сердцахъ февральской революціей, упалъ. Восторженно-патріотическое настроеніе смѣнилось холоднымъ, эгоистичнымъ и разсчитаннымъ недоувѣріемъ всѣхъ ко всѣмъ. Среди этого общаго пониженія уровня чувствъ и мыслей подготовлялась и совершалась мало по малу гибель республики.

Пренія по поводу доклада слѣдственной комиссіи доставили ораторамъ династической партіи случай напасть на дѣятелей февральской революціи. Во время дебатовъ о проектѣ конституціи, они имѣли возможность нападать даже на ея принципы. Право на трудъ, признанное въ первомъ проектѣ, потомъ вычеркнутое подъ впечатлѣніемъ іюньскихъ дней и восстановленное въ видѣ поправки Матье изъ Дромскаго департамента и Глэ-Бизуэномъ, было окончательно устранено. *Право на трудъ*, слабо поддержанное Бильо, произнесшимъ лишь блестяще парадоксальную рѣчь, Арно (изъ Арьежа), ставшимъ на точку зрѣнія христіанскаго чувства, наконецъ, прежними членами временнаго правительства: Ламартиномъ, Ледрю-Ролленомъ, Кремье, которые, очевидно, защищали его болѣе потому, что ихъ обязывало къ тому положеніе, чѣмъ по искреннему убѣжденію; горячо оспариваемое Дюфоромъ, Гудшо, Дювержье-де-Горанномъ и Тьеромъ; скомпрометтированное необдуманномъ выраженіемъ Прудона ¹⁾,—право на трудъ было замѣнено въ конституціи *правомъ на вспомошествованіе*, которое являлось лишь нѣсколько подновленной формулой милостыни, чѣмъ-то въ родѣ легальнаго утвержденія пауперизма ²⁾.

Убѣжденная въ томъ, что она совершенно уничтожила послѣдніе слѣды соціальной революціи, династическая партія собрала всѣ свои силы для того, чтобы сдѣлать попытку сильнаго нападенія на политическую революцію, давая республикѣ самую близкую къ монархіи форму. Тьеръ, Дювержье-де-Горанъ, Одилонъ Барро поддерживали принципъ раздѣленія народнаго представительства на двѣ палаты. Чтобы подкрѣпить свое мнѣніе, они привели примѣръ Англіи и въ особенности Соединенныхъ Штатовъ; они весьма живо представили опасность увлеченій единственнаго собранія, какъ власти, не имѣющей противовѣса и потому неизбежно склонной къ деспотизму; но Собраніе не склонилось ни на одно

¹⁾ Прудонъ сказалъ въ комитетѣ труда: „Дайте мнѣ право на трудъ, и я вамъ оставлю право собственности“.

²⁾ Вотъ въ какой редакціи приняло его Собраніе: «Республика должна путемъ братской помощи обезпечить существованіе нуждающихся гражданъ или доставляя имъ работу въ предѣлахъ ея средствъ, или давая за отсутствіемъ семьи вспомошествованіе тѣмъ, которые не могутъ работать».

изъ этихъ разсужденій. Въ немъ господствовало въ то время во-
все не стремленіе уравнивать власти, и его отнюдь не безпо-
коила опасность, которой подвергалась свобода. Создать сильную
власть—вотъ что составляло гдъ его глазахъ весь секретъ управ-
ленія государствомъ. Маррастъ, во имя республиканскаго боль-
шинства, талантливо защищалъ принципъ единого представительства.
Отстранивъ примѣръ Америки и Англіи, какъ непримѣнимый къ
французскому обществу, ибо характеръ и нравы его требуютъ
такой политической организаціи, какая была бы ему свойст-
венна, Маррастъ указалъ на неудобства двойственности, которая
неизбѣжно вызвала бы борьбу между законодательными властями.
Онъ указалъ на необходимость оградить себя отъ неизбеж-
ныхъ узурпаторскихъ посягновеній исполнительной власти, про-
тивопоставляя ей нераздѣльную и концентрированную законода-
тельную власть. Онъ привелъ знаменитый историческій примѣръ:
«Когда имѣешь на своей сторонѣ собраніе Старшинъ,—сказалъ
Маррастъ, намекая на довольно еще недавнее событіе,—то собра-
ніе Пятисотъ можно разогнать черезъ окно».

Къ политическимъ аргументамъ Марраста въ пользу единого
Собранія, Дюпэнъ присоединилъ еще мотивы, опирающіеся на не-
обходимость противопоставить коммунизму и анархіи, угрожаю-
щимъ обществу, возможно большую концентрацію власти. Ламар-
тинъ говорилъ въ томъ же духѣ. Объявляя, что онъ въ теоріи
предпочитаетъ систему двухъ палатъ, и думая, что будущее при-
надлежитъ ей, Ламартинъ, въ виду современныхъ затрудненій,
призналъ выгоды концентрированной власти; и Собраніе, уже вы-
сказавшееся въ своихъ бюро до публичнаго обсужденія вопроса,
огромнымъ большинствомъ приняло «единство законодательной
власти и врученіе ея единому собранію».

Вопросъ о прямой и всеобщей подачѣ голосовъ не оспаривался
въ принципѣ. Всѣ партіи одинаково чувствовали, что нѣтъ ни-
какой другой основы для политической власти, кромѣ главенства
народа. Разъ было рѣшено единство представительства, было бы
нелогично раздѣлять избирательный корпусъ и, благодаря двумъ
ступенямъ избранія, класть двойственность въ основу того инсти-
тута, который желали сдѣлать орудіемъ демократическаго единства.
Но когда дѣло дошло до учрежденія исполнительной власти, вы-
сказалось три рѣзко различныхъ мнѣнія, возбуждившія горячія де-
баты.

Комиссія предлагала отвѣтственного президента, избраннаго
прямымъ и всеобщимъ голосованіемъ. Это было почти единодушное
мнѣніе бюро, а также большей части представителей, между про-
чимъ де-Кормевэна. Они полагали болѣе цѣлесообразнымъ, даже въ

интересахъ республиканскаго института, не порывать рѣзко съ традиціями страны и, за неимѣніемъ короля, желали такого президента, который, насколько возможно, приближался бы къ королю. Другіе же, напротивъ, воодушевляемые болѣе демократическимъ чувствомъ и не довѣряя личному правительству, хотѣли ясно установить подчиненность исполнительной власти: они требовали, чтобы президентъ былъ избранъ Собраніемъ. Наконецъ, небольшое число демократовъ, находившихся въ полной оппозиціи съ господствующимъ мнѣніемъ и увлеченныхъ въ эту минуту революціоннымъ духомъ за предѣлы всякой политической разумности, вовсе не хотѣли никакого президента и предлагали, чтобы Собраніе продолжало вѣрять, — какъ оно сдѣлало это въ данномъ случаѣ, — исполнительную власть совѣту министровъ, который, такъ же какъ и его президентъ, былъ бы всегда смѣняемъ.

Одинъ изъ представителей Горы, Феликсъ Піа, первый говоритъ въ защиту этого мнѣнія. Онъ энергично описалъ Собранію, какая опасность угрожаетъ свободѣ при учрежденіи въ странѣ власти, одинаковой по своему происхожденію съ властью Собранія, и установленіи, такимъ образомъ, борьбы, которая неминуемо должна окончиться въ пользу личной власти.

Де-Токвиль, отъ имени комиссіи, взявъ на себя задачу опровергнуть доводы Піа и доказать, что президентъ, власть котораго будетъ достаточно ограничена конституціей, не будетъ имѣть никакихъ средствъ узурпаціи. Но особенный успѣхъ доставили Токвилю не эти довольно слабыя разсужденія, а то, что онъ вдругъ выказалъ необычайно восторженное отношеніе къ всеобщей подачѣ голосовъ. По странной непоследовательности, Токвиль, который въ преніяхъ о правѣ труда первый сказалъ въ Собраніи, что *не надо, чтобы революція была соціальной* ¹⁾, теперь заклиналъ Собраніе не сомнѣваться въ народѣ и предоставить ему съ полнымъ довѣріемъ избраніе перваго должностнаго лица Республики.

Собраніе аплодировало этимъ чувствамъ, выраженнымъ горячими словами. Когда болѣе предусмотрительные ораторы стали требовать отъ Собранія удержатъ за собой назначеніе президента, изъ опасенія, чтобы избранныкъ всеобщаго голосованія *не оказался даже болѣе, чѣмъ королемъ*, то оно нашло подобное недоувѣріе несправедливымъ и недостойнымъ себя.

Представленная Гриви поправка, формулирующая это недоувѣріе въ видѣ предложенія, чтобы Собраніе назначало президента совѣта, *избраннаго на неограниченное время и всегда третьимъ*, глупо бо назумила Собраніе. Гриви пользовался между коллегами не-

¹⁾ См. въ «Moniteur'ѣ», рѣчь Токвиля на засѣданіи 13 сентября.

оспоримой репутаціей прямоты ума и умѣренности. Видя, что онъ присоединялся путемъ предлагаемаго имъ измѣненія къ желаніямъ самой крайней партіи, большинство не могло придти въ себя отъ удивленія. Тѣмъ не менѣе оно внимательно выслушало его.

А между тѣмъ мнѣніе Гриви, показавшееся столь эксцентричнымъ, не содержало въ себѣ ничего, кромѣ убѣдительной просьбы Собранію *сохранить ту форму правленія, которую оно испробовало и съ которой оно перешигнуло черезъ самыя большія затрудненія*. Мнѣніе это опиралось на очень сильныя разсужденія и на разительный примѣръ изъ французской исторіи. Желая доказать, что такая исполнительная власть, какую желаютъ учредить, не есть власть республиканская, и что президентъ республики, назначенный всеобщимъ голосованіемъ, будетъ сильнѣе Собранія, *грозитъ всякаго короля*, Гриви доказалъ, что въ прошломъ всѣ республики кончали деспотизмомъ. Затѣмъ, видя, что Собраніе не трогается этими соображеніями слишкомъ общаго свойства, онъ представилъ свою мысль болѣе точнымъ и, такъ сказать, частнымъ образомъ, указывая, насколько возможно, прямыми намеками, въ какую сторону направляются его опасенія. Онъ напомнилъ о выборахъ X года, давшихъ Наполеону силу возстановить тронъ и уѣсться на него: «Увѣрены-ли вы,—воскликнулъ Гриви въ великолѣпномъ порывѣ краснорѣчія, какъ бы оскѣненный печальнымъ предчувствіемъ,—увѣрены ли вы, что въ этомъ рядѣ лицъ, которыя будутъ слѣдовать другъ за другомъ черезъ каждые четыре года на президентскомъ тронѣ, будутъ одни только чистые республиканцы, которые охотно сойдутъ съ него? Увѣрены-ли вы въ томъ, что не найдется между ними честолюба, которому захочется остаться на немъ навсегда? А если этотъ честолюбецъ происходитъ отъ одной изъ тѣхъ семей, которыя царствовали во Франціи, если онъ никогда вполнѣ опредѣленно не отказывался отъ того, что онъ называетъ своими правами, если въ торговлѣ произойдетъ застой, если народъ будетъ страдать, если онъ очутится въ одномъ изъ такихъ критическихъ моментовъ, когда нищета и отчаяніе предають его тѣмъ, кто скрываетъ за обѣщаніями свои замыслы противъ его свободы,—можете ли вы отвѣчать за то, что этотъ честолюбецъ не сумѣетъ низвергнуть республику?»

Но Собраніе было тогда такъ далеко отъ мысли о деспотизмѣ, оно въ своей честности почерпало столь сильное желаніе **выказать** полное свое безкорыстіе, что предупрежденія Гриви не произвели на него никакого впечатлѣнія. Къ тому же Ламартинъ уничтожилъ послѣднія колебанія, послѣднія сомнѣнія, которыя оставались еще въ умахъ.

Потому ли, какъ его упрекали, вполнѣдствіи, что онъ дѣйство-

валъ подъ вліяніемъ личныхъ соображеній и полной враждебности къ Собранію, которое предпочло ему Кавеньяка; или скорѣе потому, что онъ только что видѣлъ вблизи опасность слабой власти, но Ламартинъ, болѣе чѣмъ кто-либо другой, поддався мысли о необходимости облечь исполнительную власть возможно большей силой и, рѣшительно отрицая опасность узурпаціи, съ достойнымъ сожалѣніемъ краснорѣчіемъ, сталъ защищать тотъ политическій фатализмъ, который упадокъ духа внушалъ въ эту минуту его великому сердцу. Онъ говорилъ о республикѣ, какъ о *чуждой мечтѣ*, представившейся *Франціи и человечеству*; честь этой мечты онъ приписалъ народу; но предвидя, что этотъ народъ *покинетъ самого себя, не воспользуется плодомъ своей собственной пролитой крови, броситъ выигранное дѣло свободы и прогресса человеческого духа, чтобы побѣжать за метеоромъ*, Ламартинъ воскликнулъ, заканчивая свою рѣчь, увлекшую все еще колебавшихся людей: «Да! если бы даже народъ избралъ того, чей выборъ, по своей недостаточной прозорливости, я склоненъ былъ бы считать опаснымъ, то что изъ этого? *Alea jacta est*. Пусть рѣшаютъ Богъ и народы!»

Собраніе отвѣтило на этотъ крикъ Ламартина, вотируя большинствомъ 627 голосовъ противъ 130, что президентъ Республики будетъ избранъ всеобщимъ прямымъ голосованіемъ на четыре года. Однако, изъ предосторожности противъ узурпаціонныхъ попытокъ власти, оно постановило, что президентъ можетъ быть избираемъ вторично только по истеченіи новыхъ четырехъ лѣтъ, и оставило за собой на случай, если ни одинъ кандидатъ не соберетъ болѣе 2-хъ миллионовъ голосовъ, право выбирать между тѣми, которые получаютъ большинство.

Alea jacta est. Жребій былъ брошенъ! Съ того дня, какъ Собраніе поступило своимъ правомъ назначать президента Республики, вниманіе страны отвернулось отъ него и отъ его дебатовъ. Ему предоставили, не удѣляя ему почти никакого интереса, составить самую демократическую и самую либеральную конституцію, какая только когда-либо была составлена ¹⁾. Эта конституція подтвердила великодушныя намѣренія временнаго правительства: уничтоженіе рабства и отмѣну смертной казни за политическія преступленія; освѣтила право ассоціаціи и свободу обученія. Но для Франціи существовалъ, по видимому, лишь одинъ интересъ; одинъ

¹⁾ Конституція была вотирована 24-го ноября большинствомъ 734 голосовъ противъ 30. Между этими 30 оппонентами, объявившими конституцію нелегальной, потому что она была составлена во время осаднаго положенія, подъ режимомъ произвола, при безмолвіи общественнаго мнѣнія, называютъ Виктора Гюго, Прудона, Берріе, де-Монталамбера, ла-Рош-жаклена и Пьера Леру.

вопросъ тѣснился на всѣхъ устахъ: кто будетъ президентомъ Республики?

До тѣхъ поръ, пока можно было вѣрить, что Собраніе удержитъ за собой право назначать президента, партія порядка не отказывалась отъ претензіи выставить своего кандидата. Сначала старались войти въ соглашеніе съ нѣкоторыми республиканцами по поводу кандидатуры принца Жуанвильскаго, надѣясь убѣдить ихъ-видѣть въ этой кандидатурѣ принца крови торжество республиканскаго права; но подозрительность легитимистовъ, составлявшихъ значительную группу въ партіи порядка, заставила отказаться отъ этого проекта. Тогда Тьеръ рѣшилъ для самого себя попытать счастье въ избирательной борьбѣ. Со времени его ораторскаго успѣха въ преніяхъ съ Прудономъ и предпріятія дешевыхъ изданій, инициатива которыхъ принадлежала ему, онъ полагалъ, что имѣетъ серьезные шансы на успѣхъ. Въ глазахъ многихъ онъ дѣйствительно считался спасителемъ собственности, и громадная толпа трусливыхъ людей, позабывъ уже объ іюньской побѣдѣ, приписывала ему заслугу возвращенія безопасности. Талантъ и умѣнье имъ пользоваться давали ему въ Собраніи столь прочное положеніе, что съ помощью ловкой утилизациі связей, онъ могъ разсчитывать на удовлетвореніе высшихъ стремленій своего честолюбія. Сближеніе съ Маррастомъ, который, вслѣдствіе дѣятельнаго участія въ составленіи и вотированіи конституціи, также пріобрѣлъ большое вліяніе въ Собраніи, гдѣ онъ былъ избранъ президентомъ въ третій разъ, показалось Тьеру самымъ вѣрнымъ средствомъ достигнуть цѣли. При посредствѣ нѣкоторыхъ общихъ друзей, онъ постарался завязать опять выборныя связи 1846 и 47 г., предлагая Маррасту, въ случаѣ если онъ энергично поможетъ ему сдѣлаться президентомъ, мѣсто вице президента Республики. Въ то же время онъ вошелъ въ болѣе тѣсныя сношенія съ клерикальной и легитимистской партіей и, не высказываясь лично противъ генерала Кавеньяка, напалъ на него черезъ посредство Constitutionnel'я, котораго онъ былъ редакторомъ. Однако притязанія Тьера еще не были настолько признаны всѣми въ партіи порядка, чтобы не могло представиться другихъ кандидатовъ. Нѣкоторые, считая полезнымъ противопоставить кандидатурѣ генерала Кавеньяка кандидатуру другого военнаго лица, выставили имя маршала Бюжо. Нѣкоторые предпочитали генерала Шангарнье, который, какъ главнокомандующій національной гвардіи, пользовался нѣкоторымъ вліяніемъ въ Парижѣ. Генералъ легко поддавался иллюзіямъ своихъ друзей. Очень обиженный, по возвращеніи изъ Африки, тѣмъ, что всѣ почести, вся власть были въ рукахъ его прежнихъ соперниковъ, и что онъ самъ въ глазахъ публики, по сравненію съ побѣдителями іюльскаго

возстанія, былъ только героемъ 16-го апрѣля, онъ всѣми силами своего ума старался унижить ихъ въ общественномъ мнѣніи, съ удовольствіемъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ они съ каждымъ днемъ теряли свой престижъ, и готовился воспользоваться ихъ неудачами. Но разъ захвативъ въ свои руки власть, что онъ сдѣлаетъ? Возвратитъ Генриха V, какъ увѣряли легитимисты? Останется конституционнымъ президентомъ, или будетъ стремиться къ диктатурѣ? Его манера держать себя давала поводъ предполагать все; его молчаніе не отрицало ни одного предположенія.

Но всѣ эти различныя надежды партіи порядка рухнули въ тотъ день, когда Собраніе рѣшило избраніе президента народомъ. Всеобщая подача голосовъ была торжествомъ чистой демократіи; съ того времени всѣ кандидаты династическихъ партій оставались за флагомъ. Только четыре имени могли быть произнесены: Ламартинъ, Ледрю-Ролленъ, Кавеньякъ и Бонапартъ. Друзья Ламартина надѣялись, что благопріятное сочетаніе умѣренныхъ дѣятелей революціи и осторожныхъ политиковъ реакціи остановится на немъ и еще разъ захочетъ довѣрить ему дѣло утвержденія на консервативныхъ принципахъ республики среднихъ классовъ. Они не замѣчали, что это сочетаніе, со времени іюньскаго возстанія, произошло въ пользу генерала Кавеньяка, олицетворявшаго собой съ тѣхъ поръ республиканское государство въ такой формѣ, въ какой его представляла себѣ буржуазія. Забывая о героизмѣ и самопожертвованіи великаго гражданина, который въ теченіе цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ каждый день рисковалъ своей жизнью, защищая отъ революціонной волны буржуазію, эта послѣдняя, почувствовавъ другую опору, въ слѣпой неблагодарности отвернулась отъ Ламартина и отвергала оскорбленіемъ и клеветой его кандидатуру, которую полгода назадъ она и не подумала бы оспаривать.

Что касается кандидатуры Ледрю-Роллена, то здѣсь чувства буржуазіи высказывались слишкомъ ясно, чтобы могло существовать относительно его какое-либо сомнѣніе. За то дѣятельная пропаганда сдѣлала популярнымъ его имя въ деревняхъ, и вожаки революціонной партіи льстили себя надеждой, что, посредствомъ давно подготовляемаго союза съ социалистами, можно будетъ получить достаточно высокую цифру голосовъ, если не для того, чтобы перетянуть на эту сторону шансы избранія, то, по крайней мѣрѣ, чтобы констатировать существованіе сильной оппозиціи контрреволюціоннымъ тенденціямъ буржуазіи. Чтобы упрочить этотъ союзъ радикализма съ социализмомъ, а главное, чтобы выставить его на показъ, прибѣгли къ повторенію знаменитыхъ банкетовъ 1847 г. Много шума надѣлано было тостами, знаменами и эмблемами. Ледрю-Ролленъ, который обязался по отношенію къ социали-

стамъ, если онъ будетъ избранъ, упразднить президенство и провозгласить право на трудъ, на банкетъ въ Шалэ (25-го сентября) съѣхъ рядомъ съ пустымъ мѣстомъ Барбэса и провозгласилъ тостъ противъ *презрѣннаго капитала*. Но эти пустыя и рискованныя демонстраціи, пробуждая въ странѣ безпокойство, которое начинало было уже утихать, и привлекая снова общественное вниманіе на чрезвычайныя требованія революціонной партіи, не привели даже къ тому единенію, къ которому стремились ихъ организаторы. Соціалисты, поколебавшись немного, вернулись къ кандидатурѣ Распайля; многіе, по совѣту Прудона, рѣшили воздержаться отъ голосованія.

Тогда всякая иллюзія исчезла, и съ очевидностью, которую принуждены были признать самые упрямые умы, оказалось, что осталось только двѣ кандидатуры: генерала Кавеньяка и принца Людовика-Наполеона Бонапарта.

Первый изъ двухъ кандидатовъ имѣлъ за собой большія силы. Его всѣмъ извѣстный характеръ, его политическая честность, его безукоризненная нравственность, его храбрость, громадная услуга, которую онъ оказалъ порядку, упрочивали за нимъ голоса буржуазіи, духовенства, легитимистскаго дворянства провинціи, всѣхъ умныхъ и честныхъ людей, не ослѣпленныхъ партійнымъ духомъ. Онъ имѣлъ за собой администрацію, офицеровъ арміи и флота. Второй приносилъ съ собой только имя; но и теперь уже можно было видѣть, какой громадный вѣсъ будетъ имѣть для страны это имя, разъ даже во враждебномъ Собраніи оно производило такое давленіе, отъ котораго Собраніе тщетно старалось уклониться.

Избранный 17-го сентября пятью департаментами, одновременно съ Фульдомъ и Распайлемъ, принцъ Людовикъ-Наполеонъ, думая, что положеніе его достаточно упрочено этимъ пятикратнымъ избраніемъ, на этотъ разъ объявилъ, что считаетъ своимъ долгомъ не противиться желанію избирателей. Его вступленіе въ Собраніе было встрѣчено съ большимъ любопытствомъ. По правдѣ говоря, первыя слова, прочитанныя имъ съ иностраннымъ акцентомъ на трибунѣ, его аффектированная манера держать себя, произвели весьма неблагоприятное впечатлѣніе и, кромѣ того, давали невыгодное понятіе о его способностяхъ. Его молчаніе, его воздержаніе отъ голосованія по всѣмъ значительнымъ вопросамъ вскорѣ сдѣлались всеобщимъ предметомъ насмѣшекъ. А между тѣмъ, что-то тревожащее было въ каждомъ его движеніи. Волненіе, производимое его присутствіемъ въ Парижѣ и въ арміи, казалось дурнымъ предзнаменованіемъ. Вотируя въ силу извѣстной раціональной необходимости упраздненіе статьи 6-й закона 10-го апрѣля 1832 г. относительно изгнанія семейства Бонапартовъ, Собраніе выказывало серьезныя опасенія, плохо скрывавшіяся подъ показнымъ презрѣ-

ніемъ. Въ дебатахъ, касавшихся исполнительной власти, эти опасенія послужили темой для рѣчей ораторовъ, которые высказались противъ президентства. Въ первый разъ еще говорили о *президентѣ*, объ *узурпаціи* и о *диктатурѣ*. Нѣкоторые республиканцы, къ сожалѣнію весьма не популярныя, пытались вызвать исключительныя мѣры предосторожности противъ Бонапартовъ. Антонъ Тура, напримѣръ, предпочелъ, чтобы объявили не правоспособными къ избранію всѣхъ членовъ семействъ, которыя когда-либо царствовали во Франціи. Затѣмъ Молэ, который открыто сочувствовалъ кандидатурѣ Кавеньяка ¹⁾, съ той же недовѣрчивостью требовалъ отложить избраніе до голосованія органическихъ законовъ; но Собраніе не чувствовало въ себѣ достаточной энергіи для такой борьбы. Впрочемъ, генераль Кавеньякъ не только не содѣйствовалъ ему, но отвергалъ всѣ авансы, которые ему дѣлались. Казалось, онъ хотѣлъ своимъ полнымъ бездѣйствіемъ предоставить свободное поле дѣятельности сопернику.

Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ приговоры военныхъ судовъ и отправка колонистовъ въ Алжирію ²⁾ были почти единственными проявленіями его управленія. Тщетно друзья Кавеньяка, озабоченные тѣмъ, что вниманіе, интересъ страны незамѣтно отходятъ отъ него и

¹⁾ „Генераль Кавеньякъ спасъ націю, которая никогда не можетъ забыть этого“,—говорилъ Молэ на трибунѣ, 26-го октября.

²⁾ Вотъ точный подсчетъ арестовъ и приговоровъ по іюньскому возстанію: 11,057 лицъ арестовано во время и послѣ возстанія. Спеціальное слѣдствіе, порученное военнымъ комиссіямъ, дѣлитъ обвиняемыхъ на двѣ категоріи: 1) зачинщики и подстрекатели возстанія, которые отсылаются къ военнымъ судамъ; 2) тѣ, которые просто взялись за оружіе. Послѣ этого разслѣдованія 6,600 арестованныхъ тотчасъ выпущены на свободу; 4,348, назначенные къ ссылкѣ на поселеніе, отправляются въ порты. По многочисленнымъ жалобамъ и протестамъ составляются новыя комиссіи гражданскихъ судей, которыя дѣлаютъ полный пересмотръ первыхъ распоряженій и представляютъ 991 осужденнаго къ помилованію правительства. Ни одинъ не былъ сосланъ на поселеніе («Moniteur» 26-окт. 1848 г.).

Хотя въ общемъ духъ военныхъ судовъ былъ гораздо гуманнѣе, нежели въ другихъ случаяхъ, тѣмъ не менѣе съ точки зрѣнія идеи справедливости, какъ ее понимаютъ современныя общества, нельзя не возмущаться тѣмъ, что побѣдители судятъ побѣжденныхъ безконтрольно и безапелляціонно. Были очень странные случаи. Офицеровъ, раненыхъ во время сраженія, назначали докладчиками военныхъ трибуналовъ. Командиръ эскадрона Константанъ былъ арестованъ въ Тюильрійскомъ дворцѣ въ то время, какъ онъ исполнялъ должность докладчика и былъ уличенъ въ участіи въ возстаніи. Одинъ изъ инсургентовъ, котораго онъ допрашивалъ, выразилъ свое удивленіе, что видитъ его здѣсь, и сказалъ ему: „Развѣ вы не помните, что вы должны были сдѣлаться нашимъ военнымъ министромъ?“

Рѣшено было послать 20,000 свободныхъ рабочихъ въ Алжирію, и первый транспортъ отправился 3 сентября.

обращаются къ другимъ, уговариваютъ его принять какую-нибудь энергичную мѣру, чтобы оживить свою партію и дать почувствовать свою силу противникамъ. Одни, пораженные успѣхами реакціи, совѣтуютъ ему дать амністію и вмѣшаться въ дѣла Италіи, гдѣ піемонтцы, ломбардцы и венеціанцы взываютъ о помощи къ Франціи. Другіе, напротивъ, убѣжденные въ томъ, что онъ можетъ держаться у власти только при поддержкѣ партіи порядка, побуждаютъ его избрать министерство изъ правой Собранія.

Но глава исполнительной власти не умѣетъ во время рѣшиться ни на ту, ни на другую изъ этихъ двухъ политическихъ тактикъ. Исполненный сомнѣній и не зная, что предпринять, онъ колеблется, не вѣритъ въ самого себя, не довѣряетъ никому и не знаетъ, чего хочетъ общественное мнѣніе. Авансы, которые ему дѣлаютъ выдающіеся люди династическихъ партій, кажутся ему подозрительными, и онъ презрительно отталкиваетъ ихъ; амністія, которой требуютъ отъ него республиканцы, кажется ему опасной, и онъ отказывается въ ней. Значительная партія въ Собраніи желаетъ отложить избраніе президента до тѣхъ поръ, когда будутъ вотиrowаны органическіе законы; но онъ настаиваетъ на томъ, чтобы избраніе совершилось немедленно, словно ему хотѣлось поскорѣе сбросить съ себя тяжелое бремя. Что касается вмѣшательства въ дѣла Италіи, то онъ объявляетъ на военномъ совѣтѣ Ламорисеру, считающему этотъ вопросъ вопросомъ національной чести, что не чувствуетъ себя въ правѣ наканунѣ избранія президента, и въ моментъ, когда власть его уже недолговременна, вовлекать страну въ такое предпріятіе, которое, по его мнѣнію, было бы неизбежнымъ сигналомъ европейской войны. Его щепетильность въ этомъ отношеніи заходитъ такъ далеко, что онъ отказывается генералу Бедо въ разрѣшеніи исполнить желаніе пьемонтской арміи и вмѣстѣ съ Карломъ-Альбертомъ руководить операціями будущей кампаніи.

Чтобы сдѣлать вѣрную оцѣнку этой политики невмѣшательства, послѣдствія которой были знаменательны, и которая окончательно погубила революцію въ Европѣ, необходимо вернуться нѣсколько назадъ.

Читатель помнитъ, что 29 марта, нѣсколько дней послѣ освобожденія Милана, пьемонтская армія перешла р. Тичино подъ командой Карла-Альберта и его сыновей, которые смѣло подняли знамя итальянской независимости.

Энтузіазмъ патріотизма и опьяненіе успѣхомъ достигли своего апогея. Когда всѣ увидѣли, съ какой поспѣшностью Радецкій оставляетъ долины Ломбардіи, чтобы уйти за Минчіо и Эчъ въ укрѣпленные города, Мантую, Пескьеру, Леньяго, Верону, никто не сомнѣвался въ его предстоящемъ окончательномъ пораженіи.

Освобожденіе Италіи казалось настолько вѣрнымъ, что борьба политическихъ партій, до сихъ поръ соединенныхъ однимъ и тѣмъ же чувствомъ возмущенія противъ иновемнаго ига, и зависть государствъ между собой, утихшая подъ вліяніемъ общаго отвращенія къ чужестранной власти, снова вспыхнули и стали оспаривать другъ у друга плоды побѣды, которая еще не была одержана.

Временное правительство въ Миланѣ призвало Карла-Альберта, оставляя за будущимъ учредительнымъ собраніемъ право рѣшить судьбу Ломбардіи. Но Карль-Альбертъ, чрезмерно опасаясь революціоннаго движенія въ Италіи и вмѣшательства французской республики, по видимому самъ хотѣлъ завладѣть провинціей, которой считалъ себя освободителемъ. Демократы, съ своей стороны, не довѣряя ломбардской аристократіи и пьмонтскому дворянству, не желая, однако, активнаго содѣйствія Франціи, изобличали передъ страной эгоистическіе замыслы Карла-Альберта. Они говорили, что этотъ нелояльный принцъ вошелъ въ тайныя сношенія съ непріятелемъ, дѣлая видъ, что ведетъ съ нимъ войну и стараясь этимъ путемъ усилить при всякой грядущей комбинаціи свою династію—единственное честолюбивое стремленіе, къ которому онъ способенъ. Эти раздоры, это взаимное недовѣріе парализовало съ самаго начала кампаніи тотъ великій порывъ, который былъ созданъ въ общественномъ мнѣніи миланскимъ возстаніемъ. Карль-Альбертъ не былъ способенъ оживить этотъ порывъ ни какъ полководецъ, ни какъ государственный дѣятель. Весьма неувѣренный относительно дѣли, которую онъ долженъ преслѣдовать, обойденный англійской дипломатіей, которая хотѣла воспользоваться имъ, чтобы ослабить австрійскій домъ, не допуская, однако, чтобы ему нанесены были слишкомъ чувствительные удары, Карль-Альбертъ, во главѣ 90-тысячной арміи, которую поддерживаютъ его суда и неаполитанская эскадра въ Адриатическомъ морѣ, вспомогательныя войска, идущія изъ Неаполя и Рима, и милиціи волонтеровъ, притекающія къ нему со всѣхъ сторонъ, не умѣетъ воспользоваться двумя блестящими побѣдами, одержанными имъ одна за другой въ Пастренго и въ Санта-Лючіи. Вмѣсто того, чтобы подать помощь Венеціи, послать Дурандо противъ Нугента и помѣшавъ такимъ образомъ его соединенію съ Радецкимъ, наконецъ, изолировать послѣдняго со стороны Тироля, Карль-Альбертъ призываетъ къ себѣ римскую армію и концентрируетъ свои войска на Минчіо передъ Пескьерой, гдѣ до 15 мая ожидаютъ артиллерію, необходимую для начала осады.

Въ тоже время онъ настаиваетъ на томъ, чтобы французское правительство удалило съ границы войска, которыя Ломартинъ, на случай вмѣшательства, вызвалъ изъ Алжиріи, и отдаетъ приказъ

своимъ судамъ у Триеста не стрѣлять въ австрійскія суда. Эти распоряженія расхолаживаютъ войска и восторженно настроенное населеніе, между тѣмъ какъ австрійцы, очнувшись отъ своего перваго смущенія, ободряются и вскорѣ получаютъ подкрѣпленія, съ которыми они будутъ въ состояніи снова перейти въ наступленіе.

Другимъ не менѣе печальнымъ слѣдствіемъ медлительности осады Пескіеры было то, что это дало государямъ, противъ воли вовлеченнымъ народнымъ движеніемъ въ войну за освобожденіе, время оглядѣться и сообща обсудить средства противодѣйствовать революціи.

Король неаполитанскій опомнился прежде всѣхъ. Завидуя болѣе, чѣмъ кто-либо, высокому положенію, на которое война ставитъ пьемонтскаго короля, онъ начинаетъ то подъ однимъ, то подъ другимъ предлогомъ замедлять движеніе своихъ вспомогательныхъ войскъ, которыя обѣщаль и команду которыхъ ввѣрилъ генералу Пепе. Затѣмъ онъ старается помѣшать дѣйствію палатъ, которыя были вынуждены созвать, формулой присяги, отнимающей у нихъ право измѣнить конституцію и сдѣлать ее болѣе либеральной. Отказъ депутатовъ дать эту присягу и угроза распустить палаты вызвали возстаніе въ Неаполѣ. Король приказываетъ бомбардировать городъ, который принужденъ сдаться и предоставленъ на произволъ солдатской грубости и всѣмъ неистовствамъ изступленной черни. Нѣсколько дней спустя та же участь постигаетъ Мессину. Тогда торжествующее правительство распускаетъ палаты и національную гвардію, вводитъ въ обѣихъ своихъ столицахъ военное положеніе, посылаетъ адмиралу Кюза приказъ уйти изъ Адриатическаго моря, а генералу Пепе запрещеніе переходить границу.

«Время не терпитъ,—писалъ въ эту минуту генералу Пепе освободитель Венеціи, героическій Манинъ, который, подготавливая населеніе къ сопротивленію до послѣдней крайности, черезъ своихъ агентовъ въ Англіи, Франціи, Пьемонтѣ, умоляетъ всю либеральную Европу не дать погибнуть въ Италіи священному дѣлу независимости.—Время не терпитъ: Квириналъ, лагери Вероны и Венеція—вотъ три центра, вокругъ которыхъ разыгрывается судьба Италіи!»

Посланный отъ Карла-Альберта также уговариваетъ генерала Пепе поспѣшить. Оставляя Парижъ, генералъ получилъ отъ Ламартина увѣренность въ томъ, что *Франція не ограничится пожеланіями, а возьмется за оружіе на защиту независимости Италіи*. Онъ былъ увѣренъ въ сочувствіи Англіи и считалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы послушаться измѣнившему своему слову государю и увлечь за собой армію. Но послушаніе его уже предвидѣлось, и команда войсками была у него отнята. Кромѣ одного баталіона, оставшагося вѣрнымъ ему, вся армія, не колеблясь,

отступила назадъ. Пепе, въ отчаяніи, чуть не одинъ переступилъ границу и бросился въ Венецію, чтобы, по крайней мѣрѣ, раздѣлить съ ней опасность, если не могъ сдѣлать для нея ничего другого.

Въ то время, какъ неаполитанскій король такъ подло измѣнялъ своимъ обѣщаніямъ и отнималъ у итальянской лиги войска и субсидію, которыя обязался доставить ей, австрійская дипломатія и партія кардиналовъ успѣли лишить ее поддержки папы.

Когда въ Вѣнѣ узнали, что Пій IX посылаетъ чрезвычайнымъ посломъ въ лагерь Карла-Альберта прелата, стояшаго за освобожденіе, правительство сильно встревожилось. Санкція папы сообщала лигѣ священный характеръ; его благословеніе превращало войну въ крестовый походъ. Союзъ Пія IX съ Карломъ-Альбертомъ, соединеніе величайшей моральной власти съ наилучше организованной матеріальной силой—это былъ смертельный ударъ иноземному господству, которое поддерживалось до той поры только несогласіями монарховъ, соперничествомъ государствъ и раздѣленіемъ силъ Италіи.

Поэтому Вѣнскій кабинетъ употребилъ всѣ усилія, чтобы разорвать эту связь. Зная робкій характеръ и глубокую искреннюю вѣру Пія IX, австрійское правительство въ этомъ случаѣ скрыло дѣйствіе своей дипломатіи подъ жалобами духовныхъ властей. Папскіе нунции въ Вѣнѣ и Мюнхенѣ, нѣмецкіе кардиналы и епископы были выдвинуты впередъ. Ихъ побудили выразить папскому престолу свои горестныя жалобы. Папа объявляетъ войну католической Австріи! Римъ вынимаетъ мечъ противъ вѣрныхъ сыновъ своихъ! Какой соблазнъ всему христіанскому міру! Вѣдь это вызоветъ расколъ! Чтобы окончательно поразить робкую совѣсть Пія IX, прибѣгли къ чудесамъ. Его душу стали смущать сверхъестественными явленіями и наполнили ужасомъ.

Въ то время, какъ населеніе Рима съ удвоеннымъ энтузіазмомъ превозносило его въ надеждѣ, что онъ лично отправится къ Карлу-Альберту и благословитъ итальянскій крестовый походъ, Пій IX, обойденный австрійскимъ и русскимъ посланниками, произнесъ 29 апрѣля обращеніе къ кардиналамъ, въ которомъ отрекался отъ всего, что было либеральнаго въ его актахъ, и объявлялъ, что если онъ и допуститъ собрать нѣкоторыя войска, то, разумѣется, не за тѣмъ, чтобы помогать врагамъ Австріи, а для защиты своихъ собственныхъ владѣній отъ революціонныхъ агитацій.

Извѣстіе объ этомъ предательствѣ приводитъ римскій народъ въ волненіе, и подъ предводительствомъ одного транстеверинца, Анджело Брунетти, извѣстнаго подъ прозвищемъ *Cicervacchio*, онъ производитъ возстаніе, второй разъ заставляя безхарактернаго папу

отмѣнить новую энциклику, составить свѣтскій Кабинетъ подъ президентствомъ графа Маміани и созвать палаты.

Однако вскорѣ Маміани подъ вліяніемъ безчисленныхъ затрудненій, которыя дѣлають ему кардиналы, и не надѣясь привести папу къ болѣе искренней политикѣ, ослабленный, кромѣ того, въ общественномъ мнѣніи остановкой революціоннаго движенія и бездѣйствіемъ пьемонтской арміи въ Ломбардіи, теряетъ терпѣніе и выходитъ въ отставку. Тогда Пій IX, послѣ нѣсколькихъ попытокъ съ незначительными министерствами, призываетъ къ управленію дѣлами прежняго карбонарія, измѣнившаго своимъ убѣжденіемъ и приставшаго къ школѣ доктринеровъ, бывшаго посланника Людовика-Филиппа при римскомъ дворѣ, графа Пеллегрини Росси, политика котораго состоитъ въ эту минуту въ стремленіи соединить итальянскія государства въ одну лигу подъ президентствомъ папы и начать внутреннія реформы, отсрочивая на неопредѣленное время войну противъ Австріи.

Австрійское правительство обрадовалось отставкѣ министерства Маміани, какъ неожиданному благополучію. Когда оно получило это извѣстіе, оно едва лишь начинало оправляться отъ страха революціи, вспыхнувшей разомъ во всѣхъ частяхъ имперіи.

Никогда еще австрійская династія не была такъ близка къ гибели. Никогда возможность расчлененія ея владѣній не казалась столь великой.

Въ то время, какъ въ Ломбардіи вспыхнуло вооруженное возстаніе, и страна силою разорвала свои цѣпи, Венгрія, одной только мощью историческаго права, отстаиваемаго съ твердостью и постоянствомъ, добилась независимой конституціи и такихъ свободъ, которыя въ непродолжительномъ времени должны были привести ее къ полному преобразованію. Въ Чехіи, четыре милліона чеховъ, сначала подъ вліяніемъ чисто литературнаго движенія ¹⁾, незамѣтно перешедшаго въ политическое, поднимаются противъ власти нѣмцевъ, мечтають составить вмѣстѣ съ сербами и кроатами славянское царство, столицей котораго была бы Прага. Они созываютъ, въ оппозицію къ нѣмецкому франкфуртскому собранію, такое собраніе, которое должно соединить въ себѣ представителей всѣхъ земель славянскаго племени.

Приблизительно въ то же время франкфуртское собраніе, открывшееся 18 мая подъ президентствомъ Гагерна, главы консти-

¹⁾ Рукопись осіановской поэмы на чешскомъ языкѣ, найденная въ 1826 г. писателемъ Ханкой, послужила исходной точкой этого движенія, сначала поддерживаемаго австрійскимъ правительствомъ и тайно покровительствуемаго Россіей, согласно системѣ политическаго господства, которому дано было названіе *панславизма*.

туционной партіи въ южной Германіи, объявляетъ, что признаетъ за собою право и миссію установить единство германскаго государства.

Находясь подъ страхомъ угрозъ со всѣхъ сторонъ, австрійскій дворъ надѣется только на армію Радецкаго, которая, несмотря на свои неудачи, еще держится противъ врага. Чтобы быть поближе къ помощи, въ которой онъ можетъ нуждаться, дворъ оставляетъ Вѣну, гдѣ революціонное настроеніе растетъ съ каждымъ днемъ, и переселяется въ Инсбрукъ, въ Тироль.

Мы видѣли, что медлительность осады крѣпости Пескьеры, которая была взята 30 мая, дали Радецкому время поднять духъ своего войска, получить подкрѣпленія и составить новый планъ кампаніи. Генераль Нугентъ собралъ 13,000 человекъ на р. Изонцо, взялъ Удину и одержалъ побѣду надъ римскими войсками при Корвудѣ. Путемъ ложной атаки, онъ увлекаетъ въ Тревизу главный корпусъ этихъ войскъ подъ командой Дурандо, оставляющаго такимъ образомъ свою позицію на Брентѣ и открывающаго дорогу въ Ломбардію. Благодаря этому ловкому маневру, онъ соединяется съ Радецкимъ въ Веронѣ, сойдясь по дорогѣ съ корпусомъ генерала Вельдена. Съ такимъ подкрѣпленіемъ Радецкій готовится идти на Миланъ. Но Карль-Альбертъ останавливаетъ его у Гоиито и отбрасываетъ его послѣ кровопролитной битвы, въ которой три тысячи австрійцевъ выбито изъ строя. Радецкій отступаетъ сначала къ Мантуѣ, затѣмъ направляется къ Виченцѣ, которую храбро защищаетъ генераль Дурандо. Принужденный, наконецъ, уступить численности, римскій гарнизонъ капитулируетъ и предлагаетъ три мѣсяца не братья за оружіе. Радецкій спѣшитъ вернуться въ Верону въ то время, какъ генераль д'Аспре беретъ Падую, Тревизу, Пальма-Нуову и подчиняетъ всю Венеціанскую область, за исключеніемъ Озоппо и Венеціи. Карль-Альбертъ терпитъ неудачу въ попыткѣ взять Верону, и Радецкій переходитъ въ наступленіе.

Карль-Альбертъ растянулъ свои линіи отъ Тироля до устьевъ Минчіо; главный корпусъ его арміи былъ занятъ осадой Мантуи. Радецкій составилъ планъ прорвать линіи пьемонтцевъ въ Риволи и стиснуть остальную армію между своими собственными войсками и осажденнымъ ими городомъ. Сраженіе завязывается въ Риволи, гдѣ 5,000 итальянцевъ разбиваютъ 12,000 австрійцевъ; но они все же принуждены уступить позицію гораздо болѣе сильному неприятелю. Они отступаютъ на правый берегъ Минчіо. Карль-Альбертъ также старается напасть на австрійцевъ съ фланга, отбросить ихъ на правый берегъ Минчіо и отрѣзать отъ Вероны. Если бы этотъ планъ удался, Италия была бы освобождена одной побѣдой. Но онъ не удается. Радецкій одержалъ рѣшительную побѣду при Кустоцѣ, гдѣ

онъ сумѣлъ собрать 45,000 австрійцевъ противъ 25,000 пьемонтцевъ (25 июля). Карль-Альбертъ испытываетъ замѣшательство и отступаетъ за Минчіо. Это начало его несчастій. Пьемонтскіе солдаты хотѣли довѣріе къ неумѣющимъ вести ихъ начальникамъ; плохая администрація оставляетъ войско на нѣсколько дней безъ провіанта и безъ боевыхъ запасовъ; оно деморализуется и разстраивается. Карломъ-Альбертомъ овладѣваетъ глубокое отчаяніе. Хотя онъ въ сущности не потерпѣлъ большихъ потерь, хотя его артиллерія и кавалерія почти не тронуты, онъ поспѣшно отступаетъ передъ непріятелемъ. Подъ предлогомъ прикрытія Милана, онъ покидаетъ линію Адды. 3-го августа онъ является передъ Миланомъ, населеніе котораго, рассчитывая на него, готовится къ энергичному отпору. Миланцы нисколько не утратили своего прежняго мужества; они рѣшили не сдаваться Радецкому, даже если бы имъ пришлось похоронить себя подъ развалинами города. Наскоро роютъ траншеи; уже высокія баррикады поднимаются на улицахъ. Комитетъ защиты, облеченный чрезвычайными полномочіями, распоряжается приготовленіями; онъ вооружаетъ гражданъ, которые воодушевляютъ другъ друга къ битвѣ. Карль-Альбертъ, минутно увлекшійся патріотическимъ пыломъ миланцевъ, клянется спасти ихъ или умереть съ ними. Но всего два дня спустя, уступая совѣтамъ своихъ генераловъ, онъ предлагаетъ Радецкому, взявшему Кремону и въ небольшой стычкѣ прорвавшему линію пьемонтцевъ, отворить ему ворота Милана, потихоньку оставляетъ городъ и уѣзжаетъ въ свои владѣнія, предавъ довѣрлившееся ему городское населеніе варварской мести неумолимаго врага.

Шестинедѣльное перемиріе, подписанное 9 августа пьемонтскимъ генераломъ Саласко, было тяжело и унижительно. Оно возстановляло все въ прежнемъ порядкѣ, бывшемъ до войны, отдавало австрійцамъ крѣпости Пескіеру и Рокку д'Анфо со всѣмъ военнымъ матеріаломъ. Сардинскій флотъ долженъ былъ оставить Адріатику; Венеція была покинута.

Тогда-то маркизь Риччи, пьемонтскій уполномоченный въ Парижѣ, проситъ у генерала Кавеньяка вмѣшательства Франціи. Миланъ и Венеція съ своей стороны прислали делегатовъ, взывающихъ о скорой помощи. Опасность, въ которой находится Италія, велика, но можетъ еще быть отклонена. Австрійское правительство, тревожимое движеніемъ въ Венгріи, чувствуетъ себя не достаточно укрѣпленнымъ успѣхами Радецкаго, чтобы отказать въ переговорахъ. Вѣроятность вмѣшательства Франціи его пугаетъ и побуждаетъ къ уступкамъ ¹⁾. Оно знаетъ, что пьемонтская армія еще

¹⁾ Со времени побѣды при Гоято, Австрія, устами своего посланника

почти не тронута; что, наконецъ, въ Венеціи народъ, который вотировалъ съ глубокой горестью присоединеніе Пьемонта, поднялся, узнавъ о позорной капитуляціи Милана, прогналъ сардинскихъ комиссаровъ, уничтожилъ вотумъ о сліянніи, возстановилъ республику и тріумвиратъ подъ президентствомъ Манина и готовится къ отчаянной защитѣ.

Австрійская дипломатія при такихъ обстоятельствахъ не можетъ выказать особой требовательности. У нея въ данный моментъ одна только цѣль: обмануть, по видимому, искренними переговорами правительство генерала Кавеньяка и помѣшать во что бы то ни стало, по крайней мѣрѣ на неопредѣленное время, вступленіе французскихъ войскъ въ Италію. Это ей удалось. Посредничество Англіи, принятое генераломъ Кавеньякомъ, неизбѣжны замедленія дипломатической переписки между Вѣной, Лондономъ, Туринномъ и Парижемъ довершаютъ то, что уже испортили такъ дурно проведенная Карломъ-Альбертомъ кампанія и капитуляція Милана. Общественное мнѣніе во Франціи, хотя и поостывшее и мало расположенное къ войнѣ, было еще довольно благопріятно для итальянцевъ. Доказательство тому совѣтъ недавно дало Собраніе, вспоминая въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій вотумъ 24 мая, которымъ оно предписывало исполнительной комиссіи программу иностранной политики, резюмирующуюся въ такихъ выраженіяхъ: *братскій договоръ съ Германіей, возстановленіе независимости Польши, освобожденіе Италіи.*

Если бы генералъ Кавеньякъ захотѣлъ имѣть на Національное Собраніе то вліяніе, какое ему въ этомъ случаѣ подобало, то оно не отказалось бы отъ вмѣшательства. Въ совѣтъ министровъ Ламорисьеръ, военный министръ, и Бастидъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, настаивали первый — съ большой горячностью, — второй съ большимъ упорствомъ на томъ, что слѣдуетъ придти на помощь Венеціи. Одну минуту послѣдній, думая уже, что одержалъ верхъ надъ сопротивленіемъ министра финансовъ и надъ сомнѣніями главы исполнительной власти, сообщилъ французскому консулу въ Венеціи о выходѣ въ море четырехъ военныхъ судовъ, съ бригадой въ три тысячи человекъ, подъ командой генерала Мольера, и послалъ въ Марсель адъютанта генерала Ламорисьера, чтобы присутствовать при посадкѣ войскъ на суда. Судя по инструкціямъ, которыя передавались по этому поводу,

въ Лондонѣ, барона Гуммелауера, обѣщала очистить Ломбардію до Эча предоставляя ей свободу присоединяться къ Пьемонту или образовать отдѣльное государство, и обѣщала дать Венеціи такую же конституцію какъ Венгріи.

герцога д'Аркуръ также написалъ Манину: «Держитесь до прибытія французовъ, и спасеніе придетъ Италіи черезъ васъ». Къ сожалѣнію, мелочные расчеты осторожности, которымъ слишкомъ легко доступенъ былъ умъ генерала Кавеньяка, остановили все. Въ новомъ собраніи совѣта рѣшено было большинствомъ одного только голоса послать въ Марсель новый, обратный приказъ. Войска, уже пять дней стоявшія на судахъ, опять высадились на берегъ. Судьбу Италіи передали на разсмотрѣніе конгресса въ Брюсселѣ, которому никогда не суждено было собраться, и Австрія, избавленная такимъ образомъ отъ боязни вмѣшательства, противъ котораго уже рѣшила было не бороться ¹⁾, отвала одну за другой всѣ уступки, которыя предлагала, и обратила противъ другихъ своихъ государствъ ту хитрую политику, въ которой не нуждалась больше по отношенію къ Италіи.

Но традиціонной системѣ этой политики, Австрія уже старалась снова занять въ Венгріи ту позицію, которую сочла нужнымъ уступить, но дѣлала это, не нарушая открыто независимости Венгріи, а создавая ей враговъ, которые не дали бы венграмъ возможности пользоваться своей независимостью и защищать ее. Это было не трудно. Венгрія, какъ извѣстно, состоитъ изъ постепеннаго накопленія различныхъ племенъ: мадяровъ, валаховъ, кроатовъ, сербовъ, саксонцевъ, различныхъ по происхожденію, по религіи, по нарѣчію, которые, вслѣдствіе постоянныхъ вооруженныхъ столкновеній, стали чрезвычайно враждебно относиться другъ къ другу. Это было главное препятствіе къ организаціи новаго венгерскаго государства, конституціонныя основы котораго положилъ пештскій сеймъ, представлявшій собой почти исключительно мадярскій элементъ. Между этими національностями, завидующими преобладанію мадяровъ, кроатовъ и сербовъ, славянскія расы были въ одно и то же время и самыми фанатичными, и лучше организованными въ военномъ отношеніи, и самыми способными по своей энергіи отстаивать свою собственную независимость.

Ихъ-то австрійское правительство и возбудило противъ того, что оно называло давленіемъ мадяръ. Съ помощью многочисленныхъ агентовъ, которымъ помогала, хотя и изъ совершенно противоположныхъ цѣлей, русская пропаганда панславистовъ ²⁾, оно всюду сѣяло раздоръ. Путемъ разныхъ милостей и обѣщаній правительство привлекло къ себѣ одного кроата, извѣстнаго между

¹⁾ Австрійскій посланникъ сказалъ тогда англійскому кабинету: „Если французы вступятъ въ Пьемонтъ, мы не будемъ драться; мы отступимъ сначала за Эчъ, потомъ за Изонцо“.

²⁾ Эта партія проповѣдовала вездѣ единство славянскаго царства подъ протекторатомъ великаго русскаго царя, который долженъ покорить господство пѣмцевъ и мадяръ.

своими ненавистью къ венграмъ, ревностью къ панславизму, отличавагося умомъ и кое-какими военными талантами, полковника Елачича. Посланный въ Вѣну барономъ Кульмеромъ, рекомендовавшимъ его, какъ способнаго играть роль, онъ менѣе, чѣмъ въ недѣлю, получилъ чинъ лейтенантъ-фельдмаршала, сдѣлался командоромъ нѣсколькихъ орденовъ и, наконецъ, гражданскимъ и военнымъ администраторомъ Кроаціи съ титуломъ бана. Графъ Фикельмонъ, эрцгерцогъ Людвигъ и эрцгерцогиня Софія завязали съ нимъ тайные переговоры. Опираясь на обѣщанія, данныя ему столь важными лицами, Елачичъ послѣшилъ собрать въ Аграмѣ кроато-словенскій сеймъ, первымъ шагомъ котораго была отмѣна всѣхъ резолюцій венгерскаго сейма. На аграмскомъ сеймѣ сожгли изображенія эрцгерцога палатинскаго и перваго министра Батіани; затѣмъ, заключивъ оборонительный и наступательный союзъ съ собравшимся въ Карловицѣ сербскимъ центральнымъ комитетомъ, который, съ своей стороны, рѣшилъ сдѣлать Сербію независимымъ воеводствомъ, всѣ поклялись не складывать оружія до тѣхъ поръ, пока не будетъ свергнуто мадьярское иго. Въ то же время Елачичъ собралъ огромное войско и готовился начать кампанію.

При этомъ извѣстіи эрцгерцогъ, вице-король Венгріи, устремляется въ Инсбрукъ и получаетъ отъ императора манифестъ, по которому банъ Елачичъ объявляется измѣнникомъ отечеству, отрѣшеннымъ отъ всѣхъ должностей. Его требуютъ ко двору, чтобы онъ объяснилъ свое поведеніе. Затѣмъ эрцгерцогъ, съ согласія императора, созываетъ въ Пештѣ національное собраніе, избранное по новому закону, и, какъ бы для того, чтобы подтвердить заранѣе полную легальность всего, что тамъ будетъ происходить, открываетъ его самолично и появляется въ залѣ подъ руку съ двумя министрами: Людвигомъ Батіани и Людвигомъ Кошутомъ.

Однимъ изъ первыхъ актовъ этого сейма, отличавагося такой энергіей, такимъ талантомъ и такимъ патріотизмомъ, было позаботиться о національной защитѣ, вотируя, по требованію Кошута, наборъ двухъ сотъ тысячъ челоуѣкъ войска. Опасность была близка. Елачичъ перешелъ Драву (11 сентября), во главѣ 40-тысячнаго войска, и, прорвавъ линіи слабаго венгерскаго наблюдательнаго корпуса, которымъ командовалъ графъ Адамъ Телеки, быстро двинулся къ Пешту. 20-го сентября онъ уже въ Веспримѣ, на берегу озера Балатона (или Платенскаго), въ самомъ сердцѣ страны. Вѣнскій Кабинетъ, успокоенный побѣдами Радецкаго въ Ломбардіи, считаетъ, что можетъ снять съ себя маску. Онъ отказывается отъ манифеста противъ Елачича; офицеры австрійской арміи, оставшіеся въ Венгріи вопреки постановленіямъ новой конституціи и требованіямъ сейма, являются къ бану Елачичу и совѣщаются съ

нимъ, увѣренные въ томъ, что сдѣлають этимъ угодное императорскому правительству.

Между тѣмъ, сеймъ вогируетъ образованіе комитета защиты, въ которомъ Кошутъ имѣеть преобладающее вліяніе, и который вскорѣ дѣлается настоящимъ правительствомъ страны. Сеймъ предлагаетъ главную команду надъ венгерскими войсками эрцгерцогу Стефану. Послѣдній дѣлаетъ видъ, что принимаетъ команду, и отправляется на берега озера Балатона, чтобы, по его словамъ, переговорить съ Елачичемъ и убѣдить его, если возможно, отказаться отъ войны; но банъ отказываетъ ему въ свиданіи. Эрцгерцогъ вмѣсто того, чтобы вернуться въ Пештъ, тайкомъ уѣзжаетъ въ Вѣну и вскорѣ послѣ того въ Пештъ получается извѣстіе, что онъ отрывается отъ вице-королевства, что графъ Ламбергъ, противно конституціи, назначенъ главнокомандующимъ всѣми войсками Венгріи, и что ему, безъ сомнѣнія, поручено распустить сеймъ. При этомъ извѣстіи возмущенный сеймъ протестуетъ противъ императорскихъ рескриптовъ, устанавливаетъ непрерывность засѣданій и объявляетъ отечество въ опасности. Кошутъ возвращается (27 сентября) съ береговъ Тиссы, гдѣ онъ въ теченіе трехъ дней собралъ 10 тысячъ добровольцевъ.

Среди волненія, произведеннаго столь важными событіями, графъ Ламбергъ прибылъ въ Буду (28 сентября) и готовится вступить въ должность. Но народъ, все болѣе и болѣе возбуждаемый патріотическими чувствами, не можетъ перенести мысли о распусcenіи національнаго сейма. Видъ австрійскаго уполномоченнаго приводитъ его въ изступленіе, и графъ Ламбергъ погибаетъ среди народнаго мятежа на Пештскомъ мосту.

Получивъ извѣстіе объ этомъ убійствѣ, императоръ, несмотря на декларацію Пештскаго сейма, который, выражая сожалѣніе о печальномъ событіи, умоляетъ его величество прекратить злоупотребленіе его именемъ и нарушеніе законовъ, распускаетъ собраніе, объявляетъ Венгрію въ осадномъ положеніи и провозглашаетъ Елачича своимъ *alter ego*. Въ тотъ же самый день Елачичъ вступилъ въ Штудвейссенбургъ и былъ лишь въ одновдневномъ разстояніи отъ Пешта.

Генераль Мога, во главѣ молодыхъ добровольцевъ, приведенныхъ Кошутомъ, даетъ ему сраженіе при Пакоздѣ (29 сентября), разбиваетъ его и обращаетъ въ бѣгство; Перцель и Гёргей, изолируя и окружая въ Озорѣ корпусъ въ восемь тысячъ человекъ подъ командой генераловъ Рота и Филипповича, принуждаютъ ихъ сложить оружіе (6 октября). Но такъ какъ Елачичъ перешелъ Лейту, составляющую австрійскую границу, то Мога, подъ вліяніемъ со-

обращений о степени законности своего акта, еще не рѣшается напасть на него.

Между тѣмъ, вѣнское населеніе ликовало по поводу паковдской побѣды и принимало живое участіе въ судьбѣ Венгріи; 6 октября батальонъ итальянскихъ гренадеръ, который долженъ былъ присоединиться къ Елачичу, не хочетъ оставлять Вѣну, но, поставленный между двумя полками кавалеріи, принужденъ повиноваться и трогается въ путь. Дойдя до пристани, солдаты встрѣчаютъ здѣсь академическій легіонъ студентовъ, составлявшихъ со времени мартовской революціи ядро всѣхъ народныхъ движеній, вмѣстѣ съ собравшейся вокругъ нихъ массой рабочихъ и буржуазіи. Начинается сраженіе; солдаты, наполовину перешедшіе на ихъ сторону, показываютъ тылъ. Генераль Бреда, командующій ими, убитъ. Народъ двигается впередъ и гонитъ передъ собой изъ улицы въ улицу кавалерію, посланную, чтобы разогнать толпу. овладѣваетъ арсеналомъ, церковью св. Стефана, защищаемую національной гвардіей, проникаетъ во дворецъ военнаго министра, графа Латура, и убиваетъ его; наконецъ, послѣ кровопролитнаго сраженія, продолжающагося три дня, принуждаетъ военнаго коменданта Ауерсперга оставить городъ.

Часть австрійскаго сейма, засѣдавшего съ 22 іюля и обсуждавшего проектъ конституціи, оставляетъ Вѣну; другая, ослабленная и нерѣшительная, начинаетъ переговоры съ дворомъ, переѣхавшимъ въ Ольмюцъ ¹⁾. Правительство, по своему обыкновенію, тянетъ дѣло, ставитъ во главѣ арміи фельдмаршала Виндишгретца, который только что подавилъ возстаніе въ Прагѣ, поручаетъ ему осадить Вѣну въ соглашеніи съ Ауерспергомъ и призываетъ къ себѣ на помощь Елачича. Это рѣшительный моментъ: съ взятіемъ или съ освобожденіемъ Вѣны связаны послѣднія надежды революціи въ Германіи. Всюду въ другихъ мѣстахъ торжествуетъ уже реакція.

Франкфуртскій парламентъ, посылавшій въ эту минуту въ Вѣну четырехъ делегатовъ: Роберта Блюма, Морица Гартмана, Фребеля и Трампуша, чтобы выразить свои симпатіи вѣнскому населенію, уже не имѣлъ въ это время никакого вліянія.

Онъ потерялъ много времени въ интригахъ и безплодныхъ спорахъ. Радикалы были въ немъ въ меньшинствѣ и совершенно не опыты въ дѣлахъ; конституціонно-монархическая партія, гдѣ

¹⁾ Сеймъ требуетъ, чтобы былъ взятъ назадъ рескриптъ относительно венгерскихъ дѣлъ, чтобы былъ отозванъ Радецкій, и чтобы дано было гражданское управленіе Италіи. Онъ требуетъ, кромѣ того, изгнанія эрцгерцога Людвигъ, эрцгерцогини Софіи и ея мужа, удаленія войскъ и демократическаго министерства.

пруссаки были въ большинствѣ и гдѣ имѣлись блестящіе ораторы: Финке, Радовицъ, князь Лихновскій, уже напрактиковавшіеся въ дебатахъ прусскаго сейма, выказали весьма неблагоприятное настроеніе. Эта партія была надута удивительной германской епѣсью, полна злобы противъ Франціи, безъ всякой симпатіи къ итальянской націи и въ особенности къ Польшѣ. Она громко высказывала мысль присоединить Познань, Триестъ, Иллирію и даже Венецію къ Конфедераціи; она хотѣла въ видахъ завоеванія сформировать нѣмецкій флотъ и, по видимому, интересовалась только однимъ вопросомъ: кому отдадутъ германскую имперію? Президентъ сейма, Гагернъ, сначала усердно дѣйствовалъ въ пользу прусскаго короля; но вскорѣ презрѣніе Фридриха-Вильгельма къ титулу императора милостію народа заставило его отказаться отъ этого плана. Тогда взоры обратились на австрійскаго эрцгерцога Іоганна, котораго продолжительная оппозиція Меттерниху, простой образъ жизни и демократическіе нравы дѣлали популярнымъ, и который, принявъ титулъ главнаго намѣстника имперіи, торжественно вступилъ въ сеймъ 12 іюля. Съ этого дня Австрія пріобрѣла прежнее вліяніе на дѣла. Подъ впечатлѣніемъ іюньскихъ дней сеймъ все болѣе и болѣе вступалъ на путь реакціи. Радикальное меньшинство, потерявъ надежду добиться чего-либо законнымъ путемъ, рѣшило при первомъ случаѣ отдѣлиться, образовать изъ себя конвентъ и призвать на помощь народную силу. Сигналомъ къ этой попыткѣ послужило перемиріе въ Мальмѣ.

Германія принимала живѣйшее участіе въ войнѣ, которую герцогства Шлезвигъ-Гольштейнъ вели съ Даніей за свою независимость. Фридрихъ-Вильгельмъ обязался защищать эти герцогства, которыя, отказываясь присоединиться къ Даніи, требовали отдѣльной конституціи и представительства въ германской конфедераціи. Армія послѣдней, подъ командой генерала Врангеля, вступила на территорію Шлезвигъ-Гольштейна, и кампанія велась довольно успѣшно; но общественное мнѣніе, весьма сочувствовавшее независимости герцогствъ, обвиняло короля прусскаго въ томъ, что онъ слишкомъ рано ведетъ войну, и чуть не подозрѣвало его въ лѣннѣ. Когда во Франкфуртѣ стало извѣстнымъ, что Фридрихъ-Вильгельмъ подписалъ семимѣсячное перемиріе, народъ, подстрекаемый меньшинствомъ, поднялся противъ большинства собранія, подписавшаго перемиріе. Всюду строятся баррикады; цѣлыхъ двѣнадцать часовъ идетъ сраженіе. Два депутата правой, князь Лихновскій и Ауерсвальдъ, безпощадно убиты народомъ; но вскорѣ инсургенты, которымъ плохо помогаютъ возбуждившіе ихъ къ борьбѣ депутаты, предоставленные самимъ себѣ, окруженные гессенскими, австрійскими, прусскими и вюртембергскими войсками, явившимися

не зову собранія, побѣждены. Провозглашается осадное положеніе.

Въ то же время получается извѣстіе, что республиканское возстаніе, которымъ командуетъ Струве въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ, совершенно разсѣяно. При подобномъ стеченіи обстоятельствъ, нравственная поддержка франкфуртскаго парламента не могла уже имѣть никакого значенія для вѣнскаго возстанія. Тѣмъ не менѣе вѣнское населеніе было еще полно надеждъ. Приготовленія къ долгой осадѣ продолжались. Революціонная армія Вѣны насчитывала среднимъ числомъ около 40,000 человекъ. Команду гвардейскихъ мобилей принялъ на себя полковникъ Бемъ, полякъ родомъ. Онъ вмѣстѣ съ Мессенгаузеромъ, командиромъ національной гвардіи, руководить стратегическими операціями. Блокада стягивается все болѣе и болѣе. Генералъ Виндшгретцъ собралъ шестьдесятъ тысячъ человекъ войска вокругъ города. Осада дѣлается очень энергичной; нападенія становятся все чаще и чаще; но населеніе оказываетъ геройское сопротивленіе; оно съ совершеннымъ довѣріемъ ожидаетъ близкой и сильной помощи венгерской арміи.

Къ сожалѣнію, въ настроеніи арміи и въ совѣтѣ венгерскаго сейма царствовала по этому вопросу полная нерѣшительность. Ждутъ призыва со стороны австрійскаго сейма. Думая, что этотъ призывъ не замедлитъ, венгерскій генералъ два раза переходитъ Лейту и два раза возвращается назадъ. Народныя общества въ Вѣнѣ, за отсутствіемъ сейма, рѣшаются, наконецъ, требовать помощи Венгрии. Прибытіе Кошута въ главную квартиру генерала Парендорфа даетъ рѣшительный импульсъ; его краснорѣчіе побуждаетъ всѣ колебанія. Вопреки совѣту генерала Мога, вопреки рѣшительному мнѣнію полковника Гёргея, доказывающаго невозможность побѣдить регулярную армію съ поспѣшно набраннымъ и плохо обученнымъ войскомъ, Кошутъ объявляетъ, что честь и долгъ требуютъ, несмотря ни на какія опасности, идти на помощь жителямъ Вѣны, поднявшимъ оружіе изъ-за Венгрии. Онъ рѣшается перейти Лейту.

30-го октября венгерская армія, насчитывающая всего 30 тысячъ человекъ, изъ которыхъ дисциплинированныхъ войскъ только 16 тысячъ, атакуетъ при Швехатѣ соединенныя силы Виндшгретца, Елачича и Ауерсперга численностью въ шестьдесятъ тысячъ. Это численное превосходство еще болѣе чувствительно, вслѣдствіе плохихъ стратегическихъ распоряженій генерала Мога, нерѣшительности офицеровъ, отсутствія дисциплины и неопытности новобранцевъ. Не вѣрно понятый приказъ производить разстройство въ рядахъ, и Мога рѣшается отступить.

Услыша пушки въ Швехатѣ, вѣнское населеніе воображаетъ,

что это помощь венгровъ. Народъ принуждаетъ муниципалитетъ разорвать капитуляцію, которая только что подписана съ Виндизгретцомъ. На улицахъ бьютъ тревогу—все берется за оружіе, готовятся къ сраженію; но Мессенгаузеръ не осмѣливается предпринять вылазку, которая, зайдя австрійской арміи въ тылъ, измѣнила бы, можетъ быть, судьбу сраженія, и австрійцы, не пускаясь въ преслѣдованіе разстроенныхъ имъ венгерцевъ, возвращаются къ стѣнамъ Вѣны и начинаютъ ихъ бомбардировать. Пожаръ вспыхиваетъ одновременно въ двадцати шести пунктахъ, стѣны рушатся, ворота берутся приступомъ. Елачичъ съ торжествомъ вступаетъ въ Вѣну во главѣ своихъ кроатовъ; городъ предается разграбленію. Правительство закрываетъ глаза и допускаетъ совершать въ городѣ неслыханныя звѣрства. Оно само нарушаетъ международное право, разстрѣливая Роберта Блюма, саксонскаго подданнаго, уполномоченнаго германскаго сейма, который, надѣясь на неприкосновенность, вслѣдствіе самаго характера своей миссіи, отказался бѣжать вмѣстѣ съ товарищами. Въ Вѣнѣ знаютъ въ то время лишь одно право—право мести.

Мѣсяцъ послѣ этого печальнаго торжества камарилья заставила Фердинанда подписать свое отреченіе и надѣла еще залитую кровью корону Австріи на голову молодого эрцгерцога Франца-Йосифа, сына эрцгерцогини Софіи.

Франкфуртскій парламентъ хотя и протестуетъ по поводу смерти Роберта Блюма, но робко, какъ власть, не опирающаяся на общественное мнѣніе. Вскорѣ большинство и меньшинство, которыхъ сентябрьское возстаніе сдѣлало непримиримыми, раздѣляются и пытаются учредить—одно въ Готѣ, другое въ Штутгартѣ—два національных собранія.

Подобная попытка должна была потерпѣть фіаско. Реакція, сдѣлавшись всемогущей, благодаря взятію Вѣны, сноситъ въ своемъ быстромъ потокѣ и конституціоналистовъ, и радикаловъ. Штутгартское собраніе разгоняютъ штыками. Въ Готѣ собраніе отказывается отъ совѣщаній, которыя сдѣлались смѣшными. Вмѣстѣ съ ними исчезаютъ послѣдніе слѣды центральной власти и германскаго единства.

Въ то время, какъ эти печальныя событія совершались въ Австріи, прусская демократія переживала подобныя же измѣненія. За революціей слѣдуетъ реакція, послѣ узлеченія свободой—позоръ насилія, сдѣлавшагося болѣе тяжелымъ и произвольнымъ.

Послѣ 21-го марта, того дня, когда Фридрихъ-Вильгельмъ принималъ германскіе пвѣта и созвалъ учредительное собраніе, началась глухая, но упорная борьба между ретроградной партіей, ставшейся обойти обѣщанія короля, передовой партіей, которая

хотѣла извлечь изъ нихъ всѣ выгоды, и людьми смѣшанныхъ мнѣній, которые, желая осторожнаго перехода отъ стараго порядка къ новому, старались примирить крайнія партіи.

Большинство собранія, куда избиратели прислали вмѣстѣ съ самыми либеральными членами буржуазіи многихъ рабочихъ и даже крестьянъ, было проникнуто чувствомъ своего права и чисто демократическимъ духомъ. Презрительная, упрямая и слѣпая камарилья вліяла на короля въ противоположномъ смыслѣ. Между этой камарильей и собраніемъ различныя министры, которые слѣдовали одни за другими въ управленіи, Кампгаузенъ, Ганземанъ, Бекератъ, Арнимъ, Ауерсвальдъ, старались примирить противорѣчивыя мнѣнія и поочередно поддерживали то притязанія королевской власти, то права палаты.

Но соглашенія между нелояльнымъ королемъ и недовѣрчивымъ собраніемъ не могло быть. Впрочемъ, и проектъ конституціи, представленный министрами, былъ совсѣмъ недопустимъ. Пренія собранія, которому король отказывалъ въ титулѣ *учредительнаго* и которое въ свою очередь отказывало Фридриху-Вильгельму въ титулѣ короля *милостію божіею*, дѣлались съ каждымъ днемъ все болѣе озлобленными до тѣхъ поръ, пока король, видѣвшій, что революція остановилась всюду въ Германіи, почувствовалъ себя въ силахъ пренебречь общественнымъ мнѣніемъ, оставилъ Берлинъ и утвердился въ Потсдамѣ. А оттуда, заставивъ генерала Врангеля сдѣлать необходимыя приготовленія, чтобы при случаѣ подавить волненіе въ столицѣ, онъ издалъ декретъ (8 ноября), который приостанавливалъ засѣданія собранія и переводилъ его въ Бранденбургъ подъ тѣмъ предлогомъ, что оно находилось въ Берлинѣ подъ давленіемъ революціонныхъ обществъ.

Собраніе не хотѣло уступать. Когда графъ Бранденбургскій явился отъ имени короля, чтобы передать приказаніе разойтись, президентъ Унруэ отказался закрыть засѣданіе. Двѣсти пятьдесятъ два представителя противъ тринадцати объявили, что они не разойдутся; но такъ какъ они рѣшились дѣйствовать легальными путями и не хотѣли призывать къ возстанію, то ихъ разогнали вооруженной силой, которая преслѣдовала ихъ вездѣ, гдѣ они пытались собираться; поддерживавшая ихъ національная гвардія была распущена. Извѣстіе о взятіи Вѣны довершило ихъ пораженіе. Фридрихъ-Вильгельмъ, рѣшившійся ничего болѣе не шадить, поручилъ Врангелю усмирить Берлинъ. Объявлено было осадное положеніе, и 5 декабря король, доведя до апогея свою неблагодарность, пренебреженіе къ собственному слову и забвеніе своей чести, заставилъ Пруссію принять такую конституцію, которая уничтожала послѣд-

ніе слѣды его уступокъ и возстановляла почти тотъ же порядокъ, какой былъ до революціи.

Въ то время, какъ неограниченные государи, въ тайнѣ поддерживаемые Россіей, подобнымъ образомъ дѣйствовали въ Неаполѣ, въ Вѣнѣ, въ Пештѣ, въ Берлинѣ и мало по малу, сначала хитростью, потомъ силой, снова завладѣли всѣми своими преимуществами, французская дипломатія, начиная съ министерства Ламартина и кончая министерствомъ Бастида, шла все тѣмъ же неувереннымъ шагомъ и всюду давала себя затереть или обмануть. Плохо освѣдомленная или имѣя плохихъ агентовъ, изъ которыхъ одни принадлежали къ революціонной школѣ и увлекались шумной демагогіей, воображая, что клубы управляютъ міромъ, другіе же, слѣдуя старымъ ошибкамъ династической дипломатіи, не хотѣли или не умѣли заставить говорить Францію во время революціи, французская дипломатія завязывала съ государями робкіе переговоры, теряла драгоценное время и давала общественному мнѣнію время охладиться. Вскорѣ, поставленная между Россіей, которая грозила вмѣшательствомъ, и Англіей, которая обманывала притворной дружбой, между центральнымъ сеймомъ, которымъ французское правительство пренебрегало, между Пруссіей и Австріей, которыя смѣялись надъ нимъ, правительство генерала Кавеньяка увидѣло, что оно совершенно безсильно. Оно дало погибнуть Милану, Венеціи, покинуло Карла-Альберта; и когда оно, наконецъ, выказало кое-какую волю, протянувъ прогнанному изъ своихъ владѣній папѣ Пію IX руку, тотъ даже не удостоилъ принять ее.

Мы видѣли, что Піи IX, побуждаемый кардиналами къ тому, чтобы нарушить союзъ съ Пьемонтомъ и оставить національное направленіе, поставилъ во главѣ своего управленія графа Росси (14 сентября). Это назначеніе произвело въ демократической партіи и въ населеніи, которое жалѣло графа Маміани, сильное раздраженіе. 15 ноября, въ день открытія собранія, когда новый министръ, выйдя изъ кареты, шелъ по вестибюлю дворца Канцеллеріи, его окружила группа незнакомыхъ людей, отдѣлила его отъ свиты, и ударъ стилета положилъ его мертвымъ.

Партія кардиналовъ и народная партія сваливали другъ на друга обвиненіе въ этомъ отвратительномъ преступленіи; но всѣ казались какъ бы сообщниками по равнодушію, съ которымъ было принято это извѣстіе, и по небрежности, съ которой велись розыски убійцы. Палата не прервала чтенія своего протокола, и не упомянула даже о событіи въ теченіе всего засѣданія; народъ скрылъ убійцу и отпраздновалъ убійство шествіемъ съ факелами; полиція отказалась принять какія-либо мѣры противъ де-

монстрацій; наконецъ, національная гвардія и солдаты братались съ народомъ.

На слѣдующій день депутація отъ собранія и отъ національной гвардіи, въ сопровожденіи большой толпы народа, пришла просить у папы либеральнаго министерства и возвращенія Маміани. Пій IX, окруженный своими кардиналами и членами дипломатическаго корпуса, сначала отказался дать опредѣленное общеніе. Во время долгихъ переговоровъ, которые по этому поводу завязались въ Квириналѣ, народъ и національная гвардія окружили дворецъ и грозили взять его приступомъ. Швейцарцы, охранявшіе ворота, сдѣлали залпъ, который заставилъ сначала народъ отступить; но вскорѣ онъ явился снова съ муниципальной гвардіей, римскимъ легіономъ, линейнымъ войскомъ и жандармеріей, которые присоединились къ движенію, и снова начали обстрѣливать дворецъ. Папа, убѣжденный, наконецъ, въ томъ, что онъ не можетъ бороться противъ всеобщей воли, сдѣлалъ видъ, что уступаетъ; онъ общалъ возвратить Маміани и отослать швейцарцевъ. Все остальное, по его словамъ, онъ предоставлялъ на рѣшеніе палаты. Такимъ образомъ, успѣвъ еще разъ обмануть общественное мнѣніе, Пій IX, ускользнувъ отъ бдительности тѣхъ, которые сторожили его, тайкомъ выѣхалъ изъ своего дворца и изъ своихъ владѣній въ каретѣ баварскаго министра, графа Шпаура, исполнявшаго должность австрійскаго посла въ Римѣ, и уѣхалъ въ Гаэту.

Давно уже французскій посланникъ, графъ д'Аркуръ, а въ послѣднее время также де-Корсель, присланный Кавеньякомъ съ чрезвычайной миссіей въ Римъ, убѣждали папу, не считавшаго себя болѣе свободнымъ, принять убѣжище во Франціи. Пій IX казался готовымъ воспользоваться этимъ предложеніемъ и въ самыхъ ласковыхъ словахъ выражалъ генералу Кавеньяку свою благодарность и свое расположеніе. Но онъ дѣлалъ, противъ своего пріѣзда во Францію, одно только серьезное возраженіе, а именно, онъ указывалъ на недолгое время, которое осталось главѣ исполнительной власти быть у кормила правленія. Если избраніе не будетъ отвѣчать желаніямъ папы, — говорили въ Квириналѣ, — если принцъ Людовикъ-Наполеонъ сдѣлается президентомъ республики, папа, считающій фамилію Бонапартовъ своими врагами, не можетъ, не теряя своего достоинства, принимать покровительство отъ главы этого дома.

Тѣмъ не менѣе, за послѣднее время сомнѣнія папы какъ бы разсѣялись. Убѣжая въ Гаэту, святой отецъ сказалъ герцогу д'Аркуръ, что онъ будетъ ждать тамъ французскаго судна, на которомъ отправится въ Марсель. Вслѣдствіе этого, консулу въ Чивита-Веккии было послано распоряженіе тотчасъ же развести пары на

пароходѣ *Tenare*, чтобы идти за папой въ Гаэту. Генералъ Кавеньякъ рѣшилъ посадить бригаду въ 3,000 человекъ на четыре французскихъ паровыхъ фрегата, чтобы охранять отъѣздъ папы: и, по полученному по телеграфу изъ Марсеа свѣдѣнію, сообщенному Собранію самимъ главой исполнительной власти, министръ народнаго просвѣщенія уѣхалъ изъ Парижа, чтобы присутствовать при высадкѣ святого отца и принять его со всѣми подобающими его сану почестями.

Но вдругъ распространяется извѣстіе, что папа обманулъ французское правительство; что Пій IX не только не думаетъ искать убѣжища у Республики, но отправился ко двору короля неаполитанскаго, откуда уничтожаетъ всѣ акты своего правительства, начиная съ 16 ноября, т. е. всѣ уступки, сдѣланныя либеральному мнѣнію и свѣтской партіи.

Подобная развязка дипломатическихъ переговоровъ, которымъ правительство, очевидно, приписывало большое значеніе, давала поводъ къ насмѣшкѣ. Противники генерала Кавеньяка поспѣшно ухватились за этотъ случай, чтобы поднять его на смѣхъ. Съ нѣкоторыхъ поръ враждебное отношеніе династической печати усилилось. Отъ политической клеветы перешли къ частной сплетнѣ, которая еще сильнѣе дѣйствуетъ на массу. Газеты «*Constitutionnel*» и «*Assemblée nationale*» соединили свои усилія, чтобы уронить главу исполнительной власти въ общественномъ мнѣніи. Главный редакторъ «*Presse*» не пропускалъ ни одного дня безъ нападокъ на генерала Кавеньяка, задѣвая то его личную честь обвиненіемъ въ содѣйствіи іюньскому возстанію, чтобы проложить себѣ кровавый путь къ диктатурѣ ¹⁾, то честь его отца, память котораго оскорблялъ обвиненіями въ самыхъ отвратительныхъ преступленіяхъ.

Общественное мнѣніе, подѣ влияніемъ этихъ непрерывныхъ нападокъ, измѣнилось; оно удалялось отъ того, кого прежде такъ усердно поддерживало, и обращалось противъ него. Даже Собраніе поддерживало Кавеньяка уже довольно слабо; инертность правительства охлаждала его усердіе и парализовала его дѣятельность. Съ нѣкотораго времени большинство, которое не чувствовало руководящей силы, колебалось и было смущено. Испытывая помимо своей воли влияніе ловкаго меньшинства, которое при приближеніи рѣшительнаго момента избранія президента употребляло всѣ усилія, чтобы окончательно уничтожить республиканскій образъ мы-

¹⁾ Чтобы убѣдиться въ ложности этихъ обвиненій, достаточно за отсутствіемъ иныхъ доказательствъ, прочитать въ VII т. «*Encyclopedie moderne*», статью «*Juin*», изъ которой я извлекаю самый важный отрывокъ изъ мемуаровъ Бастида (см. «Историческіе документы» въ концѣ книги № 21).

слей или направить его на ложный путь, большинство не давало никакой существенной поддержки правительству, оказывая ему ес-какъ будто скорѣе изъ приличія, чѣмъ изъ политическаго убѣжденія. Нѣкоторые частные друзья генерала Кавеньяка, замѣчая, что признаки этого охлажденія Собранія становятся все очевиднѣе, горячо убѣждали его уступить общественному мнѣнію, удаливъ изъ своего совѣта тѣхъ, кого называли еще старыми республиканцами, и призвать въ свой кабинетъ представителей правой. Глава исполнительной власти съ недоувѣріемъ выслушивалъ эти совѣты. Онъ испытывалъ почти непреодолимое отвращеніе къ мысли объ отдѣленіи отъ собственной республиканской партіи и не хотѣлъ покупать свое избраніе цѣной того, что онъ считалъ измѣной по отношенію къ своимъ прежнимъ политическимъ друзьямъ. Его инстинктивная антипатія къ Тьеру еще усилилась въ парламентскихъ сношеніяхъ. Онъ не вѣрилъ въ искренность любезностей, которыя продолжалъ оказывать ему Мола. Когда генераль Ламорисьеръ предлагалъ ему призвать Дюфора, который во время преній о конституціи пріобрѣлъ вліяніе на Собраніе и лояльно присоединялся къ республиканскому направленію, Кавеньякъ отвергнулъ мысль о подобной уступкѣ. Самой крайней уступкой изъ тѣхъ, которыя допускала его честь, былъ выборъ министерства въ той маленькой фракціи Собранія, которую считали полуреволюціонной, и которая, казалось, какъ бы воплотилась въ лицѣ Бильо. Враждебный вотумъ Собранія рѣзко положилъ конецъ этимъ колебаніямъ Кавеньяка. Правительство, получавшее со всѣхъ сторонъ неблагопріятныя свѣдѣнія относительно настроенія народа въ деревняхъ, относительно роялистскихъ агитацій и быстрыхъ успѣховъ наполеоновской партіи, предлагало послать въ провинціи нѣсколько выбранныхъ правительствомъ представителей, съ порученіемъ разъяснить истину и разстроить избирательные замыслы враговъ Республики. По внушенію де-Фаллу, припомнившего по этому поводу комиссаровъ, посланныхъ Ледрю-Ролленомъ, Собраніе отвергло предложеніе министерства и поставило такимъ образомъ главу исполнительной власти въ абсолютную необходимость перемѣнить свой кабинетъ. Онъ сдѣлалъ это неохотно и выказалъ свое неудовольствіе. Министерскій кризисъ, начавшійся 12 октября массовой отставкой кабинета и снятіемъ осаднаго положенія, окончился лишь 24-го отставкой Гудшо и окончательнымъ составленіемъ смѣшаннаго кабинета, въ который вошли Дюфоръ, Вивьенъ, Фрелонъ, и въ которомъ, въ видѣ послѣдней уступки республиканскому мнѣнію, остались Турэ, Бастидъ и Мари.

Эта уступка, очень важная, если на нее смотрѣть съ чисто теоретической точки зрѣнія, была совершенно ничтожной по своимъ

результатамъ. Поручить Дюфору управление дѣлами Республики, это значило видимо отступить назадъ за революцію 25 февраля, за министерство Одилона Барро и даже за реформистское движеніе 1847 г. Какъ членъ такъ называемой въ старыхъ палатахъ третьей партіи (Tiers parti), Дюфортъ, вступившій въ кабинетъ 12 мая 1839 г., составлялъ правительству Людовику-Филиппа оппозицію не въ принципахъ, а только въ деталяхъ и въ отдѣльных обстоятельствахъ; къ тому же еще недавно онъ высказалъ свои династическія убѣжденія, не явившись на банкетъ въ Сентъ, потому что тамъ отказались провозгласить тостъ: *за короля!* Поэтому неудивительно, что республиканцы были не довольны такого рода уступкой, которая отдавала дѣла въ руки человѣка, олицетворявшаго въ ихъ глазахъ контръ-революцію ¹⁾.

Но въ то же время министерство Дюфора, составленное изъ безукоризненно честныхъ людей, твердо рѣшившихся служить Республикѣ, отнюдь не отвѣчало намѣреніямъ правой и послужило лишь къ тому, чтобы еще больше изолировать генерала Кавеньяка и толкнуть его на наклонную плоскость тѣхъ позднихъ и неполныхъ уступокъ, благодаря которымъ правительства, лишившіяся политическаго чутія, теряютъ свой престижъ и губятъ себя.

Собранію улицы Пуатье не особенно нравилось вступленіе Дюфора въ кабинетъ. Тьеръ не любилъ его и вовсе не былъ расположенъ поддерживать его. Между ними существовала какая-то непреодолимая антипатія характера, къ которой присоединились старые политическіе счеты. Правая знала къ тому же, что Дюфортъ входитъ въ составъ правительства не съ измѣнническими видами и не по легкомыслию, а въ полномъ убѣжденіи, что республика есть и впредь будетъ единственно сообразной съ нашими правами формой правленія; и что президентство генерала Кавеньяка будетъ самымъ вѣрнымъ и самымъ лучшимъ средствомъ установить прочнымъ образомъ республиканскій режимъ. Ему не прощали еще и того, что онъ мирился съ содѣйствіемъ старыхъ республиканцевъ.

Итакъ, партія Тьера осталась весьма равнодушной къ перемѣнѣ министерства. Выказывая, такъ же какъ и ея глава, пренебрежительное отношеніе къ обоимъ конкурентамъ на президентскій постъ ²⁾, она не стала принимать активного уча-

¹⁾ Этими именно словами Гудшо мотивировалъ свою отставку.

²⁾ Нерѣшимость Тьеръ обнаруживалъ крайнюю, и она длилась до приближенія выборовъ. То онъ направлялъ эпиграммы противъ принца Людовика-Бонапарта и говорилъ, что его избраніе будетъ позоромъ для Франціи; то онъ обѣщалъ партизанамъ принца благожелательный нейтралитетъ. Но въ послѣдніе дни онъ, наконецъ, рѣшилъ въ пользу императорскаго кандидата и старался заставить своихъ политическихъ друзей голосовать за него.

стія въ политикѣ и лишь косвеннымъ образомъ участвовала въ событіяхъ.

Молэ не менѣе, чѣмъ Тьеръ, былъ недоволенъ министерствомъ Дюфора и такъ же рѣшился оставаться нейтральнымъ. Одилонъ Барро склонялся въ сторону Наполеона. Что же касается той фракціи правой, въ которой преобладало клерикальное направленіе, то она, повондировавъ новаго министра черезъ посредство де-Фаллу и найдя его столь же недоступнымъ по отношенію къ ея чрезмѣрнымъ требованіямъ, какъ и прежнихъ министровъ, вступила въ переговоры съ принцемъ Людовикомъ-Бонапартомъ^и, удовлетворенная его обѣщаніями, открыто стала поддерживать его кандидатуру.

Такимъ образомъ, покинутый всѣми значительными людьми Собранія, осуждаемый многими республиканцами, подвергаясь прямо яростнымъ нападкамъ со стороны печати, Кавеньякъ все болѣе и болѣе раздражался и слишкомъ ясно выказывалъ это раздраженіе въ своихъ рѣчахъ. Каждый разъ, какъ онъ появлялся на трибунѣ, онъ [выказывалъ въ своихъ словахъ надменность, которая уничтожала весь эффектъ только что сдѣланной имъ громадной уступки противникамъ. Такъ, напримѣръ, оскорбленный въ своемъ чувствѣ сыновней любви нападками, которыми преслѣдовали память его отца, онъ однажды (2 ноября) безъ всякой нужды объявляетъ Собранію, «что онъ гордится счастьемъ быть сыномъ такого человѣка». Въ другой разъ, подъ влияніемъ того же чувства раздраженія, онъ выдаетъ духъ своей политики слѣдующими словами, которыя странно слышать въ свободно обсуждаемомъ вопросѣ собраніи, среди свободного государства и въ присутствіи могущественныхъ партій, которыхъ правительство по видимому желаетъ привлечь къ себѣ: «Мы хотимъ уничтожить самую способность отрицать республиканское право. Кто не хочетъ республики, тотъ будетъ нашимъ врагомъ—безповоротно».

Однако въ теченіе этихъ послѣднихъ печальныхъ дней власти, которая все болѣе и болѣе ослаблялась, хотя этому угасанію ея нельзя было подыскать никакой положительной причины, генералу Кавеньяку суждено было еще разъ одержать неожиданную побѣду надъ своими врагами, привести въ смущеніе своихъ клеветниковъ и достигнуть передъ всей страной блестящаго возстановленія своей чести и своей оскорбленной гордости.

Четверо изъ его прежнихъ коллегъ по исполнительной комиссіи: Гарнье-Пажесъ, Дюклеръ, Бартеlemi-Сантъ-Илеръ и Паньеръ, побуждаемые чувствомъ мелочной мести, а также, какъ говорятъ, подстрекаемые правой¹⁾, распространили полный совершенно лож-

¹⁾ Называютъ, между прочимъ, Тьера и де-Мальвиля, которые будто

ныхъ подробностей разскавъ объ іюньскихъ дѣлахъ, стараясь доказать, что генераль измѣнилъ исполнительній комиссіи, составивъ противъ нея парламентскій заговоръ и помогая съ преступными цѣлями возстанію.

Глава исполнительній власти почувствовалъ себя уязвленнымъ до глубины души несправедливостію подобнаго обвиненія. Такъ какъ онъ имѣлъ дѣло не съ обыкновенными клеветниками, а съ такимъ человѣкомъ, какъ Гарнье-Пажесъ, пользовавшимся неоспоримой репутаціей честности, и такъ какъ обвиненіе было направлено на тотъ существенный актъ, который, смотря потому, какъ онъ былъ понятъ и опѣненъ, долженъ былъ наложить неизгладимую печать на всю его жизнь, то онъ вызвалъ публичное обсужденіе этого дѣла и требовалъ, чтобы Собраніе рѣшило вопросъ между нимъ и его противниками. 25-го ноября, послѣ того, какъ Бартеми-Сентъ-Илеръ прочиталъ Собранію долгій разскавъ въ формѣ обвиненія, которымъ хотѣли уничтожить Кавеньяка, послѣдній взошелъ на трибуну. Никогда еще его не видѣли такимъ взволнованнымъ; но его волненіе не только не смутило его мысли, но придало ей лишь большую силу выраженія. Онъ занималъ трибуну въ теченіе четырехъ часовъ, ни на минуту не утомляя вниманія Собранія, привлекая къ себѣ, по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, всѣ симпатіи. Перейдя отъ волненія къ ироніи, отъ ироніи къ математической точности, оставаясь во всѣхъ случаяхъ правдивымъ, простымъ, гордымъ и всегда убѣдительнымъ, генераль Кавеньякъ уничтожилъ своихъ личныхъ враговъ точно такъ же, какъ онъ уничтожилъ враговъ Собранія.

Засѣданіе продолжалось до 11 часовъ вечера, и никто не замѣтилъ этого: такъ глубокъ былъ интересъ къ дѣлу. Все было серьезно въ этомъ настроеніи умовъ. Припомнились и порывы благодарности, которыми послѣ избавленія отъ опасности жители привѣтствовали спасителя Парижа. Нельзя было безъ искренняго сочувствія видѣть это благородное, блѣдное отъ негодованія лицо, эти черты, на которыхъ утомленіе, огорченіе и разочарованія политической борьбы наложили преждевременную печать.

Когда престарѣлый Дюпонъ-де-Леръ появился на трибунѣ и предложилъ Собранію торжественнымъ вотумомъ во второй разъ выразить свою благодарность побѣдителю іюньскаго возстанія, ему отвѣтили горячими аплодисментами. Мелочныя придирки партійнаго духа смолкли еще на минуту передъ очевидностію и справедливостію. Пятьсотъ представителей противъ тридцати четырехъ

бы побуждали къ обвиненію. Пытались привлечь и Ламартина къ нападенію, но его благородный умъ не поддался этому никакому замыслу.

вотировали слѣдующую формулу очереднаго порядка, составленную Дюпономъ-де-Леръ ¹⁾:

«Національное Собраніе, оставаясь на почвѣ декрета 28 іюня, гласящаго, что «генераль Кавеньякъ, глава исполнительной власти, заслужилъ благодарность отечества», переходитъ къ очереднымъ дѣламъ».

Но этотъ памятный вотумъ, этотъ блестящій триумфъ, производившій такое сильное впечатлѣніе въ Парижѣ и заставившій правительство предположить, что онъ измѣнитъ направленіе общественнаго мнѣнія, прошелъ почти незамѣтнымъ въ провинціи; остановившаяся на нѣсколько дней клевета въ печати начала снова работать съ яростью. На министра внутреннихъ дѣлъ, остановившаго на шесть часовъ отъѣздъ почтальоновъ, чтобы сообщить департаментамъ вотумъ Собранія, накинулись, точно онъ совершилъ государственное преступленіе. Списокъ національныхъ наградъ, сдѣланныхъ еще въ первые дни революціи, послужилъ новымъ поводомъ нападокъ на министровъ, которые даже ничего о немъ не знали.

Конгрессъ департаментской печати, рѣшившій поддержать кандидатуру Людовика-Наполеона, до безконечности повторялъ обвиненія столичной прессы.

Въ это время императорскій кандидатъ, уѣхавъ на дачу въ Отейль, чтобы избѣжать, какъ говорили его друзья, народныхъ острацій, привлекалъ къ себѣ всѣхъ вліятельныхъ людей, къ какимъ бы партіямъ они ни принадлежали. Онъ бесѣдовалъ со всѣми приблизительно такъ же, какъ онъ дѣлалъ это во время своего заключенія въ Гамбъ, высказывая просто и по видимому совершенно безкорыстно свое мнѣніе о будущности Франціи. Онъ не отталкивалъ никого и не пренебрегалъ никѣмъ. Сначала социализмъ по видимому игралъ серьезную роль въ его намѣреніяхъ. До отъѣзда въ Лондонъ, онъ видѣлся съ Луя-Бланомъ и Кабэ. По пріѣздѣ въ Парижъ онъ выразилъ желаніе познакомиться съ Прудонъ. Но черезъ нѣсколько недѣль его оцѣнка силы партій измѣнилась, и онъ болѣе откровенно сталъ сближаться съ людьми правой, въ особенности съ легитимистами, какъ, напримѣръ, Женудъ, а главное, съ ультрамонтанами. Онъ не пренебрегалъ и другими средствами привлечь на свою сторону менѣе значительныхъ личностей, но такихъ, которыя пользовались нѣкоторой извѣстностью или которыя имѣли какое-нибудь даже второстепенное вліяніе на

¹⁾ Между этими 34 оппонентами замѣчаются слѣдующія имена: генераль Барагэ-д'Илье, Теодоръ Вакъ, Викторъ Гюго, Люсьенъ Мюратъ, Пьеръ Леру, Прудонъ, Эжень Распайль.

умы. Выдающіяся лица, враждебно относившіяся и къ нему, и къ его дѣлу, уже не боролись съ этими вліяніями, потому-ли что они видѣли себя безсильными передъ бонапартистскимъ движеніемъ въ деревняхъ, или же потому, что они предпочитали подвергаться скорѣе риску неизвѣстныхъ случайностей, чѣмъ видѣть утвержденіе республиканскаго правленія. Мнѣніе, которое представители правой составили себѣ о посредственномъ умѣ принца Людовика-Бонапарта, много способствовало тому, что они предпочли его генералу Кавеньяку. Легитимисты и орлеанисты также думали, что для того, чтобы вернуться, первые—къ правленію старшей линіи, вторые—къ орлеанской династіи, лучшимъ и наиболѣе вѣрнымъ путемъ будетъ временное президентство чловѣка, имя котораго напоминаетъ народу монархическія формы и личная незначительность котораго не противопоставитъ въ извѣстный моментъ никакого серьезнаго препятствія ниспроверженію республиканскаго правительства.

Такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ трусость, корысть, тщеславіе, мелкое честолюбіе ослѣпили людей партій и ввергли ихъ, противно разуму, противно чести и всякой политикѣ, въ гораздо худшее состояніе, чѣмъ то, отъ котораго они хотѣли избавиться.

Между тѣмъ, настаетъ 10-е декабря, день назначенный Собраніемъ для выборовъ. Народъ уже призванъ; право его утверждено. Каково бы ни было имя, которое онъ вынетъ изъ урны, никто не думаетъ о томъ, чтобы можно было оспаривать его выборъ. Народъ самъ распоряжается своей участью.

Этотъ часъ и тотъ актъ, который въ теченіе его совершается, еще болѣе торжественны, чѣмъ то представлялось тогда. Общественное мнѣніе, заинтересованное избраніемъ президента, какъ весьма важнымъ политическимъ событіемъ, не понимаетъ, что избраніе само по себѣ, въ своемъ принципѣ, составляетъ именно ту социальную революцію, самый отдаленный намекъ на которую еще недавно съ такой энергіей былъ отвергаемъ и которую вообразили себѣ побѣжденной нотому, что сослали на понтонны нѣсколько тысячъ пролетаріевъ. Никто не видитъ, что созывъ народа при подобныхъ обстоятельствахъ, способъ и цѣль этого созыва, каковъ бы ни былъ ихъ непосредственный результатъ, съ строгой точностью опредѣляютъ конецъ стараго социальнаго строя, утвержденного на раздѣленіи власти и уравнивожденіи историческихъ правъ, и что они основываютъ новое государство на противоположномъ прежнему принципѣ единого нераздѣльнаго права: верховной власти народа.

Но вскорѣ инстинктъ массъ и имя чловѣка, избраннаго съ удивительнымъ единодушіемъ для врученія ему верховной власти

указываютъ наблюдателю на всю глубину и всю распространенность этой революціи, которая проходитъ незамѣченной для толпы. Отбросивъ имя Кавеньяка и даже Ледрю Роллана, которые оба въ различной степени представляютъ собой политическую борьбу, въ которыхъ онъ чувствуетъ еще какую-то не внушающую ему довѣрія индивидуальность, крестьянскій народъ, въ первый разъ вносящій въ пользованіе своего права живой интересъ, потому, что ему предстоитъ создать въ государствѣ дѣйствительно верховную силу, дать этой силѣ имя, не представляющее для него никакой партіи, но означающее побѣду равенства надъ привилегіей, побѣду демократіи надъ королями и аристократами, побѣду французской революціи надъ европейскими династіями.

Вотъ что выражаютъ самымъ абсолютнымъ образомъ въ умѣ народа царствованіе и имя императора Наполеона; вотъ что онъ думаетъ и хочетъ воскресить избраніемъ Людовика-Бонапарта.

Народныя массы, еще не культурныя, еще полуварварскія и, такъ сказать, не организованныя (слово *массы* достаточно передаетъ это понятіе), такъ же, какъ и первобытныя общества, руководятся и вдохновляются единственно чувствомъ и воображеніемъ. Неспособны къ отвлеченнымъ идеямъ, къ тому, чтобы составить общее понятіе, увидѣть связь и послѣдовательность обстоятельствъ и фактовъ, онѣ олицетворяютъ въ одномъ имени, концентрируютъ въ одномъ моментѣ всѣ многостороннія силы, содѣйствующія социальному прогрессу, онѣ надѣляютъ эти олицетворенія сверхъ-естественнымъ могуществомъ и легендарной долговѣчностью. Наполеонъ-Бонапартъ представляетъ собой въ новѣйшія времена самый поразительный примѣръ этой способности олицетворенія. Все, что философская мысль создала до него, все, чего политическія общества достигли въ смыслѣ прогресса, вся власть, вся слава, которую непрерывный рядъ великихъ людей далъ націи—все это воплотилось для народа въ одномъ имени. Все, что сдѣлали Руссо, Кондорсэ, Тюрго, Мирабо, Дантонъ, Готъ, Марсо—все это народъ, несправедливый и неблагодарный, по невѣжеству, приписалъ Бонапарту. Возобновляя въ наши дни чудесныя созданія фантазіи древнихъ грековъ, народъ сосредоточиваетъ на одномъ человѣкѣ все уваженіе, все изумленіе, всю благодарность, которыя заслуживаютъ своими трудами множество лицъ. Наполеонъ для него олицетворяетъ собой одновременно и творящій геній, и исполняющую силу—это Орфей и Геркулесъ французской революціи.

Деревенскій житель въ сущности никогда не вѣрилъ особенно въ смерть Наполеона; и вотъ, когда ничѣмъ не ознаменовавшій себя племянникъ великаго полководца является, послѣ паденія двухъ династій, требовать своего права управлять Франціей, на-

роду кажется, что онъ снова видитъ своего императора. Явленіе это поистинѣ волшебное, отождествленіе личности полное; столь полное, что ему даже и въ голову не приходитъ спросить, какова до сихъ поръ была жизнь, каковы достоинства, каковъ будетъ геній новаго Бонапарта.

Этотъ инстинктъ олицетворенія и воскрешенія прошлаго въ настоящемъ, представляющій собою характерный признакъ низшей ступени развитія, дѣлается въ данный моментъ причиной торжества народа. По царствующему въ природѣ закону то, что хочетъ еще вылиться, воплотиться въ жизнь, всегда имѣетъ большую силу импульса, чѣмъ то, что хочетъ только продолжать свое прежнее существованіе. Принципъ свободы, составлявшій могущество буржуазныхъ классовъ, когда они должны были совершать политическую революцію, затмевается мгновенно. Принципъ равенства, во имя котораго народная масса хочетъ въ свою очередь произвести социальную революцію, беретъ верхъ. Противъ полутора милліона голосовъ, данныхъ интеллигентными классами генералу Кавеньяку, народъ выставляетъ пять милліоновъ голосовъ, которыми онъ провозглашаетъ Людовика-Наполеона Бонапарта ¹⁾. Демократія, которую никто не хотѣлъ или не умѣлъ понять, вдвойнѣ проявляетъ свою мощь—грубой силой численности и выборомъ имени, олицетворяющаго собой абсолютную власть. Надъ Франціей будетъ тяготѣть законъ возмездія. Высшіе классы хотѣли свободы только для себя; народъ въ свою очередь добивается равенства только въ свою пользу. За то, что руководящіе классы не совершили, путемъ свободы, своей цивилизаціонной миссіи, не возвысили до себя некультурныя массы, развитіе ихъ успѣховъ будетъ остановлено; они будутъ лишены всякаго движенія впередъ.

Такъ какъ неполный опытъ и слишкомъ мягкое наказаніе 24-го февраля оказались недостаточными, 10-е декабря нанесетъ имъ теперь болѣе чувствительный ударъ. Въ то время, какъ они еще спорятъ между собой и высчитываютъ шансы претендентовъ, другой претендентъ, значеніе котораго все расло и расло, никѣмъ незамѣ-

¹⁾ 10-го декабря 1848 г. насчитываютъ 7,326,345 вотирующихъ.

Людовикъ-Наполеонъ получилъ 5,434,226 голосовъ.

Кавеньякъ " 1,448,107 "

Ледрю-Роллэнъ " 370,119 "

Распайль " 36,920 "

Ламартинъ " 7,910 "

Генералъ Кавеньякъ получилъ большинство голосовъ въ четырехъ департаментахъ: Варѣ, Устьяхъ Роны, Морбиганѣ и Финистерѣ. Наполеону большинство голосовъ дали самые социалистические департаменты: Сона-и-Луара, Креза, Верхняя Вьенна, Изера и Дрома.

чаемое, вдругъ появился въ яркомъ сіяніи и требуетъ своего права. Этотъ забытый претендентъ—старый Жакъ, сдѣлавшійся изъ раба пролетаріемъ, изъ пролетарія обладателемъ земли, изъ обладателя земли законодателемъ; это Жакъ, котораго такъ долго угнетали, который хочетъ угнетать въ свою очередь и который грозитъ все поглотить въ себѣ, все уравнивать подъ своимъ безмолвнымъ и гигантскимъ закономъ.

Избраніе Людовика-Наполеона Бонапарта,—это воскрешеніе императорской власти по гласу народа,—не имѣетъ другого смысла. 10-е декабря, такъ же какъ и 24-е февраля, носитъ по отношенію къ низшимъ классамъ характеръ законной эмансипаціи, происшедшей, по винѣ руководящихъ классовъ, раньше эмансипаціи интеллигентуальной и, вслѣдствіе этого, обратившейся противъ свободы.

Суждено-ли демократіи XIX вѣка испытать печальную судьбу римскаго плебея, какъ это уже предсказывали? Неужели она, неспособная подняться до свободы, не имѣетъ идеала, кромѣ хлѣба и зрѣлищъ, и иного конца, какъ нашествіе варваровъ?

Слишкомъ много вѣрныхъ предзнаменованій, слишкомъ много рациональныхъ признаковъ и явленій отвѣчаютъ на эти вопросы и разсѣиваютъ эти опасенія. Не говоря о политическихъ катастрофахъ, могущихъ возникнуть въ недалекомъ будущемъ, общій взглядъ на общество и на его развитіе учитъ насъ надеждѣ.

Современная демократія не подчинена закону античнаго рока. Христіанство, изъ котораго она вытекла, философія, которая ее усыновила, открыли ей принципъ и подготовили пути къ безконечному прогрессу. Ее толкаетъ не слѣпая энергія, а оживляетъ органическая сила, сила, ищущая закона и формы болѣе широкой, болѣе совершенной цивилизаціи. Среди того, что можетъ показаться временнымъ разрушеніемъ или, по крайней мѣрѣ, возвращеніемъ къ относительному варварству,—такъ какъ это есть торжество массы надъ лучшими элементами, инстинкта надъ умомъ,—чувствуется броженіе могучихъ силъ. Путемъ недоступныхъ полному пониманію средствъ совершается какой-то таинственный процессъ. Изъ *массы* народъ уже сдѣлался *числомъ*. Въ великомъ актѣ, къ которому онъ былъ призванъ, его сосчитали, онъ считалъ себя самъ. Теперь онъ позналъ самого себя; съ сознаніемъ своей силы онъ пріобрѣлъ сознаніе своего права; а въ новѣйшія времена идея права неизбѣжно порождаетъ потребность свободы, а затѣмъ, наконецъ, и способность къ ней. Мы видимъ уже, какъ соціальныи инстинктъ народа и политическая наука образованныхъ классовъ, все еще борющіеся между собой, такъ какъ считаютъ другъ друга врагами, проникаются взаимно собой, какъ бы помимо своей воли, въ той самой борьбѣ, которая ихъ

сближаетъ и ставитъ лицомъ къ лицу. Но скоро, примирившись и подкрѣпляя другъ друга въ восходящемъ движеніи болѣе общей цивилизаціи, они вмѣстѣ будутъ утверждать законы новаго общества. Тогда только, но тогда уже несомнѣнно, проснется гений Франціи; нравы и учрежденія придутъ во взаимное согласіе, отсутствіе котораго выражается въ настоящее время большими страданіями. Тогда будетъ основано царство демократіи. Тогда французская революція, сдѣлавшаяся революціей европейской, то есть самой обширной изъ всѣхъ соціальныхъ революцій со временъ утвержденія христіанства, будетъ завершена.

Къ читателю.

Нѣкоторые писатели, говоря о своихъ произведеніяхъ, выражаются такъ: «моя книга, мои комментаріи, моя исторія». Отъ нихъ такъ и несетъ буржуазнымъ духомъ обывателя, у котораго окна на улицу, а на языкѣ поминутно слова: *у меня дома*. Имъ слѣдовало бы говорить: «наша книга, наши комментаріи, наша исторія», такъ какъ обыкновенно во всемъ этомъ гораздо болѣе чужого, чѣмъ собственнаго.

Сколько разъ во время печатанія настоящаго сочиненія я вспоминала этотъ совѣтъ моралиста, думая, что онъ относится ко мнѣ болѣе, чѣмъ къ кому либо другому. *Исторія Революции 1848 г.*, какъ бы она ни была несовершенна, всетаки никогда не могла бы быть окончена безъ содѣйствія множества лицъ, которыя своими разсказами, свѣдѣніями, совѣтами, сообщеніями придали ей ту вѣрность и безпристрастность, которыя изучавшимъ угодно было признать за моимъ трудомъ и которыя составляютъ его главное достоинство. *Исторія Революции 1848 г.* есть, слѣдовательно, трудъ болѣе коллективный, чѣмъ индивидуальный; но хотя мое самолюбіе и не можетъ считать себя польщеннымъ этимъ, я думаю, что это условіе, въ общемъ несовмѣстимое съ совершенствомъ художественнаго произведенія, въ данномъ случаѣ способствуетъ достиженію той цѣли, къ которой я стремлюсь. Смѣю надѣяться, что книга, гдѣ авторъ совершенно исчезаетъ, а говорятъ сами факты, болѣе всего способна будетъ распространить тѣ истины, которыя я считаю полезными, и что она, такимъ образомъ, лучше, чѣмъ какое-либо болѣе совершенное и субъективное произведеніе, осуществитъ счастливую мысль Вольтера: «Съ книгами происходитъ то же, что и съ огнемъ: его берутъ у сосѣда, зажигаютъ у себя, даютъ другимъ—и онъ принадлежитъ всѣмъ».

Тотъ огонь, который мнѣ хотѣлось бы распространить, есть горячая и глубокая вѣра въ будущее, которую самыя неожиданныя и

ныя событія каждый день оживляютъ въ моемъ сердцѣ. Пусть эта вѣра сообщится всѣмъ, кто соблаговолитъ прочесть мою книгу. Пусть она поддержитъ ихъ въ тѣхъ испытаніяхъ, которыя придется еще выдержать друзьямъ свободы, и предохранитъ ихъ отъ несправедливаго духа равнодушія или реакціи, зарождающагося въ общественномъ мнѣніи отъ волъ, неразлучныхъ съ каждымъ, самыми законными революціями. Если-бъ это было такъ, то я считала бы, что достигла своей цѣли; никакой другой успѣхъ не соблазнилъ бы меня въ такой степени, — строгая критика не огорчила бы меня, и мое самолюбіе было бы удовлетворено.

К О Н Е Ц Ъ.

Историческіе документы.

I.

Прокламація Кабэ (пятница 25 февраля 1848 г.).

Народный Клубъ (Le Populaire)

къ икарійскимъ коммунистамъ.

Братья рабочіе,

Мы всегда говорили, что мы прежде всего французы, патриоты, демократы, столь же неустрашимые, сколько гуманные и умѣренные: вы только что доказали это. Ужасное предательство, заставившее пролить кровь гражданъ въ среду 23 февраля, передъ зданіемъ министерства иностранныхъ дѣлъ, принудило васъ взяться за оружіе для общей защиты, и вы въ незабвенный день 24 февраля раздѣлили геройское самопожертвованіе храброго и великодушнаго парижскаго населенія.

Теперь только *единеніе, порядокъ и дисциплина* могутъ упрочить за народомъ плоды его побѣды и утвердить его права и интересы.

Итакъ, соединимся вокругъ временнаго правительства, находящагося подъ предсѣдательствомъ Дюпона-де-Лѣръ и замѣнявшаго ненавистное правительство, которое обогрило себя кровью гражданъ.

Будемъ поддерживать это временное правительство, которое объявляетъ себя республиканскимъ и демократическимъ, провозглашаетъ верховную власть и единство націи, принимаетъ принципами братство, равенство и свободу, девизомъ и паролемъ—народъ и распускаетъ палаты, чтобы созвать Національное Собраніе, которое дастъ Франціи требуемую конституцію.

Но мы должны умѣть сами требовать послѣдствія этихъ принциповъ.

Будемъ требовать, чтобы всѣ французы были объявлены *братьями*, равными по обязанностямъ и правамъ безъ всякихъ привилегій,

всѣ членами національной гвардіи, всѣ избирателями и избираемыми на всѣ общественныя должности, безъ всякаго низменнаго денежнаго условія.

Будемъ требовать естественнаго и неотъемлемаго права ассоціаціи, собраній, обсужденія свободы личной, безъ произвольнаго насилія какого бы то ни было человѣка, свободы печати, безъ стѣсненій, безъ залоговъ и гербоваго сбора.

Будемъ требовать въ особенности гарантіи всѣхъ правъ и всѣхъ интересовъ рабочихъ; форменнаго признанія права жить трудомъ, дабы отецъ семейства не былъ поставленъ въ ужасную необходимость покинуть жену и дѣтей, чтобы умереть, сражаясь.

Будемъ требовать работы и обезпеченія благосостоянія путемъ труда.

Будемъ требовать отмены налоговъ на предметы первой необходимости.

Будемъ требовать уничтоженія всѣхъ унижительныхъ приемовъ обыскиванія и несправедливыхъ учреждений, какъ внѣшняя и внутренняя таможи.

Будемъ требовать для народа общаго, бесплатнаго, одинаковаго, дѣйствительнаго и полнаго образованія.

Будемъ требовать учреждений и гарантій для счастья *женщинъ и дѣтей*, дабы каждый имѣлъ возможность жениться съ увѣренностью, что онъ можетъ воспитывать семью и дѣлать ее счастливой.

Вѣрные нашимъ принципамъ братства, гуманности и умѣренности, справедливости и разума, будемъ кричать всюду и всегда: не надо мщенія! не надо безпорядковъ, не надо насилій, не надо притѣсненій ни для кого! Но нужны твердость, прозорливость и предусмотрительность, чтобы достигнуть справедливости для всѣхъ!

Не надо нападать на собственность! Но надо сохранять непоколебимое постоянство въ требованіи всѣхъ средствъ, которыя могутъ согласоваться со справедливостью для уничтоженія *нищеты*, а именно путемъ принятія системы постепеннаго уменьшенія демократическаго неравенства и постепеннаго увеличенія демократическаго равенства.

Будемъ остерегаться требовать немедленнаго примѣненія нашихъ коммунистическихъ доктринъ. Мы всегда говорили, что желаемъ ихъ торжества путемъ обсужденія, убѣжденія, силы общественного мнѣнія, индивидуальнаго согласія и національной воли: останемся вѣрными нашимъ словамъ.

Но многіе изъ насъ своей кровью приобрѣли право ассоціаціи, собраній и публичныхъ преній; поэтому будемъ непоколебимо стойки въ требованіи этихъ правъ, и опытности, соединенной съ свободнымъ обсужденіемъ, достаточно будетъ, чтобы убѣдить всѣхъ

въ томъ, что наша система политической и социальной организаціи есть единственное средство противъ нищеты, единственное, которое можетъ упрочить счастье и спасеніе человѣчества.

Еще одно слово: временное правительство объявляетъ вооруженіе всѣхъ гражданъ и общую организацію національной гвардіи, гарантируя вмѣстѣ съ тѣмъ существованіе народа. Поэтому не складывайте оружія, не покидайте вашихъ прославленныхъ и незабвенныхъ баррикадъ! Оставьте, напротивъ, всѣ ваши дѣла, чтобы организовать и записаться въ ряды народныхъ воиновъ! Закончите, довершите и поставьте на правильную ногу ваше вооруженіе, требуйте, чтобы всѣ бастионы были разружены, чтобы всѣ пушки, все оружіе и всѣ запасы были переданы народу, и чтобы парижскій народъ былъ весь подъ оружіемъ, организованный, дисциплинированный, подъ командой избранныхъ имъ самимъ начальниковъ. Тогда только мы будемъ имѣть дѣйствительную гарантію порядка и свободы, свободы и порядка. И когда вся національная гвардія Франціи будетъ вооружена и организована демократическимъ путемъ, тогда мы получимъ гарантію всеобщаго мира, независимости націи и братства народовъ.

Парижъ, 25-го февраля, 1848 г.

Каба.

II, III, IV.

(Подробные списки названій клубовъ и газетъ, основанныхъ въ дни революціи, а также депутацій, принятыхъ временнымъ правительствомъ).

V.

Декларація правъ женщины.

Олимпіи де'Гужъ.

(Извлеченіе).

Женщина рождается свободной и остается равной мужчинѣ въ своихъ правахъ. Соціальныя различія могутъ быть основаны только на общей пользѣ.

Цѣль всякой политической ассоціаціи есть сохраненіе естественныхъ и неотъемлемыхъ правъ женщины и мужчины. Права эти: свобода, собственность, безопасность и, въ особенности, сопротивленіе насилію.

Принципъ всякой верховной власти естественнымъ образомъ поκειται на націи, которая есть ни что иное, какъ соединеніе мужчины и женщины. Никакая корпорація, никакая личность не могутъ пользоваться властью, которая не исходитъ отъ нихъ.

Свобода и справедливость заключаются въ томъ, чтобы отда-

вать все, что принадлежит другимъ. Такъ, напимѣръ, пользованіе естественными правами женщины не имѣетъ другихъ предѣловъ, кромѣ постоянной тиранніи, которую противопоставляетъ ей мужчина. Эти предѣлы должны быть преобразованы законами природы и разума. Законъ долженъ быть выраженіемъ всеобщей воли; всѣ гражданки, какъ и всѣ граждане, должны, лично или черезъ своихъ представителей, содѣйствовать его составленію. Онъ долженъ быть одинаковъ для всѣхъ. Такъ какъ всѣ гражданки и всѣ граждане равны передъ нимъ, то они должны быть также одинаково допустимы ко всѣмъ мѣстамъ и должностямъ сообразно съ ихъ способностями и безъ иного различія, какъ только то, которое вытекаетъ изъ ихъ добродѣтелей и ихъ талантовъ.

Женщина имѣетъ право всходить на эшафотъ; она должна также имѣть право всходить и на трибуну.

Гарантія правъ женщины идетъ на пользу всѣмъ, а не служить отдѣльной выгодой той, кому она дана.

Женщина, такъ же какъ и мужчина, платитъ общественный налогъ; слѣдовательно, она имѣетъ право, какъ и онъ, требовать у каждого общественнаго агента отчета въ его администраціи.

Всякое общество, въ которомъ гарантія правъ не упрочена, гарантія властей не опредѣлена, не имѣетъ конституціи. Конституція не имѣетъ никакой силы, если большинство индивидумовъ, составляющихъ націю, не принимало участія въ ея составленіи.

Женщины, проснитесь, разумъ забилъ въ набатъ во всемъ мірѣ! Предразсудки, фанатизмъ, суевѣріе и ложь не окружаютъ болѣе могучее царство природы. Свѣточъ истины разсѣялъ мракъ глупости и узурпаціи. О, женщины, женщины, когда вы перестанете быть слѣпыми? Какія преимущества вы приобрѣли въ революціи? Болѣе замѣтное презрѣніе и болѣе явное пренебреженіе. Во время вѣковъ испорченности нравовъ вы царили надъ слабостью мужчинъ. Ваше царство разрушено. Что же вамъ остается? Убѣжденіе въ несправедливости мужчины. Соединитесь подъ знаменами философіи; противопоставьте силу разума силѣ матеріальной, и вы увидите скоро, что эти гордецы не будутъ, какъ рабскіе поклонники, ползать у вашихъ ногъ, а будутъ гордиться тѣмъ, что могутъ раздѣлить съ вами сокровища Высшаго Существа.

VI.

Извлеченіе изъ письма Луи-Блана.

Не понимаю, изъ чего Гарнье-Пажесъ могъ заключить, что я поддерживаю систему *принудительныхъ ассоціацій*. На собраніи у Мари, вопросъ вовсе не касался выбора между *принудитель-*

ными ассоціаціями и свободными или добровольными. Дѣло было такъ: Корбонъ, Мари, Гарнье-Пажесъ, Маррасть были того мнѣнія, что слѣдуетъ поощрять рабочихъ, которые захотятъ составить ассоціаціи, но при этомъ тщательно стараясь включить поощреніе въ кругъ частнаго содѣйствія, и отклоняя всякое благопріятное вмѣшательство правительства. Я же, наоборотъ, говорилъ, что если принципъ ассоціаціи признанъ полезнымъ, способнымъ поднять духовный уровень рабочаго и успѣшно вліять на социальную дѣятельность, то нѣтъ никакой причины тому, чтобы правительство, какъ представитель общества, сидѣло сложа руки тамъ, гдѣ имѣетъ право инициативы всякое частное лицо. Итакъ, не отклоняя никоимъ образомъ частной инициативы, я требовалъ только, чтобы социальная инициатива не была устранена.

Другой вопросъ: эти господа хотѣли, чтобы поддержка, оказываемая ассоціаціямъ, оказывалась безо всякихъ условій и не имѣла отношенія къ общей цѣли, которой желаютъ достигнуть. Я же, напротивъ, говорилъ: «Если примѣненіе принципа ассоціаціи должно быть поощряемо, — то не въ виду того, что это должно вести къ увеличенію благосостоянія для тѣхъ или другихъ рабочихъ *въ частности*, но потому, что ассоціація есть средство постепеннаго освобожденія для рабочаго класса *вообще*. Если тѣ или другіе рабочіе образуютъ ассоціацію въ какомъ-либо мѣстѣ, съ единственной цѣлью улучшить свои частныя дѣлишки, и потомъ, когда разбогачѣются, въ свою очередь взять на службу себѣ рабочихъ и сдѣлаться буржуа, то какой же въ этомъ толкъ? Однѣ ассоціаціи раззорятся, другія, можетъ быть, будутъ процвѣтать, точно такъ же, какъ и теперь есть магазины, которые богачѣются, а другіе раззоряются. Наиболѣе ловкіе или наиболѣе счастливые найдутъ средство перейти изъ одного класса въ другой, высшій, съ высоты котораго будутъ взирать съ презрѣніемъ на другихъ, какъ это дѣлаютъ болѣею частью всѣ выскочки. И общество не сдѣлаетъ при этомъ ни шага впередъ. Итакъ, главный вопросъ будетъ состоять въ томъ, чтобы, поощряя *частныя* попытки ассоціацій, изыскать средства дать имъ *общее* значеніе; главный вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы заставить каждую ассоціацію смотрѣть на себя, какъ на часть цѣлаго, и чтобы она подъ вліяніемъ эгоистическихъ соображеній не отдѣляла своихъ интересовъ отъ интересовъ всѣхъ рабочихъ. Что же нужно для этого? Отнюдь не слѣдуетъ давать тому или другому союзу рабочихъ, желающихъ составить ассоціацію, слѣпую и безусловную поддержку. Слѣдуетъ имъ хорошенъко объяснить, что дѣло не въ томъ, чтобы воскресить корпораціи, вернуться къ режиму цеховъ и старинныхъ мастерскихъ (*jurandes et maîtrises*). Слѣдуетъ поставить

условіемъ помощи, которую имъ окажутъ, обязательство съ ихъ стороны открыть для всѣхъ двери своей ассоціаціи, разѣ она составлена, такъ, чтобы она постепенно все увеличивалась и увеличивалась. Этого результата легко достигнуть путемъ основанія соціального фонда изъ ежегодныхъ вычетовъ съ суммы прибылей и употребленія этого фонда на постепенное расширеніе первоначально начертаннаго круга. Прибавьте къ этому организацію братскихъ сношеній между различными ассоціаціями, и тогда, вмѣсто общества, вращающагося только вокругъ самого себя, вы получите общество, двигающееся впередъ. Когда правительство даетъ концессію на желѣзную дорогу, когда оно разрѣшаетъ сооруженіе канала или эксплуатацію рудника, разѣ концессія или разрѣшеніе не бываютъ всегда условными? Разѣ они не подчиняются принятію извѣстныхъ параграфовъ, включенныхъ въ виду общаго интереса? Также должно быть и въ томъ случаѣ, когда правительство предлагаетъ помочь авансами ассоціаціи рабочихъ. Такъ какъ мотивомъ его въ этомъ случаѣ служить не покровительство какихъ-либо личныхъ интересовъ въ ущербъ другимъ, а способствованіе осуществленію большаго соціального опыта, то оно должно и заключать условія въ виду общаго интереса, оно должно поставить извѣстное условіе даруемому покровительству, и это условіе, эта премія покровительства должна относиться къ нравственному и физическому улучшенію положенія всего рабочаго класса такъ же, какъ въ концессіи желѣзныхъ дорогъ, каналовъ, рудниковъ это условіе относится къ соображеніямъ общихъ интересовъ. Это вовсе не значить входить въ систему *принудительныхъ ассоціацій*, такъ какъ нельзя *принудить* принять режимъ ассоціаціи того, кому онъ не нравится; это значить только поставить для помощи условіе, которое мѣшаетъ ей сдѣлаться привилегіей. Вы совершенно свободны вступать или не вступать въ ассоціацію, но если, желая вступить въ нее, вы просите нашей помощи, то мы даемъ ее только на условіяхъ, рассчитанныхъ на то, чтобы приносить пользу *всѣмъ*; мы даемъ ее въ виду блага *всѣхъ*. Что же въ этомъ есть такого, что оправдывало бы названіе *принудительной ассоціаціи*. Это все равно, какъ если бы сказали о желѣзной дорогѣ, что это *принудительная компанія*, такъ какъ она должна подчиняться извѣстнымъ условіямъ концессіи!»

Вотъ въ чемъ заключался дебатруемый вопросъ. Если гг. Гудшо, Мари, Корбонъ, Гарнье-Пажесъ не были согласны съ моимъ мнѣніемъ, такъ это именно въ виду значенія моей точки зрѣнія. Они хотѣли чего-то въ родѣ маленькаго паліатива тамъ, гдѣ я хотѣлъ настоящаго лѣкарства; они хотѣли выказать добрыя nambrénia рабочимъ классамъ тамъ, гдѣ я хотѣлъ въ обширныхъ

размѣрахъ работать для ихъ эмансипаціи. Вотъ пунктъ, на которомъ мы не сошлись. Но о чемъ г. Гарнье-Пажесъ забылъ сказать, такъ это, что на этомъ собраніи было извѣстное число рабочихъ, и что за исключеніемъ тѣхъ, которыхъ «National» завербовалъ черезъ свою *мастерскую* и черезъ г. Корбона, всѣ присутствовавшіе рабочіе были на моей сторонѣ.

VII.

Прокламація временнаго правительства.

Французская Республика.

Свобода, равенство, братство.

Временное правительство къ французскому народу.

Граждане,

При всѣхъ великихъ актахъ жизни народа, правительство обязано оповѣщать націю.

Вы готовитесь совершить одинъ изъ величайшихъ актовъ народной жизни: избрать представителей страны, извлечь изъ вашей совѣсти и вашего голосованія не только правительство, но и социальную власть, но и цѣлую конституцію! Вы будете организовать Республику!

Мы только провозгласили ее. Поставленные у власти общимъ согласіемъ во время междоусобицы народа, мы не хотѣли и не хотимъ другой диктатуры, какъ только той, которой требуетъ абсолютная необходимость. Если бы мы не приняли опасный постъ, мы были бы трусами. Если бы мы остались на немъ, хотя бы часомъ долѣе, чѣмъ этого требуетъ необходимость, мы были бы узурпаторами.

Вы сильны!

Мы считаемъ дни. Мы стремимся какъ можно скорѣе передать Республику націи.

Временный избирательный законъ, составленный нами, есть самый широкій, какой ни у одного еще народа въ мірѣ не призывалъ народъ къ пользованію высшимъ правомъ челоуѣка, своей собственной верховной властью.

Избирательство есть право всѣхъ безъ исключенія.

Со времени этого закона, пролетаріевъ нѣтъ болѣе во Франціи.

Каждый французъ, достигшій совершеннолѣтія, есть политическій гражданинъ. Каждый гражданинъ есть избиратель. Каждый избиратель обладаетъ верховной властью. Право одинаково и абсолютно для всѣхъ. Нѣтъ ни одного гражданина, который могъ бы сказать другому: «Ты обладаешь большей властью, чѣмъ я».

Совершайте ваше могущество, готовьтесь пользоваться имъ и будьте достойными вступить во владѣніе вашимъ царствомъ!

Царство народа называется Республикой.

Если вы спросите насъ, какую республику мы подразумеваемъ подъ этимъ именемъ, какихъ принциповъ, какой политики, какой добродѣтели мы желаемъ тѣмъ республиканцамъ, которыхъ вы изберете, то мы отвѣтимъ вамъ: «Посмотрите на народъ Парижа и Франціи со времени провозглашенія Республики!»

Народъ сражался геройски.

Народъ торжествовалъ гуманно.

Народъ подавилъ анархію въ самомъ началѣ.

Народъ тотчасъ же по окончаніи сраженія разбилъ орудіе своего справедливаго гнѣва. Онъ сжегъ эшафотъ. Онъ провозгласилъ отмѣну смертной казни противъ своихъ враговъ...

Онъ призналъ свободу личности, не ссылая никого.

Онъ призналъ свободу религіозной совѣсти, онъ хочетъ, чтобы религія была свободна, но безъ неравенства и привилегій.

Онъ не нарушилъ собственности.

Онъ довелъ честность до того высокаго безкорыстія, которое служить предметомъ удивленія и сердечнаго волненія въ исторіи.

Онъ выбралъ, чтобы поставить ихъ во главѣ себя, всюду имена самыхъ честныхъ и самыхъ твердыхъ людей, которые были у него подъ рукой. Онъ ни разу не выразилъ ненависти или зависти къ богатству.

Ни одного крика мщенія противъ отдѣльных лицъ.

Имя народа онъ сдѣлалъ именемъ мужества, милосердія и добродѣтели.

Мы должны сдѣлать вамъ лишь одно наставленіе: Подражайте народу! Думайте, чувствуйте, вотируйте, дѣйствуйте такъ, какъ онъ!

Что касается временнаго правительства, то оно не будетъ подражать правительствамъ, узурпирующимъ власть народа, подкупающимъ безнравственной цѣной избирателей и совѣсть страны.

Не стоило смѣнять эти правительства, если новое будетъ походить на нихъ! Къ чему создавать Республику и обожать ее, если Республика съ перваго дня должна войти въ колею отмѣненной монархіи? Временное правительство считаетъ своимъ долгомъ проливать на избирательныя операціи тотъ свѣтъ, который озаряетъ совѣсть людей, не производя на нее давленія. Оно ограничивается тѣмъ, что нейтрализуетъ враждебное вліяніе старой администраціи, которая развратила и извратила избирательство.

Временное правительство хочетъ, чтобы царилъ общественная совѣсть! Оно не заботится о старыхъ партіяхъ: эти партіи составились въ три дня на сто лѣтъ. Республика убѣдитъ ихъ, если она

будетъ увѣренной и справедливой къ нимъ. Необходимость есть верховная властительница. Знайте, что Республика есть необходимое правительство. Разсудокъ на нашей сторонѣ. Нельзя вернуться назадъ къ невозможнымъ монархіямъ; нельзя пойти навстрѣчу къ невѣдомой анархіи; мы будемъ республиканцами по разсудку. Дайте только безопасность, свободу, уваженіе всѣмъ. Упрочьте за другими ту независимость голосованія, которую вы желаете для себя. Не смотрите, какое имя пишутъ на своихъ бюллетеняхъ тѣ, кого вы считаете своими врагами, и будьте увѣрены напередъ, что они напишутъ то имя, которое можетъ спасти ихъ, т. е. имя способнаго и честнаго республиканца.

Безопасность, свобода, уваженіе къ совѣсти всѣхъ гражданъ избирателей—вотъ цѣль республиканскаго правительства, вотъ его обязанность, а также и вапа, вотъ спасеніе народа! Имѣйте довѣріе къ здоровому смыслу страны, она будетъ имѣть довѣріе къ вамъ. Дайте ей свободу, и она дастъ вамъ на выборахъ республику.

Граждане, Франція совершаетъ въ данную минуту, среди нѣкоторыхъ финансовыхъ затрудненій, оставленныхъ ей монархіей, но при дарованныхъ свыше судьбою хорошихъ предзнаменованійхъ величайшее дѣло новѣйшихъ временъ: основаніе правительства всего народа, организацію демократіи, установленіе республики всѣхъ правъ, всѣхъ интересовъ, всѣхъ способностей и всѣхъ добродѣтелей!

Обстоятельства сложились благопріятно. Сохраненіе мира возможно. Новая идея можетъ занять свое мѣсто въ Европѣ безъ иного переворота, какъ только устраненіе предразсудка, который существовалъ противъ нея. Въ душѣ народа нѣтъ гнѣва. Если бѣжавшая монархія не унесла съ собой всѣхъ враговъ республики, то она оставила ихъ безсильными; и хотя они и облечены всѣми правами, которыя Республика гарантируетъ меньшинству, ихъ интересъ и ихъ осторожность служатъ гарантіей того, что они сами не захотятъ смущать мирное основаніе народной конституціи.

Въ теченіе трехъ дней это великое дѣло, считавшееся отодвинутымъ на долгія времена, совершилось безъ пролитія единой капли крови во всей Франціи, а въ департаментахъ и на границахъ не раздалось ни одного крика, кромѣ крика удивленія. Не будемъ терять этотъ единственный въ исторіи случай; не будемъ отрекаться отъ величайшей силы новой идеи, отъ спокойствія, которое она даетъ гражданамъ, отъ удивленія, которое она внушаетъ міру.

Еще нѣсколько дней великодушія, самоотверженности, терпѣнія, и Національное Собраніе получитъ изъ нашихъ рукъ нарождающуюся Республику. Съ этого дня все будетъ спасено! Когда нація, руками своихъ представителей, овладѣетъ республикой, Республика

будетъ великой и сильной, какъ нація, святой, какъ идея народа, бессмертной, какъ отечество.

Члены временнаго правительства, *Дюпонъ-де-Леръ, Ламартинъ, Маррасть, Гарнье-Пажесъ, Альберъ, Мари, Ледрю-Роллэнъ, Флоконъ, Кремье, Луи-Бланъ, Араго.*

Главный секретарь временнаго правительства

Паньеръ.

VIII.

Клятва Абдель-Кадера.

Хвала Богу! Ничто не прочно, кромѣ его царствія.

Твердымъ опорамъ Республики.

Послѣ выраженія чувства моего преклоненія передъ вашими личностями, сообщаю вамъ, что я видѣлъ гражданина Оливье, и что я съ нимъ имѣлъ долгій разговоръ, который онъ передастъ вамъ.

Я даю вамъ святое слово, послѣ котораго не должно оставаться никакого сомнѣнія въ вашемъ умѣ; а именно:

Что я никогда не буду болѣе подымать смуту противъ французовъ, ни своей личностью, ни своими словами, ни своимъ писаніемъ, ни черезъ посредство кого-либо изъ моихъ близкихъ—въ продолженіе всей моей жизни.

Я даю клятву передъ Богомъ, клянусь Магометомъ, Авраамомъ, Моисеемъ и Иисусомъ Христомъ, Туратомъ, Евангелиемъ, Забуромъ и Кораномъ, Меккой и Мединой, Святой Землей (Коддсъ); клянусь Бохаріемъ и Исламомъ, и всѣмъ, что есть у насъ самого дорогого, клянусь сердцемъ и языкомъ—я отказываюсь отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла Франціи.

Всѣ товарищи мои приносятъ ту же клятву, всѣ, которые подписываются здѣсь, а также тѣ, которые не подписываются, не умѣя писать, всѣ въ числѣ ста человѣкъ. Привѣтъ.

Подписано: Абдель-Кадеръ бенъ Меххединъ.

Число 10 Ребія Сани 1264 (15 марта 1848 г.).

Слѣдуютъ подписи.

Абдель-Кадеръ къ временному правительству. Хвала единому Богу; ничто не прочно, кромѣ его царствія.

Твердымъ опорамъ Республики, управляющимъ всей Франціей и которыя для нея то же, что глаза и руки для тѣла. Посредствомъ ихъ тѣло приводится въ движеніе, черезъ нихъ оно получаетъ то, что ему нужно, и защищено отъ того, что ему вредить.

Привѣтъ всѣмъ, кого Богъ сдѣлалъ почтенными и захотѣлъ, чтобы ихъ дѣянія дышали благомъ и счастьемъ для всѣхъ, и

одарилъ ихъ способностью быть полезными сильными и слабымъ. Они препятствуютъ сильнымъ совершать несправедливые опустки и давить своимъ могуществомъ на слабыхъ; это есть благо, которое всецѣло служить на пользу сильнымъ и которое они могутъ оцѣнить только въ вѣчной жизни и передъ Богомъ. Они защищаютъ слабыхъ, которые на этомъ свѣтѣ не имѣютъ опоры, и охраняютъ ихъ отъ несправедливости великихъ.

Гражданинъ Оливье, вашъ делегатъ, посѣтилъ меня вчера и сообщилъ мнѣ, что французы всѣ соединились для одной и той же цѣли, и что они уничтожили монархію, чтобы Франція была управляема Республикой.

Я былъ обрадованъ этимъ извѣстіемъ, потому что читалъ въ книгахъ, что такой порядокъ вещей хорошъ для народовъ, ибо онъ устраняетъ несправедливость и не допускаетъ сильнаго притѣснять слабого, и, слѣдовательно, всѣ дѣлаются братьями, и, такимъ образомъ, ни одинъ братъ не можетъ возвыситься надъ братомъ.

Древніе судьи говорили: «Кто хочетъ возвеличиться, тотъ будетъ униженъ».

Вы сдѣлали въ этомъ мірѣ то, что будетъ въ вѣчной жизни для всѣхъ смертныхъ передъ Всемогущимъ. Всѣ люди сыновья Адама, а Адамъ созданъ изъ земли. Нація, которая согласна внутри и интересы которой подчинены разсмотрѣнію и мнѣнію всѣхъ, есть, безъ всякаго сомнѣнія, самая сильная, потому что, поступая по совѣту, данному всѣми, рѣдко можно ошибиться, тогда какъ совѣтъ одного часто вовлекаетъ въ заблужденіе.

Древніе мудрецы сказали: «Тотъ, кто слушается только своего мнѣнія, скользитъ и падаетъ».

Богъ, въ великой книгѣ Корана, возлюбилъ людей, воодушевленныхъ подобными чувствами; онъ сказалъ: „Ихъ дѣйствія должны быть всегда сообразны съ мнѣніями, взятыми въ массѣ».

Вы люди съ великимъ сердцемъ, сострадательные; вы любите добро и судите только по закону. Богъ поставилъ васъ на мѣсто, на которомъ вы находитесь, чтобы быть покровителями несчастныхъ и огорченныхъ: я одинъ изъ нихъ, я несчастенъ, и я прошу у васъ и у вашей справедливости устранить печаль, которая давитъ меня.

Если я раньше не добился справедливости, то я долженъ получить ее теперь, такъ какъ вы создали такой порядокъ вещей, который не допускаетъ ни несправедливости, ни притѣсненія.

Я не сдѣлалъ ничего, что было бы достойнымъ порицанія со стороны людей мудрыхъ, какъ вы.

Я защищалъ свою страну всѣми средствами; я убѣжденъ по-

этому, что вы меня уважаете. Когда я былъ побѣжденъ, и Богъ не далъ мнѣ преимущества, я успокоилъ свою душу, отказываясь отъ всего мірскаго, и хотя мнѣ возможно было отправиться въ страну Бераберовъ (Марокко) или въ Сахару, я предпочелъ отдать свою душу въ руки французовъ. Я желалъ, чтобы французы послали меня въ страну, которую я выберу; въ умѣ своемъ изъ всѣхъ мусульманскихъ и христіанскихъ націй я далъ предпочтеніе французской націи, въ виду ненарушимости данного слова.

Я просилъ генерала Ламорисьера перевезти меня въ Александрію, чтобы оттуда отправиться въ Мекку и Медину; я просилъ его не провозить меня черезъ Оранъ или Алжиръ, ни черезъ Тулонъ или какой-либо другой французскій портъ; я просилъ его отправить меня изъ Джема-Газауата прямо въ Александрію и, для исполненія этихъ просьбъ, требовалъ только *французскаго честнаго слова*. Онъ сдѣлалъ это, написавъ мнѣ бумагу на арабскомъ языкѣ и подписавшись по-французски съ приложеніемъ печати на томъ же языкѣ.

Когда я получилъ эту бумагу, я, будучи увѣренъ, что французское слово ненаруσιμο, сдался Ламорисьеру. Если бы опъ сказалъ мнѣ: я не могу обѣщать вамъ то, чего вы требуете, я бы не сдался.

Я былъ убѣжденъ, что французское слово крѣпко, даже если оно дано будетъ простымъ солдатомъ, и что его не возможно нарушить.

Теперь дѣло сложилось для меня иначе, и это убѣжденіе исчезло. Я васъ прошу и умоляю оказать мнѣ справедливость, дѣлая болѣе обширнымъ то, что слишкомъ тѣсно для меня, и превращая мою печаль въ радость и счастье.

Вы совершили великое дѣло, радующее всѣхъ. Если вы радуете всѣхъ, а меня оставляете въ печали, я спрошу у васъ въ томъ отчета передъ Всемогущимъ!

Вы—улемы (ученые) и знаете все, что намъ подобаетъ.

Мы не можемъ жить въ такой странѣ, гдѣ и одежда, и языкъ, и пища, и все вообще совершенно различны отъ нашихъ.

Я всегда говорилъ себѣ, что если даже французы возьмутъ меня силой, то отъ нихъ я получу одно добро, потому что это люди, у которыхъ есть сердце и честь, и потому что они умѣютъ отдавать должное побѣдителю такъ же, какъ и побѣжденному.

Я не былъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ; я пришелъ къ французамъ добровольно и потому что я такъ хотѣлъ: если бы я думалъ, что я встрѣчу у нихъ то, что мнѣ будетъ непріятно, я не пошелъ бы къ нимъ.

Я боюсь, чтобы нѣкоторые изъ васъ не могли сказать, что,

вернувшись къ мірскимъ заботамъ и возвратясь въ Алжирію, я подниму тамъ новыя смуты; это вещь невозможная и никогда не можетъ случиться: не имѣйте никакого сомнѣнія относительно меня по этому поводу, такъ же какъ вы не имѣли бы его при подобныхъ обстоятельствахъ относительно мертвого чловѣка, ибо я ставлю себя въ число мертвыхъ: единственное желаніе мое—это отправиться въ Мекку и въ Медину, чтобы изучать Бога и поклоняться ему до послѣдняго моего дня.

Привѣтъ.

Отъ Абдель-Кадера, несчастливца въ странѣ французовъ.

9-го Ребіа Сани 1264 (15 марта 1848).

IX.

Письмо генерала Кавеньяка.

Алжиръ, 27 марта 1848.

Господинъ президентъ,

Я вижу, что въ *Moniteur officiel de République* напечатано мое назначеніе на постъ военнаго министра. Очень сожалею о томъ, что временное правительство не соблаговолило принять мое весьма положительное сообщеніе. Очень сожалею, что, не спросивъ моего согласія, правительство ставить меня въ необходимость отказаться отъ чести, которой я не искалъ, которой я бы пошелъ навстрѣчу, если бы считалъ это нужнымъ.

Я не принимаю военнаго министерства.

Мнѣ остается объяснить причину этого отказа.

Во время самой революціи, когда обязанность каждого дать новому правительству залогъ своей полнѣйшей преданности, имя добраго гражданина принадлежитъ націи, она располагаетъ имъ по своей волѣ. Итакъ, если бы 24 февраля вечеромъ мое имя стояло въ числѣ министровъ, я принялъ бы это назначеніе такъ же, какъ принялъ и то, которое привело меня сюда.

Теперь Республика не нуждается въ подобной жертвѣ, и теперь полезно, необходимо, чтобы тотъ, кто принимаетъ, напримѣръ, военное министерство, зналъ бы волю правительства и его взгляды. Однимъ словомъ, тѣ, которые призваны составить впредь министерство Республики, должны спросить самихъ себя и остаться убѣжденными въ томъ, что они желаютъ служить Республикѣ въ такомъ же духѣ. При данныхъ обстоятельствахъ, если бы я долженъ былъ войти въ кабинетъ, я долженъ бы былъ прежде всего узнать, какова должна быть будущность арміи, которой мнѣ будетъ поручено командовать.

Какъ солдатъ, я всегда буду готовъ пролить мою кровь за

Республику, какимъ бы образомъ и въ какое бы время она этого ни потребовала.

Какъ политикъ, если бы я былъ осужденъ сдѣлаться имъ, я не пожертвовалъ бы своими убѣжденіями солдата, уже достигшаго извѣстнаго чина: Республика нуждается въ своей арміи. Вдали отъ родины, я не знаю теперь, какова армія, и гдѣ она. Но я знаю то, что она, къ несчастію, была глубоко поражена въ условіяхъ своего существованія, и ее слѣдовало бы преобразовать. Если она озабочена, ее слѣдуетъ успокоить; если она опустила голову, ее надо поднять. Вотъ мои убѣжденія!

Какъ политикъ, я знаю, съ какими людьми я желалъ бы идти заодно; но и они, если они захотятъ нанести вредъ арміи, если они не захотятъ вернуть ей то, что одно только даетъ ей жизнь, т. е. чувство собственного достоинства, сознание той роли, которую она играетъ во всякой странѣ, окруженной вооруженными націями, — и эти люди, я заявляю это, не увидятъ меня въ своихъ рядахъ.

Поэтому, чтобы быть министромъ, я долженъ знать мысль, волю Республики; я долженъ быть увѣренъ, что мнѣ не придется калѣчить армію, которую я знаю уже около тридцати лѣтъ, тою самой рукой, которая держала съ нею одну шпагу.

Все легко сказать, когда нечего скрывать. Поэтому я не испытываю никакого затрудненія высказываться ясно. Итакъ, я не могу быть министромъ, пока мысль націи не будетъ выражена.

Къ тому же я пріѣхалъ бы въ Парижъ въ ту минуту, когда Національное Собраніе будетъ открываться. Зачѣмъ? Чтобы отказаться отъ власти, которую я не успѣю взять. Поэтому, повторяю, я не долженъ принимать этого назначенія.

Х.

Петиція рабочихъ.

Граждане, реакція поднимаетъ голову. Клевета, это любимое орудіе людей безъ принциповъ и безъ чести, во всѣ стороны изливаетъ свой заразительный ядъ на истинныхъ друзей народа. Мы, люди революціи, люди дѣла и самоотверженія, должны объявить временному правительству, что народъ хочетъ демократической Республики; что народъ хочетъ отмены эксплуатанціи человека человекомъ; что народъ хочетъ организаціи труда путемъ ассоціаціи.

Да здравствуетъ Республика! Да здравствуетъ временное правительство!

XI.

Списокъ кандидатовъ народа.

Ледрю-Роллэнъ.
Луи-Бланъ.
Альберъ.
Флоконъ.
Пьеръ Леру.
Видалъ, секретарь комиссiи рабочихъ.
Коссидьеръ.
Распайиъ.
Луи Депланкъ, президентъ клуба клубовъ.
Наполеонъ Лебонъ, бывшiй политическiй заключенный.
Этьенъ Араго.
Торзъ, журналистъ.
Варбэсъ.
Собрiе, изъ революцiоннаго комитета.
Савари, сапожникъ.
Монтанъ, кузнецъ.
Валерию, продольный пильщикъ.

Древо, механикъ.
Аданъ, башмачникъ.
Малармэ, бронзовщикъ.
Готье, рисовальщикъ.
Шевассю, басонщикъ.
Флоттъ, поваръ.
Дюпюи, слесарь.
Бераръ (Филиппъ), портной.
Картини, ткачъ.
Реду, шляпочникъ.
Гийльому, сапожникъ.
Шарль, товарищъ союза соединенныхъ правъ.
Лагардъ, часовщикъ.
Агриколь Пердигье, столяръ.
Юберъ, кожевникъ, бывшiй политическiй заключенный.
Мартэнъ Бернаръ, типографъ, бывшiй политическiй заключенный.
Гримо, кожевникъ.

XII.

Списокъ въ нисходящемъ порядкѣ числа голосовъ, полученныхъ кандидатами въ Национальное Собранiе, избранными въ Сенскомъ департаментѣ.

1. Ламартинъ	259,800
2. Дюпонъ-де-Лёръ	245,083
3. Араго (Франсуа)	243,643
4. Гарнье-Пажесъ	240,890
5. Арманъ Маррастъ	229,166
6. Мари	225,776
7. Кремье	210,699
8. Беранже	204,471
9. Карно	195,668
10. Бетмонъ	189,252
11. Дювивье	182,175
12. Ластери (Фердинандъ).	165,156
13. Вавэнъ	151,103
14. Кавеньякъ	144,187
15. Бержэ	136,660
16. Панбёръ	135,117
17. Бюше	135,678

18. Корменэнъ	135,050
19. Корбонъ	135,043
20. Коссидьеръ	133,775
21. Альберъ	133,041
22. Волоскiй	132,333
23. Пёпанъ	131,969
24. Ледрю-Роллэнъ	131,587
25. Шмидтъ	124,383
26. Флоконъ	121,865
27. Луи-Бланъ	120,140
28. Рекюръ	118,075
29. Пердигье (Агриколь)	117,290
30. Бастидъ (Жюль)	110,228
31. Кокрель	109,934
32. Гарновъ	106,747
33. Гияраръ	106,262
34. Ламеннэ	104,871

Моріо (деп. Сены)	99,936
Буассель (тоже)	93,642
Давидъ (Анжеръ)	79,923
Веллю, плотникъ	76,777
Гудшо, банкиръ	68,004
Паскаль, типографъ	65,742
Дегузэ, гражданскій книже- веръ	65,352
Дегерри, священникъ при- хода Сентъ-Эстамъ	64,495
Барбэсъ	64,065
Лакордэръ, доминиканецъ	62,333
Савари, сапожникъ	61,487
Куртэ	61,401
Жувавсель (деп. Сены)	60,728
Гюго (Викторъ)	59,446
Шангарнье, генераль	58,654
Трела, врачъ	57,783
Мартанъ Бернаръ	53,216
Распайль	52,095
Араго (Этьенъ)	52,016
Сэ (Орасъ)	48,935
Леру (Пьеръ)	47,284
Делетръ	47,144
Данги, типографъ	46,924
Альтонъ-Сэ (д')	45,454
Малармэ, бронзовщикъ	42,409
Аданъ, башмачникъ	41,555
Шампъонъ	40,829
Древэ, механикъ	39,714
Дюрюи, слесарь	39,644
Монтанъ	39,529
Юберъ, кожевникъ	38,177
Пети, генераль	39,194
Лаво, торговецъ въ квар- талъ Виллеттъ	36,909
Бераръ, портной	36,400
Редонъ, шляпочникъ	36,344
Ней де-ла-Москова	35,690
Сю (Эженъ)	35,582
Валеріо, пильщикъ	33,550
Шарль, каменотесъ	33,035
Готье-Дэма, рисовальщикъ	32,194
Ледрейль, аббатъ	31,797
Флоттъ, поваръ	31,517
Картинья, ткачъ	31,329

Гийльому, сапожникъ	30,213
Лебонъ (Наполеонъ), сту- дентъ медикъ	28,994
Одри де-Пюираво	28,833
Консидеранъ (Викторъ)	28,673
Шевассю, басонщикъ	28,566
Лагардъ, часовщикъ	28,176
Тома (Эмиль)	28,166
Дюпети-Туаръ	26,880
Ваяръ, типографщикъ въ Сэнтъ-Дени	26,822
Ла-Рошжакленъ	25,684
Лагранжъ, изъ Ліона	25,570
Леруа, ювелиръ	25,295
Видалъ, экономистъ	24,868
Жиранденъ (Эмиль де-)	24,340
Гриво, маляръ	23,462
Торэ, писатель	23,024
Ламорисьеръ	21,045
Кабэ	20,616
Собріе	20,403
Депланкъ	19,817
Дельма	17,456
Тайэ (Амедэ), домовладъ- лецъ	17,318
Мишля, профессоръ	16,523
Дюранъ Сэнтъ-Аманъ	15,906
Вейль, писатель	14,739
Тома (Шарль)	14,692
Шамбелланъ, адвокатъ	13,018
Мартелэ, помощникъ мэра	12,661
Галеви, музыкантъ	12,636
Тьерри, врачъ	12,298
Лонеттъ, столяръ	11,777
Меланъ	11,636
Фавръ (Жюль), секретарь министра внутреннихъ дѣлъ	11,396
Ресту	10,727
Пуизэ	10,716
Гайльярденъ	10,294
Делэръ, столяръ	9,273
Тома (Клеманъ)	7,076
Рейно (изъ Со)	6,225
Риглэ, помощникъ мэра	5,486

ХІІІ.

Перепись рабочихъ національныхъ мастерскихъ по профессіямъ, отъ
19-го мая.

XIV.

Списокъ главнѣйшихъ политическихъ арестовъ, произведенныхъ съ 15-го мая по 22 июня 1848 г.

Имена обвиняемыхъ.	Профессія.	Причина ареста.
Бланки	литераторъ.	Арестованы за заговоръ 15-го мая
Касто	фехтмейстеръ.	
Брюэръ	служащ. въ мэріи 12 округа.	
Собріэ	домовладѣлецъ.	
Барбэсъ	представитель народа.	
Альберъ	представитель народа.	
Распайль	химикъ.	
Кантанъ	домовладѣлецъ.	
Дезаваньеръ	врачъ.	
Лапрадъ	литераторъ.	
Де-Куртэ	генеральи представитель.	
Вокэ	помощн. мэра 12 округа.	
Лонжпье	преподав. словесности.	
Дансъ	отставной офицеръ.	
Сессэ	подполковн. гл. штаба.	
Бодзнь де-Нантюа	врачъ.	
Леру	литераторъ.	
Де-Флоттъ	лейтенантъ флота.	
Рей	комендантъ Ратуши.	
Шертъе	домовладелецъ.	
Полипо	военный.	
Лансень	инженеръ.	
Пеллотье	литераторъ.	
Ибрюи	негоціантъ.	
Леконтъ	домовладѣлецъ.	
Сессэ	полковникъ.	
Де-ла-Мадленъ	литераторъ.	
Селль	адвокатъ.	
Дегрэ	артистъ, президентъ клуба.	

Всего 29 чел.

Съ этими же обвиняемыми по тому же дѣлу
было арестовано около 100 »

Всего по заговору 15-го мая 130 чел.

XV.

Проектъ прокламаціи, представленный Консидераномъ.

Національное Собрание къ парижскимъ рабочимъ.

Братья рабочіе!

Страшное столкновеніе обогрило кровью улицы столицы. Многие изъ васъ принудили правительство обратить противъ васъ французское оружіе, чтобы спасти Республику.

Республиканцы, братья пролили кровь своихъ братьевъ!

Во имя отечества, во имя Революціи, которая должна васъ окончательно освободить, во имя человечества, священные права котораго мы хотимъ упрочить и организовать, бросьте, бросьте это братоубійственное оружіе.

Неужели для того мы завоевали себѣ Республику, чтобы разрывать другъ друга, для того провозгласили демократическій законъ Христа, святое братство?

Братья, послушайте насъ, внимлите голосу представителей всей Франціи: вы стали жертвой роковаго недоразумѣнія!

Почему вы возстали? Развѣ страданія, которыя оставили за собой 18 мѣсяцевъ промышленнаго кризиса и 17 лѣтъ испорченности монархическаго режима, не коснулись всѣхъ классовъ?

Послушайте насъ: съ одной стороны промышленники обвиняютъ рабочихъ и національныя мастерскія въ плохомъ состояніи дѣлъ; съ другой стороны рабочіе обвиняютъ промышленниковъ въ своемъ несчастномъ положеніи.

Не есть ли это взаимное обвиненіе пагубное заблужденіе? Зачѣмъ обвинять людей и классы? Зачѣмъ обвинять другъ друга въ страданіяхъ, происшедшихъ отъ роковаго стеченія обстоятельствъ; въ страданіяхъ, унаслѣдованныхъ нами отъ проплага, которое всѣ мы желаемъ преобразовать?

Развѣ мы обогатимъ себя тѣмъ, что будемъ убивать другъ друга? Развѣ, истребляя другъ друга, мы создадимъ эру братства? Съ какихъ поръ ненависть и гражданская война сдѣлались плодотворными и производительными? Гдѣ найти работу, если мятежъ непрерывно волнуетъ Парижъ? Откуда возьмется хлѣбъ для всѣхъ, если всѣ отрасли промышленности остановлены кровавымъ терроромъ улицы!

Братья рабочіе, мы повторяемъ вамъ: вы жертвы роковаго недоразумѣнія.

Рабочіе, васъ обманываютъ, вамъ внушаютъ противъ насъ сомнѣніе, недовѣріе и злобу! Вамъ говорятъ, что въ нашемъ сердцѣ.

жить святой любви къ народу; что мы хотимъ задушить законное развитіе соціальнаго принципа февральской революціи: васъ обманываютъ, братья, васъ обманываютъ!

Знайте это, запомните это: въ своей душѣ и въ своей совѣсти, передъ Богомъ и передъ человѣчествомъ, Національное Собраніе объявляетъ вамъ, что оно хочетъ работать безъ устали надъ окончательнымъ устройствомъ соціальнаго братства.

Національное Собраніе хочетъ утвердить и развить всѣми возможными и практическими средствами законное право народа, право всякаго родящагося на свѣтъ человѣка—*жить, работая*.

Національное Собраніе хочетъ путемъ субсидій и поощреній всякаго рода утвердить и развить великій принципъ ассоціаціи, цѣль котораго есть свободное соединеніе всѣхъ интересовъ, всѣхъ правъ.

Національное Собраніе, такъ же какъ и вы, хочетъ всего, что можетъ улучшить судьбу народа, изъ котораго оно вышло, возвысить достоинство трудящагося, сблизить въ братскомъ чувствѣ всѣ члены великаго тѣла націи.

Братья! братья! Дайте вашимъ представителямъ время изучить проблемы, покорить препятствія, возстановить демократическимъ путемъ цѣлый политическій и соціальный строй, опрокинутый въ три дня геройской побѣдой, и перестаньте, о! перестаньте кровавыми столкновеніями раздирать свое отечество!

Національное Собраніе къ Національной гвардіи.

Члены національной гвардіи!

Вы дали вчера и не перестаете давать блестящія доказательства вашей преданности отечеству.

Если на минуту можно было еще спрашивать себя, какова причина мятежа, обогряющаго кровью наши улицы, мятежа, который въ теченіе недѣли столько разъ мѣнялъ поводъ и знамя, то никакого сомнѣнія не можетъ существовать теперь, когда пожары опустошаютъ столицу, когда формулы коммунизма и возбужденія къ грабежу смѣло провозглашаются съ баррикадъ.

Безъ сомнѣнія, голодъ, нищета, безработица помогли мятежу.

Но между возставшими есть много несчастныхъ, которые вносятся въ заблужденіе, если преступленіе тѣхъ, которые ихъ увлекаютъ, и цѣль, которую они себѣ поставили, теперь вполне обнаружены.

Они требуютъ не республики. Она провозглашена.

Не требуютъ и всеобщаго голосованія. Оно дано въ полной мѣрѣ.

Чего же они хотятъ? Теперь мы это знаемъ: они хотятъ анархія, пожаровъ, грабежей.

Національные гвардейцы! Соединимся все для защиты и спасения нашей великолюбной столицы.

Національное Собрание объявило непрерывность заседаний. Оно сосредоточило в руках храброго генерала Кавеньяка все полномочия, необходимые для защиты Республики.

Многие представители облачаются своими знаками отличия и примѣшиваются к вашим рядамъ, чтобы сражаться рука объ руку съ вами.

Собрание не остановилось и не остановится ни передъ какимъ усиленіемъ, чтобы выполнить великую миссію, которая ему была поручена. Оно исполнитъ свой долгъ такъ же, какъ вы исполните свой.

Національные гвардейцы! Положитесь на Собрание такъ же, какъ оно полагается на васъ.

Да здравствуетъ Республика!

Президентъ Національнаго Собрания *Сенаръ*.

24-го іюня 1848 г.

XVI.

Прокламація генерала Кавеньяка 24 іюня.

Къ инсургентамъ.

Граждане!

Вы думаете, что сражаетесь въ интересахъ рабочихъ: вы боретесь противъ нихъ; на васъ однихъ надеть вся эта пролитая кровь. Если бы подобная борьба продолжилась, можно было бы отчаяться въ Республикѣ, рѣшительное торжество которой вы желаете утвердить.

Во имя окровавленной родины,

Во имя Республики, которую вы губите,

Во имя труда, котораго вы требуете и въ которомъ вамъ никогда не отказывали, обманите надежды нашихъ общихъ враговъ, сложите ваше братоубійственное оружіе и повѣрьте, что то самое правительство, которое знаетъ, что среди васъ есть преступные агитаторы, знаетъ также, что между вами находятся и заблудшіе братья, которыхъ оно призываетъ вернуться въ объятія отечества.

Генералъ Кавеньякъ.

Къ національной гвардіи.

Граждане!

Ваша кровь пролита не напрасно. Удвойте ваши усилия, откликнитесь на мой призывъ, и порядокъ, благодаря вамъ, благодаря помощи нашихъ братьевъ въ арміи, будетъ восстановленъ.

Ваше геройское поведеніе упрочить не только настоящее, но и будущее Франціи и Республики.

Ничто не основывается, ничто не утверждается безъ страданій и безъ жертвъ. Какъ солдаты добровольцы умной націи, вы должны были понять это.

Имѣйте довѣріе къ командирующему вами, положитесь на него, какъ онъ полагается на васъ.

Сила, соединенная съ разумомъ, мудростью, здравымъ смысломъ, любовью къ отечеству, восторжествуетъ надъ врагами Республики и соціальнаго порядка.

И вы. и мы всѣ, желаемъ одного: правительства твердаго, мудраго, честнаго, охраняющаго всѣ права, гарантирующаго всѣ свободы, достаточно сильнаго, чтобы отстранить личныя честолюбивыя притязанія, достаточно спокойнаго, чтобы уничтожить всѣ интриги враговъ Франціи.

Это правительство вы получите, такъ какъ съ вами, съ вашимъ полнымъ, лояльнымъ, сочувственнымъ содѣйствіемъ, правительство можетъ сдѣлать все.

Генераль Кавеньякъ.

XVII.

Къ оружію!

Мы хотимъ *демократическую и социальную* республику!

Мы хотимъ верховной власти народа!

Всѣ граждане республики не должны и не могутъ желать ничего другого.

Чтобы защитить эту республику, необходимо содѣйствіе всѣхъ. Многочисленные демократы, которые поняли эту необходимость, уже два дня какъ вышли на улицу.

Это святое дѣло насчитываетъ уже много жертвъ; мы всѣ рѣшились отомстить за этихъ благородныхъ мучениковъ или умереть.

Вставайте, граждане! Пусть ни одинъ изъ васъ не уклоняется отъ этого призыва.

Защищая республику, мы защищаемъ *собственность*.

Если слѣпое упорство оставить васъ равнодушными ко всей этой пролитой крови, мы всѣ умремъ подъ пылающими развалинами предмѣстья Сентъ-Антуанъ!

Подумайте о вашихъ женахъ, о вашихъ дѣтяхъ, и вы придете къ намъ!

XVIII.

Показаніе главнаго хірурга національной гвардіи, де-Гиза.

(11 іюля 1848).

«Я видѣлъ множество раненыхъ, раны которыхъ были очень опасны. Всѣ пули, которыя я извлекъ изъ ранъ, не представляютъ собой ничего ненормальнаго, нѣкоторыя измѣнили форму, другія просверлены и внутрь введены бѣловатя вещества. Я не видѣлъ пуль, имѣющихъ особенный или какъ бы жеванный видъ».

Де-Гизъ беретъ съ собою нѣсколько пуль и патроновъ, чтобы разсмотрѣть особенныя формы, какія онѣ могутъ имѣть, и опредѣлить вещества, какими онѣ могли быть пропитаны.

Де-Гизъ продолжаетъ:

«Я получилъ отъ генерала Шангарнье порученіе, отвѣчающее цѣли вашихъ вопросовъ, относительно состоянія или формы пуль, извлеченныхъ изъ ранъ различными моими коллегами въ госпиталяхъ. Я еще не могъ исполнить это порученіе, о которомъ я дамъ вамъ отчетъ, какъ только эта миссія будетъ окончена.

«Я приписываю опасность ранъ, о которыхъ я вамъ говорилъ, близости выстрѣловъ. Такъ, напримѣръ, въ амбулаторіи Тюильрійскаго дворца есть инсургентъ, у него нога проткнута ударомъ штыка, за которымъ немедленно послѣдовалъ выстрѣлъ.

«Я удостовѣрился, что инсургенты заряжали ружья всевозможными предметами, какъ, напримѣръ, шариками, иголками, шипчиками, которые летятъ не такъ далеко.

«Я осматривалъ подвалъ, гдѣ помѣщаются инсургенты въ Тюильрійскомъ дворцѣ, и призналъ опасность въ санитарномъ отношеніи этого скопища живыхъ и мертвыхъ, вслѣдствіе приказа, даннаго національной гвардіи стрѣлять въ тѣхъ, которые будутъ пытаться расшатывать рѣшетки оконъ. Я сдѣлалъ по этому поводу донесеніе командующему генералу Понселэ, и онъ въ тотъ же вечеръ приказалъ удалить многихъ изъ нихъ.

«Съ этимъ случаемъ находится, безъ сомнѣнія, въ связи и печальное событіе на площади Каруселя.

«Смертность, вслѣдствіе полученныхъ въ іюнѣ ранъ, превышаетъ обычную пропорцію. Какъ я уже сказалъ, эту серьезность ранъ, причинившихъ смерть, слѣдуетъ приписать близости выстрѣловъ: пули раздробляли члены, пронизывая ихъ.

«Эта смертность замѣчается въ особенности у раненыхъ, которыми не сдѣлали своевременно ампутаціи».

XIX.

Прокламація префекта полиціи къ жителямъ Парижа.

(26 іюля 1848).

Общее число гражданъ, арестованныхъ вслѣдствіе іюньскихъ событій, достигаетъ въ эту минуту 9,179: это высшая цифра, какая была достигнута. Что касается режима, которому подчинены эти граждане, и уходу за ними, достаточно будетъ, для опроверженія всего, что было сказано невѣрнаго на этотъ счетъ, отмѣтить, что на все это большое число заключенныхъ приходится только два смертныхъ случая.

Наконецъ, злонамѣренность въ особенности широко проявлялась въ распускаемыхъ въ публикѣ слухахъ о скорой новой попыткѣ къ возстанію. Всѣ эти слухи не имѣли никакого основанія. Подземелья, о которыхъ такъ много говорили, никогда не существовали. Каменоломни, гдѣ будто бы скрывались легіоны враговъ, и гдѣ находились громадныя склады оружія, были осмотрены съ самой болшей тщательностью. Катакомбы, которыя будто бы были превращены въ минныя подкопы, чтобы взорвать на воздухъ цѣлыя кварталы Парижа, не могутъ быть разрушены порохомъ, — настолько толстъ слой земли, прикрывающей эти подземные ходы. Тайнственные ночные звуки, воображаемые сигналы, пугавшіе прохожихъ, были предметомъ серьезнаго осмотра, бдительнаго наблюденія, и каждый разъ объяснялись какой-нибудь очень простой причиною.

Подписано: *Дюку*.

XX.

Замѣтка относительно главныхъ причинъ іюньскихъ событій и относительно различныхъ элементовъ возстанія.

Послѣ февральской революціи богатые уѣзжали: бѣдные всѣхъ странъ пріѣзжали въ Парижъ.

Одни боялись, другіе были голодны.

Между этими послѣдними, одни пріѣзжали изъ провинціи, другіе изъ Италіи и Германіи.

Тѣ, которые боялись, прятали свои деньги.

Образовались клубы. На богатыхъ тамъ нападали, дѣло ихъ никто не защищалъ или защищалъ плохо. Отсутствующіе всегда не правы.

При такихъ условіяхъ, которыя предупредить или измѣнить было не во власти администраціи, возникала социальная ненависть, нищета, многія причины вооруженной борьбы. Правительство органи-

зовало національныя мастерскія. Можетъ быть, это было неудачное средство.

Національныя мастерскія были постоянными мотивами безпорядковъ: рабочіе приучались тамъ къ лѣности. Работа въ мастерскихъ была фикціей. Она была или незначительной, или совсѣмъ ничтожной. Если бы правительство вмѣсто того, чтобы принять подобную мѣру, поддержало большія промышленныя учрежденія, оно не перемѣстило бы, такимъ образомъ, цѣлыя группы профессій и не создало бы, само того не желая, одной изъ главныхъ причинъ послѣдняго возстанія.

Порядокъ это — трудъ; но трудъ каждаго рабочаго въ своей спеціальности. Въ этого, когда часовщики, кузнецы, ювелиры, плотники и т. д. собираются въ одномъ мѣстѣ, это безпорядокъ, хаосъ; это рѣка, выступающая изъ береговъ и затопляющая поля вмѣсто того, чтобы оплодотворять ихъ.

По моему, вмѣсто того, чтобы создавать національныя мастерскія, слѣдовало дать взаимны большимъ фабрикамъ половину суммы, потерянной въ бесполезныхъ работахъ. Такимъ образомъ, каждый рабочій оставался бы въ своей мастерской; его спеціальность была бы утилизирована, и трудъ произвелъ бы удешевленную стоимость. Богатые успокоились бы и вернулись, а дѣла пошли бы обычнымъ порядкомъ.

Классы, принявшіе участіе въ возстаніи.

1) Многіе безработные, имѣющіе семьи и видящіе, какъ ихъ жены и дѣти голодаютъ.

2) Люди, экзальтированные и честные, но невѣжественные и легко поддающіеся обману. Ихъ увѣрили, что Національное Собраніе хочетъ мало-по-малу вернуться къ системѣ Людовика-Филиппа.

3) Коммунисты, мечтатели-утописты, изъ которыхъ у каждаго своя система и которые не согласны между собой.

4) Легитимисты, которые всегда говорили, что надо пройти черезъ республику, чтобы добраться до Генриха V. Для нихъ республиканское правительство только минутная, но необходимая остановка.

5) Бонапартисты, присоединившіе свои деньги къ деньгамъ легитимистовъ, чтобы поддержать смуту.

6) Сторонники регентства, которые выказали свою крайнюю неохоту, когда пришлось платить подати.

7) Наконецъ, накупъ всѣхъ партій — каторжники и люди безъ всякихъ занятій; наконецъ, враги всякаго общества, люди инстинктивно стремящіеся къ возстаніямъ, воровству, грабежу.

Для этихъ людей, истинно виновныхъ, необходима сильная энергичная репрессія: смертная казнь или ссылка на каторгу.

Для людей заблуждающихся—хлѣбъ и милосердіе.

Начальникъ отдѣленія общественной безопасности.

Панись.

XXI.

Въ ту минуту, когда въ исходѣ борьбы нельзя было сомнѣваться, и когда всюду раздавались крики торжества, полные озлобленія и гнѣва, я вошелъ въ кабинетъ, гдѣ происходили собранія правительства. Кавеньякъ былъ здѣсь со своей матерью. Онъ положилъ голову на ея колѣни и плакалъ.

Я сказалъ Кавеньяку: «Я вижу только одно средство, чтобы сегодняшнія несчастія не повлекли за собой еще большихъ: ты долженъ взять диктатуру. Собраніе готово дать ее тебѣ. Ты увѣренъ въ себѣ. Ты сложишь ее, какъ только она не будетъ болѣе нужна. Большинство Собранія обмануто такъ же, какъ и большая часть инсургентовъ. Оно захочетъ ссылать массами. Все, что только какимъ-либо образомъ имѣло касательство къ возстанію, составитъ непримиримую партію. Это будетъ непрестанная угроза гражданской войны. Реакція начинается. Сегодня она поражаетъ инсургентовъ, завтра она дойдетъ до насъ. Прими диктатуру; удали настоящихъ зачинщиковъ возстанія. Ты скажешь возставшимъ, плѣннымъ или другимъ: вы чуть не погубили Республики, которую вы любите, слушаясь внушеній ея враговъ. Этихъ мы наказываемъ. Вы же вернитесь къ работѣ: правительство позаботится о томъ, чтобы въ ней не было недостатка; и берегитесь впасть въ тѣ же заблужденія; ибо вы видите, что репрессія ужасна». Я прибавилъ: «Самое важное это поразить истинныхъ защитниковъ смуты, обрушиться на нихъ однимъ и заставить народъ почувствовать, что онъ былъ введенъ въ заблужденіе, обманутъ ими».

Кавеньякъ отвѣчалъ: «Ты требуешь государственнаго переворота. Государственный переворотъ! Я его не хочу, я никогда его не сдѣлаю. Франція видѣла слишкомъ много этихъ переворотовъ въ продолженіе шестидесяти лѣтъ. Наша обязанность заставить ее отвыкнуть отъ нихъ, а не навязывать ей еще новой диктатуры! Да развѣ это возможно! Диктатура—когда мы стоимъ ногами въ крови! Вѣдь это значило бы разрѣшить первому встрѣчному убивать людей, чтобы добиться власти! Этой несчастной странѣ не достааетъ главнымъ образомъ уваженія къ законности. Единственная услуга, которую мы можемъ оказать теперь, это внушить такое

уваженіе, сами подавая тому примѣръ. Теперь есть законный владыка: это Собраніе. Если оно захочетъ дать амністію, то поступить хорошо; но не мнѣ подобаетъ выбирать виновныхъ».

Бесѣда продолжалась долго, и я долженъ сознаться, что я утрачивалъ его рѣшиться самымъ настоятельнымъ образомъ, стоя на коленяхъ около дивана, на которомъ онъ сидѣлъ, и держа его руки въ своихъ рукахъ.

«*Дитя мое* (онъ такъ же, какъ и мать его имѣлъ привычку называть меня такъ, хотя я былъ старше его), *дитя мое*,—отвѣчалъ онъ съ улыбкой,—не будемъ стараться копировать дѣятелей Революціи. Если бы они были живы, то даже самые горячіе изъ нихъ поняли бы, что тутъ нужна не *смѣлость*, а нужно уваженіе къ законамъ, и что нельзя основать свободу деспотическими мѣрами».

Сознаюсь, въ ту минуту онъ не убѣдилъ меня; но я принужденъ былъ смолкнуть, преклоняясь передъ этимъ человѣкомъ, обнаруживавшимъ такое величіе души, которое мы считали возможнымъ только у героев Плутарха. Другіе пытались убѣждать его, но и передъ ними, такъ же какъ и передо мной, онъ остался непоколебимъ (Мемуары Бастида въ «Encyclopédie moderne», т. VII, статья «Juin»).

КОНЕЦЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ДОКУМЕНТОВЪ.

СОДЕРЖАНИЕ II-ГО ТОМА.

ГЛАВА XXII.		СТРАН.
	Клубы. — Барбэсъ. — Распайль. — Кабэ. — Газеты. — Прудонъ. — Ламеннэ. — Общій видъ Парижа. — Женщины.	3— 31
ГЛАВА XXIII.	Совѣщанія въ Люксембургскомъ дворцѣ. — Луи-Вланъ. — 16-е и 17-е марта	31— 61
ГЛАВА XXIV.	Состояніе департаментовъ. — Чрезвычайные комиссары. — Руанъ. — Лилль. — Страсбургъ. — Люонъ. — Навтъ — Марсель. — Тулуза. — Бордо	62— 93.
ГЛАВА XXV.	Революція въ Европѣ. — Петербургъ. — Вѣна. — Миланъ. — Берлинъ. — Экспедиція вольныхъ корпусовъ	94—117
ГЛАВА XXVI.	Послѣдствія 17-го марта. — 16-е апрѣля. — Генераль Шангарнье. — Праздникъ братства	118—143
ГЛАВА XXVII.	Изящныя искусства. — Политическія программы кандидатовъ въ народное представительство. — Открытіе Учредительнаго Собранія. — Благодарность временному правительству	143—176

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА XXVIII.

СТРАН.

Учредительное Собрание. — Министерство труда. Польскія дѣла. — День 15-го мая 176—213

ГЛАВА XXIX.

Продолженіе дня 15 мая. — Слѣдствіе. — Благопріятное Луи-Блану вотированіе. — Собраніе въ Национальномъ Дворцѣ и исполнительная коммиссія. — Праздникъ Согласія. — Фамилія Орлеановъ въ Клермонтѣ. — Декретъ объ изгнаніи. — Выборы 5 іюня 213—229

ГЛАВА XXX.

Принцъ Наполеонъ Бонапартъ. — Его первоначальныя отношенія къ временному правительству. — Его избраніе. — Дебаты о его допущеніи въ палату. — Народныя движенія 229—267

ГЛАВА XXXI.

Правственное состояніе населенія. — Безпокойство въ Парижѣ. — Смуты въ департаментахъ. — Национальныя мастерскія. — Пьеръ Леру. — Де-Фаллу. — Декретъ исполнительной коммиссіи. — Протестъ рабочихъ. — Поручикъ Пюжоль и Мари. — Рѣшено вооруженное сопротивленіе 268—283

ГЛАВА XXXII.

Первыя баррикады. — Военныя распоряженія генерала Кавеньяка. — Позиціи, занятыя инсургентами. — Первыя схватки. — Дѣйствія генерала Ламерисьера. — Гвардія мобилей. — Дѣйствія генерала Бедо. — Засѣданіе Собранія. — Докладъ де-Фаллу о распущеніи національныхъ мастерскихъ. — Видъ Парижа въ концѣ перваго дня. — Засѣданіе 24-го. — Паденіе исполнительной коммиссіи. — Генералъ Кавеньякъ назначается главой исполнительной власти. — Парижъ въ осадномъ положеніи 284—319

ГЛАВА XXXIII.

Прокламація генерала Кавеньяка къ арміи. — Военныя дѣйствія въ теченіе 24-го. — Генералъ Дювивье въ Ра-

тупиѣ.—Генераль Дамэмъ въ Пантеонѣ.—Засѣданіе 25-го.—
Собраніе вотируетъ три милліона для нуждающихся ра-
бочихъ.—Генераль Ламорисьеръ.—Смерть генерала Бреа.—
Сраженія вокругъ Ратуши.—Смерть генерала Негріе.—
Смерть архіепископа Парижскаго.—Четвертый день.—
Бомбардировка и сдача предмѣстья Сэнтъ-Антуанъ.—На-
ціональное Собраніе декретируетъ, что генераль Кавеньякъ
заслужилъ благодарность отечества 319—356

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Реакція.	356—416
Къ читателю	417—418
Историческіе документы.	419—444

